ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
продаются

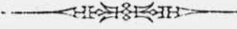
ИЗДАНІЯ Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА
1877—1883 гг.

ИСТОРІЯ
МАТЕРІАЛИЗМА
и
КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

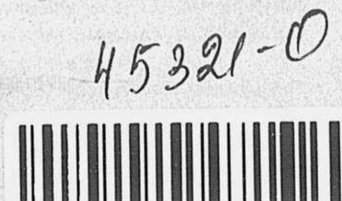
Фр. Альб. ЛАНГЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ
Н. Н. СТРАХОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ
ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА ПОСЛѢ КАНТА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1883.



Типогр. В. Ѳ. Демакова. Новый пер., 7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ II.

ОПЕЧАТКИ ПЕРВАГО ТОМА.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Читай
19	14	*подлѣ*	*послѣ*
41	13	Аристотель	Аристиппъ
113	6	взаимодѣйствія	взаимодѣйствія; но существенное затрудненіе и при этомъ остается.

ОПЕЧАТКИ ВТОРОГО ТОМА.

Стр.	Строка.	Напечатано	Читай.
48	13	Бэтта	Битти

81 Примѣчаніе 48, находящееся на этой страницѣ, относится къ предъидущей 80-й страницѣ, къ словамъ «мелкими и поверхностными» (4—5 строка снизу).

Предисловіе ко второму тому.

Появленіе въ свѣтъ втораго тома и особенно послѣдней половины его очень замедлилось вслѣдствіе усиленія тяжкой болѣзни, благодаря которой у меня осталось мало силы для работы. По той же причинѣ мнѣ невозможно было подвергнуть подробному разсмотрѣнію нѣкоторыя значительныя литературныя явленія послѣдняго времени, весьма близко касавшіяся моего предмета. Мнѣ особенно жаль, что этого нельзя было сдѣлать относительно рѣчи *Тиндалля* о религіи и наукѣ и трехъ трактатовъ о религіи *Стюарта Милля*.

Рѣчью Тиндалля, такъ сказать, оффиціально провозглашенъ новый періодъ для Англіи, которая играетъ такую большую роль въ исторіи матеріализма. Прежній дурной миръ между естественными науками и теологіей, уже потрясенный Гексли и въ послѣднее время Дарвиномъ, теперь нарушенъ, и естествоиспытатели требуютъ для себя права заявлять и проводить вездѣ слѣдствія вытекающія изъ ихъ міровоззрѣнія, не стѣсняясь никакими церковными традиціями. Религіи обезпечивается ея дальнѣйшее существованіе, если она примкнетъ къ философіи *Спенсера*; но послѣ этого уже нельзя будетъ считать безразличнымъ, въ чемъ именно выражаются религіозныя чувства относительно догматовъ и какія требованія они предъявляютъ вѣрѣ. Этимъ, какъ уже прежде въ Германіи, началась борьба, которая можетъ мирно кончиться только возвышеніемъ религіи въ область идеала.

Для меня было въ высшей степени замѣчательно то, какъ близко подошелъ Милль въ своемъ трактатѣ о теизмѣ, послѣдней большой работѣ его жизни, къ той точкѣ зрѣнія, обоснованіе которой составляетъ результатъ и нашей исторіи матеріализма. Неумолимый эмпирикъ, представитель философіи утилитаризма, чело-

вѣкъ, который въ столькихъ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ признавалъ только разсудочный принципъ, выразилъ здѣсь то убѣжденіе, что узкая и скудная жизнь человѣка очень нуждается въ подъемѣ ея къ высшимъ надеждамъ о нашемъ предназначеніи и что развитіе этихъ надеждъ нужно предоставить фантазіи, поскольку она не становится въ противорѣчіе съ очевидными фактами. Такъ какъ всѣми цѣнимое ясное спокойствіе духа основывается на стремленіи останавливаться мыслью на лучшихъ сторонахъ настоящаго времени и будущности,—а это значитъ непроизвольно идеализировать жизнь; то мы должны думать о міроправленіи и о нашей будущности послѣ смерти гораздо благопріятнѣе, чѣмъ это дозволила бы намъ весьма малая вѣроятность этихъ двухъ вещей. Въ такомъ случаѣ даже идеальный образъ Христа можетъ быть представленъ не только какъ главное преимущество христіанства, но и какъ нѣчто такое, что можетъ усвоить себѣ даже невѣрующій.

Далеко-ли отъ всего этого до нашей точки зрѣнія на идеалъ? Малая, почти ничтожная вѣроятность того, чтобы образы нашей фантазіи могли быть дѣйствительностью, можетъ служить только слабою связью между религіей и наукой, и въ сущности составляетъ слабый пунктъ всего этого воззрѣнія; потому что ее перевѣшиваетъ гораздо большая вѣроятность противоположнаго, и въ области дѣйствительнаго нравственность мышленія требуетъ, чтобы мы не останавливались на неопредѣленныхъ возможностяхъ, но постоянно давали предпочтеніе болѣе вѣроятному. Разъ признанъ принципъ, что мы должны созидать нашимъ духомъ міръ болѣе прекрасный и совершенный, чѣмъ міръ дѣйствительности, тогда должно быть придаваемо значеніе миѳу какъ миѳу. Гораздо же важнѣе, чтобы мы возвысились до признанія того, что таже самая необходимость, тотъ же трансцендентный корень нашего человѣческаго существа, которые даютъ намъ при посредствѣ чувствъ образъ міра дѣйствительности, ведутъ насъ также и къ тому, что мы высшей функціей поэтическаго и творящаго синтеза созидаемъ міръ идеала, въ который мы можемъ удаляться отъ ограниченности нашихъ чувствъ и въ которомъ мы находимъ истинную родину нашего духа.

А. Ланге.

Марбургъ, конецъ января 1875 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

НОВѢЙШАЯ ФИЛОСОФІЯ

I. Кантъ и матеріализмъ.

Выдающееся положеніе, которое мы назначили Канту уже раздѣленіемъ нашей книги, нуждается теперь въ оправданіи, или даже въ объясненіи, гораздо меньше, чѣмъ при появленіи перваго изданія ея, почти восемь лѣтъ тому назадъ. Конечно, отступленіе нашей нѣмецкой романтики понятій было уже давно рѣшено въ то время. Какъ разбитая армія высматриваетъ крѣпкій пунктъ, гдѣ она надѣется снова собраться и привести себя въ порядокъ, такъ повсюду послышался уже въ философскихъ кружкахъ того времени пароль: „вернуться къ Канту!“ Но лишь въ новѣйшее время серьезно взялись за это возвращеніе къ Канту, и при этомъ случаѣ нашли, что точка зрѣнія великаго кенигсбергскаго философа, въ сущности, никогда еще не могла быть названа съ полнымъ правомъ опровергнутою, что есть даже всяческія основанія, побуждающія вникнуть въ глубины Кантовской системы самыми строгими изысканіями, какія до сихъ поръ прилагались изъ всѣхъ философовъ почти къ одному Аристотелю.

Недоразумѣнія и бурный напоръ творчества соединились, чтобы прорваться, въ это время многообразнаго духовнаго движенія, черезъ тѣ границы, которыя были указаны умозрѣнію Кантомъ. Отрезвленіе, послѣдовавшее за метафизическимъ опьяненіемъ, тѣмъ болѣе побуждало къ возвращенію на преждевременно оставленную позицію, что снова увидѣли себя лицомъ къ лицу съ матеріализмомъ, который нѣкогда почти безслѣдно исчезъ съ появленіемъ Канта.—Въ настоящее время мы имѣемъ не одну только молодую школу кантіанцевъ [1]) въ бо-

[1]) Прежде всего здѣсь заслуживаетъ упоминанія *Отто Либманнъ*, высказавшій въ книгѣ «Кантъ и эпигоны» (1865) свое убѣжденіе: «Должно возвратиться къ Канту» (s. 215).—*Юргенъ Бона Мейеръ*, который уже въ 1856 году

лѣе строгомъ и болѣе широкомъ смыслѣ, но и тѣ, кто хочетъ испробовать другіе пути, видятъ себя принужденными сначала, такъ сказать, порѣшить съ Кантомъ и опредѣленно обосновать свое уклоненіе отъ его пути. Даже искусственно преувеличенное движеніе въ пользу философіи *Шопенгауэра* произошло отчасти по сроднымъ причинамъ, отчасти составило для многихъ болѣе основательныхъ умовъ переходъ къ Канту. Но здѣсь въ особенности должно быть отмѣчено встрѣчное движеніе *натуралистовъ*, которые, на сколько ихъ неудовлетворялъ матеріализмъ, преимущественно склонялись къ міросозерцанію, которое согласуется съ кантовскимъ въ очень существенныхъ чертахъ.

Дѣйствительно, то, чему мы должны придать здѣсь рѣшительный вѣсъ, отнюдь не есть ортодоксальный кантіанизмъ; всего же менѣе та догматическая форма, которою *Шлейденъ* надѣялся опровергнуть матеріализмъ, при чемъ онъ сравнивалъ Канта, Фриса и Апельта съ Кеплеромъ, Ньютономъ и Лапласомъ и утверждалъ, что трудами этихъ людей идеи: «души, свободы, Бога» установлены такъ же прочно, какъ законы движенія небесныхъ тѣлъ [2]).

представилъ въ возгорѣвшемся тогда «спорѣ о тѣлѣ и душѣ» одно изъ самыхъ лучшихъ освѣщеній Кантовской точки зрѣнія, высказался въ «Kants Psychologie» (1870). въ подобномъ же смыслѣ о значеніи Канта для философіи настоящаго. (Введеніе, стр. 1—3).—Но рѣшительное значеніе имѣютъ: «Kants Theorie der Erfahrung» д-ра *Германна Когена* (Berlin 1871), потому что здѣсь въ первый разъ вся сила сосредоточеннаго труда употреблена на то, чтобы вполнѣ овладѣть терминологіею Канта и, такимъ образомъ, объ руку съ наиточнѣйшимъ опредѣленіемъ понятій вникнуть глубже въ смыслъ этого философа; пріемъ, безусловная необходимость котораго вскорѣ вполнѣ выяснена была для каждаго страннымъ споромъ между Тренделенбургомъ и Куно Фишеромъ. Что основательность, съ которою д-ръ Когенъ приступилъ къ дѣлу, не осталась безплодною, это, можетъ быть, будетъ видно и изъ нашего теперешняго изложенія Кантовской философіи въ ея отношеніи къ матеріализму. Измѣненія противъ перваго изданія должно приписать вызванному книгою д-ра Когена новому пересмотру Кантовской системы. Очень тщательную, основанную на точномъ спеціальномъ изученіи работу представляетъ также появившаяся въ Altpreuss. Monatsschrift., Bd. VII. (Отдѣльн. изд. Königsb. 1870), статья *Эмиля Арнольдта* «Kants transcendentale Idealität des Raumes und der Zeit». Für Kant, gegen Trendelenburg».—Основательное пониманіе главной точки зрѣнія Кантовской философіи обнаруживаетъ также *Карлъ Твестенъ* въ своей, появившейся въ 1863 году книгѣ: «Schiller in seinem Verhältniss zur Wissenschaft». Эта книга по происхожденію позднѣе, чѣмъ недавно вышедшее посмертное историкофилософское сочиненіе Твестена, въ которомъ авторъ заявляетъ себя приверженцемъ позитивизма. Сравнивши заявленіе Твестена на стр. 2 статьи о Шиллерѣ, можно убѣдиться, что Кантъ одержалъ у Твестена побѣду надъ Контомъ.

[2]) См. д-ръ *М. І. Шлейденъ* «Ueber den Materialismus der neueren deutschen Naturwissenschaft, sein Wesen und seine Geschichte. Leipzig. 1863». Рѣзкая, но несправедливая критика этого сочиненія появилась подъ заглавіемъ: M. J. Schleiden über den Materialismus», безъ имени. Dorpat 1864.

Такой догматизмъ вполнѣ чуждъ и духу «Критики чистаго разума», хотя Кантъ лично придавалъ величайшее значеніе тому, чтобы изъять именно эти идеи изъ спора школъ и относилъ ихъ, какъ вполнѣ недоступныя ни для положительныхъ, ни для отрицательныхъ доказательствъ, въ область практической философіи. Но вся практическая философія есть измѣнчивая и преходящая часть Кантовской философіи, какъ ни сильно вліяла она на современниковъ. Не преходяще лишь мѣсто, но не зданіе, которое мастеръ воздвигъ на этомъ мѣстѣ. Самое указаніе этого мѣста, какъ свободнаго мѣста для построенія этической системы, трудно причислить къ устойчивымъ составнымъ частямъ системы, и поэтому, если исходятъ изъ желанія спасти нравственныя идеи, то нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ сравненіе Канта съ Кеплеромъ,—не говоря уже о Ньютонѣ и Лапласѣ. Мы должны, скорѣе, искать всего значенія великой реформы, произведенной Кантомъ, въ его критикѣ *теоретическаго* разума; даже въ отношеніи къ этикѣ здѣсь заключается *прочное* значеніе критицизма, который не только способствовалъ появленію опредѣленной системы этическихъ идей, но способенъ при надлежащемъ развитіи служить такимъ же образомъ для измѣняющихся потребностей разнообразныхъ культурныхъ періодовъ.

Самъ Кантъ былъ далекъ отъ того, чтобы сравнивать себя съ Кеплеромъ; но онъ сдѣлалъ другое сравненіе, болѣе многозначительное и болѣе состоятельное. Онъ сравнивалъ свое дѣло съ дѣломъ Коперника. Дѣло же это состояло въ томъ, что онъ оборотилъ тогдашнюю точку зрѣнія метафизики. Коперникъ отважился „противочувственнымъ и однако истиннымъ способомъ" искать наблюдаемыхъ движеній не въ предметахъ неба, но въ ихъ зрителѣ. Не менѣе «противочувственнымъ» должно казаться косному уму человѣка, когда Кантъ весь опытъ вмѣстѣ со всѣми историческими и точными науками легко и твердо оборачиваетъ посредствомъ простаго предположенія, *что не наши понятія сообразуются съ предметами, но предметы съ нашими понятіями* [3]). Изъ этого слѣдуетъ непосредственно, что предметы опыта суть

[3]) См. предисловіе къ 2 изд. Krit. d. r. Vernunft. Кантъ несомнѣнно обнаруживаетъ здѣсь (прим. къ стр. XXII; Hartenst. III. s. 20 и слѣд.), что онъ имѣетъ притязаніе за выполненную имъ критику на роль *Ньютона*, теоріею котораго было *доказано* то, что Коперникъ установилъ, по его мнѣнію, лишь какъ «гипотезу». (См. объ этомъ Т. I. стр. 180). Но чтобы получить первоначальное понятіе о сущности Кантовской реформы, — важнѣе сдѣланное въ предисловіи сравненіе съ Коперникомъ.

*

вообще лишь *наши* предметы, словомъ, что вся объективность вовсе не есть абсолютная объективность, но лишь объективность для человѣка и какого нибудь подобно ему организованнаго существа, между тѣмъ какъ за міромъ явленій скрывается въ непроницаемой тьмѣ абсолютная сущность вещей, «*вещь въ себѣ*».

Этою мыслью мы хотимъ на минуту располагать свободно. Какъ ее выполнилъ Кантъ, насъ пока нисколько не касается; но тѣмъ болѣе занимаетъ насъ вопросъ, какъ измѣнилось съ этой новой точки зрѣнія положеніе матеріализма.

Въ концѣ первой книги показано, какъ нѣмецкая школьная философія вовлеклась въ опасный споръ съ матеріализмомъ. Любимый образъ гидры, у которой постоянно выростаютъ двѣ новыя головы, когда сражающійся полубогъ срубаетъ одну, совершенно не подходитъ къ зрѣлищу, которое открывается безпристрастному зрителю этой борьбы. Матеріализмъ, несомнѣнно, получаетъ всякій разъ ударъ, котораго онъ не можетъ парировать; это всегда одна и та же кварта, которая всякій разъ удается, какъ ни неловко часто она исполняется. *Сознаніе* не можетъ быть объяснено изъ вещественныхъ движеній. Какъ ни убѣдительно доказывается, что оно вполнѣ зависимо отъ вещественныхъ процессовъ, но отношеніе *внѣшняго движенія къ ощущенію* остается непонятнымъ и обнаруживаетъ тѣмъ болѣе рѣзкое противорѣчіе, чѣмъ ближе оно освѣщается. Но далѣе обнаруживается, что всѣ системы, которыя выводятся въ борьбу противъ матеріализма, пусть онѣ называются именами Декарта, Спинозы, Лейбница, Вольфа, или древняго Аристотеля, —заключаютъ въ себѣ такое же противорѣчіе, и кромѣ того, можетъ быть еще дюжину худшихъ. При счетахъ съ матеріализмомъ все это обнаруживается. Мы совершенно оставляемъ здѣсь въ сторонѣ то, какія преимущества могутъ имѣть остальныя системы въ чемъ либо другомъ, вслѣдствіе своего глубокомыслія, сродства съ искуствомъ, религіею и поэзіею, вслѣдствіе пророческихъ проблесковъ духа и возбуждающей игры мысли Такими сокровищами матеріализмъ бѣденъ; но онъ точно также бѣденъ и тѣми грубыми софизмами или тонкими изворотами, которые помогаютъ прочимъ системамъ достигать ихъ мнимыхъ истинъ. Въ борьбѣ съ матеріализмомъ, гдѣ дѣло идетъ лишь о доказательствахъ и опроверженіяхъ, всѣ преимущества глубокомыслія не въ состояніи помочь, и скрытыя противорѣчія выходятъ на свѣтъ.

Но мы узнали подъ разными формами принципъ, противъ котораго матеріализмъ безоруженъ, и который, дѣйствительно, ведетъ къ болѣе высшему сравнительно съ этимъ міровоззрѣніемъ пониманію вещей. Въ самомъ началѣ нашего труда мы встрѣтились съ этимъ принципомъ, именно видѣли, какъ *Протагоръ* пошелъ дальше *Демокрита*. И въ послѣднемъ періодѣ, который мы разсматривали, мы снова находимъ двухъ людей, различныхъ по націи, образу

мыслей, призванію, вѣрѣ и характеру, которые однако же оба оставили почву матеріализма въ одномъ и томъ же пунктѣ: епископа *Берклея* и математика *д'Аламбера*. Первый разсматривалъ весь міръ явленій какъ одинъ большой обманъ чувствъ, послѣдній сомнѣвался въ томъ, что вообще внѣ насъ есть что-нибудь соотвѣтствующее тому, что мы думаемъ видѣть. Мы видѣли, какъ Гольбахъ негодовалъ на Берклея, не будучи въ состояніи его опровергнуть.

Существуетъ область точнаго естествовѣдѣнія, препятствующая нашимъ, теперешнимъ матеріалистамъ съ негодованіемъ отвернуться отъ сомнѣнія въ дѣйствительности міра явленій; это—*физіологія органовъ чувствъ*. Удивительные успѣхи въ этой области, о которыхъ мы должны будемъ говорить позднѣе, повидимому, совершенно пригодны для того, чтобы доказать древнее положеніе Протагора, что человѣкъ есть мѣра вещей. Какъ только показано, что качество нашихъ чувственныхъ воспріятій вполнѣ и совершенно обусловлено свойствомъ нашихъ органовъ, то нельзя уже больше устранять съ прибавленіемъ „неопровержимо, но нелѣпо" положенія, что даже вся *связь*, въ какую мы приводимъ чувственныя воспріятія, — однимъ словомъ, весь нашъ опытъ обусловленъ нѣкоторою духовною организаціею, которая принуждаетъ насъ испытывать то, что мы испытываемъ, думать такъ, какъ мы думаемъ, между тѣмъ какъ другой организаціи тѣ же самые предметы могутъ показаться иначе, и вещь въ себѣ не можетъ быть представима ни для какого конечнаго существа.

Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что міръ явленій есть лишь смутная копія другаго міра истинныхъ объектовъ, также проходитъ сквозь всю исторію человѣческаго мышленія. У мыслителей древней Индіи, какъ у грековъ, уже является въ различной формѣ таже самая основная мысль, особая форма которой у Канта сравнивается даже съ дѣломъ Коперника. *Платонъ* вѣрилъ въ міръ идей, вѣчныхъ и совершенныхъ прообразовъ происходящаго на землѣ. Кантъ называетъ его знаменитѣйшимъ философомъ интеллектуальнаго, а *Эпикура*, напротивъ того, знаменитѣйшимъ философомъ чувственности. Но какъ отлично положеніе Канта относительно матеріализма отъ положенія Платона, ясно вытекаетъ уже изъ того, что Кантъ воздаетъ рѣшительную похвалу Эпикуру, за то, что онъ не выходилъ своими заключеніями за предѣлы опыта, между тѣмъ какъ напр., Локкъ, „выведя всѣ понятія и принципы изъ опыта, заходитъ такъ далеко въ приложеніи ихъ, что утверждаетъ, будто бы можно также очевидно доказать бытіе Бога и безсмертіе души (хотя оба предмета находятся внѣ границъ возможнаго опыта), какъ нѣкоторую математическую теорему" [4].

---

[4]) См. Krit. d. r. Vern., transcendent. Methodenlehre, 4 Hauptst.; Hartenst III, s. 561.

Съ другой стороны Кантъ не менѣе опредѣленно отличалъ себя отъ тѣхъ философовъ, которые довольствуются доказательствомъ, что міръ явленій есть продуктъ нашего представленія. Протагоръ сжился съ этимъ міромъ явленій. Онъ совершенно отказался отъ мысли объ абсолютной истинѣ и основалъ всю систему на положеніи, что для человѣка истинно то, что ему кажется истиннымъ, и хорошо то, что кажется ему хорошимъ. *Берклей* хотѣлъ своею борьбою противъ міра явленій открыть путь подавленной *вѣрѣ*, и его философія оканчивается тамъ, гдѣ выступаетъ его настоящая цѣль. *Скептики* вполнѣ довольствуются разрушеніемъ всякой видимости истины и сомнѣваются не только въ мірѣ явленій, но даже въ безусловной основательности законовъ нашего мышленія. Но именно скептикъ выбилъ могучимъ толчкомъ нашего Канта изъ колеи школьной нѣмецкой мудрости и далъ ему то направленіе, въ которомъ онъ въ теченіи многихъ лѣтъ, размышляя и работая, достигъ цѣли, провозглашенной имъ въ его безсмертной *критикѣ чистаго разума*. Если мы хотимъ точно понять основную мысль Канта, не анализируя всего зданія его системы, то нашъ путь лежитъ черезъ Давида Юма.

Юмъ совершенно равноправно примыкаетъ къ тому ряду англійскихъ мыслителей, къ которому принадлежатъ *Бэконъ*, *Гоббсъ* и *Локкъ*; можно даже спросить, не слѣдуетъ ли отвести ему первое мѣсто между ними. Происходя изъ знатнаго шотландскаго семейства, онъ родился въ 1711 году въ Эдинбургѣ. Уже въ 1738 году появилось его сочиненіе о человѣческой природѣ, написанное во время его пребыванія во Франціи при полномъ научномъ досугѣ. Лишь четырнадцать лѣтъ спустя, онъ обратился къ тѣмъ занятіямъ исторіею, которымъ онъ обязанъ столь значительною частью своей славы. Послѣ разнообразныхъ занятій онъ былъ потомъ секретаремъ посольства въ Парижѣ и, наконецъ, помощникомъ государственнаго секретаря. Насъ нѣмцевъ, представляющихъ себѣ, по непроизвольной ассоціаціи идей, философа въ видѣ профессора, стоящаго съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ на каѳедрѣ, необходимо должно поражать то, что столь многіе изъ англійскихъ философовъ были *государственными людьми*; даже, что еще болѣе замѣчательно, что въ Англіи государственные люди бываютъ иногда философами.

Юмъ по своему образу мыслей стоитъ такъ близко къ матеріализму, какъ только это возможно для такого рѣшительнаго скептика. Онъ стоитъ на почвѣ созданной Гоббсомъ и Локкомъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ объясняетъ возникновеніе заблужденія, не придавая впрочемъ этой гипотезѣ большаго значенія, неправильнымъ токомъ въ мозгу, въ которомъ, онъ думалъ, локализируются всѣ понятія. Для этого слабаго пункта матеріализма, который не умѣютъ оборонить сами матеріалисты, Юмъ нашелъ достаточную защиту. Допуская, что переходъ отъ пространственнаго движенія къ представленію и мышленію необъяснимъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что эта необъяснимость *отнюдь не есть особенность этой проблеммы*. Онъ показываетъ, что точно такое же противорѣчіе связывается съ *каждымъ отношеніемъ причины и дѣйствія*. „Повѣсивши тѣло, вѣсомъ въ фунтъ, на конецъ рычага и другое съ такимъ же вѣсомъ на другой, вы также мало найдете въ этихъ тѣлахъ основаніе движенія, зависящаго отъ удаленія ихъ отъ центральной точки, какъ и основаніе мышленія и представленія“ [5]).

Наша нынѣшняя механика, можетъ быть, будетъ возражать; но слѣдуетъ вспомнить, что всѣ успѣхи науки не разрѣшили затрудненія, на которое ссылается Юмъ, но лишь отодвинули его. Будемъ ли мы разсматривать двѣ мельчайшія частицы или два небесныя тѣла, изъ коихъ движеніе одного оказываетъ вліяніе на движеніе другаго, мы можемъ прекрасно разсчитать все остальное; но отношеніе силы притяженія, посредствомъ которой совершается переносъ, къ самимъ тѣламъ—содержитъ еще въ себѣ полную непонятность каждаго отдѣльнаго естественнаго процесса. Конечно, этимъ не объясняется переходъ пространственнаго движенія въ мышленіе, но доказывается, что эта необъяснимость не можетъ составлять аргумента противъ зависимости мышленія отъ пространственнаго движенія. Цѣна этой защиты для матеріализма, конечно, не меньше той, которую требуетъ въ сказкѣ чертъ за свою помощь. Матеріализмъ съ принятіемъ положенія необъяснимости всѣхъ естественныхъ явленій погибаетъ на вѣки. Если матеріализмъ успокоивается на этой необъяснимости, то онъ перестаетъ быть философскимъ принципомъ; онъ можетъ однако, продолжать существовать, какъ правило научнаго детальнаго изслѣдованія. Таково и есть въ дѣйствительности положеніе большинства нашихъ нынѣшнихъ „матеріалистовъ“. *Они въ сущности скептики*; они не вѣрятъ больше, что матерія, какъ она является нашимъ чувствамъ, заключаетъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ загадокъ природы; но они принципіально дѣйствуютъ, какъ будто бы это было такъ, и ждутъ пока сами положительныя науки заставятъ ихъ принять другія положенія.

Еще поразительнѣе, можетъ быть, сродство Юма съ матеріализмомъ въ его рѣзкомъ опроверженіи ученія *о тождествѣ лица*, *единствѣ сознанія* и простотѣ *и нематерьяльности души*.

„Существуютъ нѣкоторые философы, которые воображаютъ себѣ, что

---

[5]) *Давидъ Юмъ*, von der menschl. Natur., übers. von L. H. Jakob, Halle 1798, 1, 4, 5. Von der Immaterialität der Seele, s. 480. См. The philos. works of D. Hume, Edinburgh. 1825, I. p. 315.

мы каждое мгновеніе вполнѣ точно сознаемъ то, что мы называемъ наше *само* (въ нѣмецкомъ философскомъ языкѣ „*я*"), что мы чувствуемъ его дѣйствительность и непрерывное пребываніе во времени и что мы обладаемъ превышающею самыя очевидныя доказательства достовѣрностью, какъ объ его тождествѣ, такъ и простотѣ"....

«По несчастью, всѣ эти положительныя утвержденія противны тому опыту, который приводятъ для ихъ подтвержденія, и мы совершенно не имѣемъ такого понятія объ Я, какое здѣсь указано.... Если я со своей стороны, какъ можно глубже вникаю въ то, что я называю своимъ Я, *то я всегда встрѣчаю извѣстныя частныя представленія или ощущенія, жара или холода, свѣта или тѣни, любви или ненависти, удовольствія или неудовольствія.* Я никогда не могу застать мое Я одно, безъ представленія, и все, что я наблюдаю, есть *всегда ничто иное, какъ нѣкоторое представленіе.* Если мои представленія на извѣстное время прекращаются, какъ въ глубокомъ снѣ, то я совершенно не чувствую въ теченіи этого времени моего Я, и по истинѣ можно сказать, что его вовсе не существуетъ" Кто чувствуетъ въ себѣ другое Я, съ тѣмъ Юмъ не желаетъ спорить. „Онъ можетъ, можетъ быть, воспринимать нѣчто простое и непрерывное, которое онъ называетъ своимъ Я; хотя я въ тоже время съ своей стороны *увѣренъ, что во мнѣ нѣтъ такой вещи.* Но какъ скоро я исключу нѣкоторыхъ метафизиковъ, то я смѣло могу утверждать о всемъ остальномъ человѣческомъ родѣ, что люди суть ничто иное, какъ совокупность или собраніе различныхъ представленій, которыя съ непонятною быстротою слѣдуютъ другъ за другомъ и находятся въ постоянномъ теченіи и непрерывномъ движеніи» [6]).

Тонкая иронія, которая направляется здѣсь противъ метафизиковъ, достается въ другихъ мѣстахъ теологамъ. Что у Юма не можетъ быть больше рѣчи о взглядахъ на безсмертіе души въ церковномъ смыслѣ, понятно само собою. Не смотря на это, ему при случаѣ доставляетъ удовольствіе зло замѣтить, что всѣ аргументы въ пользу безсмертія души сохраняютъ еще всю доказательность и при его взглядахъ, какъ и при обыкновенномъ положеніи о ея простотѣ и тождествѣ.

Что именно этотъ человѣкъ произвелъ на Канта столь глубокое впечатлѣніе, что Кантъ всегда называетъ его съ величайшимъ уваженіемъ, должно прямо освѣтить намъ и положеніе Канта относительно матеріализма такимъ свѣтомъ, въ которомъ обыкновенно не хотятъ его видѣть. Какъ ни рѣшительно Кантъ

[6]) Von der menschl. Natur, übers. von Jakob I, 4, 6: Von der persönl. Identität, s. 487 и слѣд. — Cp. The philos. works of David Hume, I, p. 319 и слѣд.

опровергаетъ матеріализмъ, все-таки этотъ великій умъ не могъ принадлежать къ тѣмъ, которые проявили свою способность къ философіи лишь безграничнымъ презрѣніемъ къ матеріализму.

«Естествознаніе», пишетъ Кантъ въ пролегоменахъ, „никогда не откроетъ намъ внутренняго вещей, т. е., того, что не есть явленіе, но можетъ служить высшимъ основаніемъ объясненія явленій; но *естествознаніе и не нуждается въ немъ для своихъ физическихъ объясненій; даже если бы ему и предлагалось откуда-нибудь что нибудь подобное (напр. вліяніе нематерьяльныхъ существъ), то естествознаніе должно отказаться отъ него и совершенно не вводить въ ходъ своихъ объясненій, а основывать ихъ всегда лишь на томъ, что принадлежитъ какъ предметъ чувства къ опыту, и что можно привести въ связь съ нашими дѣйствительными восприятіями по законамъ опыта.*" [7])

Словомъ Кантъ вполнѣ признаетъ два міровоззрѣнія, *матеріализмъ и скептицизмъ*, какъ законныя ступени къ своей критической философіи; то и другое для него заблужденія, но такія, которыя были необходимы для развитія науки. Онъ прибавляетъ, что первое, по причинѣ своей понятности, можетъ быть пагубно для большинства публики, между тѣмъ, какъ второе, по своей трудности, ограничивается только школами; но что касается чисто научнаго сужденія, то для него они оба одинаково достойны вниманія, такъ все таки, что скептицизму слѣдуетъ первое мѣсто. *Нѣтъ философской системы, къ которой Кантъ относился бы менѣе отрицательно, чѣмъ къ обѣимъ этимъ системамъ.* Что касается въ частности обыкновеннаго идеализма, то онъ находится въ самой рѣзкой противоположности къ „трансцендентальному" идеализму Канта. Пока онъ пытается доказать, что міръ явленій не показываетъ намъ вещей, каковы онѣ сами по себѣ, Кантъ за одно съ нимъ. Но какъ скоро идеалистъ желаетъ учить чему-нибудь выше міра чистыхъ предметовъ или даже поставить это познаніе на мѣсто опытныхъ наукъ, онъ не можетъ имѣть противника непримиримѣе Канта.

Одинъ торопливый критикъ нашелъ въ критикѣ чистаго разума «высшій идеализмъ.» Это Кантъ встрѣтилъ приблизительно такъ, какъ если бы его упрекнули въ «высшемъ слабоуміи»: на столько вполнѣ чувствовалъ онъ себя дурно понятымъ. Должно удивляться умѣренности и въ тоже время строгости великаго мыслителя, когда онъ направляетъ противъ этого два положенія, которыя и для совершенно слѣпаго бросаютъ искру свѣта на сущность Кантовской философіи.

[7]) Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können. Riga, 1783, s. 167 и слѣд.; Hartenst. IV. s. 101 и слѣд.

«Положеніе всѣхъ чистыхъ идеалистовъ, отъ элеатской школы до епископа Берклея, заключается въ такой формулѣ: всякое познаніе посредствомъ чувства и опыта есть ничто иное, какъ одна видимость, и истина находится лишь въ идеяхъ чистаго разсудка и разума».

«Основоположеніе, которое управляетъ и опредѣляетъ весь безъ изъятія мой идеализмъ, напротивъ того, таково: всякое познаніе о вещахъ изъ чистаго разсудка или разума есть ничто иное, какъ одна видимость, и *только въ опытѣ истина*" [8])

Прямѣе не можетъ высказаться объ этомъ самый чистый эмпирикъ; но какъ мы соединимъ съ этимъ столь недвусмысленнымъ положеніемъ странное изрѣченіе, что *предметы сообразуются съ нашими понятіями?*

Очевидно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о дѣйствительно составившихся понятіяхъ спекулирующаго индивидуума. Въ извѣстномъ смыслѣ для воплощеннаго гегеліанца или аристотелика, конечно, предметы также сообразуются съ его понятіями. Онъ живетъ въ мірѣ своихъ вымысловъ и умѣетъ подогнать все подъ нихъ. Если только предметъ сталъ *для него* предметомъ, то онъ уже долженъ былъ и сформироваться по его понятіямъ. Но не всѣ предметы такъ гибки, и именно съ такими философами опытъ играетъ злѣйшія шутки. Стоитъ вспомнить *Кремонини*, который боялся смотрѣть въ телескопъ, чтобы какъ нибудь не натолкнуться на мятежныхъ спутниковъ Юпитера! Кантъ, который находитъ всю истину въ опытѣ, не могъ такъ понимать согласованіе предметовъ съ нашими понятіями. Скорѣе вліяніе „нашихъ понятій", какъ понимаетъ дѣло Кантъ, должно быть такого рода, что оно выражается именно въ самыхъ всеобщихъ и самыхъ постоянныхъ, недоступныхъ произволу индивидуума чертахъ опыта. Загадка разрѣшается, стало быть, анализомъ *самаго опыта*, въ которомъ указывается факторъ понятій, происходящій не изъ вещей, а изъ насъ.

Всѣ сужденія, по Канту, или *аналитическія*, или *синтетическія*. Аналитическія сужденія не говорятъ въ предикатѣ ничего кромѣ того, что уже мыслится въ понятіи субъекта. Если я говорю; „всѣ тѣла протяженны", то я не расширяю этимъ положеніемъ моего знанія о тѣлахъ, ибо я совершенно не могу установить субъективнаго понятія тѣла, не мысля уже при этомъ о протяженности. Сужденіе только разлагаетъ понятіе субъекта на составныя его части, чтобы указать на одну изъ нихъ предикатомъ и черезъ это лучше привести ее къ сознанію. *Синтетическія* сужденія, напротивъ того, расширяютъ *наше познаніе субъекта*. Если я говорю: всѣ небесныя тѣла тяготѣютъ, то я указываю на нѣкоторое свойство, принадлежащее всѣмъ небеснымъ тѣламъ, которое не мыслится еще въ самомъ понятіи небесныхъ тѣлъ.

[8]) Prolegomena 1783, s. 204 и слѣд. Hartenst. s. 121 и слѣд.

Стало быть, синтетическія сужденія суть тѣ, которыми одними дѣйствительно расширяется наше вѣдѣніе, тогда какъ аналитическія служатъ для объясненія и для опроверженія заблужденій, ибо сужденіе, которое ничего не говоритъ въ предикатѣ, что немыслится уже въ субъектѣ, можетъ, по крайней мѣрѣ, напомнить мнѣ знаніе, которое я уже имѣлъ, или указать частность, которую я иначе упустилъ бы изъ вида, но оно не можетъ научить меня ничему новому. Однако же существуетъ цѣлая наука, можетъ быть самая важная изъ всѣхъ, въ которой можно сомнѣваться, суть ли ея сужденія синтетическія, или аналитическія: это математика.

Прежде чѣмъ мы обратимся къ этому важному случаю, мы должны вкратцѣ напомнить о томъ, что такое сужденіе *a priori* и сужденіе *a posteriori*. Послѣднее заимствуетъ свою достовѣрность изъ опыта, первое нѣтъ. Сужденіе a priori можетъ, правда, косвенно опираться на опытъ, но не какъ сужденіе, а лишь насколько его составныя части суть понятія опыта. Такъ, напр., всѣ правильныя аналитическія сужденія достовѣрны и a priori; ибо для того чтобы развить предикатъ изъ понятія субъекта, я не нуждаюсь предварительно въ опытѣ. Но самъ субъектъ можетъ и въ этомъ случаѣ обозначать предметъ, который я узналъ лишь на опытѣ. Такъ напр., понятіе льда есть опытное понятіе. Но положеніе: „ледъ есть твердое тѣло", есть положеніе аналитическое, потому что предикатъ заключался въ субъектѣ уже при первомъ образованіи понятія.

Синтетическія сужденія составляютъ для Канта поле изслѣдованія. Всѣ ли они суть сужденія a posteriori, т. е., выведены изъ опыта, или существуютъ и такія, которыя получаютъ свою достовѣрность не изъ предварительнаго опыта? *Существуютъ ли синтетическія сужденія a priori?* Метафизика утверждаетъ, что она расширяетъ наши знанія, не нуждаясь для этого въ опытѣ. Но возможно ли это? Можетъ ли вообще существовать метафизика? *Какъ возможны*, понимая совершенно вообще, *синтетическія положенія a priori*?

Здѣсь на мгновеніе остановка! Отвѣты въ родѣ слѣдующихъ: „Вслѣдствіе откровенія." „Вслѣдствіе воспоминанія души о мірѣ идей, въ которомъ она жила раньше". „Вслѣдствіе развитія прирожденныхъ идей, которыя отъ рожденія безсознательно покоились въ человѣкѣ" — такіе отвѣты совсѣмъ не нуждаются въ опроверженіи, уже потому, что метафизика фактически до сихъ поръ бродитъ ощупью въ потьмахъ. Если бы можно было показать, что изъ основанія такихъ ученій происходитъ *дѣйствительная* наука, которая *вѣрнымъ шагомъ* развивается дальше, вмѣсто того, чтобы начинать постоянно опять съ начала, — то, можетъ быть, можно было бы успокоиться на недо-

статкѣ дальнѣйшаго обоснованія, какъ успокаиваются до сихъ поръ въ математикѣ на недоказуемости аксіомъ; но при указанномъ положеніи дѣла всякое дальнѣйшее созиданіе метафизиковъ напрасно, пока не установлено, *можетъ ли вообще зданіе метафизики имѣть фундаментъ*.

Скептики и эмпирики соединятся здѣсь вмѣстѣ и отвѣтятъ на поставленный вопросъ простымъ: *вовсе нѣтъ*. Удайся имъ доказать это, и они могли бы въ тѣсномъ союзѣ навсегда завладѣть полемъ философіи. Съ догматическимъ матеріализмомъ было бы тогда, несомнѣнно, покончено, ибо онъ строитъ свои теоріи на аксіомѣ понятности міра и упускаетъ при этомъ изъ виду, что эта аксіома есть въ сущности лишь принципъ порядка въ *явленіяхъ*; но матеріализмъ можетъ отказаться отъ притязанія указать *послѣднее основаніе* всѣхъ явленій. Онъ, правда, откажется тогда отъ своей первоначальной сущности, но въ союзѣ со скептицизмомъ и формальнымъ эмпиризмомъ онъ тѣмъ болѣе будетъ грозить поглотить всѣ прочія философскія стремленія. Противъ этого положенія дѣлъ Кантъ беретъ страшнаго союзника,—*математику*.

Юмъ, сомнѣвавшійся въ каждомъ сужденіи, переходящемъ за границы опыта, задавалъ также вопросъ о томъ, не могутъ ли напр., двѣ прямыя линіи при чрезвычайно маломъ углѣ имѣть общій отрѣзокъ извѣстнаго протяженія, вмѣсто того, чтобы, какъ требуетъ математика, пересѣкаться лишь всего въ одной точкѣ. Все таки Юмъ признавалъ превосходную доказательность математики и думалъ, что ее можно вывести изъ того, что всѣ математическія положенія основываются лишь на законѣ противорѣчія; другими словами, что они вполнѣ *аналитическія*. Кантъ, напротивъ, утверждаетъ, что всѣ математическія положенія *a priori*, такъ какъ математическія положенія не нуждаются въ въ подтвержденіи опытомъ.

Чтобы не понять здѣсь Канта съ самаго начала превратно, нужно строго различать *созерцаніе* и *опытъ*. Созерцаніе, напр., ряда треугольниковъ съ все болѣе и болѣе тупымъ угломъ при вершинѣ и все большимъ и большимъ основаніемъ, есть несомнѣнно, также и опытъ: но опытъ въ этомъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, что я вижу передъ собою опредѣленный рядъ треугольниковъ. Если я заимствую теперь изъ созерцанія этихъ треугольниковъ съ помощію фантазіи, представляющей себѣ растяженіе основанія до безконечности, положеніе, что сумма угловъ,—постоянство которой было доказано мнѣ уже раньше,—равна двумъ прямымъ, то это положеніе *отнюдь* не есть *опытное положеніе*. Мой опытъ состоитъ лишь въ томъ, что я видѣлъ эти треугольники и нашелъ въ нихъ то, что я долженъ признать истиннымъ вообще. *Опытное положеніе, какъ таковое, можетъ быть всегда опровергнуто новымъ опытомъ*. Въ теченіи столѣтій въ неподвижныхъ звѣздахъ,

сколько было извѣстно, не было наблюдаемо движенія, и изъ этого заключили, что онѣ неподвижны. Это было опытное положеніе; оно могло быть исправлено болѣе точными наблюденіями и вычисленіями, и было исправлено дѣйствительно. Подобные примѣры исторія наукъ представляетъ на каждой страницѣ. Мы обязаны главнымъ образомъ превосходному логическому таланту французовъ тѣмъ, что въ настоящее время точныя науки во всѣхъ предметахъ опыта не устанавливаютъ болѣе абсолютныхъ истинъ, но лишь *относительныя*; что всегда напоминается объ *условіяхъ* пріобрѣтеннаго познанія, и точность всѣхъ ученій *обосновывается* именно *на томъ, что мы оставляемъ за собою возможность дальнѣйшаго измѣненія взгляда*. Не то въ математическихъ наукахъ; всѣ онѣ, все равно, высказываютъ ли онѣ простыя слѣдствія или фундаментальныя познанія, *сопровождаются сознаніемъ безусловной необходимости*. Но это сознаніе не является само собою; математическія положенія, даже аксіомы, должны были быть, безъ сомнѣнія, первоначально *открыты*. Они должны были быть найдены съ напряженіемъ размышленія и созерцанія, или путемъ быстраго и счастливаго соединенія того и другаго. Но это нахожденіе основывается, въ сущности, на точномъ направленіи ума на вопросъ. Поэтому математическія положенія, *какъ и теоремы*, такъ же легко передать ученику, какъ трудно открыть ихъ. Того, кто день и ночь изслѣдуетъ небесное пространство, пока не найдетъ новой кометы, можно сравнить съ тѣмъ, кто пытается найти новую сторону математическаго воззрѣнія. Но какъ всегда можно установить телескопъ такъ, чтобы каждый, у кого здоровые глаза, *необходимо увидалъ* комету, такъ же можно показать новое математическое положеніе такимъ образомъ, чтобы каждый, кто вообще способенъ къ правильному воззрѣнію, при помощи ли нарисованной фигуры, при помощи ли образа фантазіи, *необходимо призналъ* его истину. То обстоятельство, что математическія истины часто отыскиваются и находятся съ трудомъ, не имѣетъ, поэтому, никакого отношенія къ тому, что Кантъ называетъ ихъ апріорностью. Подъ этимъ слѣдуетъ, скорѣе, понимать, что математическія положенія, какъ скоро они доказаны посредствомъ созерцанія, тотчасъ связываются съ сознаніемъ ихъ общности и необходимости. Такъ напр., чтобы показать, что 5 и 7 дадутъ въ суммѣ 12, я буду пользоваться созерцаніемъ, именно, сосчитывая точки, черточки, мелкие предметы и т. д. Опытъ въ этомъ случаѣ состоитъ лишь въ томъ, что эти опредѣленныя точки, черточки и т. д. привели меня на этотъ разъ къ этой опредѣленной суммѣ. Если опытъ меня научаетъ, что это всегда такъ, то я долженъ *до тѣхъ поръ повторять* этотъ опытъ, пока, вслѣдствіе ассоціаціи идей и привычки, у меня не установится это убѣжденіе, или я долженъ дѣлать *систематическіе опыты* надъ тѣмъ не произойдетъ ли вдругъ другое при совер-

шенно разнородныхъ тѣлахъ, при иномъ сопоставленіи ихъ, или при другихъ особенныхъ условіяхъ. Это быстрое и безусловное *обобщеніе однажды видѣннаго* не объясняется просто и явною равномѣрностью всѣхъ числовыхъ отношеній. Если бы положенія ариѳметики и алгебры были опытными положеніями, то убѣжденіе въ независимости всѣхъ числовыхъ отношеній отъ свойствъ и расположенія считаемыхъ тѣлъ являлось бы лишь *на самый послѣдокъ*, такъ какъ каждая индукція самыя общія положенія даетъ позднѣе менѣе общихъ. Положеніе, что числовыя отношенія независимы отъ природы исчисляемаго, есть, скорѣе, само апріорное. Что оно также и синтетическое, это легко показать. Можно было бы отнять у него синтетическую природу, включивъ его въ опредѣленіе того, что я хочу понимать подъ числами. Тогда явилась бы замкнутая въ себѣ алгебра, о *которой, однако, мы совсѣмъ не знали бы, приложима ли она къ предметамъ*. Но всякій знаетъ, что наше убѣжденіе въ истинѣ алгебры и ариѳметики въ тоже время *заключаетъ въ себѣ убѣжденіе въ приложимости ея ко всѣмъ тѣламъ, которыя вообще могутъ намъ встрѣтиться*. То обстоятельство, что предметы природы, когда дѣло идетъ не о числѣ отдѣльныхъ тѣлъ или частей, а о мѣрѣ и вѣсѣ, никогда не могутъ точно соотвѣтствовать даннымъ числамъ, что они всегда несоизмѣримы, нисколько не измѣняетъ сказаннаго. Числа приложимы для какой-угодно степени точности къ какому-угодно предмету. Мы убѣждены, что постоянно подверженный вліяніямъ измѣняющейся температуры желѣзный стержень въ безконечно малую единицу времени имѣетъ безконечно точно опредѣленную мѣру, хотя бы мы никогда не могли имѣть средства точно показать эту мѣру. То обстоятельство, что мы пріобрѣтаемъ это убѣжденіе лишь вслѣдствіе математически-физическаго образованія, нисколько не наноситъ ущерба его апріорности. При познаніяхъ a priori, по несравненному Кантовскому опредѣленію понятія, дѣло не идетъ ни о готовыхъ находящихся въ душѣ прирожденныхъ представленіяхъ, ни о неорганическихъ вдохновеніяхъ или непонятныхъ откровеніяхъ. Познанія a priori развиваются въ человѣкѣ также *закономѣрно изъ его природы*, какъ познанія a posteriori изъ опыта. Они отличаются просто тѣмъ, что они связаны съ сознаніемъ общности и необходимости, а слѣдовательно, въ своей достовѣрности независимы отъ опыта.

Мы имѣемъ здѣсь, конечно, также пунктъ, который еще подвергается до настоящаго дня самымъ живымъ нападеніямъ. Съ одной стороны нападаютъ на *апріорность* математическихъ познаній, а съ другой стороны, не хотятъ допустить *синтетической природы* математическихъ сужденій. Пониманіе

математическаго имѣетъ такую важность для обоснованія Кантовскаго міросозерцанія, что мы не можемъ обойдти здѣсь оба эти возраженія.

Относительно *апріорности* математики самые живые споры были въ Англіи, гдѣ вліяніе Юма дѣйствовало всего глубже. Здѣсь *Уэвелль*, заслуженный теоретикъ и историкъ индукціи, защищалъ ученіе объ апріорности математики и о происхожденіи необходимости, которою мы приписываемъ математическимъ положеніямъ, изъ нѣкотораго дѣйствующаго a priori элемента: *условій* или *формы* нашего познанія. Противъ него выступили астрономъ *Гершель* и, соглашающійся съ нимъ почти во всѣхъ пунктахъ, *Джонъ Стюартъ Милль* [9]).

Ученіе этихъ эмпириковъ вкратцѣ слѣдующее: строгая необходимость господствуетъ въ математикѣ только, пока она основывается на опредѣленіяхъ и слѣдствіяхъ изъ этихъ опредѣленій. Такъ называемыя *аксіомы* суть, по большей части, только опредѣленія или могутъ быть сведены на опредѣленія. Остальное, именно фундаментальныя положенія Эвклидовской геометріи, что двѣ прямыя линіи не могутъ замыкать пространства и что двѣ паралельныя, продолженныя до безконечности, никогда не могутъ пересѣчься, эти единственныя настоящія аксіомы суть ничто иное, какъ *обобщенія изъ опыта*, результаты индукціи. Онѣ не имѣютъ, стало быть, и той строгой необходимости, какая свойственна опредѣленіямъ (въ Кантовскомъ смыслѣ можно было бы здѣсь сказать, — всѣмъ аналитическимъ сужденіямъ). Ихъ необходимость въ нашемъ сознаніи лишь субъективная, объяснимая психологически. Она возникаетъ точно такъ же, какъ

---

[9]) Споръ англійскихъ философовъ объ апріорности математики начался тѣмъ, что *Уэвелль* въ своемъ «Mechanical Euclid» напалъ на взглядъ *Дюгальда Стюарта*, что основныя ученія геометріи построены на гипозетахъ. Написанная *Гершелемъ* статья въ Edinburgh Review защищала взглядъ Стюарта. Уэвелль отвѣчалъ въ своей Philosophy of the inductive Sciences, London 1840, I. p. 79 и слѣд. въ отдѣлѣ: «The philosophy of the pure Sciences», заключающемъ въ видѣ особой главы (5. p. 98 и слѣд.) отвѣтъ на возраженія Гершеля. Гершель продолжалъ споръ въ появившейся въ 1841 году рецензіи обоихъ главныхъ сочиненій Уэвелля (Исторія индуктивныхъ наукъ и Теорія (philosophy) индуктивныхъ наукъ) въ іюньской книжкѣ Quarterly Review. Тутъ вступилъ въ борьбу *Милль* въ своей «Логикѣ» (1843) и продолжалъ ее въ позднѣйшихъ изданіяхъ этого сочиненія, послѣ того какъ Уэвелль отвѣчалъ ему особымъ полемическимъ сочиненіемъ (On induction, with especial reference to Mr. Mill's System of Logic). Дальнѣйшія полемическія сочиненія и изслѣдованія можно найдти цитированными въ «Логикѣ» Милля. Мы пользуемся для нашего изложенія 3. изданіемъ оригинала, London 1851, и 3. изданіемъ перевода Шиля (Schiel), съ 5 изданія оригинала, Braunschweig, 1868; кромѣ того, Whewell's philos. of the ind. sciences.

бываетъ, что мы часто воображаемъ себѣ необходимость даже такихъ положеній, которыя совсѣмъ невѣрны, или объявляемъ непонятнымъ и немыслимымъ что-нибудь, что мы, можетъ быть, сами считали раньше истиннымъ. Если математическія аксіомы такъ ясно возникаютъ изъ ассоціацій идей и, разсматриваемыя психологически, имѣютъ не лучшій источникъ, какъ и нѣкоторыя заблужденія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были бояться, что онѣ могутъ быть и опровергнуты, но конечно, слѣдуетъ, что для достовѣрности, приписываемой имъ нами, мы имѣемъ тотъ же источникъ, какъ вообще для нашего опытнаго познанія, представляющагося намъ, смотря по строгости индукціи, изъ которой оно вытекаетъ, вѣроятнымъ, достовѣрнымъ или абсолютно необходимымъ.

Сообразно съ этимъ взглядомъ, хотя въ математикѣ и существуютъ синтетическія сужденія, но они не суть сужденія a priori; существуютъ сужденія a priori, но они суть лишь аналитическія, или, какъ говоритъ Милль, тождественныя.

Въ приложеніи къ *предметамъ опыта* всѣ сужденія, по этому взгляду, имѣютъ значеніе лишь гипотетическое. Природа нигдѣ не представляетъ намъ чистыхъ формъ геометріи, и ни одна алгебраическая формула не будетъ съ абсолютною точностью представлять мѣру величины или силы. Мы можемъ, поэтому, только сказать, *если* и *насколько*, напр., планетный путь соотвѣтствуетъ той *принимаемой нами* линіи, которую мы называемъ эллипсомъ, то къ этому пути съ необходимостью прилагаются всѣ свойства, *выведенныя* изъ понятія эллипса. Но ни о какомъ изъ этихъ свойствъ мы не можемъ вообще сказать, что оно принадлежитъ планетному пути, иначе какъ въ такомъ гипотетическомъ смыслѣ, и дѣйствительный путь планеты никогда не будетъ даже вполнѣ соотвѣтствовать этимъ нашимъ предположеніямъ.

Это—ядро ученія; что касается полемики противъ Уэвелля, то она несовсѣмъ правильна и свободна отъ предразсудковъ, хотя долго продолжавшійся споръ велся въ самыхъ приличныхъ формахъ. Милль, который вообще имѣетъ обыкновеніе разсматривать взглядъ противника вполнѣ добросовѣстно и ясно излагать его, невсегда правильно сообщаетъ взглядъ Уэвелля и приводитъ нѣкоторыя заявленія своего противника въ такой связи, въ какой они не стоятъ въ дѣйствительности [10]). Основаніе этого поразительнаго явленія заключается

[10]) Большой недостатокъ представляетъ уже то, что Милль ни въ одномъ мѣстѣ своей столь обширной полемики не приводитъ взглядовъ Уэвелля точно, его собственными словами и въ ихъ правильной связи, но постоянно подставляетъ такія понятія, въ которыхъ спорный вопросъ представляется съ *его* точки зрѣнія. Мы хотимъ дать одинъ-два примѣра происходящихъ отсюда искаженій, но при этомъ, чтобы не дать возникнуть никакому сомнѣ-

въ томъ, что Милль постоянно имѣетъ передъ глазами призракъ старыхъ врожденныхъ идей и платоновскихъ откровеній изъ сверхчувственнаго міра, который такъ долго господствовалъ въ метафизикѣ и связь котораго съ самыми злокачественными туманностями способна, конечно, раздражать трезваго, враждебнаго всякой мистикѣ противника. Это тоже самое основаніе, какое

нію, мы считаемъ нужнымъ пользоваться словами оригинала. Въ 5 гл. книги II, § 4, (I, стр. 258, изд. 3) стоитъ: «It is not necessary, to show, that the truths which we call axioms are originally *suggested* by observation, and that we should never have known that two straight lines cannot inclose a space, if we had never seen a straight lines: thus much being admitted by Dr. Whewell, and by all, in recent times, who have taken his view of the subject. But they contend, that it is not experience which *proves* the axiom; but that its truth is perceived a priori, by the constitution of the mind itself, from the first moment when the meaning of the proposition is apprehended; and without any necessity for verifying it by repeated trials, as is requisite in the case of truths really ascertained by observation. Отмѣченныя курсивомъ слова «suggest» и «prove» не находятся у Уэвелля въ этомъ смыслѣ и связи. Все это противопоставленіе «внушенія» и «доказательства» уже подставляется поверхностнымъ взглядомъ эмпиристовъ, для которыхъ «опытъ» есть нѣчто готовое, предстоящее почти какъ личное существо пассивному уму. По Уэвеллю, *въ каждомъ* познаніи дѣйствуетъ формальный, активный и субъективный элементъ, называемый имъ «idea» (у Канта «форма») вмѣстѣ съ матеріальнымъ, пассивнымъ и объективнымъ, «sensation» (по Канту «ощущеніе» или «многообразное въ ощущеніи»). Само собою вполнѣ понятно, что уже въ первоначальномъ познаніи аксіомной истины *дѣйствуютъ вмѣстѣ оба момента,* такъ какъ они вообще, подобно веществу и формѣ въ игральной кости, могутъ быть раздѣлены лишь въ понятіи. Поэтому, вовсе не можетъ быть рѣчи о согласіи на то, что «опытъ» даетъ аксіому безъ этого формальнаго элемента; напротивъ, признается лишь фактъ, что она вступаетъ въ дѣятельность только въ соединеніи съ внѣшнимъ и объективнымъ элементомъ. Точно также мало можетъ быть отдѣлено отъ чувственности убѣжденіе въ истинности аксіомы, какъ доказательный моментъ. Если, стало быть, рѣчь идетъ о «constitution of the mind», то не слѣдуетъ, какъ-либо платонизируя, видѣть въ этомъ «интеллектуальное созерцаніе», но *форму* той же самой чувственности, посредствомъ которой мы вообще получаемъ впечатлѣнія извнѣ и такимъ образомъ—опытъ. Очень недвусмысленно говоритъ въ этомъ отношеніи Уэвелль (Philos. of the induct. Sciences, I. p. 92): «The axioms require not to be granted, but to be seen. If anyone were to assent to them without seeing them to be true, his assent would be of no avail for purposes of reasoning; for he would be also unable to see in what cases they might be applied». (Аксіомы хотятъ быть не допускаемыми, а *видимыми*. Если бы кто-нибудь соглашался съ ними, не видя ихъ истины, то его согласіе не имѣло бы значенія для цѣлей умозаключенія, ибо онъ былъ бы также неспособенъ видѣть, въ

могло побудить у насъ *Ибервега* къ такимъ вопіющимъ несправедливостямъ противъ кантовской системы, въ которой онъ непремѣнно хотѣлъ найдти цѣлый аппаратъ сверхчувственныхъ откровеній, скрытыхъ за a priori. A priori Канта есть нѣчто вполнѣ иное, чѣмъ a priori старой метафизики, и все его пониманіе находится даже въ самой опредѣленной противоположности къ манерѣ Лейбница ставить истины разума выше опытныхъ познаній. Мы сейчасъ покажемъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ эмпиризму Милля въ строго кантовскомъ духѣ; но сначала мы хотимъ указать его слабые пункты, насколько они проявились въ спорѣ между Миллемъ и Уэвеллемъ.

Самое очевидное затрудненіе является прежде всего при аксіомахъ геометріи. Наше убѣжденіе, что двѣ прямыя линіи, продолженныя въ безконечность, не могутъ заключать пространства, должно быть получено путемъ индукціи изъ опыта, и однако мы не можемъ имѣть никакого опыта на этотъ счетъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Милль допускаетъ здѣсь, что созерцаніе въ фантазіи заступаетъ мѣсто внѣшняго созерцанія, но думаетъ, что доказательство будетъ тѣмъ не менѣе индуктивнаго рода. Фантазія можетъ замѣстить здѣсь внѣшнее созерцаніе именно потому, что мы знаемъ, что наши образы

какихъ случаяхъ слѣдуетъ примѣнять ихъ). Дальше, въ той же главѣ, § 5: «Intuition is imaginary looking (со ссылкою на Phil. of the ind. Sc. I, p. 130), but experience must be real lookirg: if we see a property of straight lines to be true by merely fancying ourselves to be looking of them, the ground of our belief cannot be the senses, or experience; it must be something mental». Этимъ мѣстомъ, въ которомъ Милль желаетъ передать взглядъ Уэвелля, былъ очевидно введенъ въ соблазнъ д-ръ *Когенъ* въ «Kants Theorie der Erfahrung», S. 90 (впрочемъ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ отношеніе Милля къ Канту изложено съ образцовою ясностью), почему и приписалъ Уэвеллю родственное съ *Лейбницевскимъ* взглядомъ ученіе (тамъ же, s. 95), которое справедливо опровергалось Миллемъ. Но ни о чемъ такомъ нѣтъ и рѣчи; выраженіе «нѣчто умственное», «something mental», которое имѣетъ вполнѣ такой видъ, подставлено Уэвеллю Миллемъ; поэтому, и «imaginary looking» не слѣдуетъ переводить «воображаемымъ зрѣніемъ», а просто зрѣніемъ въ фантазіи. Точно также Уэвеллю вовсе не приходитъ на мысль, — въ относящемся къ этому вопросу мѣстѣ (I. 150), — придавать особенное значеніе различію зрѣнія въ фантазіи отъ дѣйствительнаго зрѣнія; напротивъ, онъ прямо говоритъ: «If we arrange fifteen things in five rows of three, it is seen by *looking, or by imaginary looking*, wich is intuition, that they may also be taken as three rows of five». Стало быть, настоящему зрѣнію и зрѣнію въ фантазіи прямо приписывается одинаковое значеніе для процесса познанія. Уэвелль слѣдовательно, по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ, — строгій Кантіанецъ, на что мы указываемъ тѣмъ охотнѣе, что мы въ 1. изданіи, точно также введенные въ ошибку Миллемъ, не признавали этого.

фантазіи имѣютъ точно такія же отношенія, какъ внѣшніе предметы. Но откуда мы знаемъ это? Изъ опыта? Но тогда мы знаемъ и объ этомъ соотвѣтствіи лишь пока дѣло идетъ о конечныхъ разстояніяхъ.

Второе затрудненіе состоитъ въ томъ, что положеніе о гипотетическомъ лишь значеніи математическаго оказывается недостаточнымъ. Уэвелль обращаетъ вниманіе на то, что естественнонаучныя гипотезы никогда не бываютъ *необходимыми*. Онѣ болѣе или менѣе вѣроятны, но всегда могутъ быть замѣнены и другими. Математическія же положенія необходимы, слѣдовательно, не просто гипотетичны. Милль отвѣчаетъ на это, повидимому, поражающимъ замѣчаніемъ, что *необходимыя* гипотезы суть также гипотезы. Положимъ, мы видимъ себя вынужденными природою нашего ума принять, что существуютъ круги, прямые углы и т. д., то, все-таки, развѣ это принятіе не будетъ гипотетическимъ, такъ какъ мы совсѣмъ не знаемъ, существуютъ-ли въ природѣ круги, прямые углы и т. д., совершенно соотвѣтствующіе нашимъ математическимъ предположеніямъ? Но противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что было бы очень нецѣлесообразно переносить столь важный вопросъ въ сферу пустаго словопренія. Если существуетъ родъ гипотезы, который отличается отъ всѣхъ другихъ необходимостью своего возникновенія изъ нашего ума, то тѣмъ обобщеніемъ, что это все-таки также гипотезы, ничего не выигрывается; дѣло тутъ въ томъ, чтобы открыть внутреннее основаніе ихъ особенной природы. Но можно, далѣе, привести здѣсь также важное замѣчаніе объ отношеніи тѣлеснаго міра къ нашимъ представленіямъ. Именно, совершенно несправедливо то, будто бы мы дѣлаемъ *гипотезу*, что существуютъ *тѣла* или *вещи*, соотвѣтствующія предположеніямъ математическихъ сужденій. Математикъ развиваетъ свои положенія съ помощію созерцанія фигуръ безъ всякаго отношенія къ тѣламъ; но у него есть при этомъ убѣжденіе, что ему никогда и нигдѣ не можетъ встрѣтиться въ опытѣ объектъ, который противорѣчилъ бы этимъ положеніямъ. Внѣшній предметъ можетъ несоотвѣтствовать ни одной изъ формъ, развитыхъ въ математикѣ; тогда мы предполагаемъ, что дѣйствительная форма его необыкновенно сложна и, можетъ быть, непостоянна, такъ что наши простыя математическія воззрѣнія не могутъ исчерпать всей ея сущности. Но мы предполагаемъ въ тоже время, что эта сущность съ полною точностью опредѣляется по тѣмъ самымъ математическимъ законамъ, изъ которыхъ мы знаемъ и имѣемъ лишь первые элементы, — опредѣляется въ каждую безконечно малую единицу времени съ полною точностью.

Наконецъ, дѣло касается центральнаго пункта спора: понятія *необходимости* математическаго сужденія. Здѣсь Милль чувствуетъ себя особенно сильнымъ, доказывая исторически, что часто считалось вполнѣ немыслимымъ

нѣчто такое, что оказывается вѣрнымъ, или, наоборотъ, считалось необходимымъ то, что потомъ было признано грубымъ заблужденіемъ. Но именно здѣсь скорѣе находится самый слабый пунктъ всего эмпиризма. Именно, какъ скоро будетъ доказано, что наше сознаніе *необходимости* извѣстныхъ познаній *связано* съ нашимъ взглядомъ на *природу познавательной способности*, то главный пунктъ рѣшается окончательно противъ односторонняго эмпиризма, сколько бы не сдѣлано было ошибокъ въ томъ, что извѣстное положеніе выводится изъ природы познавательной способности.

Простое сравненіе можетъ выяснить это положеніе. Положимъ, я вижу, что контрастирующіе цвѣта имѣютъ особенную живость; это есть прежде всего индукція изъ неоднократнаго опыта. Я могу предполагать, что это будетъ всегда такъ, но я не могу знать этого. Новое неожиданное наблюденіе можетъ пойдти наперекоръ и принудить меня искать другаго высшаго понятія для общаго въ этихъ явленіяхъ. Но положимъ теперь, я открываю, что основаніе моего наблюденія заключается *въ свойствѣ моего глаза*; тогда я тотчасъ же заключу, *что это должно быть такъ во всѣхъ случаяхъ*. Для полной ясности предположимъ еще, что и здѣсь снова — *ошибка*; пусть, напр., не контрастъ самъ по себѣ, а лишь *въ большинствѣ случаевъ* соединенное съ контрастомъ побочное вліяніе производитъ разсматриваемый эффектъ. Тогда я точно такъ, какъ въ первомъ случаѣ, могу быть вынужденнымъ измѣнить свое сужденіе, хотя оно въ первомъ случаѣ было *ассерторическое*, а во второмъ *аподиктическое*. Я могъ бы даже, прежде чѣмъ я открылъ неточность моихъ физіологическихъ положеній, быть вынужденнымъ опытомъ отказаться отъ моего мнимо необходимаго сужденія. Но что доказывается этимъ? Конечно, не то, что мое предположеніе необходимости происходитъ изъ опыта. Я могъ бы даже постановить его прежде всякаго спеціальнаго опыта. Если, напр., я знаю, что у телескопа есть пятна въ стеклѣ, то я знаю, прежде чѣмъ я испыталъ это, что эти пятна *должны* являться на каждомъ предметѣ, на который я направляю телескопъ. Положимъ теперь, что я беру трубу, направляю ее на ландшафтъ, и—пятенъ нѣтъ! Что тогда? Матеріяльно мое сужденіе было ложно, но *форма необходимости* совершенно соотвѣтствовала положенію вещей. Я зналъ *основаніе всеобщности* ожидаемаго явленія, и оно-то и *давало мнѣ право на приложеніе аподиктической формы къ каждой частности, подходящей подъ этотъ случай*. Можетъ быть, я перемѣшалъ теперь нечистый телескопъ съ чистымъ, лежавшимъ рядомъ, или то, что я считалъ за пятно въ стеклѣ, было тѣнью, пятномъ въ моемъ собственномъ глазѣ; но вообще: я ошибся, и однако же былъ въ правѣ, судить въ аподиктической формѣ, насколько я вообще могъ судить.

Самая большая всеобщность относительно нашего познанія принадлежитъ, очевидно, тому, что обусловлено природою нашей познавательной способности, и въ этомъ одномъ смыслѣ мы имѣемъ право говорить о немыслимыхъ, или необходимомыслимыхъ вещахъ. Но здѣсь можетъ прежде всего имѣть мѣсто не только заблужденіе, ошибка, но и явное *злоупотребленіе* словомъ. Люди настолько находятся подъ вліяніемъ привычки, какъ очень справедливо указалъ Стюартъ Милль, что они, чтобы доказать какое нибудь очень привычное имъ положеніе, или чтобы отвергнуть новое утвержденіе, кажущееся имъ чудовищнымъ, очень охотно прибѣгаютъ къ тому, что сваливаютъ на способность мышленія и такія вещи, которыя очевидно подлежать прямо опыту. Но тамъ, гдѣ дѣйствительно можно было бы принять, что въ дѣлѣ участвуетъ познавательная способность, какъ въ случаѣ Ньютоновскаго закона, въ которомъ дѣйствіе на разстояніи можно считать нелѣпостью, мы можемъ быть однако-же опровергнуты опытомъ, или въ томъ отношеніи, что мы дѣйствительно заблуждались относительно природы способности мышленія, или въ томъ отношеніи, что при выводѣ изъ нея упустили изъ вида нѣкоторое побочное обстоятельство. Милль въ такомъ случаѣ думалъ бы, что онъ выигралъ свое дѣло, потому что стало быть *доказательность* истинности утвержденія заключается всетаки въ опытѣ; но дѣло идетъ вовсе не объ этомъ. Оно идетъ, скорѣе, о происхожденіи *аподиктической формы утвержденія*. Мы имѣемъ на нее право, какъ скоро я вывожу мое утвержденіе не изъ единичнаго наблюденія, а изъ нѣкотораго общаго и дознаннаго въ своей общности источника.

Мы хотимъ теперь попытаться, насколько это здѣсь возможно, изложить точку зрѣнія Канта во всей строгости. Вернемся къ аксіомамъ Эвклида! По Миллю, доказательность положенія, что двѣ прямыя линіи не могутъ замыкать пространства, заключается въ опытѣ, т. е. оно есть индукція изъ соединенія опыта съ созерцаніями фантазіи. Противъ этого нельзя возразить многаго и съ Кантовской точки зрѣнія. Что созерцаніе въ фантазіи причисляется къ опыту, это еще могло бы повести къ спору въ словахъ; что убѣжденіе въ истинѣ положенія получается *изъ чувственнаго созерцанія* и, поэтому, возникаетъ нѣкоторымъ образомъ индуктивно,—мысль не Кантовская по выраженію, но по сущности вполнѣ согласная съ Кантовскими взглядами [11]). Разница лишь въ томъ, что Кантъ начинаетъ тамъ, гдѣ Милль оканчиваетъ. Для Милля этимъ дѣло вполнѣ объясняется: для Канта здѣсь лишь начинается настоя-

[11]) См. *Когенъ*, Kants Theorie, s. 95, гдѣ къ положенію Милля, что аксіома: двѣ прямыя не могутъ заключать пространства, есть «*индукція, опирающаяся на чувственное доказательство*», коротко прибавляется: «Это совершенно по Кантовски».

щая проблемма. Эта проблемма гласитъ: *Какъ вообще возможенъ опытъ*? Но здѣсь дѣло идетъ еще не о рѣшеніи этой проблеммы, а лишь о доказательствѣ, *что она существуетъ*, что тутъ заключается еще вопросъ, котораго эмпиризмъ не можетъ разрѣшить. Доказательствомъ этого служитъ то, что существуетъ сознаніе *необходимости*, строгой *всеобщности* положенія, и что это сознаніе *не происходитъ изъ опыта*, хотя оно развивается лишь съ опытомъ или *по случаю* опыта.

Мы напомнимъ здѣсь снова о вопросѣ: почему мы знаемъ, что наши представленія въ фантазіи о двухъ линіяхъ имѣютъ точно такія же отношенія, какъ дѣйствительныя линіи [12])? Кантовскій отвѣтъ гласитъ: *потому, что мы сами установляемъ это согласіе*; конечно, не посредствомъ нѣкотораго акта нашего личнаго произвола, а вслѣдствіе самой сущности нашего ума, которая должна во всѣхъ представленіяхъ вступать въ связь съ происходящимъ извнѣ впечатлѣніемъ. Пространственное созерцаніе съ необходимо принадлежащими ему основными свойствами есть порожденіе нашего ума въ актѣ опыта и именно поэтому оно одинаково и необходимо принадлежитъ каждому вообще возможному опыту, какъ и каждому созерцанію въ фантазіи. Но мы забѣгаемъ впередъ. Отвѣтъ можетъ быть какимъ угодно; въ настоящую минуту достаточно указать лишь то, что нуженъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Также и самый вопросъ, строго ли вѣрно это необходимое сужденіе и откуда оно происходитъ, пока не относится сюда. Мы увидимъ далѣе, что это вопросъ не психологическій, а „трансцендентальный,“ и попытаемся объяснить это выраженіе Канта. Здѣсь дѣло идетъ о существованіи сужденія строгой необходимости и о происхожденіи этого сознанія необходимости изъ иного источника, а не изъ простой пассивной части опыта.

Переходимъ теперь къ тѣмъ нападеніямъ, которыя направляются не противъ a priori, а противъ *синтетической природы* математическихъ сужденій. Главное возраженіе здѣсь направляется не противъ пониманія понятій величинъ, какъ въ предъидущемъ случаѣ, а противъ пониманія *понятій чиселъ*; хотя естественно, и геометрическія аксіомы должны лишиться своей синтетической природы, если принципъ будетъ проведенъ. Новѣйшій извѣстный представитель этого взгляда *Р. Циммерманнъ* [13]) написалъ статью: *о математическомъ предразсудкѣ* Канта и его слѣдствіяхъ. Конечно, лучше было бы, если бы говорили о математическомъ предразсудкѣ *Лейбница* и такъ называли бы мнѣніе, что *вообще* изъ какихъ нибудь простыхъ положеній можетъ чисто аналитическимъ путемъ возникнуть цѣлая наука со множествомъ непредвидѣнныхъ частныхъ результатовъ! Строгія дедукціи Эвклида повели къ тому, что синтетическій факторъ слишкомъ мало замѣчался сравнительно съ чистою силлогистикою. Здѣсь думали имѣть передъ собою науку, которая развиваетъ всѣ свои познанія изъ самыхъ простѣйшихъ началъ лишь по закону противорѣчія. Изъ этого заблужденія возникъ предразсудокъ, что такое твореніе изъ ничего возможно съ помощію лишь волшебства формальной логики; ибо, въ дѣйствительности, для точки зрѣнія, допускающей Apriori, но желающей достичь всего аналитическимъ путемъ, дѣло идетъ строго говоря, о томъ, чтобы устранить и аксіомы или разрѣшить ихъ въ тождественныя сужденія.

Всѣ такія попытки сводятся въ концѣ концовъ къ извѣстнымъ общимъ понятіямъ о сущности пространства, а эти понятія безъ соотвѣтствующаго воззрѣнія — пустыя слова. Но тѣмъ, что аксіомы вытекаютъ изъ общей сущности пространства, какъ оно познается въ созерцаніи, ученіе Канта вовсе не опровергается, а скорѣе, подтверждается и объясняется. Большую ошибку, впрочемъ, дѣлаютъ, думая, что тѣми немногими положеніями, которыя предпосылаются, какъ аксіомы, или какъ описаніе общей природы пространства, исчерпываются синтетическія составныя части геометріи. Каждое вспомогательное построеніе, которое дѣлается ради какого-нибудь доказательства, имѣетъ синтетическую природу, и при этомъ поступаютъ совершенно неправильно, если принимаютъ, съ Ибервегомъ, синтетическую природу этихъ факторовъ, но отрицаютъ всякое значеніе ихъ для доказательства [15]).

[12]) *Когенъ*, Kants Theorie, s. 96, замѣчаетъ: «Но если мы спросимъ: откуда мы *знаемъ* и можемъ знать, что дѣйствительныя линіи будутъ *точно* таковы же, какъ воображаемыя? то Милль отвѣчаетъ: Другой достовѣрности въ сущности несуществуетъ для математики. Этимъ, однако, онъ беретъ назадъ свои изображенія очевидности этой науки».

[13]) Sitzungsber. der Wiener Akademie, phil. - hist. Klasse. 67. Bd. 1871, s. 7, fg.

[14]) Сведеніемъ атомовъ на извѣстныя общія основныя понятія о пространствѣ занимался, поэтому, уже Лейбницъ; ср. его статью: «In Euklidis πρῶτα» въ Leibn. mat. Schriften, hg. v. Gerhardt, 2 Abth. I Bd.; цитируемую въ сюда же относящейся рецензіи *Ибервега* на *Delboeuf* Prolégomènes philosophiques de la géometrie, Liège. 1860, въ 37 томѣ Zeitschrift f. Philos. u. phil. Kritik.— Ибервегъ пытается доказать здѣсь, какъ и въ своей статьѣ «über die Principien der Geometrie», появившейся уже въ 1851 году, въ Leipziger Archiv. Philol. u. Pädog. (Bd. VII, s. 1),—что аподиктичность математики согласима съ ея происхожденіемъ изъ эмпирически получаемыхъ аксіомъ. Попытки Ибервега, также какъ Дельбёфа и другихъ, доказываютъ, что, можетъ быть, можно развить общія свойства пространства раціональнѣе, чѣмъ это сдѣлано у Эвклида, но что они никакимъ образомъ не могутъ быть приведены къ понятіямъ, которыя можно было бы разумѣть безъ созерцанія.

[15]) Ибервега System der Logik, 3 Aufl., s. 267: «Не во вспомогатель-

Ибервегъ думаетъ, что для изобрѣтателя математическихъ положеній, пожалуй, существуетъ математическій „тактъ", „взглядъ", открывающій построенія преимущественной важности, но для научной строгости развитія этотъ геометрическій „взглядъ" имѣетъ не больше значенія, чѣмъ тактъ въ выборѣ цѣлесообразныхъ посылокъ въ другихъ дедукціяхъ. Такимъ образомъ, вполнѣ пропускается рѣшающій пунктъ: именно, что нужно *видѣть* или представить себѣ въ фантазіи построеніе, чтобы убѣдиться въ самой его возможности. Эта необходимость созерцанія распространяется даже на *опредѣленія*, которыя здѣсь отнюдь не всегда суть чисто аналитическія положенія. Если, напр., плоскость опредѣляется, какъ поверхность (Лежандръ), на которой каждая прямая линія, проведенная между двумя какими угодно точками, лежитъ на поверхности на всемъ своемъ протяженіи, то все-таки неизвѣстно, если не прибѣгать къ помощи созерцанія, что всѣ точки поверхности вообще можно соединять прямыми линіями. Если сдѣлать попытку силлогистически связать опредѣленіе плоскости съ опредѣленіемъ прямой линіи, не прибѣгая за помощью ни къ какому моменту созерцанія, то мы не достигнемъ цѣли. Разсмотримъ далѣе какое-нибудь изъ многочисленныхъ доказательствъ, въ которыхъ свойство фигуръ доказывается тѣмъ, что они накладываются другъ на друга, чтобы потомъ апагогическимъ путемъ достигнуть цѣли. Здѣсь дѣло идетъ не просто о *выборѣ* посылокъ, какъ думаетъ Ивербегъ, чтобы потомъ составить доказательство чисто путемъ силлогизма. Всегда, по крайней мѣрѣ, одну изъ посылокъ можно установить вообще, лишь прибѣгнувши къ помощи созерцанія покрыванія фигуръ! Поэтому, не имѣетъ никакого значенія для главнаго вопроса, считается-ли, вмѣстѣ съ Циммерманомъ, аналитическимъ положеніе, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками. Это—примѣръ, случайно выбранный Кантомъ для доказательства противнаго. Кантъ не находитъ въ *своемъ* опредѣленіи прямой линіи ничего, откуда можно было-бы взять понятіе наименьшаго разстоянія. [16]) Допустимъ, что можно внести это

———

ныхъ линіяхъ заключается доказательная сила, а въ дѣлающихся возможными при посредствѣ ихъ приложеніяхъ доказанныхъ раньше положеній, и въ послѣдней инстанціи аксіомъ и опредѣленій, къ доказываемому положенію, а это приложеніе есть, по своей сущности, силлогистическій пріемъ; вспомогательныя же линіи суть указатели пути, а не самые пути познанія, подмостки, а не строительные камни. Дѣло идетъ, естественно, о томъ, необходимы ли эти «указатели пути» и «подмостки» для развитія науки или нѣтъ, и нужно ли *созерцаніе* (которое едва-ли можно смѣшать здѣсь съ «опытомъ»), чтобы видѣть ихъ возможность, или нѣтъ».

[16]) Это, считаемое *Циммерманномъ* (тамъ же s. 18), «въ основаніи аналитическимъ», положеніе обстоятельно *доказывается* Ибервегомъ въ 14 примѣчаніи упомянутой статьи 1851 года: два различные пути, чтобы отдѣлаться отъ синтеза a priori!

понятіе уже и въ опредѣленіе и, слѣдовательно, *сдѣлать* положеніе аналитическимъ; тогда непосредственно рядомъ являются другія опредѣленія, относящіяся къ сущности прямой линіи, которыя, правда, очень „очевидны", но лишь на основаніи созерцанія. *Лежандръ*, также старавшійся о возможномъ уменьшеніи аксіомъ, выбралъ такое опредѣленіе; но непосредственно за нимъ слѣдуетъ добавленіе: очевидно, что если двѣ части двухъ прямыхъ линій совпадаютъ, то эти линіи совпадаютъ и на всемъ своемъ протяженіи. Откуда происходитъ эта очевидность? Изъ созерцанія!

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никому не удалось, —хотя-бы для вида, или какъ опытъ,—вполнѣ устранить изъ геометріи синтетическіе элементы, и *Ибервегъ*, посвятившій этой области необыкновенно много размышленій, увидѣлъ себя, поэтому, здѣсь приведеннымъ къ точкѣ зрѣнія Милля, допускающаго синтетическое въ геометріи, но объясняющаго его изъ опыта. *Бенеке*, къ которому Ивербегъ примкнулъ при этомъ ближе всего, объясняетъ *всеобщность* синтетическихъ геометрическихъ положеній быстрымъ сравненіемъ безконечнаго числа случаевъ. По причинѣ непрерывной связи, въ которой находятся другъ съ другомъ различныя формы (напр. уголъ въ треугольникѣ отъ 0 градусовъ до двухъ прямыхъ, измѣняющійся черезъ всѣ промежуточныя степени), этотъ обзоръ долженъ совершаться почти въ незамѣтное время. Безъ сомнѣнія, тутъ есть, если разсматривать дѣло психологически, нѣкоторая доля правды. Но изъ замѣчаній къ первому возраженію слѣдуетъ заключить, что кантовское ученіе просто превратно понимается, если думаютъ его этимъ опровергнуть.

Гораздо сильнѣе здѣсь, какъ сказано, нападеніе на синтетическую природу *ариѳметическихъ* положеній. *Циммерманъ* утверждаетъ, что сужденіе $7+5=12$, считаемое Кантомъ за синтетическое, есть не только аналитическое, но даже *тождественное*. Онъ допускаетъ, что для того, чтобы соединить 7 и 5, нужно выйдти какъ за понятіе 7, такъ и за понятіе 5, но при этомъ еще не получается сужденіе, а лишь подлежащее $7+5$. Сказуемое же 12 абсолютно тождествено съ нимъ.

Жаль, что Циммерманъ не правъ! Учителя въ элементарныхъ школахъ могли-бы тогда избавить себя отъ преподаванія сложенія; со счетомъ все было-бы готово. Какъ скоро-бы дитя на пальцахъ или на таблицѣ чиселъ пріобрѣло созерцаніе пяти или семи и выучилось-бы дальше, что число, слѣдующее за 11, называется 12, то ему должно было-бы быть уже ясно, что семь и пять составляютъ двѣнадцать, потому что вѣдь эти понятія тождественны!

Противъ этого существуетъ соблазнительное возраженіе, а именно такое, что недостаточно знать, что 11 и 1 будетъ 12, чтобы имѣть понятіе 12. Понятіе 12 заключаетъ въ своемъ совершенномъ развитіи знаніе всѣхъ способовъ его происхожденія изъ 11+1, 10+2, 9+3 и т. д. Это требованіе можетъ имѣть смыслъ для математика, развивающаго ученіе о числахъ по абстрактному принципу, хотя тотчасъ видно, что это же самое требованіе можно было-бы примѣнить и къ происхожденію 12 изъ его факторовъ и къ какимъ угодно другимъ видамъ дѣйствій. Можно даже представить себѣ такую методу преподаванія счисленія, при которой, по крайней мѣрѣ, всѣ виды возникновенія по четыремъ дѣйствіямъ продѣлывались-бы надъ каждыхъ отдѣльнымъ числомъ, начиная съ 1, по тому же самому принципу, какъ продѣлываютъ эти дѣйствія въ кругѣ чиселъ отъ 1 до 100, прежде чѣмъ переходятъ къ бóльшимъ числамъ. Тогда счетъ, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе изучались-бы въ одно и то же время, а вмѣстѣ съ этимъ съ самаго начала получилось-бы болѣе богатое содержаніемъ понятіе чиселъ. Но противъ такихъ возможностей положеніе Канта оправдывается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что нѣтъ обычая поступать такимъ образомъ [17]), что, напротивъ, фактически сначала составляютъ понятія чиселъ и послѣ того изучаютъ, какъ нѣчто новое, какое возникаетъ бóльшее число, если я два меньшія разлагаю на ихъ единицы и считаю эти единицы вмѣстѣ, начиная сначала.

Можно еще возразить, что изученіе сложенія есть лишь упражненіе въ употребленіи *словъ и знаковъ*, чтобы *выразить* данное число самымъ простымъ образомъ; *чистое понятіе* числа 12 вполнѣ дается *каждымъ отдѣльнымъ* видомъ его происхожденія, будь то 1 + 1 + 1 и т. д, будь то

---

[17]) Какъ мало Кантъ заслуживаетъ здѣсь упрека въ поверхностности, который скрыто заключается въ Циммермановскомъ изложеніи его ученія, можетъ показать уже одно не принятое Циммерманномъ въ расчетъ замѣчаніе, гдѣ Кантъ предостерегаетъ отъ смѣшенія *составленія* 7 и 5 *со сложеніемъ* ихъ. Въ дѣйствительности, въ понятіи сложенія уже заключается приложеніе ряда *единицъ* пяти къ ряду единицъ семи, такъ что, стало быть, начиная съ 8, мы 5 разъ подвигаемся на 1 въ ряду чиселъ,—какъ разъ та самая штука, которой лишь съ трудомъ должны научиться дѣти въ школахъ, когда они уже выучились нумераціи. Итакъ, подъ «соединеніемъ 7+5» Кантъ понимаетъ не то соединеніе, которое происходитъ вслѣдствіе возвращенія къ суммѣ единицъ и къ новому счисленію ихъ, а просто соединеніе сосчитанной группы семи съ сосчитанною также группою пяти. Большаго и не содержится ни въ понятіи соединенія, ни въ первоначальномъ смыслѣ знак+. Но такъ какъ мы употребляемъ его въ то же время, какъ знакъ дѣйствія сложенія, то Кантъ видѣлъ себя вынужденнымъ предотвращать прямо то недоразумѣніе, въ которое впалъ Циммерманнъ. — См. Krit. d. r. Vern. Elementarl. II. Th. I. Abth. II. Buch, 2 Haupst. 3. Abschn., Hartenst IV, S. 157. Если мы говоримъ, что положеніе Канта оправдывается уже простымъ фактомъ, что «не принято поступать такимъ образомъ», то въ этомъ заключается, конечно, также и указаніе, что различіе между аналитическими и синтетическими сужденіями—*относительное*, что, слѣдовательно, одно и тоже сужденіе, смотря по свойствамъ и сферѣ представленій судящаго субъэкта, можетъ быть и аналитическимъ, и синтетическимъ. Нельзя, однако, никакою научною обработкою понятія числа удалить синтетическій элементъ ариѳметики; можно лишь перенести его на другое мѣсто и болѣе или менѣе редуцировать. Во всякомъ случаѣ, Кантъ заблуждается, думая, что въ ариѳметикѣ существуетъ безконечное множество такихъ синтетическихъ положеній (почему онъ и хочетъ назвать ихъ не аксіомами, но числовыми формулами). Число ихъ зависитъ, напротивъ, отъ системы счета, такъ какъ синтезъ трехъ десятковъ и двухъ десятковъ есть совершенно таже функція, какъ синтезъ трехъ кремней и двухъ кремней. Кантъ, правда, утверждалъ (Einl. znr 2 Aufg. V, 1), что при *болѣе крупныхъ* числахъ ихъ синтетическая природа выступаетъ въ особенности ясно, такъ какъ, какъ бы мы здѣсь ни вертѣли понятіе, мы никогда бы не нашли, не прибѣгая къ помощи созерцанія, суммы изъ простаго анализа понятій. Противъ этого утвержденія *Ганкель*, Vorles. über die complexen Zahlen 1. Thl., Leipzig. 1867, S. 53, выставляетъ прямо противоположное. На пяти пальцахъ можно, конечно, основать 2 . 2=4, но доказывать такимъ же образомъ, положеніе 1000.1000=1000000 было бы, конечно, напраснымъ трудомъ. Послѣднее несомнѣнно справедливо, между тѣмъ какъ относительно отрицательной части Кантовскаго утвержденія еще многое зависитъ отъ того, чтó понимается подъ понятіемъ числа. Въ дѣйствительности, операціи съ болѣе крупными числами не выводятся ни прямо изъ понятія, ни прямо изъ созерцанія, но совершаются сплошь по той системѣ *дѣленія на частныя операціи*, которая лежитъ уже въ основаніи системъ нумераціи, и которая нашла въ арабской системѣ цифръ свое совершенно соотвѣтственное письменное выраженіе. Въ ежедневной жизни мы держимся почти только созерцанія этихъ *знаковъ* и притомъ въ послѣдовательномъ порядкѣ частныхъ операцій. Что созерцаніе чиселъ есть также созерцаніе, которое можетъ заступать мѣсто созерцанія *вещей*, очень хорошо изложилъ *Милль* (Logik, II Buch, Kap. VI, § 2, Bd. I, S. 306, der Uebers. von Schiel). Послѣдовательный порядокъ частныхъ операцій мы обыкновеняо соблюдаемъ чисто механически, но *правила* этого механизма научно *редуцируются* (съ помощію апріорическаго, по Миллю, «индуктивнаго») положенія, что равное, прибавленное къ равному, даетъ равное. Съ помощью подобнаго положенія наука можетъ свести синтетическіе элементы на минимумъ, но никогда не можетъ устранить ихъ вполнѣ, и при томъ здѣсь также, какъ въ геометріи, справедливо, что не только въ первыхъ началахъ, но и при дальнѣйшемъ ходѣ науки отъ времени до времени (здѣсь при переходѣ къ новому виду дѣйствій) неизбѣжны синтетическія, съ помощію созерцанія полученныя, положенія.—Здѣсь слѣдуетъ еще прибавить, что и *Зигвартъ* въ своей «Логикѣ» (Tübingen, 1873), на которую въ текстѣ уже не могло

6 + 6, или же 3 + 9. И это также неосновательно, ибо каждое понятіе числа мы получаемъ первоначально, какъ чувственный образъ группы предметовъ, будутъ-ли это лишь наши пальцы, или шарики счетовъ. Здѣсь можно привести, какъ полновѣсное доказательство въ пользу синтетической природы понятія чиселъ, методу счета и обозначеніе чиселъ у первобытныхъ народовъ и при началѣ культуры. Здѣсь повсюду въ основаніи лежитъ чувственный образъ группы или положенія пальцевъ, съ помощію которыхъ число предста-

быть обращено вниманія, настаиваетъ на *относительности* различія между Кантовскими аналитическими и синтетическими сужденіями (S. 106 и слѣд.). Что, далѣе, все различіе, разсматриваемое съ точки зрѣнія логики, имѣетъ очень сомнительную цѣнность, это можно допустить, не причиняя тѣмъ ущерба цѣли, которой достигаетъ это различіе въ Критикѣ частаго разума. Но если Зигвартъ утверждаетъ, что всѣ единичныя сужденія воспріятія, какъ, напр., «эта роза желта», «эта жидкость кисла», суть аналитическія, то опредѣленіе понятія аналитическаго, которое находится въ основаніи этого пониманія, еще болѣе сомнительнаго достоинства, чѣмъ Кантовское. Сужденіе «эта жидкость кисла» не можетъ быть отдѣлено отъ синтеза представленій (который по Зигварту долженъ предшествовать, какъ особенный актъ), не теряя всякой опредѣленности своего значенія. Сужденіе «эта роза желта» логически почти столькихъ же смысловъ, сколько можно представить обстоятельствъ, при которыхъ оно высказано. Такъ точно, и сужденіе «подсудимый виновенъ» въ устахъ свидѣтеля (S. 103, Anm.) не можетъ быть разсматриваемо, какъ аналитическое, такъ какъ говорящему понятіе «подсудимаго» дано судомъ, и онъ высказываетъ свое положеніе не для того, чтобы анализировать самому для себя это понятіе, но чтобы произвести синтезъ представленій субъекта и предиката для судей и присяжныхъ. Впрочемъ, вполнѣ напрасно будетъ пытаться классифицировать безконечное многообразіе въ измѣненіи психологическаго содержанія одного и того же словеснаго выраженія посредствомъ какихъ-либо иныхъ, а не относительныхъ понятій. Для обсужденія Кантовскаго раздѣленія и построенныхъ на немъ слѣдствій этотъ вопросъ маловаженъ, такъ какъ Кантъ, безъ сомнѣнія, относитъ генезисъ опытнаго сужденія къ моменту воспріятія, хотя высказываемое сужденіе слѣдуетъ лишь мгновеніемъ позднѣе. Совершенно тоже нужно сказать и о сужденіи 7+5=12, которое по Канту слѣдуетъ мыслить происходящимъ въ то мгновеніе, когда сложеніе единицъ достигаетъ 12, и слѣдовательно, совершается (признаваемый необходимымъ и Зигвартомъ) синтезъ представленій; между тѣмъ, напротивъ того, по Зигварту, этотъ психическій актъ синтеза представленій предшествуетъ, и затѣмъ уже слѣдуетъ (по *его* опредѣленію понятія, см. S. 101), аналитическое (еще разъ разлагающее полученный синтезъ представленій на субъектъ и предикатъ) сужденіе въ видѣ особаго акта. Поэтому, если и принять опредѣленіе понятія Зигварта, то, всетаки, существенное въ Кантовскомъ утвержденіи сохраняется, и только тогда не относится больше къ сужденію, а къ дѣлающему возможнымъ сужденіе психическому акту синтеза въ воспріятіи.

влялось наглядно [18]). Какъ скоро далѣе вмѣстѣ со Стюартомъ Миллемъ исходятъ изъ того, что всѣ числа суть „числа чего-нибудь“, и что предметы, о счисленіи которыхъ идетъ рѣчь, производятъ своимъ количествомъ опредѣленное впечатлѣніе на чувства, то нельзя сомнѣваться въ синтетической природѣ дѣйствія, совокупляющаго двѣ такія группы одинаковыхъ предметовъ, будетъ-ли то въ дѣйствительности, будетъ-ли то въ мысляхъ. Поэтому, Милль, вѣрный своему принципу, показываетъ также, что *опытомъ* достигается знаніе того, что три предмета, сгруппированные въ опредѣленной формѣ, все-таки составляютъ тоже самое общее число, если бы одинъ изъ нихъ и лежалъ немного въ сторонѣ, такъ что, стало быть, общее число является въ то же время раздѣленнымъ на двѣ части, какъ 2 + 1. [19]) Какъ мало Кантъ отвергаетъ этотъ видъ „опыта“, явствуетъ уже изъ того, что онъ для демонстраціи положенія 7+5=12 прибѣгаетъ къ помощи воззрѣнія пяти пальцевъ или же точекъ. Кантъ лишь нѣсколько глубже вникнулъ въ замѣченную и Миллемъ „замѣчательную особенность“ положеній, которыя касаются чиселъ, ту особенность,

[18]) См. объ этомъ *Tylor*, Anfänge der Cultur, übers. v. Sprengel und Poske, Leipzig. 1873, Kap. 7, die Zählkunst, I, S. 238—268. Здѣсь показывается, что люди считали по пальцамъ, прежде чѣмъ нашли слова для чиселъ. Такъ индѣйское племя на Ориноко обозначаетъ число пять «вся рука», 6 обозначается выраженіемъ, которое значитъ: «возьми одинъ отъ другой руки»; для десяти они говорятъ «обѣ руки»; потомъ идутъ пальцы ногъ, такъ что «вся нога» значитъ 15, «одинъ на другой ногѣ» 16; «индѣецъ» 20, «одинъ на рукахъ другаго индѣйца» 21 и т. д. Переводъ библіи на одинъ изъ меланезійскихъ языковъ передаетъ число 38 (Ev. Joh. 5, 5) черезъ: «Человѣкъ и обѣ стороны, пять и три». Какъ сильно происшедшіе такимъ образомъ знаки и выраженія сливаются съ представленіемъ считаемаго, въ особенности показываетъ странная грамматическая конструкція въ языкѣ Зулу. Здѣсь слово «указательный палецъ» (другой руки, причемъ начинаютъ съ большаго пальца) значитъ число семь. Вслѣдствіе этого, напр., положеніе «было семь лошадей» выражается посредствомъ: «лошади показывались указательнымъ пальцемъ». Гдѣ, затѣмъ, числительныя были изобрѣтены независимо отъ числа пальцевъ, тамъ числа представляли свойствами предметовъ, отъ которыхъ были заимствовано названіе, напр., «луна», или «земля» (существующія только единично) для 1, «глаза», «крылья», «руки» для двухъ. Характеристиченъ, далѣе, способъ счисленія Леттовъ: «Они бросаютъ краббовъ и мелкую рыбу, которую они хотятъ считать, по три штуки, а поэтому слово *mettens*, «бросокъ» стало обозначать 3, тогда какъ слово *kahlis* «веревка», по той причинѣ, что камбалы нанизываются по 30 штукъ, стало выраженіемъ для этого числа». (Тамъ же, S. 254).

[19]) См. Mill, System of Logic, book II, c. IV, § 2 и book III, c. XXIV, § 5. Въ переводѣ Шиля (Schiel) въ особенности Bd. I, S. 308 и слѣд. и Bd. II, S. 155—159.

„что они суть положенія, относящіяся ко всѣмъ вещамъ, ко всѣмъ предметамъ, ко всему существующему всякаго рода, что только знаетъ нашъ опытъ“, и что достаточно демонстраціи на одномъ видѣ предметовъ, чтобы вызвать убѣжденіе, что такъ должно быть и во всемъ, могущемъ намъ вообще встрѣтиться. Но это относится къ предыдущему возраженію; здѣсь дѣло идетъ лишь о синтетической природѣ понятій чиселъ, и тутъ Милль оказывается въ сущности совершенно одинаковаго мнѣнія съ Кантомъ [20]).

[20]) Заслуживаетъ здѣсь упоминанія стремленіе математиковъ вполнѣ освободиться отъ «предѣловъ» созерцанія и установить мнимо чисто интеллектуальную, свободую отъ созерцанія математику. Пока эти стремленія остаются въ области спеціалистовъ и отказываются вмѣшиваться въ принципіальное рѣшеніе философскихъ вопросовъ, до тѣхъ поръ трудно видѣть, насколько мы имѣемъ передъ собою сознательную оппозицію противъ Кантовскаго взгляда, или же лишь другой способъ выраженія. Въ извѣстномъ смыслѣ даже обыкновенная аналитическая геометрія уже освобождается отъ созерцанія; т. е., на мѣсто геометрическаго созерцанія она ставитъ гораздо болѣе простое созерцаніе ариѳметическихъ и алгебраическихъ величинъ. Не давно, однако, пошли значительно дальше, и повидимому, уже не разъ перешли границу между чисто технически - математическими предположеніями и философскими утвержденіями, не достигши и до сихъ поръ основательнаго рѣшенія спорнаго пункта. Такъ, именно, *Ганкель* въ 17 прим. цитированнаго сочиненія много разъ откровенно выражаетъ притязаніе на то, что его «общее ученіе о формахъ» должно представлять чисто интеллектуальную, свободную отъ всякаго воззрѣнія созерцанія математику, «въ которой соединяются не количества или ихъ образы, числа, но интеллектуальные объекты, мысленныя вещи, которымъ дѣйствительные объекты или ихъ отношенія *могутъ*, но *не должны* соотвѣтствовать». Общія формальныя отношенія, составляющія предметъ этой математики, онъ называетъ также «трансцендентальными» или «потенціальными», такъ какъ они заключаютъ въ себѣ возможность реальныхъ отношеній (Vorles. über compl. Zahlen, I. S. 9 и слѣд.). Ганкель прямо протестуетъ (S. 12) противъ принятія этой чисто формальной математики лишь за *обобщеніе* обыкновенной ариѳметики; она — «совершенно новая наука», правила которой «*не доказываются*, а лишь экземплифицируются» обыкновенною ариѳметикою. Но эта «экземплификація» и есть доказательство созерцательности синтетической основы этой новой науки, которая затѣмъ, конечно, можетъ проводить *дедуктивный пріемъ* на своихъ мысленныхъ вещахъ точно такимъ же способомъ, какъ алгебра дѣлаетъ это на общихъ числовыхъ знакахъ, а ариѳметика на дѣйствительныхъ числахъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ лишь ближе разсмотрѣть у Ганкеля, какъ и у *Грассманна*, настоящаго изобрѣтателя этого общаго ученія о формахъ (см. его совершенно философски написанное «Lineale Ausdehnungslehre», Leipzig 1844 г. и болѣе обширное, имѣющее математическую форму «Ausdehnungslehre», Berlin 1862), какое нибудь изъ общихъ понятій, съ которыми оперируется, чтобы тотчасъ же найдти факторъ созерцанія. Какъ мы можемъ, напр. знать, что слова, каковы «соединеніе», «замѣна» и т. д. означаютъ что нибудь вообще, если мы не призовемъ на помощь созерцанія соединенныхъ и замѣненныхъ предметовъ, будь то даже лишь буквы a b и b a? Стало быть, приходится, конечно, признать, что и «чисто формальная математика» въ дѣйствительности возникла по принципу обобщенія, какъ большая часть самыхъ важныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ математикою въ послѣднія столѣтія. Она ничего не теряетъ, вслѣдствіе этого, въ своемъ значеніи, и мы не должны считать невозможнымъ, что съ помощью такого же принципа и такимъ же путемъ изъ математики получится новый свѣтъ и для логики. Изслѣдованія *Римана* и *Гельмгольца* касающіяся трансцендентнаго (въ философскомъ смыслѣ) будутъ еще упомянуты ниже. Здѣсь замѣтимъ лишь, что значеніе созерцанія въ *Кантовскомъ* смыслѣ съ основательнымъ знаніемъ дѣла отстаивалъ противъ нихъ *I. К. Беккеръ* въ своихъ «Abhandlungen aus dem Grenzgebiete der Mathem. u. der Philosophie», Zürich 1870 и въ Zeitschr. für Mathem. u. Physik, 17 Jahrg., S. 314. «Ueber die neuesten Untersuchungen in Betreff unserer Anschauungen vom Raume».

Односторонніе эмпирики не обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что опытъ не есть открытая дверь, черезъ которую внѣшнія вещи входятъ въ насъ такими, каковы онѣ есть, но процессъ, посредствомъ котораго *въ насъ возникаетъ явленіе вещей*. Что будто при этомъ процессѣ всѣ свойства этихъ «вещей» приходятъ извнѣ, и человѣкъ, который ихъ воспринимаетъ, ничего при этомъ не дѣлаетъ, это противорѣчитъ всякой аналогіи природы при какомъ-бы то ни было возникновеніи новой вещи изъ взаимодѣйствія двухъ другихъ. Какъ ни далека Критика чистаго разума отъ представленія о взаимодѣйствіи двухъ силъ, въ результатѣ чего получается третья, не подлежитъ, однако же, никакому сомнѣнію, что этотъ образъ можетъ служить для перваго оріентированія въ вопросѣ объ опытѣ. Что *наши* вещи отличны отъ вещей самихъ по себѣ, можетъ, поэтому, показать уже простая противуположность между звукомъ и колебаніями струны, возбуждающими его. Изслѣдованіе признаетъ, правда, далѣе, и въ этихъ колебаніяхъ опять явленія и въ концѣ концовъ отодвигаетъ, достигши своей цѣли, «вещь въ себѣ» въ недосягаемую сферу лишь мысленной вещи; но, конечно, вполнѣ можно выяснить себѣ право Критики и смыслъ ея перваго подготовительнаго шага на этой противуположности между звукомъ и его внѣшнимъ возбудителемъ. То въ насъ, все равно, будемъ-ли понимать это физіологически или психологически, въ силу чего колебаніе струны становится звукомъ, есть Apriori въ этомъ процессѣ опыта. Если-бы мы не имѣли никакого чувства, кромѣ слуха, то весь опытъ состоялъ-бы въ звукахъ, и какъ-бы при этомъ все остальное познаніе ни слѣдовало изъ опыта, все-таки природа этого опыта совершенно опредѣлялась-бы

природою нашего слуха, и можно было-бы сказать,—не съ вѣроятностью, а съ аподиктическою достовѣрностью,—что всѣ явленія должны были-бы звучать. Нельзя, слѣдовательно, упускать изъ вида, что *возникновеніе опыта* совершенно отлично отъ *заключенія изъ опыта*. Фактъ, что мы вообще нѣчто испытываемъ, во всякомъ случаѣ, обусловленъ организаціей нашего мышленія [21]), и эта организація существуетъ *прежде опыта*. Она ведетъ насъ къ тому, чтобы различать признаки въ предметахъ, послѣдовательно понимать то, что нераздѣльно слито и одновременно въ природѣ, и излагать это пониманіе въ сужденіяхъ съ субъектомъ и предикатомъ. Все это не только существуетъ *прежде* опыта, но есть *условіе* опыта. Ничто иное, какъ разслѣдованіе этихъ первыхъ условій всякаго опыта въ мышленіи и чувственности, и есть ближайшая цѣль Критики чистаго разума. Кантъ прежде всего показалъ на примѣрѣ математики, что наше мышленіе дѣйствительно обладаетъ извѣстными познаніями a priori, и что даже обыкновенный разсудокъ никогда не бываетъ безъ таковыхъ. Отсюда, идя далѣе, онъ старается доказать, что не только въ математикѣ, но и въ каждомъ актѣ познанія вообще участвуютъ апріорные элементы, которые повсюду опредѣляютъ нашъ опытъ.

[21]) Въ первомъ изданіи здѣсь стояла наша «мыслительная способность», при чемъ это выраженіе было употреблено въ той всеобщности, въ которой и Кантъ часто говоритъ о душевныхъ способностяхъ, именно такимъ образомъ, что, безъ всякаго отношенія къ опредѣленному психологическому пониманію ихъ, понимается простая возможность данной функціи, о которой идетъ рѣчь. Мы предпочли удалить и это напоминаніе схоластическаго взгляда на психологію. Впрочемъ, нужно замѣтить здѣсь, что извѣстная полемика *Гербарта* противъ теоріи душевныхъ способностей касается лишь извѣстнаго популярнаго, хотя и широко распространеннаго ея искаженія. Правильное схоластическое представленіе ея состояло только въ томъ, что во всѣхъ психическихъ дѣйствіяхъ дѣйствуетъ одна и та же единая душевная сущность и что «способность» не есть особенный органъ, но лишь (объективно мыслимая) возможность этой опредѣленной дѣятельности. Такъ стоитъ дѣло и у *Вольфа*, какъ скоро мы держимся его опредѣленій, а не развитій, въ основаніи которыхъ очень часто находится популярное пониманіе способности по аналогіи тѣлесныхъ органовъ. Кантъ шелъ въ абстракціи отъ психологическаго еще дальше, такъ какъ онъ не могъ даже предполагать никакой собственно душевной сущности. Поэтому, для него душевная способность есть вполнѣ лишь возможность функціи неизвѣстнаго субъекта, и онъ удерживаетъ теорію способностей, очевидно, лишь потому, что думалъ дѣйствительно найдти въ ней годный въ дѣло перечень и классификацію явленій. Выводы изъ этой классификаціи, однако, часто и далеко отвлекали его отъ цѣли. Почему мы отнюдь не держались строго Кантовскаго выраженія «организація» или синонима ея «устройство», будетъ объяснено ниже.

Но какъ открыть эти элементы? Здѣсь—темный пунктъ въ кантовской системѣ, который, по собственному мнѣнію великаго мыслителя, едва ли можетъ устранить и самое тщательное изслѣдованіе. Однако же мы можемъ вполнѣ опредѣленно устранить одно далеко распространенное недоразумѣніе, которое связалось съ этимъ вопросомъ. Думали именно, что можно поставить дилемму: или сами апріорные элементы мышленія выводятся также изъ нѣкотораго a priori достовѣрнаго принципа, или они отыскиваются эмпирическимъ путемъ; но такого принципа нельзя найдти у Канта, а изысканіе эмпирическимъ путемъ не можетъ дать строго необходимаго результата: слѣдовательно, вся трансцендентальная философія Канта въ самомъ благопріятномъ случаѣ есть ничто иное, какъ отдѣлъ эмпирической психологіи. Доходили даже до утвержденія, что положенія, аподиктически достовѣрныя, должны выводиться и аподиктическимъ путемъ, слѣдовательно, изъ нѣкотораго a priori установленнаго принципа [22]). Какъ будто бы дѣло шло о томъ, чтобы доказать эти положенія! У Канта рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы *открыть* ихъ, и для этого у него нѣтъ другой руководящей нити, кромѣ вопроса: что долженъ я предположить, чтобы объяснить себѣ фактъ опыта? Психологическая сторона вопроса для него не только не главное дѣло, но онъ, очевидно, пытается обойдти ее, ставя свой вопросъ такъ обще, что отвѣтъ одинаковымъ образомъ соединимъ съ са-

[22]) Такъ думаетъ именно *Куно Фишеръ* и отчасти соглашающійся съ нимъ *Циммерманнъ* въ упомянутой уже статьѣ: «Kants mathematisches Vorurtheil». Sitzungsber. d. Wiener Ak., ph. h. kl., Bd. 67 (1871). S. 24—28.—*I. Б. Мейеръ* въ Kants Psychologie, S. 129 и слѣд., очень хорошо изобразилъ открытіе апріорическаго путемъ постоянной рефлексіи. См. также *Cohen*, Kant's Theorie der Erfahrung, S. 105—107. Когенъ, l. c., порицаетъ положеніе Мейера: «У Канта не выражено ясно того, что мы, конечно, не изъ опыта получаемъ апріорическія формы, но пріобрѣтаемъ сознаніе объ этомъ достояніи все-таки путемъ размышленія надъ опытомъ». Въ этой формѣ упрекъ Канту кажется, конечно, несправедливымъ; напротивъ того, несомнѣнно слѣдуетъ утверждать, что Кантъ недостаточно взвѣсилъ, что *размышленіе надъ опытомъ* есть точно также индуктивный пріемъ и не можетъ быть ничѣмъ другимъ. Всеобщность и необходимость математическихъ положеній выводится, несомнѣнно, не изъ опыта (надъ математическими объектами), а открывается рефлексіей. Но эта рефлексія совершенно не можетъ имѣть мѣста безъ опыта,—не надъ объектомъ математическаго, но надъ математическимъ, какъ объектомъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что притязаніе на достовѣрность *полнаго открытія* всего апріорическаго несостоятельно, а это притязаніе дѣлаетъ Кантъ, при чемъ онъ опирается, конечно, не на апріорическій выводъ апріорнаго, но на мнимонеопровержимую классификацію даннаго въ логикѣ и психологіи.

мыми различными психологическими теоріями [23]). Выведенія изъ нѣкотораго метафизическаго принципа, какъ пытались это сдѣлать его послѣдователи, начиная съ Фихте, Кантъ потому уже не могъ имѣть въ виду, что этимъ онъ предполагалъ бы уже метафизическій методъ, право и границы котораго онъ желаетъ изслѣдовать. Для него оставался, стало быть, только путь обыкновенной рефлексіи и хотя методическаго, но исходящаго отъ фактовъ размышленія. Что Кантъ сознательно вступилъ на этотъ путь, повидимому достаточно доказано, но ясно также, что онъ долженъ былъ обманываться въ послѣдствіяхъ этого пріема; иначе для него невозможно было бы такъ рѣзко налегать на его абсолютную надежность и такъ презрительно относиться ко всякой простой вѣроятности, какъ онъ неоднократно это дѣлалъ [24]). Это было результатомъ ме-

---

[23]) Большая часть всѣхъ туманностей въ критикѣ чистаго разума проистекаетъ изъ того единственнаго обстоятельства, что Кантъ предпринимаетъ психологическое, по общей его природѣ, изслѣдованіе безъ всякаго спеціальнаго психологическаго предположенія. Часто представляющійся начинающему безполезно-вычурнымъ способъ выраженія всегда имѣетъ основаніе въ томъ, что Кантъ хочетъ свое изслѣдованіе о необходимыхъ условіяхъ всякаго опыта вести съ такою всеобщностью, чтобы оно одинаково хорошо подходило къ какому угодно предположенію о трансцендентной сущности души, или говоря правильнѣе, чтобы оно трактовало о функціяхъ познающаго *человѣка* (не «души»), не предполагая ничего о сущности души, даже вообще не принимая души, какъ особенной отдѣльной отъ тѣла сущности.

[24]) Въ предисловіи къ 1. изданію (1781) *Кантъ* говоритъ: «что касается достовѣрности, то я самъ себѣ положилъ приговоръ: что въ этомъ родѣ разсужденій никоимъ образомъ непозволительно имѣть *мнѣніе*, и что все, что тутъ похоже на гипотезу, есть контрабанда, которая не должна имѣть хода и по самой незначительной цѣнѣ, но должна быть запрещена, какъ скоро она открыта. Ибо всякое познаніе, которое должно имѣть значеніе apriori, само утверждаетъ, что оно желаетъ быть признаваемо за абсолютно необходимое, и опредѣленіе всякихъ чистыхъ познаній apriori еще болѣе должно быть мѣриломъ, а слѣдовательно, даже примѣромъ всякой аподиктической (философской) достовѣрности». Такая рѣчь могла бы быть истолкована вполнѣ въ пользу (впрочемъ, совершенно несостоятельнаго) пониманія Куно Фишера (см. выше прим. 22), если бы изъ того же предисловія не было видно, что Кантъ имѣлъ при этомъ въ виду вообще лишь общую дедукцію категорій, какъ условія всякаго опыта (S. 92 и 93, 1 изд.), и что, съ другой стороны, онъ былъ одержимъ предвзятымъ мнѣніемъ, что уже «общая логика» представляетъ примѣръ того, что «всѣ ея простыя дѣйствія могутъ быть вполнѣ и систематически перечислены», такъ что здѣсь, при нахожденіи полной таблицы категорій, мнимая достовѣрность не есть достовѣрность дедукціи изъ принциповъ a priori, но достовѣрность полнаго обзора нѣкоторой мнимо данной области. Также сильное мѣсто въ Prolegomena (1783), S. 195 и слѣд., гдѣ Кантъ запрещаетъ себѣ игру вѣро-

тафизической школы, въ которой Кантъ выросъ, и преувеличеніе значенія прежнихъ предуготовительныхъ работъ, которыя, по его мнѣнію, онъ находилъ для своей цѣли въ традиціонной логикѣ, повидимому еще болѣе подкрѣпляло его въ этомъ. Онъ упустилъ изъ виду, что его методъ къ открытію Apriori не могъ быть въ дѣйствительности ничѣмъ другимъ, кромѣ метода *индукціи*.

Можетъ, правда, показаться очень убѣдительнымъ, что родоначальныя понятія нашего познанія a priori должны быть открыты также a priori, путемъ чистой дедукціи изъ необходимыхъ понятій, и все-таки это положеніе ошибочно. Слѣдуетъ различать необходимое положеніе отъ доказательства необходимаго положенія. Нѣтъ ничего легче мыслимаго, какъ то, что a priori достовѣрныя положенія находятся лишь путемъ опыта; даже—что граница между дѣйствительно необходимыми познаніями и такими положеніями, отъ которыхъ мы должны освободиться при продолжающемся опытѣ, не есть рѣзкая граница. Какъ для туманныхъ пятенъ звѣзднаго неба существуетъ величайшая вѣроятность, что нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ дѣйствительно изъ туманныхъ массъ, между тѣмъ какъ телескопъ разрѣшаетъ одно за другимъ въ кучи отдѣльныхъ звѣздъ; такъ нельзя ничего возразить противъ того, если мы въ длинномъ рядѣ основныхъ понятій и главныхъ принциповъ Канта разрушаемъ видимость познанія a priori и все таки держимся того, что существуютъ въ дѣйствительности основныя понятія и принципы, которыя уже даны въ нашемъ умѣ прежде

ятностей и предположеній и заявляетъ: «Все, что должно быть познано a priori, именно вслѣдствіе этого выдается за аподиктически достовѣрное и, стало быть, должно быть и доказано такимъ образомъ»,—еще не говоритъ, что *существованіе* такого познанія должно быть также и дедуцировано изъ принципа a priori. Напротивъ, *содержаніе* этого познанія a priori достовѣрно, но его *существованіе* выводится, по Канту, посредствомъ твердыхъ выводовъ по закону противорѣчія изъ нѣкотораго внутренно воспринятаго *факта*. Впрочемъ, мы должны здѣсь прямо замѣтить, что это опредѣленіе лишь абстрагируется изъ Кантовскаго дѣйствительнаго пріема, и что въ самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ никакого недвусмысленнаго доказательства того, что Канту совершенно ясны были методическія основы его великаго предпріятія. Скорѣе, вовсе не невѣроятно, что Кантъ еще недостаточно далеко ушелъ въ этомъ пунктѣ отъ взглядовъ своей появившейся въ 1763 году статьи «über die Evidenz in metaphysischen Wissenschaften», хотя они не подходятъ уже къ основной точкѣ зрѣнія Критики чистаго разума. Если мы, поэтому, въ этомъ пунктѣ по вѣскимъ основаніямъ и измѣнили излагаемый въ 1 изд. Ист. Матеріализма взглядъ на Кантовскій методъ, то мы всетаки были принуждены указать, что такія мѣста, какъ вышеприведенныя и многія подобныя, должны имѣть большой вѣсъ на противоположной чашкѣ вѣсовъ.

всякаго опыта, и по которымъ самъ опытъ направляется психологическимъ принужденіемъ. Миллю, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ заслуга доказательства, что за познанія a priori считался длинный рядъ положеній, которыя потомъ оказались ложными. Какъ ни ошибочна его попытка вывести и математическія положенія изъ опыта, но этимъ все таки не умаляется его заслуга. Несомнѣнно, что сознаніе общности и необходимости нѣкотораго положенія можетъ обманывать, но это, конечно, не доказываетъ, что такія положенія, во всякомъ случаѣ, происходятъ только изъ *опыта*. Милль самъ говоритъ, хотя не вполнѣ въ точномъ смыслѣ, о *заблужденіяхъ a priori*, и ихъ на самомъ дѣлѣ очень много. Съ ошибочнымъ познаніемъ a priori дѣло идетъ точно также, какъ съ познаніемъ a priori *вообще*. Оно чаще всего не есть безсознательно пріобрѣтенное опытное положеніе, но положеніе, необходимость котораго существуетъ вслѣдствіе физико-психической организаціи человѣка [25]), прежде всякаго особеннаго опыта, и которое, поэтому, является тотчасъ при первомъ опытѣ безъ всякаго посредства индукціи; оно, однако, ниспровергается, съ тою же самою необходимостью, въ силу болѣе глубоко-лежащихъ понятій a priori, какъ скоро извѣстный рядъ опытовъ даетъ перевѣсъ этимъ болѣе глубоко лежащимъ понятіямъ.

---

[25]) Выраженіе «*физикопсихическая организація*», можетъ быть, неудачно выбрано, но оно стремится указать мысль, что физическая организація, *какъ явленіе*, есть въ тоже время и психическая. Это, конечно, идетъ дальше Канта, но не такъ далеко, какъ можно подумать на первый взглядъ, и при томъ въ такомъ пунктѣ, который можно защищать, между тѣмъ какъ эта перемѣна вноситъ очень понятное, соединенное съ созерцаніемъ, понятіе на мѣсто трудно понятнаго Кантовскаго представленія о трансцендентальныхъ условіяхъ опыта. Вся разница заключается въ томъ, что Кантъ на мѣсто того вполнѣ непонятнаго, которое въ вещи въ себѣ лежитъ въ основаніи синтетическаго сужденія a priori, ставитъ *понятія*, какъ нѣчто достижимое для насъ, и что онъ говоритъ объ этихъ понятіяхъ, категоріяхъ, какъ будто бы онѣ были *началомъ* апріорическаго, между тѣмъ какъ онѣ по большей мѣрѣ суть лишь простое *выраженіе* его. Если мы хотимъ указать истинную причину апріорическаго, то мы вообще не можемъ говорить о «вещи въ себѣ», ибо на нее не простирается понятіе причины (или что тоже самое: относящееся къ ней сужденіе не имѣетъ иного значенія, кромѣ значенія округленія нашего круга представленій). Мы должны *поставить* на мѣсто вещи въ себѣ *явленіе*. И *понятіе* есть лишь явленіе; но если мы поставимъ его на мѣсто *причины понятія*, или будемъ разсматривать его какъ бы внутри являющагося, какъ послѣднюю причину, то мы впадаемъ черезъ это въ *платонизмъ*, уклоняющійся отъ основнаго критическаго принципа гораздо болѣе опаснымъ образомъ, чѣмъ выборъ выраженія «организація». Словомъ: вслѣдствіе упорнаго и очевидно вполнѣ обдуманнаго отклоненія понятія организаціи, которое должно было быть близко и для него самаго, Кантъ избѣгаетъ одной лишь *видимости матеріализма*, чтобы впасть въ идеализмъ, отрицаемый въ другихъ случаяхъ имъ же самимъ. Если мы желаемъ избѣгнуть этой дилеммы, то вся Критика чистаго разума разрѣшается въ *простую тавтологію*, такого содержанія—что синтезъ a priori имѣетъ свою причину въ синтезѣ a priori. Если допустить, напротивъ того, понятіе организаціи, то не только исчезаетъ тавтологія (которая, впрочемъ, даетъ самую простую, хотя самую несправедливую интерпретацію Критики чистаго разума), но и принужденіе олицетворять по платоновски категоріи; за то остается, какъ сказано, *видимость* матеріализма, но эту видимость должна принимать на себя каждая послѣдовательная интерпретація теоретической части Кантовской философіи. Въ чемъ заключались затрудненія, и какъ близко должно было находиться къ трансцендентальному изслѣдованію понятіе организаціи, всего лучше показываетъ *Рейнгольдовская* Theorie des menschlich. Vorstellungsvermögens (Prag und Jena, 1789), — какъ извѣстная попытка разрѣшить инымъ образомъ задачу Критики чистаго разума. Тутъ «теорія способности представленія вообще» начинается прямо съ опредѣленія ея посредствомъ «условій» представленія. Въ этомъ уклоненіи отъ всѣхъ особенныхъ метафизическихъ и психологическихъ предположеній (но также и въ наклонности къ тавталогіи), стало быть, она чисто Кантовская. Затѣмъ слѣдуетъ длинное разсужденіе (S. 195 — 199), которое вращается, главнымъ образомъ, около того, чтобы показать, что нельзя вносить организацію въ объясненіе представленія способности, потому что философы не согласны въ томъ, обосновывается-ли эта способность только организаціею (матеріалисты), или простою субстанціею безъ всякой организаціи, или же какимъ-нибудь видомъ взаимодѣйствія этихъ факторовъ. Слѣдовательно, здѣсь ясно видно, что рѣчь идетъ объ организаціи, какъ *о вещи въ себѣ*, такъ какъ иначе она не могла бы быть поставлена на ряду съ чисто трансцендентными монадами и другими изобрѣтеніями метафизиковъ. Если принимать, напротивъ того, организацію, *какъ явленіе*, слѣдовательно съ предположеніемъ, что она можетъ быть явленіемъ неизвѣстной вещи въ себѣ, то не только исчезаетъ матеріализмъ, но прекращается и всякое право координировать это положеніе съ изобрѣтеніями метафизиковъ. Пусть они, затѣмъ, принимаютъ, что въ основаніи этой организаціи нѣтъ *ничего дальше* (матеріализмъ), или что въ основаніи ея находится дѣятельность *монады* (Лейбницевскій идеализмъ), или нѣчто абсолютно неизвѣстное (критицизмъ); но какъ явленіе организація *дана*, между тѣмъ какъ все остальное прежде всего суть лишь химеры. Поэтому, мнѣ кажется, прямо предлежитъ необходимость эту *единственную* данную, въ которой сходятся всѣ особенности человѣческаго существа, — насколько мы о нихъ *знаемъ*, — по нити причинной связи привести въ связь и съ «способностью, представленія» или съ причиною синтеза a priori. Но не слѣдуетъ, какъ это имѣетъ обыкновеніе дѣлать, напр., *Отто Либманнъ*, говорить объ организаціи *духа*, ибо она трансцендентна, а стало быть, абсолютно координируется съ другими трансцендентными предположеніями. Напротивъ того, подъ организаціею просто, или подъ физико-психическою организаціею надо понимать то, что

Метафизикъ долженъ, далѣе, имѣть возможность различить постоянныя и *существенно* свойственныя человѣческой природѣ понятія a priori отъ преходящихъ, соотвѣтствующихъ лишь извѣстной степени развитія, хотя оба вида познанія a priori одинаковымъ образомъ соединены съ сознаніемъ необходимости. Но для этого онъ не можетъ пользоваться снова положеніемъ a priori, а, поэтому, и такъ называемымъ чистымъ мышленіемъ, потому именно, что сомнительно, имѣютъ ли основоположенія его прочное значеніе, или нѣтъ. Мы ограничены, стало быть, въ *отысканіи* и *испытаніи* общихъ положеній, которыя не происходятъ изъ опыта, одними обыкновенными средствами науки; мы можемъ устанавливать лишь вѣроятныя положенія о томъ, происходятъ ли понятія и формы мышленія, которыя мы принуждены теперь принимать безъ всякаго доказательства за *вѣрныя*, изъ постоянной природы человѣка, или нѣтъ; суть ли они, другими словами, истинныя основныя понятія всякаго человѣческаго познанія, или они окажутся когда нибудь „заблужденіями a priori".

Если мы вернемся теперь къ рѣшающему вопросу Канта: какъ возможны синтетическія сужденія a priori? то отвѣтъ таковъ: вслѣдствіе того, что во всякомъ познаніи находится факторъ, который происходитъ не отъ внѣшняго воздѣйствія, а изъ сущности познающаго субъекта, и который именно поэтому не есть факторъ случайный, но какъ внѣшнее впечатлѣніе необходимый и постоянно присущій во всемъ, что вообще можетъ намъ встрѣтиться. Дѣло идетъ теперь о томъ, чтобы найдти этотъ факторъ, и Кантъ думаетъ, что онъ можетъ

является нашему внѣшнему чувству какъ такая часть *физической организаціи*, которая находится въ самой непосредственной причиной связи съ психическими функціями, между тѣмъ какъ мы можемъ гипотетически принять, что въ основаніи этого явленія можетъ находиться чисто духовное отношеніе вещи въ себѣ, или же дѣятельность нѣкоторой духовной субстанціи. Чтобы правильно судить объ отношеніи Канта къ этому пониманію причины апріорнаго, нужно принять во вниманіе вмѣстѣ со многими мѣстами, имѣющими тоже значеніе, но менѣе ясными, въ особенности заключеніе критики *втораго паралогизма* трансцендентальной психологіи въ 1 изд. (1781), стр. 359 и слѣд.: здѣсь можно дать мѣсто лишь слѣдующимъ словамъ: «Такимъ образомъ, *именно то, что въ одномъ отношеніи называется тѣлеснымъ, въ другомъ отношеніи было бы въ то же время мыслящимъ существомъ*, мыслей котораго мы, правда, не могли бы созерцать, но всетаки могли бы видѣть знаки ихъ въ явленіи. Черезъ это *было бы устранено выраженіе, что мыслятъ лишь души* (какъ особые виды субстанціи); напротивъ, говорилось бы какъ обыкновенно, что *мыслятъ люди*, т. е. именно то, что, какъ внѣшнее явленіе, — протяженно, внутренно же (въ себѣ самомъ) есть субъектъ, который не сложенъ, но простъ, и мыслитъ».

достигнуть своей цѣли, разсматривая изолированно главныя функціи ума при познаніи—не заботясь объ ихъ психологической связи,—чтобы видѣть, какія апріорные элементы находятся въ нихъ. Приэтомъ онъ принимаетъ два главные корня человѣческаго познанія, *чувственность* и *умъ*. Глубокомысленно онъ замѣчаетъ, что оба они выходятъ, можетъ быть, *изъ общаго, неизвѣстнаго намъ корня*. Въ настоящее время эту догадку можно считать уже доказанною,—не Гербартовскою психологіею, или Гегелевскою феноменологіею духа, но извѣстными опытами физіологіи органовъ чувствъ, которые неопровержимо доказываютъ, что въ непосредственныхъ, повидимому, чувственныхъ впечатлѣніяхъ участвуютъ процессы, которые посредствомъ элиминаціи или дополненія извѣстныхъ логическихъ членовъ поразительно соотвѣтствуютъ силлогизмамъ и софизмамъ сознательнаго мышленія.

Кантъ, думая, что чувство и умъ происходятъ, можетъ быть, изъ общаго корня, не съумѣлъ воспользоваться этою мыслью для Критики чистаго разума, хотя у него долженъ былъ напрашиваться вопросъ, не слѣдуетъ ли искать истиннаго рѣшенія трансцендентальной проблемы именно въ единствѣ чувственности и мышленія. Онъ учитъ, правда, что въ познаніи должны дѣйствовать оба фактора вмѣстѣ; но даже въ способѣ, какъ онъ мыслитъ это совмѣстное дѣйствіе, обнаруживается еще сильный остатокъ того платоновскаго ученія о чистомъ, свободномъ отъ всякой чувственности мышленіи, которое проходило черезъ всю традиціонную метафизику и, наконецъ, у Лейбница нашло себѣ выраженіе, проникающее всю его систему, и господствовавшее въ воззрѣніяхъ Вольфовской школы. По Лейбницу, одно мышленіе понятій въ состояніи обнимать вещи ясно и соотвѣственно ихъ сущности; познаніе же чувствъ не только не есть равноправный другой источникъ познанія, но нѣчто абсолютно низшее; оно есть *спутанное* познаніе, а, слѣдовательно, неясный и смутный аналогонъ того, что въ высшемъ совершенствѣ совершаетъ чистое мышленіе. То, что Кантъ реформаторски совершилъ противъ этого, въ основаніи ложнаго взгляда, принадлежитъ къ самому лучшему, что онъ вообще сдѣлалъ; а то, что онъ удержалъ изъ стараго образа воззрѣнія, принадлежитъ къ самымъ слабымъ сторонамъ его системы.

Его заслуга въ томъ, что онъ возвысилъ чувственность на степень равноправнаго съ умомъ источника познанія; его слабыя стороны въ томъ, что онъ вообще удержалъ существованіе свободнаго отъ всякаго вліянія чувствъ ума. Превосходно его ученіе, что всякое мышленіе въ концѣ концовъ относится къ созерцанію, что безъ созерцанія намъ не можетъ быть данъ вообще никакой предметъ нашего познанія; посредствененъ, напротивъ того, взглядъ, что одно созерцаніе безъ всякаго содѣйствія мышленія не даетъ никакого по-

знанія, но, напротивъ, одно мышленіе безъ всякаго созерцанія все-таки содержитъ еще *форму* мышленія [26]).

Его методъ открыть путемъ *изолированія* чувственности, какіе апріорные элементы заключаются въ ней, можетъ также возбудить справедливое сомнѣніе, потому что онъ основывается на фикціи, методическій успѣхъ которой ничѣмъ не гарантированъ. Ни въ какомъ актѣ познанія нельзя наблюдать изолированную чувственность, такъ сказать въ ея отправленіи. Но Кантъ принимаетъ, что это можетъ случиться, и результатъ этого принятія есть положеніе, что апріорнымъ элементомъ въ созерцаніи должна быть *форма явленій*, *матеріалъ* которыхъ дается ощущеніемъ. И эта необходимая и общая форма всѣхъ явленій для внѣшняго чувства есть *пространство*, для внутренняго *время*.

Доказательство имѣетъ многіе недостатки; именно *ограниченіе* апріорнаго пространствомъ и временемъ неубѣдительно. Можно было-бы еще спросить, не принадлежитъ-ли сюда движеніе; можно, можетъ быть, доказать, что многія категоріи суть въ сущности не чистыя понятія разсудка, но созерцанія,

[26]) Конечно, еще задача будущаго показать, что «чистое мышленіе» въ смыслѣ метафизиковъ, изъ которыхъ Кантъ не составляетъ въ этомъ пунктѣ исключенія, *совершенно не существуетъ*. Кантъ оставляетъ чувственность чисто пассивною; поэтому, активный разсудокъ долженъ создать единство многообразнаго, чтобы произвести даже лишь простую пространственную картину чувственныхъ предметовъ. Но въ этомъ совершенно необходимомъ и субъективномъ актѣ синтеза, конечно, не находится ничего, что мы называемъ въ другихъ случаяхъ «разсудкомъ». Лишь при искуственно введенномъ въ дѣло предположеніи, что вся самодѣятельность принадлежитъ «мышленію», а вся воспріимчивость — чувственности, можно вообще синтезъ *впечатлѣній въ вещи* привести въ связь съ разсудкомъ. Но если мы находимъ, что синтезъ впечатлѣній въ вещь предполагаетъ категорію субстанціи, то слѣдуетъ спросить: *какъ категорію*? и отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Напротивъ, *чувственный синтезъ впечатлѣній* есть *основа*, изъ которой лишь развивается категорія субстанціи. Болѣе полное доказательство первичной чувственности всякаго мышленія повело бы здѣсь слишкомъ далеко. Можно замѣтить только, что даже *аподиктичность логики* совершенно сводится на пространственные образы представляемаго и что столь презираемые «ослиные мосты» логическихъ круговъ (или линій, угловъ и т. д.) далеко не простыя дидактическія подмостки, а напротивъ, заключаютъ въ себѣ *основаніе аподиктичности* логическихъ правилъ. Доказательство этого я имѣю обыкновеніе излагать, уже втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ моихъ лекціяхъ логики, и надѣюсь быть въ состояніи, если способность къ работѣ не покинетъ меня еще на нѣсколько лѣтъ, предложить это доказательство моимъ читателямъ.

какъ, напр., категорія пребывающей субстанціи въ измѣненіи. Даже качества чувственныхъ впечатлѣній, какъ цвѣтъ, звукъ и т. д., не заслуживаютъ можетъ быть такого полнаго и совершеннаго отверженія, какъ нѣчто индивидуальное, субъективное, откуда не могутъ вытекать никакія апріорныя положенія, и на чемъ, поэтому, не можетъ основываться никакая объективность. Но болѣе всего сомнительно положеніе, которымъ Кантъ желаетъ показать, что *вносящая порядокъ форма* должна быть нѣчто апріорное, именно положеніе, *что ощущеніе не можетъ упорядочиваться ощущеніемъ же*. Между скудными зачатками будущей научной психологіи есть положеніе, которое учитъ, что—въ обыкновенныхъ предѣлахъ—ощущеніе возростаетъ какъ *логариѳмъ* соотвѣтствующаго раздраженія:—формула $x = \log y$, которую Фехнеръ положилъ, какъ „законъ Вебера“ въ основаніе своей психофизики. Не невѣроятно, что этотъ законъ имѣетъ основаніе въ самомъ сознаніи, а не въ тѣхъ психофизическихъ процессахъ, которые совершаются между внѣшнимъ (физическимъ) раздраженіемъ и актомъ начала сознанія [27]). Можно, поэтому, не насилуя вещи (имена должны подчиниться!), различать количество идущаго къ сознанію ощущенія (y) и количество ощущенія, принятаго сознаніемъ (x). При этомъ предположеніи, математическія формулы, къ которымъ насъ приводитъ точное изслѣдованіе, выражаютъ, въ сущности, ничто иное, какъ то, что проникающее въ каждое мгновеніе количество ощущенія есть *единица*, которою сознаніе каждый разъ измѣряетъ степень подлежащаго воспріятію прироста.

Какъ ощущеніе можетъ измѣряться ощущеніемъ по интенсивности, такъ оно можетъ располагаться въ представленіи сосуществованія по существующимъ уже ощущеніямъ. Многочисленные факты доказываютъ, что ощущенія группируются не по готовой формѣ, — представленія пространства, — но что, наоборотъ, само представленіе пространства обусловливается нашими ощущеніями. Линія, составляющаяся изъ множества частицъ, возбуждающихъ ощущеніе, всегда длиннѣе для непосредственнаго сознанія, чѣмъ равная ей по длинѣ математическая линія, непредставляющая никакихъ особенныхъ

[27]) Новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, повидимому, противоположное, но дѣло нуждается еще въ подтвержденіи. Именно, изъ изслѣдованій гг. Дивара и Мэкъ-Кендрика надъ измѣненіемъ электромоторной силы зрительнаго нерва подъ вліяніемъ свѣта на сѣтчатую оболочку видно, что измѣненіе пропорціонально не количеству свѣта, но логариѳму частнаго, откуда выводится, что психофизическій законъ Фехнера обусловливается не сознаніемъ, а анатомическимъ строеніемъ и физіологическими свойствами самаго концеваго органа. См. англ. журналъ Nature, № 193, 10 іюля 1873 г. и переводъ въ «Naturforscher», herausg. v. Dr. Sklarek, VI, № 37, 13 September 1873.

опорныхъ пунктовъ для возбужденія ощущеній. Именно поэтому, наши обыкновенныя представленія пространства суть, отъ начала до конца, представленія нематематическія и составляютъ неисчерпаемый источникъ тонкихъ обмановъ, потому что наши ощущенія не находятъ въ умѣ никакой готовой системы координатъ, по которой они могли-бы расположиться, такъ какъ такая система съ большимъ несовершенствомъ развивается неизвѣстнымъ образомъ лишь изъ естественной конкурренціи ощущеній.

V При всемъ томъ, мысль, что *пространство и время* суть *формы*, которыя человѣческій умъ придаетъ предметамъ опыта, отнюдь не такова, чтобы быть отвергнутою безъ дальнѣйшихъ разсужденій. Она точно также смѣла и величественна, какъ положеніе, что всѣ явленія мнимаго тѣлеснаго міра, вмѣстѣ съ пространствомъ, въ которомъ они располагаются, суть лишь *представленія* нѣкотораго чисто духовнаго существа. Но, между тѣмъ, какъ этотъ *матеріальный* идеализмъ всегда ведетъ къ безпочвеннымъ умозрѣніямъ, Кантъ своимъ *формальнымъ* идеализмомъ лишь открываетъ для взгляда бездны метафизики, не теряя связи съ опытными науками. Дѣло въ томъ, что, по Канту, эти существующія прежде опыта формы нашего познанія способны дать намъ познанія лишь при посредствѣ опыта, тогда какъ внѣ круга нашего опыта онѣ теряютъ всякое значеніе. Ученіе о „прирожденныхъ представленіяхъ“ нигдѣ не опровергается полнѣе, какъ именно здѣсь; ибо, тогда какъ по мнѣнію старой метафизики прирожденныя представленія суть, такъ сказать, свидѣтели изъ нѣкотораго сверхчувственнаго міра, и могутъ, даже собственно и предназначены имѣть дѣло съ сверхъестественнымъ, апріорные элементы познанія служатъ, по Канту, исключительно для употребленія въ опытѣ. Ими опредѣляется весь нашъ опытъ и посредствомъ ихъ познаемъ мы всѣ необходимыя отношенія предметовъ нашего опыта; но именно по причинѣ такой ихъ природы, какъ формы всяческаго человѣческаго опыта, напрасна каждая попытка приложенія этихъ формъ къ сверхчувственному. Однако, здѣсь намъ прямо напрашивается вопросъ: что такое вся опытная наука, если мы снова находимъ лишь нами самими созданные законы въ вещахъ, которыя вовсе не вещи, а лишь „явленія“? Къ чему ведетъ вся наша наука, если мы должны представлять себѣ *абсолютно* существующія вещи, „*вещи въ себѣ*“, безъ пространства и времени, а стало быть, вполнѣ непонятнымъ для насъ образомъ?—Въ отвѣтъ на эти вопросы мы даемъ покамѣсть лишь противо-вопросъ: кто же говоритъ, что мы вообще должны заниматься непонятными для насъ „вещами въ себѣ“? Развѣ не существуютъ, во всякомъ случаѣ, естественныя науки, такъ какъ онѣ существуютъ, и развѣ не дѣлаютъ онѣ того, что онѣ дѣлаютъ, совершенно независимо отъ мысли

о послѣднихъ основаніяхъ всей природы, къ которымъ мы приведены философскою критикою?

Разсматривая дѣло съ этой стороны, мы не будемъ, стало быть, имѣть никакого повода, неразобравши отвергать ученіе объ апріорности пространства и времени. Да и сомнѣній, которыя мы возбудили насчетъ психологическаго возникновенія представленія пространства, отнюдь недостаточно для такого отверженія.

Что касается принятія нами возникновенія представленій пространства изъ ощущенія, то этимъ дѣло не рѣшается. Это большая разница, разсматриваются-ли представленія пространства въ своемъ *развитіи*, или же ставится вопросъ, отчего это происходитъ, *что мы вообще воспринимаемъ пространственно*, т. е., что наши ощущенія въ ихъ взаимодѣйствіи производятъ представленіе нѣкотораго измѣримаго по тремъ протяженіямъ существованія, къ которому присоединяется, такъ сказать, какъ четвертое протяженіе всего существующаго, представленіе слѣдованія времени. Если пространство и время и не суть *готовыя* формы, которыя наполняются матеріаломъ посредствомъ нашего сношенія съ вещами, то они могутъ все-таки быть формами, которыя въ силу *органическихъ* условій, можетъ быть недостающихъ въ другихъ существахъ, необходимо вытекаютъ изъ нашего механизма ощущенія. Едва-ли даже, въ самомъ дѣлѣ, возможно въ этомъ болѣе тѣсно ограниченномъ смыслѣ сомнѣваться въ апріорности пространства и времени, и вопросъ, скорѣе, вращается около того, что Кантъ называетъ „*трансцендентальною идеальностью*“ пространства и времени, т. е., около вопроса, дѣйствительно-ли пространство и время *внѣ* нашего опыта *не имѣютъ болѣе никакого значенія*. Несомнѣнно, что Кантъ это признаетъ. По его мнѣнію, пространство и время имѣютъ дѣйствительность для области человѣческаго опыта, насколько они суть необходимыя формы нашего чувственнаго созерцанія: внѣ же его они суть, точно также, какъ всѣ идеи, выходящія изъ круга опыта, простые миражи.

Здѣсь дѣло стоитъ, очевидно, такъ, что *психофизическое устройство*, въ силу котораго мы принуждены созерцать вещи въ пространствѣ и времени, во всякомъ случаѣ, существуетъ прежде всякаго опыта, и насколько *уже первое* ощущеніе внѣшней вещи должно связываться хотя-бы съ неяснымъ пространственнымъ представленіемъ, на столько, стало быть, пространство есть apriori данный способъ чувстеннаго созерцанія. Но что есть „*вещи въ себѣ*“, имѣющія *безпространственное и безвременное существованіе*, Кантъ никогда не могъ-бы доказать намъ изъ своихъ принциповъ, потому что это было-бы трансцендентнымъ, хотя и отрицательнымъ, познані-

емъ свойствъ „вещи въ себѣ“, а такое познаніе по собственной теоріи Канта вполнѣ невозможно. Но это и не есть мнѣніе Канта; для него достаточно было доказать, что пространство и время имѣютъ абсолютное значеніе для всякаго опыта лишь вслѣдствіе того, что они, какъ *формы опыта*, заключаются въ субъектѣ, а, *стало быть*, ихъ значеніе не можетъ распространяться за предѣлы области ихъ отправленія. Ничто не мѣшаетъ намъ, напротивъ того, если мы хотимъ вступить на эту сомнительную почву, *предполагать*, что эта область простирается дальше круга нашихъ представленій [28]). Даже самъ Кантъ высказываетъ случайно догадку, что „всѣ конечныя мыслящія суще-

[28]) Само собою понятно, что здѣсь нельзя принять, напр, Тренделенбурговской «теоріи пробѣловъ», «Lückentheorie», ибо Тренделенбургъ хочетъ не только, чтобы пространство было въ одно и то же время субъективно и объективно, но онъ устанавливаетъ и причинную связь между тѣмъ и другимъ, и думаетъ, что Кантъ упустилъ изъ виду такую возможность, между тѣмъ какъ онъ обосновываетъ всеобщность и необходимость пространства и времени именно на томъ, что эти формы суть *лишь* и *исключительно* субъективныя. См объ этомъ тщательное разсужденіе д-ра *Эмиля Арнольда* Kants transcendentale Idealität des Raumes und der Zeit. Königsberg, 1870 (Отдѣльный оттискъ изъ Altpreuss. Monatsschrift, Bd. VII), также какъ Dr. *Cohen*, Kants Theorie der Erfahrung, V. S. 62—79. Но слѣдуетъ еще, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, прибавить къ этимъ, совершенно правильнымъ, въ строгой связи системы, изложеніямъ замѣчаніе, что Канту вовсе не могло прійдти на мысль желать доказывать *безпространственность и безвременность вещей въ себѣ*, что невозможно по всецѣлой точкѣ зрѣнія критики. Для него достаточно показать, что пространство и время (о которыхъ мы вообще знаемъ что-либо только въ силу нашего *представленія*) совершенно не имѣютъ *никакого значенія* внѣ опыта. Если Кантъ, вмѣсто болѣе строгаго выраженія — наше представленіе о пространствѣ «ничего не значитъ», иногда говоритъ кратко: «*пространство есть ничто*», то это слѣдуетъ все таки всегда понимать въ одномъ и томъ же смыслѣ: *наше* пространство, а другого мы *не знаемъ*. Относительно другихъ существъ (см. слѣд. примѣчаніе) мы можемъ, конечно, догадываться, что они точно также имѣютъ пространственныя представленія, но относительно пространственности, какъ свойства вещи въ себѣ, мы не можемъ даже представлять возможности. Настолько, но не дальше идетъ отрицаніе. Кто желаетъ, однако же, идя путемъ находящагося вполнѣ внѣ системы *предположенія*, допустить, что протяженіе въ трехъ измѣреніяхъ принадлежитъ и вещамъ въ себѣ, тому Кантъ никогда не можетъ возразить ничего иного, кромѣ того, что онъ гоняется за призраками. О наглядно доказанной невозможности объективнаго пространства въ этомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи; можно только утверждать, что каждое перенесеніе свойствъ *извѣстнаго намъ* пространства на это воображаемое (ср. напр., безконечность!) будетъ неправильно, и такимъ образомъ, воображаемое понятіе обращается въ самомъ дѣлѣ въ пустое.

ства“ должны „необходимо“ (т. е. по нѣкоторому скрытому въ насъ всеобщему принципу) согласоваться „въ этомъ“ (въ способѣ созерцанія посредствомъ пространства и времени) «съ человѣкомъ» [29]). Но это другими словами значитъ, стало быть, что всякое познаніе о предметахъ необходимо одинаково съ нашимъ; исключая, однако, возможный, чисто проблематическій божественный способъ познанія. Съ другой стороны можно также допустить, что намъ мыслимы, напр., существа, которыя въ силу своей организаціи совершенно не въ состояніи измѣрять пространство по тремъ протяженіямъ, которыя, можетъ быть, понимаютъ его только по двумъ, а можетъ быть даже не понимаютъ ни по одному явственному протяженію. Соотвѣтственно этому, нельзя отрицать также возможность такого пониманія, которое основывается *на болѣе совершенныхъ* понятіяхъ пространства, чѣмъ наше.

Если-бы, далѣе, было вѣрно, что всѣ вещи во вселенной находятся во взаимодѣйствіи, и все неизмѣнно связано по законамъ, то и поэтическія слова Шиллера „Und in dem Heute wandelt schon das Morgen“ a) были-бы въ самомъ строгомъ смыслѣ слова метафизическою истинною, и были-бы мыслимы также умы, которые понимаютъ какъ нѣчто одновременное то, что для насъ находится въ *послѣдованіи времени*. Достовѣрно, конечно, что мы ничего не можемъ знать обо всемъ этомъ, и что здравая философія занимается такими вопросами только тогда, когда требуется опровергнуть догматическое

[29]) См. II. Ausgabe. S. 72 въ концѣ общихъ примѣчаній къ трансцендентальной эстетикѣ (III, S. 79, Hartenst): «Нѣтъ также необходимости, чтобы мы ограничивали способъ созерцанія въ пространствѣ и времени чувственностью человѣка; положимъ даже, что всѣ конечныя мыслящія существа должны необходимо согласоваться въ этомъ отношеніи съ человѣкомъ (хотя мы не можемъ рѣшить этого), то всетаки такой способъ въ силу этой всеобщности значенія не перестаетъ оставаться чувственностью» и т. д. Далѣе, также конечно внѣ системы, дѣлается часто повторяющееся замѣчаніе, что иной способъ пониманія, именно, «интеллектуальное созерцаніе», конечно, принадлежитъ лишь высшему существу (Богу). Этотъ фантомъ нѣкотораго интеллектуальнаго созерцанія, начинаетъ играть, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ большую роль и въ системѣ: именно въ силу изслѣдованнаго, въ прим. 25, произвольнаго предположенія, что активно можетъ быть лишь наше мышленіе, а наша чувственность можетъ быть лишь пассивною. — Мимоходомъ скажемъ, что въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ Канта можно найдти ясный примѣръ *проблематической необходимости*, — комбинацію, въ которой проф. *Шиллингъ* (Beitr. zur Gesch. u. Kr. d. Mat., Leipz. 1867) нашелъ «очевидное логическое противорѣчіе», что можно упомянуть единственно, дабы показать, какъ безсмысленно можетъ трактоваться логика.

a) И въ сегодняшнемъ днѣ живетъ уже завтрашній.

утвержденіе абсолютной объективности нашихъ представленій пространства посредствомъ указанія противоположныхъ возможностей. Кантъ, во всякомъ случаѣ, правъ въ томъ, что въ насъ есть начало пространственнаго и временнаго созерцанія a priori, и въ томъ его заслуга для всѣхъ временъ, что онъ на этомъ первомъ, великомъ примѣрѣ показалъ, *что именно то, чѣмъ мы владѣемъ a priori, не имѣетъ внѣ нашего опыта уже никакого притязанія на значеніе*, потому что оно происходитъ изъ устройства нашего духа.

Что касается отношенія къ матеріализму, то матеріализмъ принимаетъ пространство и время, какъ въ сущности и весь чувственный міръ, просто за нѣчто объективное. Уклоненія отъ этой точки зрѣнія, какъ они встрѣчаются, напр., у Молешотта, суть уклоненія отъ системы матеріализма. Именно относительно пространства и времени матеріализмъ чувствуетъ себя, навѣрное, всего безопаснѣе противъ критики Канта; ибо здѣсь мы имѣемъ не только сознаніе, что мы не можемъ представить себѣ конецъ пространства и времени, или созерцаніе, вовсе не связанное съ пространствомъ и временемъ, но даже при самомъ высшемъ отвлеченіи мышленія, вполнѣ отказывающагося отъ невозможной наглядности, намъ все еще кажется вѣроятнымъ, что у различныхъ животноорганизованныхъ существъ могутъ существовать различныя степени *пониманія* пространства и времени, но что сами эти формы по глубочайшей своей сущности принадлежатъ каждому возможному пониманію, такъ какъ онѣ обоснованы въ сущности вещей. Желая сдѣлать больше, Кантъ дѣйствительно сдѣлалъ по крайней мѣрѣ меньшее. Онъ установилъ сомнѣніе въ томъ, значатъ-ли вообще что-нибудь пространство и время внѣ опыта мыслящихъ конечныхъ существъ; и притомъ, далеко не желая оставить эти границы и пуститься съ метафизическими умозрѣніями въ лишенную всякихъ путей область „абсолютнаго бытія“, онъ поколебалъ первобытную наивность чувственнаго вѣрованія, которая лежитъ въ основаніи матеріализма, поколебалъ сильнѣе, чѣмъ это могла сдѣлать какая-нибудь система матеріальнаго идеализма. Ибо когда этотъ идеализмъ предлагаетъ намъ свои идеи, какъ настоящую дѣйствительность, пробуждается логическая совѣсть трезваго мышленія, и тогда мы слишкомъ склонны отвергнуть вмѣстѣ съ поэтическими образами такихъ умозрѣній и основаніе, которое справедливо приводится противъ абсолютной дѣйствительности чувственнаго міра, какъ мы его себѣ представляемъ.

Какъ Кантъ установилъ для чувственности пространство и время, какъ формы созерцанія a priori, такъ онъ хотѣлъ доказать, что для области разсудка a priori данныя основныя понятія суть *категоріи*. Это доказательство,

какъ оно ни недостаточно, стоило ему большой головоломной работы. По поводу одного изъ этихъ понятій, *понятія причинности*, противъ котораго *Юмъ* направилъ свой разрушительный скептицизмъ, Кантъ дошелъ, нѣкоторымъ образомъ, до всей своей философіи, и мнимое открытіе полной таблицы категорій внушило, вѣроятно, Канту рѣшимость выступить реформаторомъ философіи, когда онъ уже достигъ не малой славы, какъ философъ Вольфовской школы, и преимущественно, какъ основательный знатокъ математики и естественныхъ наукъ. Послушаемъ однако собственныя слова Канта о внутренней исторіи этого обильнаго послѣдствіями событія! Понятіе причинности имѣетъ столь выдающееся значеніе для обсужденія матеріализма, что самый важный отдѣлъ изъ исторіи этого понятія заслуживаетъ, конечно, мѣста и въ исторіи матеріализма. Въ предисловіи къ своимъ „Prolegomena“ [30]) Кантъ утверждаетъ, что со времени возникновенія метафизики не случалось событія, которое могло бы имѣть болѣе рѣшительное значеніе въ ея судьбахъ, чѣмъ нападеніе Юма, если бы только онъ нашелъ болѣе воспріимчивую публику. Затѣмъ слѣдуетъ болѣе обширное, достопамятное мѣсто, которое мы передаемъ здѣсь безъ сокращеній:

„Юмъ исходилъ главнымъ образомъ изъ единственнаго, но важнаго понятія метафизики, именно связи причины и дѣйствія (стало быть, и слѣдующихъ изъ него понятій силы и дѣйствія и т. д.), и требовалъ отъ ума, заявляющаго, что онъ породилъ это понятіе въ своихъ нѣдрахъ, отвѣта, по какому праву онъ мыслитъ себѣ: что что-нибудь можетъ быть такого свойства, что если оно существуетъ, то вслѣдствіе этого необходимо должно существовать и нѣчто иное, ибо именно это говоритъ понятіе причины. Онъ доказалъ неопровержимо, что для разума совершенно невозможно мыслить такую связь a priori и изъ понятій, ибо она заключаетъ въ себѣ необходимость. Но никакъ нельзя усмотрѣть, какъ, потому, что существуетъ нѣчто, должно необходимымъ образомъ существовать нѣчто другое, и какъ, слѣдовательно, можно ввести понятіе о такой связи a priori. Онъ заключилъ изъ этого, что разумъ совершенно обманывается этимъ понятіемъ, что онъ ложно считаетъ его за свое собственное дитя, тогда какъ оно есть все-таки ничто иное, какъ побочное дитя воображенія, которое, ставши чреватымъ отъ опыта, подвело извѣстныя представленія подъ законъ ассоціаціи, и выдаетъ происходящую отсюда субъективную необходимость, т. е. привычку, за объективную, происходящую изъ уразумѣнія. Отсюда онъ заключилъ: разумъ совершенно не въ состояніи мыслить та-

[30]) Prolegomena zu einer jeden künft. Metaphysik (Riga 1788), S. 8—15; Hartenst. IV, S. 5—9.

кія связи, даже и вообще, потому что его понятія были бы въ такомъ случаѣ простыми вымыслами, и всѣ его мнимо a priori существующія познанія были бы ничѣмъ инымъ, какъ обыкновенными опытами имѣющими фальшивое клеймо, а сказать это—значитъ сказать, что не существуетъ и не можетъ существовать никакой метафизики".

„Какъ ни поспѣшно и ни невѣрно было его заключеніе, оно все же основывалось, по крайней мѣрѣ, на изслѣдованіи, и это изслѣдованіе, конечно, стоило того, чтобы лучшіе умы времени соединились и разрѣшили, если возможно, болѣе удачно задачу въ томъ смыслѣ, какъ онъ ее предложилъ; изъ чего, конечно, должна была бы произойдти полная реформа науки".

„Но издревле неблагопріятная метафизикѣ судьба хотѣла, чтобы онъ не былъ никѣмъ понятъ. Нельзя видѣть, безъ огорченія, какъ его противники *Ридъ*, *Освальдъ*, *Бэтти* и, наконецъ, даже *Пристлей*, вовсе не попали на существенный пунктъ его задачи, и постоянно принимали за допускаемое имъ то, въ чемъ именно онъ сомнѣвался; напротивъ, съ запальчивостью и, по большей части, съ величайшей невѣжливостью, доказывали то, въ чемъ ему никогда не приходило на умъ сомнѣваться; они такъ мало умѣли понять его указанія на улучшеніе, что все осталось въ прежнемъ состояніи, какъ будто бы ничего не произошло. Вопросъ былъ не въ томъ, что понятіе о причинѣ правильно, пригодно и необходимо въ отношеніи всего познанія природы, ибо Юмъ никогда не подвергалъ этого сомнѣнію, но въ томъ, мыслится ли оно разумомъ a priori, и есть, такимъ образомъ, независимая отъ всякаго опыта внутренняя истина, а поэтому, имѣетъ ли оно распространяющуюся дальше приложимость, не ограничивающуюся только предметами опыта: вотъ какого розысканія ожидалъ Юмъ. Рѣчь шла лишь о происхожденіи этого понятія, а не о необходимости его употребленія: если бы только это было найдено, то само собою даны были бы условія его употребленія и объема, въ которомъ оно имѣетъ силу".

„Но противники знаменитаго мужа должны были бы, чтобы рѣшить задачу, очень глубоко вникнуть въ природу разума, насколько онъ занимается только чистымъ мышленіемъ, что имъ было не сподручно. Они нашли, поэтому, болѣе удобное средство упорствовать безъ всякаго вниканія въ дѣло, именно ссылаться на здравый человѣческій смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, великій даръ неба владѣть здравымъ (или какъ его называютъ въ наше время, простымъ) человѣческимъ смысломъ. Но слѣдуетъ доказать его дѣлами, обдуманностью и разумностью того, что мыслятъ и говорятъ, а не тѣмъ, что, не умѣя привести ничего умнаго въ свое оправданіе, ссылаются на него, какъ на оракулъ. Если умъ и наука приходятъ въ упадокъ—тогда, а не прежде, ссылаться на здравый человѣческій смыслъ, это—одно изъ хитрыхъ изобрѣтеній новѣйшаго времени, при чемъ самый пустой болтунъ можетъ смѣло вступать въ борьбу съ самымъ основательнымъ умомъ и стоять противъ него. Но пока дѣло сколько-нибудь доступно пониманію, до тѣхъ поръ остерегаются прибѣгать къ такой уловкѣ. И если всмотрѣться хорошенько, эта ссылка есть ничто иное, какъ воззваніе къ суду массы, отъ рукоплесканій которой философъ краснѣетъ, а популярный умникъ торжествуетъ и упорствуетъ. Но я смѣю все таки думать, что *Юмъ* могъ имѣть такія же притязанія на здравый смыслъ, какъ и *Битти*, и сверхъ того на то, чѣмъ *Битти* не обладалъ, а именно на критическій разумъ, который держитъ обыкновенный смыслъ въ границахъ, чтобы онъ не забирался въ умозрѣнія, или, если рѣчь идетъ лишь о нихъ, то не принимался бы рѣшать, такъ какъ онъ не умѣетъ оправдывать своихъ принциповъ, ибо только тогда онъ останется здравымъ смысломъ. Долото и колотушка, конечно, вполнѣ могутъ служить для обработки куска дерева, но для гравированія на мѣди нужно употребить гравировальную иглу. Такимъ образомъ здравый смыслъ годится въ дѣло точно также, какъ спекулятивный, но каждый въ своемъ родѣ: первый, если дѣло касается сужденій, которыя находятъ свое непосредственное примѣненіе на опытѣ, а другой тамъ, гдѣ нужно судить вообще, изъ однихъ понятій, напр., въ метафизикѣ, гдѣ самъ себя такъ называющій (но часто per antiphrasin) здравый смыслъ совершенно не можетъ судить".

„*Я прямо сознаюсь: воспоминаніе о Давидѣ Юмѣ было именно тѣмъ, что много лѣтъ тому назадъ впервые прервало мою догматическую дремоту и дало моимъ изслѣдованіямъ въ полѣ умозрительной философіи совершенно другое направленіе.* Я далеко не подчинялся ему въ отношеніи его заключеній, которыя проистекли просто отъ того, что онъ не представилъ себѣ своей задачи въ цѣломъ, но попалъ только на часть ея, которая, если мы упустимъ изъ виду цѣлое, не можетъ дать никакого рѣшенія. Если начать отъ обоснованной, хотя бы невыполненной мысли, которую оставилъ намъ другой, то, конечно, можно надѣяться, при дальнѣйшемъ размышленіи, пойти дальше, чѣмъ дошелъ остроумный мужъ, которому мы обязаны первою искрою этого свѣта".

„Итакъ, я попробовалъ сначала, нельзя ли представить себѣ возраженія Юма въ общемъ видѣ, и скоро нашелъ: что понятіе о связи причины и дѣйствія есть далеко не единственное, посредствомъ котораго умъ a priori мыслитъ соединенія вещей; скорѣе я нашелъ, что вся метафизика состоитъ изъ такихъ понятій. Я старался найдти ихъ число, и, такъ какъ это желаніе мнѣ удалось исполнить на основаніи одного принципа, то я перешелъ къ дедукціи этихъ понятій, относительно которыхъ я былъ теперь увѣренъ, что они не выво-

дятся, какъ старался показать Юмъ, изъ опыта, но происходятъ изъ чистаго разсудка. Эта дедукція, которая казалась невозможною моему остроумному предшественнику, на которую никто, кромѣ него, не могъ и попасть, хотя всякій смѣло пользовался понятіями, не спрашивая, на чемъ основывается ихъ объективная сила,—эта дедукція, говорю я, была самымъ труднымъ дѣломъ, какое когда-либо могло быть предпринято для цѣлей метафизики, и что было при этомъ всего хуже, такъ это то, что метафизика, какая только ни существуетъ, не могла мнѣ помочь при этомъ ни малѣйшимъ образомъ, потому что эта дедукція сначала должна была показать самую возможность метафизики. Такъ какъ разрѣшеніе Юмовской проблеммы мнѣ удалось не въ одномъ частномъ случаѣ, а въ отношеніи всей способности чистаго разума, то я могъ сдѣлать твердые, хотя и медленные шаги, чтобы совершенно и по общимъ принципамъ опредѣлить, наконецъ, весь объемъ чистаго разума, какъ въ его предѣлахъ, такъ и въ его содержаніи, что было именно тѣмъ, въ чемъ нуждалась метафизика для возведенія своей системы по нѣкоторому твердому плану».

Въ этихъ словахъ Канта мы, однимъ взглядомъ, видимъ сразу вліяніе Юма на нѣмецкую философію, исторію происхожденія таблицы категорій и вмѣстѣ съ этимъ всей критики чистаго разума, правильную основную мысль и основу всѣхъ заблужденій нашего реформатора философіи. Эта основа обнаруживается въ смѣшеніи методическаго и научнаго употребленія законовъ мышленія съ такъ называемымъ умозрѣніемъ, которое дедуцируетъ изъ общихъ понятій.

Примѣръ гравировальной иглы лучше его примѣненія. Успѣхи философской критики обезпечиваются не какимъ нибудь совершенно особымъ исходнымъ пунктомъ мышленія и не противоположнымъ методомъ, но единственно большею точностью и строгостію въ употребленіи общихъ законовъ мышленія. Метафизика, *какъ критика понятій*, должна приступать къ дѣлу еще строже и осторожнѣе, чѣмъ филологическая критика древняго текста, чѣмъ историческая критика источниковъ какого-нибудь повѣствованія, чѣмъ математико-физическая критика естественно-научной гипотезы; но въ существенномъ она должна работать, какъ всякая критика, орудіями всей логики, то индуктивной, то дедуктивной и отдавать опыту, что подобаетъ опыту, понятіямъ, что подобаетъ понятіямъ. И ошибка сторонниковъ common sense заключается вовсе не въ одностороннемъ отправленіи изъ опыта. Мы ближе подошли-бы къ дѣлу, если-бы можно было понимать нѣмецкое выраженіе „gesunder Menschenverstand“ по аналогіи съ выраженіемъ „хлопчато-бумажный чулочный фабрикантъ“ и тому подобными прекрасными словопостроеніями. Въ самомъ дѣлѣ, это фактически, если и не этимологически, означаетъ посредственный умъ *здороваго человѣка*, т. е. человѣка, который, кромѣ своей грубой логики, употребляетъ еще *здоровыя чувства*, который при своихъ сужденіяхъ, кромѣ ума, позволяетъ безпорядочнымъ образомъ говорить также чувству, созерцанію, опыту, знанію отношеній, откуда затѣмъ выходитъ въ вопросахъ ежедневной жизни, въ предѣлахъ ходячихъ предразсудковъ, хорошее и ни въ какомъ случаѣ не эксцентрическое среднее сужденіе. Логика ежедневной жизни, поэтому, плодотворна, хотя она проглатываетъ верблюдовъ и не пропускаетъ ни одной мухи. Вліяній общаго предразсудка на свои выводы большинство публики не замѣчаетъ потому именно, что само раздѣляетъ эти заблужденія. Поэтому и здравый человѣческій смыслъ торжествуетъ большую часть своихъ тріумфовъ въ такихъ задачахъ, какъ посмѣяніе надъ всякими стремленіями къ реформамъ, защита полицейской опеки, жестокихъ наказаній за преступленія, угнетенія „чернаго народа“, необходимости монархическихъ учрежденій и превосходства вороньяго гнѣзда передъ всѣми городами Европы. Съ лучшей стороны мы знакомимся съ нимъ тамъ, гдѣ предразсудокъ не имѣетъ уже вліянія, но гдѣ сужденіе по природѣ предмета должно дѣйствовать вмѣстѣ съ созерцаніемъ и опытомъ. Вѣдь даже успѣхи *Бентлея* въ критикѣ Горація, *Нибура* въ реформѣ римской исторіи, *Винкельманна* въ распространеніи болѣе глубокаго пониманія антиковъ, *Гумбольдта* въ твердомъ планѣ облекающей міръ сѣти общаго изслѣдованія, основываются, по большей части, на соединеніи радикальнаго научнаго ума съ большимъ познаніемъ міра и людей или съ болѣе сильною чувственностью сравнительно съ обыкновенными кабинетными учеными; и даже въ философской критикѣ этотъ элементъ отступаетъ назадъ лишь относительно, никогда не теряя вполнѣ своего значенія. Онъ способствуетъ совершенію самаго высокаго тамъ, гдѣ, служа и дополняя, примыкаетъ къ добросовѣстной художественной работѣ, тогда какъ въ оппозиціи научному мышленію онъ питаетъ и производитъ всяческіе виды тщеславія. Кантъ живо чувствовалъ это при сравненіи такого превосходнаго ума, какъ Юмъ, съ представителями commone sense; но онъ смѣшалъ болѣе значительную силу и ясность мышленія съ спекулятивнымъ методомъ. Ничѣмъ другимъ, какъ силою логики, Юмъ пробудилъ его отъ догматической дремоты; если-бы Кантъ противодѣйствовалъ нападенію Юма только изобрѣтеніемъ таблицы категорій, то его противодѣйствіе не было бы законнымъ; но за этими распложающимися вѣтвями умозрѣнія скрывается болѣе глубокая мысль, которая была въ состояніи сдѣлать его реформаторомъ философіи. Это — взглядъ, что опытъ человѣка есть продуктъ извѣстныхъ основныхъ понятій, которыхъ все значеніе заключается именно въ томъ, что они опредѣляютъ опытъ. Споръ о понятіи причинности понятъ въ общемъ видѣ. Юмъ остается правымъ въ уни-

чтоженіи сверхъестественнаго, откровеннаго источника этихъ понятій; онъ не правъ, выводя ихъ изъ опыта, такъ какъ вовсе нельзя имѣть никакого „опыта", не будучи заранѣе организованнымъ для соединенія субъекта и предиката, причины и дѣйствія.

Въ строгомъ смыслѣ, конечно, не сами понятія существуютъ прежде опыта, но лишь такія устройства, посредствомъ которыхъ вліянія внѣшняго міра тотчасъ соединяются и располагаются по правилу этихъ понятій. Можно было бы сказать, *что a priori есть тѣло*, если бы только самое тѣло не было снова a priori даннымъ *способомъ пониманія чисто духовныхъ отношеній* (см. прим. 25).

Можетъ быть, можно будетъ найти когда-нибудь основаніе понятія причинности въ механизмѣ рефлекторныхъ движеній и симпатическаго возбужденія; тогда мы чистый разумъ Канта перевели бы на физіологію и сдѣлали бы этимъ нагляднѣе. Но въ существѣ дѣло остается по старому; ибо, если лишь наивная вѣра въ дѣйствительность міра явленій вытѣснена, то шагъ отъ физическаго до духовнаго уже не великъ, только, конечно, чисто духовное останется всегда неизвѣстнымъ потому именно, что мы можемъ понимать его лишь подъ чувственнымъ образомъ.

Такъ какъ сужденіе о понятіи причинности пріобрѣло столь глубокое значеніе, то мы хотимъ представить здѣсь, для обзора, различные взгляды на это понятіе,—въ концѣ и наши собственные,—въ четырехъ краткихъ положеніяхъ.

I. Старая метафизика: Понятіе причинности происходитъ не изъ опыта, но изъ чистаго разума *и по причинѣ этого своего высшаго происхожденія, имѣетъ силу и примѣнимо и внѣ границъ человѣческаго опыта.*

II. Юмъ: понятіе причинности нельзя вывести изъ чистаго разума, оно происходитъ, напротивъ, изъ *опыта*. Предѣлы его примѣнимости *сомнительны*, но во всякомъ случаѣ *оно не можетъ примѣняться ни къ чему, что выходитъ за предѣлы опыта.*

III. Кантъ: *понятіе причинности есть основное понятіе чистаго разума и находится, какъ таковое, въ основаніи всего нашего опыта.* Именно поэтому, *оно имѣетъ неограниченное значеніе въ области опыта, но внѣ его никакого значенія.*

IV. Авторъ: понятіе причинности *коренится въ нашей организаціи* и оно *по задатку ранѣе всякаго* опыта. Оно имѣетъ, именно поэтому, неограниченное значеніе въ области опыта и внѣ ея совершенно никакого.

Къ области опыта принадлежитъ и все, что слѣдуетъ изъ непосредствен-

наго опыта, и вообще, что мыслится по аналогіи опыта; напр., ученіе объ атомахъ [31]). Но Эпикуръ принималъ для своихъ атомовъ уклоненіе отъ прямой линіи безъ всякой причины; взглядъ, который Кантъ, вообще столь умѣренный, въ одномъ мѣстѣ называетъ безстыднымъ [32]). Ему, навѣрное, не могло бы даже присниться, что спустя болѣе чѣмъ полстолѣтія землякъ и родственникъ по духу великаго Юма напишетъ слѣдующее положеніе:

„Я убѣжденъ, что каждый, кто привыкъ къ абстракціи и анализу и правильно употребляетъ свои способности, какъ скоро его воображеніе пріучилось питать это понятіе, нимало не затруднится представить себѣ, что, напр., въ одной изъ твердей, на которыя теперь астрономія раздѣляетъ вселенную, *могутъ слѣдовать другъ за другомъ событія произвольно и безъ опредѣленнаго закона*; и въ нашемъ опытѣ, или въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего, что могло бы составить достаточное или, въ дѣйствительности, лишь какое-нибудь основаніе для того, чтобы думать, что этого нигдѣ не бываетъ" [33]).

Милль считаетъ вѣру въ законъ причинности просто результатомъ непроизвольной индукціи. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что на нашей землѣ, точно также какъ въ самыхъ отдаленныхъ твердяхъ, могло бы случиться что-нибудь безъ всякой причины, и Эпикуръ, который только въ единственномъ случаѣ былъ невѣренъ закону причинности, могъ бы съ полнымъ правомъ противопоставить Миллю свою любимую формулу: „Тогда вѣдь изъ всего могло бы произойдти все". „Несомнѣнно", будетъ отвѣчать Милль, „только это вовсе

---

[31]) Какъ видно по связи рѣчи, здѣсь трактуется объ «области опыта» въ томъ смыслѣ, въ которомъ одномъ имѣетъ мѣсто совершенное раздѣленіе трансцендентнаго отъ эмпирическаго, области «феноменовъ» отъ области «ноуменовъ». Что это совершенно въ смыслѣ Канта, — должно быть ясно каждому знатоку его сочиненій. При всемъ томъ, я видѣлъ себя вынужденнымъ, въ моемъ сочиненіи «Neuen Beitr. zur Gesch. des Material.» (Winterthur 1867), S. 31—36, изложить полное доказательство этого, и не хочу умолчать, что ѣдкій тонъ, въ которомъ я указалъ на наивные школьные фокусы нынѣ покойнаго проф. Шиллинга, не былъ вызванъ ничѣмъ столь сильно, какъ выступающимъ въ этомъ пунктѣ незнаніемъ Канта. Если бы споръ между *Куно Фишеромъ* и *Тренделенбургомъ* случился раньше этого, то навѣрное, я судилъ бы о Шиллингѣ мягче.

[32]) Въ «Allgem. Naturgesch. u. Theorie des Himmels.» (1755), въ предисловіи, сказано: «Эпикуръ былъ даже настолько безстыденъ, что хотѣлъ, чтобы атомы уклонялись отъ своего прямаго движенія безъ всякой причины, чтобы быть въ состояніи встрѣтиться другъ съ другомъ» (Hartenst. I, S. 217).

[33]) System d. Logik, übers. v. Schiel. 3 Aufl. II. S. 106. (Ch. XXI, § 1; II, S. 96 третьяго изд. оригинала).

не *вѣроятно*; мы станемъ себѣ противорѣчить, какъ скоро представится подходящій сюда случай". И если затѣмъ является случай, который, повидимому, противорѣчитъ всѣмъ доселѣ извѣстнымъ понятіямъ науки, то Милль, также какъ и мы, считающіе понятіе причинности даннымъ a priori, *воздержится отъ рѣшенія относительно этого случая, пока наука не разсмотрѣла его точнѣе.* Онъ будетъ въ состояніи всегда утверждать, что для него индукція имѣетъ столь большое значеніе, что онъ не можетъ еще оставить надежду на подведеніе этого случая подъ общій законъ причинности. Доказательство противнаго будетъ процессомъ in infinitum; дѣло грозитъ перейдти въ пустое словопреніе, если не хотятъ допустить, что сторонники апріорности закона причинности правы a priori и прежде всякаго опыта. Милль, можетъ быть, и не погрѣшилъ бы такъ сильно, если бы онъ различилъ законъ причинности вообще отъ его нынѣшняго естественнонаучнаго пониманія. Послѣднее, по которому всѣ причины и дѣйствія находятся въ самой строгой связи естественныхъ законовъ, и внѣ этихъ законовъ никакая вещь, или понятіе, не имѣетъ причиннаго значенія, — это опредѣленное научное пониманіе закона причинности, несомнѣнно, ново и пріобрѣтено путемъ индукціи въ историческое время. Непосредственно изъ природы человѣческаго ума происходящее принужденіе принимать причину для каждой вещи, въ самомъ дѣлѣ, часто бываетъ очень ненаучнымъ. Вслѣдствіе понятія причинности происходитъ то, что обезьяна,—въ этомъ, какъ кажется, организованная почеловѣчески, — хватаетъ лапою позади зеркала, или оборачиваетъ насмѣхающійся снарядъ, чтобы найти причину появленія своего двойника. Вслѣдствіе понятія причинности происходитъ то, что дикарь приписываетъ громъ колесницѣ Бога или воображаетъ при солнечномъ затмѣніи дракона, который хочетъ проглотить раздаятеля свѣта. Законъ причинности заставляетъ груднаго ребенка соединять благодѣтельное появленіе матери съ своимъ крикомъ и порождаетъ этимъ путемъ опытъ. Привиллегированный же глупецъ, приписывающій все случаю, мыслитъ себѣ, если онъ вообще мыслитъ, случай, какъ демоническое существо, коварство котораго заключаетъ въ себѣ достаточное основаніе для всѣхъ его напастей [34]).

Наши нынѣшніе матеріалисты находятся, можетъ быть, по отношенію къ

[34]) Совершенно другой, конечно, вопросъ, не долженъ ли быть законъ причинности приведенъ, наконецъ, къ настолько очищенной формѣ, чтобы вполнѣ изчезли или были бы сведенны къ вполнѣ безвредному минимуму *побочныя антропоморфныя понятія*, которыя мы соединяемъ съ представленіемъ причины, какъ и съ представленіемъ необходимости, возможности и т. д. *Въ этомъ смыслѣ*, несомнѣнно, и сама категорія причинности не можетъ имѣть

этому вопросу, въ нѣкоторомъ разногласіи между самими собою. Склоняясь, съ одной стороны, къ тому, чтобы выводить все изъ опыта, они не охотно дѣлаютъ исключеніе для закона причинности; съ другой стороны, безусловная и неограниченная сила законовъ природы есть по справедливости любимое ихъ положеніе. Правда, повидимому, *Кцольбе* (Sensualismus S. 64) рѣшительно перешелъ на сторону Милля; но онъ понимаетъ подъ прирожденными законами мышленія такіе, которые *находятся въ сознаніи отъ рожденія, какъ логическія положенія.* Какъ онъ рѣшилъ бы дѣло послѣ устраненія этого недоразумѣнія, нельзя видѣть съ полною достовѣрностью изъ его изложенія. Во всякомъ случаѣ, Кцольбе въ требованіи наглядности нашихъ понятій ставитъ метафизическій принципъ, который никакимъ образомъ нельзя привести въ согласіе съ системою Милля и который ведетъ въ противоположную сторону еще дальше Канта. У *Бюхнера* мы находимъ, что онъ самымъ сильнымъ образомъ налегаетъ на необходимость и неизмѣнность законовъ природы и все-таки вѣру въ эти законы выводитъ изъ опыта. Рядомъ съ этимъ признается въ одномъ мѣстѣ правильнымъ даже метафизическое положеніе *Эрстеда* о единствѣ законовъ мышленія и законовъ природы.

Можетъ быть, многіе изъ нашихъ теперешнихъ матеріалистовъ были бы склонны возвести въ принципъ неточность, о которой мы упомянули, и объявить все различіе между эмпирическимъ и раціональнымъ пониманіемъ понятія причинности безполезною тонкостью. Но это значитъ, конечно, сдаться, ибо само собою понятно, что для практическаго употребленія понятія причинности достаточно заимствовать его изъ опыта. Болѣе точное изслѣдованіе можетъ имѣть цѣлью лишь чисто теоретическій интересъ, и гдѣ дѣло идетъ о понятіи, тамъ строгая логика точно такъ же необходима, какъ точный анализъ въ химіи.

Самый благопріятный поворотъ для нашихъ нынѣшнихъ матеріалистовъ былъ бы, если бы они сходились въ существенномъ съ Юмомъ и Миллемъ и

притязанія на неприкосновенность, и если, напр., *Контъ* вполнѣ устраняетъ понятіе причины и замѣняетъ его постояннымъ слѣдованіемъ событій, то на это отнюдь нельзя нападать на основаніи апріорности понятія причины. Возможно и въ немъ отдѣлить необходимый факторъ отъ приставокъ воображенія, и чѣмъ далѣе идетъ впередъ интеллектуальная культура, тѣмъ болѣе становится нужнымъ такое очищеніе (какъ, напр., и при понятіи силы!). Что касается причинности, то, какъ окажется ниже, даже необыкновенно важно, по послѣдствіямъ, основательно устранить, по крайней мѣрѣ, одно изъ антропоморфныхъ побочныхъ представленій: то, которое придаетъ причинѣ (Ur-Sache), какъ, такъ-сказать активной, производящей части, большую цѣну и значеніе, чѣмъ слѣдствію.

старались бы избѣгнуть рокового вывода о возможномъ исключеніи изъ закона причинности ссылкою на безконечно малую вѣроятность такого положенія. Этого во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы остановить любителей чудесныхъ исторій, такъ какъ всегда можно желать, такъ сказать, въ видѣ требованія *нравственности мышленія*, чтобы въ основаніи нашихъ взглядовъ находилась не неясная возможность, но вѣроятность. Но этимъ не упраздняется настоящій вопросъ, ибо дѣйствительное затрудненіе состоитъ въ томъ, что отъ начала два ощущенія никогда не могли бы быть соединены въ нѣкоторый опытъ, свидѣтельствующій объ ихъ связи, еслибы именно основаніе ихъ связи, какъ причины и дѣйствія, не было обусловлено устройствомъ нашего духа.

Отсюда, конечно, падаетъ вполнѣ новый свѣтъ на отношеніе *явленій* къ „*вещи въ себѣ*". Если понятіе причинности есть категорія въ смыслѣ Канта, то она имѣетъ, какъ всѣ категоріи, силу лишь *для области опыта*. Лишь въ соединеніи съ созерцаніями, которыя доставляются чувствами, эти понятія могутъ вообще быть отнесены къ предмету. *Чувственность реализируетъ разсудокъ*. Но какъ же возможно теперь, если дѣло стоитъ такимъ образомъ, заключать о „вещи въ себѣ", находящейся за явленіями? Не станетъ ли при этомъ понятіе причинности трансцендентнымъ? Не прилагается ли оно къ мнимому предмету, находящемуся внѣ всякаго вообще возможнаго опыта?

Этимъ вопросомъ постоянно думали поразить Канта, начиная съ первыхъ возраженій противъ Критики чистаго разума и до настоящаго времени, и мы еще въ первомъ изданіи этого сочиненія также принимали, что „броня системы" разбита этимъ. Но болѣе точное изслѣдованіе показываетъ, что Кантъ не былъ застигнутъ этимъ ударомъ въ расплохъ. Что̀ мы приводили, какъ поправку системы, есть, на самомъ дѣлѣ, собственное мнѣніе Канта: „вещь въ себѣ" есть *простое предѣльное понятіе*. „Рыба въ пруду", замѣтили мы, „можетъ плавать лишь въ водѣ, а не въ землѣ; но она можетъ все-таки толкаться головою въ дно или бока". Такимъ же образомъ мы могли бы, конечно, пройти съ понятіемъ причинности все царство опыта и найти, что за нимъ находится область, которая абсолютно замкнута для нашего познанія[35]).

[35]) Измѣненіе моего пониманія въ этомъ пунктѣ было уже подготовлено собственными занятіями, когда появилось замѣчательное сочиненіе *Когена* о «Kant's Theorie der Erfahrung», побудившее меня къ пересмотру еще разъ моихъ взглядовъ относительно кантовской критики разума. Результатъ былъ тотъ, что я долженъ былъ въ большинствѣ пунктовъ, насколько дѣло шло лишь объ объективномъ изложеніи взглядовъ Канта, согласиться съ д-ромъ Когеномъ, правда съ оговоркою, что мнѣ Кантъ и до сихъ поръ еще вовсе не является столь свободнымъ отъ противорѣчій и колебаній, какимъ онъ представляется у Когена. Мы имѣемъ теперь начало *Канто-филологіи*, которая, вѣроятно, скоро найдетъ себѣ подражаніе, и совершенно естественно, что она подобно Аристотеле-филологіи тренделенбурговской школы исходитъ сначала изъ того, что понимаетъ предметъ своего изученія, какъ нѣкоторое свободное отъ противорѣчій цѣлое. Пункты, въ которыхъ этого нельзя провести, будутъ выступать на этомъ пути несомнѣннѣйшимъ образомъ. Для проводимаго здѣсь пониманія вещи въ себѣ, рѣшительныя мѣста можно найдти именно въ отдѣлахъ о «Phänomena и Noumena» и объ «Amphibolie der Reflexionsbegriffe». См. также Cohen, K. Th. d. E., S. 252 и слѣд.

Мы, стало быть, дѣйствительно не знаемъ, существуетъ ли „вещь въ себѣ". Мы знаемъ только, что послѣдовательное примѣненіе нашихъ законовъ мышленія приводитъ насъ къ понятію чего-то вполнѣ *проблематическаго*, что̀ мы принимаемъ за причину явленій, какъ скоро признали, что нашъ міръ можетъ быть лишь міромъ представленій. Если спросятъ, гдѣ же въ такомъ случаѣ вещи, то отвѣтъ гласитъ: *въ явленіяхъ*. Чѣмъ болѣе „вещь въ себѣ" сводится къ простому представленію, тѣмъ болѣе реальности пріобрѣтаетъ міръ явленій. Онъ охватываетъ вообще все, что мы можемъ назвать „дѣйствительнымъ". Явленія суть то, что обыкновенный разсудокъ называетъ вещами; философъ называетъ вещи явленіями, чтобы обозначить этимъ, что они не суть что-либо, противостоящее мнѣ абсолютно во внѣ, но продуктъ законовъ моего ума и моей чувственности. Эти же законы приводятъ меня къ тому, чтобы, по аналогіи отношеній причины и дѣйствія, какъ я ежедневно имѣю ихъ предъ глазами въ частностяхъ опыта, предположить также причину и для всецѣлаго являющагося мнѣ міра. Эмпирическое изслѣдованіе, руководясь понятіемъ причинности, показываетъ намъ, что міръ для *уха* не соотвѣтствуетъ міру для *глаза*, что міръ *логическихъ выводовъ* иной, чѣмъ міръ *непосредственнаго созерцанія*. Оно показываетъ намъ, что цѣлое нашего міра явленій зависитъ отъ нашихъ органовъ, и Кантъ имѣетъ за собою прочную заслугу, показавши намъ, что *наши категоріи играютъ здѣсь туже самую роль, какъ наши чувства*. Если теперь всестороннее разсматриваніе міра явленій ведетъ насъ къ тому, что и онъ *во всей своей связи* обусловливается нашею организаціею, если мы должны, побуждаемые аналогіею, принять, что даже тамъ, гдѣ мы не можемъ больше получить никакого новаго органа, чтобы добавлять или исправлять другіе, возможна еще цѣлая безконечность различныхъ пониманій, даже, что, наконецъ, въ основаніи для всѣхъ этихъ способовъ пониманія различно организованныхъ существъ лежитъ общій неизвѣстный источникъ, *вещь въ себѣ*, въ противоположность явленіямъ,—то мы спокойно можемъ отдаться этому воззрѣнію, насколько оно есть необходимое слѣдствіе употребленія нашего ума, хотя тотъ

же самый умъ долженъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, признать, *что онъ самъ создалъ эту противоположность*. Мы нигдѣ не находимъ ничего, кромѣ той обыкновенной эмпирической противоположности между *явленіемъ* и *сущностью*, которая, какъ извѣстно, является уму въ безконечныхъ степеняхъ. Что *на одной* степени разсматриванія есть сущность, то на другой, по отношенію къ нѣкоторой болѣе глубоко скрытой сущности, оказывается снова *явленіемъ*. Истинная же сущность вещей, послѣднее основаніе всѣхъ явленій, не только неизвѣстны намъ, но и самое понятіе ихъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ послѣднее порожденіе нѣкоторой противоположности, обусловленной нашею организаціею, о которой мы не знаемъ, *имѣетъ ли она какое нибудь значеніе внѣ нашего опыта*.

Кантъ даже отрицаетъ всякій интересъ вопроса о сущности вещи въ себѣ; такъ близко онъ сходится здѣсь съ эмпириками, которые, употребимъ выраженіе Кцольбе, довольствуются даннымъ міромъ. „Чѣмъ бы ни были вещи сами въ себѣ“, говоритъ онъ въ отдѣлѣ объ амфиболіи понятія рефлексіи: „я этого не знаю, *и не имѣю нужды знать, потому что вещь никогда не можетъ встрѣтиться мнѣ иначе, какъ въ явленіи*“. И затѣмъ дальше онъ называетъ „внутреннее матеріи“, или вещь въ себѣ, которая является намъ, какъ матерія, „*просто мечтою*“. Жалобы, что мы не видимъ, не проникаемъ во внутренность вещей,—(съ яснымъ намекомъ на то изреченіе Галлера, которое такъ противно было и Гёте)—„совершенно несправедливы и неразумны“, ибо въ нихъ высказывается желаніе познавать, а, стало быть, и созерцать безъ чувства. „Во внутренность же природы“, т. е., закономѣрную связь явленій, „проникаетъ наблюденіе и анализъ явленій, и нельзя знать, какъ далеко пойдутъ они со временемъ“ [36]).

Какъ съ понятіемъ причинности, такъ дѣло стоитъ и съ остальными категоріями; онѣ лежатъ въ основаніи всего нашего опыта, но совершенно не-

[36]) Извѣстные стихи «Во внутреннее природы не проникаетъ никакой созданный духъ, онъ счастливъ, если она показываетъ хоть внѣшнюю оболочку», которые Гёте (Gedichte, Abth. Gott, Gemüth u. Welt, подъ заглавіемъ «Allerdings. Dem Physiker») «втайнѣ поносилъ» уже 60 лѣтъ тому назадъ, слѣдуетъ понимать въ смыслѣ лейбницевской философіи, по которой всякое чувственное созерцаніе, а поэтому, также и вся наша картина природы есть лишь спутанное представленіе чистой божественной мысли (или интеллектуальнаго, нечувственнаго созерцанія). По Канту, внутреннее природы, въ смыслѣ трансцендентной основы явленій, конечно, закрыто для насъ, но мы и не имѣемъ совершенно никакого интереса спрашивать объ этомъ, между тѣмъ какъ внутреннее природы въ смыслѣ естествознанія доступно для безконечнаго прогресса въ познаніи.

пригодны для того, чтобы съ ними можно было перейти за предѣлы возможнаго опыта и примѣнить ихъ къ тому трансцендентному объекту, познаніемъ котораго занималась старая метафизика. Что Кантъ создалъ новую метафизику, думая, что апріорные элементы нашего мышленія могутъ быть съ достовѣрностью выведены изъ *одного* принципа, это—слабая сторона его теоретической философіи. Если, не смотря на то, именно это мнимое открытіе и побудило его выступить реформаторомъ философіи, то мы не должны забывать, что почти никто не устаиваетъ противъ обаянія такого проблеска мысли, и, что́ еще важнѣе, что и здѣсь есть зерно истины.

Кантъ думалъ именно, что можно вывести основныя понятія разсудка изъ различныхъ *формъ сужденія*, какъ объ нихъ учитъ или должна учить логика. *Если бы мы были увѣрены, что мы знаемъ дѣйствительныя и постоянныя основныя формы* сужденія, то было бы вовсе не неметодично заключать по нимъ о настоящихъ основныхъ понятіяхъ, такъ какъ всетаки слѣдуетъ предположить, что тѣ же самыя свойства нашего организма, которыя опредѣляютъ весь нашъ опытъ, налагаютъ свой отпечатокъ также и на различныя направленія нашей разсудочной дѣятельности [37]). Но откуда же

[37]) См. выше прим. 25.—Относительно *Cohen*, Kants Theorie der Erfahrung, S. 207, слѣдуетъ еще замѣтить здѣсь, что недостаточно защищать Канта тѣмъ, что его система удержится и въ томъ случаѣ, если отдѣльныя категорій изъ нея выпадутъ, или должны будутъ выводиться иначе. Совершенно справедливо, что эта система основывается на *трансцендентальной* дедукціи категорій, а не на метафизической, т. е., что истинное доказательство Канта содержится въ томъ, что эти понятія установляются, какъ условія возможности синтетическаго познанія a priori. Можно было бы, слѣдовательно, думать, что все равно, если и устранится иное изъ такихъ понятій болѣе точнымъ анализомъ, такъ какъ тогда въ немъ останется всетаки тотъ *пребывающій* факторъ (см. также прим. 34), который лежитъ въ основѣ синтеза a priori; но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что этотъ анализъ, идя дальше Канта, весьма вѣроятно, долженъ въ то же время вести къ *редукціи* (а можетъ быть, и къ пополненію) таблицы категорій, и что вмѣстѣ съ этимъ, конечно, пало бы очень важное для зданія системы притязаніе Канта (на безусловную полноту его таблицы). Если мы поведемъ слишкомъ далеко настаиваніе на *чисто трансцендентальной* точкѣ зрѣнія, то мы придемъ, какъ уже указано, къ тавтологіи, что опытъ слѣдуетъ объяснять изъ условій вообще возможнаго опыта. Если трансцендентальная дедукція должна дать вмѣсто этой тавтологіи *синтетическій результатъ*, то категоріи неизбѣжно должны быть еще чѣмъ-то, кромѣ того, что онѣ условія опыта. Этого нужно искать у Канта въ названіи ихъ «основными понятіями (Stammbegriffe) чистаго разума», между тѣмъ какъ здѣсь мы поставили на это мѣсто «организацію». Но именно поэтому Кантъ долженъ былъ поставить себѣ цѣлью открыть послѣднія и прочныя «основ-

мы можемъ знать *простые* и *необходимые* элементы всякаго сужденія (ибо лишь они въ состояніи дать намъ истинныя категоріи)?

„Выводъ изъ одного принципа", вообще крайне соблазнительный пріемъ, состоитъ, однако, въ сущности лишь въ томъ, что проводятся пять вертикальныхъ и четыре горизонтальныхъ линіи, и образовавшіяся вслѣдствіе этого 12 клѣтокъ наполняются, между тѣмъ какъ все-таки, напр., очевидно, что изъ сужденій *возможности* и *необходимости* въ крайнемъ случаѣ лишь одно можетъ быть первоначальною формою, изъ которой другое вытекаетъ путемъ отрицанія. Вѣдь чисто эмпирическій пріемъ *Аристотеля* былъ, въ сущности, лучше, потому что онъ, по крайней мѣрѣ, не велъ къ столь опаснымъ самообманамъ. Ошибка, которую сдѣлалъ здѣсь Кантъ, была, конечно, очень естественна для питомца нѣмецкой школьной философіи, который лишь съ трудомъ, при огромной работѣ ума, освободился отъ традицій. Кантъ придавалъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, цѣны „готовой предъуготовительной работѣ", которую онъ думалъ найти въ формальной логикѣ, какъ онъ придавалъ также преувеличенную цѣну рубрикамъ эмпирической психологіи, по крайней мѣрѣ, по отношенію пригодности ихъ для полной классификаціи дѣятельностей духа. Онъ не разсудилъ, что въ традиціонной логикѣ, въ силу ея естественной связи съ грамматикою и языкомъ, скрываются еще психологическіе элементы, которые по своему антропоморфному свойству весьма различны отъ собственно логическаго въ логикѣ, которое, конечно, и до сегодня ожидаетъ строгаго обособленія отъ чуждыхъ примѣсей. Хотя онъ свое раздѣленіе сужденій взялъ изъ школьной логики не безъ измѣненій, а путемъ различныхъ размышленій, весьма неодинаковаго достоинства, создалъ свое двѣнадцатеричное дѣленіе, однако онъ неоспоримо слѣдовалъ той архитектонической потребности метафизиковъ, которой мѣсто въ поэтическихъ вымыслахъ умозрѣнія, а не въ критическомъ изслѣдованіи основаній употребленія разсудка. Поэтому, чѣмъ дальше онъ вдавался въ примѣненіе своихъ четырехъ главныхъ рубрикъ *количества*, *качества*, *отношенія и модальности* съ *трихотоміею* ихъ подвидовъ, тѣмъ болѣе терялъ онъ подъ ногами здравую почву критики [38]) и попадалъ въ ту

ныя понятія,» а не какую-нибудь сѣть антропоморфно-смутныхъ понятій, относительно которыхъ нельзя даже сказать, соотвѣтствуютъ-ли одно или нѣсколько изъ нихъ послѣднему, логически неизбѣжному основному понятію. При этомъ случаѣ нужно еще замѣтить, что не только, какъ показалъ Контъ, можно обойтись безъ понятія причины, но что именно и понятіе «возможности» и «необходимости», какъ мы надѣемся показать позднѣе, могутъ быть вполнѣ устранены изъ философскаго обихода.

[38]) Здѣсь слѣдуетъ прямо замѣтить, что это относится не только къ большей части вполнѣ безсодержательныхъ построеній въ «Kritik der praktischen Vernunft», но что зло очень ясно выступаетъ уже въ «Systematischen Vorstellung aller Grundsätze (не говоря уже о «Metaphysische Anfangsgründen»), такъ что если бы мы захотѣли искать основы для двѣнадцати категорій и здѣсь, то серіозная критика навѣрное не оказалась бы благопріятною для «вывода изъ одного принципа».

сомнительную область твореній изъ ничего, въ которую его послѣдователи вскорѣ выплыли на всѣхъ парусахъ, какъ будто дѣло шло о завоеваніи міра, тогда какъ все сводилось лишь къ безплодному странствованію по „обширному и бурному океану, настоящему царству призрачности", какъ столь справедливо характеризовалъ его самъ Кантъ.

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы вдались здѣсь въ частную критику таблицы категорій. Для вопроса матеріализма важнѣе бы вмѣсто остальныхъ категорій разсмотрѣть происхожденіе тѣхъ *идей*, которыя именно составляютъ центральный пунктъ всего спора. Если повѣрить Шлейдену, то Кантъ установилъ навсегда незыблемо идеи *Бога*, *свободы* и *безсмертія*. Вмѣсто этого, мы прежде всего находимъ на почвѣ теоретической философіи лишь выводъ, который, если возможно, еще сомнительнѣе, чѣмъ выводъ категорій. Именно, когда Кантъ вывелъ категоріи изъ формъ сужденій обыкновенной логики, онъ нашелъ нужнымъ,—трудно сказать почему,—вывести идеи изъ силлогистическихъ формъ, какъ чистыя *понятія разума*. Онъ думалъ имѣть здѣсь опять ручательство за полное открытіе чистыхъ понятій разума и очень искуственнымъ образомъ развилъ изъ категорическаго умозаключенія идею *души*, изъ гипотетическаго—идею *міра* и изъ раздѣлительнаго—идею *Бога*.

Категоріи служатъ, по Канту, лишь для употребленія разсудка въ опытѣ. Для чего же служатъ идеи? Въ виду важной роли, какую играютъ эти идеи въ матеріалистическомъ спорѣ настоящаго времени, не будетъ безъинтересно выслушать, именно на этотъ счетъ, еще нѣсколько словъ Канта. Какъ ни мало придаемъ мы цѣны выведенію этихъ идей разума, но все-таки, при обсужденіи роли, которую они играютъ въ нашемъ познаніи, мы должны подивиться образцовой ясности этого передоваго ума.

Кантъ замѣчаетъ въ Пролегоменахъ (S. 44), „что идеи разума нетолько не служатъ намъ къ чему-либо, подобно тому, какъ категоріи служатъ для употребленія разсудка въ опытѣ, но вполнѣ излишни для него, *даже совершенно противны и мѣшаютъ правиламъ разумнаго познанія природы*, но все таки необходимы въ другомъ еще подлежащемъ опредѣленію отношеніи".

„*Есть ли душа простая субстанція, или нѣтъ, это можетъ*

быть вполнѣ безразличнымъ для объясненія ея явленій, ибо мы не можемъ, ни въ какомъ возможномъ опытѣ, сдѣлать понятіе простаго существа чувственнымъ, а слѣдовательно, понятнымъ in concreto, и, такимъ образомъ, оно, по отношенію ко всякому чаемому уразумѣнію природы явленій, совершенно не имѣетъ содержанія и не можетъ служить принципомъ объясненія того, что даетъ внутренній или внѣшній опытъ. Точно также мало мы можемъ воспользоваться космологическими идеями о началѣ міра, или о вѣчности міра для того, чтобы объяснить изъ этого какое нибудь событіе въ самомъ мірѣ. *Наконецъ, по справедливому правилу натурфилософіи, мы должны воздерживаться отъ всякихъ объясненій устройства природы, которыя выводятся изъ воли высшаго существа, потому что это не есть уже натурфилософія, но признаніе, что тутъ она у насъ кончается*".

Большаго не могутъ требовать тѣ изъ нашихъ „матеріалистовъ", которые вовсе не хотятъ быть метафизиками и вообще стремятся лишь къ тому, чтобы проложить свободный путь точному изслѣдованію во всѣхъ областяхъ, между тѣмъ какъ то, что по какимъ нибудь основаніямъ можно еще принять внѣ области такого изслѣдованія, остается для нихъ безразличнымъ. Но матеріалистъ-*догматикъ* спроситъ, къ чему же собственно идеи, если онѣ вовсе не могутъ имѣть вліянія на ходъ положительныхъ наукъ. Онъ нетолько заподозритъ, что онѣ какимъ нибудь заднимъ ходомъ снова проскользнутъ въ область изслѣдованія и станутъ поперегъ прогрессу наукъ, но онъ вообще не хочетъ признавать ничего внѣ чувственнаго опыта, такъ какъ онъ крѣпко держится, какъ метафизической догмы, что міръ таковъ, какимъ онъ является намъ въ силу нашихъ чувствъ. Такое подозрѣніе, замѣтимъ мимоходомъ, очень основательно, если дѣло идетъ объ извѣстныхъ кантіанцахъ, но не о самомъ Кантѣ. Соединеніе бюрократическаго фанатизма съ философскимъ безсиліемъ привело къ тому, что ученіемъ Канта о свободѣ злоупотребляли даже въ *судебной психологіи*, наукѣ, которая становится смертоноснымъ орудіемъ юридическаго поповства, какъ скоро она оставляетъ почву строжайшей эмпиріи [39])! Что касается, напротивъ того, метафизической догмы объ абсолютной объективности чувственнаго міра, то, конечно, идеи, въ противоположность ей, легко могутъ устоять на своей особенной позиціи.

Разумъ, мать идей, по ученію Канта, направленъ *на цѣлое* всякаго возможнаго опыта, между тѣмъ какъ *разсудокъ* занимается *частностями*. Разумъ не находитъ удовлетворенія ни въ какомъ рядѣ знаній, пока онъ не охватилъ цѣлаго. Разумъ, стало быть, систематиченъ, какъ разсудокъ эмпириченъ. Идеи *души*, *міра* и *Бога* суть только выраженіе этихъ лежащихъ въ нашей разумной организаціи стремленій къ единству. Если мы приписываемъ имъ объективное существованіе внѣ насъ, то мы бросаемся въ безбрежное море метафизическихъ заблужденій. Но если мы чтимъ ихъ, какъ *наши идеи*, то мы исполнимъ лишь непреложное требованіе нашего разума. Идеи служатъ не для того, чтобы расширить наше познаніе, но для того, чтобы *уничтожить утвержденія* матеріализма и чрезъ то дать мѣсто *нравственной философіи*, которую Кантъ считаетъ *самою важною* частью философіи.

Идеи правы относительно матеріализма, стало быть, не по своему притязанію на высшую истину, будетъ ли то истина доказываемая, или же откровенная и недоказываемая, но именно по совершенно противоположной причинѣ, по *полному безповоротному отказу отъ всякаго теоретическаго значенія въ области направленнаго на внѣшній міръ познанія*. Отъ *фантазій* идеи прежде всего отличаются тѣмъ, что онѣ не возникаютъ какъ-нибудь мимоходомъ у отдѣльнаго человѣка, а обоснованы на естественныхъ задаткахъ человѣка [40]), и что онѣ служатъ для извѣстной цѣли, чего нельзя приписать обыкновеннымъ фантазіямъ. Такимъ образомъ, критика не можетъ приносить никакого вреда идеямъ, между тѣмъ какъ она устраняетъ всякую догматическую метафизику, а слѣдовательно, и догматическій матеріализмъ. Если бы имѣлось непреложное доказательство, что идеи въ томъ числѣ и формѣ, какъ ихъ выводитъ Кантъ, вытекаютъ совершенно необходимо изъ нашихъ естественныхъ задатковъ, то онѣ имѣли бы несомнѣнно на своей сторонѣ незыблемое право. Если бы можно было, далѣе, найти эти естественные задатки путемъ чистаго разума, безъ всякаго опыта, то здѣсь заключалась бы существенная отрасль науки.

Представимъ себѣ, чтобы уяснить это, человѣка, который считаетъ калейдоскопъ за телескопъ. Онъ думаетъ, что онъ воспринимаетъ крайне замѣча-

---

[39]) См. объ этомъ мою статью «über die Principien der gerichtlichen Psychologie, mit bes. Berücksichtigung von *Ideler's* Lehrbuch der gerichtlich. Psyhologie» въ Deutsche Zeitschr. für Staatsarzneikunde von *Schneider*, *Schürmayer u. Knolz*, Neue Folge. Bd. XI. Heft 1 und 3 (Eriangen. 1858).

[40]) «Naturanlage человѣка»—правильнѣе, «Naturanlage человѣческаго духа», какъ было въ 1 изд.,—популярнѣе. Не безъинтересно видѣть, какъ Кантъ во введеніи къ 2 изд. VI, уклоняется отъ выраженія «естественные задатки духа» или даже «души», чтобы не дать мѣста взгляду, что эти задатки суть нѣчто отличное само по себѣ отъ физической организаціи. Напротивъ того, онъ, необинуясь, говоритъ о природѣ или потребностяхъ «разума», подъ чѣмъ нужно понимать лишь функціи человѣка, безъ рѣшенія вопроса объ отношеніи тѣла и души. См. прим. 25.

тельные предметы и посвящаетъ разсматриванію ихъ все свое прилежаніе. Положимъ, что онъ замкнутъ въ какомъ нибудь тѣсномъ пространствѣ. Съ одной стороны, онъ имѣетъ окошечко, открывающее ему ограниченный и туманный видъ наружу; съ другой стороны находится крѣпко вдѣланная въ стѣну труба, въ которую онъ думаетъ видѣть въ даль. Этотъ видъ онъ любитъ въ особенности. Онъ привлекаетъ его больше, чѣмъ окошечко; онъ непрерывно старается усовершенствовать на этомъ пути свое познаніе объ удивительной дали. Это — метафизикъ, который презираетъ узкое окно опыта и даетъ обманывать себя калейдоскопу своего міра идей. Но, положимъ, онъ замѣчаетъ этотъ обманъ; если онъ разгадалъ сущность калейдоскопа, то, несмотря на горькое разочарованіе, онъ былъ бы для него все еще предметомъ любознательности. Онъ не спрашиваетъ теперь больше: что такое значатъ тѣ чудесныя картины, которыя я вижу тамъ вдали, а спрашиваетъ: какое устройство трубы могло ихъ вызвать? Такимъ образомъ, и въ этомъ могъ бы заключаться источникъ познанія, которое, можетъ быть, было бы также важно, какъ и видъ изъ окна.

Наши читатели уже сами замѣтятъ, что здѣсь остается тоже самое сильное сомнѣніе, которое мы выставили и противъ категорій. Слѣдуетъ допустить, что въ нашемъ разумѣ могутъ находиться такіе естественные задатки, которые съ необходимостью заставляютъ возникать передъ нами идеи, неимѣющія ничего общаго съ опытомъ. Слѣдуетъ допустить, что такія идеи, если мы освободились отъ обманчивой видимости внѣшняго познанія, все еще, даже въ теоретическомъ отношеніи, могутъ быть чрезвычайно цѣннымъ достояніемъ нашего духа; но мы не имѣемъ никакого средства вывести ихъ съ достовѣрностью изъ одного принципа. Мы находимся здѣсь просто на почвѣ *психологіи*, насколько такая наука можетъ быть названа уже существующею,—и только общій методъ спеціальнаго научнаго изслѣдованія можетъ вести насъ къ познанію такого рода естественныхъ задатковъ, если только оно вообще возможно [41]).

Но что касается *необходимости* идей, то она въ томъ объемѣ, въ какомъ ее утверждаетъ Кантъ, рѣшительно подлежитъ спору. Лишь для идеи

[41]) Что психологія въ томъ смыслѣ, въ какомъ единственно ее можно назвать въ будущемъ наукою, должна исходить не изъ понятія души, а изъ психическихъ функцій и опираться на физіологію, будетъ показано дальше. Отношеніе «тѣла и души», въ смыслѣ старой метафизики, отнюдь еще неслѣдуетъ, поэтому, рѣшать въ матеріалистическомъ смыслѣ. Это отношеніе остается просто внѣ разсмотрѣнія, какъ нѣчто, къ чему совершенно не приводитъ дѣйствительное изслѣдованіе въ предѣлахъ вообще возможнаго опыта. См. предъид. примѣчаніе.

души, какъ объединяющаго субъекта для множества ощущеній, она, пожалуй, можетъ быть сдѣлана вѣроятною. Для идеи Бога, насколько міру противопоставляется разумный творецъ, отнюдь не существуетъ такого естественнаго задатка. Это доказываютъ не одни только матеріалисты самымъ своимъ существованіемъ. Это доказываютъ и великіе мыслители древности и новаго времени: *Демокритъ*, *Гераклитъ*, *Эмпедоклъ*, *Спиноза*, *Фихте*, *Гегель*. Какъ ни далеко двое послѣднихъ пошли,—подобно астроному Тихо,—назадъ отъ Канта въ главномъ вопросѣ, они всетаки годятся здѣсь, какъ примѣры сильныхъ, преданныхъ абстракту мыслителей, которые отнюдь не подтверждаютъ, въ смыслѣ Канта, идеала чистаго разума относительно разумнаго творца міроваго цѣлаго.

При обсужденіи идеи міра, какъ совокупности всѣхъ явленій въ ихъ связи по причинѣ и дѣйствію, Кантъ пытается рѣшить и проблемму *свободы воли*. Но именно эта проблемма играетъ большую роль въ матеріалистическомъ спорѣ настоящаго времени, и между тѣмъ какъ матеріалисты имѣютъ обыкновеніе держаться простаго отрицанія свободы воли, ихъ неловкіе противники довольно часто ссылаются на Канта, какъ будто бы онъ неопровержимымъ образомъ доказалъ существованіе свободной воли. Конечно, и той и другой сторонѣ дѣло уяснится, если намъ удастся представить въ нѣсколькихъ твердыхъ и удобообозрѣваемыхъ чертахъ истинный взглядъ Канта.

Въ мірѣ явленій все связано по причинѣ и дѣйствію. Воля человѣка не составляетъ исключенія изъ этого. Она вполнѣ и совершенно подчиняется закону природы. Но самъ этотъ законъ природы, со всѣмъ слѣдованіемъ событій, есть лишь явленіе, и естественный задатокъ нашего разума ведетъ съ необходимостью къ тому, чтобы рядомъ съ міромъ, который мы воспринимаемъ нашими чувствами, принять еще воображаемый міръ. Этотъ воображаемый міръ, насколько мы составляемъ себѣ о немъ какія нибудь опредѣленныя представленія, есть міръ видимости, мечта. Но поскольку мы разсматриваемъ его лишь какъ общее понятіе природы вещей, находящейся внѣ нашего опыта, онъ есть болѣе, чѣмъ мечта; ибо именно потому, что мы познаемъ міръ явленій, какъ продуктъ нашей организаціи, мы должны признать другой міръ, независимый отъ нашихъ формъ познанія, „умопостигаемый“ міръ. Это признаніе не есть трансцендентное познаніе, но лишь послѣднее слѣдствіе употребленія ума въ обсужденіи даннаго.

Въ этотъ умопостигаемый міръ Кантъ переноситъ свободу воли, т. е., онъ вполнѣ и совершенно удаляетъ ее изъ міра, который мы называемъ въ обыкновенномъ смыслѣ дѣйствительнымъ, изъ нашего міра явленій. Въ послѣднемъ все связывается по причинѣ и дѣйствію. Но онъ одинъ, не говоря о кри-

тикѣ разума и метафизикѣ, можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія; онъ одинъ можетъ служить основаніемъ для сужденія о человѣческихъ дѣйствіяхъ въ повседневной жизни при врачебныхъ, судебныхъ изслѣдованіяхъ и т. д.

Но вполнѣ иначе стоитъ дѣло въ практической области, въ борьбѣ съ собственными страстями, въ воспитаніи или вездѣ, гдѣ дѣло касается того, чтобы *не судить* о волѣ, а *совершить нравственное дѣйствіе*. Тутъ мы должны исходить изъ факта, что мы находимъ въ себѣ законъ, который безусловно повелѣваетъ, какъ мы должны поступать. Но этотъ законъ долженъ соединяться съ представленіемъ, что онъ можетъ быть исполненъ. „*Ты можешь, ибо ты долженъ*", говоритъ внутренній голосъ, а не — „ты долженъ, ибо ты можешь;" потому что чувство долга является совершенно независимо отъ нашей силы. Правъ ли Кантъ въ томъ, что онъ положилъ мысль *о долгѣ* въ основаніе своей практической философіи, мы оставимъ покамѣстъ безъ рѣшенія. Мы указываемъ лишь фактъ. При громадномъ вліяніи, которое и правильно понятый и превратно понятый Кантъ оказалъ на разработку этихъ вопросовъ, мы избавимъ себя и нашихъ читателей отъ безконечныхъ разборовъ новыхъ споровъ, если намъ удастся вполнѣ и ясно представить существенный ходъ мыслей Канта, не теряясь въ лабиринтѣ его безконечныхъ опредѣленій понятій, напоминающихъ вычуры готики.

Совершенно независимо отъ всякаго опыта, Кантъ думаетъ найдти въ сознаніи человѣка *нравственный* законъ, который, какъ внутренній голосъ, непремѣнно повелѣваетъ, но, конечно, не непремѣнно исполняется. Но именно вслѣдствіе того, что человѣкъ *мыслитъ* себѣ *безусловное* исполненіе нравственнаго закона, какъ *возможное*, оказывается, конечно, нѣкоторое *условное* вліяніе на его дѣйствительное, а не только просто воображаемое, усовершенствованіе. *Представленіе* нравственнаго закона мы можемъ разсматривать лишь какъ элементъ сообразнаго опыту процесса мышленія, которому предстоитъ бороться со всѣми другими элементами, съ побужденіями, наклонностями, привычками, вліяніями минуты и т. д. И эта борьба со всѣмъ ея результатомъ,—нравственнымъ или безнравственнымъ дѣйствіемъ,—слѣдуетъ, во всѣмъ ея ходѣ, общимъ законамъ природы, изъ которыхъ человѣкъ *вовсе не составляетъ исключенія*. *Представленіе безусловнаго* есть, стало быть, по опыту лишь нѣкоторая *условная сила*; но эта условная сила все-таки тѣмъ сильнѣе, чѣмъ чище, яснѣе и сильнѣе можетъ человѣкъ слышать въ себѣ этотъ *безусловно повелѣвающій* голосъ. Но представленіе долга, которое говоритъ намъ: „*ты долженъ*", не можетъ оставаться яснымъ и сильнымъ, если оно не соединено съ *представленіемъ исполнимости* этой за-

повѣди. Поэтому именно, *мы и должны относительно нравственности нашего образа дѣйствія вполнѣ и совершенно переноситься въ умопостигаемый міръ, въ которомъ одномъ мыслима свобода* [42]).

До сихъ поръ Кантовское ученіе о свободѣ совершенно ясно и, если оставить въ сторонѣ вопросъ объ апріорности нравственнаго закона, непоколебимо. Но ему недостаетъ еще связи, которая должна придать ученію о свободѣ большую достовѣрность, соединяя въ одно цѣлое практическую и теоретическую философію. Установляя эту связь, Кантъ даетъ своему ученію о свободѣ мистическую подкладку, которая, повидимому, нужна для нравственнаго подъема духа, но которая въ тоже время затемняетъ то чистое и опредѣленное ученіе объ отношеніи міра явленій къ міру вещей въ себѣ, какое мы представили выше, и вноситъ колебаніе во всю систему.

Эта связь есть мысль: чтобы *практически* держаться ученія о свободѣ, мы должны признать его *теоретически*, по крайней мѣрѣ, возможнымъ, хотя мы и не можемъ познать вида и способа его возможности.

Эта постулируемая возможность строится на понятіи *вещей въ себѣ* въ противоположности къ *явленіямъ*. Еслибы явленія были, какъ хочетъ матеріализмъ, вещами самими въ себѣ, то свободы нельзя было бы спасти. Одной идеи свободы Канту недостаточно, если она относится къ явленіямъ просто какъ идея къ дѣйствительности, какъ поэзія къ исторіи. Кантъ доходитъ даже до выраженія: „Человѣкъ былъ бы маріонеткою или вокансоновскимъ автома-

[42]) Въ первомъ изд. мы довольствовались изложеніемъ *этой стороны* кантовскаго ученія о свободѣ, думая, что она содержитъ настоящее ядро, по крайней мѣрѣ, въ теоретическомъ отношеніи, и что такія мѣста изъ Kritik der prakt. Vernunft (Hartest. V. S. 105), какъ тѣ, на которыя въ дальнѣйшемъ изложеніи обращается вниманіе, должны пониматься прямо, какъ отклоненія отъ настоящаго принципа, между тѣмъ какъ все ученіе объ «объективной реальности» понятія свободы служитъ лишь къ тому, чтобы затемнить настоящую сущность дѣла. Теперешнее болѣе полное изложеніе отказывается отъ широкой популярности, но будетъ, вѣроятно, понятно той сферѣ, которая вообще интересуется научною исторіею матеріализма. Главный пунктъ при этомъ заключается въ томъ, что и мистическое направленіе, которое пріобрѣтаетъ ученіе о свободѣ при переходѣ въ практическую область, не исключаетъ строгаго господства естественныхъ законовъ въ эмпирической психологіи, и что, поэтому, и въ этой области «трансцендентальная свобода» Канта очень различна отъ тѣхъ ученій, которыя приписывались ему *Шлейденомъ*, *Иделеромъ* и другими «кантіанцами». Отъ доказательства отдѣльныхъ нашихъ положеній, въ которыхъ мы стремимся, въ большинствѣ случаевъ, возсоздать лишь смыслъ и духъ, а не дословное изложеніе кантовскаго ученія, мы должны здѣсь совершенно отказаться, такъ какъ иначе, примѣчанія, при нѣкоторой основательности, выросли бы въ цѣлую особую книгу.

*

томъ, построеннымъ и заведеннымъ самымъ высшимъ мастеромъ всѣхъ искусственныхъ произведеній", и сознаніе свободы было бы лишь заблужденіемъ, если бы дѣйствія человѣка не были „только опредѣленіями его, какъ явленія".

Слѣдуетъ принять во вниманіе, что Кантъ и при этомъ сомнительномъ шагѣ остается все еще въ ладу съ естественно-научнымъ взглядомъ на человѣка. Міръ явленій, къ которому принадлежитъ человѣкъ, какъ членъ его, съ начала до конца опредѣляется закономъ причинности, и нѣтъ никакого дѣйствія человѣка, даже до самаго крайняго героизма долга, которое не обусловливалось бы, физіологически и психологически, предшествующимъ развитіемъ индивидуума и тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ поставленъ. Но притомъ, Кантъ считаетъ необходимою мысль, что *именно это слѣдованіе событій, которыя представляются въ мірѣ явленій причиннымъ рядомъ, основано въ умопостигаемомъ мірѣ на свободѣ*. Эта мысль является теоретически лишь какъ *возможная*, но практическій разумъ смотритъ на нее, какъ на *дѣйствительную*, даже дѣлаетъ изъ нея, при помощи неодолимой силы нравственнаго сознанія, ассерторическое положеніе. Мы знаемъ, что мы свободны, хотя не понимаемъ, какъ это можетъ быть. Мы свободны, какъ *разумныя существа*. Самъ субъектъ въ убѣжденіи въ нравственномъ законѣ возвышается надъ сферою явленій. Мы сами мыслимъ о себѣ въ нравственныхъ дѣйствіяхъ, какъ о вещи въ себѣ, и мы имѣемъ право на это, хотя теоретическій разумъ не можетъ сюда слѣдовать. Ему не остается, такъ сказать, ничего другаго, какъ изумляться, въ моментъ дѣйствія, чуду, которое онъ долженъ, впрочемъ, въ моментъ испытанія, опять найдти слишкомъ легкимъ и которое онъ не можетъ принять за надежное достояніе познанія.

Весь этотъ рядъ мыслей ошибоченъ съ самаго начала. Кантъ хотѣлъ избѣгнуть очевиднаго противорѣчія „идеала и жизни", котораго все-таки нельзя избѣгнуть. Его нельзя избѣгнуть потому, что субъектъ и въ нравственной борьбѣ не есть ноуменъ, а феноменъ; краеугольный камень Критики разума, что мы не знаемъ и самихъ себя, каковы мы въ себѣ, но знаемъ лишь, какими мы себѣ являемся, точно также мало можетъ быть сдвинутъ посредствомъ *нравственной* воли, какъ и посредствомъ воли вообще, по способу Шопенгауэра. Но еслибы даже мы хотѣли принять съ Шопенгауеромъ, что воля есть вещь въ себѣ, или съ Кантомъ, что въ нравственной волѣ субъектъ есть существо познаваемое разумомъ, то все-таки это не можетъ защитить насъ отъ указаннаго противорѣчія, ибо дѣло идетъ при каждой нравственной борьбѣ не о *волѣ самой въ себѣ*, но о нашемъ *представленіи* насъ самихъ и нашей воли, и это представленіе остается безспорно феноменомъ.

Кантъ, заявляющій въ Пролегоменахъ какъ свой настоящій взглядъ, что лишь въ опытѣ истина, превращаетъ здѣсь однимъ взмахомъ пера весь опытъ въ игру маріонетокъ; между тѣмъ какъ вся разница между автоматомъ и нравственно поступающимъ человѣкомъ, несомнѣнно, опять *разница между двумя явленіями*. Въ мірѣ явленій коренятся понятія достоинства, по которымъ мы находимъ здѣсь плоскую шутку, тамъ возвышенную серьезность. Нашими чувствами и мыслями мы понимаемъ то и другое, и прочно устанавливаемъ разницу, которой нисколько не наносится ущерба тѣмъ, что мы находимъ въ томъ и другомъ общую основную черту необходимости. Но еслибы ей былъ нанесенъ этимъ ущербъ, то переходъ въ область вещи въ себѣ снова не послужилъ бы ни къ чему. Чтобы сравнивать, нужно бы все, не одну нравственную волю, перенести въ міръ ноуменовъ, а что такое тамъ маріонетка? Что такое механизмъ природы вообще? Можетъ быть, тамъ изчезнетъ то различіе въ оцѣнкѣ достоинства, которое имѣетъ свои надежные корни въ мірѣ явленій, независимо отъ всякаго психологическаго взгляда на волю.

Но всѣ эти возраженія касаются только двусмысленнаго положенія, въ которое попадаетъ, путемъ этого роковаго поворота, „вещь въ себѣ" относительно дѣйствительности, и касаются построенія нѣкотораго познанія, которое все-таки не есть познаніе, знанія, которое по собственнымъ предположеніямъ не можетъ быть названо знаніемъ. Кантъ не хотѣлъ видѣть того, чего не хотѣлъ видѣть уже Платонъ, что „умопостигаемый міръ" есть *міръ творчества*, и что на этомъ основывается его значеніе и важность. Ибо творчество, въ высокомъ и широкомъ смыслѣ, въ которомъ его слѣдуетъ здѣсь принимать, нельзя разсматривать, какъ игру талантливаго произвола для забавы пустыми измышленіями, но оно есть необходимый и проистекающій отъ самыхъ глубокихъ корней человѣческой природы плодъ духа, источникъ всего высокаго и святаго и достаточный противовѣсъ пессимизму, возникающему отъ односторонняго погруженія въ дѣйствительность.

Кантъ не былъ неспособенъ къ такому пониманію умопостигаемаго міра, но весь ходъ его образованія, и время, въ которое возникла его умственная жизнь, воспрепятствовали ему достичь здѣсь полнаго пониманія дѣла. И такъ какъ ему не было дано для могучаго зданія его мыслей найдти благородную, свободную отъ средневѣковыхъ завитковъ форму, то и его позитивная философія не достигла полнаго и свободнаго развитія. Но его философія стоитъ съ лицемъ Януса на рубежѣ двухъ эпохъ, и ея отношенія къ великой эпохѣ нѣмецкаго творчества стоятъ далеко выше круга случайныхъ частныхъ вліяній. Поэтому и могли скоро забыться ложныя тонкости его выведенія свободы: возвышенность, съ какою онъ понималъ понятіе долга, воспламеняла молодые

свѣжіе умы, и иное мѣсто его сочиненій, во всей простотѣ своего угловатаго выраженія, дѣйствовало возбуждающимъ образомъ, какъ героическая пѣснь на умы, захваченные идеальнымъ направленіемъ времени. „*Бываетъ еще учитель идеала*", говоритъ Кантъ въ заключеніе Критики разума, и его одного должны мы называть *философомъ*. Онъ самъ, не взирая на всѣ недостатки своихъ дедукцій, сталъ такимъ „учителемъ идеала". Прежде всего Шиллеръ пророческою силою ума понялъ самое внутреннее содержаніе его ученія и очистилъ его отъ схоластическихъ шлаковъ.

Едва ли мы могли бы найти болѣе краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу значенія, придаваемаго здѣсь нами творчеству, какъ фактъ, что Шиллеръ въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ во многихъ мѣстахъ раздѣляетъ ошибки учителя, даже преувеличиваетъ ихъ, между тѣмъ какъ въ творчествѣ онъ стоитъ на полной высотѣ послѣдовательности. Кантъ думаетъ, что „умопостигаемый міръ" можно только „мыслить", а не созерцать; но то, что онъ о немъ мыслитъ, должно имѣть „объективную реальность". Шиллеръ справедливо сдѣлалъ умопостигаемый міръ *созерцаемымъ*, трактуя его, какъ поэтъ, и тѣмъ пошелъ по стопамъ Платона, который въ противорѣчіи съ своей собственной діалектикой создалъ самое высшее, обращая въ миѳѣ сверхчувственное въ чувственное.

Шиллеръ, „поэтъ свободы", могъ рѣшиться открыто перенести свободу въ „царство сновидѣній" и въ „царство тѣней", ибо въ его рукахъ сновидѣнія и тѣни возвышались на степень идеала. Колеблющееся становилось надежнымъ полюсомъ, расплывающееся—божественнымъ образомъ, игра произвола—вѣчнымъ закономъ, когда онъ противопоставлялъ идеалъ жизни. Все хорошее, что есть въ религіи и нравственности, не можетъ быть представлено чище и сильнѣе, какъ въ томъ безсмертномъ гимнѣ, который оканчивается вознесеніемъ на небо пострадавшаго сына боговъ. Здѣсь воплощается бѣгство изъ предѣловъ чувствъ въ умопостигаемый міръ. Мы слѣдуемъ за богомъ, который „пламенѣя, покидаетъ человѣка", и тутъ сонъ и истина мѣняютъ свои роли,—тяжелое *сновидѣніе жизни* никнетъ и никнетъ и никнетъ.

* * *

Мы потомъ обратимся къ этой мысли снова. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что историческое значеніе, которое пріобрѣла этика Канта, намъ не только понятно, но и должно представляться законнымъ, какъ скоро мы взглянемъ на нее въ правильномъ свѣтѣ. Прочныя пріобрѣтенія кантовской философіи заключаются въ Критикѣ чистаго разума, и здѣсь даже лишь въ немногихъ основныхъ положеніяхъ; но философія получаетъ значеніе не вслѣдствіе только тѣхъ составныхъ частей, которыя выдерживаютъ пробу разсудка и при-

числяются къ несомнѣннымъ сокровищамъ человѣческаго познанія. Творенія смѣлой и, такъ сказать, безсознательно поэтической комбинаціи, которыя строгая критика должна снова разрушить, могутъ своимъ духомъ и содержаніемъ произвести болѣе глубокое и грандіозное дѣйствіе, чѣмъ самыя многозначительныя теоремы, и человѣческая культура также мало можетъ обойтись безъ возбуждающаго жара этихъ, преходящихъ по своей формѣ, откровеній, какъ безъ освѣщающаго луча критики. Ни одна мысль не способна такъ примирять творчество и науку, какъ мысль, что вся наша „дѣйствительность, не смотря на свою строгую, неподдающуюся никакому произволу связь, есть *явленіе*"; но при этомъ для науки несомнѣнно, что „*вещь въ себѣ*" есть простое *предѣльное понятіе*. Каждая попытка превратить отрицательное ея значеніе въ положительное непреложно ведетъ въ область творчества, и лишь то, что, измѣряемое масштабомъ поэтической чистоты и величія, имѣетъ прочность, можетъ служить для *наставленія* поколѣній *въ идеалѣ*.

II. Философскій матеріализмъ со временъ Канта.

Англія, Франція и Нидерланды, истинныя мѣсторожденія новѣйшей философіи, сошли къ концу прошлаго столѣтія съ арены метафизической борьбы. Такъ какъ Англія со временъ *Юма* не произвела болѣе ни одного великаго философа, то хотѣли поставить на эту степень остроумнаго и энергическаго *Милля*. Подобный же перерывъ приходится во Франціи между *Дидро* и *Контомъ*. Въ обѣихъ странахъ мы находимъ между тѣмъ грандіознѣйшіе успѣхи и перевороты въ другихъ областяхъ. Здѣсь безпримѣрное поднятіе промышленности и всемірной торговли при упроченіи всѣхъ отношеній; тамъ—потрясшую Европу революцію и развитіе страшнаго военнаго могущества: это—два очень различные, даже противоположные поворота національнаго развитія, которые оба, однако, сходятся въ томъ, что „западныя державы" вполнѣ и совершенно предались задачамъ реальной жизни. Намъ, нѣмцамъ, оставлена была метафизика.

И все-таки было бы крайнею неблагодарностью, если бы мы стали смотрѣть на эту великую эпоху чисто духовныхъ стремленій съ презрѣніемъ или даже лишь съ сожалѣніемъ. Правда, что мы, какъ поэтъ Шиллеръ, остались при раздѣлѣ міра съ пустыми руками. Правда, что опьяненіе идеализма,—можетъ быть, слѣдуетъ сказать, и съ его похмѣльемъ,—теперь миновало, и что намъ недостаточно духовняго витанія въ небесахъ у Зевса. Мы достигли возмужалости позднѣе другихъ націй, но за то мы прожили и болѣе прекрасную, богатую, хотя и слишкомъ мечтательную юность, и время покажетъ,

разслабилъ ли себя нашъ народъ этими духовными наслажденіями, или же онъ обладаетъ въ своемъ идеальномъ прошедшемъ неисчерпаемымъ источникомъ силы и жизненной свѣжести, которыя должны лишь направиться по путямъ новаго творчества, чтобы удовлетворить великимъ задачамъ. Единое практическое дѣло, которое приходится какъ разъ въ срединѣ этого періода идеализма, поднятіе народа въ войнахъ за освобожденіе, носитъ, несомнѣнно, характеръ мечтательной незрѣлости, но оно обнаруживаетъ могучую силу, которая еще не ясно сознавала свою цѣль.

Замѣчательно то, какъ наше національное развитіе, — даже правильнѣе, чѣмъ развитіе древней Эллады,—исходило изъ идеальнѣйшаго и все болѣе и болѣе приближалось къ реальному. Прежде всего поэзія, великій періодъ процвѣтанія которой уже достигъ своего апогея въ совмѣстномъ творчествѣ Гёте и Шиллера, начала свой бурный путь раньше, чѣмъ философія, двинутая впередъ Кантомъ. Послѣ титаническихъ стремленій Шеллинга и Гегеля, строгое изслѣдованіе положительныхъ наукъ выступило на первый планъ. За прежнею славою Германіи въ философской критикѣ слѣдуютъ теперь блестящія завоеванія во всѣхъ областяхъ знанія. *Нибуръ*, *Риттеръ* и оба *Гумбольдта* могутъ быть названы здѣсь начинателями преимущественно передъ другими. Лишь въ точныхъ наукахъ, которыя ближе всего касаются насъ въ вопросѣ о матеріализмѣ, Германія, говорятъ, отстала отъ Англіи и Франціи, и наши натуралисты слагаютъ вину въ этомъ на философію, которая со своими фантастическими образами подавила все и заглушила духъ здороваго изслѣдованія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ, это мы еще увидимъ. Здѣсь достаточно замѣтить, что во всякомъ случаѣ точныя науки стоятъ ближе къ тѣмъ задачамъ практической жизни, которыя предлежатъ намъ въ настоящее время, и что ихъ позднее развитіе въ Германіи вполнѣ соотвѣтствуетъ ходу развитія, на который мы здѣсь указали.

Мы видѣли уже въ первой книгѣ, какъ рано матеріализмъ получилъ почву въ Германіи, какъ онъ, отнюдь не принесенный лишь изъ Франціи, а прямомъ возбужденный вліяніемъ Англіи, пустилъ здѣсь собственные корни. Мы видѣли, какъ матеріалистическій споръ прошлаго столѣтія велся особенно живо въ Германіи, и какъ господствующая философія, не смотря на столь легкій, по видимому, для нея тріумфъ, доказала въ этой борьбѣ лишь свою собственную слабость.

Матеріализмъ, безъ сомнѣніи, усилился въ общемъ умственномъ настроеніи, между тѣмъ какъ уже давно на почвѣ поэзіи былъ заложенъ *Клопштокомъ* зародышъ указаннаго быстро возрастающаго идеализма. Что матеріализмъ не могъ выступить открыто, это легко понять при тогдашнихъ отношеніяхъ

въ Германіи. Его существованіе болѣе замѣтно по постояннымъ спорамъ, чѣмъ по положительнымъ твореніямъ. Можно, однако, разсматривать всю систему Канта, какъ грандіозную попытку покончить съ матеріализмомъ навсегда, не впадая при этомъ въ скептицизмъ.

Если разсматривать внѣшній результатъ этой попытки, то можетъ показаться уже довольно значительнымъ то, что со времени Канта до самаго недавняго прошедшаго матеріализмъ въ Германіи является почти изгнаннымъ. Одиночныя попытки объяснять происхожденіе человѣка естественно-научнымъ путемъ, посредствомъ развитія нѣкоторой животной формы, между которыми попытка *Окена* (1819) произвела наибольшій шумъ, отнюдь не принадлежатъ къ цѣпи собственно матеріалистическихъ взглядовъ. Скорѣе, благодаря именно *Шеллингу* и *Гегелю*, господствующимъ образомъ мысли въ натурфилософіи сталъ пантеизмъ,—міровоззрѣніе, которое вмѣстѣ съ извѣстною мистическою глубиною уже въ принципѣ заключаетъ въ себѣ опасность фантастическихъ уклоненій. Вмѣсто того, чтобы строго отдѣлять опытъ и чувственный міръ отъ идеала и затѣмъ искать въ природѣ человѣка примиренія этихъ областей, пантеистъ совершаетъ примиреніе духа и природы велѣніемъ творческаго разума безъ всякаго критическаго посредства. Отсюда и притязанія на познаніе *абсолютнаго*, которое Кантъ думалъ навсегда изгнать своею критикою. Конечно, Кантъ хорошо зналъ и недвусмысленно высказывалъ то, что его философіи нельзя было ждать немедленной побѣды, такъ какъ прошли столѣтія, прежде чѣмъ Коперникъ со своею теоріею одержалъ побѣду надъ противодѣйствовавшимъ предразсудкомъ. Но могло ли даже присниться этому, настолько же трезвому, какъ и сильному мыслителю, что едва лишь двадцать пять лѣтъ спустя послѣ перваго распространенія его критики станетъ возможнымъ въ Германіи сочиненіе *Гегеля*,—феноменологія духа? И всетаки именно появленіе Канта вызвало нашъ метафизическій періодъ бурь и борьбы. Этотъ человѣкъ, котораго Шиллеръ сравнивалъ со строящимъ царемъ, не только далъ пищу „мусорщикамъ“ интерпретаціи, но произвелъ также духовную династію честолюбивыхъ подражателей, которые, подобно фараонамъ, громоздили въ небо одну пирамиду за другою и забывали только основать ихъ на твердой почвѣ.

Не наше дѣло развивать здѣсь, какъ случилось, что *Фихте* выхватилъ изъ философіи Канта одинъ изъ самыхъ туманнѣйшихъ пунктовъ,—ученіе о первоначальномъ синтетическомъ единствѣ апперцепціи, чтобы вывести изъ этого свое творческое я; какъ *Шеллингъ* изъ А=А, такъ сказать изъ пустаго орѣха, волшебствомъ извлекалъ міровое цѣлое; какъ *Гегель* могъ признать бытіе и небытіе тождественными при радостныхъ кликахъ жаждущей знанія

молодежи нашихъ университетовъ. Время, когда на всѣхъ перекресткахъ обители музъ слышались разговоры о я и нея, объ абсолютномъ и о понятіи, миновало, и матеріализмъ не можетъ дать намъ повода говорить о немъ съ нашими читателями. Вся эта эпоха романтики понятій не дала для обсужденія матеріалистическихъ вопросовъ ни одного момента прочнаго достоинства. Всякое обсужденіе матеріализма съ точки зрѣнія творческой метафизики можетъ имѣть цѣлью лишь отдѣленіе другъ отъ друга двухъ координированныхъ точекъ зрѣнія. Гдѣ мы не можемъ, какъ говоря о Кантѣ, найдти болѣе высокую точку зрѣнія, тамъ мы должны отказаться отъ такихъ экскурсій.

Что при всемъ этомъ мы не можемъ относиться къ трудамъ *Шеллинга* и *Гегеля*, въ особенности послѣдняго, съ тѣмъ неуваженіемъ, которое теперь стало почти модою, это имѣетъ совершенно другое основаніе. Человѣкъ, который даетъ побѣдоносное и всеувлекающее выраженіе мечтательному настроенію нѣсколькихъ десятилѣтій, никакъ не можетъ быть абсолютно незначительнымъ. Но если, однако, разсмотрѣть вліяніе Гегеля на писаніе исторіи, а въ особенности, на трактованіе исторіи культуры, то должно признать, что этотъ человѣкъ на свой манеръ сильно содѣйствовалъ также и развитію наукъ [43]).

---

[43]) Если иногда вліяніе именно Гегеля на писаніе исторіи выставляется особенно вреднымъ, то это находитъ себѣ опору именно въ той склонности гнуть факты подъ философское настроеніе, столь поразительный примѣръ которой мы представили какъ разъ и въ исторіи матеріализма. (См. I, стр. 298 и слѣд.). Но только изъ за этого слишкомъ легко забывается, какъ слабо еще было установлено вообще въ Германіи дѣло писанія исторіи до Гегеля. Не несправедливо говоритъ *Целлеръ* (Geschichte d. deutschen Phil., S. 824). «Если наша настоящая исторія не довольствуется болѣе ученымъ отыскиваніемъ и критическимъ анализомъ преданій, сопоставленіемъ и прагматическимъ объясненіемъ фактовъ, но прежде всего стремится къ тому, чтобы понять общую связь событій, уразумѣть историческое развитіе и господствующія надъ нимъ духовныя силы въ цѣломъ, то успѣхъ этотъ въ не малой степени слѣдуетъ приписать вліянію, которое оказала гегелевская философія исторіи даже и на тѣхъ, которые никогда не принадлежали къ гегелевской школѣ».—Правильная точка зрѣнія нѣсколько сдвигается съ мѣста, когда начинающемуся съ *Канта* и *Шиллера* «идеалистическому» направленію въ исторіи противопоставляется настоящее, какъ абсолютно реалистическое. Если Александръ фонъ Гумбольдтъ (см. *Tomaschek*, Schiller in s. Verh. zur Wissensch., S. 130), сравниваетъ идеалистическое направленіе съ принятіемъ «жизненной силы» въ физіологіи, то можно было бы, можетъ быть правильнѣе пояснить отношеніе идеи къ факту на примѣрѣ вліянія теоріи Дарвина на естественнонаучное изслѣдованіе. Можно отдѣлить и здѣсь наклонность къ построенію отъ строго исходящаго изъ фактовъ направленія, не отрицая значенія такой великой точки зрѣнія для пониманія и обсужденія частнаго.

Поэзія понятій, если она проистекаетъ изъ широкаго и всесторонняго научнаго образованія, имѣетъ высокую цѣну для науки. Понятія, создаваемыя философомъ этого покроя, не суть лишь однѣ мертвыя рубрики для результатовъ изслѣдованія; они имѣютъ множество отношеній къ сущности нашего познанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ сущности того опыта, который одинъ для насъ возможенъ. Если изслѣдованіе пользуется ими правильно, то оно никогда не можетъ быть заторможено ими; но если оно позволяетъ философской диктатурѣ наложить на себя оковы, то, значитъ, въ немъ нѣтъ настоящей жизни. Наше ученіе о несостоятельности всякой метафизики сравнительно со строгою эмпиріею, какъ скоро дѣло идетъ о какомъ нибудь опредѣленномъ познаніи, лежитъ безсознательно въ человѣческой природѣ. Ясно видѣнному, а еще болѣе самимъ сдѣланному опыту вѣритъ каждый. Изслѣдованіе было въ состояніи, въ своихъ первыхъ, дѣтскихъ зачаткахъ, порвать окрѣпшія въ теченіи тысячелѣтій узы Аристотелевской метафизики, и ужели Гегель могъ изгнать его, при его полной возмужалости, изъ Германіи, такъ сказать, однимъ натвскомъ? Мы увидимъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ, какъ шло дѣло.

Если мы спросимъ теперь себя, какъ *матеріализмъ* опять возникъ послѣ Канта, то мы должны прежде всего вспомнить, что идеалистическая волна, которая прошла черезъ Германію, смыла не только матеріализмъ, но и собственно *критическое* въ Критикѣ разума, такъ что въ этомъ отношеніи Кантъ повліялъ на наше настоящее почти больше, чѣмъ на своихъ современниковъ. Элементы Кантовской философіи, которые *прочно* устраняютъ матеріализмъ, не достигли общаго признанія, а тѣ, которые вытѣснили его на мгновеніе, могли быть, естественно, также вытѣснены новымъ поворотомъ духа времени.

Большинство нашихъ матеріалистовъ конечно будутъ а priori и прежде всякаго разсмотрѣнія дѣла склонны къ тому, чтобы начисто отрицать связь своихъ взглядовъ съ Ла-Меттри или даже съ древнимъ Демокритомъ. Излюбленное мнѣніе таково, что нынѣшній матеріализмъ есть простой результатъ новѣйшаго естествознанія, который уже потому вовсе нельзя сравнивать съ родственными взглядами древнѣйшихъ временъ, что прежде не было нынѣшняго естествознанія. Тогда намъ вовсе не было бы надобности писать нашу книгу. Но если бы намъ и предоставили послѣдовательно развивать рѣшающіе принципы на основаніи простѣйшихъ воззрѣній прежнихъ временъ, то мы должны были бы, по крайней мѣрѣ, поставить слѣдующую главу, говорящую о современномъ естествознаніи, прежде настоящей.

Поостережемся легко возможнаго недоразумѣнія! Если мы утверждаемъ историческую связь, то намъ естественно не приходитъ при этомъ на умъ,

напр., сводить „Силу и матерію“ Бюхнера къ тайному заимствованію изъ l'Homme machine. Не нужно даже предполагать возбужденія чтеніемъ такихъ сочиненій, и даже малѣйшаго знанія ихъ, чтобы признать историческую связь. Какъ тепловые лучи тлѣющаго угля разсѣиваются отъ точки горѣнія во всѣ стороны и, отражаясь обратно эллиптическимъ зеркаломъ, зажигаютъ тлѣющій фитиль, такъ разсѣвается вліяніе нѣкотораго писателя,—въ особенности философа,—въ сознаніи массы, и изъ этого сознанія отдѣльныя положенія и воззрѣнія дѣйствуютъ на позднѣе развивающіеся индивидуумы, воспріимчивость и житейское положеніе которыхъ удобны для собиранія такихъ лучей. Что наше сравненіе хромаетъ, понятно само собою, но оно всетаки освѣщаетъ одну сторону истины. А вотъ другая!

Если *Молешоттъ* могъ сказать, что человѣкъ есть сумма предковъ и кормилицъ, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, пищи и одежды, то можно постановить и для умственныхъ вліяній подобное положеніе. „Философъ есть сумма преданія и опыта, строенія мозга и окружающей среды, случая и школы, здоровья и общества“. Такъ приблизительно могло бы гласить положеніе, которое, несомнѣнно, довольно ясно выражало бы, что и матеріалистическій философъ не можетъ быть обязанъ своею системою единственно своимъ занятіямъ. Въ исторической связи вещей встрѣчается слѣдъ тысячи нитей, а мы можемъ одновременно прослѣживать лишь одну изъ нихъ. Даже и это мы невсегда можемъ сдѣлать, потому что болѣе грубая видимая нить развѣтвляется на безчисленныя вѣточки, которыя мѣстами ускользаютъ отъ нашего взгляда. Что вліяніе новѣйшаго естествознанія на особенное развитіе и также на распространіе матеріализма въ болѣе широкихъ сферахъ очень велико, понятно само сомою. Но наше изложеніе достаточно покажетъ, что большинство вопросовъ, о которыхъ идетъ здѣсь дѣло, суть старые вопросы, и что лишь измѣнился матеріалъ, а не цѣль и путь доказательства.

Прежде всего должно, конечно, допустить, что *вліяніе* естественныхъ наукъ было, даже и въ продолженіи нашего идеалистическаго періода, постоянно способно поддерживать и питать матеріалистическія воззрѣнія. Съ пробужденіемъ общаго и живѣйшаго участія къ естественнымъ наукамъ, явились, поэтому, вполнѣ сами собою такія воззрѣнія, хотя и не выступили сначала догматически. Нельзя при этомъ забывать, что разработка положительныхъ наукъ оставалась космополитическою, между тѣмъ какъ философія въ Германіи шла по изолированному пути, соотвѣтствующему общему настроенію націи. Но при участіи къ изслѣдованіямъ за границею, нѣмецкій натуралистъ неизбѣжно долженъ былъ воспринимать и духъ, въ которомъ эти изслѣдованія производились, и мысли, которыми связывались частности. У вліятельнѣйшихъ же націй воззрѣнія семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія остались вообще господствующими, хотя обыкновенно и избѣгался рѣзкій выводъ слѣдствій. Именно, во Франціи *Кабанисомъ* дана была физіологіи матеріалистическая основа, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда въ Германіи *Шиллеромъ* и *Фихте* идеализмъ былъ доведенъ до крайней высоты (съ 1795). Разсматриваемый, какъ философъ, Кабанисъ былъ, конечно, никакъ не матеріалистъ [44]). Онъ склонялся къ пантеизму, примыкающему къ ученію стоиковъ, считая, впрочемъ, невозможнымъ познаніе „первыхъ причинъ“ [45]), (на языкѣ Канта можно сказать „вещи въ себѣ“). Относительно ученія Эпикура онъ чаще является его противникомъ. Въ естественнонаучномъ изученіи человѣка онъ прокладываетъ, однако, путь *соматическому* методу. Въ явленіи, или, какъ это говорится на его языкѣ, держась „вторичныхъ причинъ“, которыя одни доступны человѣку,—мы находимъ духовныя функціи повсюду въ зависимости отъ организма, а ощущеніе есть базисъ мышленія и дѣятельности. Доказательству этой связи посвящена вся его книга; его

---

[44]) См. *Cabanis*, Rapports du physique et du moral de l'homme et lettre sur les causes premiéres, 8 ed. augm. de notes etc. par *L. Peisse*, (Paris 1844). Первая половина этого сочиненія была читана въ академіи въ концѣ 1795 года и напечатана въ Mém. de l'Acad.; вторая появилась съ 1 изданіемъ всѣхъ сочиненій въ 1802 году. Письмо «о первыхъ причинахъ», одинъ изъ послѣднихъ трудовъ, появилось лишь долгое время спустя послѣ смерти автора въ 1824 году. Много спорили о томъ, находится ли пантеистическая философія этого письма и въ особенности рѣшительно выраженный *витализмъ* (принятіе нѣкоторой *субстанціальной* жизненной силы сверхъ и выше органическихъ естественныхъ силъ) въ согласіи съ матеріалистическимъ духомъ главнаго сочиненія, или нѣтъ. Издатель Пейссъ въ предпосланной сочиненію статьѣ о жизни и ученіяхъ Кабаниса, и во многихъ своихъ примѣчаніяхъ, показалъ, что хотя у Кабаниса, несомнѣнно, не слѣдуетъ искать строгой философской послѣдовательности, хотя его сочиненія заключаютъ различныя мелкія колебанія и даже противорѣчія, но что не представляется никакого повода къ принятію перемѣны въ настроеніи и сознательной ретрактаціи между главнымъ сочиненіемъ и метафизическимъ письмомъ. Такъ оказывается, напр., изъ одного мѣста одного изъ болѣе раннихъ его сочиненій, что Кабанисъ еще до «Rapports» былъ уже рѣшительнымъ приверженцемъ сталевскаго витализма. Его склонность къ пантеизму легко можно вывести изъ историческаго отдѣла «Rapports», именно изъ его сужденій о натурфилософіи стоиковъ. Этому вовсе не противорѣчитъ то, что мы встрѣчаемъ у Кабаниса уже почти всѣ рѣзкія изреченія нашихъ теперешнихъ матеріалистовъ, какъ, напр., то, что *мысли суть выдѣленія мозга* (тамъ же. p. 138).

[45]) См. II. Memoire, § 8, p. 141 и 142 въ предъид. примѣч. цитированнаго изданія.

читатели, его ученики держались, естественно, за ближайшее, за цѣль и матеріалъ книги, мало заботясь о вводныхъ и попутныхъ замѣчаніяхъ философскаго содержанія. Со временъ Кабаниса, поэтому, остается господствующимъ въ физіологіи сведеніе духовныхъ функцій на дѣятельность нервной системы, какъ бы разные физіологи ни думали о послѣднихъ основаніяхъ всѣхъ вещей. По природѣ спеціальныхъ наукъ, предметъ и методъ идутъ въ нихъ рука объ руку, между тѣмъ какъ философская подкладка постоянно мѣняется, если она вообще существуетъ. Масса держится за относительно постоянный факторъ и принимаетъ ближайшее, полезное и практическое за единственно вѣрное. Такимъ образомъ, пока философія не въ состояніи обнаружить свой противовѣсъ во всѣхъ образованныхъ сферахъ, изъ дѣятельности спеціальныхъ наукъ необходимо постоянно снова возникаетъ матеріализмъ, который, можетъ быть, тѣмъ упорнѣе, чѣмъ менѣе онъ является въ сознаніи своихъ носителей, какъ философское міросозерцаніе. Но потому же самому этотъ матеріализмъ обыкновенно не переходитъ дальше границы спеціальныхъ занятій. Должно быть нѣкоторыя глубже лежащія причины внезапно побудили натуралистовъ выставить на видъ принципіальную сторону своего пониманія міра, и этотъ процессъ *неотдѣлимъ* отъ соображенія и подведенія мыслей подъ нѣкоторую объединяющую точку зрѣнія, философская природа которой несомнѣнна.

Что такой поворотъ произошелъ именно въ Германіи тогда, когда въ Англіи и Франціи матеріализмъ не выступалъ болѣе рѣзко на арену, зависитъ также, безъ сомнѣнія, и оттого, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ привыкли къ философской борьбѣ мнѣній. Можно сказать, что идеализмъ самъ оказалъ помощь матеріализму, пробуждая вкусъ къ систематическому развитію руководящихъ мыслей и, вслѣдствіе противоположности, вызывая исполненныя юныхъ стремленій естественныя науки. Къ этому присоединилось, что, ни въ какой странѣ не господствовала столь общая свобода отъ религіозныхъ предразсудковъ и церковныхъ притязаній и такъ сказать собственное мышленіе не признавалось жизненною потребностью всѣхъ образованныхъ людей. И здѣсь также идеализмъ проложилъ дорогу, по которой потомъ матеріализмъ могъ двигаться почти безъ всякаго важнаго препятствія, и если это отношеніе часто вовсе не было оцѣнено матеріалистами или было превращаемаго въ противоположное, то это лишь одинъ изъ многихъ признаковъ того отсутствія историческаго смысла, которое такъ часто соединяется съ матеріализмомъ.

При всемъ томъ мы не должны забывать, что въ Германіи никогда не было недостатка вкуса къ естественно-научному изслѣдованію вещей, хотя

это направленіе и было въ эпоху процвѣтанія нашей національной литературы отодвинуто въ тѣнь этическимъ порывомъ и умозрительнымъ вдохновеніемъ. Самъ Кантъ еще былъ человѣкомъ, который могъ соединять въ своемъ мышленіи оба направленія, и поэтому, въ докритическій свой періодъ онъ нерѣдко очень сильно приближается къ матеріализму. Его ученикъ и противникъ *Гердеръ*[46]) былъ вполнѣ проникнутъ естественно-научнымъ образомъ мысли, и былъ бы, вѣроятно, въ состояніи сдѣлать гораздо большее для развитія научнаго чувства въ Германіи, если бы удовольствовался тѣмъ, чтобы положительнымъ образомъ дѣйствовать въ пользу своихъ идей, вмѣсто того, чтобы пускаться въ раздражительный и обильный недоразумѣніями споръ съ Кантомъ о принципахъ. Какъ много было чисто естественно-научнаго смысла у Гёте, въ настоящее время признается все болѣе и болѣе. Во многомъ изъ сказаннаго имъ мы замѣчаемъ спокойную и мягкую терпимость къ односторонности идеалистическаго направленія, законную суть котораго онъ умѣлъ цѣнить, между тѣмъ какъ онъ все таки чувствовалъ, что его умъ постепенно все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе тяготѣетъ къ объективному разсматриванію природы. Его отношеніе къ натурфилософской школѣ поэтому не нужно истолковывать превратно. Онъ, поэтъ, былъ, несомнѣнно, болѣе свободенъ отъ всякихъ фантастическихъ излишествъ, чѣмъ многіе присяжные натуралисты. Но сами натурфилософы представляютъ намъ собственно лишь странное сліяніе общегосподствующей романтики съ неподдѣльною воспріимчивостью къ наблюденію явленій и прослѣживанію ихъ связи. При такихъ предъуготовительныхъ условіяхъ общій переходъ націи отъ періода идеализма къ трезвому, обращенному на реальное образу мысли со временемъ необходимо долженъ былъ снова вызвать и матеріализмъ.

Если пожелаемъ указать опредѣленное время, которое можно обозначить какъ конецъ идеалистическаго періода въ Германіи, то не представляется никакого другаго столь рѣшительнаго событія, какъ французская *іюльская* революція 1830 года.

Идеалистическій патріотизмъ временъ войнъ за освобожденіе сгнилъ въ тюремномъ воздухѣ, истомился на чужбинѣ и исчезъ среди равнодушія массы. Философія утратила свое обаяніе, съ тѣхъ поръ какъ поступила на службу къ абсолютизму. Величественное отвлеченіе, создавшее выраженіе, что *дѣй-*

---

[46]) Мы можемъ указать здѣсь на талантливую и во многихъ отношеніяхъ поучительную «Geschichte der Entwickelung der naturwissenschaftl. Weltanschauung in Deutschland, von D-r *H. Böhmer*». Авторъ превозноситъ, конечно, Гердера въ ущербъ Канту и преданъ «реализму», слабыя стороны котораго мы надѣемся представить дальше.

ствительное есть въ тоже время *разумное*, на нѣмецкомъ сѣверѣ довольно долго оказывало самыя низкія услуги, чтобы при отрезвленіи сдѣлать всеобщимъ недовѣріе къ философіи. Въ поэтической литературѣ романтика наскучила и Reisebilder *Гейне* задали тонъ фривольности, котораго едва ли можно было бы ожидать отъ отечества Шиллера. Авторъ этого характеристическаго продукта времени съ 1830 года поселился въ Парижѣ, и сдѣлалось модою сомнѣваться въ будущемъ Германіи и смотрѣть на болѣе реалистическую Францію, какъ на образцовую страну новаго времени. Около этого времени началъ оживляться духъ предпріимчивости въ области торговли и промышленности. Матеріальные интересы развивались, и какъ въ Англіи, онѣ скоро вступили въ союзъ съ естественными науками противъ всего, что повидимому отвлекало человѣка отъ его ближайшихъ задачъ. Литература въ теченіи еще нѣсколькихъ десятилѣтій господствовала надъ умами націи; но на мѣстѣ классической и романтической явилась *молодая Германія.* Лучи матеріалистическаго образа мысли собирались. Такіе люди, какъ *Гуцковъ*, *Теод. Мундтъ* и *Лаубе* внесли своими сочиненіями нѣкоторый ферментъ эпикурейскаго образа мысли. Послѣдній притомъ дерзко разорвалъ связанную мантію, которою наша философія закрывала грѣхи своей логики.

Между тѣмъ возобновленіе матеріализма сводится къ эпигонамъ великой философской эпохи. Кцольбе считаетъ отцемъ нашего новѣйшаго матеріализма *Д. Ф. Штрауса*; другіе называютъ,—съ бо́льшимъ правомъ,—*Фейербаха* [47]). Навѣрно, при указаніи этихъ именъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, основываются на спорныхъ религіозныхъ вопросахъ; но Фейербахъ стоитъ, несомнѣнно, такъ близко къ матеріализму, что требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Людвигъ Фейербахъ, сынъ знаменитаго криминалиста, рано обнаружилъ серьезную, энергическую натуру и болѣе характера, чѣмъ ума и живости. Вовлеченный въ водоворотъ энтузіазма къ Гегелю, онъ отправился, двадцатилѣтнимъ студентомъ теологіи, въ пилигримство въ Берлинъ, гдѣ тогда (1824) Гегель былъ облеченъ полнымъ саномъ государственнаго философа. Философемы, въ которыхъ бытіе не полагается небытіемъ, и положительное не получается изъ отрицательнаго, назывались въ оффиціальныхъ приказахъ „мелкими и поверхностными“. Основательная натура Фейербаха доработалась изъ гегелевскихъ безднъ до извѣстной „поверхности“, никогда не теряя, однако, слѣдовъ гегелевскаго глубокомыслія. До ясной логики Фейербахъ не довелъ дѣла. Нервомъ его философствованія оставалось, какъ повсюду въ идеалистическую эпоху, угадываніе. „Слѣдовательно“ у Фейербаха не имѣетъ, какъ у Канта или Гербарта, смысла дѣйствительнаго или, хотя бы, желаемаго умозаключенія, но обозначаетъ, какъ у Шеллинга и Гегеля, скачекъ въ мысли, который нужно сдѣлать. Его система царитъ, поэтому, въ нѣкоторой мистической темнотѣ, которая отнюдь недостаточно освѣщается вслѣдствіе упиранія на чувственность и наглядность.

47) О послѣднемъ появленіи на сценѣ Штрауса, конечно, въ этомъ мѣстѣ еще не можетъ быть и рѣчи.

„Богъ была моя первая мысль, разумъ—моя вторая и *человѣкъ*—моя третья и послѣдняя мысль“. Этимъ изреченіемъ Фейербахъ характеризуетъ не столько различныя фазы своей философіи, сколько, скорѣе, лишь стадіи своей юношеской исторіи развитія; ибо уже вскорѣ послѣ своей габилитаціи (1828) онъ открыто выступилъ съ тѣми принципами своей философіи человѣчества, которыхъ онъ съ тѣхъ поръ непоколебимо держался. Новая философія должна относиться къ гегелевской философіи разума, какъ послѣдняя къ теологіи. Стало быть, теперь должна начаться новая эпоха, въ которой не только теологія, но и метафизика, является побѣжденною точкою зрѣнія.

Замѣчательно, какъ близко это пониманіе совпадаетъ съ ученіями, которыя около того же времени благородный *Контъ*, одинокій мыслитель и другъ человѣчества, пытался провести въ Парижѣ въ борьбѣ съ бѣдностью и уныніемъ. И Контъ говоритъ о трехъ эпохахъ человѣчества. Первая—теологическая, вторая—метафизическая, третья и послѣдняя—*положительная*, т. е. такая, въ которой человѣкъ обращается всѣмъ своимъ умомъ и стремленіемъ къ *дѣйствительности* и въ разрѣшеніи реальныхъ задачъ находитъ свое удовлетвореніе [49]).

48) Въ циркулярномъ предписаніи министерства духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и медицинскихъ дѣлъ отъ 21 августа 1824 стоитъ слѣдующее: «Королевской ученой экзаменаціонной коммисіи предлагается въ тоже время обратить при этомъ строгое вниманіе на основательность и внутреннее содержаніе философіи и на ея изученіе, дабы *мелкіе и поверхностные философизмы*, которые въ новѣйшее время слишкомъ часто составляютъ всю философскую науку, уступили бы, наконецъ, мѣсто основательному изученію философіи, истинная философская наука снова преобрѣла бы себѣ свое, какъ почетное, такъ и полезное положеніе и направленіе, и академическая молодежь вмѣсто того, чтобы смущаться и отуманиваться сказанною ложною философіею, была бы руководима, посредствомъ основательнаго преподаванія въ чисто философскомъ духѣ, къ ясному, правильному и основательному примѣненію своихъ духовныхъ силъ», *Könne*, Unterrichtswesen des Preuss. Staates, II. S. 42. «Сказанная ложная философія» есть, вѣроятно, философія *Бенеке*, см. *Ueberweg*, Grundriss. d. Phil. III, 3 Aufl. S. 319. Стремленіе же и дѣйствіе предписанія, при тогдашнихъ отношеніяхъ, имѣли необходимымъ образомъ цѣлью монополію философіи Гегеля.

49) О *Контѣ* и его системѣ см. *Auguste Comte* and positivism, by John

Подобно Гоббсу, Контъ ставитъ цѣлью всякой науки познаніе законовъ, которые управляютъ явленіями. „Смотрѣть, чтобы предвидѣть; изслѣдовать, что есть, чтобы заключить, что будетъ“, есть для него задача философіи. Фейербахъ, напротивъ, говоритъ: „Новая философія дѣлаетъ *человѣка*, со *включеніемъ природы*, какъ базиса человѣка, *единственнымъ*, *всеобщимъ и высшимъ предметомъ* философіи,—стало быть *антропологію*, *со включеніемъ физіологіи*, *универсальною наукою*“ [50]).

Въ этомъ одностороннемъ возвышеніи человѣка заключается черта, идущая отъ гегелевской философіи и отдѣляющая Фейербаха отъ собственно матеріалистовъ. Именно, это—опять философія духа, являющаяся намъ здѣсь въ формѣ философіи чувственности. Настоящій матеріалистъ всегда будетъ склоненъ направлять свой взглядъ на великое цѣлое внѣшней природы и разсматривать человѣка, какъ волну на океанѣ вѣчнаго движенія вещества. Природа человѣка для матеріалистовъ есть лишь частный случай общей физіологіи, какъ мышленіе—частный случай въ цѣпи физическихъ процессовъ жизни. Онъ ставитъ всю физіологію всего охотнѣе въ рядъ общихъ явленій физики и химіи, и ему болѣе нравится отодвинуть человѣка возможно дальше въ рядъ остальныхъ существъ. Несомнѣнно, въ практической философіи онъ будетъ ссылаться также только на природу человѣка, но и здѣсь онъ будетъ мало склоненъ придавать этой природѣ, какъ Фейербахъ, божескіе аттрибуты.

Великій обратный шагъ Гегеля, сравнительно съ Кантомъ, состоитъ въ томъ, что онъ совершенно потерялъ мысль о нѣкоторомъ болѣе общемъ способѣ познанія вещей въ сравненіи съ человѣческимъ способомъ. Вся его система вращается въ области нашихъ мыслей и фантазій о вещахъ, которымъ даются громко звучащія имена, причемъ нѣтъ размышленія о томъ, какое значеніе вообще можно придавать явленіямъ и выведеннымъ изъ нихъ понятіямъ. Противоположность между „сущностью“ и „видимостью“ у Гегеля не есть что-либо большее, чѣмъ противоположность двухъ человѣческихъ формъ пониманія, которая вскорѣ опять сглаживается. *Явленіе* опредѣляется какъ наполненная сущностью видимость, и *дѣйствительность* находится тамъ, гдѣ явленіе есть *полное и объективное обнаруженіе сущности*. Предразсудокъ, что можетъ существовать что-либо подобное „полному и объективному обнаруженію сущности“ въ явленіи, перешелъ и къ Фейербаху. Онъ опредѣляетъ, однако, дѣйствительность просто *чувственностью*, и это именно и приближаетъ его къ матеріалистамъ.

„*Истина*, *дѣйствительность*, *чувственность* тожественны. Только чувственное существо есть *истинное*, *дѣйствительное* существо, только чувственность есть *истина и дѣйствительность*“. „*Лишь* посредствомъ чувствъ дается предметъ въ *истинномъ смыслѣ*, а не мышленіемъ *самимъ по себѣ*“. „Гдѣ нѣтъ чувства, нѣтъ сущности, нѣтъ дѣйствительнаго предмета“. „Если прежняя философія имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ положеніе: *я есмь абстрактное*, *лишь мыслящее существо*: *тѣло не принадлежитъ къ моей сущности*; то новая философія начинаетъ, напротивъ того, съ положенія: *я есмь дѣйствительное*, *чувственное существо*: *тѣло принадлежитъ къ моему существу*, *даже въ своемъ цѣломъ тѣло есть мое я*, *сама моя сущность*“. „Истинно и божественно лишь то, что не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ, что *достовѣрно непосредственно*, *въ силу самого себя*, *непосредственно говоритъ за себя и убѣждаетъ*, непосредственно влечетъ за собою утвержденіе, что оно есть *абсолютно рѣшительное*, *абсолютно несомнѣнное*, *ясное*, какъ солнце. Но ясно, какъ солнце, лишь чувственное; только тамъ, гдѣ *начинается чувственность*, *прекращается всякое сомнѣніе и споръ*. Тайна *непосредственнаго* знанія есть *чувственность*“ [51]).

Эти положенія, которыя стоятъ въ фейербаховыхъ принципахъ философіи будущаго (1849), почти также афористически, какъ мы представили ихъ здѣсь, звучатъ достаточно матеріалистически. Но все-таки слѣдуетъ принять во вниманіе, что чувственность и матеріальность не суть тождественныя понятія.

Stuart Mill, reprinted from the Westminster Review (London 1865). О понятіи и тенденціи позитивизма кратко излагается въ Discours sur l'esprit positif par M. Auguste Comte, Paris 1844, 8°, 108 стр. Главное сочиненіе Конта есть шеститомный Cours de philosophie positive 1830—1842, во второмъ изд. съ предисловіемъ Литтре (Paris 1864). Контъ лишь съ недавняго времени сталъ пользоваться вниманіемъ въ Германіи. Въ *Ueberweg*, Grundriss. III, S. 361 и слѣд. находится написанная о немъ *Полемъ Жане* замѣтка, которая, однако, несправедлива къ Конту тѣмъ, что она обращаетъ его ученіе о трехъ періодахъ, теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ, только въ *отрицательную* часть его философіи, почему положительною частью остаются лишь двѣ мысли: «нѣкоторое историческое предположеніе» и «извѣстная классификація наукъ». На самомъ дѣлѣ, положительная заслуга заключается существенно въ разработкѣ и послѣдовательномъ проведеніи Контомъ своеобразнаго понятія «позитивнаго». Болѣе точныя указанія даетъ Дюрингъ, Kritische Gesch. d. Phil., 2 Aufl., Berlin 1873, S. 494—510.

[50]) Grundsätze der Philos. der Zukunft. Leipzig 1849, S. 81, § 55.

[51]) Эти положенія находятся въ § 32, 33, 37 и 39. Grunds. d. Phil. d. Zukunft.

*

формы не менѣе чѣмъ вещества, суть предметъ чувствъ; истинная чувственность даже всегда даетъ намъ единство формы и вещества. Мы получаемъ эти понятія лишь путемъ абстракцій, путемъ мышленія. Посредствомъ дальнѣйшаго мышленія мы достигаемъ затѣмъ того, чтобы понимать ихъ отношеніе какимъ-нибудь опредѣленнымъ образомъ. Какъ Аристотель повсюду даетъ формѣ первое мѣсто, такъ матеріализмъ всегда даетъ первое мѣсто веществу. Къ безусловно необходимымъ критеріямъ матеріализма принадлежитъ то, что не только вещество и сила мыслятся нераздѣльными, но что сила понимается абсолютно, какъ свойство вещества, и что, далѣе, изъ взаимодѣйствія веществъ съ ихъ силами выводятся всѣ формы вещей. Можно сдѣлать чувственность принципомъ, и при этомъ все-таки быть въ существенныхъ основахъ системы аристотеликомъ, спинозистомъ, и даже кантіанцемъ. Примемъ лишь, напр., за фактъ то, что Кантъ высказываетъ, какъ догадку, именно, что чувственность и разсудокъ имѣютъ общій корень въ нашей сущности. Если затѣмъ сдѣлаемъ шагъ дальше и произведемъ категоріи разсудка изъ строенія нашихъ органовъ чувствъ, то при этомъ все еще можетъ существовать положеніе, что сама чувственность, которая такимъ образомъ лежитъ въ основаніи всего міра явленій, есть лишь способъ, которымъ нѣкоторое существо, истинныхъ свойствъ котораго мы не знаемъ, аффицируется другими существами. Затѣмъ никакое логическое основаніе не мѣшаетъ опредѣлить дѣйствительность такъ, чтобы она совпадала съ чувственностью, между тѣмъ какъ, все таки, слѣдуетъ признавать, что позади того, что такимъ образомъ для человѣка составляетъ дѣйствительность, скрыта болѣе общая сущность, которая, будучи воспринимаема иными органами, иначе и является. Можно было бы даже удержать идеи разума со всѣмъ своеобразнымъ кантовскимъ обоснованіемъ практической философіи на сознаніи дѣйствующаго; лишь слѣдовало бы, конечно, мыслить умопостигаемый міръ подъ видомъ чувственнаго міра. Вмѣсто трезвой морали Канта, получилась бы тогда ярко раскрашенная и кипящая жизнью религія, мыслимая чувственность которой, правда, не могла бы имѣть притязанія на дѣйствительность и объективность непосредственной чувственности, но, конечно, подобно идеямъ Канта, могла бы имѣть значеніе, какъ проявленіе высшей и болѣе общей дѣйствительности умопостигаемаго міра.

При этой небольшой прогулкѣ по области возможныхъ системъ, мы, конечно, ушли довольно далеко отъ Фейербаха; но едва ли много дальше, чѣмъ самъ Фейербахъ ушелъ отъ строгаго матеріализма. Обратимъ, поэтому, вниманіе и на идеалистическую сторону этой философіи чувственности!

„Бытіе есть *тайна* созерцанія, ощущенія, любви.—Лишь въ ощущеніи, лишь въ любви „*это*",—это лицо, эта вещь,—т. е. частное, имѣетъ абсолютную цѣну,—*конечное* есть *безконечное*,—въ этомъ, и только въ этомъ состоитъ безконечная глубина, божественность и истинность любви. Въ одной любви—Богъ, считающій волосы на головѣ, истина и реальность". „Человѣческія ощущенія не имѣютъ никакого эмпирическаго, антропологическаго значенія въ смыслѣ старой трансцендентальной философіи; они имѣютъ онтологическое, *метафизическое* значеніе: въ ощущеніяхъ, даже въ повседневныхъ ощущеніяхъ, скрыты самыя глубокія и самыя высокія истины. Такимъ образомъ, любовь есть истинное *онтологическое* доказательство существованія предмета внѣ нашей головы,—и не существуетъ другаго доказательства бытія, какъ любовь, ощущеніе вообще. То, *бытіе* чего доставляетъ тебѣ *радость*, *небытіе* чего даетъ тебѣ *горе*, лишь то существуетъ" [52]).

Фейербахъ, конечно, былъ настолько послѣдователенъ, что не считалъ, напр., вовсе невозможнымъ существованіе на Юпитерѣ, или на нѣкоторой отдаленной неподвижной звѣздѣ живущихъ и мыслящихъ существъ. Если все-таки вся эта философія ставится такимъ образомъ, какъ будто бы человѣкъ былъ единственнымъ, даже единственно мыслимымъ существомъ съ образованною, духовною чувственностью, то это естественно намѣренное самоограниченіе. Фейербахъ въ этомъ отношеніи гегеліанецъ и признаетъ, въ сущности, вмѣстѣ съ Гегелемъ, принципъ древняго Протагора, что человѣкъ есть мѣра вещей. Для него *истинно* то, что истинно *для человѣка*, т. е. что постигается человѣческими чувствами. Поэтому, онъ утверждаетъ, что ощущенія имѣютъ не только антропологическое, но и метафизическое значеніе, т. е., что ихъ слѣдуетъ разсматривать не только какъ естественные процессы въ человѣкѣ, а какъ доказательство истинности и дѣйствительности вещей. Но черезъ это возвышается и *субъективное* значеніе чувственнаго. Если ощущенія суть базисъ метафизическаго, то, взятыя психологически, они должны быть настоящею субстанціею всего духовнаго.

„Старая абсолютная философія относила чувства лишь въ область *явленія*, *конечности*, и все-таки, въ противорѣчіи съ этимъ, считала *абсолютное*, *божественное* за предметъ *искуства*. Но предметъ искуства есть предметъ *зрѣнія*, *слуха*, *осязанія*. Стало быть, не только конечное, являющееся, но истинная, божественная сущность есть предметъ чувствъ,—*чувство—органъ абсолютнаго*".

„Мы чувствуемъ не только камни и дерево, не только тѣло и кости, мы чувствуемъ и чувства, сжимая руки или прижимая губы чувствующаго существа; мы воспринимаемъ ушами не только шумъ воды и шорохъ листьевъ, но

---

[52]) Тамъ же, § 34.

и задушевный голосъ любви и мудрости; мы видимъ не только отражающія поверхности и фантасмагоріи красокъ, мы глядимъ и во взоръ человѣка. Не только, стало быть, внѣшнее, но и *внутреннее*, не только тѣло, но и *духъ*, не только вещь, но и *я* есть предметъ чувствъ. Все, поэтому, можетъ быть воспринимаемо чувственно, если не непосредственно, то, по крайней мѣрѣ, посредственно, если и не грубыми, то образованными чувствами, если и не глазами анатома или химика, то глазами философа" [53]).

Но не суть ли „образованныя чувства", не суть ли „глаза философа" въ дѣйствительности *взаимодѣйствіе* чувствъ съ вліяніемъ *пріобрѣтенныхъ* представленій? Слѣдуетъ допустить съ Фейербахомъ, что это взаимодѣйствіе не можетъ быть мыслимо просто механически, какъ сумма двухъ функцій, чувственной и духовной. Дѣйствительно, съ духовнымъ развитіемъ образуются и чувства для познанія духовнаго, и очень вѣроятно, что и при мышленіи самыхъ возвышенныхъ и, повидимому, самыхъ сверхчувственныхъ предметовъ чувственные центры мозга участвуютъ еще очень существеннымъ образомъ. Но если мы захотимъ отдѣлить *въ созерцаніи* чувственный элементъ отъ духовнаго, то это также хорошо можно сдѣлать въ искуствѣ, какъ и въ какой нибудь другой области. Идеальное въ головѣ Юноны заключается не въ мраморѣ, но *въ формѣ его*. Чувство, какъ таковое, видитъ прежде всего бѣлый блестящій мраморъ; для пониманія формы нужно уже образованіе, а чтобы совершенно оцѣнить форму, на встрѣчу мысли художника должна выступить мысль. Но положимъ—что̀ идетъ еще дальше точки зрѣнія Фейербаха,—что и самая абстрактная мысль строится еще изъ матеріала ощущенія, подобно тому, какъ тончайшій рисунокъ не можетъ быть сдѣланъ безъ мѣла или карандаша: тогда, однако, намъ нужно будетъ различать форму послѣдовательности ощущеній отъ матеріала ощущеній, точно такъ, какъ, напр., форму Кёльнскаго собора отъ массъ трахита, изъ которыхъ онъ сооруженъ. Но форма собора можетъ быть представлена и на рисункѣ; развѣ нельзя предположить, что эта форма послѣдованія ощущеній, которая и имѣетъ духовное значеніе въ созерцаніи предмета искуства, независима, въ сущности, отъ случайнаго матеріала человѣческаго ощущенія, съ которымъ она, конечно, для насъ людей, связана неизмѣнно? Мысль трансцендентная, но противорѣчія она въ себѣ не заключаетъ.

Самый слабый пунктъ, въ сущности тотъ, что Фейербахъ признаетъ еще рядомъ съ чувствованіемъ,—вполнѣ въ гегелевскомъ духѣ,—совершенно лишенное чувствованія мышленіе и этимъ вноситъ въ существо человѣка неизгладимую двойственность. Предразсудокъ, что существуетъ лишенное ощущенія, вполнѣ чистое, вполнѣ абстрактное мышленіе, Фейербахъ раздѣляетъ съ весьма многими физіологами и философами. Но къ его системѣ это идетъ меньше, чѣмъ къ какой нибудь другой. Всѣ наши значительнѣйшія мысли совершаются съ помощію самаго тонкаго,—для невнимательнаго самонаблюденія неуловимо тонкаго,—матеріала ощущенія, тогда какъ самыя сильныя ощущенія часто имѣютъ лишь второстепенную цѣну въ отношеніи къ нашей личности, и еще меньше логическаго содержанія. Но едвали существуетъ ощущеніе, въ которомъ уже не чувствуется вмѣстѣ отношенія къ другимъ ощущеніямъ того же класса. Если я слышу звукъ колокола, то мое ощущеніе уже въ своей первой непосредственности опредѣляется моимъ знаніемъ колокола. Именно поэтому, звукъ совершенно особаго рода имѣетъ часто необыкновенно возбуждающее свойство. Общее находится въ частномъ, логическое—въ физіологическомъ, какъ вещество въ формѣ. Что Фейербахъ разрываетъ метафизически, слѣдуетъ отдѣлять только логически. Не существуетъ чистаго мышленія, которое имѣло бы содержаніемъ одно общее. Не существуетъ также и ощущенія, которое не заключало бы въ себѣ ничего общаго. Изолированнаго чувственнаго, какъ понимаетъ его Фейербахъ, фактически не встрѣчается, а поэтому оно, конечно, не можетъ также и быть единымъ дѣйствительнымъ.

Намъ всегда представлялось страннымъ, что интеллигентные противники часто ставили въ упрекъ Фейербаху, будто бы въ моральномъ отношеніи его система необходимо должна повести къ чистому эгоизму. Слѣдовало бы скорѣе сдѣлать обратный упрекъ, именно, что Фейербахъ прямо признавалъ мораль теоретическаго эгоизма, тогда какъ послѣдовательность всей его системы должна была вести къ противоположному. Кто выводитъ даже понятіе *бытія* изъ *любви*, для того невозможно держаться морали Système de la nature. Настоящій нравственный принципъ Фейербаха, которому онъ, конечно, по временамъ крупно противорѣчитъ, долженъ былъ бы, скорѣе, называться по мѣстоименію втораго лица: онъ изобрѣлъ *туизмъ!* Посмотримъ основы!

„Всѣ наши идеи возникаютъ изъ чувствъ; въ этомъ эмпиризмъ совершенно правъ, только онъ забываетъ, что самый важный, самый существенный чувственный объектъ человѣка есть *самъ* человѣкъ, что лишь во взглядѣ человѣка на человѣка зажигается свѣтъ сознанія и ума. Поэтому, идеализмъ правъ, отыскивая въ человѣкѣ начало идей, но онъ неправъ, желая вывести ихъ изъ изолированнаго, какъ бы по себѣ существующаго существа человѣка, фиксированнаго въ видѣ души, словомъ: изъ я безъ чувственно даннаго *ты*. Лишь вслѣдствіе сообщенія, лишь изъ разговора человѣка съ человѣкомъ

[53]) Тамъ же, §§ 40 и 42.

озникаютъ идеи. *Не въ одиночку, а самъ-другъ, мы приходимъ къ понятіямъ, къ разуму вообще.* Два человѣка нужно для произведенія человѣка,—какъ духовнаго, такъ и физическаго: общеніе человѣка съ человѣкомъ есть первый принципъ и критерій истины и всеобщности".

„Отдѣльный человѣкъ самъ по себѣ не имѣетъ въ себѣ сущности человѣка, *ни въ себѣ, какъ моральномъ, ни въ себѣ, какъ мыслящемъ существѣ.* Сущность человѣка заключается лишь въ общеніи, *въ единеніи человѣка съ человѣкомъ*, но единеніи, которое опирается лишь на *реальности различенія* я и ты".

„Одиночество есть конечность и ограниченность, общеніе есть свобода и безконечность. Человѣкъ по себѣ есть человѣкъ (въ обыкновенномъ смыслѣ); человѣкъ съ человѣкомъ—единство я и ты есть Богъ" [54]).

Изъ этихъ положеній Фейербахъ, при нѣкоторой послѣдовательности, долженъ былъ бы вывести, что вся человѣческая нравственность и высшая духовная жизнь основывается на *признаніи другаго.* Вмѣсто этого онъ впалъ въ теоретическій эгоизмъ. Причину этого слѣдуетъ искать, отчасти, въ безсвязности его мышленія, а отчасти въ его борьбѣ противъ религіи. Оппозиція противъ религіознаго ученія увлекла его такъ, что онъ признаетъ при случаѣ мораль Гольбаха, которая противна его системѣ. Человѣкъ, проповѣдывавшій въ нѣмецкой литературѣ самый безотносительный и послѣдовательный эгоизмъ, *Максъ Штирнеръ*, находится въ рѣшительной оппозиціи Фейербаху.

Штирнеръ въ своемъ пресловутомъ сочиненіи „*Одинъ и его собственность*" (1845) заходилъ такъ далеко, что отвергалъ всякую нравственную идею. Все, что какъ-нибудь, будь то внѣшняя сила, вѣра или простое понятіе, стоитъ выше индивидуума и его произвола, Штирнеръ отвергаетъ, какъ ненавистное ограниченіе его самого. Жаль, что къ этой книгѣ,—самой крайней, какую мы вообще знаемъ,—не было написано второй, положительной части. Это можно было бы сдѣлать легче, чѣмъ съ философіею Шеллинга; ибо изъ безграничнаго *я*—я могу снова произвести, какъ *мою волю* и *мое представленіе*, всякій видъ идеализма. Штирнеръ, въ самомъ дѣлѣ, такъ сильно упираетъ на волю, что она является основною силою человѣческаго существа. Онъ можетъ напомнить *Шопенгауера.* Такъ все имѣетъ свою оборотную сторону!

Штирнеръ не стоитъ въ такомъ тѣсномъ отношеніи къ матеріализму и его книга не достигла такого вліянія, чтобы мы должны были останавливаться на немъ дольше. Скорѣе намъ пора обратиться къ настоящему.

Крушеніе нѣмецкаго идеализма, которое мы считаемъ съ 1830 года, перешло постепенно въ борьбу противъ существующихъ властей въ государствѣ и церкви, борьбу, при которой матеріализмъ игралъ сначала лишь подчиненную роль, между тѣмъ какъ однако же весь духъ времени началъ склоняться къ матеріализму. Можно было бы 1830 годомъ закончить нѣмецкую поэзію, и было бы потеряно немного имѣющаго истинное значеніе. Не только миновалъ классическій періодъ, но и романтики спѣли свою пѣсню; отцвѣла швабская школа, и даже у Гейне, оказавшемъ столь значительное вліяніе на новый періодъ, почти все, что оживлялось еще нѣкоторымъ идеальнымъ духомъ, принадлежитъ ко времени, предшествующему этой поворотной точкѣ. Знаменитые поэты умерли, или замолкли, или перешли къ прозѣ; то, что еще производилось, носило печать искуственности. Нельзя желать болѣе краснорѣчиваго доказательства въ пользу связи умозрѣнія и поэзіи, какъ та форма, въ какой отразился этотъ поворотъ въ философіи. *Шеллингъ*, нѣкогда самый сознательный носитель идей времени, неистощимый апостолъ производства, не производилъ болѣе ничего. Геніальность, съ ея быстро созрѣвшими плодами, миновала, какъ бурный приливъ, который уступилъ отливу. *Гегель*, повидимому, господствовавшій надъ временемъ, пытался связать идею окостенѣлыми формулами. Въ его системѣ въ дѣйствительности еще продолжается вліяніе великаго идеалистическаго періода на болѣе молодое поколѣніе, но при какихъ перемѣнахъ! Больше всего пропало пониманіе *Шиллера*, какъ доказываетъ одобреніе, которое находили у большинства публики безсердечныя критики Бѣрне.

Гервинусъ, который съ величайшею опредѣленностью высказалъ мысль о временномъ прекращеніи нашего періода творчества, думалъ, что за этимъ долженъ слѣдовать періодъ *политики*, въ теченіи котораго Германія, подъ руководствомъ политическаго Лютера, должна возвыситься до лучшей формы существованія; но онъ забылъ, что для возрожденія въ той формѣ, какъ онъ

---

[54]) Phil. d. Zukunft. §§ 42, 61 и 62. Эти очень существенныя мѣста совершенно пропущены напр., *Шаллеромъ* въ его «Darstell. und Kritik der Philos. Feuerbachs», (Leipzig, 1847), почему и неудивительно, что онъ отождествляетъ мораль Фейербаха съ моралью *Штирнера* и заключаетъ тѣмъ, что, эгоизмъ и софистика, «принципіальное искорененіе нравственности духа», суть неизбѣжныя послѣдствія фейербаховскихъ принциповъ. Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что близко было искушеніе поставить «Туизмъ» Фейербаха въ въ параллель съ «Альтруизмомъ» *Конта;* но, безъ обстоятельнаго объясненія было бы невозможно указать общій пунктъ, не выставляя сходство бльшимъ, чѣмъ оно есть. Фейербахъ исходитъ всегда отъ недѣлимаго, которое ищетъ своего дополненія въ другомъ и лишь посредствомъ личной любви приходитъ къ дѣятельности для цѣлаго. У Конта же общество и потребность человѣка въ обществѣ есть исходный пунктъ, и его нравственное правило «vivre pour autrui» не вытекаетъ свободно изнутри, какъ страсть, но должно опираться на мысль о долгѣ передъ обществомъ.

представлялъ себѣ, нуженъ, во всякомъ случаѣ, новый подъемъ идеализма, и что для реалистическаго періода, который начался теперь, на первый планъ выступили *матеріальное благосостояніе* и *промышленная дѣятельность*. Несомнѣнно, на „реалистическую" Францію смотрѣли съ завистью также и въ политическомъ отношеніи. Но что особенно привлекало къ себѣ въ іюльской монархіи и во французскомъ конституціонализмѣ кружки, ставшіе теперь руководящими, это—ея положеніе въ отношеніи къ матеріальнымъ интересамъ владѣющихъ классовъ. Теперь лишь въ Германіи купецъ и основатель акціонерныхъ обществъ, какъ *Ганземаннъ*, могъ стать руководителемъ общественнаго мнѣнія. *Промышленные союзы* и подобныя общества, какъ грибы выросли изъ земли въ началѣ тридцатыхъ годовъ; въ области образованія гражданами разцвѣтающихъ городовъ основывались *политехническія заведенія*, промышленныя образовательныя школы и коммерческія училища, между тѣмъ какъ неоспоримые недостатки гимназій и университетовъ разсматривались въ увеличительное стекло непріязни. Правительства старались здѣсь противодѣйствовать, тамъ содѣйствовать, но въ общемъ они оказывались охваченными тѣмъ же духомъ. Маленькая характерная черта: *преподаваніе гимнастики*, уничтоженное по причинѣ своихъ идеалистическихъ тенденцій, теперь было допущено снова *въ видахъ здоровья*. Самая главная дѣятельность правительствъ была обращена на *торговыя сношенія*, и самымъ значительнымъ соціально-политическимъ созданіемъ этого десятилѣтія былъ нѣмецкій *таможенный союзъ*. Еще важнѣе, конечно, стали впослѣдствіи *желѣзныя дороги*, въ учрежденіи которыхъ соревновали съ средины десятилѣтія важнѣйшіе торговые города. Именно въ это время проснулся, наконецъ, интересъ къ естественнымъ наукамъ и въ Германіи, и руководящую роль при этомъ играла наука, которая стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ практическими интересами, *химія*. Съ того времени, какъ Либихъ въ Гиссенѣ добился первой лабораторіи при нѣмецкомъ университетѣ, была сломана плотина предразсудка, и когда изъ гиссенской школы стали выходить, одинъ за другимъ, способные химики, остальные университеты увидѣли себя вынужденными послѣдовать данному примѣру. Но самымъ главнымъ питомникомъ естественныхъ наукъ сталъ прежде всего *Берлинъ*, гдѣ съ 1827 года имѣлъ свое мѣстопребываніе *Александръ Гумбольдтъ*, тогда уже европейская знаменитость. *Эренбергъ*, *Дове* и двое *Розе*, химикъ и минералогъ, уже дѣйствовали здѣсь въ тридцатыхъ годахъ. Къ нимъ присоединился *Іоганнесъ Мюллеръ*, который хотя и прошелъ въ молодости натурфилософскую школу, но не потерялъ при этомъ трезвой энергіи изслѣдователя. Благодаря своему „Руководству физіологіи" (1833), равно какъ своей неутомимой преподавательской дѣятельности, онъ сталъ самымъ вліятельнымъ представителемъ строго естественно-научнаго направленія въ физіологіи, причемъ его сильно поддерживали идущія еще глубже, въ особенности со стороны математической точности, работы *Эрнста Генриха Вебера*, дѣйствовавшаго въ Лейпцигѣ. Къ этому присоединилось еще то, что *французское* вліяніе, которое было въ это время опять очень значительно въ Германіи, дѣйствовало также какъ разъ въ ту же сторону. Изслѣдованія *Флуранса*, *Мажанди*, *Лёре*, *Лонже* въ области физіологіи, и въ особенности именно физіологіи мозга и нервной системы, возбуждали огромное вниманіе спеціалистовъ Германіи и подготовляли почву для появленія *Фохта* и *Молешотта*. Уже въ то время, въ Германіи любили, если еще и не съ тою гласностью, какъ позднѣе, выводить изъ этихъ изслѣдованій заключенія о природѣ души. И для реформы *психіатріи* самый важный толчекъ былъ данъ изъ Франціи; ибо ничто не могло такъ рѣшительно навсегда покончить съ трансцендентными бреднями теологизировавшаго *Гейнрота* и его приверженцевъ, какъ изученіе превосходныхъ сочиненій *Эскироля*, которыя въ 1838 году были переведены на нѣмецкій языкъ. Въ томъ же году появился и переводъ сочиненія *Кетле* о человѣкѣ, въ которомъ знаменитый бельгійскій астрономъ и статистикъ пытался дать основанную на числахъ физику человѣческихъ дѣйствій.

Самое значительное вліяніе отступленіе идеалистическаго прилива оказало на *религіозную область*. Воодушевленіе набожною романтическою и поэтическою церковностью исчезло и оставило послѣ себя матеріализмъ новой вѣры въ букву и бездушнаго принципа авторитета. Между тѣмъ какъ *Генгстенбергъ* давалъ тонъ въ этомъ направленіи изъ Берлина, на югѣ Германіи наоборотъ, *тюбингенская школа* приступала, рѣзче, чѣмъ это было въ обычаѣ до тѣхъ поръ, съ оружіемъ строгой науки къ разработкѣ церковныхъ преданій. Если въ этихъ стремленіяхъ, соединявшихся еще сначала съ поклоненіемъ *Гегелю*, и было рѣшительно больше настоящаго идеализма, чѣмъ въ стремленіи Генгстенберга съ его покровителями и приверженцами, то всетаки примѣненіе холодной, строго слѣдующей указаніямъ разсудка критики къ библіи и церковной исторіи принадлежало къ признакамъ новой эпохи, въ которой практическое и разсудочное пріобрѣтало силу во всѣхъ направленіяхъ.

Нельзя, однако, отрицать, что рядомъ съ этимъ общимъ основнымъ тяготѣніемъ эпохи къ практическому и матеріальному поддерживалось живое броженіе умовъ, благодаря стремленію къ лучшимъ политическимъ порядкамъ и ненависти образованныхъ людей къ реакціонному направленію правительствъ. Насколько слабыми чувствовали себя въ политической области, на столько сильными чувствовали себя на почвѣ литературы, какъ научной, такъ и бел-

летристической. Сочиненія *молодой Германіи* получали, благодаря духу оппозиціи, который высказывался въ нихъ, значеніе, которое далеко превышало ихъ внутреннее достоинство. Въ 1835 году, въ томъ же году, когда была открыта первая желѣзная дорога на германской почвѣ, появились *Мадонна Мундта* и *Валли Гуцкова*, книга, которая навлекла на автора заключеніе въ крѣпость за его нападки на христіанство. Въ томъ же году, однако, появилась другая книга, напавшая гораздо глубже на правительственное христіанство, которое уже тогда покровительствовалось, какъ щитъ всѣхъ авторитетовъ: *Штраусса—Жизнь Іисуса*. Съ этою книгою Германія пріобрѣла роль руководителя въ начатой Англіей и продолжавшейся Франціей борьбѣ за приложеніе свободной критики къ преданіямъ религіи. Историческо-филологическая критика и безъ того была уже блестящею чертою германской науки. Здѣсь доводы и опроверженія были осязательнѣе, чѣмъ въ спекулятивной области, и книга стала, такимъ образомъ, прямымъ вызовомъ для каждаго, кто думалъ, что у него есть знанія, чтобы судить о ней. Все, что оставалось отъ идеально окрашенныхъ, но неясныхъ посредствующихъ точекъ зрѣнія изъ временъ романтики и болѣе стараго раціонализма, разбилось о критическіе вопросы, господствовавшіе на сценѣ. Умы раздѣлились рѣзче, чѣмъ было до сихъ поръ. Въ сороковыхъ годахъ стремленіе къ новымъ порядкамъ усилилось. Недовольствовались больше тѣмъ, чтобы отважиться на свободное слово, высказать смѣлую идею; а прямо называли существующіе порядки несостоятельными. Съ того времени, какъ *Руге* далъ сигналъ галльскими ежегодниками (Gallische Jahrbücher), стремленіе къ политической свободѣ соединилось съ научными и соціальными стремленіями разнаго рода въ общую бурю оппозиціи. Въ особенности церковные порядки были предметомъ нападенія, и именно поэтому матеріалистическія идеи вообще считались желанными союзниками, между тѣмъ какъ на первомъ планѣ всетаки стояли гегеліанизмъ и раціоналистическая критика. Въ религіи въ особенности негодовали на оковы, которыя грозилось наложить все болѣе и болѣе распространявшееся стремленіе науки къ регабилитаціи; въ политикѣ особенно возмущали попытки неясной романтики вызвать снова къ жизни представленія минувшихъ столѣтій. Могло показаться, что въ борьбѣ съ противодѣйствіями государственной власти научное стремленіе составляло тайну того напряженія, которое скоро начало разряжаться. Какъ всегда, движеніе при своемъ прогрессѣ становилось болѣе идеалистическимъ. Религія и поэзія были вызваны къ борьбѣ. Политическое творчество достигло своего апогея. Нѣмецкій католицизмъ произвелъ первый раздоръ; затѣмъ прошелъ рядъ бурь по всей Европѣ и 1848 годъ далъ, наконецъ, исходъ давно накоплявшейся злобѣ.

Если матеріализмъ въ началѣ этого движенія игралъ свою роль, то въ моментъ рѣшительной борьбы, напротивъ, онъ вполнѣ отступилъ за идеалистическія стремленія. И только въ силу реакціи умы снова ревностно взялись за вопросъ матеріализма и начали многосторонне, если и не совсѣмъ основательно, изслѣдовать pro и contra.

Въ Германіи часто можно было замѣтить своеобразную смѣну направленій общаго стремленія прогресса. Послѣ какого-нибудь времени, въ которое извѣстныя господствующія идеи собираютъ всѣ свои силы для общаго удара, наступаетъ другое, когда каждый работникъ углубляется въ свой частный предметъ. Такъ и теперь стали появляться все въ большемъ и большемъ числѣ конгрессы, общіе нѣмецкіе праздники, центральные союзы для всевозможныхъ спеціальностей и потребностей, и въ товариществахъ безмолвно и практически образовалась новая соціальная мощь. Но съ особенною энергіею послѣ идеалистическаго прилива 1848 года выдвинулись, съ первыми признаками рѣшительнаго отлива, *матеріальные интересы*. Глубоко потрясенная въ своихъ основныхъ опорахъ, Австрія старалась достичь рѣшительнаго возрожденія на базисѣ промышленнаго прогресса. Съ лихорадочною поспѣшностью создавалъ фонъ-Брукъ улицы за улицами; контракты, спекуляціи и финансовыя распоряженія тѣснились одни за другими. Вслѣдъ затѣмъ явилась частная предпріимчивость. Въ Богеміи возникли каменноугольные рудники, доменныя печи, желѣзныя дороги. Въ южной Германіи хлопчатобумажная промышленность достигла грандіознаго развитія. Въ Саксоніи развились почти всѣ отрасли металлической и ткацкой промышленности въ большемъ масштабѣ, чѣмъ до сихъ поръ. Въ Пруссіи, очертя голову, бросились на горное дѣло и горнозаводское производство. Уголь и желѣзо стали лозунгомъ времени. Въ Силезіи, а еще больше въ нижнерейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи, состязались съ Англіею. Въ періодъ меньше десяти лѣтъ добыча угля въ Саксонскомъ королевствѣ возвысилась вдвое; на Рейнѣ и въ Вестфаліи—втрое; Силезія занимала средину. Количество производимаго чугуна удвоилось въ Силезіи; въ западной половинѣ прусской монархіи оно возросло въ пять разъ. Количество всѣхъ продуктовъ горнаго производства возвысилось болѣе, чѣмъ въ три раза; точно также и произведенія заводовъ. Желѣзныя дороги стали служить перевозкѣ товаровъ и достигли, вслѣдствіе этого, такого употребленія, котораго никогда и не предчувствовали. Перевозка моремъ процвѣтала, и вывозъ достигъ въ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невѣроятныхъ размѣровъ. *Нѣмецкому единству* пытаются содѣйствовать, послѣ потери парламента, *вѣсомъ и монетою*. Довольно характеристично, что *вексельный порядокъ* былъ почти единственнымъ дѣломъ, которое осталось отъ великаго движенія къ единству.

Съ матеріальнымъ прогрессомъ шелъ рука объ руку новый подъемъ *естественныхъ наукъ*, и въ особенности химія вступала все въ болѣе и болѣе тѣсныя отношенія жизни. Теперь слѣдовало бы только удовольствоваться положительными фактами, а именно полезными результатами этихъ наукъ, и, какъ это было въ обычаѣ въ Англіи, въ остальномъ можно было бы признавать удобную и лишенную мысли ортодоксію. Это было бы практическимъ матеріализмомъ въ его совершенствѣ; ибо ничто не сберегаетъ такъ вѣрно наши силы для наживы, ничто такъ не обезпечиваетъ беззаботную способность къ наслажденію, ничто такъ не закаляетъ наше сердце противъ ненавистныхъ приливовъ сострадания и сомнѣнія въ своемъ совершенствѣ, какъ такая полная духовная пассивность, отвергающая, какъ безполезное, всякое размышленіе о связи явленій и о противорѣчіяхъ въ опытѣ и преданіи.

Германія никогда не могла вполнѣ отдаться этому матеріализму. Стародавняя творческая потребность искуства не успокоивается и не отдыхаетъ; можно было на время забыть стремленія къ единству отечества, но не стремленія къ единству разума. Эта архитектоника лежитъ у насъ ближе къ сердцу, чѣмъ архитектура нашихъ средневѣковыхъ соборовъ. И если патентованная строительница спитъ, то въ этомъ промежуткѣ бодро дѣйствуетъ свобода промышленности, и химикъ и физіологъ берутся за лопатку метафизики. Германія есть единственная страна на землѣ, въ которой аптекарь не можетъ изготовить рецепта, не сознавши связи своей дѣятельности съ цѣлостію вселенной. Это идеальная черта, которая дала намъ въ теченіи времени глубочайшаго упадка философіи, по крайней мѣрѣ, *матеріалистическій споръ*, какъ напоминаніе для легко удовлетворившихся массъ „образованныхъ людей", что за ежедневною привычкою работы и экспериментированія находится еще безконечная область, прохожденіе которой освѣжаетъ умъ и облагораживаетъ сердце.

Одно слѣдуетъ поставить въ заслугу естествовѣдѣнію этихъ дней; то, что оно, насколько умѣло, подняло перчатку, брошенную зазнавшимися врагами *науки*. Нѣтъ болѣе вѣрнаго признака безсилія и униженія философіи, какъ то, что она молчала, когда жалкіе любимцы жалкихъ государей хотѣли прекратить движеніе мысли.

Конечно, натуралисты были возбуждены также людьми изъ своихъ собственныхъ рядовъ, которые, безъ всякихъ научныхъ побужденій, находили въ себѣ позывъ выступить противъ господствовавшаго въ естествовѣдѣніи духа. „*Allgemeine Zeitung*", которая стала отдавать столбцы своихъ нѣкогда очень высоко стоявшихъ „приложеній" разнымъ мало научнымъ профессорамъ, можетъ заявить притязаніе на свое участіе въ возбужденіи спора. 1852 годъ принесъ, въ самомъ началѣ, „Физіологическія письма" *Р. Вагнера*. Въ апрѣлѣ Молешоттъ подписалъ предисловіе къ „Круговороту жизни", а въ сентябрѣ Фогтъ возвѣстилъ въ своихъ „Картинахъ изъ животной жизни", что пришло время показать зубы усиливающемуся поклоненію авторитетамъ.

Изъ двухъ передовыхъ бойцовъ матеріалистическаго направленія одинъ былъ эпигономъ натурфилософіи; другой—бывшій государственный дѣятель, стало быть, отчаянный идеалистъ. Оба эти человѣка,—не лишенные и влеченія къ собственному изслѣдованію,—блещутъ всетаки преимущественно талантомъ изложенія. Если Фогтъ яснѣе и рѣзче въ частностяхъ, то Молешоттъ, напротивъ того, болѣе обдумывалъ и округлялъ цѣлое. Фогтъ чаще противорѣчитъ самъ себѣ; Молешоттъ обильнѣе положеніями, которымъ вообще нельзя приписать никакого опредѣленнаго смысла. Главное въ этомъ спорѣ сочиненіе Фогта („Слѣпая вѣра и наука") появилось, впрочемъ, лишь послѣ того Геттингенскаго съѣзда натуралистовъ (1854), который повторилъ намъ зрѣлище великихъ религіозныхъ диспутовъ временъ реформаціи. Ко времени самаго горячаго спора (1855) относится и *Бюхнеровская* „Сила и матерія", сочиненіе, которое надѣлало можетъ быть болѣе шума и, во всякомъ случаѣ, встрѣтило болѣе рѣзкое осужденіе, чѣмъ какое-нибудь другое сочиненіе изъ этой литературы. Мы должны рѣшительно отстранить нравственные упреки, которые дѣлали Бюхнеру, въ особенности по случаю перваго изданія его книги, но мы, конечно, также мало можемъ признать выставляемое Бюхнеромъ притязаніе на самостоятельное философское значеніе. Разберемъ, поэтому, прежде всего его требованія отъ философіи!

Бюхнеръ, указавши основанія презрѣнія къ философскому искуственному языку, высказываетъ въ предисловіи къ своей книгѣ слѣдующее:

„Въ самой природѣ философіи то, что она есть общее умственное достояніе. Философскія разсужденія, которыя не могутъ быть поняты каждымъ образованнымъ человѣкомъ, не стоятъ, по нашему мнѣнію, тѣхъ типографскихъ чернилъ, которыя употреблены на нихъ. Что ясно мыслится, можетъ быть и сказано ясно и безъ обиняковъ".

Этимъ Бюхнеръ устанавливаетъ вполнѣ новое понятіе о философіи, не опредѣляя его, однако, точно. Что до сихъ поръ называлось философіею, то никогда не было общимъ достояніемъ всѣхъ и не могло быть понято „каждымъ образованнымъ человѣкомъ", — по крайней мѣрѣ, безъ глубокихъ и основательныхъ подготовительныхъ занятій. Системы Гераклита, Аристотеля, Спинозы, Канта, Гегеля требуютъ самаго внимательнаго труда, и если и тогда не все становится понятнымъ въ нихъ, то это, можетъ быть, можно считать виною этихъ философовъ. Что сочиненія ихъ имѣли для нашихъ предковъ боль-

шую цѣну, чѣмъ типографскія чернила, это ясно, потому что иначе они не были бы напечатаны, продаваемы, оплачиваемы, восхваляемы и даже часто читаемы. Но, очевидно, и Бюхнеръ направляетъ свои слова лишь на *живущихъ*, въ самомъ крайнемъ значеніи слова. Какую цѣну могли эти системы имѣть для прошлаго, онъ оставляетъ безъ изслѣдованія. Онъ не задается также вопросомъ, какое вліяніе оказало это прошлое на настоящее, и соединяется ли какъ нибудь необходимый ходъ развитія нашего настоящаго мышленія съ трудами этихъ философовъ. Слѣдуетъ также признать, что и Бюхнеровская исторія философіи не отвергаетъ ихъ значенія, ибо, какъ многіе предметы природы, и мышленіе человѣка заслуживаетъ, конечно, изслѣдованія, при которомъ нельзя ограничиваться поверхностными продуктами мыслительной дѣятельности. Самъ Бюхнеръ написалъ статью о *Шопенгауэрѣ*, въ которой онъ, правда, старается только о томъ, чтобы дать большинству публики нѣкоторое понятіе о своеобразномъ мышленіи этого философа, но признаетъ, однако, что Шопенгауэръ долженъ еще и теперь оказывать „сильное вліяніе на ходъ нашего настоящаго философскаго развитія". Между тѣмъ Шопенгауэръ проповѣдуетъ идеализмъ, который, на ряду съ Кантомъ, слѣдуетъ назвать реакціоннымъ и, кромѣ того, вовсе не легко понимаемымъ.

Бюхнеръ также отнюдь не желаетъ просто болѣе лучшаго и болѣе понятнаго *способа изложенія* философіи; ибо въ томъ, что до сихъ поръ обозначается этимъ выраженіемъ, встрѣчаются вопросы, которые не можетъ сдѣлать болѣе понятными даже и самое популярное изложеніе, потому именно, что трудность заключается въ самомъ предметѣ. Въ одномъ мы бы вполнѣ согласились съ Бюхнеромъ, что рѣшительно пришло время истребить до послѣднихъ корней такъ называемую *эсотерическую форму ученія*. Конечно, многіе философы, пожалуй, поплатились бы, если бы радикализмъ ихъ собственныхъ принциповъ былъ точно также понятенъ, какъ миролюбивость практическихъ примѣненій, которыя часто получаются самыми странными окольными путями; но это вовсе не было бы несчастіемъ для прогресса человѣчества. Кантъ, который былъ благородно мыслящимъ человѣкомъ, и, кромѣ того, могъ полагаться на великаго короля и просвѣщеннаго министра фонъ-Зейдлица, всетаки удержалъ еще многое изъ старыхъ эсотерическихъ принциповъ, какъ напр., то, что онъ считаетъ матеріализмъ, въ силу его понятности, болѣе опаснымъ, чѣмъ скептицизмъ, который требуетъ бо̀льшаго. Собственный глубокій радикализмъ Канта, отчасти вслѣдствіе трудности основной точки зрѣнія, но отчасти и вслѣдствіе языка, скрытъ настолько, что обнаруживается лишь при внимательнѣйшемъ и свободномъ отъ предубѣжденій изученіи, и что Бюхнеръ нашелъ бы здѣсь, можетъ быть,

еще болѣе пригоднаго для нынѣшняго мышленія, чѣмъ у Шопенгауэра, если бы захотѣлъ вработаться.

Если мы должны согласиться съ Бюхнеромъ, что слѣдуетъ навсегда оставить намѣренное затрудненіе пониманія для непосвященныхъ, то всетаки мы отнюдь не можемъ надѣяться или желать, чтобы когда-нибудь были изгнаны изъ области философіи и тѣ трудности, которыя заключаются *въ самомъ предметѣ*. Съ одной стороны передъ нами непреложная послѣдовательность великаго демократическаго поворота въ мірѣ, недопускающаго больше никакой тайны просвѣщенія и свободомыслія и желающаго доставить и массамъ плоды того, что достигнуто общимъ трудомъ человѣчества. Съ другой же стороны—желаніе, не смотря на это отношеніе къ потребности массъ, не допустить обѣдненія науки и предотвратить, сколько возможно, крушеніе современной культуры, предотвратить посредствомъ сохраненія всего нашего сокровища философскаго разумѣнія. Эта откровенность въ отношеніи къ слѣдствіямъ философскаго ученія, конечно, нужна, не какъ уступка *большинству* публики „образованныхъ людей", а какъ дополненіе эманципаціи всей массы публики,—достигающихъ до сознанія своего болѣе высокаго назначенія низшихъ классовъ народа. Наши „образованные люди" напротивъ и безъ того уже настолько избалованы въ своей пошлой поверхностности, что конечно странно было бы внушать еще имъ, что стоитъ лишь протянуть руку, чтобы достигнуть въ философіи всего того, чѣмъ обладали знаменитѣйшіе философы. Если мы хотимъ дать имя философіи популярному просвѣщенію, которое,—пользуясь лишь результатами наукъ,—достаточно, чтобы устранить грубѣйшія суевѣрія, то для той философіи, которая заключаетъ въ себѣ общую теорію всѣхъ наукъ, мы должны изобрѣсти новое имя. Не захотимъ же мы отрицать, что въ этомъ смыслѣ философія возможна и при нынѣшней основной точкѣ зрѣнія науки.

Положеніе, что все, что ясно мыслится, должно быть ясно и высказано, какъ ни вѣрно оно само по себѣ, вообще подвержено жестокому злоупотребленію. Конечно, великій *Лапласъ*, въ своей аналитической теоріи вѣроятностей, далъ совершенный образецъ яснаго изложенія, и всетаки въ числѣ тѣхъ, кто лишь въ видахъ общаго образованія нѣсколько занимался математикою, немного найдется такихъ, кто былъ бы въ состояніи, даже при извѣстномъ усиліи, понять этотъ трудъ. Въ математикѣ вообще и самое ясное изложеніе, подобно чужому языку, непонятно каждому, для кого непривычны понятія, которыми производятъ дѣйствія. Но совершенно тоже можетъ встрѣтиться въ философіи. Чтобы не приводить другихъ доказательствъ, мы можемъ здѣсь обратить вниманіе лишь на то, что не существуетъ также ни од-

ной отрасли математики, которую нельзя было бы излагать и философски. Самъ Лапласъ философски обработалъ первыя основныя понятія теоріи вѣроятностей, и это сочиненіе понятнѣе, чѣмъ аналитическая теорія, не потому, что оно *философское*, а потому, что въ немъ дѣло идетъ *объ основныхъ понятіяхъ*. Несмотря на все это, и „философскій опытъ о вѣроятностяхъ" долженъ представлять серьезныя трудности еще для многихъ изъ нашихъ образованныхъ людей.

Здѣсь слѣдуетъ, конечно, указать въ пользу Бюхнера, что философія не являлась лишь какъ квинтъ-эссенція наукъ, какъ послѣдній результатъ сравненія ихъ результатовъ, но также какъ введеніе и подготовленіе къ нимъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимала философію уже схоластика, и до самаго послѣдняго времени въ нашихъ университетахъ было въ обычаѣ предпосылать спеціальнымъ занятіямъ философскія лекціи. Но во Франціи и Англіи часто прямо смѣшивали философское изложеніе предмета съ популярнымъ. Отъ этого и происходитъ, что Бюхнеръ цѣнится въ Германіи болѣе какъ популярный полемическій писатель, между тѣмъ какъ его многочисленные приверженцы въ Англіи и Франціи скорѣе готовы признать его притязаніе на философское значеніе.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ относительности нашихъ понятій можно найдти, далѣе, именно въ томъ, что тѣ свойства, благодаря которымъ Бюхнеръ кажется большинству публики *яснымъ*, составляютъ какъ разъ противоположность тому, что называетъ яснымъ болѣе строгая наука. Если бы, напр., Бюхнеръ принималъ понятіе *гипотезы* въ научномъ смыслѣ, то онъ, вѣроятно, остался бы непонятнымъ для многихъ своихъ читателей, такъ какъ нужно уже не малое логическое образованіе и нѣкоторое оріентированіе въ исторіи наукъ для того, чтобы понять это понятіе такъ, какъ оно ясно для строго мыслящаго человѣка. У Бюхнера же „гипотеза" обозначаетъ всякаго вида неоправданныя предположенія, какъ, напр., дедуцированныя положенія философскаго умозрѣнія [55]). Выраженіе „*матеріализмъ*" стоитъ то въ его правильномъ историческомъ смыслѣ, то оно значитъ одно и тоже или съ „реализмомъ", или съ „скептицизмомъ"; встрѣчаются даже мѣста, гдѣ это самое положительное изъ всѣхъ философскихъ понятій употребляется чисто отрицательно и почти совпадаетъ съ скептицизмомъ. Еще сильнѣе измѣняется понятіе „*идеализма*", которое часто кажется почти синонимомъ „ортодоксіи". Но именно вслѣдствіе этого шаткаго пониманія, эти понятія представляются болѣе ясными тѣмъ, кто не знаетъ точнаго значенія такихъ выраженій и, однако, чувствуетъ потребность толковать объ нихъ.

Это похоже на дѣйствіе очковъ для различныхъ разстояній и различныхъ глазъ. Кто въ этихъ вещахъ видитъ дальше простыми глазами, тотъ находитъ все неяснымъ сквозь очки Бюхнера; кто, напротивъ того, крайне близорукъ, тотъ думаетъ, что онъ будетъ видѣть очень ясно черезъ такую среду, и видитъ дѣйствительно яснѣе, чѣмъ безъ такого вспоможенія. Но, къ сожалѣнію, очки—въ тоже время сильно окрашены! Именно, у Бюхнера постоянно бываетъ, что онъ считаетъ настоящія ученія философовъ чѣмъ-то очень простоватымъ, потому что замѣчаетъ, что они по консервативной тенденціи часто мирились въ жизни съ грубыми повседневными представленіями. Такъ, именно глава о *прирожденныхъ идеяхъ* можетъ вызвать въ насъ развѣ смутное воспоминаніе о цвѣтахъ краснорѣчія невѣжественнаго проповѣдника и о сомнительныхъ пріемахъ книги для чтенія прилежныхъ дѣтей, между тѣмъ какъ въ новѣйшей философіи мы тщетно искали бы хотя одного положенія, которое дѣйствительно содержитъ опровергаемыя Бюхнеромъ ученія. Здѣсь видно, конечно, что наши ручные философы несутъ справедливое наказаніе за недобросовѣстность, когда они, такъ сказать, позволяютъ заушать себя на площади, не возбуждая въ публикѣ, слѣдующей въ этомъ своему чувству, ни малѣйшей симпатіи къ себѣ.

Какъ Бюхнеръ колеблется и поступаетъ произвольно въ употребленіи отдѣльныхъ понятій, такъ, естественно, онъ не можетъ быть разсматриваемъ и какъ представитель ясно высказаннаго, опредѣленнаго, положительнаго принципа. Строгъ, неумолимъ и послѣдователенъ онъ только въ отрицаніи; но это рѣзкое отрицаніе вовсе не есть слѣдствіе сухаго, чисто критическаго разсудка; оно происходитъ, скорѣе, изъ мечтательнаго энтузіазма къ прогрессу гуманности, къ побѣдѣ истиннаго и прекраснаго. Что мѣшаетъ этой побѣдѣ, то онъ достаточно знаетъ, чтобы неумолимо преслѣдовать. Многое невинное можетъ тоже показаться ему подозрительнымъ. Но что неподозрительно, въ чемъ онъ не предполагаетъ никакого плутовства, никакого злостнаго противодѣйствія научному и нравственному прогрессу, то все ему годится. Бюхнеръ, въ корнѣ, идеалистическая натура. Онъ происходитъ изъ семьи, весьма богатой поэтическими дарованіями. Одинъ изъ его братьевъ, рано умершій, подавалъ очень большія надежды, какъ поэтъ; другой также сталъ извѣстенъ, какъ поэтъ и какъ историкъ поэзіи; его сестра—Луиза Бюхнеръ—весьма извѣстна въ нѣмецкомъ женскомъ мірѣ, какъ талантливая писательница и собирательница

[55]) Всего небрежнѣе употребленіе слова гипотеза въ «Schlussbetrachtungen» къ *Силѣ и Матеріи* (стр. 259 и сл. 1 изд.). Здѣсь даже религіозныя догмы называются гипотезами. Напротивъ, правильное употребленіе этого выраженія находится, напр., въ «Natur und Geist» (стр. 83), гдѣ атомистика называется «научною гипотезою».

пѣсенъ. Онъ самъ, когда былъ ученикомъ, отличался, подобно де-ла-Меттри, преимущественно въ литературныхъ, философскихъ и поэтическихъ занятіяхъ, и своими стилистическими упражненіями. И у него также отецъ желалъ, чтобы онъ изучалъ медицину, и въ томъ также можно его сравнить съ его французскимъ предшественникомъ, что онъ тотчасъ же примкнулъ въ новыхъ занятіяхъ къ извѣстной партіи, и именно, къ раціональной школѣ. Болѣе серьезно и основательно, чѣмъ ла-Меттри, онъ сталъ употреблять съ этого времени свой богатый и многосторонній талантъ, отчасти на научныя изслѣдованія, отчасти же на популярное изложеніе и публицистическое примѣненіе результатовъ новѣйшихъ естественно-научныхъ изслѣдованій. При этой дѣятельности онъ никогда не упускалъ изъ вида отношеній къ великимъ задачамъ развивающейся гуманности.

Хотя Бюхнеръ, возбуждаемый Молешоттомъ, и подобнымъ же реторически-эмфатическимъ образомъ, признавалъ себя въ нѣкоторыхъ изъ своихъ заявленій за рѣшительнѣйшаго матеріалиста, но его настоящее направленіе,—которое, конечно, трудно съ достовѣрностью опредѣлить изъ противорѣчащихъ мѣстъ, — болѣе *релятивистическое* [56]). Послѣднихъ загадокъ жизни и существованія, какъ онъ многократно высказываетъ, нельзя разрѣшить [57]). Но эмпирическое

[56]) Релятивистическимъ (если даже не идеалистическимъ) слѣдуетъ считать заимствованное отъ *Молешотта* положеніе, что вещи вообще существуютъ лишь другъ для друга (см. ниже примѣ. 58). Далѣе, сюда принадлежитъ его ученіе о *безконечности въ мальйтемъ* и необходимо требующейся этимъ *относительности понятія объ атомѣ* (см. Kraft und Stoff, 1 Aufl. S. 22 и сл., Natur und Geist, S. 82 и слѣд.). Что, не смотря на это, съ другой стороны атомы трактуются, какъ факты, открытія и т. д.,—этому у Бюхнера нечего удивляться. Въ «Sechs Vorl. über die *Darwinsche Theorie*, (Leipz. 1868), стр. 383 и слѣд. Бюхнеръ прямо отказывается отъ *систематическаго* матеріализма и желаетъ называть свою философію *«реализмомъ»*.

[57]) Относящіяся сюда мѣста находятся, правда, главнымъ образомъ въ «Natur und Geist» (Frankf. 1857), совершенно неудачной попыткѣ столь ловкаго въ другихъ случаяхъ писателя, представить свою философію большой массѣ публики въ формѣ спокойнаго, чуждаго партій изслѣдованія. См. тамъ стр. 83: «Такъ какъ наше познаніе не простирается во внутреннее природы, и настоящая глубокая сущность матеріи, вѣроятно, останется для насъ навсегда не разрѣшимою проблеммою»; стр. 173: «что я предпочитаю сознаться тебѣ въ нашемъ незнаніи относительно времени и вѣчности, относительно пространства и безконечности». Въ высшей степени характеристично для способа мышленія Бюхнера мѣсто, тамъ же, стр. 176 и слѣд., гдѣ авторъ заставляетъ представителя своей точки зрѣнія («Августъ») въ вопросѣ о безконечности пространства и времени довольствоваться тѣмъ, что предѣлы, которые пространство, время и причинность, повидимому, ставятъ нашимъ по-

изслѣдованіе, которое одно можетъ вести насъ къ истинѣ, не позволяетъ намъ принять ничего сверхчувственнаго. Если мы переходимъ въ нашемъ мышленіи границы опыта, то мы невозвратно впадаемъ въ заблужденіе. Вѣра, которой тогда уже нѣтъ дѣла ни до чего фактическаго, можетъ заходить въ эту область, но разумъ не можетъ и не долженъ за нею слѣдовать. Философія должна вытекать изъ естествознанія; чему оно насъ учитъ, этого мы должны держаться, пока не пріобрѣтемъ тѣмъ же путемъ болѣе глубокаго пониманія. Замѣчательно, что Бюхнеръ вовсе не допускаетъ поэтически-символическаго значенія философскихъ или религіозныхъ положеній. Онъ разошелся съ своею поэтическое натурою по отношенію къ этимъ вопросамъ, и поэтому все для него или истинно, или ложно. Но, такимъ образомъ, въ сущности отрицается не только умозрѣніе и религіозное вѣрованіе, но и всякая поэзія, образно выражающая идею.

Какъ Молешоттъ, такъ и Бюхнеръ, въ обсужденіи отдѣльныхъ вопросовъ, часто обнаруживаютъ большое истинно философское остроуміе, которое затѣмъ опять смѣняется непонятными тривіальностями. Такъ, напр., въ „Силѣ и матеріи“ Бюхнера большая часть главы „мысль“ есть образецъ осмотрительной діалектики; конечно, лишь отрывокъ, ибо меткая критика пресловутаго изреченія Фогта объ отношеніи мыслей къ мозгу оканчивается совершеннымъ дуализмомъ силы и матеріи, который потомъ уже не сглаживается, а лишь заминается быстрымъ теченіемъ рѣчи.

„Мысль, духъ, душа“, говоритъ Бюхнеръ, „не есть нѣчто матеріальное, ни даже вещество, но сросшійся въ единство комплексъ разнородныхъ силъ,— эффектъ взаимодѣйствія многихъ одаренныхъ силами и свойствами веществъ“. Онъ сравниваетъ этотъ эффектъ съ эффектомъ паровой машины, силы которой нельзя ни видѣть, ни обонять, ни схватить, такъ какъ выбрасываемый паръ есть побочный продуктъ и ничего не значитъ для того, „что машина имѣетъ цѣлью“. Каждая сила можетъ быть „выведена лишь изъ ея проявленій“, или, какъ сказано гораздо послѣдовательнѣе и лучше по связи рѣчи въ первомъ

нятіямъ, «находятся въ такомъ отдаленіи, что они едва ли противопоставляются моему философскому способу воззрѣнія на міръ и матерію». Очень замѣчательно также слѣдующее (позднѣе большею частію выпущенное) мѣсто изъ перваго изданія «*Силы и Матеріи*», стр. 261. «Позади того, что закрыто для нашего чувственнаго познанія, *могутъ* существовать, пожалуй, всякаго рода мыслимыя вещи, но все это она («Гипотеза») можетъ принимать лишь *произвольно*, лишь идеально, лишь метафизически. Кто отвергаетъ эмпирію, отвергаетъ всякое человѣческое пониманіе вообще и еще не уразумѣлъ даже, что человѣческое знаніе и мышленіе безъ реальныхъ объектовъ есть non sens». Тоже приблизительно говоритъ и Кантъ; только немного другими словами.

изданіи, „идеально построена". Сила и матерія нераздѣльны, но *по понятію* очень далеки другъ отъ друга, „даже въ извѣстномъ смыслѣ прямо отрицаютъ другъ друга". „По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ, какъ опредѣлить духъ, силу, если не опредѣлять ихъ какъ нѣчто нематеріальное, само по себѣ исключающее матерію или ей противоположное".

Больше не нужно и самому вѣрующему спиритуалисту, чтобы основать на этомъ все свое зданіе, и здѣсь опять можно явственно видѣть, какъ мало оправдывается надежда, что простое распространеніе матеріалистическаго пониманія природы, со всѣми поддерживающими его знаніями, когда-нибудь можетъ быть достаточно, чтобы искоренить религіозныя или суевѣрныя мнѣнія, къ которымъ человѣкъ склоненъ въ силу основаній, коренящихся глубже, чѣмъ въ его теоретическомъ взглядѣ на предметы природы. Что сила и матерія связаны нераздѣльно, это достаточно доказано для видимой и осязаемой природы. Но если сила есть нѣчто сверхчувственное по своей сущности, то почему она не можетъ существовать въ нѣкоторомъ мірѣ, котораго наши чувства неспособны постигать, существовать сама по себѣ, или же въ соединеніи съ нематеріальными субстанціями?

Несравненно правильнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ Бюхнеръ, понимали дѣло прежніе матеріалисты, которые всякую силу и движеніе, давленіе и ударъ сводили къ матеріи, и, какъ это въ особенности мастерски развилъ *Толандъ*, понимали матерію, какъ *подвижную въ самой себѣ*, и даже покой—просто какъ частный случай движенія.

Но, не говоря о трудностяхъ, которыя вытекаютъ для проведенія этого взгляда со стороны настоящей физики съ ея абсолютно непонятными дѣйствіями на разстояніи, для всякаго матеріализма одинаково труденъ другой пунктъ, трудность котораго скрывается лишь въ шаткомъ, неясно смѣшивающемъ механическую силу и вещество, пониманіи Бюхнера. Именно, Бюхнеръ основалъ все свое міровоззрѣніе и написалъ главное сочиненіе, еще не зная *закона сохраненія силы*. Когда онъ узналъ его потомъ, то посвятилъ ему особую главу и просто поставилъ его въ рядъ новыхъ опоръ своего матеріалистическаго міровоззрѣнія, не освѣтивши, однако, основательно свѣтомъ этого много значительнаго ученія всѣхъ пунктовъ своего зданія. Иначе для него было бы ясно, что и *процессы въ мозгу* должны строго подчиняться закону сохраненія силы, а при этомъ, какъ мы покажемъ потомъ еще точнѣе, всѣ силы становятся неизбѣжно *механическими*,—движеніями и энергіями. Такимъ образомъ, можно механически построить цѣлаго человѣка со всѣми имѣющими духовное значеніе дѣйствіями, но все, что происходитъ въ мозгу, будетъ давленіемъ и движеніемъ, и отсюда путь до „духа" или даже лишь до сознаваемаго ощущенія точно такъ же далекъ, какъ отъ матеріи до духа.

Какъ мало Бюхнеръ выяснилъ себѣ это, показываетъ въ высшей степени странное прибавленіе, которому онъ,—удерживая все смѣшеніе духа и силы,—далъ мѣсто въ болѣе позднихъ изданіяхъ. Онъ находитъ, что мозгъ, производящій столь своеобразный эффектъ, какъ духъ, одинъ изъ всѣхъ органовъ устаетъ и требуетъ сна,—„обстоятельство, которое устанавливаетъ весьма существенное различіе не только между указанными органами, но и *между психическою и механическою дѣятельностью вообще*". Потомъ онъ вспоминаетъ о мышцахъ, и съ поверхностностью, которая едва ли простительна физіологу, присовокупляетъ: „Тоже нужно сказать о тѣхъ органахъ, которые приводятся мозгомъ въ движеніе, при помощи животной нервной системы, т. е., о произвольныхъ мышцахъ". Что мышцы также устаютъ, когда издержана собранная въ нихъ энергія, еслибы даже мозгъ еще долго былъ въ состояніи посылать имъ новыя раздраженія, объ этомъ Бюхнеръ, очевидно не подумалъ.

Причины, почему столь даровитые и съ честными стремленіями люди, какъ Молешоттъ и Бюхнеръ, не понимали своего предмета болѣе основательно, нельзя, конечно, искать лишь въ томъ одномъ, что они съ самаго начала поставили популярное изложеніе и разъясненіе на мѣсто философіи, ибо и въ этихъ предѣлахъ можно поставить себѣ болѣе высокія требованія, и популярное изложеніе можетъ имѣть дѣйствительно философское содержаніе, хотя и не исчерпывая всѣхъ задачъ философіи. Но тогда изложеніе должно, по крайней мѣрѣ, съ послѣдовательностью и ясностью положить въ основаніе опредѣленное воззрѣніе, чего нѣтъ у большинства нашихъ матеріалистовъ. Причины этого слѣдуетъ искать во вліяніи *философіи Шеллинга и Гегеля*.

Мы назвали уже выше Молешотта *эпигономъ натурфилософіи*, и выразились такъ по зрѣломъ размышленіи. Онъ таковъ не потому лишь, что въ молодыхъ годахъ прилежно изучалъ *Гегеля*, а потомъ покланялся *Фейербаху*, а потому, что это направленіе ума замѣтно повсюду въ его повидимому столь послѣдовательномъ матеріализмѣ, и притомъ именно въ пунктахъ, имѣющихъ въ метафизическомъ смыслѣ рѣшающее значеніе. Тоже самое имѣетъ мѣсто и у Бюхнера, который не только часто выставляетъ авторитетомъ Фейербаха, сильно возбужденнаго и, однако, совершенно неяснаго мыслителя, но довольно часто въ своихъ собственныхъ положеніяхъ сбивается на туманный пантеизмъ.

Пунктъ, о которомъ собственно идетъ дѣло, можетъ быть указанъ совершенно опредѣленно. Это, такъ сказать, яблоко логическаго грѣхопаденія нѣмецкой философіи послѣ Канта: *отношеніе между субъектомъ и объектомъ въ познаніи*.

По Канту наше познаніе происходитъ изъ взаимодѣйствія субъекта и объекта, безконечно простое и всетаки постоянно непонимаемое положеніе. Изъ

этого воззрѣнія слѣдуетъ, что нашъ міръ явленій не есть просто продуктъ нашего представленія (Лейбницъ, Бэрклей); что онъ не есть также адэкватный образъ дѣйствительныхъ вещей, но произведеніе объективныхъ вліяній и субъективнаго формованія ихъ. Далѣе, не то, что отдѣльный человѣкъ, въ силу случайнаго настроенія или несовершенной организаціи, признаетъ такъ или иначе, но то, что *должно познавать*, въ силу своей чувственности и своего разсудка, все человѣчество, то Кантъ назвалъ въ извѣстномъ смыслѣ *объективнымъ*. Онъ назвалъ это объективнымъ, поскольку мы говоримъ лишь о нашемъ опытѣ, напротивъ того, трансцендентнымъ, или, говоря другимъ словомъ, ложнымъ, если мы прилагаемъ такія познанія къ *вещамъ въ себѣ*, т. е., абсолютно, независимо отъ нашего познанія существующимъ вещамъ.

Но его послѣдователи возжаждали опять *абсолютнаго* познанія и совершенно покинувши стезю осторожнаго изслѣдованія, создали себѣ такое познаніе въ догматикѣ своихъ философовъ. Возникла великая аксіома о единствѣ *субъективнаго и объективнаго*; баснословное petitio principii о единствѣ *мышленія и бытія*, которое, какъ оказывается, раздѣляетъ и Бюхнеръ.

По Канту, такое единство существуетъ лишь въ опытѣ; но это единство есть *слитіе*; оно не есть чистое мышленіе, и не даетъ чистаго бытія. Но по Гегелю должно было бы быть на оборотъ: именно *абсолютное* мышленіе должно было бы совпадать съ *абсолютнымъ* бытіемъ. Эта мысль, благодаря своему грандіозному, соотвѣтствующему потребности времени безсмыслію, пріобрѣла почву. Она—основа пресловутой натурфилософіи. Въ смутномъ броженіи Гегелевской школы часто нельзя рѣшить, что собственно разумѣется подъ этой мыслью. Она можетъ быть понята съ самаго начала, какъ дѣйствительный метафизическій принципъ, или же какъ колоссальный категорическій императивъ для ограниченія метафизики. Въ послѣднемъ случаѣ мы приближаемся къ Протагору. Должны ли мы опредѣлять понятіе истиннаго, добраго, дѣйствительнаго и т. д. такимъ образомъ, что мы лишь *называемъ* истиннымъ, добрымъ, дѣйствительнымъ и т. д. то, что таково для человѣка; или мы должны вообразить себѣ, что то, что человѣкъ признаетъ такимъ, должно имѣть совершенно такое же значеніе и для всякаго мыслящаго существа, которое существуетъ и можетъ существовать?

Послѣднее пониманіе, которое одно свойственно истинному, первоначальному гегеліанизму, съ необходимостью ведетъ къ пантеизму, ибо тутъ единство человѣческаго духа съ духомъ всего и со всѣми духами уже предполагается, какъ аксіома. Часть эпигоновъ держится, однако, съ Фейербахомъ категорическаго императива; дѣйствительно то, что дѣйствительно *для человѣка*;

т. е., такъ какъ мы не можемъ ничего знать о вещахъ въ себѣ, то *не будемъ хотѣть* ничего и знать о нихъ, и затѣмъ точка!

Старая метафизика хотѣла имѣть познаніе о вещахъ въ себѣ; натурфилософія опять впала въ эту ошибку. Кантъ стоитъ одинъ на той строгой и вполнѣ ясной точкѣ зрѣнія, что мы знаемъ о вещахъ въ себѣ лишь одно, именно то, что Фейербахъ упустилъ изъ виду, что мы *должны предположить* ихъ, какъ необходимое слѣдствіе нашего собственнаго ума, т. е., что человѣческое познаніе является лишь какъ бы маленькимъ островомъ въ безмѣрномъ океанѣ вообще возможнаго познанія.

Фейербахъ и его приверженцы, именно потому, что они не обращаютъ вниманія на этотъ пунктъ, постоянно снова вдаются въ трансцендентный гегеліанизмъ. При Фейербаховской „чувственности" часто не приходитъ на мысль глазъ и ухо, не говоря уже объ употребленіи этихъ органовъ въ точныхъ наукахъ. Его чувственность есть новая форма абсолютнаго мышленія, которая совершенно не имѣетъ въ виду фактическаго опыта. Что онъ, не смотря на это, столь сильно повліялъ на нѣкоторыхъ натуралистовъ, это объясняется не природою эмпирическихъ наукъ, а вліяніемъ натурфилософіи на молодую Германію.

Взглянемъ, чѣмъ отозвалось рожденіе абсолютнаго духа у Молешотта.

Въ „Круговоротѣ жизни" этотъ бойкій писатель распространяется и *объ источникахъ познанія человѣка*. Послѣ крайне поразительной похвалы *Аристотелю* и мѣста о „*Кантѣ*", гдѣ Молешоттъ борется съ призракомъ этого имени положеніями, которыя дѣйствительный Кантъ могъ бы допустить безъ вреда въ свою систему, слѣдуетъ мѣсто, имѣемое нами въ виду. Оно начинается образцово ясно, чтобы постепенно перейдти въ метафизическій туманъ, который не находитъ равнаго себѣ даже въ нашемъ обильномъ туманами отечествѣ. Сообразно нашей цѣли, мы хотимъ сдѣлать самыя темныя массы тумана замѣтными, съ помощью курсива.

„Всѣ факты, каждое наблюденіе цвѣтка, жука, открытіе цѣлаго міра и подсматриваніе странностей человѣка, что такое все это, какъ не отношеніе предметовъ къ нашимъ чувствамъ? Если коловратка обладаетъ глазомъ, который состоитъ лишь изъ роговой оболочки, то не будетъ ли она воспринимать другіе образы предметовъ, чѣмъ паукъ, у котораго оказываются хрусталикъ и стекловидное тѣло?. Поэтому, и знаніе насѣкомаго, познаніе дѣйствій внѣшняго міра для насѣкомаго—иное, чѣмъ для человѣка. Выше познанія этихъ отношеній къ орудіямъ своего пониманія не возвышается ни человѣкъ, ни Богъ.

„Слѣдовательно, мы знаемъ, конечно, все для себя, мы знаемъ, какъ

солнце сіяетъ для насъ, какъ цвѣтокъ пахнетъ для человѣка, какъ колебанія воздуха касаются уха человѣка. Это называли ограниченнымъ знаніемъ, человѣческимъ знаніемъ, обусловленнымъ чувствами, — знаніемъ, которое наблюдаетъ дерево лишь такимъ, каково оно для насъ. Этого мало, говорили, мы должны знать, каково дерево въ себѣ, чтобы не воображать уже, что оно таково, какимъ намъ кажется".

„Но гдѣ же дерево въ себѣ, которое искали? Развѣ не каждое знаніе предполагаетъ знающаго, стало быть, и отношеніе предмета къ наблюдателю? Пусть наблюдателемъ будетъ червь, жукъ, человѣкъ, если существуетъ ангелы, то—ангелъ. Если существуютъ то и другое,—дерево и человѣкъ,— *то какъ для дерева, такъ и для человѣка необходимо, чтобы оно стояло къ нему въ нѣкоторомъ отношеніи, которое и проявляется посредствомъ впечатлѣнія на глазъ. Безъ отношенія къ глазу, въ который оно посылаетъ лучи, дерева не существуетъ. Именно черезъ это отношеніе существуетъ дерево по себѣ.*

„Всякое бытіе есть бытіе посредствомъ свойствъ. Но *нѣтъ свойства, которое бы не существовало только посредствомъ отношенія*".

„Сталь тверда въ противоположности къ мягкому маслу. Холодный ледъ знаетъ лишь теплая рука, зеленое дерево—здоровый глазъ".

„Развѣ зелено что-либо иное, чѣмъ отношеніе свѣта къ нашему глазу? И если это не что-либо иное, то *не существуетъ ли тогда зеленый листъ не по себѣ, именно потому, что онъ зеленый для нашего глаза?*"

„*Но тогда уничтожена преграда между вещью для насъ и вещью въ себѣ. Такъ какъ предметъ существуетъ лишь посредствомъ своего отношенія къ другимъ предметамъ, напримѣръ, посредствомъ своего отношенія къ наблюдателю,* такъ какъ знаніе о предметѣ сводится на знаніе этихъ отношеній, то все наше знаніе есть предметное знаніе".

Несомнѣнно, все наше знаніе есть предметное знаніе, ибо оно относится къ предметамъ. Даже болѣе; мы должны принять, что отношенія предмета къ нашимъ чувствамъ подчинены строгимъ законамъ. Мы находимся, при помощи чувственнаго эмпирическаго познанія, въ такомъ полномъ отношеніи къ предметамъ, какое только позволяетъ наша природа. Чего нужно еще намъ, чтобы назвать это познаніе предметнымъ? Но воспринимаемъ ли мы предметы такими, каковы они сами по себѣ, это совершенно другой вопросъ.

Разсмотримъ теперь напечатанныя курсивомъ мѣста и спросимъ себя, въ какомъ мѣстѣ дѣвственнаго философскаго лѣса мы находимся? Не около ли мы крайнихъ идеалистовъ, которые вообще не признаютъ, что нашимъ представленіямъ о вещахъ соотвѣтствуетъ что-нибудь внѣ насъ? Пропадаетъ ли дѣйствительно дерево изъ міра, если я закрываю глазъ? Развѣ вовсе не существуетъ никакого міра внѣ меня? Или мы у мечтателей-пантеистовъ, которые воображали, что человѣческій умъ можетъ понимать абсолютное? Развѣ зеленый листъ именно потому зеленъ самъ по себѣ, что онъ производитъ это впечатлѣніе на человѣческій глазъ; глаза же паука, жука, или ангела менѣе годны для опредѣленія цвѣта? Дѣйствительно, мало философскихъ системъ, которыя не могли бы быть найдены въ этихъ положеніяхъ прежде и яснѣе, чѣмъ матеріализмъ. А на чемъ основаны эти изреченія оракула?

Развѣ потому лишь, что противоположность къ теплотѣ крови заставляетъ насъ называть ледъ холоднымъ, не существуетъ опредѣленнаго, независимаго отъ всякаго ощущенія свойства этого тѣла, по которому оно вступаетъ въ опредѣленный обмѣнъ тепловыхъ лучей со своею средою,—все равно, чувствуетъ она, или нѣтъ? И если этотъ обмѣнъ существенно зависитъ отъ температуры и другихъ свойствъ окружающихъ тѣлъ, то развѣ не зависитъ онъ въ то же время и отъ льда? Развѣ то свойство, посредствомъ котораго ледъ вступаетъ съ одною средою въ одинъ, а съ другою въ другой обмѣнъ тепловыхъ лучей, не есть именно свойство, принадлежащее льду самому по себѣ? Для нашего чувства это свойство нормально производитъ впечатлѣніе холоднаго. Мы обозначаемъ его по впечатлѣнію, которое оно на насъ производитъ, мы называемъ его холодомъ; но мы умѣемъ конечно различать физіологическій процессъ въ *нашихъ нервахъ* и физическій—въ *самомъ тѣлѣ*. Это послѣднее *въ отношеніи* къ первому есть вещь въ себѣ. Нужно ли, далѣе, отвлечься не только отъ нашихъ чувствующихъ нервовъ, но и отъ нашего разсудочнаго пониманія и искать за льдомъ вещь въ себѣ, не находящуюся ни въ пространствѣ, ни во времени, то мы оставимъ здѣсь безъ всякаго рѣшенія. Намъ нуженъ лишь одинъ только шагъ, чтобы показать, что слѣдуетъ различать свойство вещей отъ нашихъ представленій, и что вещь можетъ имѣть свойства, можетъ существовать, не будучи нами воспринимаемою.

Если червь, жукъ, человѣкъ и духъ разсматриваютъ дерево, то развѣ тогда существуетъ *пять деревьевъ*? Существуетъ *четыре представленія* дерева, вѣроятно, въ высшей степени различныя одно отъ другаго; но они относятся къ одному и тому же предмету, о которомъ каждое отдѣльное существо не можетъ знать, каковъ онъ самъ въ себѣ, потому что знаетъ лишь свое представленіе о немъ. Человѣкъ имѣетъ одно лишь преимущество, что онъ *черезъ сравненіе своихъ органовъ съ органами животнаго міра* и посредствомъ *физіологическихъ изслѣдованій* достигаетъ того, чтобы счи-

таетъ свое собственное представленіе точно такъ же неполнымъ и одностороннимъ, какъ представленія животныхъ различныхъ классовъ.

Какъ же тутъ уничтожена преграда между вещью для насъ и вещью въ себѣ? Если вещь существуетъ лишь посредствомъ своего отношенія къ другимъ предметамъ, то всетаки это метафизическое положеніе Молешотта можно понять разумнымъ образомъ лишь такъ, что вещь въ себѣ существуетъ *посредствомъ суммы всѣхъ отношеній къ другимъ предметамъ*, но не посредствомъ нѣкоторой ограниченной части ихъ. Если я закрываю глаза, то лучи свѣта, которые шли отъ различныхъ частей дерева къ сѣтчатой оболочкѣ, падаютъ теперь на наружную поверхность вѣкъ. Вотъ все, что измѣнилось. Но можетъ ли существовать еще объектъ, который вообще не можетъ обмѣниваться ни съ какимъ другимъ предметомъ лучами свѣта, тепла, звука, электрическими токами, вступать въ химическія реакціи и механическое соприкосновеніе, это, конечно, вопросъ. Это было бы поистинѣ прекрасною темою для натурфилософскихъ тонкостей. Но если мы рѣшимъ задачу такъ, что согласимся съ Молешоттомъ, то всетаки между вещью въ себѣ и вещью для меня остается различіе, которое, приблизительно, такъ же велико, какъ различіе между произведеніемъ изъ безконечно многихъ множителей и однимъ опредѣленнымъ множителемъ этого произведенія [58]).

[58]) Это въ полной мѣрѣ справедливо и для *Бюхнера*, который въ прим. 82 къ своему сочиненію «*Die Stellung des Menschen in der Natur*» (Leipzig 1870), въ благодарность за наше признаніе его поэтическаго таланта, посвятилъ намъ хвалебный гимнъ «Вещи въ себѣ» и предпослалъ ему пространное, но не особенно ясное полемическое разсужденіе. Полное непониманіе кантовскаго положенія, что не наши понятія сообразуются съ предметами, но что предметы сообразуются съ нашими понятіями, мы оставимъ здѣсь въ покоѣ. Кто изъ нашего отдѣла о Кантѣ не могъ усвоить, какъ нужно понимать это, тотъ также не усвоитъ себѣ этого и изъ новаго толкованія въ примѣчаніи. Бюхнеръ пытается сначала свести различіе между вещью въ себѣ и явленіемъ на старое различіе *первичныхъ* и *вторичныхъ* свойствъ, но не отваживается, однако, вывести единственно правильное слѣдствіе матеріализма, что движущіеся атомы суть «вещь въ себѣ». Важность физіологіи органовъ чувствъ для этого вопроса Бюхнеръ излагаетъ совершенно поверхностно, ни мало не вдаваясь въ научную сторону этого вопроса, также какъ поверхностно онъ часто излагаетъ матеріализмъ,—просто говоря. что главное дѣло тутъ давно извѣстно. То, что можетъ дать современная точка зрѣнія науки, чтобы снова и глубже обосновать раньше зародившуюся общую мысль, выдвигается Бюхнеромъ съ большою живостію, гдѣ это ему на руку, и вполнѣ игнорируется, гдѣ это ставитъ затрудненія его точкѣ зрѣнія. Что, далѣе, кантовская «вещь въ себѣ» есть «новое измышленіе», «непредставимое», «непознаваемое» и т. д., этому мы не имѣемъ надобности учиться у Бюхнера. Но «немыслимое» есть нѣчто вполнѣ иное, хотя оно у Бюхнера вылетаетъ разомъ съ остальными предикатами. Онъ считаетъ, однако, вещь въ себѣ немыслимою, «*потому что всѣ вещи существуютъ лишь другъ для друга и ничего не значатъ безъ взаимныхъ отношеній*». Но если именно эти «*отношенія*» вещи къ человѣку и суть ея воспринимаемыя *нами свойства* (а чѣмъ же они иначе могутъ быть?), то развѣ не утверждается прямо этимъ положеніемъ «вещь въ себѣ»? Пусть вещь *безъ всякихъ отношеній* ничего не значитъ, какъ принимаетъ Бюхнеръ, въ согласіи съ догматическимъ идеализмомъ; тогда всетаки она мыслится, какъ начало *всѣхъ* ея *дѣйствительныхъ* отношеній къ *различнымъ* другимъ вещамъ,—нѣчто иное, чѣмъ одно только приходящее въ насъ къ сознанію *отношеніе къ намъ*. Но *послѣднее* есть, однако, то, что популярный языкъ называетъ «*вещью*», и что критическая философія называетъ, напротивъ, «*явленіемъ*». Далѣе, Бюхнеръ въ манерѣ, какъ онъ сводитъ субъективность чувственныхъ воспріятій на отдѣльные обманы чувствъ, обнаруживаетъ, что онъ еще недостаточно знакомъ съ эмпирическимъ матеріаломъ въ этой области. Онъ обѣщаетъ вернуться въ подходящемъ мѣстѣ снова къ этому предмету. Если это тогда будетъ сдѣлано съ надлежащимъ знаніемъ дѣла, то соглашеніе не должно представлять большихъ затрудненій.

Нѣтъ! Вещь въ себѣ не есть вещь для меня; но я могу, можетъ быть, поставить ее по зрѣломъ обсужденіи на свое мѣсто, какъ я ставлю, напр., мое понятіе холода и тепла на мѣсто состояній температуры тѣлъ. Древній матеріализмъ совершенно наивно считалъ то и другое тождественнымъ. Двѣ вещи сдѣлали это навсегда невозможнымъ: побѣда *теоріи волнообразныхъ колебаній* и *кантовская философія*. Можно упираться противъ ихъ вліянія; но этимъ нельзя сдѣлать эпохи. Требовалось свести счеты съ Кантомъ. Это сдѣлала натурфилософія въ видѣ горячки откровенія, которая возвела абсолютное мышленіе на степень божества. Болѣе трезвое сведеніе счета должно быть ведено иначе. Слѣдуетъ либо допустить разницу между вещью въ себѣ и міромъ явленій и довольствоваться исправленіемъ спеціальнаго изложенія Канта; либо слѣдуетъ броситься въ объятія *категорическаго императива*, и стало быть, нѣкоторымъ образомъ попытаться поразить Канта его собственнымъ оружіемъ.

Здѣсь, конечно открытъ еще одинъ выходъ. Кантъ воспользовался безконечно свободнымъ пространствомъ внѣ человѣческаго опыта, чтобы построить тамъ свой умопостигаемый міръ. Онъ дѣлаетъ это въ силу категорическаго императива. „Ты можешь, ибо ты долженъ". Слѣдовательно, должна существовать свобода. Въ дѣйствительномъ мірѣ нашего разсудка ея не существуетъ. Стало быть, она можетъ пребывать въ умопостигаемомъ мірѣ. Мы не можемъ, правда, никакъ мыслить свободу воли даже возможною, но, конечно, мы можемъ мыслить возможнымъ, что въ вещи въ себѣ существуютъ причины, которыя представляются въ органѣ нашего разумнаго сознанія какъ

свобода, между тѣмъ, какъ разсматриваемые органомъ анализирующаго разсудка, онѣ даютъ лишь картину цѣпи причинъ и дѣйствій.

Но что будетъ, если начать другимъ категорическимъ императивомъ? Что будетъ, если поставить во главѣ всей позитивной философіи положеніе: *„довольствуйся даннымъ міромъ!“* Не уничтожится ли тогда волшебнымъ взмахомъ миражъ *умопостигаемаго міра?*

Кантъ прежде всего возразилъ бы, что *его* категорическій императивъ, который повелѣваетъ въ нашемъ сердцѣ дѣлать добро, есть *фактъ* внутренняго сознанія, обладающій такою же необходимостью и всеобщностью, какъ естественный законъ во внѣшней природѣ; а что этотъ другой императивъ, который мы, пожалуй, назовемъ *фейербаховскимъ*, отнюдь не присущъ человѣку необходимымъ образомъ, напротивъ, основывается на *субъективномъ произволѣ*. Противная партія имѣетъ тутъ довольно благопріятные шансы игры. Легко показать, что нравственный законъ медленно развивается культурно-исторически, и что онъ можетъ имѣть свой характеръ необходимости и безусловнаго значенія лишь тогда, если онъ вообще существуетъ въ сознаніи. Если затѣмъ дальнѣйшее культурно-историческое развитіе выставляетъ положеніе объ удовлетвореніи этимъ міромъ, какъ основаніе нравственнаго сознанія, то противъ этого никто ничего не можетъ имѣть. Дѣло должно себя обнаружить! Но, конечно, *должно себя обнаружить*, и здѣсь-то и встрѣчается самое большое затрудненіе. Кантъ имѣетъ за себя то, что въ каждомъ духовно развитомъ индивидуумѣ нравственный законъ доходитъ до сознанія. Содержаніе его въ иныхъ подробностяхъ можетъ быть въ высшей степени различно; но форма непремѣнно существуетъ. Фактическое существованіе внутренняго голоса стоитъ прочно. Можно отрицать его всеобщность, можно, обратно, распространять его на высшихъ животныхъ: это вовсе не измѣняетъ сути дѣла. Но для фейербаховскаго императива слѣдуетъ еще представить доказательство, что дѣйствительно *можно* довольствоваться міромъ явленій и его чувственнымъ пониманіемъ. Если это доказательство дано, то мы охотно допускаемъ въ такомъ случаѣ, что на немъ можно построить и этическую систему; ибо чего только нельзя построить?

Какъ система Канта находилась бы въ противорѣчіи съ разсудочнымъ познаніемъ, если бы на это противорѣчіе не было обращено вниманіе съ самаго начала, такъ система удовлетворенія стоитъ, повидимому, въ противорѣчіи съ стремленіями разума къ единству, съ искуствомъ, поэзіею, религіею, въ которыхъ живетъ потребность выйдти за предѣлы опыта. Требуется еще попробовать устранить это противорѣчіе.

Итакъ, *наивный* матеріализмъ въ настоящее время вообще не появился бы снова въ систематической формѣ, какъ и вообще послѣ Канта онъ, не можетъ, конечно, появиться снова. Безусловная вѣра въ атомы исчезла точно также, какъ и другія догмы. Уже не утверждается, что міръ созданъ абсолютно такимъ образомъ, какъ онъ воспринимается ухомъ и глазомъ; но держатся того, что мы не имѣемъ дѣла съ міромъ въ себѣ.

Только одинъ изъ новѣйшихъ матеріалистовъ попробовалъ дѣйствительно систематически разрѣшить затрудненія, представляемыя этою точкою зрѣнія. Но тотъ же самый мыслитель пошелъ еще дальше. Онъ сдѣлалъ даже попытку доказать или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать возможнымъ соотвѣтствіе дѣйствительнаго міра съ міромъ нашихъ чувствъ. Это предпринялъ *Чольбе* въ своемъ *новомъ изложеніи сенсуализма.*

Гейнрихъ Чольбе, сынъ землевладѣльца изъ окрестностей Данцига, обратился уже въ ранней юности къ философскимъ и теологическимъ вопросамъ, хотя спеціальностью его была медицина. И здѣсь мы находимъ исходный пунктъ для его позднѣйшаго направленія въ той самой натурфилософіи, которую наши нынѣшніе матеріалисты такъ охотно представляютъ крайнею противоположностью своимъ стремленіямъ, и которой между руководителями остался вполнѣ непричастнымъ лишь *Карлъ Фогтъ*. Для Чольбе имѣлъ рѣшительное значеніе именно *Гиперіонъ Гёльдерлина*, сочиненіе, которое въ величаводикой поэзіи воплотило порожденный Гегелемъ и Шеллингомъ пантеизмъ и прославляло эллинское единство духа и природы въ противоположность явленіямъ нѣмецкой культуры. *Штраусъ, Бруно Бауэръ и Фейербахъ* опредѣлили далѣе направленіе молодаго врача. Но замѣчательно, что послѣдній толчокъ для развитія его особенной матеріалистической системы далъ ему философъ,—даже профессоръ философіи, если это не противорѣчіе, по Фейербаху.

Это—*Лоце*, тотъ самый, котораго Карлъ Фогтъ какъ одного изъ фабрикантовъ настоящей Гёттингенской субстанціи души, назвалъ однажды спекулирующимъ Степкой-растрепкой—Лоце, одинъ изъ самыхъ остроумныхъ и самыхъ устойчивыхъ въ научной критикѣ философовъ нашего времени, оказавшій такимъ образомъ, противъ воли, помощь матеріализму. Статья „Жизненная сила“ въ Вагнеровскомъ словарѣ и его „общая патологія и терапія, какъ механическія науки“ уничтожили призракъ жизненной силы и внесли нѣкоторой порядокъ въ хламъ суевѣрія и смѣшенія понятій, который медики называли патологіею. Лоце вступилъ на совершенно вѣрный путь; ибо въ самомъ дѣлѣ, къ задачамъ философіи относится то, чтобы, критически пользуясь фактами положительныхъ наукъ, обратно вліять на нихъ и давать результаты болѣе широкаго взгляда и болѣе строгой логики въ замѣнъ золота настоящаго спеціальнаго изслѣдованія. Онъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы на этомъ пути

еще болѣе признанія, еслибы въ тоже время не выступилъ практическимъ реформаторомъ патологіи *Вирховъ*, и если бы самъ Лоце не былъ притомъ преданъ упорной метафизикѣ, относительно которой трудно понять, какъ можно было утверждать ее при его собственной критической проницательности.

Чольбе почувствовалъ въ себѣ, вслѣдствіе устраненія „сверхчувственнаго понятія жизненной силы", побужденіе къ попыткѣ сдѣлать *устраненіе сверхчувственнаго* принципомъ всего пониманія міра. Уже его докторская диссертація о принципахъ физіологіи (Берлинъ 1844) обнаруживаетъ эти стремленія; но лишь одиннадцать лѣтъ спустя, когда матеріалистическій споръ былъ уже въ полномъ ходу, Чольбе выступилъ со своимъ „новымъ изложеніемъ сенсуализма".

Такъ какъ вообще мы даемъ понятію философскаго матеріализма довольно узкій смыслъ, то мы должны, конечно, сначала показать, почему мы подвергаемъ здѣсь особенному разсмотрѣнію систему, которая выдаетъ себя за „сенсуализмъ". Самъ Чольбе выбралъ это названіе, конечно, потому, что понятіе чувственной наглядности сплошь опредѣляетъ ходъ его мыслей. Но эта чувственная наглядность заключается прямо въ томъ, что все сводится *на матерію и ея движеніе*. Стало быть, чувственная наглядность есть лишь регулятивный принципъ, а метафизическій есть матерія.

Если мы хотимъ строго отличать сенсуализмъ отъ матеріализма, то слѣдуетъ называть первымъ именемъ лишь тѣ системы, которыя стоятъ только за происхожденіе нашего познанія изъ чувствъ и не придаютъ никакого значенія тому, можно ли построить міровое цѣлое изъ атомовъ, молекулей, или другихъ формъ вещества. Сенсуализмъ можетъ принимать, что матерія есть лишь представленіе,—потому что то, что мы непосредственно имѣемъ въ воспріятіи, именно есть только ощущеніе, а не „вещество". Но онъ можетъ быть склоннымъ, подобно Локку, сводить и духъ на матерію. Какъ скоро, однако, это становится основою всей системы, мы имѣемъ передъ собою настоящій матеріализмъ.

И все-таки древняго, наивнаго матеріализма прежнихъ періодовъ нельзя найдти у Чольбе. Не въ одной только, повсюду выступающей, личной скромности автора дѣло, если онъ даетъ своимъ воззрѣніямъ почти повсюду гипотетическую форму. Онъ достаточно знакомъ съ Кантомъ, чтобы знать опасность метафизическихъ догмъ. Вообще его система имѣетъ къ Канту, котораго онъ преимущественно опровергаетъ, такое отношеніе, которое представляетъ столько же аналогій, сколько противоположностей. Разсмотрѣніе именно Чольбе должно сдѣлать для насъ во многомъ яснѣе результаты, полученные въ предыдущей главѣ.

Чольбе того мнѣнія, что, несмотря на горячій споръ за и противъ матеріализма, не сдѣлано еще ничего, чтобы привести этотъ способъ пониманія вещей въ удовлетворительную систему. „Что въ самое новѣйшее время сдѣлали для этого Фейербахъ, Фогтъ, Молешоттъ и др., суть лишь возбуждающія, отрывочныя утвержденія, которыя при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи дѣла неудовлетворительны. Утверждая лишь вообще объяснимость всѣхъ вещей чисто естественнымъ образомъ, но не сдѣлавши даже попытки доказать ее въ частности, они находятся еще, въ сущности, на почвѣ враждебной имъ религіи и умозрительной философіи"[59]). Мы увидимъ, что и самъ Чольбе не оставляетъ этой почвы.

Чольбе допускаетъ, что принципъ его сенсуализма, исключеніе сверхчувственнаго, можетъ быть названъ предразсудкомъ, или предвзятымъ мнѣніемъ. „Но безъ такого *предразсудка* образованіе мнѣнія о связи явленій вообще невозможно". Вмѣстѣ съ внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ онъ считаетъ гипотезы необходимымъ элементомъ составленія нѣкотораго міропониманія.

Предразсудокъ ли, или изреченіе оракула, гипотеза ли, или вымыселъ, это, конечно, еще подлежитъ разрѣшенію. Однако, если гипотеза не только должна встрѣчаться въ ходѣ философіи, но является намъ уже на самомъ порогѣ въ нагой формѣ „предразсудка", то, конечно, мы должны спросить, что же опредѣляетъ выборъ той или этой первоначальной гипотезы. Чольбе даетъ на этотъ вопросъ два весьма различные отвѣта: по первому онъ приходитъ къ выбору путемъ индукцій; по второму—мораль образуетъ, какъ у Канта, основу всей положительной философіи, такъ какъ на пути точнаго употребленія ума нельзя получить ничего подобнаго метафизическому принципу. Оба отвѣта, каждый въ своемъ родѣ, должны быть справедливы. Чольбе видитъ, что *Баконъ* внесъ прогрессъ въ философію исключеніемъ сверхчувственнаго; почему же нельзя продолженіемъ этого пріема достичь новаго прогресса? *Лоце* устранилъ жизненную силу; почему же не могутъ быть устранены всѣ трансцендентныя силы и сущности?

Но такъ какъ изложеніе сенсуализма ведется вовсе не индуктивно, а дедуктивно, то, конечно, указанная индукція не можетъ образовать настоящей основы системы; она была лишь поводомъ. Основа находится въ этикѣ, или, скорѣе, въ многократно упомянутомъ категорическомъ императивѣ: *довольствуйся настоящимъ міромъ*.

Матеріализму свойственно, что онъ умѣетъ устанавливать свое *нравственное ученіе* безъ всякаго такого императива, между тѣмъ какъ *натурфилософія* опирается на практическій принципъ. Такъ, уже Эпикуръ имѣлъ нравственное ученіе, которое опиралось на стремленіе самой природы, пред-

59) Neue Darstellung des Sensualismus, Leipzig, 1855, Vorwort, S. VI.

лагая очищеніе души отъ предразсудковъ черезъ познаніе природы въ формѣ нѣкоторой нравственной заповѣди.

Чольбе выводитъ нравственность *изъ благожеланія*, которое развивается съ существенною необходимостью при сношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ. Принципъ же исключенія сверхчувственнаго имѣетъ опредѣленную *нравственную цѣль*.

Здѣсь созерцаніе нашего философа имѣетъ очень глубокіе корни, хотя онъ высказываетъ его по большей части лишь въ простыхъ, даже недостаточныхъ выраженіяхъ, или ссылается на какой нибудь авторитетъ. Черезъ все наше время проходитъ основная черта ожиданія грандіозной и фундаментальной, хотя, можетъ быть, тихо и мирно совершающейся реформы всѣхъ мнѣній и отношеній. Чувствуется, что міровой періодъ среднихъ вѣковъ лишь теперь приходитъ къ концу, и что реформація, и даже французская революція, суть, можетъ быть, только заря новаго дня. Въ Германіи вліяніе великихъ нашихъ поэтовъ соединилось съ политическими, церковными и соціальными стремленіями времени, чтобы усилить такое настроеніе и такія мнѣнія. Но лозунгъ дала, какъ въ столь многихъ отношеніяхъ, Гегелевская философія требованіемъ единства природы и духа, которые въ длинный періодъ среднихъ вѣковъ являлись въ рѣзкомъ противоположеніи другъ другу. Уже *Фихте* отважился истолковывать въ духѣ своего времени обѣщанное въ Новомъ Завѣтѣ излитіе Святаго Духа съ тою же смѣлостію, съ какою Христосъ и апостолы толковали пророковъ Ветхаго Завѣта. Естественное воззрѣніе лишь въ нашу эпоху достигаетъ полнаго развитія и тѣмъ должно привести насъ ко всяческой истинѣ. Гегель далъ этой мысли болѣе опредѣленное направленіе. Его пониманіе всемірной исторіи представляетъ дуализмъ природы и духа, какъ величественную переходную ступень между низшимъ и высшимъ, болѣе свѣтлымъ періодомъ единства; мысль, которая, съ одной стороны, даетъ пунктъ для связи съ самыми внутренними мотивами церковнаго ученія, а съ другой — вызвала тѣ стремленія, которыя находятъ свою задачу въ полномъ устраненіи всякой религіи. При распространеніи этихъ взглядовъ неизбѣжно должно было случиться, что Германія обратила свой взглядъ на классическую древность, и въ особенности на родственную по духу *Грецію*, гдѣ указанное единство духа и природы, къ которому мы должны идти снова, проявилось до сихъ поръ всего совершеннѣе. Есть именно у *Штрауса* одно мѣсто, въ которомъ, по мнѣнію Чольбе, счастливо сопоставлены результаты этихъ соображеній.

„Матеріально", говоритъ Штраусъ въ своемъ разсужденіи объ Юліанѣ, „то, что Юліанъ хотѣлъ сохранить изъ прошедшаго, родственно тому, что намъ должно принести будущее: свободная, гармоническая человѣчность Греціи, на само себя опирающееся мужество Рима — вотъ то, чего мы стремимся достичь послѣ долгихъ христіанскихъ среднихъ вѣковъ и обогащенные ихъ духовными и нравственными пріобрѣтеніями". Если дѣло идетъ о міросозерцаніи будущаго, то сенсуализмъ долженъ соотвѣтствовать этому взгляду Штрауса, такъ какъ *наглядность мышленія повидимому обусловливаетъ единство гармоніи всей нашей сознательной жизни*; а отреченіе отъ того, что познаніе представляетъ невозможнымъ или несуществующимъ, обусловливаетъ извѣстное мужество души или сердца.

Такъ говоритъ *Чольбе*, и то обстоятельство, что онъ въ позднѣйшемъ сочиненіи о происхожденіи самосознанія возвращается къ этому мѣсту, указываетъ намъ еще яснѣе на фундаментальное значеніе этого мѣста для его сенсуализма.

„Къ сказанному прежде объ эстетическомъ значеніи матеріализма здѣсь слѣдуетъ еще прибавить, что такъ какъ правильная средина соблюденія мѣры была отличительнымъ признакомъ греческихъ художественныхъ произведеній, то и въ этомъ отношеніи наше стремленіе соотвѣтствуетъ эстетикѣ. На всемірно-историческій идеалъ всякаго подобнаго исканія съ радостнымъ упованіемъ указалъ первый возбудитель нынѣшняго матеріализма, Давидъ Штраусъ» [60]).

Здѣсь мы видимъ и то, почему Штраусъ удостоивается чести быть названнымъ отцомъ нынѣшняго матеріализма; для Чольбе, въ самомъ дѣлѣ, весь матеріализмъ возникъ изъ этого нравственно-эстетическаго зародыша. Вся натура Чольбе, въ сущности, предана идеальному, и его духовное развитіе приводитъ его все рѣшительнѣе къ этому направленію. Но это отнюдь не отнимаетъ у его изложенія сенсуализма того интереса, который оно представляетъ намъ по своему своеобразному развитію. Послушаемъ, поэтому, еще другое мѣсто:

„Возникающія изъ недовольства земною жизнью такъ-называемыя нравственныя потребности можно было бы точно также правильно назвать безнравственными. Именно, тутъ доказательство не смиренія, а дерзновенности и тщеславія, если хотятъ улучшить познаваемый міръ, изобрѣтая сверхчувственный, и поставить человѣка выше природы, прибавляя къ нему сверхчувственную часть. Даже, навѣрное, недовольство міромъ явленій, самое глубокое основаніе сверхчувственныхъ взглядовъ, нетолько не нравственно, а есть нравственная слабость! Какъ движеніе машины требуетъ самаго ничтожнаго напряженія силъ, если точно найдемъ вѣрную точку приложенія, такъ и си-

[60]) Entsteh. des Selbstbewustseins, Leipz. 1855, S. 52 и слѣд. N. D. d. Sensualism. S. 5. См. далѣе *Czolbe*, die Grenzen u. d. Urspr. der menschlich. Erkenntniss, Jena u. Leipzig. 1865, S. 280 и слѣд.

*

стематическое развитіе правильныхъ мыслей часто требуетъ гораздо менѣе остроумія, чѣмъ развитіе ложныхъ мыслей, — *почему и сенсуализмъ не имѣетъ притязанія на бо́льшее остроуміе, но, конечно, на болѣе глубокую, болѣе чистую нравственность*" [61]).

„Система" Чольбе страдаетъ многими неисправимыми слабыми сторонами, но глубокую и чистую нравственность онъ показалъ на дѣлѣ въ своей жизни. Безъ отдыха работалъ онъ надъ усовершенствованіемъ своего міровоззрѣнія, и если онъ очень скоро уже оставилъ при этомъ болѣе строгій матеріализмъ, то все-таки остался неизмѣнно вѣренъ его принципу довольства даннымъ міромъ и исключенія всего сверхчувственнаго. Мнѣніе, что міръ въ его теперешнемъ состояніи вѣченъ и подверженъ лишь незначительнымъ колебаніямъ, и теорія, что волны свѣта и звука, представляемыя имъ себѣ свѣтящими и звучащими уже въ себѣ самихъ, механически распространяются черезъ зрительный и слуховой нервы въ мозгъ, составляли два основныхъ столба его системы, для которой, поэтому, самыя чувствительныя нападенія могли быть сдѣланы именно со стороны точнаго изслѣдованія. Здѣсь онъ оказался упрямымъ и считалъ всѣ опроверженія науки за простую видимость, которая должна исчезнуть при дальнѣйшемъ прогрессѣ изслѣдованій [62]). Стало быть, въ то время, какъ онъ думалъ вывести самое крайнее слѣдствіе механическаго міросозерцанія, у него, несомнѣнно, не было строгаго понятія о механическомъ вообще.

Съ другой стороны, онъ уже рано убѣдился, что *механизмъ* атомовъ и *ощущеніе* суть два различные принципа, а поэтому не побоялся включить въ свое міросозерцаніе и послѣдствія этого различія, такъ какъ оно не противорѣчило его собственному этическому принципу. Въ появившемся въ 1865 году сочиненіи о предѣлахъ и происхожденіи человѣческаго познанія онъ принимаетъ, поэтому, родъ „міровой души", состоящей изъ ощущеній, неизмѣнно связанныхъ съ комбинаціями атомовъ, ощущеній, которыя въ человѣческомъ организмѣ лишь сгущаются и группируются въ общій эффектъ душевной жизни. Онъ присоединяетъ къ этимъ двумъ принципамъ еще третій:

[61]) Neue Darst. d. Sensualismus; S. 187 и слѣд.

[62]) Въ сочиненіи о предѣлахъ и происхожденіи человѣческаго познанія (1865) *Чольбе* высказывается о процессахъ въ чувствующихъ нервахъ болѣе въ смыслѣ раціональной физіологіи (стр. 210 и слѣд.); взглядъ относительно неизмѣнности мірового порядка, вѣчнаго существованія нашей солнечной системы и т. д. находится, напротивъ, еще и здѣсь и защищается съ поразительнымъ пренебреженіемъ къ самымъ непреложнымъ слѣдствіямъ механики.

отъ вѣчности сложенныя изъ группъ атомовъ *органическія основныя формы*, изъ взаимодѣйствія которыхъ съ механизмомъ естественныхъ процессовъ могутъ быть объяснены организмы. Понятнымъ образомъ, при такихъ принципахъ Чольбе не могъ сдѣлать никакого употребленія изъ ученія Дарвина. Онъ допускалъ, что дарвиновскимъ принципомъ остроумно и удачно объясняются извѣстныя модификаціи въ организмахъ, но онъ не былъ въ состояніи принять теорію перерожденія. Эти затрудненія для его точки зрѣнія и слишкомъ большая склонность строить гипотезы на гипотезахъ [63]) нанесли ущербъ значенію этого философскаго опыта, который, по своему этическому исходному пункту и по отношенію своей теоріи къ ея этической основѣ, долженъ былъ возбудить большой интересъ. Уже въ „Происхожденіи самосознанія" Чольбе съ свойственною ему откровенностью высказываетъ: „Я могу конечно, представить, какъ будутъ судить; мнѣ даже самому кажется, что я попалъ со слѣдствіями, къ которымъ меня принудилъ мой принципъ, въ *сказочный* міръ мысли" (тамъ же, стр. 53). Съ этимъ признаніемъ слабыхъ сторонъ своей собственной точки зрѣнія соединяется самая крайняя терпимость къ чужимъ взглядамъ. „Никогда, говоритъ онъ въ сочиненіи, появившемся въ 1865 году, не раздѣлялъ я мнѣнія извѣстнѣйшихъ представителей матеріализма, что сила естественно-научныхъ фактовъ принуждаетъ при мышленіи къ исключенію всего сверхъестественнаго. Я былъ всегда убѣжденъ, что факты внѣшняго и внутренняго опыта имѣютъ очень много значеній и могутъ быть безъ всякаго логическаго промаха съ полнымъ правомъ истолкованы теологически и спиритуалистически, посредствомъ признанія другаго міра". И далѣе: „Какъ нѣкогда Р. Вагнеръ сказалъ, что не физіологія принуждаетъ его къ

[63]) Въ сомнительности употребленнаго *Чольбе* пріема легко убѣдиться. Хорошія и большія гипотезы заключаютъ въ себѣ, но большей части, одно какое-нибудь предположеніе, справедливость котораго доказывается на очень многихъ случаяхъ: здѣсь, напротивъ того, мы имѣемъ рядъ гипотезъ, которыя вообще едва-ли можно провѣрить опытомъ. И онѣ не стоятъ изолированно, или не служатъ для объясненія лишь частныхъ случаевъ, какъ это часто встрѣчается въ естествознаніи, но каждая есть необходимая опора для другой и для всей системы. Если ложна лишь одна изъ нихъ, то ложна вся система. Предполагая вѣроятность справедливости для каждой отдѣльной гипотезы равною вѣроятности противнаго, стало быть $= 1/2$, получается для справедливости всей системы, какъ выраженіе ея вѣроятности, $1/2^n$, гдѣ n обозначаетъ число гипотезъ. На этомъ простомъ математическомъ законѣ и основывается сомнительность всѣхъ построеній съ необходимыми вспомогательными гипотезами, которую мы чувствуемъ, впрочемъ, и безъ математическаго доказательства.

принятію нематеріальной души, но имманентное для него и неотдѣлимое отъ него представленіе нравственнаго міроваго порядка; какъ онъ предполагалъ въ мозгу теологически мыслящихъ необходимымъ условіемъ этого представленія нѣкоторый органъ вѣры, такъ я прямо объявляю, что также точно не физіологія, не разсудочный принципъ исключенія сверхчувственнаго, а чувство долга передъ міровымъ порядкомъ, довольство имъ, принуждаютъ меня къ отрицанію сверхприродной души". „Одно химическое и физическое свойство матеріи мозга можетъ быть болѣе сообразнымъ съ религіозною потребностью, другое съ атеистическою". Матеріализмъ произошелъ, также какъ и противоположное направленіе, не изъ знанія и разсудка, а изъ вѣры и сердца [64]).

Мы далѣе еще увидимъ, какъ много правды заключается въ этомъ крайнемъ воззрѣніи; но здѣсь прежде всего должно вспомнить, что оно, очевидно, въ связи съ слабымъ и неосновательнымъ пониманіемъ естественныхъ наукъ, которое мы находимъ у Чольбе, безполезно отказывается отъ сильной стороны матеріализма. Оно уклоняется въ другую сторону отъ правильнаго отношенія по крайней мѣрѣ на столько же, насколько *Бюхнеръ* въ сторону преувеличеннаго довѣрія и наивнаго смѣшенія вѣроятнаго съ доказаннымъ. Разсудокъ не такъ безразличенъ въ этихъ вопросахъ, какъ думаетъ Чольбе; онъ ведетъ, въ дѣйствительности, индуктивнымъ путемъ, къ весьма большой вѣроятности строго механическаго міроваго порядка, вмѣстѣ съ которымъ трансцендентная идеальность можетъ быть утверждаема лишь въ нѣкоторомъ „второмъ мірѣ". Но, наоборотъ, принятіемъ умопостигаемаго міра еще далеко не оправдывается всякое „теологическое" или „спиритуалистическое" толкованіе опыта. Здѣсь Чольбе былъ лишь послѣдователенъ въ непослѣдовательности. Его предубѣжденіе противъ Канта, „умопостигаемый міръ" котораго можетъ быть на самомъ дѣлѣ соглашенъ со всѣми выводами естествознанія, заставлялъ его часто рѣзко говорить о философѣ, между тѣмъ какъ онъ считалъ относительно законными самыя крайнія ученія церковной ортодоксіи, которыя, однако, отнюдь не довольствуются „другимъ міромъ" за міромъ явленій, но своими догмами всячески приходятъ въ столкновеніе съ самыми непреложными слѣдствіями фактовъ опыта.

Косвенное значеніе для исторіи матеріализма Чольбе получилъ еще вслѣдствіе своей живой полемики съ *Ибервегомъ*, въ то время, когда Ибервегъ развивалъ свое матеріалистическое міровоззрѣніе, о которомъ рѣчь будетъ

[64]) Die Grenzen u. der Ursprung der menschl. Erkenntniss, im Gegensatze zu Kant und Hegel. Naturalistisch-teologische Durchführung des mechan. Princips, von D-r *H. Czolbe*, Jena u. Leipz. 1865, S. 50 и 51.

ниже. Посмертное сочиненіе Чольбе, заключающее въ себѣ, между прочимъ, также и изложеніе міросозерцанія Ибервега, еще ожидается. Чольбе умеръ въ февралѣ 1873 года, глубоко уважаемый всѣми, кто его зналъ, и высокоцѣнимый за свои благородныя стремленія и людьми противоположнаго направленія [65]).

---

[65]) Подробныя свѣдѣнія о личности и взглядахъ Чольбе даетъ хорошій біографическій очеркъ д-ра *Эд. Іонсона* въ Altpreuss. Monatsschrift, X. Bd. Heft. 4. S. 338—352 (и отдѣльный оттискъ, Königsberg, A. Rosbach'sche Buchdr. 1873).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ

1. Матеріализмъ и точное изслѣдованіе.

Матеріализмъ искони опирался на разсматриваніе природы, но въ настоящее время онъ не можетъ болѣе довольствоваться объясненіемъ явленій природы въ ихъ возможности изъ его теоріи; онъ долженъ стать на почву точнаго изслѣдованія, и онъ охотно принимаетъ этотъ форумъ, потому что убѣжденъ, что онъ здѣсь долженъ выиграть свой процессъ. Многіе изъ нашихъ матеріалистовъ заходятъ такъ далеко, что признаваемое ими міровоззрѣніе выдаютъ за необходимое слѣдствіе духа точнаго изслѣдованія, за естественный результатъ того безмѣрнаго развитія и углубленія, которое пріобрѣтено естественными науками съ тѣхъ поръ, какъ покинутъ умозрительный методъ и натуралисты перешли къ точному и систематическому изслѣдованію фактовъ. Мы поэтому не должны удивляться, если противники матеріализма съ особенной охотой указываютъ на всякое выраженіе какого-нибудь значительнаго изслѣдователя, которое отрицаетъ эту мнимую послѣдовательность, или даже представляетъ матеріализмъ лишь какъ превратное истолкованіе фактовъ, какъ заблужденіе неосновательныхъ изслѣдователей, если даже не просто болтуновъ.

Таковъ былъ случай, когда *Либихъ* въ своихъ химическихъ письмахъ назвалъ матеріалистовъ „дилеттантами". Но какъ ни вѣрно вообще, что провозглашеніемъ матеріалистическихъ ученій занимались именно не самые основатели, открыватели и изобрѣтатели, не первые мастера какой-либо специальной области, и что не мало ошибокъ въ строгомъ методѣ сдѣлано людьми, подобными *Бюхнеру*, *Фохту* или даже *Чольбе*, все же мы не можемъ прямо согласиться съ Либихомъ.

Прежде всего въ самой природѣ дѣла заключается то, что при нынѣшнемъ раздѣленіи труда спеціальный изслѣдователь, который всю свою умственную

силу направилъ на споспѣшествованіе извѣстному отдѣлу науки, не имѣетъ наклонности, а часто даже и способности, обозрѣть всю область естественныхъ наукъ, чтобы вездѣ изъ чужихъ изслѣдованій подобрать самые достовѣрные факты и составить изъ нихъ одну общую картину. Для него это неблагодарный трудъ. Его значеніе основано на его открытіяхъ, а ихъ онъ можетъ ожидать только въ своей спеціальной области. Поэтому, какъ бы ни было справедливо требованіе, чтобы всякій естественнонаучный изслѣдователь усвоилъ себѣ извѣстную долю общаго естественнонаучнаго образованія и чтобы онъ въ особенности точно изучалъ родственныя отрасли науки, все же этимъ только смягчаются, а не уничтожаются дѣйствія принципа раздѣленія труда. Легко можетъ также случиться, что спеціальный изслѣдователь въ своемъ стремленіи къ общему естественнонаучному образованію также дойдетъ до яснаго воззрѣнія на сущность цѣлаго природы и управляющихъ ею силъ, не чувствуя, однако, ни малѣйшаго стремленія навязывать этотъ взглядъ и другимъ или выставлять его единственно правымъ. Такая воздержность можетъ основываться на самыхъ лучшихъ мотивахъ, потому что спеціальный изслѣдователь все же будетъ сознавать великое различіе между основаніями, на которыхъ держится его спеціальное знаніе, и субъективнымъ убѣжденіемъ въ томъ, что онъ усвоилъ себѣ изъ результатовъ чужихъ изслѣдованій.

Итакъ, спеціальное изслѣдованіе дѣлаетъ осторожнымъ, но оно дѣлаетъ также иногда узкимъ и заносчивымъ. Это видно въ особенности тогда, когда подобный изслѣдователь свое собственное отношеніе къ сосѣдственнымъ наукамъ признаетъ за единственно надежное, когда онъ всякому другому хочетъ запретить судить какъ бы то ни было о вещахъ его спеціальности, когда онъ слѣдовательно абсолютно отрицаетъ необходимыя занятія того, кто предметомъ своихъ усилій дѣлаетъ общій взглядъ на природу. Если, напр., химикъ запрещаетъ физіологу говорить о химіи, или если физикъ отвергаетъ химика, какъ дилеттанта, если тотъ позволитъ себѣ сказать что-нибудь о механикѣ атомовъ, то пусть онъ хорошенько обдумаетъ, имѣетъ ли онъ дѣйствительно положительное доказательство чужаго легкомыслія. Если нѣтъ, если отверженіе „невѣжды" есть полицейская мѣра, принимаемая какъ-бы по принципу цеха, прежде даже чѣмъ разсмотрѣна работа, то такое притязаніе слѣдуетъ строго порицать. Но такое притязаніе пагубнѣе всего, если дѣло вовсе не въ постановкѣ новыхъ взглядовъ, но только въ приведеніи въ новую связь фактовъ, полученныхъ отъ самихъ же спеціальныхъ изслѣдователей, и комбинированіи ихъ съ фактами изъ другой области для болѣе широкихъ выводовъ, или же въ новомъ ихъ толкованіи по отношенію къ выводу явленія изъ послѣднихъ основъ вещей. Если бы результаты наукъ были таковы, что никто не могъ бы

истолковывать ихъ, кто ихъ самъ не нашелъ—а таковъ былъ бы строгій выводъ этого притязанія,—то связь всякаго знанія и все высшее образованіе были бы почти невозможны. Сапогъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, лучше всего можетъ быть обсуждаемъ сапожникомъ, въ другихъ отношеніяхъ тѣмъ, кто его носитъ, и опять въ другихъ и анатомомъ, и живописцемъ, и ваятелемъ. О продуктѣ промышленности судитъ не только фабрикантъ, но и потребитель. Кто покупаетъ орудіе, часто лучше умѣетъ его употреблять, чѣмъ тотъ, кто его изготовилъ. Эти примѣры звучатъ тривіально, но они здѣсь примѣнимы. Кто прилежно обозрѣлъ всю область естественныхъ наукъ, чтобы получить образъ цѣлаго, тотъ не рѣдко съумѣетъ лучше обсудить значеніе отдѣльнаго факта, чѣмъ открывшій его.

Впрочемъ, легко видно, что трудъ того, кто старается получить такую цѣльную картину природы, въ сущности *философскій*, и тогда спрашивается, не можетъ ли матеріалистамъ съ гораздо большимъ правомъ быть сдѣланъ упрекъ въ *философскомъ дилеттантизмѣ*. Онъ и дѣлался довольно часто, но мы этимъ ничего не выигрываемъ для безпристрастной критической оцѣнки матеріализма. По правильному словоупотребленію слѣдуетъ называть дилеттантомъ того, кто не прошелъ строгой школы; но гдѣ школа для философовъ, которая на основаніи своихъ заслугъ могла бы провести границу между имѣющими право и не имѣющими его? Въ положительныхъ наукахъ мы нынѣ также, какъ въ искуствахъ, вездѣ можемъ сказать, что такое ихъ школа; въ философіи же нѣтъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ спеціальное значеніе, получаемое этимъ словомъ, когда дѣло идетъ объ индивидуальномъ усвоеніи искуства какого-нибудь великаго мастера, то все же еще довольно хорошо извѣстно, что такое историкъ, филологъ, химикъ или статистикъ, прошедшій хорошую школу; но относительно „философовъ" это слово по большей части только злоупотребляется. Легкомысленное злоупотребленіе самаго понятія очень сильно повредило вѣсу и значенію философіи. Если, независимо отъ приверженности къ извѣстной системѣ, мы захотимъ дать общее понятіе философской школы, то въ чемъ бы состояло дѣло? Прежде всего *въ строго логическомъ образованіи* посредствомъ серьезныхъ и усиленныхъ занятій правилами *формальной логики* и основаніями всѣхъ современныхъ наукъ, т. е. *ученіемъ о вѣроятности и теоріею индукціи*. Гдѣ нынѣ можно найти подобное образованіе? Между десятью профессорами университета врядъ ли обладаетъ имъ одинъ, и меньше всего его можно найти у „*—анцевъ*", все равно, признаютъ ли они себя послѣдователями Гегеля, Тренделенбурга или какой-либо другой главы школы. Второе требованіе есть *серьезное изученіе положительныхъ наукъ*, хотя не съ тою цѣлью,

чтобы овладѣть всѣми ими въ частности, что было бы невозможно, да къ тому же и безполезно; но такъ, чтобы изъ историческаго развитія понимать ихъ настоящій ходъ и состояніе, схватить ихъ глубокую связь и понимать ихъ методы на основаніи принципа всякой методологіи. Тутъ мы опять спросимъ: гдѣ же прошедшіе хорошую школу? Между „—анцами", конечно, опять менѣе всего. *Гегель*, напримѣръ, который преспокойно уклонился отъ перваго требованія, старался, по крайней мѣрѣ, удовлетворить второму посредствомъ серьезной умственной работы. Но его „ученики" не изучаютъ того, что изучалъ Гегель, а изучаютъ самого Гегеля. Что изъ этого происходитъ, мы не разъ видѣли: пустое фразерство, призрачная философія, заносчивость которой противна всякому образованному человѣку, привыкшему къ серьезности. Лишь въ третьей или четвертой линіи слѣдуетъ поставить для правильной философской школы основательное изученіе *исторіи философіи*. Если ее поставить, какъ это теперь по большей части бываетъ, первымъ и единственнымъ условіемъ, рядомъ съ присвоеніемъ какой-либо опредѣленной системы, то неизбѣжно исторія философіи станетъ также только игрою тѣней: формулы, подъ которыми прежніе мыслители старались понять міръ, будутъ отрѣшены отъ общей научной почвы, на которой они произрасли, и тѣмъ лишены всякаго реальнаго содержанія.

Итакъ, оставимъ въ сторонѣ упрекъ въ дилеттантизмѣ, потому что для него нѣтъ правильной противоположности и потому что именно въ философской области выгода свѣжей оригинальности часто далеко перевѣшиваетъ всякую школьную традицію. По отношенію къ положительнымъ наукамъ матеріалисты оправданы философскою тенденціею своей работы, но, конечно, только если они воспринимаютъ вѣрно факты и ограничиваются выводами изъ этихъ фактовъ. Но если они отваживаются, хотя и стѣсненные связью системы, дѣлать предположенія, которыя вмѣшиваются въ строй эмпирическихъ наукъ, или если они оставляютъ безъ всякаго вниманія важные результаты изслѣдованія, то они, какъ и всякій философъ въ подобныхъ случаяхъ, подлежатъ справедливо порицанію спеціалистовъ; но этимъ вовсе не дается послѣднимъ право относиться съ пренебреженіемъ къ дѣятельности подобныхъ писателей. Однако же по отношенію къ философіи матеріалисты еще вовсе не вполнѣ оправданы, хотя мы и должны утверждать, что упрекъ въ дилеттантизмѣ здѣсь не имѣетъ яснаго смысла.

Уже все предпріятіе, т. е. желаніе построить философское міровоззрѣніе исключительно на естественныхъ наукахъ, въ наше время можетъ быть обозначено какъ философская односторонность самаго дурнаго свойства. Съ тѣмъ же правомъ, съ которымъ эмпиристическій натурфилософъ на манеръ

Бюхнера противопоставляетъ себя одностороннему спеціальному изслѣдователю, всякій всесторонне образованный философъ можетъ противопоставить себя Бюхнеру и поставить ему въ упрекъ тѣ предубѣжденія, которые неизбѣжно должны произойти изъ ограниченности его круга зрѣнія.

Но противъ этого притязанія философіи можно сдѣлать два возраженія: первое есть специфически матеріалистическое, второе найдетъ одобреніе у очень многихъ людей точныхъ наукъ, которыхъ отнюдь нельзя причислить къ матеріалистамъ.

Ничего нѣтъ, кромѣ природы есть первое возраженіе противъ стремленія философіи отыскивать болѣе широкое основаніе. Ваша метафизика есть призрачная наука, безъ всякаго твердаго основанія; ваша психологія ничто безъ физіологіи мозга и нервной системы, а что касается логики, то наши успѣхи самое лучшее доказательство, что мы находимся въ лучшемъ отношеніи и къ законамъ мышленія, чѣмъ вы съ вашими безсильными школьными формулами. Этика же и эстетика не имѣютъ ничего общаго съ теоретическимъ основаніемъ міровоззрѣнія и также хорошо воздвигаются на матеріалистическомъ основаніи, какъ на всякомъ другомъ. Что для насъ при такихъ обстоятельствахъ исторія философіи? Она заранѣе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ исторіи человѣческихъ заблужденій.

Мы приходимъ здѣсь къ вопросу, получившему въ послѣднее время такую извѣстность, къ вопросу *о границахъ познанія природы*, который мы тотчасъ и разберемъ основательно. Но прежде еще нѣсколько замѣчаній о второмъ возраженіи.

Философы, говорится часто естественно-научною партіею, имѣютъ *совершенно различный отъ нашего образъ мышленія.* Поэтому всякое соприкосновеніе съ философіею можетъ быть лишь пагубно для изслѣдованія природы. Это отдѣльныя области, и онѣ должны остаться отдѣльными.

Мы оставимъ тутъ безъ вниманія, какъ часто этотъ взглядъ именно такъ понимается, какъ мы сказали, и какъ часто онъ напротивъ есть лишь коллегіально вѣжливое выраженіе для мнѣнія, что философія есть чистая безсмыслица. Фактъ тотъ, что ученіе о совершенно различномъ образѣ мышленія широко распространено между изслѣдователями природы. Особенно живое выраженіе далъ ему заслуженный ботаникъ *Гуго фонъ-Моль* въ одной рѣчи, которая восхваляетъ учрежденіе *естественно-научнаго факультета* въ Тюбингенскомъ университетѣ [1]). Матеріалисты же, конечно, не подводятъ

[1]) Мы здѣсь внесемъ еще слѣдующее мѣсто изъ перваго изданія, которое въ текстѣ должно было уступить болѣе строгому развитію мыслей и новому,

себя подъ это понятіе „философіи“. Они утверждаютъ, что дошли до своего образа міра путемъ естественно-научнаго мышленія, и много-много если допускаютъ, что они дѣлаютъ болѣе сильное употребленіе *гипотезы*, чѣмъ допускается въ спеціальномъ изслѣдованіи.

сюда относящемуся матеріалу. Относительно *факта* образованія особеннаго естественно-научнаго факультета было замѣчено слѣдующее:

«Старые факультеты образовались довольно быстро послѣ возникновенія университета въ Парижѣ, устройство котораго стало образцомъ для Германіи. Они находятся въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ опредѣленному практическому жизненному призванію; ибо философскій факультетъ сталъ отдѣльнымъ цѣлымъ только вслѣдствіе отдѣленія трехъ другихъ. Такъ онъ оставался общимъ факультетомъ рядомъ съ тремя спеціальными; отчасти онъ былъ посвящаемъ общему приготовленію къ занятіямъ спеціальностями, отчасти свободной наукѣ. Всѣ вновь возникающія науки естественно выпадали на его долю, если онѣ не находились въ прямомъ отношеніи къ какому-либо спеціальному изученію. Если бы первоначальный принципъ образованія университетовъ оставался живымъ, то, можетъ быть, могли бы образоваться нѣсколько новыхъ факультетовъ, совершенно въ смыслѣ существующихъ; такъ напр., камеральный, педагогическій, сельско-хозяйственный. Ничего нельзя возразить противъ того, что образуется новый факультетъ по нѣкоторому новому принципу; мы хотѣли бы только показать, что это такъ и есть и потомъ нѣсколько поближе разсмотрѣть новый принципъ. Мы имѣемъ передъ собою рѣшительную войну факультетовъ, въ которой, во всякомъ случаѣ, философы играютъ самую грустную роль. Медики первые предлагаютъ устройство естественно-научнаго факультета. Всѣ естествоиспытатели хотятъ вырваться изъ материнскихъ рукъ facultas artium. Ихъ прежніе товарищи не выпускаютъ ихъ; полнѣйшая борьба за эмансипацію! Понятно, что филологъ, выросшій на школьной спеціальности, слишкомъ далеко заходитъ, имѣя въ виду извѣстное единство въ образованіи будущихъ учителей; но дѣйствительный философъ никогда не долженъ бы былъ противодѣйствовать фактически почувствованной потребности такого обособленія, лишь бы сохранить существующіе порядки. Онъ долженъ былъ бы напротивъ спросить себя, на чемъ основана отталкивающая сила, требующая раздѣленія; онъ долженъ былъ бы стараться сдѣлаться своими собственными трудами необходимымъ для тѣхъ, которыхъ онъ хочетъ удержать. Если университетъ не имѣетъ людей, которые въ подобномъ случаѣ стояли бы выше спора и прежде всего спрашивали бы о внутренней сторонѣ дѣла, то у него значитъ вовсе нѣтъ философовъ. Если Фейербахъ утверждаетъ, что специфическая примѣта философа не быть профессоромъ философіи, то это сильное преувеличеніе. Однако достовѣрно то, что въ настоящее время самостоятельный и свободный мыслитель не легко можетъ занять публичную каѳедру въ Германіи. Мы жалуемся на пренебреженіе къ естественнымъ наукамъ; можно бы жаловаться на задушеніе философіи. Нельзя порицать тюбингенскихъ естествоиспытателей, если они ста-

Все это воззрѣніе основывается на одностороннемъ вниманіи къ нашей послѣ-кантовской философіи, при полномъ забвеніи характера новой философіи

раются отдѣлиться отъ мертваго тѣла; но нельзя признать, что это отдѣленіе обусловливается существомъ естествоиспытанія и философіи».

«Естественныя науки имѣютъ въ своемъ ясномъ и плодотворномъ методѣ, въ убѣдительной силѣ своихъ экспериментовъ и демонстрацій могущественную защиту противъ искаженія ихъ ученія людьми, которые работаютъ прямо противъ принципа ихъ изслѣдованія. И однако, если бы философія была совершенно подавлена и устранена, то могло бы настать время, когда на естественно-научныхъ факультетахъ Рейхенбахи будутъ читать ученіе объ одѣ или Рихтеры опровергать Ньютоновскій законъ. Философіи легче совершить и легче скрыть преступленіе мысли. Нигдѣ нѣтъ такого чувственно-яснаго и логически достовѣрнаго критерія здраваго и истиннаго, какъ въ естественныхъ наукахъ. Мы можемъ пока предложить одинъ выходъ. Если естествоиспытатели по доброй волѣ вновь приближаются къ философіи, не измѣняя при этомъ ни одной іоты въ строгости своего метода; если начинаютъ убѣждаться, что всѣ различія факультетовъ излишни; если философія, вмѣсто того чтобы быть крайностью, составляетъ скорѣе связь между различными науками и обусловливаетъ плодотворный обмѣнъ положительныхъ результатовъ: тогда мы готовы признать, что она опять обратилась и къ своей главной задачѣ нести передъ вѣкомъ факелъ критики, собирать лучи познанія въ одинъ фокусъ и споспѣшествовать и смягчать историческія революціи».

«Пренебреженіе естественныхъ наукъ въ Германіи происходитъ изъ той же консервативной тенденціи, какъ подавленіе и искаженіе философіи. Прежде всего недоставало денегъ, и къ сожалѣнію много еще пройдетъ времени, прежде чѣмъ мы въ этомъ отношеніи догонимъ опередившихъ насъ Англію и Францію». (Это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Франціи, уже не вѣрно). «Фонъ-Моль увидѣлъ въ физическомъ кабинетѣ одного нѣмецкаго университета «возбуждающую ужасъ машину, которая должна была представлять воздушный насосъ. Академическая коммисія, утвержденію и распоряженію которой подлежали пріобрѣтенія физика, опредѣлила, для того чтобы не отдавать работы чужому механику, поручить починку воздушнаго насоса мастеру пожарныхъ трубъ». Это даетъ поводъ вздыхать объ опекѣ надъ физикомъ его товарищей по факультету. Но развѣ порядочный бюджетъ для такихъ пріобрѣтеній немыслимъ въ свободномъ распоряженіи физика безъ раздѣленія факультетовъ? Развѣ и при настоящемъ положеніи вещей философъ, который долженъ же знать научные методы и условія ихъ приложенія, не есть естественный товарищъ физика?».

«Но нѣтъ! Тутъ-то и сидитъ загвоздка. Люди, подобные Декарту, Спинозѣ, Лейбницу, Канту, конечно, исполнили бы эту роль; бóльшая же часть нашихъ настоящихъ профессоровъ философіи — тутъ г. Моль правъ; только ему не слѣдовало бы винить самую философію, или даже приписывать сущности философскаго мышленія, что въ нынѣшнее время подобнаго содѣйствія не легко ожидать».

отъ Картезія до Канта. Вся дѣятельность шеллингіанцевъ, гегеліанцевъ, новоаристотеликовъ и другихъ новыхъ школъ дѣйствительно такова, что оправдываетъ отвращеніе, съ которымъ изслѣдователи природы обыкновенно отворачиваются отъ философіи; напротивъ, весь принципъ *новой философіи* (съ Декарта), если только подъ этимъ не понимать уродливыхъ явленій нѣмецкой *романтики понятій*, совершенно другой. Мы здѣсь имѣемъ всюду передъ собою, съ весьма рѣдкими исключеніями, *строго естественнонаучный* образъ мышленія, обо всемъ, что намъ дается чувствами, но почти также часто и попытку преодолѣть посредствомъ умозрѣнія односторонность полученнаго на этомъ пути образа міра.

Декартъ, какъ естествоиспытатель, не такъ силенъ, какъ математикъ, и онъ сдѣлалъ нѣсколько значительныхъ промаховъ, но въ другихъ пунктахъ онъ дѣйствительно подвинулъ науку впередъ и никто не станетъ утверждать, что ему при этомъ недоставало правильнаго естественнонаучнаго образа мышленія. Но онъ принималъ, рядомъ съ тѣлеснымъ міромъ, міръ души, въ которомъ все внѣшне существующее только *представляется*, и этимъ онъ затрогивалъ, какъ бы ни были велики недостатки его системы, именно ту черту, на которой долженъ остановиться всякій матеріализмъ и къ которой окончательно приходитъ самое точное изслѣдованіе. *Спиноза*, великій поборникъ абсолютной необходимости совершающагося и единства всѣхъ явленій природы, такъ часто причислялся къ матеріалистамъ, что почти необходимѣе упирать на его различіе, нежели на его согласіе съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ. Но это различіе обнаруживается въ томъ же самомъ пунктѣ: весь образъ міра, къ которому насъ приводитъ механическое міровоззрѣніе, есть лишь *одна сторона* сущности вещей, которая впрочемъ находится въ полномъ согласіи съ другою стороною, съ духовной. *Англійскіе* философы уже со временъ Бэкона, почти безъ исключенія, употребляютъ методъ, который весьма легко согласуется съ естественнонаучнымъ образомъ мышленія; въ Англіи и не знали никогда столкновенія между философіею и естественными науками, о которомъ у насъ такъ много говорятъ. Міръ явленій самыми значительными англійскими философами понимается по тѣмъ же принципамъ, какъ и нашими матеріалистами, хотя лишь немногіе, какъ напр. Гоббсъ, рѣшительно останавливаются на матеріализмѣ. Но *Локкъ*, который въ изученіи природы подобно Ньютону принималъ атомы, основывалъ свою философію не на матеріи, а на *субъективности*, хотя и въ сенсуалистическомъ смыслѣ. Притомъ онъ сомнѣвается въ томъ, способенъ ли нашъ разумъ къ разрѣшенію всѣхъ представляющихся задачъ: начало кантовскаго критицизма, который Юмомъ еще подвинутъ на значительный шагъ. Между этими людьми не было ни одного, который не счи-

талъ бы само собою понятнымъ, что въ природѣ все происходитъ естественно, и ихъ при случаѣ дѣлаемыя уступки ученію церкви достаточно прозрачны. Но они, за исключеніемъ Гоббеса, очень далеки отъ того, чтобы то, что представляется нашему разуму и нашимъ чувствамъ какъ міровой образъ, совершенно отожествлять съ абсолютнымъ существомъ вещей, и всюду, при самыхъ различныхъ формахъ системы, выступаетъ тотъ пунктъ, который отличаетъ новую философію отъ древней: та мысль, что нашъ образъ міра есть существенно *представленіе*.

У *Лейбница* мысль о мірѣ какъ представленіи, въ ученіи о представленіи монадъ, доводится до крайности, и все же Лейбницъ въ то же время предпочитаетъ въ пониманіи міра явленій самый строгій механизмъ, а тотъ способъ, какъ онъ трактуетъ задачу физики, не отличается отъ пріемовъ другихъ физиковъ. До самой высшей ясности наконецъ достигаетъ отношеніе философіи къ матеріализму у *Канта*. Тотъ человѣкъ, который первый развилъ ученіе о происхожденіи небесныхъ тѣлъ изъ простаго притяженія разсѣянной матеріи, который признавалъ уже основныя черты дарвинизма и въ своихъ популярныхъ лекціяхъ не боялся говорить о переходѣ человѣка изъ прежняго животнаго состоянія въ человѣческое, какъ о чемъ-то само собой разумѣющемся, который вопросъ о „мѣстопребываніи души" отвергалъ какъ нѣчто ирраціональное, и слишкомъ часто давалъ понять, что для него душа и тѣло одно и то же, только воспринятое различными органами—врядъ ли онъ многому могъ научиться у матеріализма, ибо все міровоззрѣніе матеріализма какъ бы вошло въ кантовскую систему, отчего однако не измѣнился ея идеалистическій основной характеръ. Что Кантъ о всѣхъ естественнонаучныхъ предметахъ и мыслилъ строго естественнонаучно, не подлежитъ сомнѣнію; потому что „метафизическія основныя начала естественной науки" содержатъ только попытку открыть аксіоматическіе принципы a priori, а потому не входятъ въ предѣлы эмпирическаго изслѣдованія, которое всюду опирается на опытъ и на аксіомы смотритъ, какъ на нѣчто данное. Слѣдовательно, Кантъ оставляетъ все содержаніе естественнонаучнаго мышленія на своемъ мѣстѣ и въ его значеніи, какъ великое и единственное средство расширить наши опыты надъ міромъ даннымъ нашими чувствами, привести ихъ въ связь и такимъ образомъ съумѣть сдѣлать намъ понятнымъ этотъ міръ въ причинной связи всѣхъ явленій. Хорошо ли, когда такой человѣкъ однако же не останавливается на естественнонаучномъ и механическомъ міровоззрѣніи, когда онъ утверждаетъ, что дѣло тѣмъ не кончено, что мы должны имѣть въ виду еще міръ нашихъ идей и что ни міръ явленій, ни міръ идеала не можетъ быть принятъ просто за абсолютную природу вещей, — развѣ хорошо было бы ни мало не остановиться

на этомъ или даже игнорировать все это утвержденіе, потому что мы не чувствуемъ потребности дальнѣйшаго и болѣе глубокаго изслѣдованія?

Если напр. спеціальный изслѣдователь боится, вслѣдствіе вникапія въ такія мысли, слишкомъ удалиться отъ своего предмета и если онъ поэтому предпочитаетъ довольствоваться въ этой области какими нибудь смутными представленіями, или отвергать философію, какъ чуждую ему область, то противъ этого мудрено много говорить. Но кто, подобно нашимъ матеріалистамъ, выступаетъ „философомъ" или даже воображаетъ себя призваннымъ быть составляющимъ эпоху реформаторомъ философіи, тому трудно миновать эти вопросы. Разобрать ихъ основательно есть единственное средство для матеріалистовъ, чтобы имѣть притязаніе на прочное мѣсто въ исторіи философіи. Безъ этой умственной работы матеріализмъ, который во всякомъ случаѣ выражаетъ только старую мысль въ новой оболочкѣ, останется ничѣмъ инымъ, какъ тараномъ въ борьбѣ противъ самыхъ грубыхъ представленій религіознаго преданія и многозначительнымъ симптомомъ глубокаго броженія умовъ [2]).

---

[2]) *Бюхнеръ*, по случаю 12-го изданія «Силы и вещества», составилъ «самокритику» (въ 3-мъ изданіи Natur und Wissenschaft, Leipzig, 1874), въ которой онъ приписываетъ себѣ, какъ главную заслугу, возвращеніе *философіи* ея правъ въ области естественныхъ наукъ. Онъ допускаетъ, что этому содѣйствовали и другія обстоятельства, но «лишь книга «Сила и вещество» уравняла путь и начала борьбу такимъ образомъ, что эта борьба встрѣтила общее сочувствіе ученаго и неученаго міра и безъ опредѣленнаго результата не могла затихнуть. Въ этомъ смыслѣ книга «Сила и вещество» должна быть названа дѣйствительно «составляющею эпоху» и, какъ таковая, должна быть и будетъ упомянута и разсматриваема въ исторіи наукъ, пока такая исторія будетъ существовать». Гораздо скорѣе Бюхнеръ могъ бы заявить притязаніе на постоянное упоминаніе его имени въ общей исторіи культуры, такъ какъ онъ съ громаднымъ успѣхомъ, въ благопріятную минуту ударилъ въ набатъ о томъ, что многіе думали и что вѣроятно другой могъ бы сдѣлать гораздо лучше какъ съ естественно-научной, такъ и съ философской стороны. Гораздо ли успѣшнѣе — это другой вопросъ, ибо именно недостатокъ научной опредѣленности и остановка на поверхности явленій были очень существенны для успѣха Бюхнера. Что Бюхнеръ приписываетъ своей «теоріи» также и научное значеніе, есть вѣроятно самообольщеніе, такъ какъ онъ не только въ цѣломъ, но и въ частностяхъ не сдѣлалъ ничего новаго, даже оказался во многихъ отношеніяхъ значительно ниже требованій задачи начертать общую картину механическаго міровоззрѣнія. Такъ напр. Бюхнеръ въ своей самокритикѣ представляетъ ученіе о сохраненіи силы какъ позднѣе появившееся и подтверждающее дополненіе его точки зрѣнія, ссылаясь очень наивно на пятое изданіе своей книги, въ то время, какъ всякій всесторонне образованный естествоиспытатель и философъ *долженъ* былъ знать это важное ученіе уже въ 1855 г., когда появилось первое изда-

Но заслуживаетъ вниманія, что именно тотъ пунктъ, мимо котораго систематики и апостолы механическаго міровоззрѣнія проходятъ такъ небрежно,— вопросъ о *границахъ познанія природы* нашелъ полную оцѣнку у глубже мыслящихъ спеціалистовъ. При этомъ видно, что истинное и основательное спеціальное изслѣдованіе, въ связи съ основательнымъ общимъ образованіемъ, легко ведетъ и къ болѣе глубокому взгляду на сущность природы, чѣмъ простая энциклопедическая прогулка по всей области естествовѣдѣнія. Кто съ увѣренностью господствуетъ надъ одною областью и здѣсь вникаетъ въ самую глубину задачъ, получаетъ болѣе зоркій взглядъ и для всѣхъ родственныхъ областей. Онъ всюду легко оріентируется и можетъ быстро достигнуть до общаго взгляда, который можно назвать истинно философскимъ, тогда какъ натур-философское изученіе, которое заранѣе расплывается въ ширину, легко можетъ остановиться на той половинчатости, которая свойственна всякой философемѣ, обходящей вопросы *теоріи познанія.* Поэтому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что самые выдающіеся изслѣдователи природы настоящаго времени, которые отважились вступить въ область философіи, почти всѣ съ какой нибудь стороны натолкнулись именно на вопросы *теоріи познанія.*

Разсмотримъ прежде всего надѣлавшую шумъ рѣчь „о границахъ познанія природы“, которую произнесъ *Дю Буа-Реймонъ* въ конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ (1872)! Эта рѣчь, также, какъ и нѣкоторыя возраженія на нее, дадутъ намъ достаточный поводъ освѣтить яркимъ свѣтомъ самый выдающійся пунктъ всей критики матеріализма.

Всякое познаніе природы сводится наконецъ на *механику атомовъ.* Поэтому Дю Буа-Реймонъ считаетъ конечною, человѣческимъ умомъ никогда недосягаемою, но ему понятною цѣлью—полнѣйшее знаніе этой механики. Придерживаясь изрѣченія *Лапласа*, онъ учитъ, что умъ, который зналъ бы положеніе и движеніе всѣхъ атомовъ вселенной для даннаго очень маленькаго періода времени, что такой умъ долженъ быть также въ состояніи, по правиламъ механики, вывести изъ этого все будущее и прошедшее. Онъ могъ бы, посредствомъ надлежащаго развитія своей міровой формулы, сказать намъ, кто была Желѣзная Маска, или какъ погибъ „Президентъ“. Какъ астрономъ предсказываетъ тотъ день, въ который черезъ многіе годы опять возникнетъ на небесномъ сводѣ комета изъ глубины міроваго пространства, такъ этотъ умъ читалъ бы въ своихъ уравненіяхъ тотъ день, когда греческій крестъ будетъ блистать на

ніе «Силы и вещества». Вѣдь *Майеръ* высказалъ этотъ законъ уже въ 1842 г.; въ 1847 г. появилось сочиненіе *Гельмгольца* о сохраненіи силы, и въ 1854 г. уже готово было второе изданіе *популярнаго* разсужденія того же изслѣдователя «über die Wechselwirkung der Naturkräfte».

соборѣ Софіи, или когда Англія сожжетъ свой послѣдній каменный уголь. Если бы онъ вставилъ въ міровую формулу $t = -\infty$, то передъ нимъ раскрылось бы загадочное первобытное состояніе вещей. Онъ видѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію или уже движущеюся, или неровно распредѣленною, такъ какъ при равномъ распредѣленіи неустойчивое равновѣсіе никогда не нарушилось бы. Если бы онъ увеличивалъ t безгранично въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, угрожаетъ ли теорема *Карно* вселенной лишь послѣ безконечнаго, или уже послѣ конечнаго времени ледяною неподвижностью. Всѣ качества происходятъ лишь отъ чувствъ. „Моисеевское: И бысть свѣтъ, физіологически невѣрно. Свѣтъ насталъ только тогда, когда первая красная глазная точка инфузоріи въ первый разъ отличила свѣтъ отъ темноты“. „Нѣмъ и мраченъ самъ по себѣ, т. е. также безкачественъ, какъ онъ исходитъ изъ субъективнаго анализа, міръ и для полученнаго объективнымъ разсматриваніемъ механическаго созерцанія, которое вмѣсто звука и свѣта знаетъ только колебанія безкачественнаго первобытнаго вещества, ставшаго тамъ вѣсомою, а здѣсь невѣсомою матеріею“.

Но есть два мѣста, гдѣ и Лапласомъ представленный умъ долженъ былъ бы остановиться. Мы не въ состояніи понять *атомовъ*, и мы не можемъ объяснить изъ атомовъ и ихъ движенія ни малѣйшаго явленія сознанія.

Можно понятіе о матеріи и ея силѣ вертѣть и оборачивать, сколько угодно, все же наталкиваешься на послѣднее непонятное, если даже не на нѣчто совершенно безсмысленное, какъ напр., силы, которыя дѣйствуютъ вдаль черезъ пустое пространство. Нѣтъ надежды когда либо разрѣшить эту задачу: препятствіе здѣсь *трансцендентное.* Оно основано на томъ, что мы въ концѣ концевъ ничего не можемъ себѣ представить безъ всякаго чувственнаго качества, тогда какъ все наше познаніе направлено къ тому, чтобы разрѣшать качества въ математическія отношенія. Не безъ основанія Дю Буа-Реймонъ утверждаетъ, что все наше познаніе природы въ дѣйствительности не есть познаніе, что оно намъ даетъ только *суррогатъ* объясненія. Не будемъ забывать, что вся наша культура основывается на этомъ „суррогатѣ“, который во многихъ и важныхъ отношеніяхъ совершенно замѣняетъ гипотетическое абсолютное познаніе; но все-же несомнѣнно, что познаніе природы, если мы его доведемъ до этого пункта и съ тѣмъ же принципомъ, какой довелъ насъ сюда, будемъ стараться проникнуть далѣе, раскрываетъ намъ свою собственную несостоятельность и само ставитъ себѣ границу.

Дю Буа-Реймонъ не находитъ серьознаго затрудненія для познанія природы въ образованіи организмовъ. Когда и въ какой формѣ жизнь впервые появилась, мы не знаемъ, но представленный *Лапласомъ* умъ, обладающій міровою фор-

*

мулою, могъ бы это сказать. Кристаллъ и организмы различаются, какъ простое зданіе отъ фабрики съ ея машинами и устройствами, въ которую втекаютъ сырые матеріалы и изъ которой вытекаютъ фабрикаты, продукты разложенія и отбросы. Мы здѣсь ничего не имѣемъ передъ собой, кромѣ „весьма трудной механической задачи". Самая богатая картина тропическаго первобытнаго лѣса не представляетъ анализирующей наукѣ ничего, кромѣ движущейся матеріи.

Слѣдовательно, не здѣсь вторая граница познанія природы, но при первомъ появленіи *сознанія*. При этомъ рѣчь идетъ вовсе не о человѣческомъ духѣ во всей полнотѣ его творчества и мышленія. „Какъ самое могущественное и самое запутанное мускульное дѣйствіе человѣка или животнаго въ сущности не темнѣе, чѣмъ простое сокращеніе отдѣльнаго первичнаго мускульнаго пучка, какъ одна отдѣлительная клѣточка скрываетъ въ себѣ всю загадку отдѣленія, такъ и самая возвышенная дѣятельность души въ главной сути не болѣе непонятна изъ матеріальныхъ условій, чѣмъ сознаніе на первой его ступени въ чувственномъ ощущеніи. При первомъ движеніи удовольствія или боли, которыя при началѣ животной жизни на землѣ почувствовало простѣйшее существо, поставлена эта непроходимая пропасть и міръ сталъ теперь вдвойнѣ непонятенъ".

Доказательство этого Дю-Буа Реймонъ хочетъ вести независимо отъ всѣхъ философскихъ теорій, такимъ способомъ, который очевиденъ и естествоиспытателю. Для этой цѣли онъ предполагаетъ, что пусть мы имѣемъ совершенное („астрономическое") знаніе естественныхъ процессовъ въ мозгу, и не только безсознательныхъ процессовъ, но и тѣхъ, которые по времени всегда совпадаютъ съ духовными процессами, а слѣдовательно и неизбѣжно съ ними соединены. Тогда, конечно, было бы большимъ торжествомъ, „если бы мы могли сказать, что при извѣстномъ духовномъ процессѣ происходитъ въ извѣстныхъ узловыхъ клѣточкахъ и нервныхъ трубочкахъ извѣстное движеніе извѣстныхъ атомовъ". „Прямое познаніе матеріальныхъ условій духовныхъ процессовъ" открыло бы намъ болѣе, чѣмъ всѣ пріобрѣтенія научнаго изслѣдованія до сего времени; но сами духовные процессы были бы намъ совершенно также непонятны, какъ и нынѣ. „Астрономическое знаніе мозга, самое высшее, котораго намъ возможно достичь, не раскрываетъ намъ въ немъ ничего, кромѣ движущейся матеріи". Если же иные думаютъ, что намъ изъ этого знанія могли бы стать понятными извѣстные духовные процессы или способности, каковы память, послѣдовательность представленій и т. д., то и это ошибочно; мы только познаемъ *извѣстныя условія* духовной жизни, но не познаемъ, какъ изъ этихъ условій возникаетъ *сама духовная жизнь*.

„Какая мыслимая связь находится между опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу съ одной стороны и съ другой стороны между первоначальными для меня, неопредѣлимыми далѣе, неотвергаемыми фактами: „я чувствую боль, чувствую удовольствіе; я ощущаю сладкое, обоняю запахъ розы, слышу звукъ органа, вижу красное", и также непосредственно вытекающею изъ этого достовѣрностью: „слѣдовательно я существую"? Никоимъ образомъ не видно, какъ изъ совокупнаго дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть сознаніе. Если бы я захотѣлъ придать самимъ атомамъ сознаніе, то все-таки и сознаніе вообще не было бы объяснено и ничего не выигралось бы для пониманія единичнаго сознанія въ недѣлимомъ".

И эту вторую границу познанія природы Дю Буа-Реймонъ называетъ *безусловною*; никакой мыслимый прогрессъ естественныхъ наукъ не можетъ когда-либо повести къ тому, чтобы перешагнуть за нее, но тѣмъ менѣе естествоиспытатель позволитъ отнять у себя право „не смущаясь миѳами, догмами и гордыми своею древностью философемами, составлять себѣ свое собственное мнѣніе путемъ индукціи объ „отношеніяхъ между духомъ и матеріей".

„Онъ въ тысячѣ случаяхъ видитъ вліяніе матеріальныхъ условій на духовную жизнь. Его безпристрастному взгляду нѣтъ причины сомнѣваться, что дѣйствительно впечатлѣнія чувствъ сообщаются такъ-называемой душѣ. Онъ видитъ человѣческій духъ какъ бы растущимъ вмѣстѣ съ мозгомъ"...

„Никакое теологическое предубѣжденіе не мѣшаетъ ему, какъ Декарту, въ душахъ животныхъ признать родственныя человѣческой душѣ, все менѣе и менѣе совершенные члены того же ряда развитія". Онъ видитъ, какъ у позвоночныхъ животныхъ тѣ части мозга, которые и физіологія должна разсматривать какъ носителей высшихъ умственныхъ отправленій, постепенно развиваются съ возвышеніемъ душевныхъ дѣятельностей. „Наконецъ, теорія происхожденія видовъ въ соединеніи съ ученіемъ о естественномъ подборѣ внушаетъ ему представленіе, *что душа произошла какъ постепенный результатъ извѣстныхъ матеріальныхъ комбинацій*, и можетъ быть, подобно другимъ наслѣдственнымъ, полезнымъ въ борьбѣ за существованіе, дарамъ, возвысилась и усовершенствовалась въ теченіи безконечнаго ряда поколѣній".

Можно бы почти предположить, что матеріализмъ долженъ бы на этомъ остановиться. Но, переполняя мѣру, Дю Буа-Реймонъ прямо беретъ еще подъ свое покровительстоо пресловутое изреченіе Фохта, что мысли находятся въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или урина къ почкамъ [3]).

---

[3]) Въ добавокъ замѣтимъ, что пресловутое «изрѣченіе Фохта» почти вполнѣ встрѣчается уже у *Кабаниса*. Мозгъ дѣлаетъ «la sécrétion de la pensée». Rapports du physique et du moral de l'homme, Paris, 1844 p. 138. Издатель Л. Пейсъ замѣчаетъ къ этому: «Cette phrase est restée célèbre».

Эстетическихъ ранговъ для физiологiи не существуетъ. Для нея отдѣленiе почекъ предметъ одинаковой важности съ функцiями болѣе благородныхъ органовъ. „Трудно порицать въ фохтовскомъ изреченiи и то, что въ немъ душевная дѣятельность представлена произведенiемъ матерiальныхъ условiй въ мозгу". Ошибочно только внушенiе представленiя, что душевная дѣятельность *по своей природѣ также понятна* изъ строенiя мозга, какъ отдѣленiя изъ строенiя железъ.

Но за подобное представленiе, конечно, и стоитъ матерiализмъ. Если что либо остается „непонятнымъ", то матерiализмъ можетъ еще быть превосходнымъ *правиломъ изслѣдованiя природы* (чѣмъ *онъ и есть* по нашему мнѣнiю), но онъ не есть болѣе философiя. Другiя философемы, какъ напр. скептицизмъ, могутъ принять въ себя непостижимое или даже дѣлать изъ непостижимости вещей свой принципъ; но матерiализмъ, съ самаго начала, есть положительная философiя, которая свои основныя ученiя предлагаетъ съ догматическою опредѣленностью и къ самымъ важнымъ утвержденiямъ которой принадлежитъ то, что изъ этихъ ученiй легко понять весь мiръ. И какъ ни сильно наши нынѣшнiе матерiалисты, какъ мы это видѣли въ предыдущей главѣ, наклонны къ скептическимъ и релативистическимъ уклоненiямъ, какъ ни охотно они говорятъ о непостижимости послѣднихъ основанiй всякаго бытiя или выставляютъ мiръ человѣка мiромъ изслѣдованiя, оставляя открытымъ вопросъ, можетъ ли существовать еще другое пониманiе вещей, —но непостижимости духовнаго они никакъ не допускаютъ, потому что главный подвигъ матерiализма признается именно въ томъ, что и душевныя дѣятельности человѣка и животныхъ вполнѣ объясняются функцiями матерiи.

Что при этомъ возможно большое недоразумѣнiе, должно было стать достаточно яснымъ уже изъ нашей первой книги. Мы его нигдѣ не видимъ яснѣе, чѣмъ въ полемикѣ, которая, въ интересѣ матерiалистическаго воззрѣнiя, была поднята противъ Дю Буа-Реймона. Дѣйствительно, можно сказать о его противникахъ то, что *Кантъ* сказалъ о противникахъ *Юма* (срав. выше стран. 48), что они „всегда принимали за допускаемое имъ то, въ чемъ онъ именно сомнѣвался, и напротивъ всегда съ жаромъ и часто даже съ большой невѣжливостью доказывали то, сомнѣваться въ чемъ ему никогда не приходило на умъ".

Больше всего это бросается въ глаза у психiатра д-ра *Лангвизера*, который въ маленькой брошюрѣ (Wien 1873) обсуждалъ рѣчь Дю Буа-Реймона. Лангвизеръ написалъ (1871) „попытку механики психическихъ состоянiй", книжечку, которая представляетъ нѣкоторыя достойныя вниманiя, хотя грубо исполненныя, наблюденiя и соображенiя для будущаго пониманiя функцiй

мозга. Что авторъ слишкомъ высоко цѣнитъ свою попытку объясненiя—очень естественно, а что онъ съ своей точки зрѣнiя, посредствомъ указанiя механическихъ функцiй мозга, думаетъ объяснить сознанiе—есть черта общая всему матерiализму. Можно бы теперь предположить, что именно такой писатель долженъ бы, когда выступаетъ изслѣдователь подобный Дю Буа-Реймону, пробудиться „изъ догматическаго сна" и точно понять тотъ пунктъ, о которомъ идетъ рѣчь; однако, вмѣсто этого, мы имѣемъ передъ собой полнѣйшее недоразумѣнiе. Мы не стали бы долго останавливаться на недоразумѣнiи лишь одного писателя, если бы намъ не казалось, что здѣсь какъ бы представляется классическая модель для цѣлаго ряда подобныхъ недоразумѣнiй и если бы не этотъ именно пунктъ имѣлъ самую большую важность для обсужденiя матерiализма.

Недоразумѣнiе такъ грубо, что Лангвизеръ прямо утверждаетъ (стран. 10), будто бы Дю Буа-Реймонъ *самъ себѣ противорѣчитъ*, принимая лапласовское положенiе о вычисленiи будущаго посредствомъ полной мiровой формулы. „Чтобы вычислить посредствомъ механики атомовъ происшествiя прошедшаго или будущаго, *въ которыхъ человѣческiй умъ содѣйствовалъ или будетъ содѣйствовать какъ существенный факторъ, духовныя состоянiя человѣчества* также должны бы входить *въ область познаваемой механики атомовъ*, что именно и отрицаетъ Дю Буа-Реймонъ"... „Но если бы онъ вздумалъ возразить, что мыслимому Лапласомъ уму были извѣстны и всѣ движенiя атомовъ всѣхъ мозговъ человѣчества и приняты имъ во вниманiе, такъ что онъ посредствомъ ихъ вычислилъ и влiянiе умственныхъ процессовъ человѣка на матерiальныя событiя, и что ему лишь отказано въ выводѣ умственныхъ процессовъ изъ этихъ движенiй атомовъ, *то въ этомъ опять заключается противорѣчiе*. Потому что, какъ скоро онъ каждую мысль можетъ вычислить какъ движенiе атомовъ, а равно и ея дальнѣйшiя послѣдствiя и дѣйствiя, *то онъ познаетъ изъ дѣйствiя и сущность вещи*, какъ вездѣ, такъ и въ сферѣ духовныхъ процессовъ; *ибо сущность вещи есть ничто иное, какъ насколько (sic) она выражается въ своихъ дѣйствiяхъ*".

Здѣсь мы, слѣдовательно, имѣемъ въ точности тотъ случай, что противникъ принимаетъ за допущенное и само собою разумѣющееся именно то, въ чемъ Дю Буа-Реймонъ сомнѣвается; остальное содержанiе брошюры посвящено доказательству того, въ чемъ знаменитый физiологъ никогда не сомнѣвался и въ уясненiи чего имъ самимъ оказаны великiя заслуги.

Безпристрастный и запасшiйся нужною подготовкою читатель рѣчи „о границахъ познанiя природы" ни минуты не станетъ сомнѣваться, что

авторъ подъ *всѣми* атомами понимаетъ и *атомы мозга человѣка* и что по его мнѣнію человѣкъ, со всѣми его „произвольными“ дѣйствіями, для естествоиспытателя есть совершенно однородная часть на ряду съ другими частями великой вселенной. Но при этомъ Дю Буа-Реймонъ, конечно, не сталъ бы говорить „о вліяніи духовныхъ процессовъ на матеріальныя событія“, потому что подобное вліяніе, если разсматривать вещь точно, совершенно немыслимо съ естественно-научной точки зрѣнія. *Если бы хоть единственный атомъ мозга могъ быть сдвинутъ „мыслями“, хотя на милліонную часть одного миллиметра, съ своего пути, который онъ по законамъ механики долженъ описывать, то вся „міровая формула“ не годилась бы болѣе и даже не имѣла бы смысла.* Но дѣйствія человѣка, напр. солдатъ, которые предназначены бы были поставить крестъ на соборѣ Софіи, ихъ полководцевъ, причастныхъ дипломатовъ и т. д. — всѣ эти дѣйствія слѣдуютъ, если ихъ разсматривать естественно-научно, не изъ „мыслей“, а *изъ мускульныхъ движеній*, все равно, имѣютъ ли они цѣлью совершать походъ, извлечь мечь, или вести перомъ, кричать команду или обращать взглядъ на угрожаемый пунктъ. Движенія мускуловъ происходятъ отъ *дѣятельности нервовъ*; дѣятельность нервовъ происходитъ изъ *функцій мозга*, а эти функціи вполнѣ опредѣляются строеніемъ мозга, проводящими путями, атомными движеніями смѣны вещества и т. д., подъ вліяніемъ *центростремительной нервной дѣятельности.* Но нужно уяснить себѣ вполнѣ, *что законъ сохраненія силы внутри мозга* не терпитъ никакого *исключенія, если только онъ не есть совершенная безсмыслица*, и нужно подняться до того заключенія, что слѣдовательно вся дѣятельность людей, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ народовъ, могла бы совершаться такъ, какъ она дѣйствительно совершается, и однако ни въ одномъ изъ этихъ недѣлимыхъ могло бы не происходить ничего подобнаго мысли, ощущенію и т. д. Взглядъ людей могъ бы быть также „одушевленъ“, звукъ ихъ голоса также „трогателенъ“, только этому выраженію не соотвѣтствовало бы никакой „души“ и если бы кто былъ „тронутъ“, то только такъ, что безсознательно измѣняющіяся выраженія лица получали бы больше мягкости, или что механизмъ мозговыхъ атомовъ произвелъ бы улыбку на устахъ или слезы на глазахъ. Такъ и не иначе Декартъ представлялъ себѣ *міръ животныхъ* и нѣтъ ни малѣйшаго основанія для оспариванія естественно-научной возможности такого предположенія. Что оно не вѣрно, мы заключаемъ только изъ сходства симптомовъ ощущеній животныхъ съ тѣми, которыя мы знаемъ по самимъ себѣ. Точно также мы придаемъ и всѣмъ другимъ людямъ, за исключеніемъ насъ самихъ, сознаніе *только въ силу аналогическаго заключенія.* Мы находимъ его у себя связаннымъ съ тѣлесными процессами и справедливо заключаемъ, что у другихъ будетъ то же; но естественно-научно мы можемъ познавать, разъ навсегда, только симптомы и „условія“ духовнаго внѣ насъ, а не самое это духовное. Взгляду, изъ котораго исходитъ Дю Буа-Реймонъ, можно бы придать самое рѣзкое, я бы могъ сказать *принудительное* для пониманія выраженіе, если представить себѣ *два міра:* оба наполненные людьми и дѣйствіями, съ одинаковымъ теченіемъ міровой исторіи, съ одинаковымъ выраженіемъ всѣхъ жестовъ, одинаковымъ звукомъ голосовъ— для того, кто бы ихъ могъ *слышать* т. е. нетолько посредствомъ слуховаго нерва проводить ихъ вибраціи къ мозгу, но вполнѣ сознавать ихъ. Слѣдовательно оба міра должны быть абсолютно одинаковы, съ тѣмъ только различіемъ, что въ одномъ происходилъ бы весь механизмъ также, какъ механика автомата, безъ того, чтобы при этомъ что-либо ощущалось или мыслилось, тогда какъ другой міръ есть *нашъ міръ*; *тогда міровая формула для этихъ двухъ міровъ была бы совершенно одинаковая. Они съ точки зрѣнія точнаго изслѣдованія были бы неразличимы.*

Что мы *не вѣримъ* въ одинъ изъ этихъ двухъ міровъ, есть ничто иное, какъ непосредственное дѣйствіе нашего собственнаго, личнаго сознанія, какъ его всякій знаетъ только въ самомъ себѣ, и которое мы переносимъ на все, что по внѣшности похоже на насъ. Но *сліяніе* между *пониманіемъ внѣшнихъ симптомовъ* духовнаго и ихъ *истолкованіемъ изъ нашего сознанія* бываетъ такое совершенное, такъ вкореняется съ самаго рожденія, что требуется строгое и свободное отъ предубѣжденій мышленіе, чтобы опять раздѣлить эти два фактора.

Но совершенно другой вопросъ о причинной связи между матеріальными процессами и связанными съ ними духовными состояніями. Что въ этомъ отношеніи можно признавать самую полную *зависимость* духовнаго отъ физическаго, невыходя изъ „границъ познанія природы“, прямо признано Дю Буа-Реймономъ, такъ что насколько у матеріалистовъ идетъ рѣчь лишь объ устраненіи сверхъестественныхъ вмѣшательствъ, они на этомъ ученіи могли бы совершенно успокоиться. Дю Буа-Реймонъ принимаетъ, по высшей мѣрѣ, за возможное или даже вѣроятное то, что они сами утверждаютъ съ догматическою достовѣрностью; а въ Лапласовской мысли, какъ вѣрно найдено Лангвизеромъ, заключается въ этомъ отношеніи уже болѣе простой возможности. Какимъ бы, повидимому, загадочнымъ способомъ ни было связано духовное и физическое, какъ бы ни была непонятна природа послѣдняго, все же безусловная зависимость духовнаго отъ физическаго должна быть утверж-

даема, какъ скоро будетъ доказано съ одной стороны, что оба явленія *совершенно соотвѣтствуютъ*, и съ другой стороны, что физическіе процессы *слѣдуютъ строгимъ неизмѣннымъ законамъ*, которые только суть выраженіе функцій матеріи. Чтó можетъ еще перемѣнить въ этомъ пониманіи болѣе глубокое разсматриваніе, видно будетъ далѣе.

Но такъ-же какъ матеріалисты, поняли ученіе о границахъ познанія природы и ихъ антиподы, теологи и теологизирующіе философы. Опускаются рѣзко матеріалистическія черты взглядовъ, которые развиваетъ Дю Буа-Реймонъ, и придерживаются того факта, что онъ ставитъ изслѣдованію природы абсолютныя, непереходимыя границы. Сила и вещество необъяснимы, атомистическое познаніе есть только „суррогатъ“ истиннаго познанія; слѣдовательно матеріализмъ отвергнутъ, отвергнутъ однимъ изъ первыхъ нашихъ естествоиспытателей. Отчего же тогда умозрѣнію и теологіи не пуститься смѣло на оставленное поприще и не учить съ большимъ авторитетомъ о томъ, чего не знаетъ изслѣдованіе природы? Что они сами этого также не знаютъ, не мѣшаетъ дѣлу. Знаменитый физіологъ назвалъ сознаніе, даже самое простое ощущеніе, недоступнымъ для изслѣдованія природы; почему же метафизикѣ и старой премудрой раціональной психологіи не вынуть бы вновь своихъ куколъ и не заставить ихъ танцовать на пустомъ мѣстѣ? Страшнаго пугала нѣтъ; естествоиспытатель, который учитъ только тому, что онъ знаетъ, обѣщалъ не вмѣшиваться въ игру; слѣдовательно, займемъ же весело наши прежнія владѣнія' Все пойдетъ дальше такъ, какъ будто не существуетъ никакого изслѣдованія природы. До духовнаго міра ему вѣдь нѣтъ дѣла!

Что такія недоразумѣнія возможны, это можетъ только отчасти зависѣть отъ глубоко вкоренившейся привычки недостаточно точно брать понятіе познанія и отождествлять пониманіе съ изслѣдованіемъ причинной связи. Отчасти вина заключается въ авторѣ рѣчи, хотя нестолько въ томъ, что онъ говоритъ, сколько въ томъ, что онъ умалчиваетъ, и наконецъ во всемъ томъ способѣ, которымъ здѣсь вырванъ отрывокъ изъ критики познанія вообще и брошенъ въ толпу безъ достаточнаго указанія на связь съ дальнѣйшими вопросами. Въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и самому автору недоставало оріентированія, хотя онъ вообще въ исторіи философіи является свѣдущимъ. Болѣе глубокое указаніе мы находимъ только въ концѣ рѣчи: Дю Буа-Реймонъ ставитъ здѣсь (стр. 33) вопросъ, не будутъ ли обѣ границы познанія природы одною и тою же границею, „т. е. если бы мы понимали сущность матеріи и силы, то не могли ли бы мы также понимать, какимъ образомъ лежащая въ основаніи ихъ субстанція, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ чувствовать, желать и мыслить“. Это опять совершенно матеріалистическое соображеніе, вмѣсто

котораго приверженцы критицизма скорѣе спросили бы: если бы мы совершенно понимали *отношеніе сознанія* къ тому способу, которымъ мы мыслимъ *объекты природы*, то не было ли бы намъ вполнѣ ясно и то, почему мы должны представлять себѣ *субстанцію міра*, при естественно-научномъ мышленіи, какъ *вещество* и *силу?* Что обѣ задачи тождественны, дѣйствительно болѣе чѣмъ вѣроятно. Да въ *концѣ концовъ* вышло бы на одно, сводилось ли бы первое на второе, или наоборотъ, и все же одинъ способъ сведенія по своей тенденціи—матеріалистическій, а другой—идеалистическій. Мыслимое разрѣшеніе, конечно, если оно вообще возможно, уничтожило бы вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность матеріализма и идеализма.

Одно только мѣсто находится въ этой прекрасно обдуманной рѣчи, которое не только вызываетъ недоразумѣнія, но положительно невѣрно; къ нему мы прежде всего и примкнемъ наши критическія замѣчанія. Въ движимомъ мірѣ представленнаго Лапласомъ ума движутся (стр. 28) и *атомы мозга* „какъ бы въ нѣмой игрѣ“. Далѣе говорится: „онъ окидываетъ взглядомъ ихъ толпы, онъ видитъ насквозь ихъ перекрещиваніе, но *онъ не понимаетъ ихъ жестовъ*, они у него не мыслятъ, а потому... его міръ остается безкачественнымъ“.

Вспомнимъ прежде всего, что этотъ умъ и человѣческія дѣйствія принимаетъ за неизбѣжныя слѣдствія движеній атомовъ мозга! Вспомнимъ, что законъ необходимости, ключъ къ которому въ обладаніи этого ума, господствуетъ надъ всѣми, даже надъ самыми тонкими и самыми многозначительными движеніями взглядовъ, минъ, модуляцій голоса, и что тотъ способъ, какъ люди сносятся между собою и дѣйствуютъ другъ на друга въ ненависти и любви, въ шуткахъ и спорахъ, въ борьбѣ и трудѣ, по крайней мѣрѣ со стороны внѣшняго обнаруженія, долженъ быть совершенно понятенъ этому уму. Онъ также хорошо можетъ предугадывать, по одному взгляду человѣка, самый тонкій оттѣнокъ скрытой зависти или молчаливаго согласія, какъ мы—затмѣніе грубой луны. Но вспомнимъ далѣе, что этотъ умъ предполагался *родственнымъ человѣку*, что онъ, слѣдовательно, самъ способенъ ко всѣмъ тѣмъ движеніямъ души, которыя выражаются его математическими формулами. Если такъ, то можетъ ли онъ *не внести свои собственныя ощущенія въ то, что онъ внѣшне видитъ предъ собой?* Развѣ мы не то же дѣлаемъ, когда мы замѣчаемъ въ нашемъ ближнемъ зависть, гнѣвъ, благодарность или любовь? Мы видимъ также только жесты и истолковываемъ ихъ по тому, что дѣлается въ насъ самихъ. Правда, тотъ вычисляющій умъ прежде всего имѣетъ только свои формулы, тогда какъ мы имѣемъ непосредственное созерцаніе. Но намъ достаточно придать ему лишь нѣсколько фантазіи, вполнѣ понятной фантазіи, какую мы и имѣемъ, то онъ уже переведетъ формулы въ созерцаніе.

Конечно, прежде всего ему говорятъ только тѣ формулы, которыя выражаютъ то являющееся внѣшнимъ образомъ, что и мы знаемъ изъ обыденной жизни; однако, если онъ насквозь видитъ причинную связь этого внѣшняго явленія съ движеніемъ атомовъ мозга, то онъ вскорѣ въ послѣднемъ найдетъ и его причины и слѣдствія и тогда онъ также хорошо пойметъ „жесты" этихъ атомовъ изъ ихъ вліянія на внѣшніе жесты человѣка, какъ напр. телеграфистъ, при нѣкоторомъ навыкѣ, слышитъ депеши непосредствено по ритму стучащаго рычага, безъ чтенія знаковъ, отпечатывающихся на бумагѣ.

Если бы, конечно, этотъ умъ, рядомъ со всѣми другими, только въ степени повышенными человѣческими качествами, обладалъ и высокой степенью критическаго остроумія, то онъ, конечно, понялъ бы, что онъ духовную жизнь воспринимаетъ не путемъ объективнаго познанія, все равно какъ въ обыденной жизни, такъ и въ наукѣ; но что онъ вноситъ духовную жизнь, здѣсь въ формулы, а тамъ въ воззрѣнія, изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ событій. Онъ охотно допустилъ бы также, что ему не дано ни непосредственное знаніе чужихъ ощущеній, ни даже какое-либо предчувствіе того, какъ ощущеніе и сознаніе возникаютъ изъ матеріальныхъ движеній. Объ этомъ онъ могъ бы спокойно, вмѣстѣ съ Дю Буа-Реймономъ, сказать свое „игнорабимусъ"; но все же онъ былъ бы самый *совершенный психологъ*, какой вообще мыслимъ для насъ, и психологія какъ наука всегда будетъ для насъ ничѣмъ инымъ, какъ отрывкомъ того познанія, которымъ онъ обладалъ бы во всемъ совершенствѣ.

Но если вглядѣться точнѣе, то тоже самое нужно сказать о *всѣхъ наукахъ* безъ исключенія, насколько дѣло идетъ не объ одномъ мнимомъ знаніи. Въ извѣстномъ смыслѣ, все есть познаніе природы, ибо все наше познаніе направлено къ *воззрѣнію*. Лишь въ объектѣ оріентируется наше познаніе нахожденіемъ твердыхъ законовъ; изъ нашего субъекта мы истолковываемъ и оживляемъ различныя формы, насколько мы относимъ ихъ къ духовному. Непосредственное познаніе духовнаго мы имѣемъ только въ нашемъ самосознаніи; но кто только изъ него, не руководясь объектомъ, хочетъ построить науку, тотъ впадаетъ неизбѣжно въ самообольщеніе.

Но если дѣло въ такомъ положеніи, то *какое значеніе имѣетъ тогда еще указаніе границъ познанія природы?* Какъ ни различенъ методологическій характеръ такъ называемыхъ „духовныхъ наукъ" отъ характера естественныхъ наукъ, онѣ все же всѣ входятъ въ выставленный Дю Буа-Реймономъ идеалъ естественныхъ наукъ, насколько онѣ опираются на дѣйствительное знаніе, а не на одно воображеніе [4]). Можно бы полагать, что такимъ образомъ рѣшена побѣда матеріализма, и благодарность, которую высказали его противники за мужественное „признаніе" знаменитаго физіолога, совершенно напрасна. Но если мы вспомнимъ нашъ отдѣлъ о *Кантѣ*, то легко найдемъ, что это вовсе не такъ. „Границы естествознанія", идеально взятыя, тождественны съ *границами познанія вообще*. Но этимъ именно увеличивается ихъ значеніе, и все остроумно веденное изслѣдованіе становится подтвержденіемъ критической точки зрѣнія въ теоріи познанія, съ естественно-научной стороны.

Граница познанія въ дѣйствительности не есть твердое препятствіе, которое рѣзко противостало бы въ извѣстномъ пунктѣ его пути естественному его ходу. Механическое міровоззрѣніе имѣетъ передъ собой и за собой безконечную задачу; но, *какъ цѣлое* и *по своему существу*, оно носитъ въ себѣ ограниченіе, которое не покидаетъ его ни въ какомъ пунктѣ его пути. Развѣ физикъ объясняетъ красный свѣтъ, когда онъ намъ доказываетъ соотвѣтствующее число колебаній? Онъ объясняетъ въ явленіи, что можетъ объяснить, а

[4]) Различіе между «духовными науками» и «естественными науками», строго выставлено *Миллемъ* въ его логикѣ. Хотя онъ требуетъ для нихъ въ существенномъ того же метода изслѣдованія, но значительно преувеличиваетъ «съ точки зрѣнія англійской ассоціаціонной психологіи» важность источника субъективнаго наблюденія, на который онъ обращаетъ почти все свое вниманіе, и слишкомъ низко цѣнитъ пользу, приносимую этимъ наукамъ оріентированіемъ по соотвѣтствующимъ явленіямъ (физіологическій методъ). *Гельмгольцъ* вѣрнѣе понимаетъ различіе въ своей рѣчи «über das Verhältniss der Naturwissenschaften zur Gesammtheit der Wissenschaft». (Populäre Vorträge. I, S. 16 и ff.). Здѣсь различіе, которое исходитъ изъ разницы матеріала, методовъ и средствъ доказательства, выступаетъ на первый планъ. Если Гельмгольцъ тутъ же требуетъ для историка, филолога, юриста и т. д. «тонкаго и богато развитаго знакомства съ душевными движеніями человѣка», которое въ свою очередь опирается «на извѣстную теплоту чувства и интересъ въ наблюденіи душевныхъ состояній другихъ», то это можно допустить. Таковы именно средства, чтобы тоньше и быстрѣе понимать и правильнѣе объяснять *знаки, подлежащіе внѣшнему наблюденію* въ словѣ, письмѣ, жестахъ, слѣдахъ и памятникахъ всякаго рода. Но Лапласомъ воображенный умъ требуетъ въ этомъ отношеніи не превосходной, а только средней человѣческой способности, чтобы и во всѣхъ духовныхъ наукахъ, на сколько онъ можетъ слѣдовать за предметомъ своими чувствами, обладать самымъ совершеннымъ пониманіемъ, ибо онъ обладаетъ въ своемъ знаніи внѣшнихъ фактовъ средствомъ контролированія и исправленія принциповъ истолкованія знаковъ, и такъ какъ онъ въ то же время понимаетъ всякій языкъ (ибо въ его міровой формулѣ содержатся всѣ обстоятельства возникновенія и превращенія всѣхъ имѣющихъ значеніе звуковъ), то онъ и знаетъ также, какимъ образомъ всякій человѣческій духъ, отъ самаго способнаго до самаго ограниченнаго, истолковываетъ знаки духовнаго; но *поэтомъ* онъ, конечно, не могъ бы стать со всей этой безконечностью познаній, если только онъ такимъ уже не созданъ.

остатокъ онъ предоставляетъ физіологу. Физіологъ объясняетъ въ свою очередь, что можетъ объяснить, но если бы мы даже приписали его наукѣ совершенство, которымъ она въ настоящее время не обладаетъ, то онъ въ концѣ концовъ, подобно физику, имѣетъ въ своемъ распоряженіи только движенія атомовъ [5]). У него замыкается кругъ въ переходѣ центростремительныхъ нервныхъ токовъ въ центробѣжные. Слѣдовательно, онъ не можетъ откладывать дальше остатокъ и провозглашаетъ „границу естествознанія". Но развѣ здѣсь пропасть иного свойства, чѣмъ у физика, и имѣемъ ли мы какую-либо гарантію въ томъ, что и его вибраціи, подобно вибраціямъ физіолога, связаны не неизбѣжно съ процессомъ совершенно другаго рода? Не будемъ ли мы вправѣ сдѣлать заключеніе по аналогіи, что *повсюду* за этими вибраціями еще скрывается что-то другое? За вибраціями мозга скрываются наши собственныя ощущенія; поэтому мы на этомъ пунктѣ можемъ *обозначить* „границу естествознанія"; но что она *лежитъ только здѣсь*, а не заключается скорѣе въ характерѣ самаго познанія, это должно намъ показаться, при нѣкоторомъ размышленіи, по крайней мѣрѣ весьма невѣроятнымъ.

Не даромъ здѣсь находится тотъ пунктъ, къ которому примыкаютъ самыя разнообразныя умозрѣнія. Дю-Буа-Реймонъ отвергаетъ мысль о „міровой душѣ", указывая на то, что въ строеніи міроваго цѣлаго мы не находимъ никакой аналогіи съ строеніемъ человѣческаго мозга (стран. 32). Аргументъ достаточно силенъ противъ всякаго антропоморфическаго представленія подобной міровой души, но не противъ этой мысли въ болѣе общей формѣ. Другія представленія, какъ напримѣръ *Шопенгауеровское* отождествленіе воли и импульса движенія, „міроваго эѳира", съ которымъ *Шпиллеръ* [6]) выступаетъ противъ Дю-

---

[5]) Появившееся уже у Кирхмана, Чольбе, Шпиллера и друг. требованіе, что качествамъ, которыя со времени Лока, и въ сущности уже со времени Демокрита, разсматриваются какъ «вторичныя» и только субъективныя, должна принадлежать объективная реальность, основано конечно на неудовлетворительной теоріи познанія, и то, что «красный», «кислый вкусъ», «звонъ колоколовъ» и т. д. суть феномены въ субъектѣ, не можетъ быть поколеблено; но, если познаніе природы даетъ мнѣ и въ *мозгу* вмѣсто соотвѣтствующихъ процессовъ только *движеніе атомовъ*, тогда какъ *ощущенія* безъ сомнѣнія *существуютъ* (имѣютъ эмпирическую реальность), то я весьма легко могу вывести предположеніе, что и въ колеблющейся струнѣ заключается еще нѣчто другое, что хотя не равняется моему представленію о звучащихъ цвѣтныхъ объектахъ, но имѣетъ однако же съ нимъ гораздо болѣе сродства, чѣмъ дрожащій атомъ.

[6]) *Spiller*, Phil., Das Naturerkennen nach seinen angeblichen u. wirklichen Grenzen. Berlin, 1873. И это сочиненіе, сравнительно съ Дю Буа-Реймономъ, богато недоразумѣніями указаннаго въ текстѣ рода.

Буа-Реймона, способная къ ощущенію матерія *Ибервега* и т. д. могутъ быть отвергнуты какъ трансцендентныя умозрѣнія; но почва, на которой эти умозрѣнія произрастаютъ, остается, и въ отрицательномъ отношеніи мы можемъ отвѣчать съ увѣренностью: о мертвомъ, нѣмомъ и глухомъ мірѣ колеблющихся атомовъ мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ есть необходимое представленіе для насъ, какъ скоро мы захотимъ представить причинную связь явленій научнымъ образомъ. Но такъ какъ мы въ одномъ пунктѣ видѣли, что это необходимое представленіе *не есть данное*, т. е. *наши ощущенія*, но лишь объясняетъ *извѣстный порядокъ въ возникновеніи* и *исчезновеніи* ихъ, то мы должны согласиться, что это представленіе по всей своей природѣ и по своимъ необходимымъ принципамъ неспособно раскрыть намъ послѣднюю внутреннюю сущность вещей.

Тотъ же самый результатъ получается, когда исходимъ изъ вещества и силы. Здѣсь легко показать, что теоретическая физика, начиная отъ каждаго даннаго представленія, имѣетъ передъ собой еще цѣлую безконечность болѣе и болѣе тонкихъ объясненій и математическихъ анализовъ, тогда какъ затрудненіе, которое здѣсь противопоставляется познанію, постоянно остается тѣмъ же. Нѣтъ надобности непремѣнно доходить до атомовъ; мы всюду имѣемъ передъ собой слѣды недостаточности механическаго способа представленія. Какъ извѣстно, *Юмъ* (срав. выше стран. 7) старался устранить возраженія противъ матеріалистическаго объясненія мышленія тѣмъ, что находилъ такую же непонятность, какъ въ этомъ случаѣ, въ причинномъ отношеніи. Онъ въ этомъ былъ правъ, но защита, которую онъ въ этомъ пунктѣ оказываетъ матеріализму, въ другомъ мѣстѣ обращается въ ущербъ ему. Противорѣчія не могутъ касаться „вещи въ себѣ"; они слѣдовательно должны быть основаны на нашемъ способѣ представленія.

Если сознаніе и движеніе мозга совпадаютъ и, однако, вліянія одного на другое нельзя понять, то трудно избѣжать старой спинозистической мысли, часто отзывающейся и у Канта, что и то и другое одна и таже вещь, какъ бы проектированная на различные органы пониманія. Матеріализмъ такъ крѣпко держится за дѣйствительность своей матеріи и ея движеній, что истинный догматикъ этого направленія недолго задумывается, чтобы объявить движеніе мозга за нѣчто дѣйствительное и объективное, а ощущеніе только за родъ видимости или за обманчивый рефлексъ объективности. Но не только „видимость обманываетъ", *понятіе видимости* часто оказывалось также обманчивымъ. Именно, философы древности были очень наивны, когда думали, что освободятся отъ вещи, если признаютъ ее за „видимость". Какъ будто понятіе видимости не относительное! Мерцаніе свѣта, полоса тумана *кажутся* образомъ; но

свѣтъ, туманъ существуютъ однако дѣйствительно. Если, напримѣръ, *движеніе* признается за видимость, то вѣроятно имѣются основанія считать вещь въ себѣ за вѣчно покоющуюся; но кажущееся движеніе противится этому сужденію. Оно есть нѣчто прямо данное, какъ и тотъ свѣтъ, и та полоса тумана.

Также нужно судить и о матеріалистической постановкѣ вопроса объ ощущеніи, если захотимъ движеніе мозга взять въ его настоящей сущности. На эту точку зрѣнія становится, напримѣръ, въ самой рѣзкой формѣ, Лангвизеръ въ своей полемикѣ противъ Дю Буа-Реймона. „Какъ", говорится тамъ (стран. 12), „наше самосознаніе не знакомитъ насъ съ анатоміей нашего тѣла или, по крайней мѣрѣ, со строеніемъ нашего мозга, *и поэтому и не есть самосознаніе въ объективномъ смыслѣ*, такъ же мало мы въ состояніи *познавать* наши ощущенія субъективно, *какъ то, что они суть*".

Какъ видно, здѣсь старое наивное пониманіе впечатлѣній чувствъ еще усилено введеніемъ современныхъ понятій объ *объективномъ* и *субъективномъ*. Субъективное собственно вовсе не существуетъ, или, говоря другими словами, субъективное бытіе не есть настоящее бытіе, съ которымъ наука единственно имѣетъ дѣло. Наше собственное сознаніе — для философовъ временъ Картезія исходный пунктъ всякаго мышленія — есть только подобный субъективный феноменъ. Если мы знаемъ части мозга, въ которыхъ онъ совершается, и токи, которые движутся въ этихъ частяхъ, тогда лишь мы знаемъ, въ чемъ дѣло; мы узнали сознаніе „объективно", и этимъ сдѣлано все, чего только возможно требовать!

Этому разсужденію матеріалистическаго натур-философа, который презираетъ философію какъ „мистику", мы противопоставимъ прежде всего изреченіе одного философски образованнаго *изслѣдователя*. Астрономъ *Цельнеръ* показываетъ въ своей замѣчательной и содержательной книгѣ *о природѣ кометъ*, что мы къ представленію объекта вообще приходимъ только посредствомъ ощущенія. Ощущенія суть тотъ *матеріалъ*, изъ котораго строится реальный внѣшній міръ. Самый простой видъ ощущеній, который мы себѣ можемъ представить, заключаетъ уже въ себѣ, какъ скоро мы мыслимъ себѣ сцѣпленіе мѣняющихся состояній ощущеній въ нѣкоторомъ организмѣ, представленіе времени и причинности. „Изъ этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ," заключаетъ Цельнеръ, что „*феноменъ ощущенія* есть *гораздо болѣе основной фактъ наблюденія*, нежели *подвижность матеріи*, которую мы принуждены приписывать ей, какъ самое общее свойство и условіе для пониманія чувственныхъ измѣненій". [7])

[7]) *Zöllner*, über die Natur der Kometen. Beiträge zur Geschichte und Theorie der Erkenntniss. 2. Aufl. Leipzig, 1872; S. 320 u. ff.

Дѣйствительно представленіе объ атомахъ и ихъ движеніяхъ легко выводится изъ ощущенія, а не на оборотъ, ощущеніе изъ движенія атомовъ. Можно бы теперь попытаться, начиная съ ощущенія, выступить за границы познанія природы и такимъ образомъ всю естественную науку сдѣлать какъ бы спеціальною областью психологіи: но подобная психологія, какъ мы это хорошо увидимъ далѣе, не имѣетъ въ себѣ средства стать положительною наукой. Тогда лишь, когда мы наши ощущенія и представленія ощущенія въ абстракціи сведемъ на простѣйшіе элементы наполненія пространства, сопротивленія и движенія, мы получимъ базисъ для научныхъ операцій. Насколько въ этихъ самыхъ отвлеченныхъ представленіяхъ чувственнаго оказывается необходимое согласіе у всѣхъ людей въ силу апріорическихъ элементовъ нашего познанія, на столько конечно эти представленія „объективны," въ противоположность конкретнымъ ощущеніямъ, соединеннымъ съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, которыя мы называемъ „субъективными", потому что въ нихъ нашъ субъектъ не находится въ общемъ и необходимомъ согласіи со всѣми другими чувствующими субъектами. Все таки въ сущности все существуетъ въ субъектѣ, такъ какъ и „объектъ" первоначально означаетъ ничто иное, какъ "предметъ" нашего представленія. Ощущеніе и представленіе ощущенія есть общее; представленіе атомовъ и ихъ колебаній спеціальный случай. Ощущеніе есть нѣчто *дѣйствительное и данное*; но въ атомахъ въ сущности нѣтъ ничего дѣйствительнаго и даннаго, кромѣ остатка обезцвѣченныхъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы себѣ составляемъ ихъ образъ. Мысль, что этому образу соотвѣтствуетъ нѣчто внѣшнее, абсолютно независимое отъ нашего субъекта, можетъ быть очень натуральною, но она не абсолютно необходима и принудительна; иначе никогда не моглобы существовать идеалистовъ съ направленіемъ Беркелея.

Слѣдовательное, если одинъ изъ двухъ предметовъ (ощущеніе и движеніе атомовъ), долженъ быть объявленъ за дѣйствительность, а другой за простую видимость, то было бы гораздо болѣе основанія объявить ощущеніе и сознаніе за дѣйствительность, атомы же и ихъ движенія за простую видимость. Что мы строимъ на этой видимости наши естественныя науки, не измѣняетъ дѣла. Познаніе природы было бы въ такомъ случаѣ только подобіемъ истиннаго познанія, нѣкоторымъ средствомъ для оріентированія, подобно ландкартѣ, которая служитъ намъ прекрасно, тогда какъ она далеко не есть та страна, по которой мы мысленно путешествуемъ.

Но такое различеніе и не нужно, да и безполезно. Ощущеніе и движеніе атомовъ для насъ равно „дѣйствительны", *какъ явленія*; хотя первое есть непосредственное явленіе, движеніе же атомовъ только посредственное, мыслимое. Въ силу строгой связи, которую создаетъ въ нашихъ представленіяхъ

признаніе матеріи и ея движенія, оно заслуживаетъ быть названнымъ „объективнымъ“; потому что, только вслѣдствіе его разнообразіе объектовъ дѣлается единымъ, великимъ и всеобъемлющимъ «объектомъ», который мы противупоставляемъ какъ пребывающій «предметъ» нашего мышленія измѣняющемуся содержанію нашего я. Но вся эта дѣйствительность есть именно *эмпирическая реальность*, весьма соединимая *съ трансцендентальной идеальностью.*

Съ точки зрѣнія критической, основанной на теоріи познанія, философіи въ сущности исчезаетъ всякая потребность переступить тѣ предѣлы естествознанія, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, такъ какъ эти границы не суть чуждая намъ и непріязненная сила, но наша собственная сущность. Но если все таки мы хотимъ сдѣлать послѣднюю попытку устранить видимость непримиримаго дуализма болѣе популярнымъ образомъ, то представляется, принятый также Цельнеромъ, путь *приписать* самой *матеріи ощущеніе* и мыслить механическіе процессы закономѣрно и вообще связанными съ процессами ощущеній. Но не слѣдуетъ забывать, что объясненіе, которое получается такимъ путемъ, есть не естественно-научное, а умозрительное, и что оно есть настоящая загадка, не устраняетъ непонятное въ явленіи, а только отодвигаетъ.—Чтобы получить естественнон-аучное значеніе, эта теорія должна была бы намъ показать возникновеніе человѣческаго ощущенія изъ процессовъ ощущенія движущихся частицъ, по крайней мѣрѣ такъ же строго, какъ строеніе тѣла изъ клѣточекъ, или переходъ механическаго движенія изъ внѣшняго міра въ состоянія нашей нервной системы. Двѣ загадки всетаки остались бы при этомъ: представленіе о *силѣ и веществѣ* было бы сопровождаемо всѣми тѣми же затрудненіями и кромѣ того новымъ, еще большимъ. Сознаніе хотя было бы въ нѣкоторой связи съ матеріей, но его *единство* въ своемъ отношеніи къ *множеству* составляющихъ *ощущеній* заключало бы еще въ сущности такую же непостижимость, какъ прежде отношеніе сознанія къ колебаніямъ атомовъ мозга.

Сверхъ того, въ случаѣ, если бы такая теорія могла быть проведена, еще вопросъ, не пришлось ли бы совсѣмъ отбросить атомы и ихъ колебанія, какъ лѣса, когда окончено зданіе. Міръ ощущенія, единственно данный, былъ бы объясненъ своими собственными элементами и не нуждался бы болѣе въ чужой опорѣ. Но если бы существовало какое нибудь достаточное основаніе для сохраненія представленія атомовъ, то все же матеріальный міръ былъ бы тогда міромъ представленія, и предположеніе, что за обоими, находящимися въ соотвѣтствіи мірами, матеріальнымъ и міромъ ощущенія, лежитъ неизвѣстное *третье*, какъ ихъ общая причина, повело бы далѣе, чѣмъ ихъ простое отождествленіе. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ основательное изслѣдованіе природы своими собственными слѣдствіями ведетъ далѣе матеріализма. Но это постоянно оказывается только на томъ пунктѣ, гдѣ мы принуждены понимать весь міръ изслѣдованія природы, какъ міръ явленій, рядомъ съ которыми явленія духовной жизни, несмотря на всю кажущуюся зависимость отъ матеріи, остаются по своему существу чѣмъ то чуждымъ и другимъ. Исходя изъ другихъ исходныхъ пунктовъ, въ особенности напр. изъ физіологіи органовъ чувствъ, можно придти къ той же границѣ познанія природы; но во всемъ механическомъ міровоззрѣніи нельзя найти никакого несвязаннаго съ этимъ пункта, въ которомъ посредствомъ какого-то углубленія въ предметъ изслѣдованіе могло бы доказать его неточность. Все, что было наговорено съ судилища спеціальной основательности противъ «дилеттантизма» матеріалистовъ, или несостоятельно, или касается не сущности матеріализма, а лишь какого нибудь случайнаго изрѣченія одного изъ его приверженцевъ.

Это касается въ особенности и нѣкоторыхъ изъ тѣхъ нападокъ, которые сдѣлалъ *Либихъ* въ своихъ «Химическихъ письмахъ» противъ матеріалистовъ. Такъ напр., если въ 23 письмѣ сказано: «*точное изслѣдованіе доказало*, что земля въ извѣстный періодъ обладала температурой, въ которой невозможна никакая органическая жизнь; при 78° тепла уже свертывается кровь. *Оно доказало*, *что органическая жизнь имѣла начало на землѣ.* Эти истины имѣютъ большой вѣсъ и если бы онѣ были единственными пріобрѣтеніями этого столѣтія, онѣ обязали бы философію благодарностью къ естественнымъ наукамъ.»

И что же! Точное изслѣдованіе природы доказало это такъ же мало, какъ мало Ляйель доказалъ вѣчность настоящаго состоянія земли. Вся область съ самаго начала доступна только гипотезѣ, которая болѣе или менѣе опирается на фактахъ. Исторія показываетъ намъ, какъ великія теоремы приходятъ и уходятъ, тогда какъ отдѣльные факты опыта и наблюденія составляютъ пребывающее и постоянно увеличивающееся сокровище нашего познанія. Философія, наконецъ, настолько неблагодарна, что обратно требуетъ всего мнимаго пріобрѣтенія точныхъ наукъ, какъ своей собственности. Если *Кантъ* намъ показываетъ, что нашъ разсудокъ по необходимости ищетъ для всякой причины предшествующую причину, для всякаго кажущагося начала предшествующее начало, тогда какъ стремленія разума къ единству требуютъ законченности, то этимъ совершенно раскрывается антропологическое начало теорій, борющихся другъ съ другомъ. Доказывайте далѣе что угодно, но нельзя никогда требовать отъ философіи, чтобы она не узнавала своихъ собственныхъ дѣтей въ пестрой одеждѣ естественныхъ наукъ!

Параллель съ этимъ „доказаннымъ“ началомъ органической жизни составляетъ пренебрежительная выходка, въ которой Либихъ порицаетъ то, что „ди-

леттанты", которые всякую жизнь на землѣ хотятъ выводить изъ самаго простаго клѣточнаго организма, *распоряжаются безъ всякаго зазрѣнія безконечнымъ рядомъ годовъ.*

Было бы интересно узнать какую-либо кажущеюся разумной причину, почему, при построеніи гипотезы о возникновеніи нынѣшнихъ тѣлъ природы, мы не могли бы располагать безъ всякаго зазрѣнія безконечнымъ рядомъ лѣтъ. На гипотезу постепеннаго возникновенія можно нападать по *другимъ* основаніямъ: это другое дѣло. Но если ее хотятъ порицать, потому что ей требуется весьма длинный рядъ лѣтъ, то впадаютъ въ одну изъ самыхъ странныхъ ошибокъ обыкновеннаго мышленія. Нѣсколько тысячъ лѣтъ намъ весьма привычны; мы доходимъ, впрочемъ, по настоянію геологовъ и до милліоновъ. А съ тѣхъ поръ, какъ астрономы научили насъ мыслить пространственныя разстоянія билліонами миль, могутъ быть приняты и для образованія земли билліоны лѣтъ, хотя это намъ и представляется нѣсколько фантастическимъ, потому что мы не принуждены къ такимъ числамъ, какъ въ астрономіи, ариѳметикою. За этими цифрами самымъ крайнимъ предѣломъ, до котораго мы можемъ подняться, будетъ уже *безконечность, вѣчность.* Здѣсь мы опять въ нашей стихіи; въ особенности абсолютная вѣчность для насъ, начиная съ элементарной школы, весьма привычное понятіе, хотя мы давно ясно видимъ, что мы собственно не можемъ себѣ ее представить. Что находится между билліономъ или квадрилліономъ и вѣчностью, представляется намъ сказочною областью, въ которую пускается лишь самая безпутная фантазія. И все же самое строгое сужденіе разсудка должно намъ сказать, что à priori и прежде, чѣмъ опытъ произнесъ приговоръ, наибольшее число лѣтъ для организмовъ, какое только можетъ быть принято человѣкомъ, нисколько не вѣроятнѣе, чѣмъ какая угодно степень этого числа. Не было бы даже вѣрнымъ методическимъ правиломъ принимать по возможности малыя числа, пока въ силу фактовъ опыта не станутъ вѣроятными большія. Скорѣй еще наоборотъ, такъ какъ, именно при весьма большихъ и весьма медленныхъ измѣненіяхъ, истинная задача заключается въ томъ, чтобы составить себѣ представленіе, *сколько лѣтъ достаточно было бы для силъ природы*, чтобы ихъ исполнить. Чѣмъ ниже предположеніе, *тѣмъ строже должны бы быть доказательства*, такъ какъ болѣе короткое пространство времени à priori менѣе вѣроятно. Однимъ словомъ, доказательство должно быть отыскиваемо *для минимума*, а не, какъ принято предубѣжденіемъ, *для максимума.* Слѣдовательно, боязнь большихъ цифръ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ боязнью смѣлыхъ или многочисленныхъ гипотезъ. Гипотеза постепеннаго возникновенія можетъ по другимъ причинамъ показаться смѣлой или неоправданной; величина цифръ не дѣлаетъ ее нисколько смѣлѣе.

Не менѣе некритиченъ Либихъ, когда онъ высказываетъ категорическое утвержденіе: „никогда неудастся химіи составить въ своей лабораторіи ячейку, волокно мускула, нервъ, однимъ словомъ, какую нибудь изъ дѣйствительно органическихъ, жизненными свойствами одаренныхъ частей организма или же самый организмъ." Почему же нѣтъ? Потому ли, что матеріалисты смѣшали органическія вещества съ органическими частями? Вѣдь это не можетъ быть причиной для такого утвержденія. Можно исправить смѣшеніе, и все же останется открытымъ и несовсѣмъ празднымъ вопросъ о химическомъ изготовленіи ячейки. Нѣкоторое время полагали, что вещества органической химіи могутъ возникать только въ организмѣ. Это вѣрованіе пало. Теперь мы должны вѣровать, что самъ организмъ можетъ возникнуть только черезъ организмы. Одна статья вѣрованія мертва; да здравствуетъ ея наслѣдница! Не сдѣлать ли намъ лучше выводъ, что вообще не велико научное значеніе подобныхъ догматовъ?

Строго говоря, точное изслѣдованіе не порождаетъ матеріализма, но и не опровергаетъ его, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ которомъ большинство противниковъ хотѣло бы видѣть его опровергнутымъ; ибо «границы познанія природы» вовсе не удовлетворяютъ въ ихъ истинномъ смыслѣ главной массы противниковъ. Требуется большая степень философскаго образованія для того, чтобы тутъ найти рѣшеніе вопроса и успокоиться на этомъ рѣшеніи.

При всемъ томъ естествознаніе въ жизни и въ ежедневномъ обмѣнѣ мнѣній вовсе не относится такъ нейтрально или даже отрицательно къ матеріализму, какъ это бываетъ при строжайшемъ проведеніи всѣхъ послѣдствій. Конечно, вовсе не случайность, что именно почти только естествоиспытатели повели къ обновленію матеріалистическаго міровоззрѣнія въ Германіи. Также мало случайно, что послѣ всѣхъ «опроверженій» матеріализма въ настоящее время больше чѣмъ когда нибудь является популярно-естественно-научныхъ книгъ и статей въ періодическихъ изданіяхъ, которыя такъ спокойно исходятъ изъ матеріалистическихъ воззрѣній, какъ будто бы дѣло это давно рѣшенное. Все явленіе объясняется уже достаточно изъ нашихъ предыдущихъ изслѣдованій; ибо если матеріализмъ можетъ быть устраненъ единственно посредствомъ познавательно-теоретической критики, тогда какъ на поприщѣ положительныхъ вопросовъ онъ оставался бы всюду правъ, пока мысль не обращается къ тому великому предѣлу, то легко предвидѣть, что для главной массы тѣхъ, которые занимаются естественными науками, имѣетъ силу исключительно матеріалистическій рядъ мыслей. Существуютъ только два условія, при которыхъ можно избѣжать этого послѣдствія. Одно уже за нами: это *авторитетъ философіи* и глубокое вліяніе *религіи на умы*; другое находится еще далеко

впереди: это общее распространеніе *философскаго образованія* [8]) на всѣхъ, кто посвящаетъ себя научнымъ занятіямъ.

Рука объ руку съ философскимъ образованіемъ идетъ *историческое*. Рядомъ съ пренебреженіемъ философіи, можно найти матеріалистическую черту *въ неисторическомъ смыслѣ*, который такъ часто соединяется съ нашими

точными науками. Нынѣ часто подъ «историческимъ» пониманіемъ разумѣютъ *консервативное*. Это происходитъ отчасти оттого, что наука, часто ради денегъ и почестей, позволяла злоупотреблять собой для того, чтобы поддерживать отжившія силы и служила хищническому интересу указаніемъ на прошлое великолѣпіе и на историческое пріобрѣтеніе общевредныхъ правъ. Изслѣдо-

---

[8]) Мы приведемъ здѣсь еще нѣсколько мѣстъ изъ перваго изданія, которыя (тамъ они примыкали къ вышеупомянутой рѣчи ботаника *Фонъ-Моля*) спеціально занимаются требованіемъ философскаго образованія для естествоиспытателей.

«Мы желаемъ отъ нынѣшняго естествоиспытателя болѣе философскаго образованія; но не болѣе наклонности самому создавать оригинальныя системы. Напротивъ, въ этомъ отношеніи мы все еще не освободились отъ зла натурфилософскаго періода; матеріализмъ есть послѣднее порожденіе той эпохи, когда каждый ботаникъ или физіологъ полагалъ также, что долженъ осчастливить міръ нѣкоторою системою».

«Кто собственно велѣлъ *Океномъ*, *Нисъ-фонъ-Эзенбекамъ*, *Стефенсамъ* и другимъ натуралистамъ философствовать, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать? Развѣ когда-нибудь какой-либо философъ, даже въ періодѣ сильнѣйшаго броженія, хотѣлъ серьезно замѣнить точное изслѣдованіе своею системою? Даже Гегель, самый высокомѣрный изъ новѣйшихъ философовъ, никогда не смотрѣлъ на свою систему какъ на положительное завершеніе научнаго познанія, какъ это должно бы быть по тому пониманію, которое мы оспариваемъ. Онъ очень хорошо зналъ, что никакая философія не можетъ пойти дальше совокупнаго умственнаго содержанія своего времени. Конечно, онъ былъ достаточно ослѣпленъ, чтобы не цѣнить богатыя философскія сокровища, которыя частныя науки даютъ мыслителю, и въ особенности онъ ставилъ слишкомъ низко умственное содержаніе положительныхъ наукъ. Наоборотъ, естествоиспытатели тогда повергались въ прахъ передъ умозрѣніемъ, какъ передъ какимъ-нибудь идоломъ. Если бы ихъ собственная наука имѣла болѣе твердое основаніе въ Германіи, то она лучше противостояла бы бурямъ страсти къ умозрѣнію».

Далѣе говорится относительно утвержденія Фонъ-Моля, что часто обоюдное пониманіе между естествоиспытаніемъ и философіей становится совершенно невозможнымъ:

«Слѣдовательно, естествоиспытатель учится у вещей, философъ хочетъ знать все изъ себя, и потому-то они не понимаютъ другъ друга? Но недоразумѣніе можетъ быть только тамъ, гдѣ оба говорятъ объ однихъ и тѣхъ же вещахъ и притомъ выводятъ различное по различнымъ методамъ. При этомъ они или понимаютъ, что дѣйствуютъ по различнымъ методамъ, или нѣтъ. Если, напримѣръ, профессоръ философіи вздумаетъ доказывать врачамъ всякіе метафизическіе фокусы «естественно-научнымъ путемъ», то этотъ профессоръ, и только единственно онъ, виноватъ въ недоразумѣніи. Всякій истинный философъ также строго отвергнетъ такого антрополога, какъ и естествоиспытатель, можетъ быть даже строже, ибо онъ быстрѣе видитъ методическую ошибку, какъ знатокъ и однихъ, и другихъ пріемовъ. Примѣръ такой научной полиціи представилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Лоце* въ своемъ полемическомъ сочиненіи (1857) противъ антропологіи младшаго Фихте. Онъ сдѣлалъ при этомъ только ошибку, что послѣ того, какъ совершенно опровергъ его научно, предложилъ ему рукопожатіе и обоюдные подарки, подобно гомеровскимъ героямъ. Гомеровскіе герои ничего не дарили тому, кого они побѣждали!»

«Тоже самое можетъ случиться, если естествоиспытатель сдѣлаетъ туже ошибку, т. е. если онъ свои метафизическія выдумки захочетъ навязать другому подъ видомъ фактовъ. Но въ этомъ случаѣ часто болѣе строгій естествоиспытатель еще быстрѣе совершитъ полицейскую обязанность, ибо онъ точно знаетъ исторію возникновенія мнимыхъ фактовъ. Это, какъ извѣстно, иногда случалось именно съ нашими матеріалистами».

«Но если философъ и естествоиспытатель сознаютъ свои различныя методы, т. е. если первый употребляетъ умозрительные пріемы, а послѣдній эмпирическіе, то отъ этого въ ихъ ученіяхъ не будетъ противорѣчія, ибо только послѣдній говоритъ о разсудочно-познаваемомъ объектѣ опыта, тогда какъ первый старается удовлетворить нѣкоторой потребности души, нѣкоторому стремленію творчества. Если, напримѣръ, гегеліанецъ опредѣляетъ ощущеніе, какъ «то, въ чемъ вся природа является нѣкоторымъ смутнымъ движеніемъ духа», а физіологъ называетъ его «реакціей нервнаго процесса на мозгъ» или «на сознаніе», то тутъ ни для того ни для другаго нѣтъ никакого побужденія повернуться другъ къ другу спиною. Философъ *долженъ* понимать физіолога; но для физіолога это дѣло вкуса или, если угодно, вопросъ потребности, хочетъ-ли онъ слушать далѣе метафизика или нѣтъ».

«Если мы требуемъ отъ естествоиспытателя болѣе высокаго философскаго образованія, то мы такъ настойчиво совѣтуемъ ему вовсе не умозрѣніе, а философскую критику, которая для него именно потому необходима, что онъ самъ никогда въ своемъ собственномъ мышленіи, несмотря на всю точность спеціальнаго изслѣдованія, не будетъ въ состояніи вполнѣ подавить метафизическаго умозрѣнія. Именно для того, чтобы вѣрнѣе узнавать свои собственныя трансцендентныя идеи, какъ таковыя, и ихъ вѣрнѣе отличать отъ того, что даетъ эмпирія, ему требуется критика понятій».

«Если за философіею тутъ признается извѣстная доля правъ судьи, то это вовсе не притязаніе на опеку. Ибо, помимо того, что всякій, кто умѣетъ дѣйствовать общими законами мышленія, можетъ быть философомъ въ этомъ смыслѣ,—судъ никогда не относится къ собственно эмпирическому, а только къ вмѣшавшейся метафизикѣ или къ чисто логической сторонѣ выво-

ваніе природы не легко можетъ быть злоупотребляемо для этой цѣли. Можетъ быть даже, постоянное побужденіе къ самоотрѣченію, которое требуется точнымъ изслѣдованіемъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто укрѣпляющее характеръ. Разсматриваемый съ этой стороны неисторическій смыслъ изслѣдователей природы можетъ послужить имъ только въ похвалу.

довъ и образованія понятій. Что же въ такомъ случаѣ означаетъ сравненіе отношенія естественныхъ наукъ къ философіи съ положеніемъ философіи по отношенію къ догмѣ теолога? Если этимъ указывается опять на потребность эманципаціи, то мы имѣемъ передъ собой грубый анахронизмъ. Философіи уже не приходится желать освобожденія отъ теологическихъ догмъ. Само собой разумѣется, что она никакъ не обязана сообразоваться съ ними. Но она, наоборотъ, всегда будетъ требовать права обращать вниманіе на эти догмы, а именно какъ на объекты своего изслѣдованія. Догма не есть для философа естественнонаучная теорема, но выраженіе направленія вѣрованія и умозрительной дѣятельности извѣстнаго историческаго періода. Онъ долженъ стараться понять возникновеніе и исчезаніе догмъ въ связи съ культурно-историческимъ развитіемъ человѣчества, если онъ хочетъ разрѣшить свою задачу въ этой области».

«Точное изслѣдованіе должно быть вполнѣ насущнымъ хлѣбомъ для каждаго философа. Пусть гордость эмпирика предпочитаетъ удаленіе на отдѣльное поприще; онъ однако никогда не будетъ въ состояніи помѣшать философу послѣдовать за нимъ. Никакая философія съ нынѣшней точки зрѣнія не мыслима безъ точнаго изслѣдованія и точно также точное изслѣдованіе требуетъ постоянной провѣрки посредствомъ философской критики. Это не дилеттантизмъ, если философъ знакомится съ самыми важными результатами и методами изслѣдованія всѣхъ естественныхъ наукъ; ибо это изученіе есть необходимый базисъ для всѣхъ его операцій. Точно также не будетъ дилеттантизмомъ, если естествоиспытатель пріобрѣтаетъ опредѣленный, исторически и критически обоснованный взглядъ на процессъ мышленія человѣчества, съ которымъ онъ, несмотря на кажущуюся объективность своихъ изслѣдованій и выводовъ, неразрывно связанъ. Но именно то мы готовы назвать достойнымъ порицанія дилеттантизмомъ (не отрицая, впрочемъ, что богато одаренные умы дѣйствительно могутъ обнять обѣ области), если философъ, по примѣру Бэкона, съ непривычнымъ умомъ и неопытной рукой пускается въ эксперименты и если естествоиспытатель, незаботясь о томъ, что до него думано и сказано, и произвольно обращаясь съ традиціонными понятіями, самъ себѣ устраиваетъ метафизическую систему».

«Но не менѣе вѣрно и то, что философъ и естествоиспытатель прямо могутъ съ пользою дѣйствовать другъ на друга, если становятся на ту почву, которая должна быть для нихъ общею: мы разумѣемъ критика матеріала точнаго изслѣдованія по отношенію къ возможнымъ выводамъ. Если дѣйствительно съ обѣихъ сторонъ употребляется строгая и здравая логика, то въ такомъ случаѣ наслѣдственныя предубѣжденія подвергаются сильнѣйшему перекрестному огню, что идетъ на пользу обѣимъ сторонамъ».

Оборотная сторона дѣла та, что недостатокъ историческаго пониманія прерываетъ *нить прогресса вообще*; что мелкія точки зрѣнія овладѣваютъ ходомъ изслѣдованій; что къ низкой оцѣнкѣ прошедшаго присоединяется филистерское преувеличеніе настоящаго состоянія наукъ, при которомъ ходячія гипотезы принимаются за аксіомы и слѣпыя преданія считаются за результаты изслѣдованія.

Исторія и критика часто одно и то же. Многочисленные медики, которые принимаютъ еще семимѣсячный плодъ за болѣе способный къ жизни, чѣмъ восьмимѣсячный, считаютъ это по большей части за фактъ опыта. Если источникъ этого взгляда открытъ въ астрологіи [9]) и мы достаточно просвѣщены, чтобы сомнѣваться въ смертоносной силѣ Сатурна, то будемъ сомнѣваться также и въ мнимомъ фактѣ.—Кто не знаетъ исторіи, будетъ принимать изъ принятыхъ медикаментовъ за полезные всѣ тѣ, относительно которыхъ противоположное прямо не доказано новыми изслѣдованіями. Но кто хоть разъ видѣлъ рецептъ 16-го или 17-го столѣтія и при этомъ обдумалъ, что люди и послѣ этихъ ужасныхъ и безсмысленныхъ композицій также поправлялись, тотъ перестанетъ довѣрять вульгарному «опыту» и наоборотъ будетъ довѣрять только тѣмъ строго ограниченнымъ дѣйствіямъ какого либо лекарства или яда, которыя доказаны самыми старательными новыми изслѣдованіями точной науки. — Незнаніе исторіи науки способствовало тому, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ начали «элементы» новѣйшей химіи принимать уже за окончательно установленные въ главныхъ чертахъ; тогда какъ въ настоящее время все яснѣе и яснѣе, что не только предстоитъ открыть нѣкоторые новые элементы, а другіе можетъ быть разложить, но что вообще все понятіе элемента есть только провизорное и вспомогательное.

«Что же слѣдуетъ сказать о теоріи обоюднаго равнодушія изъ-за полнѣйшей невозможности пониманія? Намъ кажется, что именно въ этомъ принципѣ выразилась величайшая односторонность матеріализма. Послѣдствіемъ общаго примѣненія этого принципа было бы то, что все распалось бы на эгоистическіе кружки. Философія подлежитъ вполнѣ цеховому духу факультетовъ. Религія — и это можно также назвать этическимъ матеріализмомъ — опирается въ образѣ грубой ортодоксіи на поземельное владѣніе и политическія права церкви; промышленность бездушно гонится за моментальной наживой предпринимателя; наука становится шиболетомъ исключительнаго общества; государства склоняются къ цезаризму».

[9]) По правиламъ астрологіи, седьмымъ мѣсяцемъ управляетъ двусмысленная луна, восьмымъ губительный Сатурнъ, девятымъ Юпитеръ, звѣзда счастія и совершенства. Вслѣдствіе этого считали, что родившемуся подъ вліяніемъ Сатурна грозятъ гораздо большія опасности, нежели родившемуся подъ вліяніемъ луны.

Для многихъ химиковъ исторія ихъ науки начинается еще съ *Лавуазье*. Такъ же, какъ въ историческихъ сочиненіяхъ для дѣтей темный періодъ среднихъ вѣковъ часто заканчивается словами: «Тогда выступилъ Лютеръ»—такъ у нихъ выступаетъ Лавуазье, чтобы изгнать суевѣріе флогистона; тогда наука, по удаленіи призрака, сама собой проистекаетъ изъ здраваго человѣческаго разума. Конечно, такъ, какъ мы смотримъ на дѣло, такъ на него и *слѣдуетъ* смотрѣть! Разумный человѣкъ не можетъ иначе; уже давно наука была бы на истинномъ пути, не будь только флогистона! И какъ это старый Сталь могъ быть такъ ослѣпленъ!

Кто, напротивъ, видитъ въ исторіи неразрѣшимое сліяніе заблужденія и истины, кто замѣчаетъ, какъ постоянное приближеніе къ безконечно далекой цѣли совершеннаго познанія идетъ черезъ безчисленныя ступени, кто видитъ, какъ самое заблужденіе становится носителемъ разнообразнаго и прочнаго прогресса, тотъ и не такъ легко изъ фактическаго прогресса настоящаго будетъ заключать о неопровержимости нашихъ гипотезъ. Кто видѣлъ, какъ прогрессъ никогда не достигается тѣмъ, что ошибочная теорія вдругъ разлетается какъ туманъ передъ взглядомъ генія, а что она только вытѣсняется другою, высшею, которая съ большимъ трудомъ получена изъ искусныхъ методовъ изслѣдованія, тотъ и не легко будетъ смотрѣть съ насмѣшливой улыбкой на борьбу изслѣдователя для доказательства правоты новой и непривычной идеи, тотъ во всѣхъ основныхъ вопросахъ будетъ мало довѣрять преданію, много методу и вовсе не довѣрять неметодическому уму.

Отъ Фейербаха въ Германіи и отъ Конта во Франціи распространилось воззрѣніе, что научный умъ есть ничто иное, какъ здравый человѣческій разумъ, достигшій своей естественной силы, когда были разсѣяны вредныя фантазіи. Исторія намъ не показываетъ и слѣда подобнаго внезапнаго обнаруженія здраваго человѣческаго разума послѣ простаго устраненія какой нибудь мѣшающей фантазіи; она показываетъ намъ скорѣе, какъ повсюду новыя идеи прокладываютъ себѣ путь вопреки противодѣйствующему предубѣжденію, какъ они сливаются съ самымъ заблужденіемъ, которое онѣ должны устранить, или сообща дѣйствуютъ по какому-либо косвенному направленію, и какъ полное устраненіе предубѣжденія обыкновенно есть только послѣднее завершеніе всего процесса, такъ сказать чистка оконченной машины. Остановимся для краткости на сравненіи: заблужденіе исторически довольно часто представляется формой, въ которую выливается колоколъ правды и которая разбивается лишь по окончаніи литья. Отношенія химіи къ алхиміи, астрономіи къ астрологіи хорошо это поясняютъ. Что самые важные положительные результаты получаются лишь по завершеніи основаній науки, очень естественно. Мы очень

мало обязаны Копернику въ частностяхъ нашего нынѣшняго познанія звѣзднаго неба; Лавуазье, у котораго отыскиваемая имъ первобытная кислота была еще остаткомъ алхиміи, былъ бы ребенкомъ въ нашей нынѣшней химіи. Если вѣрныя основанія науки созданы, то конечно само собой находится большая масса выводовъ при относительно незначительной умственной работѣ; звонить въ колоколъ легче, чѣмъ лить его. Но гдѣ дѣлается принципіально значительный шагъ впередъ, тамъ видимъ почти всегда одно и тоже зрѣлище: новая идея занимаетъ мѣсто вопреки предубѣжденію, въ началѣ можетъ быть даже опираясь на него; лишь при своемъ развитіи она разрываетъ рыхлую оболочку. Гдѣ нѣтъ этой идеи, этого положительнаго стремленія, тамъ устраненіе предубѣжденія не ведетъ ни къ чему. Въ среднихъ вѣкахъ многіе были свободны отъ вѣры въ астрологію; во всѣ времена находятся слѣды церковной и свѣтской оппозиціи противъ этого суевѣрія; но не изъ такихъ кружковъ произошла астрономія, а изъ кружковъ астрологовъ. Самый важный результатъ историческаго разсматриванія есть академическое спокойствіе, съ которымъ наши гипотезы и теоріи, безъ вражды и вѣры, разсматриваются какъ то, что онѣ есть въ дѣйствительности, какъ ступени къ тому безконечному приближенію къ истинѣ, которое, повидимому, есть назначеніе нашего интеллектуальнаго развитія. Этимъ, конечно, совершенно уничтожается всякій матеріализмъ, насколько онъ по крайней мѣрѣ предполагаетъ вѣру въ трансцендентное существованіе вещества. Но что касается прогресса въ точныхъ наукахъ, то, конечно, не тотъ способнѣе всего къ изобрѣтеніямъ, кто пренебрегаетъ вчерашней теоріей, а сегодняшнею клянется, а тотъ, кто во всѣхъ теоріяхъ видитъ только средство приблизиться къ истинѣ, обозрѣть факты и господствовать надъ ними.

Эта свобода отъ догматики теорій не исключаетъ *пользованія* ими. Съ другой стороны мы также далеко уклонимся отъ нормальнаго, если захотимъ подавлять всѣ общія идеи о связи вещей уже при самомъ возникновеніи и упорно будемъ держаться частностей, чувственно подтверждаемыхъ фактовъ. Какъ духъ человѣка находитъ свое высшее, превышающее область познанія природы удовлетвореніе лишь въ идеяхъ, которыя онъ выноситъ изъ творческой глубины души, такъ онъ не можетъ посвятить себя съ успѣхомъ строгому труду изслѣдованія, не опираясь на идею, на общую мысль, и не почерпая изъ нея новой силы. Родовыя понятія и законы служатъ намъ съ одной стороны, какъ весьма вѣрно указано *Гельмгольцемъ*, средствомъ запоминанія и обзора необозримаго множества предметовъ и процессовъ, но съ другой стороны это цѣлостное совокупное пониманіе разнообразнаго въ явленіи соотвѣтствуетъ *синтетическому основному стремленію* нашего ума, ко-

торый всюду стремится къ единству: какъ въ великомъ цѣломъ міровоззрѣнія, такъ и въ самыхъ простыхъ обнимающихъ множество предметовъ понятіяхъ. Мы нынѣ не станемъ, какъ *Платонъ*, приписывать общему, въ противоположность съ частнымъ, болѣе истинную дѣйствительность и независимое отъ нашего мышленія существованіе; но для нашей субъективности общее будетъ болѣе чѣмъ простая скобка, которая связываетъ факты.

И эта наша субъективность имѣетъ свое значеніе и для естествоиспытателя, такъ какъ онъ не есть машина для открытій, а человѣкъ, въ которомъ всѣ стороны человѣческаго существа дѣйствуютъ въ нераздѣльномъ единствѣ. Но здѣсь мы опять находимъ матеріализмъ на противоположной сторонѣ. То же направленіе ума, которое съ одной стороны ведетъ къ обращенію великихъ гипотезъ объ основаніяхъ явленій въ застывшую догму, съ другой стороны является весьма упорнымъ противъ дѣйствія идей въ изслѣдованіи природы. Мы видѣли, какъ въ древности матеріализмъ остался безплоднымъ, потому что онъ упорно придерживался своей великой догмы объ атомахъ и ихъ движеніи и имѣлъ мало чутья для новыхъ и смѣлыхъ идей. Напротивъ, *идеалистическія* школы, въ особенности *платоники* и *пиѳагорейцы*, дали древности самые богатые плоды естественно-научнаго познанія.

Въ новѣйшее время дѣло идетъ, что касается участія въ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ, несравненно благопріятнѣе для матеріализма. Не стала ли *атомистика*, которая тогда вела только къ разсужденіямъ о возможности явленій, со временъ Гассенди основаніемъ физическаго изслѣдованія дѣйствительности! Развѣ *механическое міровоззрѣніе* со временъ *Ньютона* не овладѣло постепенно всѣмъ пониманіемъ природы! Такимъ образомъ матеріализмъ нынѣ, если оставить въ сторонѣ „границы познанія природы“, образуетъ не только результатъ, но собственно уже условіе всего изслѣдованія природы. Но, однако, чѣмъ яснѣе и чаще это сознается, тѣмъ болѣе распространяется также между естествоиспытателями и прежде всего между самыми значительными и глубокими, критическая точка зрѣнія теоріи познанія, которая вновь уничтожаетъ матеріализмъ въ принципѣ. Нисколько не останавливается побѣдоносный ходъ изслѣдованія природы, когда исчезаетъ наивная вѣра въ матерію и за всей природой открывается новый безконечный міръ, который стоитъ въ самой тѣсной связи съ міромъ чувствъ, который можетъ быть та же самая сущность, но разсматриваемая съ другой стороны, но который нашему субъекту, нашему я, со всѣми его душевными движеніями, настолько же свой, какъ истинное отечество его внутренняго существа, насколько ему чуждъ и холоденъ міръ атомовъ и ихъ вѣчныхъ колебаній.

Матеріализмъ, однако, старается сдѣлать міръ атомовъ и настоящею родиною духа. Это не можетъ не имѣть вліянія на его методику. Онъ довѣряетъ *чувствамъ*. И его метафизика образована по аналогіи міра опыта. Его атомы суть маленькія тѣла. Правда, ихъ нельзя представить такими маленькими, какія они въ дѣйствительности, потому что это превышаетъ всякое человѣческое представленіе; но все же можно представить себѣ ихъ подобіе, какъ будто бы ихъ видишь и чувствуешь. Все пониманіе міра матеріалиста посредствуется чувственностью и категоріями разсудка. Но именно эти органы нашего ума преимущественно имѣютъ предметную природу. Они даютъ намъ *вещи*, хотя не вещь въ себѣ. Болѣе глубокая философія приходитъ къ тому, что эти вещи суть наши представленія; но она ничего не можетъ измѣнить въ томъ, что именно классъ тѣхъ представленій, которыя относятся къ вещамъ посредствомъ разума и чувственности, имѣетъ самое большое постоянство, твердость и законность, и именно поэтому, вѣроятно, и самую строгую связь съ внѣшнимъ міромъ, управляемымъ вѣчными законами.

И матеріализмъ предается творчеству, когда представляетъ себѣ элементы міра явленій, но онъ творитъ самымъ наивнымъ образомъ по указанію чувствъ. Въ этомъ постоянномъ стремленіи опираться на тѣ элементы нашего познанія, которые имѣютъ самую правильную функцію, онъ обладаетъ неисчерпаемымъ источникомъ чистой методики, охрану отъ заблужденія и фантастичности и правильное чутье для языка вещей.

Но онъ страдаетъ также тѣмъ, что спокойно довольствуется міромъ явленій, причемъ впечатлѣнія чувствъ и теорія сливаются у него въ неразрывное цѣлое. Какъ нѣтъ стремленія идти далѣе кажущейся объективности чувственныхъ явленій, такъ нѣтъ и стремленія парадоксальными вопросами заставить вещи говорить совершенно новымъ языкомъ и дѣлать такіе эксперементы, которые вмѣсто того, чтобы вести къ простой разработкѣ частностей, ниспровергали-бы прежнія воззрѣнія и вводили-бы совершенно новые взгляды въ область наукъ. Матеріализмъ, однимъ словомъ, въ естественныхъ наукахъ консервативенъ. Какимъ образомъ онъ, не смотря на это, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, становится для самыхъ важнымъ областей жизни революціоннымъ ферментомъ, мы объяснимъ впослѣдствіи.

Идеализмъ въ самомъ корнѣ есть метафизическое творчество, хотя такое, которое намъ можетъ казаться воодушевленнымъ провозвѣстникомъ высшихъ, невѣдомыхъ истинъ. То обстоятельство, что вообще въ нашу грудь вложено творческое стремленіе, которое часто *въ философіи, искуствѣ и религіи* вступаетъ въ прямое противорѣчіе съ свидѣтельствомъ нашихъ чувствъ и нашего разума и при этомъ все же можетъ произвести творенія, считаемыя са-

мыми благородными и здравомыслящими людьми выше, нежели простое познаніе: это обстоятельство уже указываетъ на то, *что и идеализмъ связанъ съ неизвѣстной истиной*, хотя совершенно инымъ образомъ, чѣмъ матеріализмъ. Въ свидѣтельствѣ чувствъ всѣ люди согласны. Чистыя сужденія разсудка не колеблятся и не ошибаются. Идеи же суть поэтическія порожденія отдѣльной *личности*, можетъ быть достаточно могущественныя, чтобы *своимъ очарованіемъ* господствовать надъ цѣлыми эпохами и народами, но никакъ не всеобщія и не неизмѣнныя.

Несмотря на это, идеалистъ въ положительныхъ наукахъ могъ бы идти такъ же увѣренно, какъ матеріалистъ, еслибы онъ только постоянно помнилъ, что міръ явленій—оставаясь только явленіемъ— все же *есть связное цѣлое*, въ которое, не подвергая его опасности полнаго разрушенія, не могутъ быть введены посторонніе члены.. Но человѣкъ, который разъ вступаетъ въ міръ идей, всегда въ опасности смѣшать его съ міромъ чувствъ и тѣмъ подделать опытъ, или выдать свои вымыслы за нѣчто „истинное" или „вѣрное," въ томъ прозаическомъ смыслѣ, въ которомъ эти выраженія справедливы *только* по отношенію къ *познаніямъ чувствъ и разсудка*. Ибо, оставляя въ сторонѣ такъ называемую „внутреннюю правду" искуства и религіи, критерій которой состоитъ только въ гармоническомъ удовлетвореніи души и не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ познаніемъ, мы должны называть истиннымъ лишь то, что всякому существу съ человѣческой организаціей является съ *необходимостью* такимъ, какъ оно намъ является, а такое согласіе находится только въ познаніяхъ чувствъ и разсудка.

Но между нашими идеями и этими познаніями существуетъ также связь: связь въ нашей душѣ, произведенія которой только по своему *значенію и намѣренію* выходятъ за предѣлы природы, тогда какъ они, *какъ мысли и продукты человѣческой организаціи*, суть члены того же міра явленій, въ которомъ все находится въ связи по необходимымъ законамъ. Однимъ словомъ *наши идеи, наши химеры суть продукты той же природы*, которая *производитъ наши воспріятія чувствъ и сужденія разсудка*. Они не возникаютъ въ умѣ совершенно случайно и неправильно; разсматриваемыя чувствомъ и разсудкомъ, они суть продукты психологическаго процесса, въ которомъ и наши чувственныя воспріятія также играютъ свою роль. Идея отличается отъ химеры своимъ *значеніемъ*, но не своимъ происхожденіемъ. Но въ чемъ это значеніе? Въ отношеніи къ существу человѣка и именно къ его совершенному идеальному существу. Такъ измѣряется идея идеею и корень этого міра духовныхъ значеній лежитъ точно такъ же, какъ корень нашихъ чувственныхъ представленій, въ самомъ внутреннемъ существѣ человѣка, которое ускользаетъ отъ нашего наблюденія. *Мы можемъ понимать психологически идею какъ химеру, но духовное ея значеніе мы можемъ измѣрять только по подобнымъ же значеніямъ.* Кельнскій соборъ мы сравниваемъ съ другими соборами, съ другими произведеніями художества; его камни—съ другими камнями

Идея для прогресса наукъ такъ же необходима, какъ фактъ. Она не ведетъ непремѣнно къ метафизикѣ, хотя всякій разъ переступаетъ предѣлъ опыта. Происходя изъ элементовъ опыта безсознательно и быстро, подобно образующемуся кристаллу, она можетъ потомъ обратиться къ опыту и искать въ немъ своего подтвержденія или опроверженія. Разсудокъ не можетъ произвести идеи, но онъ судитъ ее и подчиняется ей. Научная идея происходитъ какъ политическая, какъ метафизическая, изъ взаимодѣйствія всѣхъ элементовъ индивидуальнаго духа; но она избираетъ другой ходъ, подчиняясь сужденію изслѣдованія, причемъ судятъ только чувства, разсудокъ и научная совѣсть. Этотъ судъ не требуетъ абсолютной истины, а то дѣлу прогресса человѣчества пришлось бы плохо. Приложимость, согласіе съ свидѣтельствомъ чувствъ въ требуемомъ идеею экспериментѣ, рѣшительный перевѣсъ надъ противоположными взглядами, этого уже достаточно, чтобы дать идеѣ право гражданства въ области науки. Дѣтская наука постоянно смѣшиваетъ идею и фактъ: развитая наука, ставшая методически строгой, развиваетъ идею путемъ точнаго изслѣдованія до гипотезы и наконецъ до теоріи.

И односторонній идеалистъ никогда не пренебрежетъ попыткой вызвать опытъ въ доказательство несостоятельности идеи. Если бы даже въ фактахъ чувственнаго міра не было никакого слѣда того, что чувства намъ даютъ только окрашенный и можетъ быть совершенно недостаточный образъ дѣйствительности, то плохо пришлось бы убѣжденію идеалистовъ. Но уже самые обыкновенные обманы чувствъ даютъ опору ихъ взгляду. Открытіе численныхъ отношеній въ тонахъ музыки вытекло изъ идеи пиѳагорейцевъ, которая противорѣчитъ первоначальной чувственной видимости; потому что наше ухо не даетъ намъ ни малѣйшаго сознанія численнаго отношенія въ звукахъ. Но сами чувства дали свидѣтельство въ пользу идеи: раздѣленная струна, различные размѣры металлическихъ молотковъ воспринимаются чувственно въ связи съ различными звуками. Такъ, идея теоріи волненія свѣта, нѣкогда отвергнутая, позднѣе, по свидѣтельству чувствъ и вычисляющаго разсудка, была опять принята. Явленія интерференціи можно было видѣть.

Изъ этого уже видно, что и идеалистъ можетъ быть изслѣдователемъ; но его изслѣдованіе будетъ обыкновенно имѣть революціонный характеръ, такъ же какъ и относительно государства, и относительно гражданской жизни и принятыхъ нравовъ идеалистъ есть носитель революціонной мысли.

Но не слѣдуетъ забывать, что тутъ идетъ рѣчь о большемъ или меньшемъ. Если оставить въ сторонѣ немногихъ представителей послѣдовательныхъ системъ, то въ жизни такъ же мало идеалистовъ и матеріалистовъ—разумѣя опредѣленные классы недѣлимыхъ—какъ мало флегматиковъ и холериковъ. Было бы ребячески принимать, что никакой человѣкъ съ преимущественнымъ матеріалистическимъ воззрѣніемъ не можетъ имѣть научной идеи, которая совершенно ниспровергала бы утвердившіеся взгляды. Наши изслѣдователи, въ особенности теперь, по духу нынѣшняго времени, имѣютъ почти всѣ достаточно идеализма, хотя они преимущественно вѣрятъ тому, что они могутъ видѣть и осязать. Въ исторіи новѣйшаго изслѣдованія природы мы не въ состояніи различать съ тою же увѣренностью какъ въ древности, вліянія матеріализма и идеализма. Пока мы не имѣетъ тщательныхъ и принимающихъ во вниманіе *всего человѣка* біографій самыхъ значительныхъ вождей научнаго прогресса, мы находимся на нетвердой почвѣ. Давленіе церкви мѣшало по большей части обнаруженію истинныхъ мнѣній, и много прекрасныхъ людей до сихъ поръ извѣстны намъ только по фактамъ своихъ изобрѣтеній, тогда какъ мы можемъ предполагать въ нихъ богатое мышленіе, сильную борьбу духа и сокровище глубокихъ идей.

Большая часть изслѣдователей природы нашего времени цѣнятъ очень мало идеи, гипотезы и теоріи. *Либихъ* напротивъ въ своемъ гнѣвѣ противъ матеріализма заходитъ тоже слишкомъ далеко, когда въ своей рѣчи о *Бэконѣ* совершенно отвергаетъ эмпиризмъ.

„Бэконъ въ изслѣдованіи придаетъ высокую цѣну эксперименту, но онъ ничего не знаетъ о его значеніи; онъ принимаетъ его за механическое орудіе, которое, будучи приведено въ движеніе, само собою дѣлаетъ дѣло; но *въ естественныхъ наукахъ всякое изслѣдованіе дедуктивно или апріористично*; экспериментъ есть только вспомогательное средство для процесса мышленія, подобно вычисленію; мысль во всѣхъ случаяхъ необходимо должна ему предшествовать для того, чтобы онъ имѣлъ какое либо значеніе“.

„*Эмпирическое изслѣдованіе природы въ обыкновенномъ смыслѣ вовсе не существуетъ*. Экспериментъ, которому не предшествуетъ теорія, т. е. идея, относится къ изслѣдованію природы, какъ шумъ дѣтской погремушки къ музыкѣ“.

Громкія слова! Но въ дѣйствительности дѣло эмпиризма не такъ плохо. Сдѣланный Либихомъ мастерской анализъ опытовъ Бэкона, за который ему безъ сомнѣнія обязаны благодарностью философы и историки, конечно показалъ намъ, что изъ опытовъ Бэкона не только ничего не слѣдовало, но ничего

и не *могло* слѣдовать. Но для этого мы находимъ довольно причинъ въ безсовѣстности и легкомысліи его пріемовъ, въ произволѣ, съ которымъ онъ хватался за предметы и оставлялъ ихъ, въ недостаткѣ сосредоточенности и терпѣнія; въ особенности наконецъ въ изобиліи методическихъ уловокъ и обходовъ, которые подавляютъ годную часть метода и представляютъ лишь оправданіе произвола и шаткости, тогда какъ практически они вовсе не примѣнимы. Если бы Бэконъ развилъ только понятіе индукціи и вовсе не маловажное ученіе объ отрицательныхъ и прерогативныхъ инстанціяхъ, то его методъ принудилъ бы его къ большей строгости. Но онъ сверхъ того придумалъ себѣ колеблющіяся и открытыя для всякаго произвола классификаціи instantiae migrantes, solitariae, clandestinae и т. д., конечно въ темной надеждѣ доказать свои любимыя идеи. Что при его изслѣдованіяхъ имъ вовсе не руководила никакая идея, этого, какъ мы думаемъ, никакъ нельзя сказать; скорѣе наоборотъ. Его ученіе о теплѣ, напримѣръ, раскрытое такъ безпощадно Либихомъ, совершенно похоже на предвзятое мнѣніе.

Въ переполненіи его теоріи доказательства безполезными понятіями у Бэкона обнаруживается вліяніе схоластики, противъ которой онъ ратуетъ. Но не эти призраки понятій мѣшали ему дѣлать съ успѣхомъ изслѣдованія, а совершенный недостатокъ тѣхъ качествъ, которыя вообще нужны для изслѣдованія. Бэконъ также мало могъ бы критически издать древняго автора, какъ и сдѣлать правильный экспериментъ [10]).

Таково свойство плодотворныхъ идей, что онѣ развиваются всегда лишь при глубокомъ и настойчивомъ занятіи извѣстнымъ предметомъ. Но подобный способъ занятія можетъ быть плодотворнымъ и безъ руководящихъ теорій. Коперникъ посвятилъ всю свою жизнь небеснымъ тѣламъ, Санкторій своимъ вѣсамъ: первый имѣлъ руководящую теорію, которая уже раньше возникла изъ философіи и наблюденія. Но развѣ Санкторій тоже не изслѣдователь? [11])

---

[10]) О научномъ и личномъ характерѣ *Бэкона* срав. I, стр. 189 и 186, прим. 60.

[11]) Въ первомъ изданіи слѣдовало здѣсь еще слишкомъ подробное для цѣли книги методологическое изслѣдованіе, откуда мы однако приводимъ здѣсь слѣдующій пунктъ, интересъ къ которому, какъ намъ кажется, еще не изсякъ:

«Можетъ быть мы вправѣ назвать *матеріалистическою* ту своеобразную черту новѣйшаго изслѣдованія природы, которая состоитъ именно *въ оппозиціи противъ строгости точнаго изслѣдованія;* конечно, не такой оппозиціи, которая опирается на свободу мысли, но такой, которая исходитъ изъ *преувеличенія непосредственнаго чувственнаго убѣжденія*».

«Чтобы здѣсь не впасть въ смутныя общія мѣста, мы свяжемъ наши раз-

II. Сила и вещество.

„Міръ состоитъ изъ атомовъ и пустаго пространства". Въ этомъ положеніи согласуются матеріалистическія системы древняго и новаго времени, какъ ни различно видоизмѣнялось постепенно понятіе атома, какъ ни различны теоріи о возникновеніи пестрой и богатой вселенной изъ такихъ простыхъ элементовъ.

сужденія замѣчательнымъ примѣромъ этой оппозиціи, который въ послѣдніе годы случился въ Германіи. Мы говоримъ о реакціи нѣкоторыхъ физіологовъ противъ сочиненія математика *Радике* о значеніи и достоинствѣ *ариѳметическихъ среднихъ*. Радике обнародовалъ въ 1858 году въ Архивѣ для физіологической медицины пространный трудъ, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы подвергнуть критической провѣркѣ чрезмѣрно нарастающій матеріалъ физіологически-критическихъ открытій. Онъ употреблялъ при этомъ столько же остроумные и самостоятельные, какъ и правильные, пріемы, чтобы логически оцѣнить отношеніе ариѳметическаго средняго изъ рядовъ опытовъ къ уклоненіямъ отдѣльныхъ опытовъ отъ этого средняго. При примѣненіи этихъ принциповъ ко многимъ до сихъ поръ весьма цѣнимымъ изслѣдованіямъ оказалось, что ряды опытовъ этихъ изслѣдованій вообще не даютъ никакого научнаго результата, ибо частныя наблюденія представляютъ слишкомъ большія различія, чтобы можно было ариѳметическое среднее съ достаточною вѣроятностью принять за продуктъ изслѣдуемаго вліянія. Противъ этого прекраснаго и съ математической стороны неподвергавшагося никакому нападенію труда поднялось противорѣчіе со стороны нѣкоторыхъ извѣстныхъ медиковъ, и это-то противорѣчіе вызвало на свѣтъ тѣ странныя сужденія, которыя мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь. *Фирортъ*, напримѣръ, замѣтилъ о сочиненіи, которое онъ вообще одобрялъ, «что, кромѣ чисто формальной, съ нѣкоторою математическою строгостью доказывающей логики исчисленія вѣроятностей, во многихъ случаяхъ бываетъ еще *логика* самихъ *фактовъ*, которая, будучи примѣнена настоящимъ образомъ, обладаетъ извѣстною или даже очень большою степенью доказательности для спеціалиста». Подкупающее, но въ сущности весьма неудачно избранное выраженіе «логика фактовъ», нашло сочувствіе у многихъ, которымъ могла быть непріятна рѣзкая строгость математическаго метода. Но профессоромъ *Ибервегомъ*, логикомъ большой силы для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ (Archiv für pathol. Anat. XVI), было показано, что настоящій смыслъ этого выраженія очень скроменъ. Ибервегъ убѣдительно доказываетъ, что то, что можно бы назвать «логикой фактовъ», во многихъ случаяхъ имѣетъ только значеніе приготовленія къ болѣе строгому изслѣдованію; такъ, напримѣръ, «какъ оцѣнка по глазомѣру, пока еще невозможно математически строгое измѣреніе»; но что послѣ правильнаго приложенія исчисленія не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь уклоняющемся результатѣ, полученномъ посредствомъ логики фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, то непосредственное сознаніе, которое получается спеціалистомъ

Одно изъ самыхъ наивныхъ выраженій нынѣшняго матеріализма вырвалось у *Бюхнера*, когда онъ атомы новѣйшаго времени называетъ „открытіемъ естествознанія", тогда какъ атомы древнихъ, по его словамъ, были

во время опытовъ, совершенно такъ же подвержено заблужденію, какъ и всякое другое образованіе предубѣжденія. Мы не имѣемъ основанія ни сомнѣваться, что во время экспериментированія образуются подобныя убѣжденія, ни предполагать, что имъ слѣдуетъ приписать больше значенія, нежели вообще образованію убѣжденій на научной почвѣ. Истинно доказывающее въ точныхъ наукахъ есть не матеріальный процессъ, не экспериментъ въ его непосредственномъ дѣйствіи на чувство, а идеальное сочетаніе результатовъ. Нельзя отрицать однако, что у многихъ изслѣдователей, и въ особенности у физіологовъ, существуетъ наклонность смотрѣть на *самый экспериментъ*, а не на его логически-математическое истолкованіе, какъ на существенное дѣло изслѣдованія. Отъ этого легко происходитъ величайшій произволъ теорій и гипотезъ; ибо матеріалистическая идея прямаго сношенія между предметами и нашими чувствами противорѣчитъ человѣческой природѣ, которая всюду, даже въ непосредственнѣйшей повидимому дѣятельности чувствъ, умѣетъ вставить дѣйствія предубѣжденія. *Элиминировать* эти дѣйствія—вотъ въ чемъ великая тайна всякой методики въ точныхъ наукахъ, и при этомъ все равно, идетъ-ли дѣло о случаяхъ, въ которыхъ разсматриваются *среднія величины*, или о такихъ, въ которыхъ имѣетъ значеніе уже одинъ отдѣльный опытъ. Средняя величина служитъ прежде всего только для элиминированія *объективныхъ* колебаній; но для того, чтобы избѣжать и субъективныхъ ошибокъ, самое первое условіе то, чтобы для самой средней величины опредѣлить вѣроятную ошибку, т. е. ту, которая точно обозначаетъ пространство неоправдываемыхъ истолкованій. Только тогда когда вѣроятная ошибка достаточно мала, чтобы можно было вообще считать вѣрнымъ полученный результатъ, возможный рядъ наблюденій какъ цѣлое находится на той же логической почвѣ, какъ и отдѣльный экспериментъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ по свойству дѣла еще не требуется элиминированія объективныхъ колебаній посредствомъ вѣрной средней величины. Если, напримѣръ, цѣль эксперимента испробовать отношеніе новооткрытаго металла къ магниту, то, при примѣненіи всѣхъ принятыхъ правилъ предосторожности и хорошихъ аппаратовъ, уже *единичный экспериментъ* докажетъ, что нужно, такъ какъ явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, легко можетъ быть *повторено*, и маленькія разницы въ силѣ дѣйствія, которыя всегда будутъ существовать, не могутъ имѣть вліянія на положеніе, которое хотимъ доказать».

«Тутъ слѣдуетъ сказать и о болѣе осторожной полемикѣ, которую *Фоитъ* въ своихъ «Untersuchungen uber den Einfluss des Kochsalzes, des Kaffees und der Muskelbewegungen» (München, 1860) велъ противъ Радике. Онъ часто находитъ въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ разницы отдѣльныхъ наблюдаемыхъ величинъ, которыя должны быть разсматриваемы *не* какъ случайныя колебанія, но скорѣе какъ обусловленныя природою организма и правильно наступающія разницы; такъ, напримѣръ, подверженная эксперименту

*

„произвольными умозрительными представленіми“ [12]). Въ дѣйствительности, атомистика и нынѣ еще тоже, чѣмъ была во времена Демокрита. Еще и нынѣ она не потеряла своего метафизическаго характера, и уже въ древности она составляла вмѣстѣ и естественнонаучную гипотезу для объясненія наблюдаемыхъ процессовъ природы. Такъ же, какъ достовѣрна связь нашей атомистики съ атомистикою древнихъ, такъ же достовѣрно, что весь громадный прогрессъ въ настоящемъ взглядѣ на атомъ развился постепенно изъ обоюднаго вліянія философіи и опыта. Конечно, основной принципъ современныхъ наукъ, *критическій* принципъ, произвелъ посредствомъ своего взаимодѣйствія съ атомистикою это плодотворное развитіе.

Робертъ Бойль, „первый химикъ, усилія котораго были дѣлаемы только въ благородномъ стремленіи изслѣдовать природу“, сдѣлалъ свое образовательное путешествіе по континенту еще въ самыхъ нѣжныхъ юношескихъ годахъ, именно въ то время, когда началась научная борьба между Гассенди и

собака при одной и той же мясной пищѣ выдѣляетъ сначала меньшее и потомъ большее количество мочи, и наоборотъ—при голоданіи. Но тамъ, гдѣ легко является предположеніе такихъ заключающихся въ природѣ вещей разницъ, тамъ, само собой разумѣется, нельзя употреблять среднихъ величинъ, такъ что трудно понять, какъ этотъ случай вообще можетъ говорить противъ Радике. Но можно ли, какъ этого требуетъ Фоитъ, придавать въ этомъ случаѣ *каждому отдѣльному опыту* значеніе эксперимента, это вполнѣ зависитъ, какъ и во всякомъ другомъ экспериментѣ, отъ его *повторимости* при *одинаковыхъ обстоятельствахъ*. Тогда при повтореніи и должно обнаружиться сперва то, достаточно ли ясно представляется при каждомъ отдѣльномъ опытѣ то, что должно быть доказано, или слѣдуетъ сдѣлать *совершенно иначе, комбинированный рядъ опытовъ*, изъ которыхъ можно бы выводить среднія величины».

«Если, напримѣръ, при первомъ рядѣ опытовъ получаются величины a, b, c, d, которыя вмѣсто простыхъ колебаній представляютъ скорѣй опредѣленное прогрессированіе, то для констатированія этого требуется второй опытъ, который пусть дастъ величины a_1, b_1, c_1, d_1. Если тогда яснѣе видно прогрессированіе и если мы ничего больше не хотимъ, кромѣ констатированія его вообще, то можно на этомъ остановиться. Но если мы желаемъ получить численно точные результаты и согласіе между первыми рядами неполное, то ничего не остается, какъ продѣлать третій рядъ... a_2, b_2, c_2, d_2... и т. д. до a_n, b_n, c_n, d_n..., откуда уже явствуетъ само собой, что теперь слѣдуетъ комбинировать величины a_1, a_2, a_3 ..a_n, потомъ b_1, b_2, b_3...b_n и т. д. Но при этихъ комбинаціяхъ долженъ быть примѣненъ со всею строгостью установленный Радике методъ».

[12]) Büchner, Natur u Geist, S. 102: «Атомы древнихъ были философскими категоріями или вымыслами; атомы новѣйшихъ суть открытія естествовѣдѣнія».

и Декартомъ. Когда въ 1654 году онъ поселился въ Оксфордѣ, чтобы посвятить свою жизнь наукѣ, атомистика какъ метафизическая теорія уже вновь получила большое значеніе. Но именно та наука, которой посвятилъ себя Бойль, освободилась позднѣе всего отъ оковъ средневѣковой мистики и аристотелевскаго воззрѣнія. Бойль ввелъ атомы въ ту науку, которая съ тѣхъ поръ дѣлала самое широкое употребленіе изъ этой теоріи; но вмѣстѣ Бойль уже самымъ заглавіемъ своего Chemista scepticus (1661) показываетъ, что онъ вступилъ на путь точной науки, въ которой атомы такъ же мало могутъ быть признаны догматомъ, какъ и камень мудрецовъ.

Атомы Бойля почти то же, что атомы Эпикура, какъ ихъ Гассенди опять ввелъ въ науку. Они еще имѣютъ различную форму, и эта форма имѣетъ вліяніе на прочность или шаткость соединеній. Сильными движеніями то отрываются примыкающіе другъ къ другу атомы, то другіе вводятся, и, совершенно какъ въ древней атомистикѣ, держатся одинъ за другой своими шероховатыми поверхностями, возвышеніями, зубцами и т. д. [13]). При измѣненіи въ химическомъ соединеніи, самыя маленькія частицы третьяго тѣла проникаютъ въ поры, которыя находятся въ соединеніи двухъ другихъ тѣлъ. Эти частички приэтомъ, благодаря свойству своихъ поверхностей, лучше могутъ соединиться съ однимъ

[13]) *Коппъ*, Gesch. der Chemie, II, S. 307 u. f. несправедливо приписываетъ *Бойлю* теорію *притяженія* атомовъ. «Этотъ химикъ», говорится въ указанномъ мѣстѣ, «держался уже взгляда, что всѣ тѣла состоятъ изъ мельчайшихъ частицъ, отъ *притяженія* которыхъ *другъ къ другу* зависятъ явленія соединенія и разложенія. Чѣмъ больше *сродства* имѣютъ два тѣла другъ къ другу, тѣмъ сильнѣе притягиваются ихъ малѣйшія частицы, тѣмъ ближе они при соединеніи прилегаютъ другъ къ другу». Въ этомъ изложеніи вѣрны въ сущности только послѣднія слова. И въ приведенномъ Коппомъ примѣрѣ не содержится ничего о сродствѣ и притяженіи. Выраженія «coalition», «associate» и др. слѣдуетъ относить къ связи при соприкосновеніи. Настоящій взглядъ Бойля ясно виденъ въ отдѣлѣ «de generatione, corruptione et alteratione», p. 21—30 сочиненія De origine qualitatum et formarum. Genevae 1688». Здѣсь вездѣ идетъ рѣчь о прилеганіи, отрываніи атомовъ и т. д. и причина измѣненія есть (§ 4) «motus, quacumque causa ortus», т. е. то уже древними принимаемое постоянное быстрое движеніе атомовъ, которое они выводятъ изъ общаго и вѣчнаго паденія. Этотъ выводъ конечно не могъ пригодиться Бойлю, но онъ далекъ отъ того, чтобы ставить на мѣсто его притяженіе и отталкиваніе: понятія, которыя выработались лишь нѣсколькими десятилѣтіями позднѣе, вслѣдствіе ньютоновскаго ученія о тяготѣніи. Бойль, тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ умозрительно, напротивъ, приписываетъ начало движенія атомовъ дѣятельности Бога; но въ обыкновенномъ естественно-научномъ изслѣдованіи онъ просто оставляетъ дѣло нерѣшеннымъ и довольствуется предположеніемъ существованія такого движенія.

изъ тѣлъ, чѣмъ это тѣло было соединено съ другимъ, и тогда порывъ движеній атомовъ вновь унесетъ частички послѣдняго. Атомистика Бойля отличалась отъ древней уже тѣмъ, что онъ съ Картезіемъ принимаетъ раздробленіе матеріи посредствомъ движенія, и что онъ первоначальную причину движенія атомовъ или оставляетъ въ темнотѣ, или приписываетъ непосредственному дѣйствію Бога.

Эта форма атомистики, прежде всего въ Англіи, неизбѣжно должна была рухнуть, когда былъ принятъ *законъ тяготѣнія Ньютона*. Мы въ первой книгѣ видѣли, какъ быстро чисто математическое предположеніе Ньютона превратилось въ новую, совершенно противоположную всѣмъ тогдашнимъ представленіямъ теорію. Съ *притяженіемъ* самыхъ маленькихъ частичекъ матеріи, шероховатыя поверхности и разнообразныя формы атомовъ стали лишними. Теперь была другая связь, которая ихъ сдерживала безъ всякаго соприкосновенія: притяженіе. Столкновеніе частицъ между собою потеряло свое значеніе для *невѣсомыхъ*, изъ дѣятельности которыхъ уже Ньютонъ пытался вывести тяготѣніе; нашелся аналогичный принципъ: принципъ *отталкивающихъ силъ*.

Вся исторія превращенія понятія объ атомахъ становится весьма прозрачной, какъ скоро мы ограничиваемся Англіею и идеями развитыми тамъ физиками и философами. Нужно только вспомнить, что *Гоббсъ*, вліяніе котораго было такъ значительно, совершенно *релативировалъ* понятіе объ атомахъ. По его взгляду, были какъ бы атомы *различнаго порядка*, какъ математики различаютъ порядки безконечно малыхъ. Какъ приложеніе этой теоріи явилось предположеніе невѣсомыхъ атомовъ, которые находятся въ промежуточныхъ пространствахъ тяготѣющей матеріи и которые по отношенію къ атомамъ тѣлъ должны быть представляемы опять безконечно малыми. Слѣдовательно, пока держались механики удара, это были атомы втораго порядка, которые своимъ движеніемъ производили съ одной стороны, напр., явленія свѣта, но съ другой стороны производили также и тяготѣніе атомовъ перваго порядка. Но лишь только мысль о дѣйствіи на разстояніи получила силу, она послѣдовательнымъ образомъ была примѣнена и къ невѣсомымъ атомамъ и они стали тогда производить свое отталкивающее дѣйствіе безъ всякаго дѣйствительнаго удара. Въ сущности то представленіе о свойствѣ матеріи, какое нашелъ *Дальтонъ*, было такимъ образомъ уже готово; ибо, что во времена Дальтона не принимали атомовъ втораго порядка, а непрерывную оболочку свѣтоваго и тепловаго вещества вокругъ вѣсомыхъ атомовъ,—не есть очень существенное нововведеніе. Декартъ и Гоббсъ принимали уже непрерывное наполненіе пространства, представляя себѣ всякій промежутокъ между большими частич-

ками наполненнымъ все болѣе и болѣе мелкими. Во всякомъ случаѣ Дальтонъ уже нашелъ этотъ взглядъ готовымъ, когда въ концѣ 18-го столѣтія пришелъ къ идеямъ, которыя дали его имени прочное мѣсто въ исторіи наукъ.

По случаю одного замѣчанія о различныхъ состояніяхъ аггрегаціи тѣлъ, онъ говоритъ: „Эти замѣчанія *незамѣтно* привели къ заключенію, *которое кажется теперь общепринято*, что всѣ тѣла замѣтной величины, жидкія-ли или твердыя, состоятъ изъ весьма большаго числа въ высшей степени мелкихъ частицъ или атомовъ вещества, соединенныхъ другъ съ другомъ силою притяженія, которая, смотря по обстоятельствамъ, имѣетъ большее или меньшее напряженіе, и которая, когда стремится помѣшать раздѣленію частицъ, удачно названа „притяженіемъ сцѣпленія", а когда собираетъ ихъ изъ разсѣяннаго состоянія (напр. изъ пара въ воду) „притяженіемъ аггрегаціи" или проще „сродствомъ". Но подъ какими бы названіями она ни являлась, „она означаетъ одну и ту же силу"... „Кромѣ силы притяженія, которая въ томъ или въ другомъ видѣ присуща всѣмъ вѣсомымъ тѣламъ, мы находимъ другую силу, которая также обща, или дѣйствуетъ на всякую матерію, какая намъ извѣстна, именно силу отталкиванія. Эту силу теперь вообще приписываютъ, и я нахожу справедливо, дѣйствію тепла. Атмосфера этой тонкой жидкости окружаетъ постоянно атомы всѣхъ тѣлъ и мѣшаетъ имъ придти въ непосредственное соприкосновеніе" [14]).

Если вспомнимъ, что физическое пониманіе притяженія утвердилось лишь подъ вліяніемъ учениковъ Ньютона въ первыя десятилѣтія 18-го вѣка, то слѣдовательно достаточно было пространства времени приблизительно въ 50 лѣтъ, чтобы совершенно преобразовать древнее понятіе атомовъ, такъ что Дальтонъ это преобразованіе уже нашелъ вполнѣ совершившимся. И *одинаковость* самыхъ малыхъ частицъ всякаго однороднаго вещества, пунктъ, строгое утвержденіе котораго уже принадлежитъ къ особеннымъ заслугамъ Дальтона, есть въ сущности только послѣдствіе такого же большаго переворота въ физиче-

---

[14]) *Dalton*, New system of chemical philosophy 1, 2 ed. London, 1842, p. 141 u. f. und. 143 u. f.—Срав. *Коппъ*, Gesch. d. Wissensch. in Deutschland; Entwickel. der Chemie, München 1873, S. 286, гдѣ однако недостаточно обращено вниманія на то, что для средней части болѣе длиннаго мѣста, т. е. для утвержденія одинаковости атомовъ въ однородныхъ тѣлахъ, замѣчаніе, что это такъ общепринято, не имѣетъ значенія.—*Weihrich*, Ansichten der neueren Chemie. S. 7, говоритъ, что мнѣніе отъ одинаковости атомовъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ и ихъ различіе въ различныхъ тѣлахъ повидимому принадлежитъ барону фонъ-*Гольбаху*, но обязано своимъ началомъ *Анаксагору*; въ дѣйствительности же ни Гольбахъ съ Анаксагоромъ, ни Дальтонъ съ Гольбахомъ не такъ согласны, чтобы можно было здѣсь видѣть нить традиціи.

скихъ основныхъ воззрѣніяхъ; ибо, если атомы не касаются болѣе другъ друга непосредственно, то не было причины для принимания различныхъ формъ, цѣпляющихся одна за другую посредствомъ своихъ неровностей и зубцовъ.

„Сродство", которое у Дальтона есть ничто иное, какъ общая сила притяженія въ ея особенномъ химическомъ способѣ явленія, было первоначально чисто схоластическое качество, принадлежавшее къ любимому аппарату алхимиковъ [15]). Поэтому оно съ распространеніемъ механическаго міровоззрѣнія, подобно другимъ такимъ понятіямъ, должно бы было быть просто устранено, если бы ему не пришелъ на помощь трансцендентный поворотъ въ ученіи о тяготѣніи [16]). Ньютонъ и для мельчайшихъ частицъ вѣсомой матеріи принималъ притягательныя силы. Конечно, оставляя въ виду объясненіе со временемъ этого притяженія изъ движенія невѣсомой матеріи, онъ только потому говоритъ противъ тождества химизма и тяготѣнія, что онъ тамъ предполагаетъ другое отношеніе для зависимости силы отъ разстоянія, чѣмъ здѣсь. Въ началѣ 18-го столѣтія уже шли по вѣрному пути. *Бюффонъ* считалъ тождественнымъ химическое притяженіе и тяготѣніе. *Боэргавъ*, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ умовъ столѣтія, возвратился къ *φιλία* Эмпедокла и прямо утверждалъ, что химическіе процессы вызываются *не механическимъ толчкомъ*, но *стремленіемъ къ соединенію*—такъ онъ объясняетъ выраженіе „amicitia". При этихъ обстоятельствахъ осмѣлилась опять показаться и affinitas схоластиковъ. Только конечно нужно было оставить этимологическое значеніе выраженія. „Сродство" сталось простымъ названіемъ, ибо на мѣсто наклонности, основанной на однородности, явилось напротивъ стремленіе къ соединенію, которое казалось основывалось на *противоположности*.

„Въ началѣ 18-го столѣтія, говоритъ *Коппъ*, еще многіе, въ особенности

[15]) *Kopp*, Gesch. d. Chemie II, S. 286 u. ff. опровергаетъ мнѣніе, что выраженіе «affinitas» введено въ химію лишь въ 1696 г. *Бархузеномъ*. Онъ доказываетъ, что оно встрѣчается отчасти у многихъ писателей съ 1648 (Глауберъ), отчасти уже у Альберта Великаго въ напечатанной въ 1518 г. книгѣ «De rebus metallicis». Здѣсь можно еще упомянуть, что выраженіе «affinis» въ химическомъ смыслѣ находится уже въ энциклопедіи *Алстедта* (1630) р. 2276, а слѣдовательно и во всякомъ случаѣ въ источникахъ, которыми пользовался этотъ компиляторъ. Въ алхимическомъ происхожденіи *понятія* не можетъ быть никакого сомнѣнія.

[16]) Мы можемъ здѣсь сослаться на примѣръ *Бойля*, который въ своихъ первыхъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ «Chemista scepticus» употребляетъ еще понятіе сродства (сравн. Kopp, Gesch. d. Chemie II, S. 288), тогда какъ въ приведенномъ выше (примѣч. 13) сочиненіи о происхожденіи качествъ и формъ, гдѣ онъ присвоилъ себѣ теорію Гассенди (сравн. Gesch. d. Mat. 1. S. 257 и относящіяся сюда примѣчанія), избѣгаетъ этого выраженія.

физики того времени, возставали противъ этого выраженія, со страхомъ видя въ употребленіи его признаніе новой vis occulta. Во Франціи въ особенности господствовала въ то время нелюбовь къ выраженію „affinitas", и Ст. Ф. Жофруа, въ то время (1718 г. и позднѣе) одинъ изъ самыхъ значительныхъ авторитетовъ, уклонялся отъ его употребленія относительно химическаго сродства; вмѣсто того, чтобы сказать: два соединенныя вещества разлагаются, когда къ нимъ прибавляется третье, которое имѣетъ болѣе сродства къ одному изъ нихъ, чѣмъ они между собой, онъ выражается такъ: когда оно къ одному изъ нихъ имѣетъ болѣе *rapport*" [17]). Такимъ образомъ не только является во время слово, гдѣ недостаетъ понятій, но и тамъ, гдѣ слишкомъ много понятій. Фактически въ обоихъ выраженіяхъ нѣтъ ничего, кромѣ субстанцированія простаго процесса. Болѣе блѣдное выраженіе возбуждаетъ менѣе мѣшающихъ побочныхъ представленій, чѣмъ ярко цвѣтное. Это могло бы способствовать къ устраненію заблужденій, если бы вообще понятія и имена были такъ опасны для методической науки. Опытъ, который исторія наукъ сдѣлала съ понятіемъ сродства, показываетъ, что опасность не такъ велика, если фактическое изслѣдованіе идетъ по строгому пути. Vis occulta теряетъ свои мистическія чары и сама собой нисходитъ на степень простаго собирательнаго общаго понятія для нѣкотораго класса точно наблюденныхъ и строго ограниченныхъ явленій. До сихъ поръ слѣдовательно все превращеніе древняго понятія объ атомахъ есть ничто иное, какъ одно большое послѣдствіе преобразованныхъ закономъ тяготѣнія основныхъ воззрѣній механики; понятіе сродства также примыкаетъ служебно къ этому новому кругу представленій, не принося съ собой для сущности силы и вещества никакого дѣйствительно новаго принципа. Лишь тогда химическій опытъ прямо касается представленія о сущности матеріи, когда *Дальтонъ* установляетъ свою теорію *атомныхъ вѣсовъ*.

Ходъ мысли, которымъ Дальтонъ доходитъ къ богатому послѣдствіями понятію атомныхъ вѣсовъ, въ высшей степени ясенъ и простъ. Своими изученіями онъ, подобно нѣмецкому химику *Рихтеру* [18]), былъ приведенъ къ положенію, что химическія соединенія происходятъ въ опредѣленныхъ, очень простыхъ численныхъ отношеніяхъ. Но, тогда какъ Рихтеръ отъ наблюденія тотчасъ перешелъ къ самому общему пониманію дѣла: а именно, что всѣ процессы природы подчинены мѣрѣ, числу и вѣсу, Дальтонъ стремился получить *наглядное представленіе* того, на чемъ основаны эти простыя числа вѣсовъ сое-

[17]) Gesch. d. Chemie II, S. 290.

[18]) Подробно говоритъ о *Рихтерѣ* и его открытіяхъ *Kopp*, Entwickelung der Chemie, въ Gesch. d. Wissensch. in Deutsch. München. 1873. S. 252 u. ff.

диненія, и здѣсь ему на полпути встрѣтилась атомистика. Поэтому онъ даже прямо говоритъ, что при объясненіи химическихъ процессовъ дѣло только въ томъ, чтобы изъ общепринятой атомистики выводить *вѣрныя слѣдствія*. Если атомистика справедлива, то эту бросающуюся въ глаза правильность въ вѣсахъ соединенія нельзя себѣ представить наглядно иначе, какъ посредствомъ соотвѣтственной группировки атомовъ. Если себѣ представить химическое соединеніе такимъ образомъ, что постоянно атомъ однаго вещества ціи соединяется съ атомомъ другаго вещества, или же съ двумя и т. д., то правильность въ вѣсахъ соединенія совершенно объясняется и дѣлается наглядною. Но тогда непосредственно выходитъ, что причина *разницы вѣса* соединяющихся массъ должна заключаться *въ отдѣльныхъ атомахъ*. Если бы возможно было опредѣлить абсолютный вѣсъ атома, то мы получили бы вѣсъ опредѣленнаго количества тѣла, помноживши вѣсъ атома на число атомовъ, или на оборотъ: можно бы изъ вѣса атома и вѣса данной массы простымъ дѣленіемъ вывести число атомовъ, содержащихся въ этой массѣ.

Въ методическомъ, также какъ и въ познавательно-теоретическомъ отношеніи интересно видѣть, какъ *строго чувственный* способъ представленія Дальтона тотчасъ принимался, тогда какъ болѣе умозрительная мысль Рихтера скорѣй мѣшала распространенію его въ высшей степени значительныхъ открытій. Нигдѣ такъ ясно, какъ въ исторіи нашей новой химіи, не видно, какъ чувственное воззрѣніе, составляющее необходимую потребность для нашего оріентированія въ явленіяхъ, опять и опять заявляетъ свои права и почти всегда достигаетъ блестящихъ успѣховъ, хотя и часто уже было видно, что всѣ эти способы представленія суть только вспомогательныя средства для полнаго установленія причинной связи, и что всякая попытка находить въ нихъ рѣшительное познаніе строенія матеріи тотчасъ разбивается о новыя требованія, которыя принуждаютъ насъ снова возводить зданіе такихъ воззрѣній съ самаго основанія.

Уже вскорѣ послѣ рѣшительной побѣды теоріи атомовъ Дальтона, новыми открытіями и соображеніями было положено основаніе къ значительному преобразованію взглядовъ, которое, однако же, лишь послѣ долговременнаго непризнаванія вошло въ силу. Открытіе *Гей-Люссакка* (1808), что различные *газы* при одинаковомъ давленіи и одинаковой температурѣ соединяются въ *простыхъ отношеніяхъ объема* и что объемъ такого соединенія находится въ очень простомъ отношеніи къ объему его составныхъ частей, должно было вновь вызвать остроуміе теоретиковъ, такъ же какъ прежде открытіе правильности въ вѣсахъ соединенія; и тѣмъ же самымъ путемъ, какъ тогда Дальтонъ, а именно отыскиваніемъ *чувственно нагляднаго способа*

представленія причины этого факта, дошелъ *Авогадро* до своей важной *молекулярной теоріи*. Онъ нашелъ (1811), что равномѣрность отношенія всѣхъ газовъ къ давленію и температурѣ и въ химическомъ соединеніи не можетъ быть объяснена иначе, какъ предположеніемъ, что число малѣйшихъ частицъ въ одинаковомъ объемѣ различныхъ газовъ (при одинаковомъ давленіи и одинаковой температурѣ) *одно и тоже*. Но чтобы возможно было провести это воззрѣніе безъ противорѣчія, онъ долженъ былъ принять не только для составныхъ газовъ соединеніе нѣсколькихъ атомовъ въ малѣйшихъ ихъ частицахъ, но и эти частицы *простыхъ* газовъ должны были быть по крайней мѣрѣ отчасти соединеніями нѣсколькихъ атомовъ [19]). Такимъ образомъ *молекюлы* во многихъ отношеніяхъ заняли мѣсто атомовъ; только они были не просты и составлены изъ атомовъ. Малѣйшія частицы химически опредѣленнаго тѣла стали теперь молекюлями; напротивъ, самыя малѣйшія частицы матеріи вообще—атомами. Только при химическихъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ атомы какъ бы выступаютъ самостоятельно, измѣняя свое мѣсто и группируясь въ молекюли измѣненнаго состава.

Гипотеза Авогадро не могла получить силы рядомъ съ блестящимъ успѣхомъ, который въ это время сдѣлало знаніе химическихъ фактовъ. *Берцеліусъ* взялся за теорію Дальтона и дополнилъ ее предположеніемъ, что въ *электрическомъ* состояніи атомовъ слѣдуетъ искать причины ихъ различнаго сродства. На этой теоріи долгое время можно было успокоиться, и все рвеніе изслѣдователей обратилось къ анализу. Съ быстротою вихря молодая наука завоевала себѣ уваженіе естествоиспытателей и почтеніе промышленниковъ. Она стала могуществомъ, тогда какъ ея основанія были еще настолько сомнительны, что выдающіеся химики могли сомнѣваться, были ли они вправѣ для области своей дѣятельности употреблять названіе науки.

Первыя открытія съ принципіальнымъ значеніемъ не могли еще поколебать развивающійся догматизмъ электрохимической теоріи. *Дюлонгъ* и *Пети* нашли въ 1819 г., что для простыхъ тѣлъ удѣльная теплота обратно пропорціональна вѣсу атомовъ: открытіе, судьба котораго представляетъ намъ образецъ того, чему подвергается эмпирическій законъ, который еще не возведенъ на степень истиннаго закона природы. Противорѣчіе, удерживаніе слишкомъ бросающагося въ глаза, никакимъ случаемъ необъяснимаго ядра, преобразованія и вспомогательныя гипотезы всякаго рода сопровождали это ученіе, при-

[19]) О гипотезѣ *Авогадро* сравн. *Лотаръ Мейеръ*, Die modernen Theorien der Chemie und ihre Bedeutung für die chemische Statik, 2. Aufl. Breslau 1872, S. 20 u. ff.—Далѣе: *Вейрихъ*, Ansichten der neueren Chemie. Mainz 1872, S. 8 u. ff.

чемъ всетаки не достигалось хорошаго пониманія внутренняго основанія странной, по полной значенія связи. То обстоятельство, что *атомные вѣса* здѣсь впервые изъ своей грубой фактичности были приведены въ нѣкоторую связь съ другими качествами матеріи, обращало на себя мало вниманія, пока не чувствовалось серьезнаго недостатка господствующей теоріи. Открытіе *Мичерлихомъ изоморфизма* (1819) казалось обнаруживало нѣкоторыя черты расположенія атомовъ, но въ сущности оно было разсматриваемо только какъ желанное подтвержденіе общепринятой атомистической теоріи. Но когда далѣе было открыто, что вещества, имѣющія одинаковыя составныя части, являются въ совершенно различныхъ кристаллическихъ формахъ (*диморфизмъ*), когда нашли, что существуютъ тѣла, которыя во всѣхъ своихъ химическихъ и физическихъ свойствахъ, даже въ удѣльномъ вѣсѣ газовъ, различны, тогда какъ онѣ состоятъ изъ равныхъ количествъ одинаковыхъ элементовъ (*изомерія*), тогда увидѣли себя вынужденными искать убѣжища въ перестановкѣ и различномъ группированіи атомовъ, не имѣя еще опредѣленнаго принципа для этихъ комбинацій. Быстрое развитіе *органической химіи* привело вскорѣ къ такому накопленію этихъ смѣлыхъ комбинацій, что трезвымъ изслѣдователямъ стало душно.

Къ этому присоединилось еще, что несостоятельность электрохимической теоріи все яснѣе и яснѣе выступала съ прогрессомъ науки. Періодъ сомнѣнія и колебанія былъ неизбѣженъ. *Теорія типовъ*, которая въ улучшенномъ видѣ повела къ тому, что представленія о группированіи атомовъ въ молекулахъ стали наконецъ на твердую почву, начала съ того, что отвергла всѣ умозрѣнія о строеніи матеріи и придерживалась чисто факта, что въ тѣлѣ извѣстнаго типа могутъ произойти замѣщенія одного элемента другимъ по извѣстнымъ правиламъ. *Либихъ*, въ знаменитомъ разсужденіи о составѣ органическихъ кислотъ (1838), сказалъ: „ничего неизвѣстно относительно состоянія, въ которомъ находятся элементы двухъ сложныхъ тѣлъ, какъ скоро онѣ соединились химически, и представленіе о группировкѣ элементовъ въ соединеніи основано только на соглашеніи, которое при господствующемъ взглядѣ освящено привычкой“ [20]). Еще болѣе скептически выразился Шенбейнъ въ статьѣ „Album von Combe-Varin“: „Гдѣ нѣтъ понятій, тамъ во время является слово, и безъ сомнѣнія, въ особенности въ химіи молекюлами и ихъ группированіемъ, со временъ Картезія, жестоко злоупотребляли въ той увѣренности, что можно объяснять посредствомъ подобной игры воображенія еще весьма темныя для насъ явленія и обмануть разумъ“.

[20]) *Kopp*, Entwickelung der Chemie, S. 597.

Въ дѣйствительности игра воображенія, конечно, служитъ не для того, чтобы обманывать разумъ, но скорѣе руководить и поддерживать его, въ силу того правила, глубоко основаннаго на теоріи познанія, что только строгое проведеніе чувственной наглядности въ состояніи оберегать наше познаніе отъ гораздо болѣе опасной *игры словами*. Строго проведенное воззрѣніе часто служитъ, если даже оно матеріально ложно, образомъ и временною замѣною правильнаго воззрѣнія, и оно будетъ постоянно держаться въ извѣстныхъ границахъ законами нашей чувственности, которые находятся въ нѣкоторой связи съ законами объективнаго міра явленій; какъ скоро, напротивъ, пускаютъ въ дѣло слова, которымъ не соотвѣтствуютъ даже ясныя понятія, а не только воззрѣнія, то тутъ конецъ всякому здравому познанію, и родятся взгляды, которые не имѣютъ даже значенія ступеней къ чему нибудь вѣрному, но абсолютно должны быть устраняемы.

Слѣдовательно, пользованіе силою воображенія для приведенія въ порядокъ нашихъ мыслей о матеріальныхъ процессахъ въ дѣйствительности *болѣе, чѣмъ простая игра*, даже тогда, когда, какъ въ этотъ періодъ химіи, общее колебаніе производило еще впечатлѣніе неувѣренности. Но и на оборотъ, даже тогда, когда прекращается эта неувѣренность, когда установился твердый, общеупотребительный и уже достаточно вѣрно ведущій путь, оно еще далеко не даетъ намъ залога дѣйствительности нашихъ предположеній.

Съ образцовой ясностью *Кекюле* пытался въ своемъ учебникѣ органической химіи (1861) вызвать въ сознаніи химиковъ границу между гипотезой и фактомъ. Онъ показываетъ, что *пропорціональныя числа* имѣютъ значеніе *факта*, и что, конечно, буквы химическихъ формулъ могутъ быть разсматриваемы, какъ простое выраженіе этого факта. „Но если придавать буквамъ формулъ другое значеніе, если ихъ разсматривать какъ выраженіе атомовъ и вѣса атомовъ элементовъ, какъ это теперь дѣлается по большей части, то возникаетъ вопросъ: какъ велики или какъ тяжелы (относительно) атомы? Такъ какъ атомы не могутъ быть ни измѣрены, ни взвѣшены, то очевидно, *что лишь соображеніе и умозрѣніе можетъ повести къ гипотетическому принятію опредѣленныхъ атомныхъ вѣсовъ*“.

Но прежде однако, чѣмъ мы разсмотримъ, какъ судитъ о матеріи новый періодъ химіи, который опять съ полною увѣренностью слѣдуетъ нѣкоторой весьма развитой теоріи, пора бросить взглядъ на мнѣнія *математиковъ* и *физиковъ*.

Что и новѣйшая физика должна была основываться на теоріи атомовъ, самой собой вытекаетъ изъ историческаго развитія. Вѣдь Гассенди, Декартъ, Гоббсъ и Ньютонъ исходили изъ физическаго міровоззрѣнія, а у Бойля, и даже

еще у Дальтона, физическое и химическое изслѣдованіе идутъ рука объ руку. Пути физики и химіи стали однако расходиться въ той мѣрѣ, въ какой математическій анализъ могъ завладѣть физикой, тогда какъ факты химіи оставались ему пока недоступными.

Почти одновременно съ дальтоновской химической теоріей атомовъ проложила себѣ путь въ оптикѣ долго не признаваемая теорія *волненія*, съ большимъ трудомъ, благодаря предубѣжденію, державшемуся за истеченіе свѣтовой матеріи. Опредѣленіе *Юнгомъ* чиселъ колебанія различныхъ цвѣтовъ приходится на 1801 г.; *Френель* получилъ въ 1819 году премію отъ парижской академіи за свое сочиненіе объ уклоненіи диффракціи свѣта. Съ тѣхъ поръ теорія свѣта все болѣе и болѣе становилась *механикою эфирныхъ атомовъ*; но понятіе объ атомѣ должно было подвергнуться всѣмъ превратностямъ, которыя повлекла за собой потребность въ вычисленіи. Самое сильное изъ этихъ превратностей— хотя въ сущности только послѣднее слѣдствіе транцендентнаго ученія о тяготѣніи—было то, *что у атомовъ отнималось всякое протяженіе*. Уже въ серединѣ 18-го столѣтія іезуитъ *Босковичъ* пришелъ къ этой мысли [21]). Онъ нашелъ въ ученіи объ ударѣ атомовъ противорѣчія, которыя только тѣмъ могли быть разрѣшены, что дѣйствія, приписываемыя обыкновенно столкновенію матеріальныхъ частицъ, происходятъ изъ *репульсивныхъ силъ*, исходящихъ отъ пространственно опредѣленныхъ, но не протяженныхъ точекъ. Эти точки разсматриваются, какъ элементарныя составныя части матеріи. Физики, которые придерживаются этаго направленія, называютъ ихъ „простыми атомами".

Какъ ни хорошо Босковичъ развилъ эту теорію, она все же только въ нашемъ столѣтіи нашла значительное сочувствіе; въ особенности въ кружкахъ *французскихъ* физиковъ, которые занимались механикой атомовъ. Въ самомъ дѣлѣ, строгій умъ французскихъ изслѣдовалей вскорѣ долженъ былъ открыть, что въ мірѣ современной механики атомъ какъ протяженная частичка массы играетъ совершенно лишнюю роль. Съ тѣхъ поръ, какъ атомы перестали непосредственно дѣйствовать другъ на друга своей тѣлесной массой, какъ это было у Гассенди и Бойля, а стали дѣйствовать силами притяженія и отталкиванія, которыя, какъ между свѣтилами, распространялись въ пустомъ пространствѣ, самъ атомъ сталъ простымъ носителемъ этихъ силъ, въ которомъ не было ничего существеннаго, — кромѣ голой субстанціальности, — что не получало бы своего полнаго выраженія именно въ силахъ. Вѣдь всякое дѣйствіе, даже дѣйствіе на наши чувства, посредствуется нечувственною, построяемою въ пустомъ пространствѣ силою. Маленькое тѣльце стало пустымъ преданіемъ. Его удерживали только ради сходства съ большими тѣлами, которыя мы видимъ и можемъ осязать. Эта осязаемость казалось должна быть присуща и элементамъ чувственнаго, какъ она присуща дѣйствительно чувственному. Но, разсматривая дѣло строго, осязаніе и схватываніе, неговоря уже о зрѣніи и слухѣ, по механикѣ, основанной на ученіи о тяготѣніи, производится вѣдь не посредствомъ прямаго вещественнаго прикосновенія, а именно этими совершенно нечувственными силами. Наши матеріалисты твердо держатся чувственныхъ частичекъ вещества именно *потому*, что для нечувственной силы *хотятъ* оставить еще чувственный субстратъ. О такихъ потребностяхъ ума не могли заботиться французскіе физики. Естественнонаучныхъ основаній для протяженія атомовъ, повидимому, не существуетъ; къ чему же продолжать таскать безполезное понятіе?

[21]) *Fechner*, Atomenlehre, 2. Aufl., Leipzig 1864, S. 229 u. ff.

Гей-Люссакъ понималъ атомы по аналогіи безконечно—малой величины дифференціала, какъ безконечно малые въ сравненіи съ тѣлами, которыя состоятъ изъ нихъ. *Амперъ* и *Коши* считали атомы неимѣющими въ строжайшемъ смыслѣ никакого протяженія. Подобный же взглядъ высказалъ *Сегенъ* и съ нимъ соглашался *Муаньо* и только предпочиталъ вмѣстѣ съ *Фарадеемъ* непротяженному тѣлу простые центры силъ.

Такимъ образомъ, мы простымъ развитіемъ атомистики были приведены къ динамическому пониманію природы и притомъ не посредствомъ умозрительной философіи, но посредствомъ положительныхъ наукъ.

Для мирнаго наблюдателя представляетъ особенную прелесть, когда онъ видитъ, какъ остроумный натурфилософъ и физикъ, которому мы обязаны вышеприведенными замѣтками объ Амперѣ, Коши, Сегенѣ и Муаньо [22]), самъ становится на сторону атомистики. *Фехнеръ*, бывшій прежде ученикомъ Шеллинга, авторъ мистической и миѳической Зендъ-Авесты, Фехнеръ, который самъ живой примѣръ того, что даже мечтательная философія не всегда убиваетъ духъ истиннаго изслѣдованія, употребилъ именно свое *ученіе объ атомахъ* для того, чтобы написать отказъ философіи, сравнительно съ которымъ даже выраженія Бюхнера могутъ показаться еще до нѣкоторой степени лестными. Онъ при этомъ очевидно смѣшиваетъ философію вообще съ тѣмъ родомъ философіи, черезъ который онъ самъ прошелъ. Всѣ остроумныя замѣчанія Фехнера, многочисленные, съ большою изобрѣтательностью созданные образы и сравненія, остроумные аргументы сводятся въ заключеніе только къ тому, что Фехнеръ ищетъ всякаго философа въ томъ углу, въ которомъ самъ сидѣлъ.

[22]) *Fechner*, Atomenlehre, 2. Aufl., S. 231 u. ff.

Вообще весь споръ между философіей и физикою, какъ его Фехнеръ понимаетъ, собственно есть *анахронизмъ*. Гдѣ нынѣ найти философію, которая осмѣлилась бы съ серьезнымъ намѣреніемъ запрещать физикамъ ихъ атомистику? Мы здѣсь совсѣмъ оставляемъ въ сторонѣ, что „простые" атомы Фехнера въ сущности вовсе не атомы, что построеніе міра изъ центровъ силъ безъ всякаго протяженія, строго говоря, нужно причислить къ *динамическимъ* взглядамъ. И относительно того динамизма, который исходитъ изъ отрицанія пустаго пространства, Фехнеръ дѣлаетъ такія уступки, что не философія, а развѣ близорукое высокомѣріе можетъ не заключить здѣсь спокойно мира, насколько дѣло касается отношенія философіи къ физикѣ.

Фехнеръ не только отказывается отъ недѣлимости атомовъ и въ концѣ концевъ и отъ ихъ протяженности, но онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что физикъ не осмѣлится даже утверждать, „что пространство между его атомами абсолютно пустое, что между ними не распространено еще тонкое непрерывное вещество, которое только не имѣетъ вліянія на явленія, доступныя его обсужденію". „Физикъ не говоритъ о такихъ возможностяхъ, которыя для него безразличны, такъ какъ не служатъ ему ни къ чему. Но если онѣ могутъ понадобиться философу, то отъ него зависитъ употребить ихъ въ дѣло. И онѣ сослужили бы не маловажную службу, если бы въ силу ихъ онъ былъ въ состояніи войти въ сношенія съ положительными науками. Физику атомы требуются *прежде* всего, а не *послѣ* всего. Если философъ уступаетъ физику его атомы прежде всего, то тотъ ему охотно можетъ уступить свое наполненіе пространства послѣ всего. Одно другому не противорѣчитъ" [23]).

Конечно нѣтъ! Пока эти двѣ области раздѣляются съ такой строгостью, страненъ былъ бы тотъ философъ (какихъ мы въ Германіи впрочемъ всегда имѣемъ), который у физика захотѣлъ бы отнять *ближайшее*, т. е. техническое употребленіе атомистики. Такое оспариваніе не имѣло бы никакого логическаго—а слѣдовательно, нужно надѣяться, и философскаго смысла, развѣ если философъ самъ станетъ физикомъ и посредствомъ опытовъ и дифференціальныхъ уравненій покажетъ, какъ можно сдѣлать лучше. Простое утвержденіе: такъ должно быть лучше, потому что это раціонально, несмотря на притязаніе, содержащееся въ немъ, еще не можетъ оспаривать ближайшее употребленіе атомистики; потому что философъ, постулирующій физику, согласную съ своими принципами, этимъ еще не можетъ отрицать, что тотъ способъ, которымъ дѣло дѣлается, въ дѣйствительности покамѣстъ другой, и этотъ способъ имѣетъ свои права уже по своимъ успѣхамъ. Нужно умѣть или дѣлать лучше, или спокойно глядѣть, какъ дѣло дѣлается; потому что техникъ, хотя бы онъ послѣдовательно оставался на указанной Фехнеромъ точкѣ зрѣнія, не будетъ этимъ ни мало отрицать, что его трудъ можетъ быть позднѣе будетъ совершаться одинаково хорошо, если не лучше, на основаніи другихъ принциповъ. Но ему нѣтъ дѣла до этой возможности, пока не появится на его успѣшномъ пути ничего такого, что́ бы принудило его объективнымъ образомъ пойти по другому пути.

[23]) *Atomenlehre*, 2. Aufl., S. 76 u. 77.

Но Фехнеръ самъ остается ли въ своей атомистикѣ на точкѣ зрѣнія физика? Отнюдь нѣтъ! Вышеприведенное мѣсто взято изъ первой части его сочиненія, въ которой онъ излагаетъ физическое ученіе объ атомахъ такъ, какъ оно повсюду излагается въ точныхъ наукахъ. Свой собственный взглядъ о „простыхъ" атомахъ онъ самъ причисляетъ напротивъ къ „философской" атомистикѣ. Преимущество своей точки зрѣнія онъ видитъ только въ томъ, что здѣсь атомистика физиковъ какъ бы переходитъ въ философію и въ своихъ самыхъ крайнихъ выводахъ какъ бы получаетъ философскую окраску, тогда какъ оспариваемый имъ взглядъ „философовъ" находится въ противорѣчіи съ эмпирическимъ изслѣдованіемъ. Слѣдовательно, мы здѣсь имѣемъ, въ этомъ пунктѣ, совершенно какъ у Бюхнера, міровоззрѣніе, произросшее на почвѣ изслѣдованія природы, которое всей „философіи" объявляетъ войну, и въ тоже время выдаетъ само себя за философію. Загадка разрѣшается, если мы примемъ, что это есть философія *профессора физики*, которая здѣсь возстаетъ противъ философіи *профессора метафизики*—споръ, до котораго намъ нѣтъ никакого дѣла, такъ какъ мы не признаемъ подобной цеховой философіи и не придаемъ ей никакого научнаго значенія, хотя она и встрѣчается у насъ въ настоящее время.

Философъ Фехнеръ очень легко мирится съ физикомъ Фехнеромъ, если тотъ нуждается въ протяженныхъ массивныхъ частичкахъ: тогда протяженныя частички такъ же, какъ и молекулы химиковъ, сами суть составныя тѣла. Дѣйствительно и въ физикѣ, такъ же какъ и въ химіи, существуютъ еще эмпирическія основанія, которыя не допускаютъ сводить видимыя тѣла безъ всякихъ посредствующихъ степеней прямо на непротяженныя центры силъ. *Редтенбахеръ*, который въ математической теоріи молекулярныхъ движеній имѣетъ большія заслуги, строитъ свои молекулы изъ „Динамидовъ". Онъ понимаетъ подъ этимъ тѣлесные, одаренные тяжестью и протяженные атомы, которые окружены атмосферой отдѣльныхъ, обладающихъ отталкивающею силою частичекъ эфира. Слѣдовательно, по отношенію къ этимъ послѣднимъ, атомъ тѣла должно представлять не только протяженнымъ, но даже чрезмѣрно большимъ. Причина, которая заставляетъ его отвергнуть точечные атомы Коши,

заключается въ необходимости принимать для колебаній тѣлесныхъ атомовъ въ различныхъ направленіямъ различную упругость.

„Такъ какъ мы предполагаемъ систему динамидовъ съ осями упругости, то мы необходимо должны разсматривать атомы, какъ маленькія тѣла опредѣленной, хотя неизвѣстной формы, ибо только когда атомы имѣютъ осевую форму, а не суть лишь простыя точки или шарики, можетъ существовать состояніе равновѣсія, неодинаковая упругость въ различныхъ направленіяхъ. Коши кладетъ въ основаніе своихъ изслѣдованій среду, состоящую изъ тѣлесныхъ точекъ, но принимаетъ однако, что упругость вокругъ каждой точки въ различныхъ направленіяхъ—различна. Это есть противорѣчіе, невозможность, а потому слабая сторона теоріи Коши“ [24]).

Но если мы хотимъ избѣжать мало удовлетворяющаго наше пониманіе предположенія, что существуютъ тѣла, которые по отношенію къ другимъ (частичкамъ эфира) безконечно велики и все же совершенно недѣлимы, то опять представляется простой исходъ принимать атомъ тѣла, образующій зерно динамида только *относительно* недѣлимымъ, насколько это требуется нашимъ опытомъ и нашимъ вычисленіемъ. Пусть онъ тогда имѣетъ осевую форму и пусть онъ будетъ составленъ изъ безконечно многихъ и безконечно меньшихъ податомовъ подобной же формы. Это предположеніе можетъ, не требуя важнаго измѣненія, пройти черезъ всѣ вычисленія, сдѣланныя Редтенбахеромъ. Эта невинная метафизика не можетъ ни повести къ открытіямъ, ни помѣшать имъ. И если для удобства физика мы согласимся *разсматривать* относительно пустое пространство какъ абсолютно пустое, относительно нераздѣльное тѣло абсолютно нераздѣльнымъ, то все останется по старому; въ особенности, математикъ, который привыкъ выпускать изъ своего вычисленія высшія степени безконечно малой величины, не можетъ найти въ этомъ ничего предосудительнаго.

Но этому долженъ быть гдѣ нибудь конецъ, говоритъ здравый человѣческій смыслъ. Правда это самое приходится, однако, сказать при всякой безконечности. Наука ведетъ насъ къ понятію о безконечномъ; естественное чувство противится этому. На чемъ основано это сопротивленіе, трудно сказать. Кантъ приписалъ бы это стремленіямъ разума къ единству, которыя приходятъ въ противорѣчіе съ разсудкомъ. Но это только названіе для необъяснимаго факта. Человѣкъ не имѣетъ двухъ различныхъ органовъ, разсудка и разума, которые относились бы одинъ къ другому, какъ глазъ и ухо. Но достовѣрно то, что сужденіе и умозаключеніе ведутъ насъ постоянно отъ одного къ другому и

[24]) *Redtenbacher*, Das Dinamidensystem, Grundzüge einer mechanischen Physik, Mannheim 1857 (4), S. 95 u. ff.

наконецъ приводятъ къ безконечному, тогда какъ мы чувствуемъ потребность конца, которая и становится въ противорѣчіе съ безконечными выводами.

Бюхнеръ въ своемъ сочиненіи о Природѣ и Духѣ заставляетъ философствующаго Вильгельма, который конечно дуракъ, говорить объ идеѣ дѣлимости до безконечности. Августъ же, который немного смыслитъ въ естественныхъ наукахъ, отвѣчаетъ ему на это слѣдующимъ изрѣченіемъ оракула:

„Ты мучишься съ затрудненіями, которыя имѣютъ болѣе умозрительное, чѣмъ фактическое свойство“. (И это въ разговорѣ, который вполнѣ и совершенно умозрительнаго свойства). „Если мы не въ состояніи мысленно перенестись на послѣднее мѣсто, въ которомъ матерія перестаетъ быть дѣлимой, то она должна же гдѣ нибудь имѣть конецъ“. Дѣйствительно, нѣтъ ничего лучше крѣпкой вѣры! „Принимать безконечную дѣлимость нелѣпо; это все равно, что ничего не принимать и вообще сомнѣваться въ существованіи матеріи—существованіи, котораго наконецъ не въ состояніи отрицать съ успѣхомъ никакой безпристрастный человѣкъ“.

Мы не станемъ защищать Ампера противъ Бюхнера, особенно послѣ того какъ Бюхнеръ самъ въ „Силѣ и матеріи“ называетъ атомъ простымъ выраженіемъ и допускаетъ безконечность въ маломъ; мы скорѣе должны задать себѣ вопросъ, какимъ образомъ, при свѣтѣ нынѣшней физики, можетъ существовать такое понятіе матеріи, какое считаетъ необходимымъ Августъ Бюхнера. Физикъ, спеціалистъ, если даже принимаетъ протяженные атомы, не легко придетъ къ мысли поставить *существованіе* того, что мы въ жизни и наукѣ называемъ матеріей, въ зависимость отъ существованія протяженныхъ малѣйшихъ тѣлъ. Редтенбахеръ напр. видитъ слабую сторону Коши только въ его осяхъ упругости, а не въ дѣйствительности матеріи. Съ другой стороны, мы не должны отъ себя скрывать, что Августъ Бюхнера, какъ это вѣроятно и составляетъ цѣль автора, высказываетъ взгляды всѣхъ тѣхъ профановъ, которые болѣе или менѣе занимались этимъ вопросомъ. Но основаніе для этого заключается вѣроятно въ томъ, что трудно достаточно освободиться отъ чувственнаго представленія составныхъ, кажущихся компактными тѣлъ, какія намъ представляетъ наше чувство осязанія и наше зрѣніе. Физикъ спеціалистъ, по крайней мѣрѣ математическій физикъ, не можетъ сдѣлать въ наукѣ ни малѣйшаго шага, не освободясь отъ этихъ представленій. Все, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло, есть дѣйствіе силъ, для которыхъ вещество представляетъ субъектъ самъ по себѣ совершенно пустой. Но силу никакъ нельзя представить себѣ чувственно адэкватнымъ образомъ; мы прибѣгаемъ къ образамъ подобно тому, какъ къ линіямъ въ теоремахъ математики, никогда не смѣшивая этихъ образовъ съ понятіемъ силы. Какъ эта постоянная привычка къ отвлечен-

ному, духовному пониманію силы у спеціалиста легко переносится на понятіе вещества, это можетъ намъ показать еще примѣръ одного физика, имя котораго составляетъ особенное украшеніе нѣмецкой науки.

В. Веберъ говоритъ въ одномъ письмѣ къ Фехнеру [25]) слѣдующее:

„Нужно въ причинахъ движенія выдѣлить такую постоянную часть, чтобы остальное хотя и было перемѣннымъ, но чтобы его измѣненія могли быть мыслимы зависящими только отъ измѣримыхъ, пространственныхъ и временныхъ отношеній. Этимъ путемъ мы доходимъ до *понятія о массѣ, съ которымъ представленіе о пространственномъ протяженіи вовсе не необходимо связано*. Послѣдовательнымъ образомъ тогда и *величина* атомовъ въ атомистическомъ способѣ представленія вовсе не будетъ измѣряться *пространственнымъ протяженіемъ*, но ихъ массою т. е. *тѣмъ каждому атому присущимъ отношеніемъ, въ которомъ у этого атома находится сила къ ускоренію*. Понятіе о массѣ (подобно понятію объ атомахъ) поэтому также мало грубо и матеріалистично, какъ понятіе о силѣ, напротивъ можетъ быть признано совершенно равнымъ ему по тонкости и умственной ясности".

Съ этими умозрѣніями, которыя сущность массы и атома доводятъ до гипостазированнаго понятія, конечно, находятся въ особаго рода противоположности самыя новыя *ученія химіи*, достигшія такого блестящаго успѣха. Этими ученіями мы не должны пренебрегать, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь не о научной модѣ; химія своими господствующими теперь воззрѣніями впервые пришла въ состояніе *предсказывать* по условіямъ теоріи существованіе неизслѣдованныхъ еще тѣлъ и слѣдовательно поступать до нѣкоторой степени дедуктивно [26]). Рѣшающее понятіе этого новаго ученія есть понятіе о *значности* или „атомности" атомовъ.

---

[25]) *Fechner*, Atomenlehre, 2 Aufl. S. 88 u. ff.

[26]) Изъ принципа послѣдовательнаго введенія одного атома метиля на мѣсто атома водорода *Кольбе* выводилъ существованіе и химическое дѣйствіе еще неоткрытыхъ соединеній, и его предсказанія были блестящимъ образомъ оправданы болѣе поздними изслѣдованіями (*Weihrich*, Ansichten der neueren Chemie, S. 44). Что Кольбе тогда находился въ рѣзкой оппозиціи противъ теоріи типовъ, здѣсь все равно, такъ какъ его ученіе о замѣщеніи позднѣе слилось съ исправленной теоріей типовъ.—*Лотаръ Мейеръ*, Die modernen Theorien der Chemie (2 Aufl. 1872) обсуждаетъ между прочимъ въ §§ 181 и 182 умозрѣнія о существованіи и качествахъ еще неоткрыхъ элементовъ, и въ заключеніи втораго изданія (особенно стр. 360 и сл.) говоритъ о возможности, но и о сомнительности дедуктивныхъ пріемовъ въ химіи.

Изъ развитія теоріи типовъ и наблюденій надъ соединеніемъ элементовъ по ихъ объемамъ въ газообразномъ состояніи вытекло то замѣчаніе, что существуетъ классъ элементовъ, атомы которыхъ соединяются каждый только съ однимъ атомомъ другого элемента (типъ хлористый водородъ); другой классъ такихъ, каждый атомъ которыхъ можетъ присоединить къ себѣ два атома другого тѣла (типъ вода); третій (типъ аміакъ),—атомы которыхъ присоединяютъ къ себѣ три другихъ атома [27]). По этому свойству соотвѣтствующіе атомы назвали одно-, двухъ- и трехъ-атомными и получили въ этой классификаціи очень важную точку опоры для изслѣдованія, такъ какъ выяснилось, что субституціи, т. е. замѣщеніе каждаго атома въ молекулѣ другимъ, или нѣкоторымъ уже готовымъ соединеніемъ другихъ, могутъ быть расположены по принципу ихъ атомности и заранѣе опредѣлена ихъ возможность. Изъ простыхъ соединеній такимъ образомъ можно по правилу выводить все болѣе и болѣе сложныя, и было найдено множество органическихъ веществъ съ очень запутаннымъ строеніемъ, когда при попыткахъ полученія ихъ за правило былъ принятъ законъ количественности и происходящаго изъ него *сцѣпленія атомовъ*.

Тогда какъ прежде только въ силу факта изомеріи пришли къ тому, что качества тѣлъ не зависятъ абсолютно отъ количества и характера входящихъ въ нихъ элементовъ, но что различное размѣщеніе атомовъ должно имѣть свое вліяніе, такъ теперь способъ соединенія атомовъ въ молекулахъ сталъ главнымъ принципомъ изслѣдованія и объясненія фактовъ; въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ *углеродъ* оказался элементомъ съ *четырехатомными* атомами (типъ болотный газъ), и къ нему вскорѣ, по крайней мѣрѣ гипотетически, присоединены были еще пяти и шести-атомные атомы.

Методическій и познавательно-теоретическій интересъ представляетъ здѣсь еще странное колебаніе химиковъ между конкретно-чувственнымъ и отвлеченнымъ *пониманіемъ атомности*. Съ одной стороны боятся попасть въ ту темную область образовъ фантазіи, согласованіе которой съ дѣйствительностью врядъ ли можно считать даже проблематическимъ; съ другой стороны руководятся совершенно вѣрною наклонностью—ничего не принимать, что яснымъ образомъ, однимъ или даже нѣсколькими способами, не можетъ быть чувственно представлено; и такимъ образомъ говорятъ о „*пунктахъ сродства*" атомовъ, о „примыканіи" къ нимъ, о „занятыхъ" и еще

---

[27]) Срав. въ высшей степени ясное, понятное и профану развитіе того, что мы здѣсь только кратко могли указать въ *Hoffmann*'s Einleitung in die moderne Chemie, 5 Aufl., Brnnschw. 1871.

свободныхъ пунктахъ, какъ будто передъ нами пункты на протяженномъ и кристаллическомъ тѣлѣ атома, напр. въ видѣ полюсовъ магнетически дѣйствующей силы: въ то же время остерегаются отъ такихъ чувственныхъ представленій и называютъ пункты сродства простымъ словомъ для обозначенія фактовъ. *Кекюле* даже пытался вновь свести атомность атомовъ, оставляя совершенно въ сторонѣ точки сродства, на *„относительное число ударовъ, которые атомъ испытываетъ въ единицу времени отъ другихъ атомовъ"* [28]).

Эта гипотеза до сихъ поръ не нашла сочувствія, но атомы все же продолжаютъ получать удары. Здѣсь новая *теорія теплоты* замѣчательнымъ образомъ сошлась съ химіею. По *Клаузіусу* [29]) молекулы газовъ находятся въ прямолинейномъ движеніи, живая сила которыхъ пропорціональна температурѣ. Въ жидкомъ состояніи тѣлъ существуетъ увеличивающееся съ температурой движеніе молекулы, которое хотя достаточно сильно чтобы побороть притяженіе двухъ сосѣднихъ частичекъ, но не достаточно сильно, чтобы уничтожить и притяженіе всей массы; въ твердомъ состояніи наконецъ притяженіе сосѣднихъ частицъ перевѣшиваетъ импульсъ тепла, такъ что молекулы могутъ только въ узкихъ границахъ измѣнять свое относительное положеніе. Эта теорія, которая произошла изъ ученія о превращеніи тепла въ живую силу и на оборотъ, не требуетъ болѣе эѳира, для удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ задачъ ученія о теплотѣ. Она объясняетъ очень просто превращенія аггрегатнаго состоянія подъ вліяніемъ тепла; но она оставляетъ еще въ значительной темнотѣ состояніе твердыхъ тѣлъ, распространяетъ полусвѣтъ на состояніе жидкостей и только о состояніи совершенныхъ газовъ даетъ такой ясный образъ, что повидимому не многаго остается еще желать.

Слѣдовательно и въ томъ сходятся новѣйшія теоріи химиковъ и физиковъ, что и тѣ и другіе исходятъ изъ газообразнаго состоянія матеріи, какъ изъ самаго понятнаго, и отсюда пытаются проникнуть дальше [30]). Но здѣсь, въ совершенныхъ газахъ, старая *механика удара* какъ бы воскресла въ новомъ блескѣ. Общее притяженіе матеріи вмѣстѣ съ другими дѣйствующими только въ очень близкомъ растояніи молекулярными силами разсматриваются какъ изчезающія сравнительно съ прямолинейнымъ поступательнымъ тепловымъ движеніемъ, а оно продолжается до тѣхъ поръ, пока молекулы наталкиваются на другія молекулы или на твердыя стѣнки. При этомъ господствуютъ законы *упругаго удара* и молекулы ради простоты принимаются за шарообразныя, что конечно повидимому не совсѣмъ согласно съ требованіями химіи.

Мы оставимъ въ сторонѣ многочисленныя преимущества, которыя намъ доставляетъ новая теорія, представляя напр. естественное объясненіе для неправильностей Маріотова закона, для кажущихся исключеній изъ правила Авогадро и для многочисленныхъ родственныхъ этимъ трудностей. Для насъ прежде всего важно ближе разсмотрѣть выступающій здѣсь вновь принципъ *механическаго удара* молекулъ и атомовъ по отношенію къ вопросу о силѣ и веществѣ.

Именно здѣсь, повидимому, возстановлена исчезнувшая изъ механики со временъ Ньютона *наглядность*, и можно бы, если бы этимъ много выигралось, имѣть смѣлую надежду, что и удерживаемыя въ теоріи дѣйствія силъ на разстояніи раньше или позже исчезнутъ и подобнымъ же способомъ могутъ быть сведены на чувственно наглядный ударъ, какъ это случилось съ дѣйствіемъ тепла. Но конечно только *упругій* ударъ можетъ удовлетворить требованіямъ физики, а это представляетъ совершенно особый вопросъ. Правда, нельзя отрицать, что и древнимъ атомистикамъ, въ ихъ ученіи объ ударѣ атомовъ, преимущественно представлялся образъ упругихъ тѣлъ; но условія, при которыхъ они переносятъ свое движеніе другъ на друга, были имъ неизвѣстны, и различіе между ударомъ упругихъ и неупругихъ тѣлъ оставалось для нихъ темнымъ. Такъ какъ ихъ атомы были абсолютно *неизмѣнными*, то они не могли быть упругими, такъ что точная физика на первомъ порогѣ системы уже наталкивалась на противорѣчіе. Это противорѣчіе конечно не было такъ явно, какъ это намъ можетъ казаться нынѣ; ибо еще въ 17-мъ столѣтіи физики перваго разряда очень серьозно изслѣдовали посредствомъ эксперимента, испытываетъ ли упругій шаръ при ударѣ сплющиваніе и слѣдовательно сжатіе или нѣтъ [31]).

---

[28]) Vgl. *Weihrich*, Ans. d. n. Chemie, S. 38 u. f.

[29]) *Clausius*, Abhandlungen úber die mechanische Warmetheorie (urspr. in Poggend. Ann. erschienen), Braunschw. 1854 u. (2 Abth.) 1867; Abhandl. XIV (II, S. 229 u. ff.): О способѣ движенія, которое мы называемъ теплотою. Клаузіусъ называетъ тутъ своимъ ближайшимъ предшественникомъ *Кренига*, который въ своихъ «Grundzüge einer Theorie der Gase» исходилъ изъ существенно одинаковыхъ воззрѣній. Но въ одномъ примѣчаніи онъ сводитъ общую идею прогрессивнаго движенія молекулъ газовъ черезъ *Дан. Бернулли* и *Ле-Сажа* къ *Бойлю*, *Гассенди* и *Лукрецію*. Самъ Клаузіусъ пришелъ къ своей идеѣ безъ историческаго возбужденія; впрочемъ, содѣйствіе традиціи въ этомъ ряду несомнѣнно.

[30]) Самую замѣчательную попытку превратить на этомъ пути химію въ *механику атомовъ* содержитъ *Науманна* Grundriss der Thermochemie, Braunschweig, 1869. Въ этомъ весьма ясно написанномъ сочиненьицѣ мы находимъ самыя существенныя положенія клаузіусовой теоріи въ упрощенномъ, избѣгающемъ примѣненія высшей математики, изложеніи.

[31]) *Гюйгенсъ* излагаетъ въ своемъ сочиненіи de lumine, Opera Amstelod.

Въ настоящее время мы знаемъ, что никакая упругость не мыслима безъ измѣненія *относительнаго положенія частицъ* упругаго тѣла. Но отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что каждое упругое тѣло не только измѣнчиво, но и состоитъ изъ *отдѣльныхъ частицъ*. Послѣднее можно бы оспаривать по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ оспаривается вообще атомистика. Совершенно тѣ же основанія, которыя съ самаго начала повели къ разрѣшенію тѣлъ въ атомы, должны вести къ заключенію, что атомы, если они упруги сами, состоятъ опять изъ отдѣльныхъ частицъ, слѣдовательно изъ под-атомовъ. А эти податомы? Они или разрѣшаются въ простые центры силъ, или, если при нихъ опять играетъ какую либо роль упругій ударъ, они должны въ свою очередь состоять изъ податомовъ и мы имѣли бы тотъ же идущій въ безконечность процессъ, на которомъ разумъ такъ же мало можетъ успокоиться, какъ и не можетъ отъ него уклониться.

Поэтому въ самой атомистикѣ, тогда какъ она повидимому даетъ основаніе матеріализму, заключается уже принципъ, который разрѣшаетъ всякую матерію и тѣмъ отнимаетъ и у матеріализма его почву.

Наши матеріалисты сдѣлали конечно попытку оставить за матеріей ея мѣсто и ея достоинство, стараясь понятіе о силѣ строго подчинить понятію о матеріи; однако, если мы разсмотримъ эту попытку нѣсколько ближе, то вскорѣ увидимъ, какъ мало этимъ выигрывается для абсолютной субстанціальности матеріи.

Въ *молешоттовскомъ* „Круговоротѣ жизни" длинная глава имѣетъ надпись „сила и вещество". Эта глава содержитъ полемику противъ аристотелевскаго понятія силы, противъ телеологіи, противъ принимапія сверхъчувственной жизненной силы, и другія прекрасныя вещи; но нѣтъ ни одного

1728 I, p. 10 и сл. необходимость того, что для перенесенія движенія отъ одного упругаго тѣла на другое *требуется* время и замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: Nam inveni, quod ubi impuleram Globum ex vitro vel achate in frustum aliquod densum et grande eiusdem materiae, cuius superficies plana esset et halitu meo aut alio modo obscurata paululum, quædam maculae rotundæ supererant, maiores aut minores, prout maior aut minor ictus fuerat, unde manifestum est, corpora illa pauxillum cedere, deindeque se restituere; cui tempus impendant necesse est. Сочиненіе de lumine написано въ 1690 г., тогда какъ Гюйгенсъ основными чертами открытыхъ имъ законовъ упругаго удара обладалъ уже въ 1668 г. (Срав. Dühring, Princ. d. Mechanik, S. 163). Поэтому вовсе не невѣроятно, что Гюйгенсъ свои законы удара вывелъ изъ общихъ фороиомическихъ принциповъ, *прежде* чѣмъ онъ сдѣлалъ упомянутые здѣсь эксперименты. Это совершенно согласно со способомъ (см. *тамъ же* у Дюринга) обоснованія законовъ удара, которое опирается не на экспериментѣ, но на общихъ соображеніяхъ.

слова объ отношеніи простой силы притяженія или отталкиванія между двумя атомами къ самимъ атомамъ, которые мыслятся какъ носители этой силы. Мы слышимъ, что сила не есть толкающій богъ, но мы не слышимъ, какъ она дѣлаетъ, чтобы начиная отъ частички вещества черезъ пустое пространство вызвать движеніе въ другой частичкѣ. Въ сущности, мы получаемъ только миѳъ вмѣсто миѳа.

„Именно то свойство вещества, которое дѣлаетъ возможнымъ его движеніе, мы называемъ силой.—Основныя вещества обнаруживаютъ свои свойства только по отношенію къ другимъ. Но если они не достаточно близки, при надлежащихъ обстоятельствахъ, то они не обнаруживаютъ ни отталкиванія, ни притяженія. *Ясно—здѣсь не недостаетъ силы*, но она незамѣтна нашимъ чувствамъ, потому что нѣтъ случая къ движенію.—„*Гдѣ бы ни находился кислородъ, онъ обладаетъ сродствомъ къ кали*".

Здѣсь мы находимъ Молешотта по уши въ схоластикѣ; его „сродство" есть превосходнѣйшая qualitas occulta, какой только возможно требовать. Оно сидитъ въ кислородѣ, какъ человѣкъ съ руками. Если приблизится калій, руки сейчасъ его хватаютъ; если нѣтъ, то все же существуютъ руки и желаніе хватать калій. Разгулъ понятія возможности!

Бюхнеръ еще менѣе Молешотта вникаетъ въ отношеніе силы и вещества, хотя самое извѣстное свое сочиненіе озаглавилъ этими понятіями. Только мимоходомъ выставлено положеніе: „*Сила, которая не обнаруживается, не можетъ существовать*". Это по крайней мѣрѣ здравое воззрѣніе въ противоположность указанному олицетворенію человѣческаго отвлеченія у Молешотта. Самое лучшее, что Молешотъ говоритъ о силѣ и веществѣ, есть длинное мѣсто изъ предисловія Дю Буа Реймона къ его *изслѣдованіямъ животнаго электричества*: но именно самый ясный и самый важный отдѣлъ пропущенъ Молешоттомъ.

По случаю основательнаго анализа неясныхъ представленій о такъ называемой жизненной силѣ, Дю Буа Реймонъ приходитъ къ вопросу: что мы себѣ вообще представляемъ подъ именемъ „силы"? Онъ находитъ, что въ сущности нѣтъ ни силы, ни матеріи, что то и другое только отвлеченія отъ вещей, сдѣланныя съ различныхъ точекъ зрѣнія.

„Сила (насколько она мыслится какъ причина движенія) есть ничто иное, какъ замаскированное порожденіе непреодолимой склонности къ олицетворенію, которая намъ врождена, какъ бы реторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборотъ, потому что ему недостаетъ яснаго представленія для прямаго выраженія. Въ понятіяхъ о силѣ и веществѣ мы видимъ возвращеніе того же дуализма, который обнаруживается въ

представленіяхъ о богѣ и мірѣ, о душѣ и тѣлѣ. Это, въ утонченномъ видѣ, та же потребность, которая нѣкогда заставила людей населить рощи и источники, скалы, воздухъ и море созданіями своего воображенія. Что мы выигрываемъ, когда говоримъ, что вслѣдствіе взаимной силы притяженія сближаются между собою двѣ вещественныя частички? Ни тѣни вникновенія въ сущность процесса. Но, довольно странно, для присущаго намъ стремленія къ причинамъ есть нѣкотораго рода удовлетвореніе въ непроизвольно являющемся передъ нашимъ внутреннимъ окомъ образѣ руки, которая слегка подталкиваетъ косную матерію, или невидимыхъ рукъ полипа, которыми частички вещества обхватываютъ одна другую, стараются притянуть къ себѣ другъ друга, наконецъ сплетаются въ одинъ узелъ" [32]).

Хотя эти слова содержатъ много правды, все же при этомъ упущено изъ виду, что прогрессъ наукъ привелъ насъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ставить силы на мѣсто веществъ и что возрастающая точность изученія все болѣе и болѣе разрѣшаетъ вещество въ силы. Оба эти понятія поэтому не стоятъ просто рядомъ какъ отвлеченіе, но одно посредствомъ отвлеченія и изслѣдованія разрѣшается въ другое, такъ, однако, что всегда остается еще остатокъ. Если мы отвлечемъ мысленно отъ *метеорнаго камня* его движеніе, то для нашего разсматриванія остается то тѣло, которое двигалось. Я могу отнять у него его форму прекращеніемъ силы сцѣпленія его частей: тогда я имѣю еще вещество. Я могу разложить это вещество на элементы, дѣйствуя силою противъ силы. Наконецъ, я могу элементарныя вещества разложить мысленно на атомы, тогда эти атомы суть единственное вещество, а все другое есть сила. Если мы теперь съ Амперомъ и разрѣшимъ атомъ въ одну *точку* безъ протяженія и въ силы, которыя группируются вокругъ нея, то веществомъ должна быть эта точка, „ничто". Если я въ отвлеченіи не захожу такъ далеко, то для меня извѣстное цѣлое все еще есть вещество, тогда какъ въ другомъ отношеніи оно представляется мнѣ соединеніемъ вещественныхъ частей посредствомъ безчисленныхъ силъ. Однимъ словомъ: *непонятый или непонятный остатокъ нашего анализа есть вещество*, какъ бы далеко мы ни ушли впередъ. То, что мы поняли изъ сущности тѣла, мы называемъ свойствами вещества, а свойства насъ приводятъ къ „силамъ". Изъ этого выходитъ, что вещество всегда есть то, *что мы не хотимъ или не можемъ разрѣшать далѣе въ силы.* Наша „наклонность къ олицетворенію" или, если говорить съ *Кантомъ* (что приводитъ къ тому же), *категорія субстанціи* всегда

[32]) *Du Bois-Reymond*, Untersuch. über thierische Electricität, Berlin 1848. 1 Bd. Vorrede S. XL u. f.

заставляетъ насъ принимать одно изъ этихъ понятій за *субъектъ*, другое за *предикатъ*. Когда мы разрѣшаемъ вещь шагъ за шагомъ, у насъ всегда еще остается неразрѣшенный остатокъ, вещество, истинный представитель вещи. Ему мы поэтому приписываемъ открытыя свойства. Такъ великая истина „нѣтъ вещества безъ силы, нѣтъ силы безъ вещества" оказывается простымъ слѣдствіемъ положенія „нѣтъ субъекта безъ предиката, нѣтъ предиката безъ субъекта"; другими словами: мы не можемъ видѣть иначе, какъ допускаетъ нашъ глазъ; и иначе понимать, какъ то обусловливаютъ основныя понятія нашего разсудка.

Хотя поэтому настоящее олицетвореніе заключается въ понятіи вещества, все же тѣмъ самымъ постоянно олицетворяется сила, такъ что мы представляемъ себѣ ее истеченіемъ вещества, какъ бы его орудіемъ. Конечно никто не представитъ себѣ серьозно при физическомъ изслѣдованіи силу, какъ протянутую въ воздухѣ руку; сюда скорѣй подошли бы руки полипа, которыми одна частичка вещества обхватываетъ другую. То, что въ понятіи о силѣ антропоморфично, въ сущности принадлежитъ еще понятію о веществѣ, на которое, какъ на всякій субъектъ, переносится часть нашего Я. „Существованіе силъ", говоритъ *Редтенбахеръ* (стран. 12), „мы познаемъ по разнообразнымъ дѣйствіямъ, которыя они производятъ, и въ особенности по чувству и сознанію нашихъ собственныхъ силъ". Этимъ послѣднимъ мы даемъ чисто математическому познанію только окраску чувства и въ то же время впадаемъ въ опасность сдѣлать изъ силы нѣчто такое, что она не есть. Именно то принимание „сверхчувственныхъ силъ", которое матеріалисты собственно хотятъ побороть, всегда приводитъ къ тому, что рядомъ съ веществами, которыя дѣйствуютъ другъ на друга, для силы мыслится еще невидимое лице, слѣдовательно вводится въ счетъ ложный факторъ. Но это никакъ не есть слѣдствіе слишкомъ отвлеченнаго, а скорѣе слишкомъ чувственнаго мышленія. Сверхчувственное у математики есть совершенная противуположность сверхчувственному у первобытнаго человѣка. Гдѣ послѣдній предполагаетъ сверхчувственныя силы, тамъ за ними есть Богъ, духъ, привидѣніе, или что другое мыслимое какъ лице, слѣдотельно въ дѣйствительности по возможности чувственно представляемое существо. Олицетворенное вещество есть уже нѣчто слишкомъ отвлеченное для первобытнаго человѣка, вотъ почему онъ рисуетъ себѣ въ фантазіи еще „сверхчувственное" лице. Математикъ можетъ, прежде чѣмъ составить свое уравнененіе, представлять себѣ силы въ родѣ человѣческихъ силъ, но онъ поэтому никогда не будетъ находиться въ опасности ввести въ вычисленіе ложный факторъ. Но какъ скоро составлено уравненіе, всякое чувственное представленіе перестаетъ играть какую бы то ни было роль. Сила не есть болѣе причина

движенія и вещество не есть болѣе причина силы; тогда существуетъ только движимое тѣло и сила есть функція движенія.

Такимъ образомъ въ эти понятія вносится по крайней мѣрѣ порядокъ и связь, хотя и не полное объясненіе того, что такое сила и вещество. Достаточно, если мы могли указать, что наши категоріи играютъ при этомъ нѣкоторую роль. Никто не долженъ желать видѣть своей собственной сѣтчатой оболочки!

Слѣдовательно понятно также, что Дю Буа не можетъ стать выше противоположности силы и вещества, и мы поэтому хотимъ еще прибавить пропущенное Молешоттомъ мѣсто, какъ доказательство того, какъ выгодно знаменитый изслѣдователь отличается отъ догматической увѣренности матеріалистовъ.

„Если мы спросимъ, что же остается, если ни сила ни матерія не имѣютъ дѣйствительности, то тѣ, которые становятся со мной на эту точку зрѣнія, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣческому уму не дано въ этихъ вещахъ выйти изъ послѣдняго противорѣчія. Поэтому вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругу безплодныхъ умозрѣній, или мечомъ самообольщенія разрубать узелъ, мы предпочитаемъ держаться воззрѣнія вещей, какъ онѣ суть, и довольствоваться, говоря съ поэтомъ, „чудесами того, что существуетъ". Ибо мы не можемъ рѣшиться, такъ какъ на одномъ пути намъ отказано въ вѣрномъ толкованіи, закрывать глаза на недостатки другаго толкованія, по той единственной причинѣ, что никакое третье повидимому невозможно; и мы имѣемъ достаточно самоотверженія, чтобы согласиться съ представленіемъ, что въ концѣ концевъ всякой наукѣ можетъ быть поставлена только цѣль: не понимать сущность вещей, а дѣлать понятнымъ, что она непонятна. Такъ, наконецъ, задачею математики оказалось не то, чтобы квадрировать кругъ, а лишь показать, что его нельзя квадрировать; задачею механики не то, чтобы устроить perpetuum mobile, но показать безплодность этого старанія". Мы прибавляемъ: „задачею философіи—не собирать метафизическія познанія, но показать, что мы не можемъ выходить изъ круга опыта".

Такъ съ прогрессомъ науки мы становимся все увѣреннѣе въ знаніи *отношеній* вещей и все неувѣреннѣе въ субъектѣ этихъ отношеній. Все остается яснымъ и понятнымъ, пока мы можемъ держаться тѣлъ, какъ они непосредственно представляются нашимъ чувствамъ, или пока мы можемъ представлять ихъ гипотетическіе элементы по аналогіи того, что подлежитъ чувствамъ; но теорія всегда заходитъ далѣе, и въ то время, какъ мы то, что имѣемъ передъ собою, объясняемъ научно, въ то время, какъ мы вниканіе въ связь вещей доводимъ до того, что можемъ предсказывать явленія, мы вступаемъ на путь анализа, который точно такъ же ведетъ въ безконечность, какъ наши представленія о пространствѣ и времени.

Поэтому мы не должны удивляться, что для физиковъ и химиковъ *молекулы* становятся все *извѣстнѣе*, атомы же въ то же время все *неизвѣстнѣе*; ибо молекюлы суть еще совокупность гипотетическихъ атомовъ, которую можно представлять себѣ, безъ всякаго ущерба, совершенно въ родѣ чувственныхъ вещей. Если наука, которая здѣсь повидимому на самомъ дѣлѣ представляетъ объективное познаніе, когда либо подвинется такъ далеко, чтобы такъ же приблизить къ намъ составныя части молекулъ, какъ нынѣ приблизила молекулы, то эти составныя части уже не будутъ атомы, но—нѣчто *составное* и *измѣнчивое*, какъ ихъ и теперь уже часто понимаютъ.

Относительно *молекюлъ* газовъ въ настоящее время знаютъ уже, отчасти съ достаточною вѣрностью, отчасти съ большей вѣроятностью, *скорость*, съ которой они двигаются, средній путь, который они совершаютъ между каждыми двумя ударами, *число ударовъ* въ одну секунду и наконецъ даже *поперечникъ и абсолютный вѣсъ* [33]). Что эти величины, неговоря о разныхъ поправкахъ, несовсѣмъ построены на воздухѣ, можетъ доказать тотъ фактъ, что *Максуэллю* удалось изъ тѣхъ же формулъ, на которыхъ основаны эти опредѣленія, вывести слѣдствія о теплопроводности различныхъ тѣлъ, подтвержденныя блестящимъ образомъ экспериментомъ [34]). Слѣдовательно, молекулы суть маленькія массы вещества, которыя мы можемъ себѣ представить по аналогіи видимыхъ тѣлъ и съ свойствами которыхъ мы на пути точнаго изслѣдованія отчасти уже знакомы. Но этимъ онѣ прямо изъяты изъ той темной области, въ которой скрываются истинные элементы вещей. Можно утверждать, что „атомистика" доказана, если подъ этимъ не подразумѣваемъ ничего инаго, кромѣ того, что наше научное объясненіе природы въ дѣйствительности предполагаетъ *отдѣльныя частицы*, которыя двигаются въ пространствѣ *по крайней мѣрѣ* сравнительно пустомъ. Но въ этомъ пониманіи всѣ философскіе вопросы о строеніи матеріи не разрѣшены, а отодвинуты въ сторону.

И даже самое раздѣленіе матеріи на отдѣльныя частицы вовсе еще не такъ доказано, какъ это могло бы казаться послѣ этихъ побѣдъ науки; ибо во всѣхъ этихъ теоріяхъ оно уже *предполагается, а слѣдовательно и естественно находится вновь въ результатахъ*. Подтвержденіе атомистики

[33]) Срав. сообщенія изъ одной лекціи англійскаго физика *Максуэля* въ періодическомъ изданіи «Der Naturforscher», 6 Jahrg. 1873, N. 45, гдѣ на стр. 421 находится таблица съ указаніями чиселъ для четырехъ различныхъ газовъ.

[34]) Срав. приведенное въ предъидущемъ примѣчаніи чтеніе *Максуэля* и *Клейна* Vierteljahrs-Revue der Fortsch. der Naturwissenschaften II Bd. Köln und Leipzig, 1874, S. 119 u. ff.

въ такомъ смягченномъ смыслѣ можетъ быть разсматриваемо по высшей мѣрѣ въ одинаковомъ свѣтѣ, какъ напримѣръ подтвержденіе ученія *Ньютона* открытіемъ *Нептуна*. Это открытіе на основаніи вычисленія по принципамъ Ньютона справедливо разсматривается какъ весьма важный и во многихъ отношеніяхъ рѣшающій результатъ; однако, конечно, никому не придетъ на умъ утверждать, что съ этимъ подтвержденіемъ системы разрѣшился и вопросъ, есть ли притяженіе дѣйствіе на растояніи или оно чѣмъ либо посредствуется. Даже вопросъ, справедливъ ли Ньютоновскій законъ абсолютно или только въ извѣстныхъ границахъ, не претерпѣваетъ ли онъ при очень малыхъ или при крайне большихъ разстояніяхъ частицъ измѣненія, не затрогивается открытіемъ Нептуна. Въ новѣйшее время пытались понимать Ньютоновскій законъ лишь какъ спеціальный случай болѣе общей Веберовской формулы для электрическаго притяженія; Нептунъ намъ ничего не говоритъ объ этомъ. Дѣйствуетъ ли тяготѣніе моментально, или оно требуетъ хотя незамѣтно короткаго времени для распространенія своихъ дѣйствій отъ одного небеснаго тѣла до другаго, опять есть вопросъ, котораго не касается блестящее подтвержденіе этого рода. Между тѣмъ во всѣхъ этихъ вопросахъ заключается настоящая *природа тяготѣнія*, и обще-господствующее убѣжденіе, что оно есть безусловный, строго подчиненный своей формулѣ, моментально дѣйствующій на всякихъ разстояніяхъ законъ природы, есть гипотеза, даже едва ли вѣроятная при взглядахъ нынѣшней науки.

Также, говоря строго, въ новѣйшей химико-физической теоріи газовъ доказаны только *отношенія*, но не первоначальное *положеніе*. По принципамъ гипотетически-дедуктивнаго метода можно сказать съ Клаузіусомъ и Максуэллемъ: *если* матерія состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ, то онѣ *должны* имѣть слѣдующія свойства. Если теперь слѣдствіе, которое вытекаетъ изъ теоріи, подтверждается опытомъ, то этимъ, по законамъ логики, вовсе еще не доказано самое предположеніе. Слѣдуя „modus ponens“, заключаютъ отъ условія къ обусловленному, не на оборотъ. Въ обратномъ направленіи все же остается еще возможность, что тѣже слѣдствія произойдутъ и при совершенно другихъ предположеніяхъ. Теорія, которая вѣрно объясняетъ факты и даже предсказываетъ, можетъ этимъ, конечно, такъ сильно выиграть въ вѣроятности, что она для нашего субъективнаго убѣжденія будетъ близка къ достовѣрности; но все же только при томъ предположеніи, что не можетъ быть другой теоріи, которая приводила бы къ тѣмъ же выводамъ.

Что такая невозможность другой теоріи вовсе не сама собой разумѣется въ механическомъ ученіи о теплотѣ, когда рѣчь идетъ именно о молекулахъ, очень хорошо сознавалъ *Клаузіусъ*; въ предисловіи къ своимъ знаменитымъ

изслѣдованіямъ онъ прямо утверждаетъ, что самыя существенныя черты его математической теоріи *независимы* отъ тѣхъ представленій, которыя онъ себѣ составилъ о молекулярныхъ движеніяхъ.

Еще дальше идетъ Гельмгольцъ въ своей „рѣчи въ память *Густава Магнуса*“ (Берлинъ 1871). Здѣсь говорится (стран. 12): „Объ атомахъ въ теоретической физикѣ говоритъ сэръ *В. Томсонъ* весьма мѣтко, что ихъ предположеніе не можетъ объяснить никакого свойства тѣлъ, которое не было бы придано прежде самимъ атомамъ“. (Это относится конечно и къ молекуламъ). „Я вовсе не хочу, соглашаясь съ этимъ изрѣченіемъ, говорить противъ существованія атомовъ, но только противъ стремленія выводить изъ чисто гипотетическихъ предположеній объ атомическомъ строеніи тѣлъ основанія теоретической физики. Мы теперь знаемъ, что нѣкоторые изъ этихъ гипотезъ, которые въ свое время находили большое одобреніе, были очень далеки отъ истины. И математическая физика приняла другой характеръ въ рукахъ *Гаусса*, *Ф. Е. Неймана* и ихъ учениковъ между нѣмцами, такъ же какъ и у тѣхъ математиковъ, которые въ Англіи примкнули къ *Фарадэю*, *у Стокса В. Томсона*, *Кл. Максуэлля*. Они поняли, что и математическая физика есть чисто опытная наука, что ей нужно слѣдовать тѣмъ же принципамъ, какъ экспериментальной физикѣ. Непосредственно въ опытѣ мы находимъ передъ собой только протяженныя разнообразнаго вида и состава тѣла; только на такихъ тѣлахъ мы можемъ дѣлать свои наблюденія и опыты. Дѣйствія ихъ составлены изъ дѣйствій, которыя всѣми ихъ частями вносятся въ сумму цѣлаго, и если мы, слѣдовательно, хотимъ изучать одинъ за другимъ самые простые и общіе законы дѣйствія найденныхъ въ природѣ массъ и веществъ и въ особенности хотимъ освободить эти законы отъ случайностей формы, величины и положенія совокупно дѣйствующихъ тѣлъ, то мы должны восходить до законовъ дѣйствія *малѣйшихъ частей объема* или, какъ ихъ называютъ математики, *элементовъ объема. Но эти элементы не отдѣльны и различны, какъ атомы, а непрерывны и однородны*“.

Мы оставляемъ нерѣшеннымъ, будутъ ли эти пріемы, не говоря о математической разработкѣ, для которой они по принципамъ дифференціальнаго и интегральнаго счисленія гораздо болѣе пригодны, нежели атомистика, давать такіе же или большіе результаты для оріентированія ума въ мірѣ явленій, чѣмъ тѣ, которыми мы обязаны атомистикѣ. Атомистика обязана своимъ успѣхомъ *наглядности* своихъ предположеній, и мы не только не ставимъ ее низко за это, но хотимъ даже поставить вопросъ, нельзя ли вывести необходимость атомистическаго способа представленія изъ принциповъ *Кантовской* теоріи познанія, чѣмъ, однакоже, математикамъ, которые нынѣ такъ охотно

идутъ трансцендентными путями, не было бы еще запрещено искать счастья въ другихъ направленіяхъ. Что Кантъ самъ наоборотъ считается отцемъ „динамизма", подъ чѣмъ просто подразумѣвается динамизмъ *ученія о непрерывности*, ни можетъ насъ особенно останавливать, ибо какъ бы сильно его эпигоны ни напирали на это ученіе о непрерывности, его необходимость, съ точки зрѣнія критической философіи, нисколько не очевидна и возможно было бы, какъ уже выше сказано, ждать большихъ успѣховъ на противоположномъ пути: ибо дѣйствіе *категоріи* въ ея соединеніи съ воззрѣніемъ всегда сводится на *синтезъ въ нѣкоторомъ замкнутомъ*, слѣдовательно оторванномъ въ нашемъ представленіи отъ всѣхъ безконечныхъ связующихъ нитей, *предметъ*. Если подвести атомистику подъ эту точку зрѣнія, то *изолированіе* частицъ представлялось бы неизбѣжнымъ физическимъ представленіемъ, дѣйствительность котораго распространялась бы на всю совокупность міра явленій, тогда какъ оно было бы, однако же, только отраженіемъ нашей организаціи: атомъ былъ бы созданіемъ нашего я, но именно въ силу этого неизбѣжнымъ основаніемъ всей науки о природѣ.

Мы замѣтили выше, что при физическо-химическомъ разсматриваніи атомъ становится тѣмъ темнѣе, чѣмъ болѣе ясный свѣтъ падаетъ на молекулы. Это, конечно, касается только атома въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова; т. е. мнимо *послѣдней* составной части матеріи. Эти части всегда переходятъ въ нѣчто неуловимое, лишь только къ нимъ приближается свѣтъ изслѣдованія. Такъ напр. *Лотаръ Мейеръ* показалъ, что число атомовъ, находящихся въ одной молекулѣ, хотя въ извѣстныхъ границахъ неопредѣленно, но что его неслѣдуетъ представлять слишкомъ большимъ; и объемы атомовъ не должны быть представляемы исчезающими въ отношеніи къ молекуламъ. Атомы производятъ въ молекулахъ быстрыя движенія и т. д. Но тотчасъ за этими сумерками познанія выражено замѣчаніе, что эти атомы вѣроятно „хотя частички массъ высшаго разряда, чѣмъ молекулы, но все же еще не послѣднія, малѣйшія частички".

„Напротивъ, кажется, что, какъ массы большаго доступнаго нашимъ чувствомъ протяженія составляются изъ молекулъ, молекули или частицы перваго разряда изъ атомовъ или частицъ второго разряда, такъ и атомы, въ свою очередь, состоятъ изъ соединеній частицъ третьяго и высшихъ разрядовъ".

„Къ этому ведетъ уже то соображеніе, что, если бы атомы были неизмѣнныя, недѣлимыя величины, то мы должны были бы принимать столько же видовъ различныхъ элементарныхъ веществъ, сколько мы знаемъ химическихъ элементовъ. Но существованіе шестидесяти, или еще болѣе, совершенно различныхъ

первобытныхъ веществъ само по себѣ очень мало вѣроятно. Оно становится еще болѣе невѣроятнымъ вслѣдствіе знакомства съ извѣстными свойствами атомовъ, между которыми въ особенности заслуживаютъ вниманія взаимныя отношенія, представляемыя атомными вѣсами различныхъ элементовъ" [35]).

Можно сильно подозрѣвать, что и атомы третьяго разряда, хотя бы они были атомами единой первобытной матеріи, при болѣе близкомъ разсматриваніи опять разрѣшились бы въ атомы четвертаго разряда. Но всѣ подобные, идущіе въ безконечность процессы показываютъ, что мы въ этихъ вопросахъ имѣемъ дѣло только съ необходимыми условіями нашего познанія, а не съ тѣмъ, чѣмъ вещи могутъ быть сами по себѣ и безъ всякаго отношенія къ нашему познанію.

Если на мѣсто этого безконечнаго ряда поставить гдѣ нибудь непротяженные центры силъ, то мы отказываемся отъ принципа *наглядности* [36]). Это будетъ трасцендентное представленіе, какъ дѣйствіе на разстояніи, и вопросъ, дозволительны ли и насколько дозволительны подобныя представленія нынѣ, когда онѣ являются передъ нами массами, врядъ ли можетъ быть рѣшенъ простымъ указаніемъ на Кантовскіе принципы теоріи познанія. Нужно предоставить свободу тѣмъ, кто нуждается въ такомъ способѣ представленія и посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Если, какъ это считаетъ возможнымъ *физикъ Махъ* [37]), изъ гипотезы пространства, имѣющаго болѣе 3-хъ измѣреній, по-

---

35) *Lothar Meyer*, die modernen Theorieen der Chemie, 2 Aufl. §§ 154 и 155.

36) Совершенно несостоятельно напротивъ возраженіе *бюхнерова* Августа (Natur и Geist, S. 86), что абсолютно неясно, какъ изъ безпространственныхъ безтѣлесныхъ элементовъ должны произойти наполняющія пространство матерія и тѣла, или какъ сила должна стать веществомъ. Вовсе не нужно, чтобы вещество возникло, если только сила въ состояніи производить на наши чувства, другими словами, на центры силъ, которые должны окончательно воспринимать наши чувственныя впечатлѣнія, такое впечатлѣніе, что возникнетъ *представленіе* тѣлъ. Что это представленіе кромѣ того есть нѣчто различное отъ его причины и что мы только въ *этомъ представленіи* вообще имѣемъ протяженныя и однородныя тѣла, это конечно долженъ допустить и атомистикъ, который сводитъ тѣло на атомы, вовсе несодержащіеся въ нашемъ образѣ тѣлъ. Что тѣла и сами по себѣ, независимо отъ нашего представленія, могутъ состоять изъ простыхъ атомовъ, это пытается показать Фехнеръ (Atomenlehre, 2 Aufl. S. 153). Но при этомъ является, какъ и во всемъ воззрѣніи Фехнера, и какъ въ сущности уже у Демокрита, новый принципъ, который только и можетъ вывести вещи и ихъ качества изъ атомовъ: принципъ *констелляціи въ одно цѣлое*. Но именно этотъ принципъ болѣе глубокая критика должна принимать за нѣчто, основанное только въ субъектѣ.

37) Сравн. *Mach*, Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit. Prag 1872. Тамъ на стр. 30 говорится: «Почему до сихъ поръ не уда-

училось бы весьма простое объясненіе дѣйствительныхъ явленій природы, или если съ *Целльнеромъ* [38]) изъ темноты неба и другихъ фактическихъ явленій мы должны были бы заключить, что наше пространство не *Эвклидовское*, то и безъ того вся теорія познанія подлежала бы полному пересмотру. Для этого пересмотра теперь нѣтъ никакихъ понудительныхъ основаній, но и теорія познанія не должна становиться догматической. Пускай поэтому всякій вникаетъ въ то, что онъ дѣлаетъ! Кто удерживаетъ наглядность, попадаетъ въ процессъ in infinitum; кто отъ нея отказывается, лишаетъ себя твердой почвы, на которой совершается до сихъ поръ весь прогрессъ нашихъ наукъ. Между этими сциллой и харибдой врядъ ли можно найти безопасный путь.

Существенное вліяніе на наше сужденіе объ отношеніи силы и вещества имѣлъ законъ *сохраненія силы*, получившій въ новѣйшее время такое значеніе. Можно понимать его различно, а именно: можно принять, что химическія элементарныя вещества имѣютъ извѣстныя неизмѣнныя качества, *въ совокупности* съ которыми дѣйствуетъ общій механизмъ атомовъ, чтобы вызвать явленія; но можно также предположить, что и качества элементовъ суть только опредѣленные, при одинаковыхъ обстоятельствахъ, одинаковымъ образомъ возвращающіяся формы общаго и по своей сущности одинаковаго движенія вещества. Какъ скоро, напр., элементы разсматриваются какъ простыя модификаціи однородной первобытной матеріи, это послѣднее пониманіе само собой разумѣется. Конечно, законъ сохраненія силы въ этомъ строжайшемъ и послѣдовательнѣйшемъ смыслѣ вовсе не доказанъ. Это есть только „идеалъ разума", но отъ котораго, въ смыслѣ послѣдней цѣли всякаго эмпирическаго изслѣдованія, нельзя отречься. Можно даже утверждать, что онъ именно въ этомъ обширнѣйшемъ смыслѣ можетъ требовать аксіоматическаго значенія. Но съ этимъ исчезъ-бы и послѣдній остатокъ самостоятельности и господства вещества.

Почему законъ сохраненія силы въ этомъ смыслѣ несравненно важнѣе, нежели законъ сохраненія матеріи, который уже Демокритъ поставилъ аксіомой и который, какъ „безсмертіе вещества", играетъ такую важную роль у нашихъ нынѣшнихъ матеріалистовъ?

лось установить удовлетворительную теорію электричества, это вѣроятно зависитъ отъ того, что мы хотѣли объяснить себѣ электрическія явленія непремѣнно молекулярными процессами въ пространствѣ 3 измѣреній». И тамъ же на стр. 35: «Мои попытки объяснить механически спектры химическихъ элементовъ и несогласованіе теоріи съ опытомъ утвердили меня во взглядѣ, что нельзя представить себѣ химическихъ элементовъ въ пространствѣ 3 измѣреній».

[38]) *Zöllner*, die Natur der Kometen; 2 Aufl. Leipzig, 1872. S. 299 u. ff.

Дѣло въ томъ, что въ нашихъ нынѣшнихъ естественныхъ наукахъ всюду матерія есть неизвѣстное, а сила извѣстна. Если мы вмѣсто силы предпочитаемъ говорить „свойство матеріи", то мы должны остерегаться логическаго круга! „Вещь" становится намъ извѣстной своими свойствами; субъектъ опредѣляется своими предикатами. Но „вещь" въ дѣйствительности есть только желанная точка отдохновенія для нашего мышленія. Мы ничего не знаемъ, кромѣ свойствъ и ихъ сочетаній въ чемъ-то неизвѣстномъ, предположеніе котораго есть *созданіе* нашего *духа*, но, какъ кажется, созданіе необходимое, вызываемое нашей организаціей.

Знаменитая „частица желѣза" Дю-Буа, которая конечно есть таже „вещь", „все равно пролетаетъ ли она вселенную въ метеорномъ камнѣ, гремитъ-ли по рельсамъ въ колесѣ паровика или протекаетъ въ кровяной ячейкѣ черезъ високъ поэта", только потому во всѣхъ этихъ случаяхъ „одна и таже вещь", что мы оставляемъ въ сторонѣ особенность ея положенія въ отношеніи къ другимъ частицамъ и слѣдующія отсюда взаимодѣйствія, и напротивъ, на другія явленія, которыя намъ извѣстны только какъ *силы* частицы желѣза, смотримъ какъ на постоянное, такъ какъ мы знаемъ, *что мы ихъ по извѣстнымъ законамъ всегда можемъ вновь вызвать*. Пусть намъ разрѣшатъ прежде загадку параллелограмма силъ, если мы должны вѣрить въ пребывающую вещь. Развѣ сила, которая съ напряженіемъ x дѣйствуетъ въ направленіи $a—b$, совершенно таже вещь, когда ея дѣйствіе слилось съ другой силой въ равнодѣйствующую, имѣющую напряженіе и направленіе $a—d$? Конечно, первоначальная сила содержится еще въ равнодѣйствующей и продолжаетъ сохраняться безъ конца, хотя въ вѣчномъ вихрѣ механическаго взаимодѣйствія первоначальное напряженіе x и направленіе $a—b$ уже никогда болѣе не появляются. Изъ равнодѣйствующей я могу какъ бы опять выдѣлить первоначальную силу, когда уничтожу вторую составную силу посредствомъ силы одинаковой величины и противоположнаго направленія. Здѣсь я, слѣдовательно, совершенно точно знаю, что я могу разумѣть подъ сохраненіемъ силы и чего не могу. Я знаю, и долженъ знать, что понятіе *сохраненія* есть только удобный способъ представленія. Все сохраняется и ничего не сохраняется, смотря по тому, какъ я разсматриваю процессы. Фактическое заключается единственно въ *эквивалентахъ* силы, которые я получаю исчисленіемъ и наблюденіемъ. Эквиваленты, какъ мы видѣли, суть единственно фактическое и въ химіи; они выражаются, находятся, исчисляются посредствомъ вѣсовъ, т. е. силами.

Наши новѣйшіе матеріалисты неохотно занимаются закономъ сохраненія силы; онъ явился съ такой стороны, на которую они мало направляли свое

вниманіе. Хотя нѣмецкая публика при взрывѣ матеріалистическаго спора уже давно была знакома съ этою значительною теоріею, о ней почти совсѣмъ не упоминается въ самыхъ важныхъ спорныхъ сочиненіяхъ. То обстоятельство, что *Бюхнеръ* впослѣдствіи съ жаромъ схватился за законъ сохраненія силы и посвятилъ ему въ пятомъ изданіи сочиненія о силѣ и веществѣ особую главу, даетъ только новое доказательство безпокойной многосторонности этого писателя; однако и у него напрасно будемъ искать полной ясности пониманія важности этого закона и его отношенія къ ученію о безсмертіи вещества. У догматическихъ матеріалистовъ, которые впрочемъ въ наше время вездѣ и нигдѣ, ученіемъ о сохраненіи силы отнимается почва изъ подъ ногъ.

Истинную сторону матеріализма—выключеніе чудеснаго и произвольнаго изъ природы вещей — доказываетъ этотъ законъ высшимъ и болѣе общимъ способомъ, чѣмъ они это могутъ сдѣлать со своей точки зрѣнія; ложная сторона—возведеніе вещества въ принципъ всего существующаго — имъ совершенно и, какъ кажется, окончательно устраняется.

Поэтому неудивительно, хотя и несовершенно похвально, если одинъ изъ лучшихъ разработывателей ученія о сохраненіи силы почти возвращается къ аристотелевскому понятію о матеріи. Гельмгольцъ говоритъ въ своемъ сочиненіи о сохраненіи силы слово въ слово слѣдующее:

„Наука разсматриваетъ предметы внѣшняго міра по двумъ отвлеченіямъ: вопервыхъ, просто по ихъ существованію, помимо ихъ дѣйствій на другіе предметы или на наши органы чувствъ; какъ таковые она называетъ ихъ *матеріею*. Слѣдовательно, существованіе матеріи самой по себѣ для насъ спокойное, бездѣйственное; мы отличаемъ въ ней пространственное распредѣленіе и количество (масса), которое полагается вѣчнымъ, неизмѣннымъ. *Качественныя различія мы не можемъ приписывать матеріи самой по себѣ, ибо если мы говоримъ о различныхъ матеріяхъ, то мы полагаемъ ихъ различіе только въ различіи ихъ дѣйствій, т. е. въ ихъ силахъ.* Матерія сама по себѣ поэтому не можетъ имѣть другого измѣненія, кромѣ пространственнаго, т. е. движенія. Но предметы природы не бездѣйственны; *мы вообще приходимъ къ познанію ихъ только посредствомъ ихъ дѣйствій*, произведенныхъ ими на наши органы чувствъ, *заключая изъ этихъ дѣйствій о нѣкоторомъ дѣйствующемъ*. Поэтому, если мы хотимъ понятіе матеріи примѣнить къ дѣйствительности, то мы можемъ это сдѣлать, только прибавивъ къ нему посредствомъ втораго отвлеченія" (вѣрнѣе, необходимаго вымысла, съ физическимъ понужденіемъ являющагося олицетворенія) „то, что мы прежде хотѣли отвлечь, именно способность производить дѣйствія, т. е. придавъ ей силы. Ясно, что понятія о матеріи и силѣ въ примѣненіи къ природѣ *никогда не могутъ быть раздѣляемы*. Чистая матерія была бы безразлична для всей остальной природы, потому что никогда не могла бы обусловить какую-нибудь перемѣну въ ней или въ нашихъ органахъ чувствъ; чистая сила была бы нѣчто, что должно бы было существовать и вмѣстѣ не существовать, такъ какъ существующее мы называемъ *матеріею*. Также ошибочно признавать матерію за нѣчто дѣйствительное, а силу за простое понятіе, которому не соотвѣтствуетъ ничто дѣйствительное; и то, и другое напротивъ суть отвлеченія отъ дѣйствительности, составленныя совершенно одинаковымъ образомъ; вѣдь матерію мы можемъ воспринимать только посредствомъ ея силъ, а не непосредственно" [39]).

Ибервегъ, любившій высказывать свои взгляды въ помѣткахъ на поляхъ, въ моемъ экземплярѣ этого сочиненія къ словамъ „ибо мы называемъ существующее матеріей" совершенно вѣрно замѣтилъ „скорѣе субстанціею". Дѣйствительно причина, почему мы не можемъ предполагать чистую силу, заключается только въ психической необходимости, по которой мы представляемъ наши наблюденія подъ категоріею субстанціи. Мы воспринимаемъ только силы, но намъ нужна постоянная носительница этихъ измѣняющихся явленій, субстанція. Матеріалисты наивнымъ образомъ принимаютъ неизвѣстную матерію за единственную субстанцію; *Гельмгольцъ* напротивъ хорошо сознаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь только о *предположеніи*, которое требуется природой нашего мышленія, не имѣя значенія для истинно дѣйствительнаго. Поэтому не составляетъ большой разницы, что онъ въ этомъ предположеніи на мѣсто субстанціи ставитъ ту матерію, которую раньше принимаетъ за безкачественную; точка зрѣнія въ сущности кантовская. Но что касается пассивной и бездѣйственной природы матеріи, такъ какъ мы отвлекаемъ силы, то отъ этого возврата къ аристотелевскому опредѣленію можно было бы уклониться посредствомъ нѣкотораго относительнаго понятія матеріи. Для этого нужно и относительное понятіе силы, и мы осмѣливаемся, въ заключеніе этихъ изслѣдованій, предложить здѣсь три находящіяся въ тѣсной связи опредѣленія.

Вещью мы называемъ связную группу явленій, которую мы, отвлекая отъ дальнѣйшаго сцѣпленія и внутреннихъ измѣненій, понимаемъ какъ нѣчто цѣлое.

[39]) *Helmholtz*, über die Erhalt. der Kraft, eine physikal. Abhandlung vorgtr. in der Sitzung der physikal. Gesellsch. zu Berlin 23 Juli 1847. Это строго научное сочиненіе, первое послѣ работъ *Майера* изложеніе принципа сохраненія силы, которое появилось въ Германіи, не должно быть смѣшиваемо съ популярнымъ сочиненіемъ подъ тѣмъ же заглавіемъ во второй тетради популярно-научныхъ чтеній Гельмгольца.—Цитированное мѣсто находится на стр. 3 и 4.

Силами мы называемъ тѣ свойства вещи, которыя мы узнали изъ опредѣленныхъ дѣйствій на другія вещи.

Веществомъ мы называемъ въ вещи то, что мы далѣе не можемъ или не хотимъ разрѣшать въ силы и что мы гипостазируемъ какъ основаніе и носителя познанныхъ силъ.

Но развѣ въ этихъ опредѣленіяхъ мы не допустили ошибочнаго круга? Силы суть свойства не вещества существующаго по себѣ, а „вещи", слѣдовательно нѣкоторой абстракціи. Слѣдовательно, развѣ мы не подкладываемъ повидимому подъ самое конкретное, подъ вещество, нѣчто, что составляетъ только абстракцію? Если далѣе мы силу понимаемъ въ *строго физическомъ* смыслѣ: развѣ она не есть тогда *функція массы*, слѣдовательно опять *вещества*?

На это прежде всего можно отвѣтить, что понятіе массы въ математической физикѣ есть ничто иное, какъ число. Если я выражаю работу, произведенную силой, въ футо-фунтахъ, то коэффиціентъ, который выражаетъ величину поднятія, соединяется съ коэффиціентомъ, опредѣляющимъ *вѣсъ*. Но что такое есть вѣсъ, какъ не дѣйствіе *силы тяжести*? Представляютъ себѣ тяжесть всего тѣла, разложенную на тяжести множества гипотетическихъ пунктовъ, и сумма этихъ тяжестей есть масса. Болѣе въ этомъ понятіи ничего не заключается, да и не можетъ заключаться. Мы слѣдовательно свели только данную силу на сумму гипотетическихъ силъ. Объ носителяхъ слѣдуетъ сказать все то, что мы выше сказали объ атомахъ. Принимая этихъ носителей, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись и которыхъ не можемъ понять, мы и дошли до обсуждаемой въ прошлой главѣ *границы познанія* природы.

Фехнеръ [40]) пытался дать матеріи значеніе независимое отъ силы, опредѣляя ее какъ то, что замѣчается въ *чувствѣ осязанія*, какъ „ощутительное". На возникающее возраженіе, что эта ощутительность основана только на силѣ сопротивленія (въ строго механическомъ смыслѣ ее можно назвать *работою*), онъ указываетъ на фактъ, что сопротивленіе выводится лишь изъ отношеній чувства осязанія и другихъ ощущеній, слѣдовательно не есть *основанное на опытѣ* (т. е. данное *непосредственнымъ* опытомъ) основаніе понятія матеріи. Но въ этомъ непосредственномъ опытѣ единичнаго чувственнаго ощущенія, отъ котораго исходитъ Фехнеръ, тоже не содержится еще естественнонаучнаго понятія матеріи. Мы не имѣемъ здѣсь ничего кромѣ субъективной стороны ощущенія, которая составляетъ простую модификацію нашего состоянія, и объективной, которую мы можемъ опредѣлить совершенно

---

[40]) Срав. Atomenlehre, 2 Aufl., Cap. XV u. XVI, въ особенности стр. 105 и слѣд., и касательно понятія силы, стр. 120.

вообще, какъ отношеніе къ нѣкоторому *предмету*. Но этотъ „предметъ" въ естественно психическомъ развитіи становится прежде всего *вещью*, и лишь посредствомъ рефлексіи объ измѣняющихся повидимому свойствахъ одной и той же вещи можетъ возникнуть представленіе объ нѣкоторомъ веществѣ, пребывающемъ среди всѣхъ измѣненій. Но тотъ же процессъ развиваетъ необходимо и представленіе о *силахъ* этого вещества. Слѣдовательно, и въ психологическомъ развитіи возникновенія понятія матеріи нельзя найти крѣпкаго якоря; неговоря уже о томъ, что рѣшеніе вопроса заключается вовсе не тутъ, а въ изслѣдованіи, что остается отъ традиціонныхъ понятій, когда мы ихъ анализируемъ самыми строгими средствами научнаго мышленія.

Лучшее основаніе имѣетъ нападеніе Фехнера на *понятіе о силѣ*. Физика, говоритъ онъ, имѣетъ предметомъ только видимое и ощущаемое въ пространствѣ и законы его движенія. „Сила для физики вообще есть ничто иное, какъ *вспомогательное выраженіе* для изложенія законовъ равновѣсія и движенія, и всякое ясное пониманіе физической силы приводитъ насъ къ этому. Мы говоримъ о законахъ силы; но если мы взглянемъ ближе, то это только законы равновѣсія и движенія, которые имѣютъ значеніе только по отношеніи къ матеріи". Если мы здѣсь вмѣсто матеріи поставимъ опять *вещи*, то противъ этого не много можно сказать. Дѣйствительно, намъ вовсе не приходитъ на умъ гипостазировать силу вмѣсто матеріи и выводить такое слѣдствіе: такъ какъ все извѣстное въ вещахъ выражается въ силахъ и матерія становится лишь противорѣчивымъ остаткомъ анализа, то мы принимаемъ, что силы существуютъ сами по себѣ. Для насъ достаточно знать, что сила есть „вспомогательное выраженіе", *примѣняемое постоянно*, передъ которымъ, насколько простирается анализъ, „вспомогательное выраженіе" матеріи отступаетъ въ безконечное или неуловимое.

Если мы опредѣлимъ силу „какъ основаніе движенія", то это будетъ только вспомогательное выраженіе для вспомогательнаго выраженія. Не существуетъ никакого „основанія" движенія, кромѣ эквивалентовъ живой силы и энергій, а эти эквиваленты обозначаютъ просто *отношеніе явленій*. По Фехнеру, основаніе движеній заключается *въ законѣ*; но въ концѣ концевъ, не есть ли и законъ „вспомогательное выраженіе" для совокупности отношеній въ данной группѣ явленій?

Что понятіе о веществѣ не только сводится до неуловимаго остатка „нѣчто" на понятіе силы, но и *синтетически* должно возникать изъ этихъ элементовъ, для этого у *Цельнера* есть интересный примѣръ. Дѣло идетъ о вопросѣ, нельзя ли вывести модификацію Ньютоновскаго закона движенія въ смыслѣ *Веберовскаго* закона электричества изъ предположенія, что дѣй-

ствія простираются отъ одного пункта до другаго не *моментально*, но *съ нѣкоторою тратою времени*, и авторъ замѣчаетъ, что *Гауссъ* уже искалъ „возможнаго для построенія представленія" такого распространенія силы въ пространствѣ, но однако не достигъ цѣли. Въ послѣднее время математикъ *К. Нейманнъ* пытался разрѣшить эту задачу, именно совершенно просто заставилъ *значенія потенціала*, слѣдовательно математическое выраженіе для величинъ силъ, *двигаться* въ пространствѣ. Этимъ очевидно Гордіевъ узелъ „возможности построенія" представленія былъ разрубленъ мечомъ. Мы получаемъ прибавочную силу, носитель которой уже не матерія, но только формула силы; какъ будто мы хотимъ сказать, движеніе есть то, что движется въ пространствѣ. Но *Цельнеръ* говоритъ совершенно справедливо, что простой фактъ гипостазированія такого самостоятельно движущагося значенія потенціала совершенно сводится къ тому, какъ если бы мы заставили двигаться *матеріальныя частицы* отъ одного тѣла къ другому. Дѣйствительно, если отвлеченнымъ понятіямъ силы и движенія можно приписать независимое бытіе, то этимъ мы обращаемъ ихъ въ *субстанцію*, а субстанція въ естественнонаучномъ пониманіи совершенно совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ „матеріей" [41]).

Врядъ ли можно требовать болѣе яснаго доказательства, что вся задача силы и вещества сводится на задачу *теоріи познанія* и что для естественныхъ наукъ можно найти твердую почву только въ *отношеніяхъ*, при чемъ всегда гипотетически вводятся извѣстные носители этихъ отношеній, какъ напримѣръ атомы и могутъ быть принимаемы за дѣйствительныя вещи; предполагается конечно, что изъ этихъ реальностей не дѣлаютъ никакой догмы, что неразрѣшенныя задачи умозрѣнія оставляются совершенно на своемъ мѣстѣ, и принимаются за то, что они есть, т. е. за задачи *теоріи познанія*.

III. Естественно-научная космогонія.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ древняго матеріализма былъ вопросъ о *естественной космогоніи*. Столь осмѣянное ученіе о безконечномъ параллельномъ движеніи атомовъ чрезъ безконечное пространство, о постепенныхъ сплетеніяхъ и соединеніяхъ атомовъ въ твердыя и жидкія, живыя и безжизненныя тѣла, при всей своей странности представляло разрѣшеніе великой задачи. Безъ сомнѣнія, и эти представленія сильно повліяли на новое время, но связь нашей натуральной космогоніи съ космогоніей Эпикура не такъ ясна,

[41]) *Zöllner*, die Natur der Kometen, 2 Aufl. S. 334—337.

какъ исторія атомистики. Это скорѣе именно тотъ пунктъ, въ которомъ древнія представленія подвергаются первому рѣшительному преобразованію и изъ котораго послѣдовательно развилось то представленіе о возникновеніи міроваго цѣлаго, которое, несмотря на свою гипотетическую природу, еще и теперь имѣетъ величайшую важность. Послушаемъ объ этомъ *Гельмгольца!*

„Кантъ, очень заинтересованный физическимъ описаніемъ земли и мірозданія, изучилъ сочиненія *Ньютона*, и въ доказательство того, какъ онъ глубоко проникъ въ его основную идею, возымѣлъ геніальную мысль, что та же сила притяженія всякой вѣсомой матеріи, которая теперь поддерживаетъ теченіе планетъ, когда то была въ состояніи образовать и систему планетъ изъ матеріи, разсѣянной въ міровомъ пространствѣ. Позднѣе, независимо отъ него, и *Лапласъ*, великій авторъ Mécanique céleste, пришелъ къ той же мысли и далъ ей право гражданства у астрономовъ" [42]).

Теорія постепеннаго сгущенія представляетъ то преимущество, что она позволяетъ *исчисленіе*, которое послѣ открытія механическаго эквивалента тепла получило высокую степень теоретическаго совершенства. Вычислили, что, при переходѣ отъ безконечно незначительной плотности до плотности нашихъ настоящихъ небесныхъ тѣлъ, только отъ механической силы притяженія частицъ вещества должно было произойти столько тепла, какъ если бы взять 3,500 разъ всю массу планетной системы и обративъ въ чистый уголь, сжечь. Вывели, что большая часть этого тепла уже должна была разсѣяться по міровому пространству, прежде чѣмъ могла возникнуть настоящая форма нашей планетной системы. Найдено, что изъ громаднаго механическаго запаса силы первоначальнаго притяженія сохранилась лишь приблизительно 454-ая часть въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ, какъ механическая сила. Исчисленно, что ударъ, который вдругъ остановилъ бы нашу землю въ ея пути вокругъ солнца, произвелъ бы столько тепла, какъ сожженіе 14 земель изъ чистаго угля, и что при этомъ жарѣ масса земли совершенно расплавилась бы и по крайней мѣрѣ большею частью превратилась бы въ паръ.

Гельмгольцъ говоритъ, что въ этихъ положеніяхъ нѣтъ ничего гипотетическаго, кромѣ предположенія, что массы нашей системы сначала были разсѣяны въ пространствѣ подобно туману. Это вѣрно лишь въ томъ отношеніи, что изъ такого разсѣянія въ совокупномъ дѣйствіи съ тяготѣніемъ можно приблизи-

[42]) *Helmholtz*, über die Wechselwirkung der Naturkräfte u. die darauf bezügl. neuesten Ermittelungen der Physik. Königsberg. 1854; перепечатана въ Helmh. Popular-wissensch. Vortr. H. 2, Braunschweig. 1871.—Приведенное мѣсто на стран. 27 (Popul. Vortr. II, S. 118).—Изъ того же чтенія взяты слѣдующія замѣтки объ отношеніи тепла и механической силы во вселенной.

тельно вычислить всю сумму тепла и механическаго движенія. Но чтобы наша солнечная система могла стать такою, какою она стала, требуются еще и извѣстныя предположенія о способѣ разсѣянія туманныхъ массъ въ пространствѣ. Вращеніе всей массы, разъ данное, неизбѣжно должно ускориться съ прогрессивнымъ сжиманіемъ и сплотненіемъ; его первоначальное существованіе выводится различнымъ способомъ, но принадлежитъ тоже къ болѣе спеціальнымъ предположеніямъ, при которыхъ гипотезѣ предоставлено еще довольно большое мѣсто. Оно объясняется проще всего, если мы не дадимъ туманнымъ массамъ тотчасъ и равномѣрно сжаться въ одинъ большой шаръ, но предположимъ нѣсколько такихъ массъ, скопляющихся вокругъ своихъ собственныхъ центровъ тяжести, и потомъ сталкивающихся между собою не-центральнымъ ударомъ. Здѣсь мы кстати хотимъ по отношенію къ взгляду *Ибервега*, разбираемому далѣе, замѣтить, что весь процессъ можетъ быть построенъ на столкновеніи *твердыхъ тѣлъ*, которые вслѣдствіе удара сперва разрѣшаются въ массу пара, а потомъ въ теченіи безконечнаго пространства времени организуются въ новыя системы.

Гипотеза сгущенія въ новѣйшее время получила значительную поддержку въ *спектральномъ анализѣ*, показывающемъ, что тѣ же вещества, изъ которыхъ состоитъ наша земля, находятся во всей солнечной системѣ, а отчасти и въ мірѣ неподвижныхъ звѣздъ. Тому же самому методу изслѣдованія мы обязаны познаніемъ, что разсѣянныя по небесному пространству *туманныя пятна* вовсе не состоятъ, какъ прежде полагали, изъ отдаленныхъ кучъ звѣздъ, но что значительное число ихъ суть дѣйствительно массы тумана, которыя намъ поэтому могутъ дать образъ прежняго состоянія нашей солнечной системы.

Сравнительно съ этими подтвержденіями меньшее значеніе имѣетъ съ одной стороны то, что новѣйшая *геологія* покинула теорію революцій земли и образованіе поверхности нашей планеты объясняетъ насколько возможно изъ тѣхъ же силъ, какія, какъ мы видимъ, господствуютъ понынѣ. *Теорія устойчивости*, которая опирается на это геологическое направленіе, можетъ претендовать развѣ на значеніе въ *относительномъ* смыслѣ. Можно состояніе земной коры и развитіе происходящихъ здѣсь процессовъ *сравнительно* признать устойчивымъ, въ противоположность теоріи революцій земли, съ которою очень часто соединяется порицаемая въ предыдущей главѣ боязнь большихъ чиселъ. Если же напротивъ примемъ достаточно большія пространства времени, то измѣненіе, возникновеніе и исчезновеніе не только вѣроятны сами по себѣ, но и могутъ быть доказаны самыми строгими основаніями науки.

Поэтому мы можемъ спросить, какъ случилось, что мы неохотно принимаемъ большія пространства времени, что напротивъ мысль абсолютной устойчивости намъ сравнительно такъ привычна, что она въ особенности такъ родственна для чувства. Мы видимъ основаніе этого страннаго явленія только въ притупляющей привычкѣ къ понятію *вѣчности*. Это понятіе намъ знакомо съ дѣтства, и мы обыкновенно немного при этомъ размышляемъ. Намъ представляется даже, по устройству нашего, такъ тѣсно связаннаго съ чувственностію, мышленія, необходимымъ какъ бы уменьшить въ представленіи и сдѣлать относительною абсолютную вѣчность, чтобы значенію этого понятія придать нѣкоторую наглядность; подобно тому, какъ дѣлаютъ нѣсколько нагляднымъ тангенсъ 90°, заставляя его *возникать*, т. е. передъ глазами фантазіи образуя все большій и большій тангенсъ, хотя для абсолютнаго нѣтъ никакого возникновенія. Такъ поступаютъ съ вѣчностью тѣ популярные образы теологовъ, которые стараются въ представленіи накоплять времена на времена и потомъ самое крайнее, до чего можетъ достигнуть фантазія, называютъ напримѣръ „секундою вѣчности". Хотя понятіе абсолютной вѣчности заключаетъ въ себѣ столько, что все то, что можетъ измыслить самая смѣлая фантазія, въ сравненіи съ ней не больше самой обыкновенной мѣры времени; все же намъ это понятіе такъ знакомо, что для насъ тотъ, кто принимаетъ вѣчное существованіе земли и человѣчества, сравнительно представляется еще умѣреннымъ при сопоставленіи съ тѣмъ, который взялъ бы билліонъ разъ переходный періодъ отъ дилювіальнаго человѣка до нынѣшняго человѣка, чтобы подняться до возникновенія человѣка изъ простѣйшей органической ячейки. Здѣсь всюду чувственность въ борьбѣ съ логикой. То, что мы можемъ себѣ хоть сколько нибудь сдѣлать нагляднымъ, намъ легко представляется чрезмѣрнымъ и невѣроятнымъ; между тѣмъ какъ мы играемъ самыми чудовищными представленіями, какъ скоро мы имъ придали форму совершенно отвлеченнаго понятія. Съ одной стороны шесть тысячъ лѣтъ—съ другой стороны вѣчность; къ этому мы привыкли. Что находится между, то представляется сначала страннымъ, потомъ смѣлымъ, послѣ величественнымъ и фантастичнымъ; и однако всѣ эти предикаты принадлежатъ только сферѣ чувствъ; холодной логикѣ съ ними дѣлать нечего.

Прежде полагали, по одному исчисленію Лапласа, что время обращенія земли отъ дней Гиппарха до настоящаго времени не измѣнилось и на трехсотую долю одной секунды, и *Чольбе* воспользовался этимъ исчисленіемъ для поддержки своей теоріи устойчивости. Но совершенно ясно, что изъ такого факта больше ничего не слѣдуетъ, кромѣ того, что замедленіе скорости обращенія, которое слѣдуетъ принять за необходимое по физической теоріи, ни-

коимъ образомъ не идетъ скорѣй, чѣмъ, напр., на секунду въ 600,000 лѣтъ. Но если мы примемъ, что оно составляетъ и въ 100 милліоновъ лѣтъ только одну секунду, то уже послѣ немногихъ билліоновъ лѣтъ отношенія дня и ночи на землѣ такъ совершенно перемѣнились бы, что вся теперешняя жизнь на поверхности должна была бы исчезнуть и незамедлила бы наступить совершенная остановка обращенія около оси. Но мы имѣемъ теперь совершенно строгій принципъ этого замедленія во *вліяніи прилива и отлива*. Здѣсь находитъ свое примѣненіе вся принудительная строгость математическихъ умозаключеній. Только въ предположеніи абсолютной твердости земли могли-бы совершенно уравняться дѣйствія притяженія, которыя останавливаютъ вращеніе, съ тѣми, которыя его ускоряютъ. Но такъ какъ есть передвижныя части, земля необходимо должна получать эллипсоидическую волну, при передвиженіи которой на поверхности производится хотя и весьма незначительное треніе. Твердость этого заключенія нимало не можетъ быть поколеблена тѣмъ, что, по новѣйшимъ наблюденіямъ, явленія прилива и отлива, которыя мы наблюдаемъ на нашихъ берегахъ, нестолько вызываются передвигающеюся волною, сколько производимымъ въ извѣстное время значительнымъ поднятіемъ, которое происходитъ, когда середина самыхъ большихъ морскихъ пространствъ обращена прямо къ лунѣ или къ солнцу. Если кругообразныя волны, распространяющіяся отъ этого поднятія, такъ какъ онѣ равномѣрно расходятся во всѣ стороны, и не имѣютъ задерживающаго вліянія на скорость вращенія, то все же задерживающее дѣйствіе прилива должно существовать, хотя и быть менѣе замѣтнымъ. Немыслимо, чтобы процессъ былъ тотъ же, какъ если бы земля двигалась толчками, и пребывала бы каждый разъ недвижимо нѣсколько секундъ, въ томъ положеніи, въ которомъ образуется волна прилива. Должна существовать поступательно двигающаяся волна прилива, если насъ не обманываетъ вся физика. Дѣйствительный приливъ можно себѣ представить составленнымъ изъ дѣйствіи одной волны, стоящей на мѣстѣ, и другой, подвигающейся. Если даже дѣйствіе послѣдней повидимому и теряется въ безконечно запутанныхъ явленіяхъ прилива и отлива, то все же ея задерживающее дѣйствіе никакъ не исчезаетъ. И какъ бы ни мала была постоянно дѣйствующая причина, нужно только взять достаточно большое пространство времени, и результатъ неизбѣженъ. Часть живой силы движенія планеты безусловно уничтожается приливомъ и отливомъ. „Мы такимъ образомъ приходимъ", говоритъ *Гельмгольцъ* въ своемъ сочиненіи о взаимодѣйствіи силъ природы, „къ неизбѣжному заключенію, что всякій приливъ и отливъ непрерывно и хотя безконечно медленно, но навѣрно уменьшаетъ запасъ механической силы системы, причемъ обращеніе планетъ вокругъ оси должно становиться медленнѣе

и онѣ должны приближаться къ солнцу, или ихъ спутники должны приближаться къ нимъ".

Здѣсь существуетъ только одно средство, чтобы избѣжать заключенія о конечной остановкѣ земнаго обращенія, именно, если мы въ состояніи открыть *противодѣйствіе*, которое ускоряетъ замедленную приливомъ и отливомъ скорость обращенія. Извѣстный І. Р. Майеръ, открывшій эквивалентъ тепла, предполагалъ, что открылъ такое противодѣйствіе, предположивши, что процессъ отвердѣнія земли еще не оконченъ. Земля—и съ этимъ онъ привелъ въ связь объясненіе землетрясеній — все еще сжимается, слѣдовательно уменьшаетъ свой объемъ, и съ этимъ необходимо должно быть связано ускореніе вращенія около оси. Но Майеръ вскорѣ увидѣлъ, что и въ этомъ предположеніи нѣтъ ручательства за вѣчную устойчивость, такъ какъ оба противодѣйствующія вліянія не могутъ постоянно быть равны между собою. Поэтому онъ предположилъ три періода: первый, въ которомъ ускореніе вслѣдствіе сжатія имѣетъ перевѣсъ; второй, въ которомъ ускореніе и замедленіе находятся въ равновѣсіи и третій, въ которомъ имѣетъ перевѣсъ замедленіе вслѣдствіе прилива и отлива. Майеръ предполагалъ сначала, что мы находимся въ среднемъ періодѣ, въ періодѣ равновѣсія, но онъ оставилъ этотъ взглядъ. „Приблизительно десять лѣтъ тому назадъ, англійскій астрономъ Адамсъ въ Лондонѣ, побуждаемый открытіемъ замедляющаго вліянія прилива и отлива, представилъ доказательство, что исчисленіе Лапласа, касательно постоянства звѣзднаго дня, не есть абсолютно точное, такъ какъ, напротивъ, скорость обращенія земли уменьшается, слѣдовательно звѣздный день уже началъ увеличиваться. Это конечно составляетъ для тысячелѣтій только маленькую дробь секунды, а именно для цѣлаго тысячелѣтія только $^1/_{100}$ секунды, такъ что мы должны удивляться человѣческому остроумію, которому удалось констатировать такую ничтожную величину" [43]).

Подобное же неизбѣжное условіе вѣчно неизмѣннаго движенія планетъ, какъ абсолютное отвердѣніе небесныхъ тѣлъ, есть и абсолютная пустота пространства, въ которомъ онѣ двигаются или, по крайней мѣрѣ, полнѣйшее отсутствіе сопротивленія эѳира, которымъ мы представляемъ себѣ его наполнен-

---

[43]) *J. R. Mayer*, Naturwissenschaftl. Vorträge, Stuttgart, 1871, S. 28. Это мѣсто относится къ чтенію (въ іюнѣ 1871 года) о «землетрясеніи». О невѣроятности изложенной здѣсь теоріи землетрясенія намъ нѣтъ нужды говорить подробнѣе. Нѣкоторыя подробности объ исчисленіи Адамса находится у *Целльнера*, die Natur der Kometen, S. 469 u. ff.—Целльнеръ показываетъ тамъ же стр. 472 и сл., что уже *Кантъ* въ 1754 г. приводилъ доказательство, что приливъ и отливъ должны замедлять обращеніе земли.

нымъ. Повидимому, и это условіе не исполняется. *Энковская комета* какъ бы дѣлаетъ передъ нашими глазами все меньшіе и меньшіе элипсисы вокругъ солнца и всего проще объяснить это предположеніемъ среды, оказывающей сопротивленіе. Здѣсь конечно нѣтъ необходимой дедукціи; но мы имѣемъ наблюденіе, которое насъ принуждаетъ считать по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ существованіе среды, оказывающей сопротивленіе. Простой фактъ хотя бы самаго незначительнаго сопротивленія эѳира уже влечетъ за собою все остальное [44]).

Совершенно убѣдительно также заключеніе, что *тепло солнца* не можетъ вѣчно продолжаться. Этого заключенія нельзя избѣгнуть отрицаніемъ огненнаго состоянія солнца и приниманіемъ за источникъ тепла вѣчнаго тренія между солнцемъ и его оболочкой или эфиромъ, или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Большая часть представленій этого рода и безъ того стали невозможными въ силу ревностнаго изученія въ новѣйшее время солнца. Болѣе раціонально предположеніе о сохраненіи солнечнаго тепла посредствомъ постояннаго паденія метеоритовъ и болѣе мелкихъ небесныхъ тѣлъ, но и эта теорія не ведетъ ни къ какой устойчивости. Еще менѣе ведетъ къ ней взглядъ *Гельмгольца*, который мы можемъ принять за самый вѣрный: а именно, что самый главный источникъ сохраненія солнечнаго тепла и теперь еще нужно искать въ тяготѣніи [45]). Солнце сжимается, уменьшается въ объемѣ, и при

[44]) Въ послѣднее время принятое здѣсь объясненіе для измѣненій въ пути кометы *Энке* стало, впрочемъ, очень сомнительнымъ, такъ какъ у нѣкоторыхъ другихъ кометъ при самомъ точномъ изслѣдованіи не найдено подобнаго измѣненія. Напротивъ, съ другой стороны показано *Целльнеромъ*, что все міровое пространство должно быть наполнено слѣдами атмосферическихъ газовъ различныхъ небесныхъ тѣлъ, ибо безъ такого предположенія атмосфера въ пустомъ пространствѣ не могла бы находиться въ равновѣсіи. Если мы, слѣдовательно, къ чему нынѣ весьма склонны многіе естествоиспытатели, совершенно покинемъ эѳиръ, то однако всюду должны быть предполагаемы очень тонкія массы газовъ, которыя должны производить хотя и чрезвычайно незначительное дѣйствіе въ указанномъ смыслѣ.

[45]) «Но если мы послѣдуемъ вѣроятному взгляду, что найденная астрономами, для звѣзды такой большой массы, слишкомъ незначительная плотность обусловливается высокой температурой и со временемъ можетъ стать больше, то можно вычислить, что если бы поперечникъ солнца уменьшился на одну десятитысячную часть своей величины, отъ этого получилось бы достаточно тепла, чтобы покрыть весь расходъ за 2100 лѣтъ. Такое незначительное измѣненіе поперечника было бы впрочемъ съ трудомъ дознано самыми тонкими астрономическими наблюденіями». *Helmholtz*, Wechselwirk. der Naturkräfte, S. 42.—О выставленой первоначально *I. Майеромъ*, а потомъ нѣкоторыми англійскими физиками «метеорной теоріи» срав. *Тиндаля*, die Wärme betrachtet als eine Art der Bewegung, deutsch v. Helmholtz u. Wiedemann, Braunschweig, 1867.

этомъ механическая сила превращается въ тепло. Что этотъ процессъ когда нибудь наконецъ долженъ кончиться, само собой разумѣется. Немыслимо никакое движеніе, производящее тепло, безъ того, чтобы другія силы не издерживались. Поэтому какую бы гипотезу мы ни составляли о теплѣ солнца, дѣло все придетъ къ тому, что источникъ этого тепла конеченъ, тогда какъ израсходованіе остается безконечнымъ. Всегда придется сдѣлать заключеніе, что въ теченіи вѣчнаго продолженія временъ весь для насъ необозримый запасъ солнечнаго свѣта и тепла не только сократится, но и совершенно исчезнетъ.

Наконецъ, одно изъ простыхъ слѣдствій механической теоріи тепла повидимому то, что для *всей вселенной* послѣдуетъ прекращеніе всякой жизни. Для нашей земли конечно эта погибель совпадаетъ съ угасаніемъ солнца. Механическая сила можетъ всегда превратиться въ тепло, но тепло только тогда можетъ превратиться въ работу, когда оно переходитъ отъ болѣе теплаго на болѣе холодное тѣло. Съ уравненіемъ температуры въ какой либо системѣ прекращается возможность дальнѣйшихъ превращеній, а слѣдовательно и всякаго рода жизни. Тогда содержаніе превращенія, или „энтропія", по *Клаузіусу*, достигла своего максимума [46]). Но можетъ ли это слѣдствіе, основанное на строгихъ математическихъ заключеніяхъ, дѣйствительно быть приложено къ *вселенной* въ самомъ строгомъ смыслѣ слова,—это очень существенно зависитъ еще отъ представленій, которыя мы себѣ составляемъ о *безконечности* вселенной и тутъ мы опять приходимъ въ область трансцендентнаго свойства. А именно, ничто намъ не мѣшаетъ такія оцѣпенѣлыя мировыя системы умножать сколько угодно въ нашемъ представленіи, заставить ихъ притягиваться другъ къ другу съ безконечныхъ разстояній и потомъ изъ ихъ взаимнаго столкновенія выводить снова игру космогоніи, какъ бы въ увеличенномъ масштабѣ. Ничто, какъ сказано, не мѣшаетъ намъ это предполагать, кромѣ вопроса, имѣемъ-ли мы право, только потому, что мы себѣ не можемъ представить никакого конца мірозданія, предполагать въ дѣйствительности матеріальную безконечность міровыхъ системъ.

Матеріализмъ уже въ древности училъ о возникновеніи и исчезновеніи нашей вселенной, и именно ученіемъ о безконечности міровъ достигалъ того

[46]) *Clausius*, Abh. über d. mechan. Wärmetheorie, II, S. 44, выставляетъ слѣдующія два положенія: 1) *Энергія* міра постоянна, 2) *Энтропія* міра стремится къ максимуму. О понятіи «энтропіи» срав. тамъ же, стран. 34 и слѣд. Вся дедукція однако требуетъ предположенія конечности матеріальнаго міра въ безконечномъ пространствѣ.—Популярнымъ образомъ *Гельмгольцъ* излагаетъ этотъ выводъ въ Vorträge über die Wechselw. der Naturk. S. 24 u. 25.

удовлетворенія духа, которое заключается въ простомъ вѣрованіи въ пребываніе сущаго. Между нашими нынѣшними матеріалистами, именно *Чольбе* не хотѣлъ удовлетвориться этимъ и постулировалъ сохраненіе земной жизни съ точки зрѣнія удовлетворенія сердца. Категорическій императивъ Фейербаха: „Довольствуйся даннымъ міромъ!“ ему представляется неисполнимымъ, пока, по крайней мѣрѣ, не обезпечено сохраненіе этого даннаго міра противъ грозящихъ гибелью выводовъ математиковъ. Но вполнѣ остается вопросомъ, лучше-ли будетъ, съ точки зрѣнія спокойствія сердца, совершенно закончить свою систему, тогда какъ самый ея фундаментъ остается подверженнымъ сильнѣйшимъ потрясеніямъ; или же разъ навсегда признать границу знанія и мнѣнія, за которою всѣ вопросы остаются открытыми. И дѣйствительно, въ виду тѣхъ принудительныхъ выводовъ, которые мы здѣсь привели, слѣдуетъ признать, что система успокоенія Чольбе построена на пескѣ и потому также мало можетъ выполнять свою цѣль, какъ и популярный догматизмъ, который, на оборотъ, не хочетъ отказаться отъ своего начала и конца—творенія и преставленія свѣта. Если мы разъ подымемся выше этой точки зрѣнія, если мы будемъ искать точки успокоенія сердца въ данномъ, мы легко придемъ къ тому, чтобы видѣть ее не въ вѣчной продолжительности матеріальнаго состоянія, но въ вѣчности законовъ природы и въ такой продолжительности существующаго, которая отодвигаетъ мысль о его погибели въ достаточное отдаленіе. Архитектоническая же наклонность разума успокоится, когда ей раскроется прелесть такого міровоззрѣнія, которое не имѣетъ болѣе чувственной опоры, но которое и не требуетъ ея, потому что все абсолютное устранено. Слѣдуетъ помнить, что весь этотъ міръ отношеній *обусловленъ природой нашей познавательной способности*. И хотя бы мы и возвращались постоянно опять къ тому, что наше познаніе намъ не раскрываетъ вещей самихъ по себѣ, но только ихъ отношеніе къ нашимъ чувствамъ, все же это отношеніе тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ оно яснѣе; оно даже тѣмъ глубже сродно *съ правомѣрнымъ созиданіемъ нѣкотараго абсолютнаго*, чѣмъ оно чище сохраняется отъ произвольныхъ примѣсей.

Почти еще болѣе, чѣмъ возникновеніемъ вселенной, съ давнихъ поръ мыслящій умъ былъ занятъ *возникновеніемъ организмовъ*. Для исторіи матеріализма этотъ вопросъ уже потому важенъ, что онъ образуетъ переходъ къ антропологическимъ вопросамъ, вокругъ которыхъ обыкновенно особенно вращался матеріалистическій споръ. Матеріалистъ требуетъ объяснимаго міра; для него достаточно, если явленія могутъ быть такъ поняты, что сложное происходитъ изъ простаго, большое изъ малаго, разнообразно движущееся изъ простой механики. Со всѣмъ остальнымъ онъ полагаетъ легко сладить, или

скорѣе, онъ не замѣчаетъ тѣхъ трудностей, которыя видны лишь тогда, когда объяснимый міръ въ теоріи настолько установленъ, что законъ причинности не требуетъ никакой дальнѣйшей жертвы. Матеріализмъ и въ этой области извлекъ себѣ пищу изъ вещей, которыя должны быть признаны со всякой разумной точки зрѣнія; но до новѣйшаго времени именно возникновеніе организмовъ было пунктомъ, который упорно эксплуатировался противниками матеріализма. Въ особенности полагали, что возникновеніе организмовъ приводило необходимо *къ трансцендентному акту творенія*, а въ устройствѣ и сохраненіи органическаго міра думали находить все новыя опоры для *телеологіи*. Извѣстная оппозиція противъ матеріалистическихъ взглядовъ часто держалась уже за одно имя органическаго, живаго, такъ какъ въ этой области видѣли какъ бы воплощенную противоположность нѣкоторой высшей духовно дѣйствующей силы противъ механизма мертвой природы.

Въ средніе вѣка, а еще болѣе въ началѣ новаго времени, а именно, насколько простиралось вліяніе людей, подобныхъ *Парацельзу и Ванъ-Гельмонту*, не находили такой пропасти между органическимъ и неорганическимъ, какъ въ послѣднія столѣтія. Существовало весьма распространенное предположеніе, что вся природа одушевлена. Если уже *Аристотель* допускалъ возникновеніе лягушекъ и змѣй изъ ила, то, при господствѣ алхиміи, такія вещи должны были казаться совершенно натуральными. Кто даже въ металлахъ видѣлъ духовъ и въ ихъ смѣшеніи процессъ броженія, тотъ не могъ находить особеннаго затрудненія въ возникновеніи живаго. Вообще вѣрили въ неизмѣнность видовъ—догматъ, который прямо ведетъ свое начало отъ Ноева ковчега; но и къ возникновенію новыхъ существъ не относились очень строго и въ особенности допускали развитіе въ самыхъ большихъ размѣрахъ низшихъ животныхъ изъ неорганической матеріи. Оба вѣрованія сохранились и до нынѣ; одно болѣе между профессорами, другое между мужиками и извощиками. Первые вѣрятъ въ неизмѣнность видовъ и стараются вотъ уже, можетъ быть, двадцать лѣтъ отыскать въ частяхъ рта улитокъ доказательство для своего вѣрованія. Вторые—постоянно находятъ на опытѣ подтвержденіе, что изъ опилокъ и другихъ ингредіенцій возникаютъ блохи. Наука въ этой области позднѣе, чѣмъ въ другихъ, пришла къ тому, чтобы низвести вѣрованіе на степень гипотезы и остановить широкій потокъ мнѣній нѣкоторыми экспериментами и наблюденіями.

Первый вопросъ, который намъ здѣсь встрѣчается, еще и нынѣ составляетъ предметъ ожесточеннаго спора; вопросъ *о первичномъ зарожденіи* (generatio aequivoca). *Карлъ Фохтъ* далъ намъ юмористическое описаніе того, какъ въ Парижѣ велась научная борьба между Пастеромъ и его соеди-

ненными противниками, Пуше, Жоли и Мюссе, съ ожесточенiемъ теологовъ и съ драматическимъ эффектомъ, напоминающимъ магистерскiе диспуты XV столѣтiя. На сторонѣ Пастёра находится академiя и ультрамонтаны. Оспорить возможность первичнаго зарожденiя считалось консервативнымъ. Древнiе авторитеты науки единогласно были того взгляда, что безъ яйца или сѣмени никогда не можетъ произойти органическое существо. Omne vivum ex ovo есть научный догматъ. Но почему ортодоксы находятся на этой сторонѣ? Конечно потому, чтобы установить нѣчто абсолютно необъяснимое и, къ затрудненiю разума и чувственности, придерживаться чисто мистическаго творенiя? Древняя ортодоксiя, по руководству *Св. Августина*, задавалась другою точкою зрѣнiя, приблизительно среднею. Совсѣмъ не пренебрегали старанiемъ представлять вещи насколько возможно наглядно. Августинъ училъ, что съ начала мiра существовало два сорта сѣмянъ для живыхъ существъ: *видимыя*, которыя Творецъ вложилъ въ животныхъ и растенiя, чтобы они, каждое въ своемъ родѣ, размножались, и *невидимыя*, которыя скрыты во всѣхъ элементахъ и дѣйствительны только при особенныхъ отношенiяхъ состава и температуры. Эти, съ самого начала скрытыя въ элементахъ, сѣмена производятъ въ большомъ количествѣ растенiя и животныхъ безъ всякаго содѣйствiя готовыхъ организмовъ. Эта точка зрѣнiя была бы весьма благопрiятна для ортодоксiи; безъ всякаго затрудненiя ее можно было бы преобразовать на столько, что она при нынѣшнемъ состоянiи наукъ могла бы быть удерживаема такъ же хорошо, какъ и каждое изъ двухъ спорящихъ ученiй. Но такъ же, какъ сражающiйся въ жару борьбы, на половину по необходимости, на половину по произволу, мѣняетъ свою позицiю, такъ идетъ дѣло и въ великомъ ходѣ научныхъ споровъ. Матерiализмъ прошлаго столѣтiя играетъ здѣсь свою роль. Когда пытались объяснить жизнь изъ безжизненнаго, душу изъ вещества, тогда мнимое возникновенiе насѣкомыхъ изъ гнiющихъ веществъ поставили въ одинъ рядъ съ оживленiемъ мертвыхъ мухъ посредствомъ соли, съ произвольными движенiями обезглавленныхъ птицъ и другими инстанцiями въ пользу матерiалистическаго взгляда. Друзья телеологiи и естественной теологiи, приверженцы дуализма духа и природы приняли тогда тактику совершенно оспаривать возникновенiе насѣкомыхъ и инфузорiй безъ зародыша, и борьба идей повела, какъ это часто бываетъ въ исторiи наукъ, къ плодотворнымъ и важнымъ экспериментамъ, передъ которыми матерiалисты должны были замолчать. Съ того времени, какъ очень популярный и восхищавшiй читателей *Боннетъ* въ своихъ созерцанiяхъ природы опровергъ generatio aequivoca, считалось спиритуализмомъ придерживаться Omne vivum ex ovo, и въ этомъ пунктѣ ортодоксiя гармонировала съ результатами точнаго изслѣдованiя. Даже до настоящаго

времени можно сказать, что это положенiе установлено тѣмъ непоколебимѣе, чѣмъ точнѣе и старательнѣе было изслѣдованiе.

Метафизика обезумѣла при новомъ открытiи. Заключили, что при естественномъ зарожденiи всѣ будущiя поколѣнiя уже должны содержаться въ яйцѣ или сѣмянномъ животномъ, и профессоръ *Мейеръ* въ Галле проводилъ эту систему „преформацiи“ съ такой наивной наглядностью, что мы были бы виноваты передъ нашими читателями, еслибы не привели небольшаго образчика его изложенiя: „Такъ“, говоритъ профессоръ, „Адамъ носилъ уже всѣхъ людей въ своихъ нѣдрахъ, а слѣдовательно, напр., и того сѣмянного живчика, изъ котораго произошелъ Авраамъ, и въ этомъ сѣмянномъ живчикѣ уже заключались, въ видѣ сѣмянныхъ живчиковъ, всѣ iудеи. Когда же Авраамъ родилъ Исаака, то Исаакъ вышелъ изъ тѣла своего отца и вынесъ въ себѣ весь родъ своего потомства“ [47]). Существованiе не употребленныхъ въ дѣло сѣмянныхъ живчиковъ, которымъ естественно придавали нѣсколько души, повело, понятнымъ образомъ, къ гораздо болѣе безумнымъ фантазiямъ, до которыхъ здѣсь намъ нѣтъ дѣла.

Въ новѣйшее время именно *Шваннъ* отчасти доказалъ, что *клѣточка* есть истинный элементъ всѣхъ органическихъ образованiй, отчасти подтвердилъ рядомъ опытовъ, что при кажущемся возникновенiи организмовъ посредствомъ generatio aequivoca всегда должно предполагать существованiе яичекъ или зародышевыхъ клѣточекъ. Его метода доказательства вообще считалась превосходною; одинъ изъ нашихъ матерiалистовъ *К. Фохтъ* утвердительно высказалъ подозрѣнiе въ ея несостоятельности гораздо раньше, чѣмъ снова разгорѣлся во Францiи старый споръ. Мы беремъ ходъ мысли его остроумной и подробной критики изъ *Картинъ изъ жизни животныхъ* (1852).

Инфузорiи возникаютъ при соприкосновенiи воздуха, воды и органическаго вещества. Шваннъ принялъ мѣры для уничтоженiя въ этихъ составныхъ частяхъ всѣхъ органическихъ зародышей. Если тогда все изолировать и однако возникаютъ инфузорiи, то generatio aequivoca доказана. Въ колбѣ кипятили сѣно съ водой до тѣхъ поръ, пока не только вся жидкость, но и воздухъ въ шейкѣ колбы былъ нагрѣтъ до точки кипѣнiя. Извѣстно было, что въ замкнутыхъ колбахъ не возникали инфузорiи. Теперь, если пропускали обыкновенный воздухъ черезъ колбу, то всякiй разъ, несмотря на кипяченiе, возникали инфузорiи; если-же, напротивъ, пропускали только воздухъ, прошедшiй черезъ накаленную трубочку, черезъ сѣрную кислоту или ѣдкое кали, то никогда не возникало инфузорiй. Предполагается, что составъ воздуха притомъ

[47]) *Meiers* Metaphysik, 3 Th. § 785; цитир. у *Hennings* Geschichte von den Seelen der Menschen u. Thiere. Halle, 1774, S. 504 Anm.

не измѣняется. Но это только приблизительно вѣрно. Атмосфера содержитъ не только углеродъ и азотъ. „Въ ней находится извѣстное количество угольной кислоты, водянаго пара и амміака, можетъ быть и еще много другихъ веществъ въ незамѣтно маломъ количествѣ. Эти вещества болѣе или менѣе разлагаются и поглощаются употребленными средствами, угольная кислота ѣдкимъ кали, амміакъ сѣрной кислотой. Нагрѣваніе воздуха должно производить особое вліяніе на расположеніе молекулъ воздуха... Мы имѣемъ не мало случаевъ въ химіи, когда, повидимому, отъ незначительныхъ обстоятельствъ зависитъ возможность соединенія или разложенія... Возможно, что требуется именно опредѣленное количество амміака, угольной кислоты и извѣстное расположеніе или напряженіе молекулъ въ атмосферѣ, чтобы начать и совершить процессъ новообразованія организма. Условія, въ которыхъ находятся обѣ колбы, поэтому не совершенно одинаковы, почему и опытъ представляется невполнѣ доказательнымъ“. Дѣйствительно, все это доказываетъ несостоятельность Шванновскаго опыта и вопросъ можетъ считаться открытымъ; въ особенности потому, что цѣлый рядъ важныхъ соображеній противостоитъ предположенію, что всѣ зародыши безчисленныхъ инфузорій, которые оказываются при этихъ опытахъ, носятся въ воздухѣ способными къ жизни. Эренбергъ принималъ дѣленіе инфузорій, которое, идя въ геометрической прогрессіи, въ нѣсколько часовъ могло бы населить воду; Фохтъ, напротивъ, выставлялъ невѣроятность этой гипотезы [48]). Въ новѣйшее время начали систематически собирать носящіяся въ воздухѣ пылинки. Пастеръ бросаетъ свое собраніе мнимыхъ зародышей и яицъ въ жидкости, назначенныя для опыта и воображаетъ, что сѣетъ этимъ инфизоріи и грибы; Плюше прежде осматриваетъ собраніе. „Онъ заставляетъ пройти сотни кубическихъ метровъ воздуха черезъ воду и изслѣдуетъ воду; онъ изобрѣтаетъ особенный инструментъ, чтобы гнать воздухъ на пластинки стекла, къ которымъ пристаютъ сѣмянныя пылинки; онъ анализируетъ осѣвшую пыль, и притомъ дѣлаетъ эти опыты на вершинахъ глетчеровъ, Маладетты въ Пиринеяхъ, также какъ въ катакомбахъ Ѳивъ, на сушѣ и на морѣ, на пирамидахъ Египта и на вершинѣ Руанскаго собора. Онъ такимъ образомъ собираетъ множество воздушныхъ инвентарей, въ которыхъ хотя фигурируетъ всевозможное, но лишь весьма рѣдко спора плѣсени и еще гораздо рѣже мертвое тѣло какой нибудь инфузоріи.

При всемъ этомъ оказалось, что первичное зарожденіе до сихъ поръ не доказано, сколько о томъ ни старались. Шванновскіе опыты были измѣняемы и

[48]) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ долженъ впрочемъ быть принятъ для извѣстныхъ организмовъ самаго низшаго рода, какъ напримѣръ для *бактерій*, такой способъ размноженія.

преобразуемы самымъ разнообразнымъ образомъ; но каждый разъ, какъ повидимому происходило первичное зарожденіе, болѣе точные опыты показали, что возможность перенесенія зародышей не была устранена. Больше всего вниманія обратили въ послѣдніе годы опыты *Бастіана* и *Гуицинга*. Послѣдніе въ особенности имѣли нѣчто подкупающее, такъ какъ въ хорошо запаянной стеклянной колбѣ, послѣ 10-ти минутнаго кипяченія жидкости, образовались бактеріи и *только бактеріи*, такъ что, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ для этихъ самыхъ простыхъ организмовъ можно было повидимому принять первичное зарожденіе; но въ лабораторіи *Пфлюгера* таже жидкость, при такой же запайкѣ, подвергалась *на цѣлый часъ* кипяченію и по охлажденіи не образовывалось болѣе бактерій. Слѣдовательно, существовала возможность, что въ жидкости были зародыши, которые не уничтожались продолжающимся десять минутъ кипяченіемъ, тогда какъ они не могли противостоять болѣе продолжительному дѣйствію жара [49]).

При этомъ, конечно, нужно допустить, что кипяченіе въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ можетъ быть могло уничтожить и другія, въ настоящее время намъ неизвѣстныя, условія существованія бактерій, такъ что нисколько не убѣдительно доказательство того, что въ жидкости дѣйствительно находились зародыши, которые въ первомъ случаѣ развивались, а во второмъ уничтожались. И такъ, послѣ всѣхъ этихъ опытовъ оказывается, что первичное зарожденіе не доказано, но также мало доказана и его невозможность.

Казалось, открылась новая возможность для возникновенія организмовъ, вслѣдствіе открытія *монеръ*, тѣхъ безформенныхъ и, насколько простираются наши средства изслѣдованія, лишенныхъ структуры комочковъ протоплазмы, которые сохраняются, питаются, размножаются, неимѣя какихъ либо опредѣленныхъ органовъ. *Геккель*, который разсматриваетъ первичное зарожденіе какъ неизбѣжную, хотя еще неподтвержденную гипотезу, надѣется въ этомъ отношеніи больше всего на одно живущее на глубинѣ моря слизистое существо этого рода: „существуетъ даже уже между извѣстными до сихъ поръ монерами одинъ видъ, который можетъ быть и до нынѣ постоянно происходитъ первичнымъ зарожденіемъ. Это есть чудесный, *Гёкслеемъ* открытый и описанный *Bathybius Haeckelii*. Эта монера находится на самыхъ большихъ глубинахъ моря, между 12000 и 24000 фут., гдѣ она покрываетъ дно отчасти въ формѣ сѣтчатыхъ стволовъ и сплетеній, отчасти въ формѣ неправильныхъ,

[49]) Рефератъ объ этихъ попыткахъ по *Pflügers* Archiv für d. ges. Physiol. VII, S. 549 u. VIII, S. 277 находится въ Dr. *Sklareks* «Naturforscher» VI. Jahrg. (1873) № 33 u. № 49.—Объ опроверженіи опытовъ *Бастіана* сравн. между прочимъ Naturf. VI Nr. 26 (S. 209 u. f.) und Nr. 48 (S. 453 u. f.).

большихъ и малыхъ комковъ плазмы". „Только подобные однородные, еще совсѣмъ не дифференцированные организмы, которые, по своему однородному составу изъ одинаковыхъ частичекъ, равняются анорганическимъ кристалламъ, могли произойти первичнымъ зарожденіемъ и могли стать прародителями всѣхъ прочихъ организмовъ" [50]).

„Если вы не принимаете гипотезы первичнаго зарожденія", говорится далѣе, „то вы должны въ этомъ единственномъ пунктѣ исторіи развитія прибѣгать къ чуду *сверхъестественнаго* творенія. Творецъ долженъ тогда сотворить первый организмъ, или немногіе первые организмы, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальные, во всякомъ случаѣ сотворить самыя простыя монеры или урцитоды и придать имъ способность развиваться далѣе механическимъ образомъ". Геккель справедливо находитъ это послѣднее представленіе „также неудовлетворительнымъ для вѣрующаго сердца, какъ и для научнаго разума". Но можно идти далѣе и утверждать, что подобная альтернатива методически совершенно неосновательна. Для научнаго изслѣдованія понятность міра должна быть аксіомой, и если поэтому считать первичное зарожденіе невѣроятнымъ, то возникновеніе организмовъ остается просто въ настоящее время неразрѣшенною задачей. Для предположенія „сверхъестественнаго" акта творенія естественныя науки не имѣютъ, во всякомъ случаѣ, ни малѣйшаго повода. Чтобы придти къ такимъ объясненіямъ, нужно покинуть научную почву, что въ границахъ научнаго изслѣдованія не допускается и даже вообще не

[50]) *Haeckel*, Natürl. Schöpfungsgeschichte, 4 Aufl. Berlin, 1873, S. 306 u. ferner S. 309 u. f. Срав. того же автора «Beiträge zur *Plastidentheorie*» въ Jenaische Zeitschrift Bd. V, Heft. 4.—Въ этой статьѣ, которая имѣетъ предметомъ ставшее нужнымъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, преобразованіе теоріи ячеекъ и слѣдствія новаго воззрѣнія, находится(на стр. 500) слѣдующее мѣсто: «самый важный фактъ, вытекающій изъ тщательныхъ изслѣдованій *Гекслея* надъ bathybius, тотъ, что *морское дно открытаго океана на значительныхъ глубинахъ* (ниже 5000 ф.) *покрыто* огромными массами тонкой живой протоплазмы, и эта протоплазма находится здѣсь въ простѣйшей и первоначальнѣйшей формѣ, т. е. она вообще еще не имѣетъ опредѣленной формы, она почти еще не индивидуализирована. Объ этомъ весьма замѣчательномъ фактѣ нельзя подумать безъ самаго глубокаго удивленія и мы невольно вспоминаемъ при этомъ «первобытную слизь» Окена. Эта универсальная *первобытная слизь* натурфилософіи, возникшая въ морѣ и долженствовавшая быть первичнымъ источникомъ всякой жизни, продуктивнымъ матеріаломъ всѣхъ организмовъ; эта знаменитая и пресловутая первичная слизь, всеобъемлющее значеніе которой собственно уже было implicite обосновано теоріею протоплазмы *Макса Шульца*,—она стала, благодаря открытію bathybius'а *Гекслеемъ*, полною истиною.

можетъ быть принято во вниманіе. Но тѣмъ, которымъ нуженъ, какъ потребность сердца, актъ творчества, долженъ быть предоставленъ выборъ, предпочитаютъ ли они прятаться съ нимъ во всякій темный уголъ, до котораго не достигъ еще свѣтъ науки, или предпочитаютъ они возстать противъ всей науки и, незаботясь о правилахъ разума, вѣровать въ то, что имъ нравится, или же, наконецъ, съумѣть стать на почву *идеала* и чтить *именно то, что наука называетъ процессомъ природы*, какъ нѣкоторое проявленіе божественнаго могущества и мудрости. Что только послѣдняя точка зрѣнія соотвѣтствуетъ развитой культурѣ, первая же, хотя самая обыкновенная, но и во всѣхъ отношеніяхъ самая слабая, объ этомъ мы должны здѣсь только упомянуть.

Впрочемъ, дѣло вовсе не таково, чтобы, отказываясь отъ земнаго первичнаго зарожденія, мы отвергали всякую возможность установленія полной причинной связи въ природѣ.

Прежде всего здѣсь заслуживаетъ вниманія сдѣланная недавно англійскимъ физикомъ *Вильямомъ Томсономъ* [51]) гипотеза, которая выводитъ происхожденіе организмовъ на нашей землѣ *изъ міроваго пространства* и пользуется *метеорами*, какъ ихъ носителями. „Если вулканическій островъ возникаетъ изъ моря и черезъ нѣсколько лѣтъ покрывается растительностью, мы не затрудняемся предположить, что сѣмена занесены на него черезъ воздухъ или приплыли къ нему на плотахъ. Развѣ невозможно, развѣ невѣроятно, что начало растительной жизни на землѣ могло бы быть объяснено подобнымъ же образомъ?"

Томсонъ разсматриваетъ метеориты, какъ обломки разрушенныхъ и нѣкогда покрытыхъ жизнію міровъ. Такіе обломки могутъ при столкновеніи отчасти сохраниться, тогда какъ большая часть изъ нихъ расплавляется. Если мы теперь предположимъ, „что кромѣ нашего въ настоящее время существуютъ и существовали съ незапамятныхъ временъ многіе міры съ жизнью", то „мы должны считать въ высшей степени вѣроятнымъ, что безчисленное множество метеоритовъ, носящихъ сѣмена, движутся въ пространствѣ. Если въ настоящую минуту не существовало-бы никакой жизни на землѣ, то камень, который упалъ бы на нее, привелъ бы, посредствомъ того, что мы называемъ естественной причиной, къ тому, что земля покрылась бы растительностью".

[51]) Томсонъ развилъ эту гипотезу въ очень многосодержательной рѣчи при открытіи Британскаго собранія естествоиспытателей въ 1871 г. «о новѣйшихъ успѣхахъ въ естественныхъ наукахъ». Обширное извлеченіе изъ нея содержитъ «der Naturforscher», Jahrg. IV (1871) Nr 37.—Приведенныя здѣсь мѣста перепечатаны у Цельнера, Natur der Kometen, Vorrede. S. XXIV u. f.

Целльнеръ пытается доказать, что эта гипотеза *не научна*, прежде всего въ формальномъ отношеніи, потому что она только отодвигаетъ вопросъ и при этомъ дѣлаетъ его запутаннѣе. Слѣдовало бы далѣе спросить: почему же та разрушенная планета была покрыта растительностью, а наша земля нѣтъ? Потомъ онъ находитъ и матеріально ненаучнымъ дѣлать метеориты носителями сѣмянъ, такъ какъ они при вступленіи въ нашу атмосферу отъ паденія раскаляются.

Гельмгольцъ, берущій гипотезу Томсона въ защиту отъ упрека въ ненаучности, напоминаетъ, что большіе метеорные камни нагрѣваются только въ своихъ внѣшнихъ слояхъ, внутри-же, гдѣ подобныя сѣмена очень хорошо могутъ скрываться въ щеляхъ, остаются холодными. Кромѣ того, сѣмена, лежащія на поверхности, при вступленіи въ высшіе слои атмосферы, сдувались бы, прежде чѣмъ согрѣваніе достигло бы уничтожающей степени. Гельмгольцъ, который уже до Томсона упоминалъ о подобной гипотезѣ въ одной изъ своихъ научныхъ лекцій, какъ о возможной, предоставляетъ кому угодно считать ее и за въ высшей степени невѣроятную. „Но", замѣчаетъ онъ, „я считаю совершенно правильнымъ научнымъ пріемомъ, что, когда рушатся всѣ наши старанія произвести организмы изъ безжизненной субстанціи, мы спрашиваемъ: *возникала-ли вообще когда нибудь жизнь*, не также-ли она древня, какъ и матерія, и не переносится-ли ея зародышъ отъ одного небеснаго тѣла къ другому, развивась вездѣ, гдѣ находитъ благопріятную почву" [52])?

Дѣйствительно, по отношенію къ „формальному" возраженію Целльнера, легко отвѣтить, что наша земля именно потому должна быть представляема первоначально безъ растительности, что она должна была перейти сперва изъ огненно-жидкаго состоянія въ способное къ растительности. Если мы представимъ себѣ, что то другое небесное тѣло совершило тотъ же процессъ, но только въ болѣе ранній періодъ времени, то конечно оно получило свою жизнь отъ третьяго тѣла и т. д. При этомъ, конечно, вопросъ *отодвигается*, но отнюдь не *запутывается*. Во всякомъ случаѣ обходится та большая скала, которую встрѣчаетъ объясненіе организмовъ въ кантовской гипотезѣ сгущенія. Мы наталкиваемся на прогрессъ, идущій въ безконечность, и этотъ родъ „отодвиганія" имѣетъ всетаки то преимущество, что неразрѣшенныя затрудненія попадаютъ въ хорошую компанію. Возникновеніе жизни такимъ образомъ становится столь-же объяснимымъ и столь-же необъяснимымъ, какъ и вообще возникновеніе міра: оно попадаетъ въ область трансцендентныхъ вопросовъ и от-

[52]) Срав. *Zöllner*, die Natur der Kometen. Vorrede. S. XXV u. f. и отвѣтъ *Гельмгольца* въ предисловіи ко 2-й части перваго тома перевода Handb. der theoret. Physik von *Thomson* u. *Tait*, S. XI u. ff.

сылать его туда вовсе не неметодично, какъ скоро естественныя науки имѣютъ хорошее основаніе принимать подобную теорію перенесенія, въ предѣлахъ своей области познанія, за относительно вѣроятнѣйшую.

Целльнеръ соглашается съ Геккелемъ въ томъ, что generatio aequivoca по апріорическимъ основаніямъ можетъ быть отрицаема только при нарушеніи закона причинности. Но вмѣсто того, чтобы допускать рядомъ съ этимъ возможность сверхъестественнаго акта творенія, онъ считаетъ тѣмъ самымъ вопросъ *рѣшеннымъ* на дедуктивномъ пути и принимаетъ даже за недостатокъ *познавательно-теоретическаго образованія*, когда естествоиспытатели придаютъ еще такое большое значеніе *индуктивному доказательству* первичнаго зарожденія. Съ формальной стороны онъ вѣрно говоритъ, что зародышевую теорію нельзя абсолютно устранить никакимъ усовершенствованіемъ экспериментовъ, такъ какъ никого нельзя окончательно лишить права утверждать, „что органическіе первичные зародыши, относительно своей величины, принадлежатъ къ разряду эфирныхъ атомовъ и проникаютъ вмѣстѣ съ послѣдними черезъ промежуточныя пространства матеріальныхъ молекулъ, изъ которыхъ состоятъ стѣнки нашихъ аппаратовъ". Это замѣчаніе, однакоже, можно употребить развѣ какъ сатиру противъ той увѣренности, съ которою *Пастёръ* и подобные ему догматики, на основаніи своихъ экспериментовъ, считаютъ рѣшительно опровергнутою generatio aequivoca. Серьезно-же никому не прилетъ на умъ сдѣлать такую гипотезу, пока мы видимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ и въ продолженіи долгаго времени замкнутая жидкость остается безъ всякаго признака жизни.

Итакъ, индуктивное изслѣдованіе здѣсь вовсе не такъ безсильно, пока оно достигаетъ различныхъ результатовъ при различныхъ пріемахъ и можетъ ихъ сравнивать. Да и установленный Целльнеромъ принципъ успокоенія на аксіомѣ о понятности міра заслуживаетъ еще строгаго размышленія. Если Целльнеръ поступаетъ правильнѣе Геккеля въ томъ, что онъ разсматриваетъ предположеніе *непонятнаго* возникновенія, какъ вовсе нестоющее упоминанія, то, напротивъ, Геккель правъ, если онъ, на основаніи смѣлой гипотезы, старается составить себѣ наглядное представленіе о томъ, какъ именно произошло дѣло. *Гельмгольцъ* напоминаетъ съ полнымъ правомъ, что Целльнеръ тутъ находится на столь опасномъ для естествоиспытателя пути метафизики, и показываетъ, что правильную альтернативу слѣдуетъ поставить такъ: „органическая жизнь или начала существовать въ какое либо время, или существуетъ отъ вѣчности".

Если мы здѣсь оставимъ въ сторонѣ критическія сомнѣнія относительно понятія абсолютной вѣчности, то вопросъ вѣрно поставленъ, но все же и тогда

остается еще достойнымъ вниманія правиломъ изслѣдованія не покидать стараній къ доказательству земнаго возникновенія организмовъ, для того чтобы болѣе удобное передвиганіе вопроса на міровое цѣлое не могло, подобнымъ же образомъ, какъ иное метафизическое построеніе, остановить прогресса эмпирическаго познанія.

Здѣсь въ заключеніе можно упомянуть и о взглядѣ *Фехнера*, который, въ богатыхъ мыслями, но и въ богатыхъ гипотезами, небольшихъ сочиненіяхъ, старается провести взглядъ, что *органическія* молекулы *старьйшія* сравнительно съ неорганическими, и что по „принципу увеличивающейся устойчивости" послѣдніе могутъ развиться изъ первыхъ, но не на оборотъ. Все это соображеніе основано на предположеніи о состояніи движенія частичекъ въ молекулахъ, которое требуетъ еще подтвержденія, если только когда нибудь можетъ найти его [53]).

Во всей этой области изслѣдованіе природы, вообще говоря, можетъ идти только по одному пути, и если мы захотимъ назвать этотъ путь матеріалистическимъ, то не слѣдуетъ забывать объ указанныхъ въ предъидущихъ главахъ границахъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. Здѣсь есть лишь одинъ пунктъ, который напоминаетъ намъ эти границы и критическую точку зрѣнія теоріи познанія: *понятіе о безконечности* въ его примѣненіи какъ къ существующимъ небеснымъ тѣламъ и образующимъ міръ веществамъ, такъ и по отношенію къ ходу времени при вопросѣ, предпочесть-ли начало или без-

[53]) *Fechner*, G. Th., Einige Ideen zur Schöpfungs- u. Entwickelungsgeschichte der Organismen, Leipzig, 1873.—Въ этомъ цѣнномъ, въ особенности для поднятыхъ Дарвиномъ вопросовъ, трудѣ, Фехнеръ выставляетъ гипотезу, что въ органическихъ молекулахъ частички находятся въ другомъ состояніи движенія, чѣмъ въ неорганическихъ. Въ послѣднихъ частички колеблются около твердыхъ положеній равновѣсія, такъ что передвиженіе пункта b относительно пункта a никогда не составитъ болѣе 180° (измѣряемыхъ по движенію радіуса вектора къ b отъ a какъ центра). Слѣдовательно не бываетъ никакого измѣненія въ знакѣ ихъ относительнаго положенія. Напротивъ Фехнеръ принимаетъ, что частички органическихъ молекулъ движутся одна относительно другой такимъ способомъ, при которомъ знакъ относительнаго положенія постоянно измѣняется, «какъ это можетъ случиться вслѣдствіе круговорота и другихъ запутанныхъ движеній однихъ частичекъ относительно другихъ». Но это состояніе движенія должно поддерживаться «внутренними» силами молекулъ. Фехнеръ принимаетъ далѣе, что это состояніе матеріи есть первоначальное, неорганическое напротивъ возникло позднѣе. Органическіе и неорганическіе молекулы могутъ вступать другъ съ другомъ въ самую тѣсную связь, и это смѣшеніе производитъ то, что различіе органическихъ и неорганическихъ состояній есть относительное, и что нельзя поставить твердой границы между ними.

началіе и какъ можно осуществить въ представленіи то или другое предположеніе. Но мы отказываемся ближе вникать и здѣсь *въ субъективное* начало этихъ понятій и показывать, какъ они только въ „мірѣ какъ представленіи" могутъ найти свое удовлетворительное объясненіе. Впереди у насъ будутъ лучшіе случаи противопоставить идеалистическую точку зрѣнія матеріалистической: достаточно констатировать, что истинный идеализмъ во всей области объясненія природы, насколько дѣло идетъ объ *отношеніяхъ* между явленіями, по крайней мѣрѣ на столько же идетъ рука объ руку съ естественными науками, насколько это когда либо было возможно матеріализму.

IV. Дарвинизмъ и телеологія.

Когда появилось первое изданіе нашей исторіи матеріализма, дарвинизмъ былъ еще новъ; партіи лишь начинали занимать свои положенія, или, вѣрнѣе сказать, быстро возрастающая партія „нѣмецкихъ дарвинистовъ" только начинала развиваться, и реакція, которая въ настоящее время видитъ здѣсь наиболѣе угрожаемый пунктъ стараго міровоззрѣнія, не облеклась еще въ доспѣхи, потому что еще не совсѣмъ понимала всю дальность великаго вопроса и внутреннее могущество новаго ученія.

Съ тѣхъ поръ интересъ друга и недруга такъ сосредоточился на этомъ пунктѣ, что не только возникла многотомная литература о Дарвинѣ и дарвинизмѣ, но можно даже утверждать, что *споръ о дарвинизмѣ* въ настоящее время тоже самое, что въ то время былъ болѣе общій *матеріалистическій споръ*. Хотя *Бюхнеръ* все еще находитъ новыхъ читателей „Силы и вещества", но не слышно болѣе литературнаго крика негодованія, когда появляется новое изданіе. *Молешоттъ*, настоящій виновникъ нашего матеріалистическаго движенія, въ массѣ публики почти забытъ, и даже о Карлѣ Фохтѣ уже рѣдко упоминаютъ, пока дѣло идетъ не о спеціальныхъ вопросахъ антропологіи, или отдѣльныхъ, незабвенныхъ изрѣченій его драстическаго юмора. Но вмѣсто того, всѣ повременныя изданія воюютъ за или противъ Дарвина; почти ежедневно появляются большія или малыя сочиненія *о теоріи происхожденія видовъ, о естественномъ подборѣ* и въ особенности, какъ этого и можно было ожидать, *о происхожденіи человѣка*, такъ какъ очень многіе недѣлимые этого особеннаго вида сами въ себѣ сомнѣваются, когда возникаетъ сомнѣніе въ подлинности ихъ родословной.

Несмотря на это великое движеніе, мы и нынѣ можемъ оставить почти неизмѣненнымъ все написанное нами о дарвинизмѣ 8 лѣтъ тому назадъ; но нельзя остановиться на одномъ этомъ. Матеріалъ расширился, хотя *научный*

матеріалъ не совсѣмъ въ той пропорціи, какъ печатная бумага; вопросы специализировались. Тогда Дарвинъ былъ единственнымъ вліятельнымъ представителемъ не только теоріи происхожденія видовъ, но можно почти сказать *вообще естественнаго объясненія органическихъ формъ*. Въ настоящее время случается, что ожесточенныя нападки на Дарвина и на дарвинизмъ направляются людьми, которые исключительно имѣютъ въ виду теорію естественнаго подбора, какъ будто все остальное было на лицо и до появленія Дарвина. Самые разнообразные оттѣнки взглядовъ, которые тогда были еще въ зародышѣ, теперь опредѣленно выступили и принесли съ собой новыя основанія и новыя сомнѣнія. Что мы тогда высказали объ этомъ вопросѣ, можетъ поэтому теперь служить только какъ бы общимъ введеніемъ къ болѣе основательному его обсужденію; но такъ какъ со многими изъ нашихъ тогдашнихъ положеній или соглашались или противорѣчили имъ, то мы приведемъ ихъ здѣсь *безъ перемѣнъ* и предоставляемъ себѣ привести необходимыя поправки въ примѣчаніяхъ и слѣдующихъ далѣе прибавленіяхъ.—Можетъ быть, во всей новѣйшей наукѣ нѣтъ примѣра подобнаго неосновательнаго и въ тоже время грубаго суевѣрія, какъ суевѣріе *вида* и, вѣроятно, мало такихъ пунктовъ, въ которыхъ можно убаюкиваться такими безпочвенными аргументаціями и все снова и снова впадать въ догматическій сонъ [54]). Почти становится непонятнымъ, какъ естествоиспытатель, который, въ продолженіи двадцати лѣтъ, спеціально интересуется постановкою понятія о видѣ и который видитъ въ способности размноженія новый критерій вида, во все это время не производитъ ни одного эксперимента по этому вопросу, а, какъ истинный *историкъ природы*, довольствуется критическимъ разсматриваніемъ случайно переданныхъ разсказовъ. Конечно и въ области изслѣдованія природы совершенно можно допустить раздѣленіе труда между экспериментомъ и критическимъ сопоставленіемъ экспериментовъ, и даже въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это обыкновенно признается. Но, если поле еще совершенно лежитъ подъ паромъ, какъ въ вопросѣ о происхожденіи видовъ, то конечно первое критическое положеніе, къ которому должны насъ привести здравый разумъ и естественно-научный методъ, то, что въ этой области, такъ же какъ и во всякой другой, только изъ *опыта* можемъ мы что нибудь узнать. Между тѣмъ, *Андрей Вагнеръ* такъ далеко уклонился отъ пути изслѣдованія природы, что думалъ сдѣлать важное дѣло, когда требовалъ *юридическаго* доказательства для такъ называемыхъ ублюдочныхъ образованій и до полученія его считалъ свои догматы по прежнему непоколебимыми [55]). Конечно, можетъ быть самый удобный пріемъ, когда полюбившееся предубѣжденіе разсматривается какъ личная собственность, и противъ всякаго, кто его хочетъ похитить, выставляется право давности; вся эта точка зрѣнія не имѣетъ даже отдаленнаго сходства съ изслѣдованіемъ природы. Одна черта можетъ характеризовать методъ, вникать въ результаты котораго было бы пустою потерею времени.

[54]) Оспариваемое здѣсь *абсолютное понятіе вида* имѣетъ свой двойной корень въ метафизическомъ значеніи платоновско-аристотелевскаго εἶδος и въ традиціи о Ноевомъ ковчегѣ. Само собой разумѣется, что различіе органическихъ формъ по видамъ служитъ не только для практической цѣли обзора, но и можетъ имѣть притязаніе на извѣстное матеріальное значеніе, безъ всякой догмы о неизмѣнности и трансцендентномъ основаніи видовъ. Изъ самаго дарвинизма, при помощи принципа увеличивающейся устойчивости, можно вывести, что организмы въ продолженіи большихъ періодовъ времени должны получить тенденцію группироваться по видамъ и разграничиваться одни отъ другихъ. Но это есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ абсолютное понятіе вида, которое выступало во время реакціи противъ матеріализма Фохта и другихъ часто такимъ образомъ, что противорѣчило всѣмъ принципамъ естествовѣдѣнія.

Передъ нами явно цѣлый рядъ ублюдочныхъ образованій, которыя произошли отъ прихоти любителей или отъ простой случайности и засвидѣтельствованы съ большею или меньшею основательностью. На основаніи такого матеріала рѣшается вопросъ, какова плодовитость ублюдковъ: a) между собою, и b) съ родовой линіей. Съ перваго взгляда, когда мы просматриваемъ этотъ прекрасный матеріалъ, мы видимъ, что къ первому отдѣлу относятся лишь очень немногіе примѣры, или потому, что имѣлся лишь одинъ ублюдокъ, который слѣдовательно не могъ быть спариваемъ съ однороднымъ ему или потому, что ублюдки разнаго пола раздѣлялись и дарились, такъ какъ никто не думалъ экспериментировать надъ образованіемъ новыхъ видовъ. Изъ втораго отдѣла получается великая истина, что расы ублюдковъ постепенно возвращаются опять къ первоначальнымъ расамъ, ибо изъ поколѣнія въ поколѣніе ихъ спаривали только съ одною изъ нихъ. Отсюда получается великое заключеніе, что ублюдки или безплодны, или могутъ размножаться только при спариваніи съ родительскими расами; ибо для противоположныхъ показаній „*недостаетъ*

[55]) *Andreas Wagner*, Naturwissenschaft und Bibel, im Gegensatze zu dem Köhlerglauben des Herrn Carl Vogt, als des wiedererstandenen und aus dem Französischen in's Deutsche übersetzten Bory, Stuttgart, 1855. Срав. напр. стр. 29: Такія свѣдѣнія (о плодоносныхъ ублюдкахъ) «основаны на показаніяхъ сельскихъ хозяевъ и путешественниковъ, но однако лишены принудительной достовѣрности, требуемой *слѣдственнымъ судьею* для строгаго констатированія факта.» Стр. 31: «или такія свѣдѣнія вполнѣ невѣрны, или имъ недостаетъ юридической силы доказательства» и т. д.

легальнаго доказательства". Противникъ долженъ проиграть процессъ, и наше дѣло выиграно.

Всякій знаетъ, какъ слѣдуетъ поступить, если хочетъ не дѣло выиграть, а найти истину, что для человѣка, который занимается двадцать лѣтъ вопросомъ о видахъ, вовсе нельзя назвать недоступною цѣлью. Можно бы, очевидно, со всѣмъ тѣмъ стараніемъ, которое примѣняется новѣйшими естественными науками въ другихъ областяхъ и которому онѣ вполнѣ обязаны своими великими успѣхами, прежде всего произвести большой рядъ извѣстныхъ ублюдочныхъ образованій, напр., между канарейкой и коноплянкой. Большой рядъ не только необходимъ для элиминаціи случайности и для полученія вѣрнаго средняго вывода, но онъ требуется уже непосредственно самою природою задачи, допускающей уклоненія въ разныя стороны. Можно взять, напримѣръ, нѣсколько паръ однородныхъ ублюдковъ, потомъ нѣсколько паръ ублюдковъ съ отцовскою и, наконецъ, съ материнскою родовою линіею. Поставимъ эти пары, по возможности, въ одинаковыя условія относительнаго и абсолютнаго возраста, ухода, обстановки, или начнемъ методически измѣнять эти условія, и мы получимъ результатъ, на основаніи котораго можетъ получиться нѣсколько вѣроятныхъ положеній; тутъ, конечно, было бы больше заслуги, чѣмъ въ двадцатилѣтнемъ изслѣдованіи легальности высшихъ охотничьихъ разсказовъ, предпринятомъ Андреемъ Вагнеромъ.

Дарвинъ сдѣлалъ могущественный шагъ для завершенія нѣкотораго натурфилософскаго міровоззрѣнія, которое равно можетъ успокоить умъ и сердце, основываясь на твердомъ базисѣ фактовъ, представляя единство міра въ величавыхъ чертахъ и не впадая въ противорѣчіе съ частностями. Но его изложеніе происхожденія видовъ, какъ естественнонаучная гипотеза, требуетъ также *эксперимента* для своего подтвержденія, и Дарвинъ совершитъ великое дѣло, если ему удастся привлечь духъ методическаго изслѣдованія въ область, которая обѣщаетъ самую щедрую награду, требуя, конечно, и величайшаго самопожертвованія и настойчивости. Иные изъ относящихся сюда экспериментовъ могутъ превзойти силы и продолжительность дѣятельности отдѣльнаго изслѣдователя, и лишь позднѣйшія поколѣнія пожнутъ плоды того, что должно начать настоящее время. Но именно здѣсь обнаружится новый успѣхъ въ грандіозномъ пониманіи задачи науки, а вѣрная постановка этой задачи должна укрѣпить чувство внутренней связи человѣчества и общности его смѣлыхъ цѣлей.

Такое дѣйствіе теоріи Дарвина на изслѣдованіе зависитъ не только отъ простой ясности и удовлетворительной законченности основной мысли, которая уже была подготовлена въ опытахъ и методическихъ требованіяхъ настоящаго времени и легко должна была получиться изъ неизбѣжныхъ комбинацій различныхъ современныхъ мыслей. Несравненно большая заслуга заключается несомнѣнно въ настойчивомъ преслѣдованіи предмета, который уже въ 1837 году сильно занялъ возвратившагося изъ научнаго морскаго плаванія естествоиспытателя и которому онъ съ тѣхъ поръ посвятилъ свою жизнь.

Богатый матеріалъ, который собралъ Дарвинъ, по большей части еще не изданъ, болѣе точныхъ доказательствъ для его положенія еще нѣтъ, и имѣющее выйти большое сочиненіе представитъ намъ вѣроятно гигантскую работу знаменитаго человѣка во всемъ ея объемѣ [56]). Многіе хотятъ отложить свое сужденіе о теоріи Дарвина до появленія этого матеріала и ничего нельзя возразить противъ такой осторожности, такъ какъ конечно и въ этой работѣ человѣческаго прилежанія и остроумія критикѣ много будетъ дѣла, прежде чѣмъ прочные результаты будутъ отдѣлены отъ преходящаго и субъективнаго. Но слѣдуетъ обратить вниманіе, что полное подтвержденіе остроумной гипотезы во всякомъ случаѣ не можетъ зависѣть единственно отъ этого матеріала, но что нужна самостоятельная дѣятельность многихъ и можетъ быть экспериментирующій трудъ цѣлыхъ поколѣній, чтобы подтвердить теорію *естественнаго* подбора посредствомъ *искусственнаго*, могущаго въ относительно короткое время повторить работу, для которой природѣ нужны тысячелѣтія. Съ другой стороны, теорія Дарвина уже въ своей настоящей формѣ имѣетъ значеніе, которое ставитъ ее далеко выше какого нибудь случайнаго вопроса. Его собраніе наблюденій не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ вагнеровскими ученическими протоколами о законности отдѣльныхъ охотничьихъ разсказовъ. Дарвинъ съумѣлъ всю естественную исторію растеній и животныхъ привести въ связь съ своею теоріею посредствомъ тонкой и остроумной комбинаціи вполнѣ достовѣрныхъ наблюденій. Всѣ лучи собраны въ одинъ фокусъ, и богатое развитіе теоріи вводитъ самыя отдаленныя повидимому явленія органической жизни въ потокъ доказательства. Но если хотимъ характеризовать самую превосходную сторону его трудовъ, то нужно указать на то, что именно разъясненіе его основной мысли, подкрѣпленіе ея многочисленными теоремами и вспомогательными гипотезами почти нигдѣ не представляетъ ничего произвольнаго и принужденнаго, что нѣкоторыя изъ нихъ не только сами по себѣ очевиднѣе главной мысли, но и одинаково высоки, если не выше по естественно-научному значенію. Здѣсь мы въ особенности имѣемъ въ виду ученіе о *борьбѣ видовъ за свое существованіе* и глубокія отношенія этого ученія къ *телеологіи*.

---

[56]) Вмѣсто одного большаго сочиненія, появился рядъ отдѣльныхъ изданій, между которыми особенно богато матеріаломъ двутомное соч. объ «*варіированіи животныхъ и растеній въ домашнемъ состояніи*» (переводъ—V. Carus. 2. Ausg. Stuttgart, 1873).

Теорія происхожденія видовъ приводитъ насъ къ первобытнымъ временамъ, которыя получаютъ характеръ таинственнаго въ силу того, что здѣсь вымысламъ миѳа противопоставляется только сумма возможностей, большое число которыхъ чрезвычайно уменьшаетъ вѣроятность каждой изъ нихъ отдѣльно. *Борьба за существованіе* напротивъ разыгривается передъ нашими глазами, и однако цѣлыя столѣтія она ускользала отъ вниманія періода, столь жадно ищущаго истины. Одинъ изъ рецензентовъ *раденгаузеновской Изиды*, этой превосходной, хотя и невполнѣ доходящей до корня натуралистической системы послѣднихъ годовъ [57]), дѣлаетъ замѣчаніе, которое намъ показываетъ, съ какимъ трудомъ даже довольно безпристрастный наблюдатель обозрѣваетъ состояніе этихъ вопросовъ, въ такую минуту, когда каждый, кто только въ состояніи обозрѣть ихъ, долженъ придти къ совершенно недвусмысленному результату. Раденгаузенъ пользуется ученіемъ Дарвина, чтобы вывести слѣдствія, которыя приводятъ насъ вновь къ древней радикальной оппозиціи Эмпедокла противъ телеологіи; но онъ допускаетъ, что нѣтъ еще полнаго доказательства для ученія Дарвина. Два положенія его рецензента въ „Литературномъ центральномъ листкѣ“ послужатъ темою для нѣкоторыхъ замѣчаній, которыя и безъ того намъ слѣдуетъ изложить и для которыхъ мы здѣсь находимъ только удобный и опредѣленный поводъ. „Тутъ предпочитаютъ“, говоритъ безъимянный авторъ, „на мѣсто цѣлесообразной, но чудесно дѣйствующей внѣміровой причинности, поставить *возможность* счастливыхъ случайностей, и находятъ въ прогрессивномъ развитіи того, что начато счастливою случайностью, вознагражденіе за то, что всѣ явленія міра въ своемъ послѣднемъ основаніи безсмысленны и безцѣльны, и что прекрасное и доброе заключается не въ началѣ, но лишь въ концѣ, или, по крайней мѣрѣ, является лишь въ прогрессѣ событій... Пока эти (доказывающія) открытія еще не стали дѣйствительными, дозволительно поставить себѣ вопросъ, дѣйствительно ли гипотезы, которыя этотъ натурализмъ считаетъ себя въ правѣ дѣлать, менѣе смѣлы и отважны, нежели предположенія телеологическаго міровоззрѣнія“.

[57]) Мое мнѣніе объ *Изидѣ Раденгаузена* теперь не было бы такъ благопріятно, въ особенности въ отношеніи къ историческимъ и историко-психологическимъ разсужденіямъ, которыя содержатъ много черезъ чуръ смѣлаго и невѣрнаго. Но это не касается развитія мыслей по отношенію къ телеологіи. Кстати впрочемъ замѣтимъ, что рецензентъ въ Liter. Centralblatt (1863 Sp. 486) хвалитъ его такъ: «Книга написана съ невозмутимымъ спокойствіемъ и сухою самоувѣренностью, напоминающею Спинозу». Упомянутая въ текстѣ полемика, которую мы можемъ назвать эмпедокловскою точкой зрѣнія, находится въ Liter. Centralblatt, 1864 Sp. 843 и f.

Этотъ рецензентъ есть типъ; большая часть тѣхъ, которыя по отношенію къ новому естествознанію еще полагаютъ себя вправѣ держаться телеологіи, хватаются за пробѣлы научнаго познанія и упускаютъ приэтомъ изъ виду, что по крайней мѣрѣ до *сихъ поръ* существовавшая *форма* телеологіи, *антропоморфическая*, совершенно устраняется фактами, все равно, вполнѣ ли доказанъ натуралистическій взглядъ или нѣтъ. Вся телеологія имѣетъ свой корень въ томъ взглядѣ, что Строитель міровъ дѣйствуетъ по пріемамъ, которые человѣкъ по аналогіи употребленія человѣческаго разсудка долженъ назвать цѣлесообразными. Такъ въ сущности это понимаетъ уже Аристотель, и даже пантеистическое ученіе объ „имманентной“ цѣли удерживаетъ идею извѣстной, соотвѣтствующей человѣческому идеалу, цѣлесообразности, хотя и отвергается внѣміровая личность, которая по человѣческому способу сначала измышляетъ эту цѣль, а потомъ выполняетъ. Но нельзя болѣе сомнѣваться, что природа дѣйствуетъ такимъ способомъ, который не имѣетъ никакого сходства съ человѣческою цѣлесообразностью; что самое существенное ея средство таково, что, измѣряемое масштабомъ человѣческаго разсудка, оно равняется только самой слѣпой случайности. Относительно этого пункта нельзя ждать никакого будущаго доказательства; факты говорятъ такъ ясно и въ различныхъ областяхъ природы такъ единогласно, что нельзя допустить никакого міровоззрѣнія, которое противорѣчило бы этимъ фактамъ и ихъ необходимому истолкованію.

Если бы человѣкъ для того, чтобы застрѣлить зайца, выстрѣлилъ изъ милліона ружей на большомъ полѣ, по всевозможнымъ направленіямъ; если бы онъ, чтобы войти въ замкнутую комнату, купилъ себѣ 10,000 любыхъ ключей и всѣ ихъ испробовалъ; если бы онъ, чтобы имѣть домъ, построилъ себѣ городъ, и излишніе дома предоставилъ бы вѣтру и непогодѣ: то никто не назвалъ бы этого цѣлесообразнымъ, а еще менѣе стали бы искать въ такихъ пріемахъ какой нибудь высшей мудрости, таинственныхъ основаній и необычайнаго практическаго ума [58]). Но кто въ новѣйшихъ наукахъ о природѣ хочетъ по-

[58]) *Wigand*, der Darwinismus u. d. Naturforschung Newtons u. Cuviers (Braunschweig, 1874) I, S. 421 совершенно превратно понялъ это мѣсто, если полагаетъ, что здѣсь «величайшая нецѣлесообразность и случайность выставляются характеромъ природы», тогда какъ прежде всего дѣло только въ томъ, чтобы рѣзко выставить контрастъ между способомъ, какъ достигаетъ цѣли природа, и какъ достигаетъ ее *человѣкъ*. Способъ дѣйствія человѣка, который поступалъ бы по аналогіи природы, нужно бы назвать въ высшей степени нецѣлесообразнымъ; этимъ доказывается, что способъ дѣйствія природы (употребляя ради краткости это образное выраженіе) принципіально совершенно различенъ отъ способа дѣйствія человѣка, и что слѣдовательно *антропоморфическая* форма телеологіи, о которой только и говорится въ

черпнуть знаніе законовъ сохраненія и продолженія видовъ—даже такихъ видовъ, цѣли которыхъ мы вообще не понимаемъ, какъ, напримѣръ, глистовъ,—тотъ всюду найдетъ ужасную расточительность жизненныхъ зародышей. Начиная съ цвѣточной пыли растеній до оплодотвореннаго сѣмени, отъ сѣмени до прорастающаго растенія, отъ такого растенія до растенія вполнѣ выросшаго, которое само приноситъ сѣмена, мы постоянно видимъ механизмъ, который путемъ тысяче-краткаго произрожденія для немедленной погибели и путемъ случайнаго совпаденія благопріятныхъ условій—сохраняетъ жизнь настолько, насколько мы ее видимъ сохраненной вокругъ насъ. Погибель жизненныхъ зародышей, недовершеніе начинающагося есть общее правило; „сообразное съ природою“ развитіе есть частный случай между тысячами; это есть исключеніе, и это исключеніе создаетъ ту природу, цѣлесообразному самосохраненію которой удивляется близорукій телеологъ. „Мы видимъ лице природы“, говоритъ Дарвинъ, „сіяющимъ радостью; мы часто видимъ изобиліе пищи; но мы не видимъ, или мы забываемъ, что птицы, которыя такъ беззаботно поютъ вокругъ насъ, по большей части живутъ насѣкомыми и сѣменами и такимъ образомъ постоянно разрушаютъ жизнь; или мы забываемъ, что эти пѣвцы, или ихъ яица, или ихъ птенцы уничтожаются хищными птицами и другими животными; мы не думаемъ о томъ, что пища, которая теперь находится въ изобиліи, въ другія времена каждаго вновь возвращающагося года оказывается въ недостаткѣ“. Споръ за кусочекъ земли, счастіе или несчастіе въ преслѣдованіи и уничтоженіи чужой жизни опредѣляетъ распространеніе растеній и животныхъ. Милліоны сѣмяныхъ животныхъ, яичекъ, молодыхъ тварей колеблются между жизнью и смертью, для того чтобы отдѣльныя недѣлимыя могли развиваться. Человѣческій разумъ не знаетъ другаго идеала, кромѣ возможнаго сохраненія и усовершенствованія той жизни, которая разъ началась и соединена съ ограниченіемъ рожденія и смерти. Для природы роскошное произрожденіе и по-

---

этомъ мѣстѣ, совершенно несостоятельна. Что, по моему пониманію, «величайшая бережливость» должна быть цѣлью природы, объ этомъ нигдѣ не говорится. Просто сравнивается способъ дѣйствія природы со способомъ дѣйствія человѣка при достиженіи нѣкоторой цѣли. Что природа фактически все-таки достигаетъ своей цѣли, какъ замѣчаетъ Вигандъ, повидимому противъ моего пониманія, есть само собою разумѣющееся предположеніе всего разсужденія. Но если Вигандъ прибавляетъ «и безъ ущерба для другихъ цѣлей», то это, какъ и вся остальная часть его примѣчанія, ничто иное какъ оптимистическая метафизика, которой, на основаніи фактовъ, по крайней мѣрѣ съ одинаковымъ правомъ, можно противопоставить *пессимистическую*. — Сравн. впрочемъ въ текстѣ слова послѣдняго относящагося сюда параграфа «и все-таки дѣло имѣетъ свою оборотную сторону» и т. д.

стоянная погибель суть только двѣ противоположныя силы, которыя ищутъ своего равновѣсія. — Вѣдь *политическая экономія* раскрыла даже для „цивилизованнаго“ міра тотъ печальный законъ, что нищета и недостатокъ пищи суть великіе регуляторы приращенія народонаселенія. Даже въ духовной области повидимому методъ природы тотъ, что она тысячи одинаково способныхъ и стремящихся умовъ предаетъ горю и отчаянью, чтобы создать одного генія, который обязанъ бываетъ своимъ развитіемъ благопріятнымъ обстоятельствамъ. Состраданіе, прекраснѣйшій цвѣтъ земныхъ организмовъ, пробивается только на отдѣльныхъ пунктахъ и даже для жизни человѣчества составляетъ скорѣе идеалъ, чѣмъ одну изъ обыкновенныхъ пружинъ.

То, что мы называемъ въ развитіи видовъ *случайностью*, конечно не есть случай въ смыслѣ общихъ *законовъ природы*, великій ходъ которыхъ вызываетъ всѣ эти дѣйствія; но это есть случай въ самомъ строгомъ смыслѣ слова, если мы это выраженіе будемъ разсматривать какъ противуположность дѣйствіямъ нѣкоторой *человѣко-подобно соображающей цѣли интеллигенціи*; но гдѣ мы въ органахъ животныхъ и растеній находимъ цѣлесообразное, тамъ мы должны предполагать, что, при вѣчномъ умерщвленіи всего слабаго, уничтожались безчисленныя, менѣе цѣлесообразныя формы, такъ что и здѣсь то, что сохраняется, есть только благопріятный частный случай въ океанѣ рожденія и уничтоженія. Словомъ, это отрывокъ столь порицаемаго міровозрѣнія *Эмпедокла*, подтверждаемый безконечнымъ матеріаломъ, собраннымъ только въ послѣднія десятилѣтія точнымъ изслѣдованіемъ.

И все-таки дѣло имѣетъ свою оборотную сторону. Развѣ совершенно вѣрно, какъ полагаетъ рецензентъ Раденгаузена, что на мѣсто чудесно дѣйствующей причинности является только „*возможность*“ счастливыхъ случайностей? То, что мы видимъ, не есть возможность, а *дѣйствительность*. *Единичный случай* для насъ „*возможенъ*“, онъ для насъ „случайный“, только потому, что устраивается ходомъ законовъ природы, которые въ нашемъ человѣческомъ пониманіи не имѣютъ ничего общаго съ этимъ частнымъ слѣдствіемъ ихъ столкновенія. Но въ великомъ цѣломъ мы можемъ познавать *необходимость*. Между безчисленными случаями должны находиться и благопріятные; ибо они *существуютъ дѣйствительно* и все дѣйствительное вызвано вѣчными законами вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ не столько устранена всякая телеологія, сколько намъ объясняется объективная сущность цѣлесообразности міра явленій. Мы ясно видимъ, что эта цѣлесообразность въ частностяхъ не есть человѣческая и что она даже, насколько мы познали до сихъ поръ ея средства, установлена *не высшимъ разумомъ*, а средствами, которыя *по своему логическому* содержанію рѣшительно и ясно *самыя низ-*

шія, какія мы *только знаемъ*. Но опять сама эта оцѣнка основана на человѣческой природѣ, и такимъ образомъ метафизическому, религіозному пониманію вещей, которое въ своихъ созиданіяхъ переходитъ эти границы, остается всегда поприще для возстановленія телеологіи, которую просто и рѣшительно слѣдуетъ исключить изъ естествоиспытанія и изъ критической натурфилософіи.

Изученіе низшаго міра животныхъ, которое въ послѣднія десятилѣтія, въ особенности со времени открытія *Стенструпомъ „чередованія поколѣній"*, сдѣлало громадные успѣхи, впрочемъ устраняетъ не только старое понятіе видовъ, но бросаетъ и замѣчательный свѣтъ на совершенно другой вопросъ, который имѣетъ большую важность для исторіи матеріализма: на вопросъ о *сущности органическаго недѣлимаго* [59]). Въ соединеніи съ *теоріею клѣточекъ* и здѣсь новыя открытія начинаютъ производить такое глубокое вліяніе на наши естественно-научныя и философскія возрѣнія, что повидимому исконные вопросы бытія какъ будто теперь лишь впервые въ ясной формѣ обращены къ изслѣдователю и мыслителю. Мы видѣли, какъ древній матеріализмъ впадаетъ въ область абсолютнаго противорѣчія, вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ за единое существующее атомы, которые однако не могутъ быть носителями высшаго единства, ибо кромѣ давленія и удара между ними не бываетъ никакого соприкосновенія. Но мы также видѣли, что именно это противорѣчіе множества и единства вообще свойственно человѣческому мышленію, и что въ атомистикѣ оно только обнаруживается всего яснѣе. Единственный выходъ и здѣсь возможенъ лишь тотъ, что противоположность множества и единства понимается какъ слѣдствіе нашей организаціи, что принимается, что она въ мірѣ вещей самихъ въ себѣ разрѣшается какимъ нибудь намъ неизвѣстнымъ способомъ или скорѣе совсѣмъ не существуетъ. Этимъ мы избѣгаемъ самаго внутренняго основанія противорѣчія, вообще существующаго въ предположеніи абсолютныхъ единицъ, которыя намъ нигдѣ не даны. Если мы всякое единство понимаемъ какъ *относительное*, и въ единствѣ видимъ только *совокупленіе въ нашемъ мышленіи*, то мы этимъ конечно не схватываемъ самой глубокой сущности вещей, но дѣлаемъ возможнымъ

[59]) Мы и это мѣсто перваго изданія привели здѣсь безъ измѣненія, хотя оно не прямо относится къ Дарвинизму. «Недѣлимое» и «видъ», по крайней мѣрѣ съ теоретически-познавательной стороны, находятся въ связи между собою. Одинъ и тотъ же синтетическій процессъ подводитъ многообразное въ явленіи какъ подъ одно, такъ и подъ другое изъ этихъ понятій, и вопросъ о первенствѣ *цѣлаго* или *частей* въ сущности есть только другая форма вопроса о платоническомъ предсуществованіи идеи въ сравненіи съ одиночнымъ существомъ.

выводъ научнаго разсматриванія. Хотя абсолютному единству самосознанія приходится при этомъ плохо, однако нѣтъ еще худа, если устраняется любимое представленіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Въ этомъ отдѣлѣ мы прежде всего обратимся къ болѣе общимъ явленіямъ органической природы.

Гёте, *морфологію* котораго мы должны считать однимъ изъ самыхъ здравыхъ и самыхъ плодотворныхъ трудовъ нашей смутной эпохи натурфилософіи, сталъ на эту точку зрѣнія, на которую наводятъ насъ насильно въ настоящее время всѣ наши новѣйшія открытія, сталъ вслѣдствіе одного лишь мыслящаго углубленія въ разнообразныя формы и превращенія міра растеній и животныхъ. „*Всякое живое*", учитъ онъ, „*не есть нѣчто единичное, но есть нѣкоторое множество*; *даже на сколько оно представляется намъ недѣлимымъ, оно все же остается собраніемъ живыхъ самостоятельныхъ существъ*, которые по идеѣ, по задатку одинаковы, но въ явленіи могутъ стать или одинаковыми и подобными, или неодинаковыми и неподобными. Эти существа отчасти уже первоначально соединены, отчасти находятъ другъ друга и соединяются. Онѣ раздвояются и опять ищутъ другъ друга и такимъ образомъ производятъ безконечную продукцію всѣми способами и во всѣ стороны. Чѣмъ несовершеннѣе существо, тѣмъ болѣе эти части одиковы или подобны между собою, и тѣмъ болѣе онѣ походятъ на цѣлое. Чѣмъ совершеннѣе становится существо, тѣмъ болѣе несходными между собою становятся его части. Въ первомъ случаѣ цѣлое болѣе или менѣе похоже на части, во второмъ—цѣлое несходно съ частями. Чѣмъ болѣе сходны части, тѣмъ менѣе онѣ подчинены другъ другу. Соподчиненіе частей показываетъ болѣе совершенное существо".

Вирховъ, который воспользовался этимъ изрѣченіемъ Гёте въ прекрасной рѣчи объ *атомахъ* и *индивидуумахъ* [60]), можетъ быть причисленъ къ тѣмъ людямъ, которые положительнымъ изслѣдованіемъ и остроумною теоріею способствовали къ разъясненію отношенія существъ, образующихъ „недѣлимое" вслѣдствіе своего тѣснаго общенія.

Патологія, бывшая до тѣхъ поръ поприщемъ пустыхъ и суевѣрныхъ предразсудковъ, была объяснена имъ изъ той же жизни *клѣточекъ*, которая въ своихъ нормальныхъ явленіяхъ производитъ совокупную жизнь здороваго недѣлимаго. Недѣлимое, по его толкованію „*есть соединенная община*, въ которой всѣ части должны содѣйствовать одинаковой цѣли или, какъ это можно также выразить, дѣятельны по нѣкоторому опредѣленному плану". Эту цѣль Вирховъ далѣе называетъ внутреннею, имманентною. „Внутренняя цѣль

[60]) *Virchow*, *Rud.*, Vier Reden über Leben und Kranksein. Berlin, 1862. S. 37—76; срав. въ особенности S. 58 и 59.

въ то же время есть и внѣшняя мѣра, изъ которой не выходитъ развитіе живаго существа". Недѣлимое, которое носитъ въ себѣ свою цѣль и свою мѣру, есть поэтому *дѣйствительное* единство въ противоположность къ *мыслимому* лишь единству атома.

Слѣдовательно, здѣсь мы въ признаніи нѣкоторой имманентной цѣли имѣемъ опять передъ собою древній формальный элементъ, безъ котораго не можетъ обойтись пониманіе природы, такъ что мы находимъ его признаннымъ даже у *К. Фохта*. Со строгостью въ понятіяхъ, къ которой мы вообще не привыкли у этого писателя, онъ говоритъ въ своихъ „Картинахъ изъ жизни животныхъ", послѣ того какъ онъ разсмотрѣлъ, какъ первыя распознаваемыя формы зародыша происходятъ изъ скученныхъ ячеекъ желтка: „Слѣдовательно и здѣсь опять *лишь съ появленіемъ формы данъ организмъ какъ недѣлимое, тогда какъ прежде существовало только безформенное вещество*"[61]). Это изрѣченіе напоминаетъ Аристотеля. *Форма* составляетъ сущность недѣлимаго; если это правда, ее можно назвать и *субстанціею*, даже если она съ необходимостью происходитъ изъ свойствъ *вещества*. Эти свойства, разсмотрѣнныя ближе, опять суть только формы, которыя соединяются въ другія высшія формы. *Форма* есть также истинное логическое зерно *силы*, если отъ этого понятія отдѣлить ложное побочное представленіе принудительнаго человѣкоподобнаго могущества. Мы *видимъ* только форму, какъ мы *ощущаемъ* только силу. Если обратить вниманіе на форму вещи, то она есть нѣчто единое; если оставить форму въ сторонѣ, то вещь есть множество или вещество, какъ мы это изслѣдовали въ главѣ о *схоластикѣ*.

Фохтъ, болѣе чисто въ теоретическомъ смыслѣ, ставитъ на видъ *метафизическое* понятіе единства; Вирховъ же придерживается *физіологическаго* понятія общности жизненной цѣли, и это понятіе совершенно наглядно показываетъ намъ относительность противуположности единства и множества. Въ области растеній я могу разсматривать не только ячейку и все растеніе, какъ единицу, но и вѣтку, ростокъ, листъ, почку. По практическимъ основаніямъ можно предложить принимать за недѣлимое отдѣльный побѣгъ, который

[61]) *Vogt*, Bilder aus dem Thierleben. Frankf. 1852, S. 223.—Что касается этого вопроса, то повидимому противорѣчатъ этому открытыя въ новѣйшее время монеры, въ особенности *батибіусъ*; однако трудно рѣшить, сколько *индивидуальности* можно приписать такому живому комочку слизи. *Отсутствіе структуры* въ образованіяхъ протоплазмы конечно не можетъ быть достовѣрно выведено изъ *нераспознаваемости* структуры нашими средствами изслѣдованія. На это можетъ пролиться свѣтъ тогда, когда разъяснится *механика* этихъ простѣйшихъ явленій жизни; но отъ этого мы еще далеки.

въ видѣ отростка можетъ вести самостоятельное существованіе; тогда отдѣльная клѣточка есть лишь часть его и растеніе есть колонія. Различіе однако же только относительное. Если отдѣльная клѣточка какого нибудь высшаго растенія не можетъ вести самостоятельную жизнь, небудучи въ связи съ другими клѣтками, то и отростокъ не можетъ жить, не коренясь или въ растеніи или въ почвѣ. Всякая жизнь возможна только въ связи съ соотвѣтственнымъ окружающимъ, и идея самостоятельной жизни цѣлаго дуба такая же абстракція, какъ и идея жизни малѣйшаго кусочка оторваннаго листка. Наши новѣйшіе *аристотелики* придаютъ значеніе тому, что органическая часть возникаетъ и можетъ существовать только въ организмѣ. Но съ мистическимъ господствомъ цѣлаго надъ частью немногое можно сдѣлать. Вырванная ячейка растенія конечно продолжаетъ свою жизнь ячейки, также какъ вырванное сердце лягушки еще трепещетъ. Когда ячейка не получаетъ болѣе сока, она умираетъ такъ же, какъ въ такомъ же случаѣ умираетъ все дерево. Большая или меньшая продолжительность основана на обстоятельствахъ, а не на сущности вещи. Скорѣе нужно было бы придать значеніе тому, что растенія не внѣшнимъ образомъ составляются изъ ячеекъ, что отдѣльныя ячейки не образуются прямо изъ питательнаго вещества и потомъ примыкаютъ къ цѣлому, но что онѣ возникаютъ всегда въ другихъ ячейкахъ посредствомъ ихъ раздѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, для органическаго міра аристотелевское положеніе, что цѣлое первѣе части, находитъ, насколько мы можемъ видѣть, большое примѣненіе; но то обстоятельство, что природа обыкновенно такъ поступаетъ, намъ вовсе не даетъ права приписывать этому положенію строгую всеобщность. Уже простой фактъ прививки достаточно показываетъ, что оно имѣетъ узкія границы обыкновенныхъ положеній опыта. Въ прошломъ столѣтіи любили производить опыты съ переливаніемъ крови изъ одного животнаго тѣла въ другое, опыты, которые хотя отчасти удавались[62]). Въ новѣйшее время прямо переносились органическія части одного тѣла на другое—но экспериментированіе надъ этой стороной жизненныхъ условій едва только началось. У низшихъ растеній сліяніе двухъ ячеекъ случается на ряду съ дѣленіемъ, а у низшихъ животныхъ замѣчали даже совершенное сліяніе двухъ недѣлимыхъ. Лучистоножки, одно изъ чередующихся поколѣній vorticella, часто приближаются другъ къ другу, тѣсно прилегаютъ одна къ другой, и тогда на мѣстѣ соприкосновенія происходитъ сначала сплющеніе, а потомъ полное сліяніе. Подобный же процессъ копуляціи случается у грегаринъ и даже, какъ

[62]) Какъ извѣстно, эти попытки въ новѣйшее время опять были повторяемы и неоднократно давали благопріятные результаты.

нашелъ Зибольдъ, одинъ червь, диплозоонъ, происходитъ отъ слiянiя двухъ дипорпъ [63]).

Относительное единство у низшихъ животныхъ выступаетъ въ особенности замѣчательно у нѣкоторыхъ полиповъ, имѣющихъ общiй стволъ, на которомъ посредствомъ почкованiя появляется множество образованiй, которыя въ извѣстномъ смыслѣ самостоятельны, но въ другомъ отношенiи могутъ быть разсматриваемы, какъ органы всего ствола. Нужно придти къ предположенiю, что у этихъ существъ и побужденiя воли имѣютъ отчасти общую, отчасти спецiальную природу, что ощущенiя всѣхъ, на половину самостоятельныхъ стволовъ, находятся въ связи и однако же имѣютъ свое особенное дѣйствiе. Фохтъ совершенно правъ, когда называетъ споръ объ индивидуальности этихъ существъ пустословiемъ. „Есть постепенные переходы. Индивидуализацiя постепенно увеличивается“ [64]).

То, что до сихъ поръ говорено,—было въ первомъ изданiи.—Мы возвращаемся теперь къ понятiю о *видѣ* и прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчанiй, которыя опираются нестолько на новѣйшiя открытiя и наблюденiя, сколько на болѣе точное разсмотрѣнiе всей области и принциповъ борьбы за существованiе. Первое замѣчанiе заключается въ томъ, что понятiе вида, при болѣе строгомъ изслѣдованiи, оказывается продуктомъ тѣхъ временъ, въ которыя вниманiе человѣка преимущественно обращено было на большiе и высоко организованныя творенiя и въ которыхъ не знали еще *микроскопа* и всего безконечнаго изобилiя низшаго мiра животныхъ и растенiй. Это выступаетъ еще яснѣе, когда, кромѣ видовъ, примемъ во вниманiе *роды, порядки* и *классы*, которые еще во времена Линнея, казалось, такъ хорошо обнимали весь мiръ животныхъ. Нынѣ вся эта сѣть годится только для высшаго конца ряда животныхъ, и чѣмъ больше мы спускаемся внизъ, тѣмъ болѣе изслѣдователь приходитъ въ затрудненiе. Множество новыхъ признаковъ, то согласуясь, то перекрещиваясь, требуютъ повидимому уже на самомъ тѣсномъ поприщѣ множества разнообразныхъ раздѣленiй и подраздѣленiй, которыми на высшемъ концѣ ряда животныхъ удобно можно было бы обнять, напримѣръ, весь „типъ“ позвоночныхъ животныхъ. Но въ то время, когда съ одной стороны богатство формъ къ низу такъ увеличивается, что не хватаетъ никакой логической сѣти понятiя, чтобы обнять его, съ другой стороны привычный критерiй общаго происхожденiя здѣсь становится совершенно неуловимымъ. Если поэтому *Геккель* въ своей „философiи известковыхъ губокъ“ [65]) выводитъ 12-ть различныхъ отчасти естественныхъ, отчасти искуственныхъ системъ лишь изъ болѣе тѣснаго и болѣе широкаго смысла понятiя о видѣ, то въ этомъ нельзя видѣть ни непозволительную игру съ признаками, ни частную аномалiю. Если бы человѣкъ началъ свое изученiе существъ природы съ низшихъ животныхъ, то вѣроятно никогда не возникло бы столь свято чтимое многими понятiе вида. Взглядъ, который мы въ настоящее время должны составить себѣ на весь рядъ организмовъ, не представляетъ уже ряда ступеней, идущихъ въ правильномъ и ясномъ порядкѣ отъ низшаго до высшаго; но мы имѣемъ передъ собой огромный нижнiй этажъ всей системы, который еще находится въ постоянномъ движенiи, а изъ него подымаются вверхъ все рѣзче и рѣзче обозначенныя и яснѣе раздѣленныя формы высшихъ растенiй и животныхъ.

Сюда примыкаетъ второе замѣчанiе, которое касается въ особенности высшихъ органическихъ формъ. А именно, если мы предположимъ, что эти формы въ теченiи очень долгихъ перiодовъ времени такъ образовались и другъ отъ друга отдѣлились, какъ мы ихъ теперь видимъ передъ собою, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что они въ цѣломъ должны обладать *высокой степенью устойчивости* и что разновидности и промежуточныя формы въ свободной природѣ не легко могутъ появляться, пока съ климатомъ, почвенной культурой и другими отношенiями не измѣнятся относительныя условiя существованiя видовъ. Ибо именно тогда, когда мы исходимъ изъ состоянiя перемѣнчивости и даемъ дѣйствовать борьбѣ за существованiе во время весьма долгихъ перiодовъ времени, должны необходимо завладѣвать поприщемъ самыя цѣлесообразныя формы, и не только виды наиболѣе цѣлесообразные сами по себѣ, но и самое *цѣлесообразное сопоставленiе* тѣхъ видовъ, которые въ соперничествѣ другъ съ другомъ какъ бы вызываютъ *максимумъ жизни*. Между животными напр. голодъ и сила льва станутъ въ подобнаго рода равновѣсiе со скоростью газели, при одновременномъ приспособленiи обоихъ видовъ ко всѣмъ другимъ конкуррентамъ за существованiе. Это отношенiе соотвѣтствуетъ *Фехнеровскому* принципу „уменьшающейся перемѣнчивости“, но есть, какъ мы это понимаемъ, простое слѣдствiе изъ принциповъ ученiя о происхожденiи

---

[63]) Срав. Фохтъ, Bilder dem Thier. S. 124—142. Новѣйшiя сюда относящiяся открытiя кратко изложены у *Gegenbaur*, Grundr. der vergl. Anatomie Leipig. 1870, S. 110 u ff. Мы здѣсь выставляемъ только на видъ, что (S. 112) у *актиносферiя* соединяются этимъ способомъ даже три недѣлимыхъ. Срав. впрочемъ для цѣлаго вопроса ученiе Геккеля объ индивидуальности въ Generelle Morphologie I, S. 265 u ff.

[64]) Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ относящихся сюда фактовъ есть *колонiальная нервная система* у мшанокъ; срав. Gegenbaur Grundr. der vergl. Anat., S. 190 u f.

[65]) *Haeckel*, die Kalkschwämme; eine Monographie in 2 Bdn. Text und Atlas. 1 Bd. Biologie der Kalkschwämme. Berlin. 1872, 4 Absch., ‹Philosophie der Kalkschwämme›; S. 476 u ff.

видовъ и борьбы за существованіе, тогда какъ Фехнеръ пытается развить a priori по возможности универсально понятый космическій принципъ этого рода [66]).

Выводы изъ этого столь простого замѣчанія недостаточно были приняты во вниманіе. Иначе не возились бы столько напр. съ *переходными формами*, которыя постулируются ученіемъ о происхожденіи видовъ. Мы можемъ разсматривать вліяніе человѣка какъ измѣненіе условій природы, дѣлающее возможнымъ существованіе извѣстныхъ формъ, которыя въ свободной природѣ, вѣроятно, скоро исчезли бы сравнительно съ прежними, окрѣпшими въ борьбѣ за существованіе. Но мы видимъ, какъ человѣкъ напр. у голубей и собакъ въ теченіи немногихъ поколѣній получаетъ новыя формы, которыя, пока онѣ содержатся при одинаковыхъ охраняющихъ условіяхъ, очень скоро принимаютъ чистоту и замкнутость настоящаго вида и которыя только ради теоріи должны оставаться „разновидностями" [67]). И это вовсе не случается только въ силу искуственнаго подбора, который заранѣе трудится надъ полученіемъ опредѣленной модели, но и посредствомъ „безсознательнаго" подбора [68]), т. е. посредствомъ пріемовъ, которыми какое нибудь уклоненіе приводится все къ

[66]) *Фехнеровъ* принципъ тенденціи къ устойчивости имѣетъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ способомъ, которымъ *Целльнеръ* (Natur d. Cometen), съ помощью Шопенгауэровской философіи и механическаго принципа наименьшаго усилія, пытается дедуцировать, что всякая система колебанія атомовъ въ данномъ пространствѣ имѣетъ тенденцію довести до минимума число столкновеній (а черезъ то и непріятныхъ ощущеній).—Въ принципѣ тенденціи къ устойчивости Фехнеръ находитъ въ тоже время примиреніе причиннаго принципа и телеологіи, такъ какъ по этому принципу земля должна необходимо приближаться къ такому состоянію, въ которомъ «все какъ возможно лучше приспособлено одно къ другому». (Einige Ideen zur Schöpfungs- u. Entwickelungsgesch. der Organismen, Leipzig 1873 S. 88 и ff) — Идея Фехнера, такъ же какъ и идея Целльнера, суть только смѣлыя метафизическія мысли, которымъ еще совершенно недостаетъ доказательства и развитія. Если мы напротивъ ограничимся релативнымъ приспособленіемъ организмовъ къ условіямъ существованія даннаго большаго періода, то здѣсь тенденція къ устойчивости слѣдуетъ непосредственно изъ принципа борьбы за существованіе.

[67]) Срав. *Darwin*, das Variiren der Thiere u. Pflanzen im Zustande der Domestication, übers. Carus, Stuttg. 1873, I S. 175. Здѣсь показывается, что домашніе голуби, которые всѣ происходятъ отъ одного дикаго вида, составляютъ сто пятьдесятъ видовъ и должны быть раздѣлены по крайней мѣрѣ на пять новыхъ родовъ, если бы ихъ распредѣлять по тѣмъ же принципамъ, какъ виды, найденные въ дикомъ состояніи.

[68]) *Darwin*, Variiren der Thiere u. Pflanzen, I, S. 242.

большему и большему совершенству и постоянству новаго типа, посредствомъ простого стремленія удержать чистоту рассы и дальше развить ея своеобразность, такъ что здѣсь вообще природа какъ бы свободно стремится къ опредѣленной модели, на которой и останавливается. И если эта модель разъ достигнута, то она можетъ сохраниться неизмѣнно въ теченіи самыхъ долгихъ періодовъ.

Подобнымъ же образомъ мы должны предположить, что измѣненія предоставленныхъ себѣ организмовъ, въ сущности совершались не такъ незамѣтно и медленно, какъ того повидимому требуетъ собственное воззрѣніе Дарвина, но что смотря по значительному измѣненію условій существованія наступало какъ бы толчками быстрое развитіе одной и регрессъ другой формы. Мы должны также предположить, что всякое подобное потрясеніе естественнаго равновѣсія производитъ склонность къ варіированію и этимъ даетъ случай для возникновенія новыхъ формъ, которыя быстро укрѣпляются и обособляются, если имъ благопріятствуютъ обстоятельства. Всѣ различные принципы, которые введены новыми изслѣдователями въ теорію происхожденія видовъ для дополненія принципа естественнаго подбора, какъ напр. *переселеніе*, *изолированіе* видовъ и т. д., суть лишь болѣе или менѣе счастливо схваченные частные случаи главнаго рѣшающаго принципа: *нарушенія равновѣсія*, принципа, который необходимо долженъ произвести устойчивость видовъ при долго продолжающейся одинаковости условій жизни.

Легко видно, какъ такимъ пониманіемъ «ученія трансмутаціи" тотчасъ устраняется множество сомнѣній, поднявшихся противъ него, тогда какъ съ другой стороны воззрѣнія Дарвина модифицируются въ очень существенномъ пунктѣ.

Способъ воззрѣнія Дарвина идетъ совершенно паралельно съ геологіею *Ляйеля* въ томъ, что главный вѣсъ дается тихимъ и непрерывнымъ, хотя и не замѣтнымъ для обыкновеннаго наблюденія измѣненіямъ, которыя постоянно происходятъ, но результатъ которыхъ становится очевиднымъ лишь въ очень большіе періоды времени. Согласно съ этимъ Дарвинъ предположилъ, что измѣненія видовъ первоначально происходятъ совершенно случайно и что большая часть ихъ не имѣетъ значенія и, подобно обыкновеннымъ уродствамъ, опять исчезаетъ, тогда какъ нѣкоторыя немногія, которыя извѣстному существу приносятъ пользу въ борьбѣ за существованіе, сохраняются и укрѣпляются естественнымъ подборомъ и наслѣдственностью.

Конечно, при нашемъ взглядѣ мы должны также допустить, что могутъ случаться и очень медленныя измѣненія формъ, въ особенности, если они вызываются очень медленными измѣненіями условій существованія, какъ напр. при постепенномъ поднятіи или опусканіи цѣлыхъ странъ. Но намъ и въ этомъ

случаѣ казалось бы болѣе вѣроятнымъ, что органическія формы противопоставляютъ измѣненію своихъ условій жизни извѣстное противодѣйствіе, которое сохраняетъ ихъ состояніе неизмѣннымъ, пока при извѣстномъ повышеніи нарушающихъ вліяній не наступитъ нарушающій кризисъ. Но медленное превращеніе не выключается, и мы желали бы, чтобы даже нашъ взглядъ на достиженіе состоянія равновѣсія не былъ бы такъ понятъ, какъ будто бы это состояніе должно быть *абсолютной неизмѣнностью.* Напротивъ развитіе новыхъ видовъ изъ чисто случайнаго возникновенія новыхъ свойствъ должно подлежать конечно сомнѣнію, на сколько по крайней мѣрѣ въ этомъ именно долженъ заключаться главный рычагъ измѣненія.

Но вспомнимъ опять, что мы имѣемъ дѣло съ большими періодами времени, и что въ самомъ началѣ этихъ періодовъ времени общая наклонность къ варіированію была всего сильнѣе. Тогда мы ясно увидимъ, что въ опредѣленное время рядъ вообще случающихся варіацій какъ бы уже бываетъ перепробованъ и то, что въ началѣ періода не повело къ новому виду, все менѣе и менѣе можетъ повести къ этому, при остающихся одинаковыми условіяхъ существованія, ибо формы постепенно раздѣляются все опредѣленнѣе и строже. Но если мы захотимъ тотъ періодъ, который мы разсматриваемъ какъ періодъ приспособленія къ даннымъ отношеніямъ, подчинить исключительно закону сохраненія полезныхъ случайностей, то явятся дальнѣйшія сомнѣнія различнаго рода.

Прежде всего слѣдуетъ принять, что періодъ приспособленія слѣдуетъ за нарушеніемъ равновѣсія, и именно потому связанъ съ увеличенной наклонностью къ варіированію. Почему же нужно исключать всякую непосредственную причинную связь между измѣненіями условій существованія и примѣненіемъ формъ? И нынѣ справедливо опять отдаютъ честь *Ламарку*, который изъ непосредственно дѣйствующихъ причинъ, въ соединеніи съ наслѣдственностію, выводилъ всѣ измѣненія формъ, слѣдовательно, напр. и увеличеніе, усиленіе и болѣе тонкое развитіе какого либо органа изъ увеличеннаго его употребленія. Но здѣсь можетъ быть еще дѣйствуютъ неизвѣстныя силы въ большомъ числѣ, причемъ мы однако не думаемъ прибѣгать къ мистическому вмѣшательству телеологическаго принципа. *Фехнеръ* вводитъ сюда и *психическія* вліянія, и притомъ не оставляя области механическаго пониманія природы, такъ какъ психическіе процессы въ тоже время и физическіе.

„Пѣтухъ", говоритъ онъ, „имѣетъ шпоры на ногахъ, ошейникъ изъ перьевъ, высокій красный гребень. Первыя двѣ черты объясняются по принципу борьбы за существованіе тѣмъ, что пѣтухи, у которыхъ подобныя черты развились случайно, благодаря своимъ шпорамъ имѣли перевѣсъ въ борьбѣ надъ своими противниками, а ошейникомъ лучше были защищены отъ ихъ укушеній, слѣдовательно оставались побѣдителями на полѣ сраженія. Но безспорно нужно было бы долго ждать наступленія подобныхъ случайностей, и если мы вспомнимъ, что и у всѣхъ другихъ животныхъ нужно предполагать подобныя же случайности, чтобы объяснить появленіе ихъ цѣлесообразнаго устройства, то голова закружится отъ такихъ представленій. Я скорѣе себѣ представляю, что, когда организація еще легче измѣнялась, то психическое стремленіе сильно донять противника въ борьбѣ, защищаться отъ его нападеній, и тотъ гнѣвъ противъ него, которые и теперь заставляютъ пускать въ дѣло шпоры, ощетинивать ошейникъ и поднимать гребень, если и не выращивали эти части подходящими измѣненіями образовательныхъ процессовъ взрослыхъ пѣтуховъ, то вносили задатки ихъ въ зародыши, а слѣдовательно и въ слѣдующее поколѣніе; причемъ я конечно психическія стремленія и состоянія принимаю только за внутреннюю сторону тѣхъ физическо-органическихъ, отъ которыхъ зависятъ эти измѣненія, и всю игру психическихъ состояній считаю связанною съ ихъ физическою подкладкою общимъ принципомъ тенденціи къ устойчивымъ состояніямъ, не пытаясь дать болѣе спеціальнаго объясненія" [69]).

Мы не станемъ здѣсь оцѣнивать эту мысль и замѣтимъ только, что во всякомъ случаѣ имѣется такъ же мало основанія отвергнуть ее не разсмотрѣвши, какъ и принять бездоказательно. Но между другими явленіями, которыя трудно объясняются изъ простого подбора, существуетъ одно весьма опредѣленное и необыкновенно распространенное, которое повидимому требуетъ прямой и положительной причинной связи между формою и условіями жизни. Это есть „*подражаніе*" (Mimicry), весьма распространенное, въ особенности въ области насѣкомыхъ, и приводящее къ самымъ страннымъ обманамъ приспособленіе цвѣта и формъ животныхъ къ ихъ обстановкѣ и также къ другимъ организмамъ [70]).

По общему принципу это обманчивое подражаніе чужимъ формамъ повидимому отлично подходитъ къ естественному подбору, потому что оно во всякомъ случаѣ есть защита извѣстнаго животнаго отъ его преслѣдователей. Поэтому легко можно принять, что недѣлимыя, которыя случайно потерпѣли измѣненія въ этомъ оберегающемъ смыслѣ, сохраняются дольше и на продолженіе своего вида должны были имѣть бо̀льшее вліяніе, чѣмъ другіе. Коль скоро это разъ случилось, оберегающее приспособленіе въ формѣ и цвѣтѣ необходимо

---

[69]) *Fechner*, Einige Ideen zur Schöpfugs-u. Entwickelungsgesch. S 71 u f.

[70]) Сравн. объ этомъ *Wallace*. Beiträge zur Theorie der natürlichen Zuchtwahl., übers v. Bernh. Meyer, Erlangen. 1870.

должно идти далѣе. Но здѣсь является великое затрудненіе, что первая варіація въ оберегающемъ смыслѣ весьма трудно объяснима. Одинъ изъ противниковъ Дарвина, *Беннетъ* [71]), поставилъ на видъ, что согласованіе многихъ насѣкомыхъ съ почвою, на которой они живутъ, съ цвѣтомъ сухой коры дерева, спавшихъ листьевъ, или съ яркимъ великолѣпіемъ цвѣтовъ, на которые они обыкновенно садятся, обусловливается длиннымъ рядомъ обманчивыхъ чертъ и рисунковъ, такъ что о внезапномъ появленіи подобной варіаціи тѣмъ менѣе можно думать, что самые родственные виды часто имѣютъ совершенно различную наружность. Беннетъ аргументируетъ далѣе, что случайное появленіе *одной части* этого новаго рисунка не могло принести животному никакой пользы, ибо оно навѣрно не обмануло бы его преслѣдователей. Но прежде чѣмъ, вслѣдствіе простаго случая варіаціи, который по природѣ дѣла одинаково легко можетъ воспослѣдовать въ томъ или другомъ направленіи, всѣ черты окраски и измѣненія формы такъ сойдутся, что обманъ готовъ, требовалась бы такая кульминація случайностей, что цифры вѣроятности для этого доходили бы до ужасающаго размѣра. Слѣдовательно, соотвѣтственно также нужно было бы принимать огромные періоды времени, чтобы можно было ожидать когда нибудь совпаденія всѣхъ такихъ модификацій. Хотя мы при вопросахъ космогоніи прямо боролись противъ слѣпой боязни большихъ цифръ, однако здѣсь совершенно другое дѣло. „Mimicry“ можетъ развиться только въ продолженіи періода приблизительно одинаковыхъ климатическихъ условій, одинаковыхъ преслѣдователей, одинаковой растительности, а эти періоды мы вообще не должны принимать за слишкомъ большіе.

Дарвинъ объясняетъ охраняющее подражаніе тѣмъ, что извѣстное животное уже первоначально должно было имѣть нѣкоторое грубое сходство съ какой либо составной частью его обстановки, такъ что естественному подбору оставалось только развивать далѣе такое значительное начало, отчасти въ болѣе опредѣленномъ отчеканиваніи охраняющаго сходства, отчасти въ приспособленіи привычекъ жизни къ пользованію этой охраной. И дѣйствительно, это объясненіе кажется единственнымъ, совмѣстимымъ съ исключительнымъ примѣненіемъ принциповъ подбора. Вмѣсто случайнаго совпаденія множества тонкихъ штриховъ и оттѣнковъ красокъ, мы имѣли бы здѣсь слѣдовательно первоначально-данный грубый общій образъ, который, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уже обманываетъ преслѣдователей и тѣмъ можетъ дать толчекъ извѣстному процессу естественнаго подбора. Но тутъ нужно замѣтить, что бываютъ случаи, въ которыхъ невозможно примѣнить весь этотъ способъ объясненія. Это въ сущности всѣ тѣ случаи, въ которыхъ охраняющая форма и въ особенности цвѣтъ уклоняются очень сильно и очевидно отъ формъ и цвѣта близко родственныхъ видовъ. Но такіе случаи весьма многочисленны. Беннетъ упоминаетъ случай, въ которомъ одинъ видъ бабочекъ очень сильно уклоняется отъ всѣхъ родственныхъ ему, которые почти чисто бѣлые, и подражаетъ яркимъ краскамъ бабочки совершенно другого класса. Эта послѣдняя бабочка ядовита для преслѣдующихъ птицъ и поэтому ими избѣгается; подражающая же бабочка, которая очень хорошо годилась бы для птицъ, охраняется своимъ сходствомъ съ ядовитою.

[71]) Мы слѣдуемъ сообщенной въ *Naturforscher* IV, Nr. 15, 1871, S. 115 u. ff. рѣчи Беннета въ собраніи естествоиспытателей въ Ливерпулѣ, которая, какъ сказано, «встрѣтила сочувствіе со стороны весьма компетентныхъ изслѣдователей».

Эти и подобные случаи необходимо должны привести насъ къ предположенію и другихъ, хотя въ настоящее время еще неизвѣстныхъ факторовъ, производящихъ явленія подражанія. Что раціональное изслѣдованіе природы, несмотря на трудность этихъ случаевъ, не станетъ прибѣгать къ мистически вмѣшивающейся телеологической силѣ, но и здѣсь будетъ прилагать аксіому понятности міра, это само собою разумѣется. Тутъ намъ можно сослаться на то, что вліяніе обстановки на окраску животныхъ, посредствуемое, по всей вѣроятности, глазами и нервною системою, не есть вообще говоря нѣчто неслыханное. Мы здѣсь въ особенности упомянемъ объ опытахъ *Пуше* надъ измѣненіями цвѣта у морской камбалы и рѣчнаго окуня [72]). Что рыбы очень часто имѣютъ окраску почвы ихъ водъ, было давно извѣстно, и нельзя сомнѣваться, что приэтомъ очень простой „Mimicry“ во многихъ случаяхъ и естественный подборъ былъ главнымъ средствомъ, которымъ она установилась. Но въ опытахъ *Пуше* эти рыбы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ измѣняютъ свой цвѣтъ, смотря по цвѣту грунта, надъ которымъ ихъ помѣстили. Хотя у рыбъ измѣнчивыя пигментныя клѣточки, которыми они обладаютъ, составляютъ механизмъ, который мы врядъ ли найдемъ въ крыльяхъ насѣкомыхъ, и который объясняетъ процессъ такого быстраго измѣненія цвѣта, но всетаки главный пунктъ въ обоихъ случаяхъ аналогиченъ: а именно, что цвѣта внѣшнихъ предметовъ черезъ посредство нервной системы производятъ аналогичные цвѣта животнаго. Приэтомъ повидимому все равно, соединены ли или нѣтъ необходимые для этого нервные процессы съ внутреннимъ возбужденіемъ желаній и хотѣній. Разгадка загадки или скорѣе требующій разрѣшенія узелъ загадки заключается въ неоткрытомъ еще механизмѣ, который производитъ дѣйствіе и который весьма легко можно подвести подъ понятіе „установившихся рефлексовъ“, какъ скоро

[72]) Срав. извѣстія объ этихъ опытахъ въ *Naturforscher*, IV, N. 38, 1871, S. 310 u. f.

привыкнемъ къ мысли, что рядомъ съ моментально дѣйствующими рефлексами могутъ быть и весьма медленно дѣйствующіе, дѣйствіе которыхъ проявится можетъ быть лишь послѣ цѣлыхъ поколѣній. Что эти рефлексы, подобно извѣстнымъ установившимся дѣйствіямъ рефлекса въ спинномъ мозгу позвоночныхъ животныхъ, въ тоже время *цѣлесообразны*, можно тогда очень просто опять свести на старый Эмпедокловскій принципъ, что только цѣлесообразное можетъ сохраниться и развиваться, тогда какъ уроды, хотя сами по себѣ могутъ быть возможны и часты, погибаютъ и безслѣдно исчезаютъ.

Но вообще съ воззрѣніемъ, которое мы здѣсь излагаемъ, какъ самое естественное и вѣроятное, никоимъ образомъ не устраняется естественный подборъ и борьба за существованіе. Мы считаемъ напротивъ эти сильные рычаги всякаго развитія хорошо доказанными какъ эмпирически, такъ и раціонально, и представляемъ себѣ ихъ дѣйствующими при всѣхъ обстоятельствахъ совокупно съ болѣе положительными вліяніями на возникновеніе формъ и именно такъ, что настоящая законченность и завершеніе всѣхъ формъ, устраненіе несовершенныхъ промежуточныхъ формъ и все сохраненіе равновѣсія между организмами въ сущности основывается на этомъ великомъ фактѣ, введенномъ Дарвиномъ въ изслѣдованіе природы.

Конечно не слѣдуетъ забывать, что законченности и завершенію органическихъ формъ могутъ содѣйствовать еще другіе и даже болѣе положительные факторы, къ которымъ естественный подборъ и борьба за существованіе присоединяются только, какъ великій регуляторъ, споспѣшествуя совершенному и уничтожая несовершенное. Упомянемъ прежде всего самимъ Дарвиномъ неоднократно выставленный принципъ „соотношенія роста“ [73]). По этому принципу возникаютъ такія измѣненія формъ, которыя, сами по себѣ не имѣя никакого дѣла въ борьбѣ за существованіе, суть необходимыя послѣдствія перваго измѣненія, обусловленнаго естественнымъ подборомъ; и эта связь возникающихъ такимъ образомъ вторичныхъ измѣненій съ первичными то ясно видна, то покрыта совершеннымъ мракомъ. Что напр. тяжелыя, отвислыя уши нѣкоторыхъ видовъ кроликовъ должны производить модифицирующее давленіе на черепъ, мы можемъ понять по механическимъ принципамъ; что при весьма сильномъ развитіи переднихъ членовъ, задніе имѣютъ стремленіе стать тоньше и длиннѣе, намъ кажется также понятнымъ; но почему, напримѣръ, бѣлыя кошки съ голубыми глазами обыкновенно глухія, почему пунцовыя георгины имѣютъ выемчатые лепестки,—для насъ пока совершенно непонятно. Но такъ какъ подобныя

[73]) *Darwin*, Entstehung der Arten, 5. deutsche Ausg. nach 6. englischen, Stuttgart, 1872. S. 159—165; далѣе das Variiren der n. Thiere u. Pflanzen, 2 Ausg. Stuttg., 1873, S. 364 u. ff.

связи существуютъ въ весьма большомъ количествѣ, то мы изъ этого видимъ, что въ строеніи организмовъ господствуютъ законы образованія, которые намъ неизвѣстны не только по объему ихъ дѣйствія, но даже по способу дѣйствія. Но приэтомъ конечно нѣтъ необходимости думать о какихъ либо намъ неизвѣстныхъ силахъ; особенное совокупное дѣйствіе обще-извѣстныхъ силъ природы достаточно для объясненія этихъ странныхъ послѣдствій, которыя, вмѣстѣ съ Дарвиномъ, мы кратко можемъ характеризовать такъ, что никогда измѣненія какой нибудь отдѣльной части не наступаетъ при сохраненіи всѣхъ другихъ особенностей формы.

Но стремящіеся къ цѣлому законы образованія, которые здѣсь проявляются, вѣроятно тѣ же самые, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ образуютъ чисто *„морфологическіе виды“*, безъ всякой видимой пользы въ борьбѣ за существованіе. Возникновеніе подобныхъ видовъ прежде всего прямо было утверждаемо *Негели*, который притомъ держался взгляда, что въ организмахъ заключается прирожденная *наклонность къ прогрессивному развитію*. Дарвинъ въ новѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія призналъ существованіе морфологическихъ признаковъ, не принимая однако ученія о естественной наклонности къ прогрессивному развитію, которое дѣйствительно на первый взглядъ противорѣчитъ повидимому всему дарвинизму самымъ рѣзкимъ образомъ [74]). Такъ и *Келликеръ* тотъ *законъ развитія* организмовъ, который онъ принимаетъ, считаетъ несогласимымъ съ гипотезой Дарвина [75]). Основную ошибку ея онъ находитъ въ томъ, что въ основаніе всего полагается *принципъ полезности*, что не имѣетъ „никакого смысла“. Мы совершенно согласны съ Келликеромъ, что слѣдуетъ признать положительныя причины развитія, которыя имѣютъ свое основаніе не въ принципѣ полезности, а *во внутренней способности* организмовъ; но рядомъ со всѣми этими положительными причинами принципъ полезности имѣетъ весьма хорошій смыслъ въ связи съ закономъ борьбы за существованіе, который отрицательнымъ путемъ господствуетъ надъ слѣпымъ влеченіемъ возникновенія и произрастанія и отдѣляетъ *дѣйствительныя* формы отъ *возможныхъ* по „закону развитія“.

[74]) *Darwin*, Entst. d. Arten, 5. Aufl, nach der 6. engl. S. 232 u ff. Сравн. *Naegeli*, Entstehung u. Begriff der naturhistor. Art. München 1865. Сравн. также *Oscar Schmidt*, Descendenzlehre u. Darwinismus, Leipzig 1872. (Internat. Bibl. II) S, 146 u. f.

[75]) *Kölliker*, Morphologie u. Entwickelungsgeschichte des Pennatulidenstammes, nebst allgemeinen Betrachtungen zur Descendenzlehre. Frankfurt a. M. 1872; сравн. въ особенности S. 26 u. ff.

Келликеръ замѣчаетъ, что Дарвинъ, а равно и его приверженцы, при объясненіи варіированія думали и о внутреннихъ причинахъ; „но при этой мысли они покидаютъ почву своей гипотезы и становятся на сторону тѣхъ, которые принимаютъ законъ развитія и установляютъ внутреннія, заключающіяся въ самихъ организмахъ, причины какъ основаніе ихъ измѣненій".

Вѣрно то, что Дарвинъ съ тою грандіозной и обыкновенно плодотворной односторонностью, которую мы видимъ особенно часто у англичанъ, провелъ свой принципъ такъ, какъ будто бы нужно было все вывести исключительно изъ него, и такъ какъ этотъ принципъ, какъ мы предполагаемъ, всюду при зарожденіи дѣйствительнаго имѣетъ рѣшительное вліяніе, то этотъ пріемъ можно было провести очень далеко. *Содѣйствующая* повсюду причина практиковалась такъ, какъ будто бы она дѣйствовала одна, но догматическое утвержденіе, что она одна, не есть необходимая составная часть системы. Дарвинъ вездѣ, гдѣ онъ видитъ себя приведеннымъ къ содѣйствію внутреннихъ причинъ, принимаетъ это содѣйствіе такъ просто въ свое объясненіе формъ природы, что можно скорѣй предположить, что онъ считалъ его *само собою разумѣющимся*. Что онъ по возможности мало выводитъ изъ этого источника, а напротивъ по возможности много изъ естественнаго подбора, для него опять, какъ для представителя вновь введеннаго въ науку принципа, совершенно правильный пріемъ; ибо дѣйствіе подбора естественнаго, объясненнаго искусственнымъ, есть нѣчто совершенно понятное—по крайней мѣрѣ съ его негативной и регулятивной стороны, на которую мы уже многократно указывали, какъ на главное дѣло. Борьба за существованіе намъ совершенно ясна и всякое сведеніе какого нибудь явленія на этотъ великій факторъ творенія есть поэтому дѣйствительное объясненіе дѣла, тогда какъ прибѣганіе къ законамъ развитія пока есть только ссылка на будущее, такъ какъ мы можетъ быть когда нибудь и проникнемъ въ сущность этихъ законовъ развитія.

При всемъ томъ заслуги Негели и Келликера, стоявшихъ за положительныя и внутреннія причины образованія организмовъ, весьма значительны и философически-критическое разсматриваніе всей задачи развитія должно признать обѣ точки зрѣнія и должно будетъ привести въ правильную связь ихъ содѣйствіе для пониманія явленій.

Какъ особенно убѣдительный примѣръ дѣйствія закона развитія, справедливо принимаютъ превращеніе нѣкоторыхъ экземпляровъ снабженнаго жабрами *аксолота* въ форму саламандры безъ жаберъ. Изъ нѣсколькихъ тенъ этихъ животныхъ, привезенныхъ изъ Мехики въ Парижъ, большая часть остановилась на низшей ступени; немногіе выползли на берегъ и стали животными дышащими легкими. Они достигли формы, къ которой ихъ прежняя форма относилась какъ форма куколки или какъ низшая ступень въ развитіи, такъ что слѣдовательно весь процессъ примкнулъ прямо къ ряду уже извѣстныхъ процессовъ. Хотя обыкновенно животное, которое проходитъ различныя степени развитія, должно достигнуть высшей степени прежде, чѣмъ можетъ размножаться, но исключенія изъ этого правила уже теперь извѣстны въ большомъ количествѣ; можно даже искуственно помѣшать тритонамъ достигать ихъ послѣдней степени развитія. Если ихъ держать въ замкнутомъ сосудѣ съ водой, они не теряютъ своихъ жаберъ и останавливаются на ступени водяной саламандры, но все же достигаютъ половой зрѣлости и размножаются. Подобнымъ же способомъ особенныя условія существованія животныхъ и безъ содѣйствія человѣка нерѣдко производятъ подобныя измѣненія,—напр. одинъ видъ лягушекъ проходитъ уже въ яйцѣ состояніе головастика и выходитъ уже изъ яйца совершенной лягушкой. Во всѣхъ этихъ случаяхъ очевидно совокупное дѣйствіе внутреннихъ причинъ образованія съ условіями существованія, и нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ естественный подборъ играетъ рѣшительную роль, но при превращеніи аксолота, который вдругъ превращается изъ водянаго животнаго въ воздушное, не можетъ быть и рѣчи о подборѣ или борьбѣ за существованіе. Съ точки зрѣнія односторонняго дарвинизма можно понять дѣло только такъ, что все превращеніе подводится подъ понятіе *варіированія*, и при этомъ, можетъ быть, перемѣщеніе въ другой климатъ признается поводомъ къ варіированію. Въ свободной природѣ новая форма должна была бы продѣлать борьбу за существованіе и укрѣпиться въ ней, прежде чѣмъ окончился бы процессъ образованія вида. Но легко видно, что такое расширеніе понятія варіяціи въ сущности заключаетъ въ себѣ все, чего только могутъ пожелать защитники закона развитія, ибо никто не повѣритъ, что это измѣненіе случайное, рядомъ съ которымъ могли бы произойти какія угодно другія; но ясно, что здѣсь совершилось движеніе по какъ-бы напередъ указанному пути [76]).

Все затрудненіе заключается въ томъ, чтобы правильно уразумѣть понятіе закона развитія. Это слово представляется подозрительнымъ многимъ естествоиспытателямъ; все равно, какъ если бы рѣчь шла о „планѣ творенія" и при этомъ предполагался бы цѣлый рядъ повторенныхъ вмѣшательствъ сверхъестественныхъ силъ. Но не существуетъ ни малѣйшаго основанія для того, чтобы при мысли о „внутреннихъ причинахъ", о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, предполагать какое либо мистическое содѣйствіе обыкновенному ходу силъ природы. Поэтому „законъ развитія", по которому организмы восходятъ по

[76]) Срав. *Haeckel*, Schöpfungsgeschichte, 4. Aufl., S. 215 u. f.

опредѣленному ряду степеней, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ мыслимаго въ видѣ нѣкотораго единства совокупнаго дѣйствія общихъ законовъ природы для произведенія явленія развитія. „Законъ развитія“ Келликера, также, какъ и многочисленные законы образованія формъ, выставленные *Геккелемъ*, разсматриваемые логически, прежде всего суть лишь такъ называемые „эмпирическіе законы“, т. е. взятыя изъ наблюденій извѣстныя правила въ процессахъ природы, послѣднихъ причинъ которыхъ мы еще не знаемъ. Но все же мы можемъ попытаться *составить себѣ представленіе* объ истинныхъ естественныхъ причинахъ, которыя лежатъ въ основаніи закона развитія, хотя бы для того, чтобы показать, что не существуетъ ни малѣйшаго повода для прибѣганія къ мистическому способу представленія.

Геккель высказалъ мысль, что его *теорія пластидовъ* должна быть сведена на *углеродную теорію*, т. е. что въ свойствѣ углерода (что конечно еще совершенно неясно) слѣдуетъ искать причину своеобразныхъ движеній, которыя мы наблюдаемъ въ протоплазмѣ и которыя мы принимаемъ за элементы всѣхъ жизненныхъ явленій. Этою мыслью не очень много выиграно, но мы можемъ ею воспользоваться, чтобы начать изложеніе нашего представленія о сущности закона развитія.

Если мы разсмотримъ нѣсколько ближе химію углеродныхъ соединеній, то найдемъ, что для образованія *органическихъ кислотъ* нынѣ уже существуетъ полная теорія, которую мы очень хорошо можемъ сравнить съ нѣкоторымъ закономъ развитія. „Планъ“ всего этого развитія начерченъ въ ученіи объ „атомности“, и такъ какъ, по опредѣленному принципу субституціи, всякая данная органическая кислота какъ бы можетъ быть далѣе развита въ другую, то мы имѣемъ передъ собою идущую въ безконечность возможность все болѣе и болѣе сложныхъ и разнообразныхъ образованій, которыя, несмотря на ихъ огромное множество, движутся только по узкому и строго предписанному пути. Что можетъ и не можетъ возникнуть, опредѣлено заранѣе извѣстными гипотетическими свойствами молекулъ [77]).

---

[77]) *Weihrich*, die Ansichten der neueren Chemie (Mainz 1872), говоритъ S. 43 u. f о теоріи *Кольбе*, по которой одинъ атомъ водорода можетъ быть замѣненъ метиломъ C_2 H_3. Но самъ метилъ содержитъ тоже водородъ, каждый отдѣльный атомъ котораго можетъ опять быть замѣненъ атомомъ метила. Такими замѣщеніями превращается муравьиная кислота въ проніоновую, а эта въ масляную и т. д. Само собой разумѣется, что развитая въ текстѣ общая мысль независима отъ этой частной теоріи; эта теорія дѣлаетъ однако весьма нагляднымъ то, какой законъ развитія можно себѣ представить, если мы заставимъ сложныя образованія происходить постепенно изъ болѣе простыхъ.

Мы могли бы здѣсь уже остановиться и просто сопоставить извѣстный въ его основныхъ чертахъ планъ всѣхъ возможныхъ органическихъ субстанцій, какъ объясняющій образъ, съ неизвѣстнымъ еще планомъ всѣхъ вообще возможныхъ формъ животныхъ. Но мы сдѣлаемъ еще шагъ и напомнимъ связь между формами кристалловъ и способомъ химическаго соединенія кристаллизованнаго вещества. Что подобная же связь между веществомъ и формой существуетъ и у организмовъ, не новая мысль. Аналогія очень близка и уже очень часто употреблялась въ соображеніяхъ всякаго рода. Что при этомъ тоже, наконецъ, мы возвращаемся къ особенностямъ молекулъ, очень естественно. Для нашей цѣли совершенно все равно, захотимъ ли мы привести форму въ связь съ опредѣленнымъ для животнаго характеристичнымъ веществомъ, которое въ родословной веществъ занимаетъ опредѣленное положеніе, или примемъ ее за результатъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ существующихъ въ животномъ тѣлѣ веществъ. И то и другое въ сущности приведетъ къ одному и тому же. Достаточно того, что лишь только какимъ либо способомъ допускается связь между формою и веществомъ, мы имѣемъ передъ собою осязательно *законъ развитія организмовъ*, какъ *законъ замѣщенія углеродныхъ соединеній*.

Такъ ли дѣло или иначе, во всякомъ случаѣ достаточно этихъ указаній, чтобы показать, что подъ закономъ развитія не нужно представлять себѣ чего либо сверхъестественнаго или мистическаго; и этимъ можетъ быть устранено главное сопротивленіе противъ признанія его значенія. Законъ развитія даетъ *возможныя* формы; естественный подборъ выбираетъ изъ огромнаго множества ихъ *дѣйствительныя*; но онъ не можетъ вызвать ничего, что не содержится въ планѣ организмовъ, и простой принципъ полезности дѣйствительно становится безсильнымъ, если отъ него потребуется модификація животнаго тѣла, которая противна закону развитія. Но этимъ не затрогивается Дарвинъ, такъ какъ онъ держится выборки полезнаго между произвольно являющимися варіяціями; его ученіе только дополняется, если можно предположить, что кругъ возможныхъ варіяцій обусловленъ нѣкоторымъ общимъ закономъ развитія.

Можно бы далѣе думать, что предположеніе такого закона развитія дѣлаетъ излишней теорію естественнаго подбора, такъ какъ богатство формъ должно произойти въ теченіи времени и безъ всякаго подбора. Подобный взглядъ прежде всего упускаетъ изъ виду огромное значеніе *соперничества изъ за существованія*, которое есть не только теорія, но доказанный фактъ. Но въ то же время нужно твердо помнить, что законъ развитія, что бы мы себѣ подъ нимъ ни представляли, ни въ какомъ случаѣ не есть демонически дѣйствующая сила, которая безусловно устанавливаетъ чистыя формы, какъ онѣ

соотвѣтствуютъ ея условіямъ. Если мы уже въ *кристаллизаціи*, подчиненной болѣе простымъ условіямъ, открыли самыя разнообразныя неправильности, такъ что кристаллъ теоріи въ сущности есть только идеалъ, то мы легко поймемъ относительно организмовъ, что законъ развитія не можетъ помѣшать уклоненіямъ и уродствамъ всякаго рода, смѣшаннымъ формамъ рядомъ съ чистыми, несовершеннымъ рядомъ съ типами, хотя онъ имѣетъ вліяніе на всѣ возникающія формы. Но если уже чистыя формы по закону развитія идутъ въ безконечность, то въ силу модифицированныхъ формъ число возможныхъ становится еще несравненно больше, и все же оно остается только дробью вообще мыслимаго. Матеріалисты древности уже понимали, *что не все можетъ произойти изъ всего*. Въ этомъ громадномъ количествѣ формъ и наступаетъ рѣшающая и избирающая борьба за существованіе и производитъ вышеописанное равновѣсіе, которое мы признали за *максимумъ одновременно возможной жизни*. Будутъ ли при этомъ тѣ формы, къ которымъ приводитъ въ результатѣ естественный подборъ и которыя въ силу его становятся постоянными, въ концѣ концовъ самыми чистыми типами по закону развитія, можно оставить неразрѣшеннымъ; но во всякомъ случаѣ нужно предположить, что постоянство видовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше достигается это совпаденіе.

Болѣе серьезный вопросъ, который здѣсь представляется, тотъ,—можно ли, при предположеніи механически дѣйствующаго закона развитія, считать имѣющія *одинаковый видъ первичныя формы* организмовъ, изъ которыхъ мы производимъ всѣ живущія формы, за дѣйствительно имѣющія *одинаковую природу*, или нѣтъ. Постановкою этого вопроса мы не хотимъ затрогивать того закона, которому придается такая важность вліятельными защитниками теоріи происхожденія видовъ, закона согласія между „онтогеніей“ и „филогеніей“, какъ говоритъ Геккель, или ученія, что у каждаго существа стадіи его первобытной исторіи въ главныхъ чертахъ повторяются въ исторіи собственнаго развитія, именно въ зародышной жизни. Прежде всего мы хотимъ только замѣтить, что этотъ законъ для теоретиковъ ученія происхожденія видовъ хотя имѣетъ чрезвычайную *эвристическую* важность, но что его *необходимость* именно съ точки зрѣнія чистаго дарвинизма трудно понять. О пользѣ прохожденія этихъ стадій для борьбы за существованіе не можетъ быть и рѣчи, и принципъ наслѣдственности не имѣетъ такой безусловной силы, чтобы его было достаточно для такого согласія. Слѣдовательно, не можетъ быть ничего иного, кромѣ того, что есть химическія и физическія причины, которыя дѣлаютъ необходимымъ прохожденіе этихъ стадій, и въ этомъ уже заключается признаніе закона развитія, какъ мы его понимаемъ.

Но если теперь спросить, имѣютъ ли формы одинаковыя или похожія въ первыхъ стадіяхъ развитія и дѣйствительно одинаковую природу, то отрицаніе этого можно извлечь уже просто изъ того факта, что изъ нихъ развивается различное. Если напр. зародышъ собаки имѣетъ поразительное сходство съ зародышемъ человѣка на четвертой недѣлѣ развитія, то все же изъ перваго выходитъ только собака, а изъ втораго человѣкъ. Можно бы далѣе предположить, что это не незначительное различіе развилось лишь постепенно, оттого, что одинъ изъ двухъ схожихъ зародышей постоянно питался соками собаки, другой соками человѣка; однако, этотъ довольно грубый способъ объясненія не достаточенъ уже, напр., для яицъ птицъ. Если мы вспомнимъ такъ вѣрно указанный Дарвиномъ принципъ *наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ*, то вскорѣ увидимъ, что намъ слѣдуетъ представлять себѣ истинный ходъ дѣла несравненно сложнѣе. Возьмемъ, напр., два голубиныхъ яйца, изъ которыхъ одно содержитъ недѣлимое, заключающее въ себѣ наслѣдственную способность кувыркаться въ воздухѣ, другое, по возможности сходное недѣлимое безъ этой способности. Гдѣ здѣсь скрывается различіе? Извнѣ оно не можетъ болѣе войти. Оно должно заключаться въ яйцѣ; но какъ, этого мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что равенство внѣшняго вида неизмѣримо далеко отъ равенства сущности. *Геккель*, который придаетъ большой вѣсъ равенству первыхъ ступеней, ибо видитъ въ немъ явное доказательство первоначальнаго существеннаго единства всѣхъ организмовъ, признаетъ все же необходимость предполагать внутреннее различіе. „Различія, говоритъ онъ, которыя дѣйствительно существуютъ между яицами различныхъ млекопитающихъ и людей, состоятъ не въ формѣ, но въ химическомъ составѣ, въ молекулярномъ составѣ бѣлковиннаго углероднаго соединенія, изъ котораго существенно состоитъ яйцо. Эти тонкія индивидуальныя различія всѣхъ яицъ, которыя основаны на непрямомъ или потенціальномъ приспособленіи (и именно спеціально на законѣ индивидуальнаго приспособленія), хотя незамѣтны прямо для чрезвычайно грубыхъ познавательныхъ средствъ человѣка, но познаются изъ основательныхъ непрямыхъ заключеній, какъ первыя причины различія всѣхъ недѣлимыхъ“ [78]).

---

[78]) *Haeckel*, Natürl. Schöpfungsgesch., 4. Aufl. S. 264 u. f. — Точно также говорится очень вѣрно на стран. 295: «всѣ жизненныя явленія и процессы образованія организмовъ обусловлены также непосредственно химическимъ составомъ и физическими силами органической матеріи, какъ жизненныя явленія неорганическихъ кристалловъ, т. е. процессы ихъ роста и специфическаго образованія ихъ формъ, суть непосредственныя слѣдствія ихъ химическаго состава и ихъ физическаго состоянія».—Въ *Generelle Morpho-*

Химическія различія суть существенныя различія, и поэтому мы въ схожихъ яйцахъ имѣемъ передъ собой вещи, которыя по своему существу очень различны, тогда какъ онѣ очевидно, по нѣкоторому общему, но еще неизвѣстному закону, являются въ одинаковыхъ внѣшнихъ формахъ. Играетъ ли при этомъ роль также различіе *строенія*, мы незнаемъ. Что мы выражаемъ, говоря объ отсутствіи строенія въ протоплазмѣ? Только то, что мы съ нашими грубыми средствами наблюденія не можетъ распознать никакого строенія. Пока явленія движенія протоплазмы не объяснены механически, вопросъ о строеніи ея долженъ оставаться открытымъ [79]). Въ концѣ концовъ вѣдь и химическое свойство молекулъ также будетъ строеніе!

---

logie, I, S. 198, Геккель говоритъ: (Мы знаемъ) «что въ высшей степени простыя начала всѣхъ органическихъ недѣлимыхъ неоднородны, и что крайне незначительныя различія въ ихъ матеріальномъ составѣ, въ конституціи ихъ бѣлковиннаго соединенія достаточны, чтобы произвести послѣдующія различія ихъ эмбріональнаго развитія. Ибо навѣрное лишь крайне малыя различія такого рода производятъ напр. наслѣдственное перенесеніе индивидуальныхъ отеческихъ свойствъ на потомковъ посредствомъ минимальнаго количества бѣлка живчика.» Но не слѣдуетъ ли изъ этого правильнаго взгляда, въ которомъ значеніе «внутреннихъ причинъ» для развитія является въ самомъ яркомъ свѣтѣ, извлечь дальнѣйшіе выводы? Не должна ли исчезнуть въ особенности преувеличенная важность, которая придается чисто морфологическому равенству, передъ фактомъ, что мы находимъ самыя важныя различія существъ уже обоснованными въ зародышѣ, тогда какъ мы съ нашими средствами наблюденія и думать не можемъ прямо указывать на эти различія? Конечно, первой причины различія между Моцартомъ и совершенно немузыкальнымъ человѣкомъ, или напр. между Гете и курицею, никто не найдетъ потому незначительною, что она связана съ нѣкоторою безмѣрно малой матеріальною величиною. Но то обстоятельство, что эта величина для насъ до сихъ поръ есть нѣчто совершенно неуловимое, даетъ однако право изслѣдователю не заниматься ею спеціально, чтобы не быть вовлеченнымъ въ безплодныя изслѣдованія, а также, безъ сомнѣнія, по *принципу* чисто *морфологическаго* изслѣдованія можно совершенно не обращать вниманія на эту совершенно неуловимую величину; но лишь только рѣчь идетъ о взглядѣ на *сущность развитія*, причемъ морфологическая точка зрѣнія недостаточна, то пренебреженіемъ этой величины мы совершили бы такую же важную ошибку, какъ если бы въ задачѣ вычеркнули одинъ изъ самыхъ важныхъ факторовъ только потому, что онъ намъ неизвѣстенъ: ибо здѣсь конечно дѣло идетъ не о матеріальной величинѣ самой по себѣ, а о важности послѣдствій ея существованія

[79]) Сравн. *Preyer*, über die Erforschung des Lebens, Jena, 1873, S. 22: «Въ силу движеній протоплазмы въ ничтожномъ зародышѣ сѣмени, окружающая земля, воздухъ и вода подъ вліяніемъ тепла превращаются въ громад-

Представимъ себѣ готовые отесанные камни для готическаго и для романскаго собора, сложенные въ двѣ правильныя кучи, одинаковой формы и самыхъ скудныхъ размѣровъ, такъ что всякое мѣстечко занято, и что обѣ массы получаютъ одинаковый внѣшній видъ. Тогда легко себѣ представить, что эти массы строительнаго матеріала въ нѣкоторомъ разстояніи походятъ на два совершенно одинаковыхъ зданія. Но если разобрать куски и вѣрно сложить ихъ, то изъ одной изъ этихъ массъ можетъ произойти только готическій, а изъ другой только романскій соборъ.

Если же мы разъ въ этомъ убѣдились, то нужно вывести отсюда и слѣдствіе, отчасти признавши, что химическія отношенія имѣютъ свои правила и какъ бы свой планъ развитія, отчасти также вникнувъ во все положеніе морфологіи относительно генезиса организмовъ. А именно, мы должны допустить положеніе, что неизвѣстныя особенности веществъ, вѣроятно химическія, могутъ имѣть рѣшительное вліяніе на развитіе существъ, ихъ будущій видъ и жизненныя привычки, тогда какъ въ первыхъ элементарныхъ формахъ уже существуютъ тѣже самыя особенности, не вызывая видимаго для насъ различія. То, что имѣетъ силу для недѣлимаго, должно имѣть силу и для совокупности организмовъ въ ихъ историческомъ развитіи: *простыя первичныя формы, черезъ которыя должны проходить всѣ существа, не необходимо одинаковы по сущности*. Они могутъ быть въ своемъ болѣе тонкомъ, для насъ непознаваемомъ строеніи или въ своемъ химическомъ составѣ такъ же различны, какъ они одинаковы морфологически. Какъ ни важна поэтому *теорія гаструлы Геккеля* для законченности морфологіи и для гипотетическаго восполненія всей теоріи происхожденія видовъ, все же въ ней никакъ нельзя видѣть доказательства „*монофилитическаго*“ происхожденія, т. е. происхожденія всѣхъ организмовъ отъ одного и того же вида первобытныхъ существъ [80]).

ное дерево, и въ силу движенія протоплазмы въ согрѣтомъ яйцѣ содержаніе его превращается въ живое животное. Что даетъ толчокъ? Что заставляетъ вещества такъ располагаться, что изъ этого происходитъ жизнь? Напрасно химія ищетъ отвѣта».

[80]) Въ *Generelle Morphologie* I, S. 198, *Геккель* говоритъ: «По нашему мнѣнію, для существенныхъ основныхъ воззрѣній органическаго развитія почти все равно, возникли ли въ первобытномъ морѣ въ то время, когда наступила первая автогонія, въ различныхъ мѣстахъ многочисленныя первоначально различныя монеры, или же возникли многія однородныя монеры, которыя только позднѣе (вслѣдствіе незначительныхъ измѣненій въ атомическомъ составѣ бѣлка) дифференцировались». Если Геккель съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе переходилъ къ одностороннему утвержденію монофилетиче-

Заранѣе можно несравненно вѣроятнѣе сказать, что въ началѣ жизни существовало большое число не совершенно одинаковыхъ и не совершенно одинаково способныхъ къ развитію зачатковъ, предположимъ-ли, что зачатки произошли изъ метеорной пыли вселенной, или что жизнь развилась изъ монеръ морскаго дна. Но если „*полифилитическому*" происхожденію организмовъ придаютъ особенное значеніе потому, что оно повидимому представляетъ средство для отдѣленія человѣка отъ прочаго животнаго міра, то мы въ слѣдующей главѣ будемъ имѣть еще случай показать, что съ этою возможностью вовсе не связано никакого болѣе глубокаго философскаго интереса. Борьба мнѣній поэтому можетъ здѣсь завершиться пониманіемъ и обсужденіемъ фактовъ. Принципы приэтомъ принимаются во вниманіе только пока дѣло идетъ о вопросѣ закона развитія, который однако разрѣшается не на этой почвѣ. Если бы напр. крайній дарвинизмъ хотѣлъ понимать монофилитическое происхожденіе такъ, что всѣ различія во внутренней природѣ органическихъ первобытныхъ формъ отрицаются и всѣ возникшія различія сводятся на естественный подборъ, безъ какого либо содѣйствія внутреннихъ основаній развитія, то это была бы конечно очень послѣдовательная метафизика, но очень невѣроятная естественно-научная теорія. Напротивъ, весьма можно допустить умѣренный и осторожный пріемъ *Геккеля*, который признаетъ монофилитическое происхожденіе, по крайней мѣрѣ для животнаго царства и въ особенности для его высшихъ формъ, за болѣе вѣроятное [81]). При этомъ главнымъ

скаго происхожденія, для котораго онъ видитъ особенную важность въ существованіи формы гаструлы у известковыхъ губокъ, то это слѣдуетъ объяснить слишкомъ сильнымъ преобладаніемъ чисто морфологической точки зрѣнія. Геккель по случаю *ученія объ индивидуальности* (*generelle Morphologie*, I. S. 265 u. ff.) положилъ ясное различіе между *морфологическою* и *физіологическою индивидуальностью*. Если бы мы захотѣли примѣнить то же различіе къ ученію происхожденія, то по нашему пониманію противъ чисто морфологическаго монофилетизма нельзя бы возразить ничего существеннаго, но мы однако придаемъ больше важности вопросу о внутреннемъ качествѣ и его отношеніяхъ къ необходимому будущему развитію.

[81]) Naturl. Schöpfungsgesch. 4. Aufl. S. 373. Тамъ же высказанное положеніе, что вообще монофилетическія гипотезы происхожденія имѣютъ болѣе внутренней вѣроятности, чѣмъ полифилетическія, есть не простое обращеніе нашего въ текстѣ высказаннаго положенія. Послѣднее относится исключительно къ первому возникновенію жизни, насколько можно судить объ его условіяхъ, а по нимъ и о фактическомъ ходѣ дѣла. Геккель напротивъ имѣетъ въ виду происхожденіе всякаго существующаго вида или гипотетической родоначальной формы, принимая во вниманіе вопросъ, образовалась ли эта форма первоначально въ различныхъ мѣстахъ и съ соотвѣтствующими варіяціями, или только въ одномъ мѣстѣ и въ одной формѣ, такъ что слѣдовательно напр. далеко развѣтвленное мѣстонахожденіе какого нибудь вида должно быть сведено на переселеніе, а не на одновременное происхожденіе въ различныхъ мѣстахъ.—Сравн. еще предыдущее примѣчаніе.

образомъ опираются на ученіе о „центрѣ творенія" каждаго отдѣльнаго вида и каждаго рода, и это ученіе въ свою очередь эмпирически подтверждается замѣчаніемъ, что часто странной формы область распространенія видовъ вообще очень хорошо объясняется, если предположить опредѣленный пунктъ возникновенія и изслѣдовать возможности переселенія изъ него, принимая во вниманіе вѣроятное тогдашнее состояніе земли.

Что во всемъ этомъ ученіи еще весьма много гипотетическаго и сомнительнаго, это не умаляетъ его значенія, такъ какъ дѣло идетъ о первой закладкѣ исторіи организмовъ. Болѣе точное изслѣдованіе, болѣе строгое взвѣшиваніе вѣроятностей наступитъ здѣсь, какъ и вездѣ, вмѣстѣ съ прогрессомъ науки. Но слѣдуетъ, конечно, помнить, что все ученіе объ единомъ центрѣ творенія, чтобы оно не получало метафизическаго и даже мистическаго характера, должно быть признаваемо только за правило изслѣдованія и за справедливое, для большей части случаевъ, эмпирическое наблюденіе. Оно вовсе не годится для обобщенія посредствомъ индукціи, такъ какъ немыслима никакая естественная причина, по которой изъ далеко распространенной родоначальной формы не могъ бы въ двухъ различныхъ пунктахъ одновременно произойти одинъ и тотъ же новый видъ. На томъ же основаніи и поддержка монофилетической теоріи ученіемъ о центрахъ творенія не можетъ считаться очень твердою. Если бы это ученіе была доказано эмпирически изъ десяти случаевъ девять разъ, все-таки не слѣдовало бы, что и первое возникновеніе самыхъ простыхъ организмовъ исходитъ изъ подобнаго единичнаго центра творенія.

Все дѣло получаетъ конечно и другой видъ, если ограничиваемся чисто *морфологической* точкою зрѣнія; ибо тогда дѣйствительно мыслимы причины, которыя могли бы принудить всѣ организмы пройти извѣстный рядъ формъ, все равно, будетъ ли ихъ внутренняя сущность—мы подъ этимъ понимаемъ прежде всего химическій составъ—тождественна, или нѣтъ. Различіе однако высказалось бы тогда въ томъ, что нѣкоторые изъ этихъ организмовъ должны были бы постоянно оставаться на низшихъ ступеняхъ, тогда какъ другіе, подъ вліяніемъ естественнаго подбора и имманентнаго закона развитія, возвысились бы до высшихъ формъ.

Но нашей задачей не можетъ быть здѣсь изслѣдовать многочисленные формально и матеріально интересные вопросы, которые вызваны дарвинизмомъ и оппозиціею противъ него. Для насъ существенно лишь показать, какъ всѣ поправки

и ограниченія ученія Дарвина, которыя сдѣланы и еще могутъ быть сдѣланы, въ существенномъ постоянно должны стоять на той же почвѣ раціональнаго, допускающаго только понятныя причины разсматриванія природы. Строгое проведеніе принципа причинности съ устраненіемъ всѣхъ неясныхъ предположеній силъ, которыя выводятся только изъ понятій, должно остаться для всего поприща естественныхъ наукъ путеводною точкою зрѣнія, и если въ этомъ послѣдовательномъ проведеніи механическаго міровоззрѣнія заключается что нибудь неудовлетворяющее и оскорбляющее наше чувство, то это будетъ уравновѣшено, какъ мы еще достаточно покажемъ, на другой почвѣ.

Если поэтому оппозиція противъ Дарвина, отчасти открыто, отчасти безсознательно, происходитъ изъ привязанности къ старому телеологогическому міровоззрѣнію, то здравая критика напротивъ можетъ только провести пограничныя линіи, именно, что никакое оспариваніе дарвинизма не имѣетъ естественно-научнаго права, если это оспариваніе не исходитъ, подобно самому дарвинизму, изъ принципа объясняемости міра при полномъ примѣненіи принципа причинности. Поэтому, какъ скоро въ признаніи „плана творчества“ и подобныхъ понятій скрывается мысль, что изъ подобнаго источника можетъ истечь и вмѣшаться въ правильный ходъ силъ природы чуждый факторъ, то мы перестаемъ находиться на почвѣ изслѣдованія природы, но находимся на почвѣ неяснаго смѣшенія естественно-научныхъ и метафизическихъ или скорѣй вообще теологическихъ воззрѣній. Всякое вмѣшательство мистической силы, которое сводитъ нѣкоторое количество молекулъ съ пути, по которому онѣ двигаются по общимъ законамъ природы, чтобы поставить ихъ въ шеренгу по нѣкоторому плану—всякое подобное вмѣшательство, по естественно-научному взгляду, *производило бы нѣкоторую работу*, которая можетъ быть *измѣрена по эквивалентамъ*, тогда какъ *она разрушаетъ рядъ эквивалентовъ*, какъ нечаянная описка, попавшая въ вѣрное уравненіе, портитъ весь результатъ. Весь „планъ творенія“, который мы узнали, совокупный результатъ происшедшихъ до сихъ поръ научныхъ открытій и эта прекрасная гармонія всеохватывающаго одинаковаго и единаго закона были бы разрушены, какъ дѣтская игра. И къ чему?—чтобы на мѣсто еще несовершеннаго, но дѣйствительнаго пониманія наложить заплату изъ міровоззрѣнія, въ которомъ, по его основамъ, возможно только слабое подобіе пониманія, только порядокъ явленій, сообразный съ пустыми понятіями и неуклюжими антропоморфическими фантазіями.

Всѣ такіе недозволительные перерывы ряда причинъ въ концѣ концовъ могутъ быть сведены на сущность *ложной телеологіи*, о которой мы еще скажемъ нѣсколько словъ. Между тѣмъ существуетъ еще телеологія, которая

не только соединима съ дарвинизмомъ, но почти тождественна съ нимъ, и существуютъ также идеальныя раскрытія и умозрительныя развитія этой вѣрной телеологіи, которыя имѣютъ мѣсто на трансцендентной почвѣ, но именно поэтому никогда не могутъ придти въ столкновеніе съ естественными науками.

Если дарвинизмъ въ сравненіи съ грубой антропоморфической телеологіей представляется *ученіемъ случайности*, то это есть только совершенно справедливая отрицательная его сторона. Цѣлесообразное происходитъ изъ сохраненія относительно случайныхъ образованій, но эти образованія могутъ быть названы случайными только потому, что мы не можемъ назвать причины, почему именно они являются въ данную минуту. Въ великомъ цѣломъ все, а слѣдовательно и появленіе этихъ образованій, которыя въ силу приспособленій и наслѣдственности дѣлаются основаніемъ новыхъ твореній, необходимо и опредѣлено по *вѣчнымъ* законамъ. Эти законы конечно не тотчасъ производятъ цѣлесообразное, но они производятъ множество варіяцій, множество зародышей, между которыми частный случай цѣлесообразнаго, способнаго къ жизни можетъ быть относительно рѣдокъ. Мы показали, что этотъ способъ производить цѣлесообразное, обсуждаемый по сравненію съ *человѣческой* цѣлесообразностью, есть очень низкій, но вѣдь и человѣкъ есть самый сложный изъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ организмовъ, которые намъ извѣстны, и одаренъ сложнымъ до безконечности аппаратомъ, чтобы реагировать на спеціальныя потребности самымъ спеціальнымъ и своеобразнымъ образомъ. Механизмъ, который осуществляетъ это, скрытъ отъ его собственнаго сознанія и поэтому человѣческая и человѣкоподобная дѣятельность, съ точки зрѣнія грубаго и ненаучнаго разсматриванія, является какъ нѣкоторое *непосредственное дѣйствіе силы прямо отъ мысли на объектъ*, тогда какъ эта дѣятельность на самомъ дѣлѣ есть только *тончайшимъ образомъ посредствуемая*. Если оставить въ сторонѣ проистекающія отсюда заблужденія, то тотъ механизмъ, которымъ природа достигаетъ своихъ цѣлей, по *своей всеобщности*, стоитъ по крайней мѣрѣ такъ же высоко, какъ человѣческая цѣлесообразность по *своей степени* совершеннѣйшаго частнаго случая. Можно бы легко доказать, что даже въ самыхъ возвышенныхъ дѣйствіяхъ человѣка все еще играетъ роль такой принципъ сохраненія наиболѣе цѣлесообразнаго, дѣйствуя всюду совокупно съ тончайшими аппаратами специфической реакціи. Даже великія открытія и изобрѣтенія, которыя образуютъ основаніе высшей культуры и духовнаго прогресса, подлежатъ всетаки этому общему закону сохраненія сильнѣйшаго, тогда какъ они въ то же время испытуются самыми тонкими методами науки и искуства. Но весь вопросъ правильной телеологіи можно привести къ изслѣдованію, насколько именно въ этомъ устройствѣ

природы, въ связи съ механически дѣйствующимъ закономъ развитія, можетъ быть найдено что нибудь, подобное „міровому плану"? Если при этомъ мы осторожно оставимъ въ сторонѣ все, что приводитъ къ человѣко-подобно мыслящему „строителю міровъ", то логическимъ зерномъ этого вопроса останется: Есть ли этотъ міръ *лишь частный случай* между безчисленными одинаково мыслимыми мірами, которые остались бы или вѣчно *хаотическими* или *вѣчно неподвижными*, или же можно утверждать, что *при всякомъ свойствѣ первичныхъ началъ*, въ концѣ концовъ должны бы были по принципу Дарвина, получиться порядокъ, красота, совершенство, въ той мѣрѣ, какъ мы это наблюдаемъ? Этотъ вопросъ можно расширить, именно спрашивать: будетъ ли необходимо понятенъ устроенный и развивающійся міръ для человѣческаго разума, который нуждается въ оріентированіи посредствомъ опредѣленныхъ классовъ и видовъ вещей, или же мыслимо такое разнообразіе формъ и процессовъ, что оно осталось бы непонятнымъ для существа организованнаго на подобіе человѣка?

Безъ сомнѣнія нужно допустить, что нашъ міръ въ этомъ смыслѣ долженъ быть названъ частнымъ случаемъ, ибо хотя все случающееся очень хорошо можетъ быть развито математически изъ простыхъ предположеній, но всетаки нужно сдѣлать положительныя предположенія, и именно такія, въ силу которыхъ возможно развитіе нашего міра, тогда какъ безъ этой цѣли они могли бы быть совершенно иными. Въ этомъ отношеніи, самъ *Эмпедоклъ* не чуждъ телеологическихъ элементовъ, ибо, какъ бы послѣдовательно онъ ни производилъ цѣлесообразность частнаго изъ простыхъ попытокъ всевозможныхъ сочетаній, все же игра сочетанія и раздѣленія въ великомъ цѣломъ съ необходимостью вытекаетъ изъ свойствъ четырехъ элементовъ и двухъ движущихъ основныхъ силъ. Если отбросимъ послѣднія, то останется вѣчная неподвижность или вѣчный хаосъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о системѣ атомистиковъ. Хотя здѣсь можно воспользоваться ученіемъ о безконечности міровъ, чтобы сдѣлать относительно случайнымъ частный случай нашего міра, но необходимыя основанія нѣкотораго понятнаго міра находятся все же въ фундаментальныхъ предположеніяхъ о свойствахъ и способѣ движенія атомовъ. Предположимъ, напр., міръ только изъ круглыхъ и гладкихъ атомовъ и тогда невозможно будетъ образоваться тому твердому порядку вещей, который мы видимъ вокругъ себя. Здѣсь даже сознательнымъ образомъ, чтобы сдѣлать міръ частнымъ случаемъ, изъ принципа понятности міра выведено очень тонкое и очень глубокое ученіе о конечности числа формъ атомовъ.

Въ *Кантовской* философіи, которая изучала и эти вопросы глубже, чѣмъ какая либо другая, поэтому совершенно отождествляется *первая ступень телеологіи* съ принципомъ, который мы не разъ уже называли *аксіомою понятности міра*, и дарвинизмъ въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. ученіе строго научно понимаемаго происхожденія видовъ, не только не находится въ противорѣчіи съ этой телеологіей, но напротивъ есть необходимое ея условіе. „Формальная" цѣлесообразность міра есть ничто иное, какъ *сообразность его съ нашимъ разсудкомъ*, и эта сообразность требуетъ такъ же необходимо безусловнаго господства закона причинности безъ мистическаго вмѣшательства какого бы то ни было рода, какъ она съ другой стороны предполагаетъ *обозрѣваемость* вещей, въ силу ихъ расположенія въ извѣстныхъ формахъ [82]).

Кантъ потомъ правда объясняетъ вторую ступень телеологіи, „*объективную*"; здѣсь самъ Кантъ, какъ и въ ученіи о свободной волѣ, не вездѣ строго удержался въ границахъ критически допускаемаго; но съ научною задачею изслѣдованія природы и это ученіе не приходитъ въ столкновеніе. Организмы являются намъ въ этомъ ученіи существами, въ которыхъ каждая часть вполнѣ опредѣляется всякой другой частью, и затѣмъ мы, въ силу разумной идеи абсолютнаго взаимнаго опредѣленія частей въ міровомъ цѣломъ, приведены къ тому, чтобы смотрѣть на нихъ, какъ на продуктъ нѣкотораго ума. Кантъ считаетъ этотъ способъ пониманія за недоказываемый и за ничего недоказывающій, но онъ однако несправедливо принимаетъ его за необходимое слѣдствіе устройства нашего разума. Но для естественныхъ наукъ и эта „объективная" телеологія не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только эвристическимъ принципомъ; ею *ничего не объясняется*, а естественныя науки простираются не далѣе механически-причиннаго объясненія вещей. Если Кантъ полагаетъ, что для организмовъ этотъ способъ объясненія никогда не будетъ совершенно достаточенъ, то этотъ взглядъ, который впрочемъ не составляетъ необходимой части системы, вовсе не слѣдуетъ понимать такъ, что механическое объясненіе природы гдѣ нибудь можетъ натолкнуться на твердую границу, за которою наступило бы

---

[82]) Пониманіе *Кантовской телеологіи*, которое мы здѣсь предлагаемъ, не есть однако обыкновенное пониманіе. Мы слѣдуемъ тутъ отчасти собственному изученію, отчасти появившемуся недавно прекрасному изслѣдованію *Августа Стадлера*, Kants Teleologie und ihre erkenntnisstheoretische Bedeutung, Berlin, 1874. Если Стадлеръ, утверждая полное согласіе между Кантомъ и принципами естественныхъ наукъ, можетъ быть иногда заходитъ слишкомъ далеко и не достаточно указываетъ на дѣйствительныя слабыя стороны Канта, то напротивъ доказательство того, что это пониманіе соотвѣтствуетъ принципамъ трансцендентальной философіи и низводитъ противорѣчія у Канта до минимума, у Стадлера вполнѣ основательно. Такъ какъ мы здѣсь не можемъ болѣе входить въ частности, то мы отсылаемъ читателя къ названному сочиненію.

телеологическое объясненіе; Кантъ скорѣе представляетъ себѣ механическое объясненіе организмовъ процессомъ, идущимъ въ безконечность, при которомъ останется всегда нѣкоторый неразрѣшенный остатокъ, въ родѣ того, какъ при механическомъ объясненіи вселенной. Но это воззрѣніе не приходитъ ни въ какое столкновеніе съ принципомъ изслѣдованія природы, хотя естествоиспытатели можетъ быть по большей части и склонны къ тому, чтобы составлять себѣ другія представленія объ этомъ пунктѣ, лежащемъ за предѣлами опыта.

На томъ же основаніи и телеологія *Фехнера* не подлежитъ нападенію съ естественно-научной стороны. Онъ дѣлаетъ принципъ „тенденціи къ устойчивости" посредствующимъ звеномъ между причинностью и телеологіей, принимая, что общіе законы природы сами постепенно по необходимости производятъ все болѣе и болѣе совершенное, и въ этомъ онъ находитъ телеологическую основу вселенной, которую онъ далѣе приводитъ въ связь и съ нѣкоторымъ творческимъ умомъ. Самый принципъ тенденціи къ устойчивости есть одновременно естественно-научная гипотеза и метафизическая мысль, и онъ долженъ быть подвергнутъ критикѣ съ обѣихъ сторонъ; остальное суть догматы вѣры, имѣющіе свое основаніе внѣ области опыта.

Но тѣмъ грубѣе и осязательнѣе фальшивая телеологія, та, которая изъ ничего творитъ механическую работу и этимъ уничтожаетъ причинную связь природы; такова телеологія Гартмана въ „философіи безсознательнаго". Правда, Гартманъ не хочетъ, чтобы его „финальность" была чѣмъ нибудь „существующимъ *рядомъ* съ причинностью или даже *вопреки* причинности", но его изложеніе „финальности" и въ особенности его замѣчательное доказательство ея посредствомъ мнимаго исчисленія вѣроятностей показываетъ тотчасъ, что именно разрушеніе строгой причинной связи природы составляетъ основаніе всего его мышленія, которое возвращается совершенно на точку зрѣнія обыкновеннаго суевѣрія грубыхъ первобытныхъ народовъ [83]).

Кажущееся противорѣчіе легко объясняется изъ того способа, какъ Гартманъ различаетъ духъ отъ матеріи, духовныя причины отъ матеріальныхъ. „Она, говоритъ онъ о своей телеологіи, не только не уничтожаетъ безъисключительности закона причинности, *но напротивъ предполагаетъ ее*, и притомъ не только для матеріи, но и *между духомъ и матеріей* и *духомъ и духомъ*". Тотчасъ послѣ этого, съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, проводится предположеніе, что дѣйствующая причина какого либо событія, названнаго М, *не вполнѣ содержится* въ одновременно существую-

[83]) Сравн. Philosophie des Unbewussten. Einleitendes II. Wie kommen wir zur Annahme von Zwecken in der Natur?

щихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, что „слѣдовательно" достаточной причины М нужно искать *въ духовной области*.

Гартманъ не много заботится о полномъ анализѣ одновременныхъ матеріальныхъ обстоятельствъ. Весьма рѣдки случаи, „въ которыхъ существенныя условія процесса находятся внѣ узкаго мѣстнаго круга, а всѣ несущественныя обстоятельства нѣтъ нужды принимать во вниманіе". Слѣдовательно, станемъ осматриваться въ „узкомъ мѣстномъ кругу", съ тѣмъ пониманіемъ и познаніемъ природы, какимъ случайно обладаемъ, употребимъ микроскопъ, термометръ или тому подобное, а если что и тогда не замѣчено, то не существуетъ, или несущественно. Если не найдемъ полнаго объясненія М, то тутъ замѣшался „devil-devil" [84]).

Что и въ „узкомъ мѣстномъ кругу" дѣйствуетъ безконечность силъ и устройствъ вещественнаго свойства, этого нельзя принимать; не то не существовала бы „философія безсознательнаго". Конечно, естествоиспытателю въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ просто сказать, что физическая причина еще не открыта, и во всей исторіи своей безпрерывно идущей впередъ науки онъ найдетъ толчекъ къ новымъ изслѣдованіямъ, которыя приведутъ его на одинъ шагъ ближе къ цѣли. Но негръ Австраліи и философъ безсознательнаго останавливаются тамъ, гдѣ прекращается ихъ способность естественнаго объясненія и взваливаютъ все остальное на новый принципъ, при которомъ все весьма удовлетворительно объясняется однимъ словомъ. Граница, на которой прекращается физическое объясненіе и начинается колдовство, у того и другаго различна, но научный методъ одинъ и тотъ же. Для негра Австраліи, напр., искра Лейденской банки есть вѣроятно devil-devil, тогда какъ Гартманъ можетъ еще объяснить ее естественно; но методъ перехода отъ одного принципа къ другому совершенно одинаковъ. Листъ, который обращается къ солнцу, для Гартмана то же что Лейденская банка для негра Австраліи. Въ то время, какъ

[84]) *Waitz*, Antropol. der Naturvölker, fortges. v. Gerland, VI. Thl, Leipz. 1872, S. 737; сравн. далѣе *Oscar Schmidt*, Descendenzlehre u. Darwinismus Leipz. 1873, S. 260. Жители Австраліи сводятъ въ природѣ все то, что не могутъ сами себѣ объяснить на devil—devil; «очевидно—имя божества, произведенное отъ англійскаго devil (чертъ), божества, которое однако не представляется очень яснымъ». О. Шмидтъ совершенно справедливо порицаетъ несостоятельность этого доказательства для предположенія прежнихъ, болѣе развитыхъ, но потомъ забытыхъ, религіозныхъ представленій. Сведеніе всего непонятнаго на divil—devil есть очевидно зачатокъ нѣкоторой философіи, которая не нуждается въ отдѣльныхъ богахъ. Devil—devil для негровъ Австраліи вѣроятно всевѣдущъ, всемогущъ и т. д., не будучи отъ этого лицомъ, —совершенно какъ «безсознательное».

неутомимость изслѣдователей именно въ этой области производитъ ежедневно новыя открытія, которыя всѣ указываютъ на то, что и эти явленія имѣютъ свои механическія причины, философъ безсознательнаго остановился здѣсь случайно въ своихъ ботаническихъ изученіяхъ на пунктѣ, который оставляетъ еще тайну въ полной неприкосновенности, и естественно тутъ и та граница, гдѣ является фантастическій рефлексъ собственнаго невѣжества „духовная причина", и объясняетъ безъ дальнѣйшаго труда все то, что еще необъяснимо [85]).

Что духовныя причины Гартмана тождественны съ devil-devil негра Австраліи, врядъ ли требуетъ доказательства. Наука знаетъ только одинъ родъ духа: *человѣческій*, и гдѣ рѣчь идетъ о „духовныхъ причинахъ" въ научномъ смыслѣ, всегда подразумѣвается, что онѣ проявляются черезъ посредство человѣческихъ тѣлъ. Что̀ мы сверхъ того предполагаемъ о духѣ, то уже трансцендентно и относится къ области идей. Мы имѣемъ право, если мы черезъ матеріализмъ пробились до идеализма, признавать все существующее

[85]) Не безъинтересно ту вполнѣ не-научную манеру, съ которою *Гартманъ* говоритъ объ «инстинктѣ» въ области растеній, сравнить съ новѣйшими научными изслѣдованіями о приведенныхъ здѣсь явленіяхъ произростанія растеній: геліотропизмомъ, открываніемъ и закрываніемъ цвѣтовъ, обвиваніемъ усиковъ и т. д. Дающія весьма яркій свѣтъ открытія такихъ людей, каковы *Саксъ*, *Гофмейстеръ*, *Пфефферъ*, *Франкъ*, *Баталинъ*, *Фаминцынъ*, *Приллье* и др., безъ исключенія получены посредствомъ предположенія *чисто механическаго* основанія этихъ процессовъ въ мірѣ растеній, и это предположеніе уже блестяще оправдалось во многихъ случаяхъ. Мы упомянемъ только кратко, что *геліотропизмъ* сведенъ на *замедленіе роста* свѣтомъ и слѣдующее за этимъ вогнутое искривленіе, что обвиваніе предметовъ усиками основано на доказанной экспериментально раздражительности болѣе слабо растущей стороны, что *денное и ночное положеніе* листьевъ oxalis основано на вліяніи свѣта на *сгибы* и что растеніе (не смотря на всевѣдѣніе безсознательнаго), даетъ себя обмануть, если мы наведемъ особенный свѣтъ исключительно на эти сгибы, и т. д.—Съ этимъ слѣдуетъ сравнить наблюденіе *Найта* (Knight), который сажалъ растенія на ободѣ быстро вращающагося колеса и нашелъ, что главные корни растутъ по направленію *центробѣжной силы*; далѣе опыты *Сакса* надъ вліяніемъ влажности въ почвѣ на направленіе корней. (Сравн. *Sachs*, Grundzüge der Pflanzenphysiologie, Leipzig. 1873; *Hofmeister*, allg. Morphologie der Gewächse, Leipzig, 1868; *Pfeffer*, physiol. Untersuchungen, Leipzig 1873; далѣе Naturforscher, 1871., № 49; Botan. Zeit. 1861, Nr. 11 и 12; Naturf., 1872, Nr. 4, u. s. w.). Что бы стало со всѣми этими прекрасными изслѣдованіями, если бы изслѣдователи, о которыхъ говорится, сводили явленія на цѣлесообразное вмѣшательство «безсознательнаго», или какого либо другаго призрака?

за нѣчто духовное, такъ какъ оно прежде всего есть наше представленіе; но, пока мы еще различаемъ между духомъ и матеріей, мы не имѣемъ права выдумывать духовъ и духовныя причины, которыя намъ не даны.

Что касается до человѣческаго духа, то предположимъ, что можно защищать и тотъ взглядъ, который допускаетъ, что въ мозгу исчезаетъ механическая работа и превращается въ „духъ" и что наоборотъ опредѣленная величина работы возникаетъ прямо изъ „духа". Что мы не раздѣляемъ этого взгляда, но скорѣе предполагаемъ причинный рядъ матеріальныхъ процессовъ безъ всякаго пробѣла, уже достаточно извѣстно; но примемъ здѣсь разъ противоположное, чтобы получить хоть какой нибудь примѣръ „духовныхъ причинъ", которыя производятъ матеріальные процессы. Обобщеніе этой гипотетической причины тѣмъ менѣе допустимо, что мы не имѣетъ никакой аналогіи между процессами природы и процессами въ человѣкѣ. Здѣсь слѣдуетъ напомнить требованіе *Дю Буа-Реймона*, чтобы ему, если онъ долженъ признать міровую душу, сперва указали бы гдѣ нибудь во вселенной ея мозгъ. Отчего это требованіе такъ странно? Просто потому, что говоря о вещахъ природы, при которыхъ легче всего представляется антропоморфическое пониманіе, мы вовсе не привыкли думать о мозгѣ или о молекулярныхъ движеніяхъ внутри его. Скорѣе мы представляемъ *человѣческія руки* Божьими руками, вообще проявленія жизни мыслимыхъ существъ, которыя по аналогіи *человѣческихъ дѣйствій*, а не человѣческихъ мозговыхъ движеній, вмѣшиваются въ теченіе вещей. Вѣрующій видитъ въ теченіи событій „руку Божію", а не молекулярное движеніе въ мозгу міровой души. Первобытные народы представляютъ себѣ призрачныя существа сверхчеловѣчески-человѣческаго вида вездѣсущими. Изъ этихъ представленій, а не изъ теоріи мозга, произошли вообще понятія о нематеріальныхъ причинахъ, и все предположеніе „духовной области" дѣйствій, которыя мы наблюдаемъ, есть ничто иное, какъ отвлеченное понятіе объ этихъ пестрыхъ созданіяхъ вѣры и суевѣрія. Наука незнаетъ подобной „духовной области", а потому и не можетъ заимствовать изъ нея никакихъ причинъ. Чего она не можетъ объяснить естественно по принципамъ механическаго міровоззрѣнія, того она совсѣмъ не объясняетъ. Оно остается пока неразрѣшенной задачей. Но суевѣріе и ложная философія во всѣ времена сходились въ томъ, что необъяснимое объясняли словами, за которыми не скрывалось ничего, кромѣ грубѣе или тоньше представляемой области привидѣній, т. е. именно фантастическаго рефлекса нашего невѣжества.

На этихъ принципахъ основана также возможность очень интереснаго ***исчисленія вѣроятностей***. Для такого исчисленія требуется нѣкоторая полная дизъюнкція. Если мы представимъ себѣ подъ „духовными причинами"

*

нѣчто опредѣленное, напр. поступки человѣческаго или антропоморфически мыслимаго божественнаго существа, то эта дизъюнкція была бы неточна. Весьма легко могли бы быть причины третьяго рода, какъ напр., чародѣйство, вліяніе астральныхъ духовъ, спиритизмъ и тому подобное, и все это на этой точкѣ зрѣнія должно бы обсуждаться очень серьезно. Но лишь только подъ „духовнымъ“ понимается просто все, что̀ пока не признано матеріальнымъ, дизъюнкція будетъ совершенная. Какія нибудь еще не открытыя матеріальныя причины отбрасываются, а все прочее есть devil-devil.

Теперь можно показать, что вѣроятность, что замѣшанъ devil-devil, при всѣхъ процессахъ природы равняется достовѣрности. Гартманъ не доказываетъ этого для всѣхъ процессовъ вообще, но только для той ихъ части, которая подходитъ къ философіи безсознательнаго. Методъ же такъ же простъ, какъ и очевидна его общая примѣнимость. Назовемъ вѣроятность, что M имѣетъ матеріальную причину $\frac{1}{x}$, то вѣроятность „духовной причины“ будетъ $1 - \frac{1}{x}$. Если нельзя найти матеріальныхъ причинъ, то дробь $\frac{1}{x}$ становится до незамѣтности малою и противуположное становится достовѣрностью, которая выражается единицею=1.

Еще лучше устраивается дѣло при разсматриваніи какого нибудь опредѣленнаго единичнаго процесса природы. А именно, здѣсь мы имѣемъ преимущество, что мы можемъ разложить всякій подобный процессъ природы въ цѣлый рядъ различныхъ частныхъ процессовъ, которые всѣ, конечно, подлежатъ сомнѣнію въ томъ отношеніи, имѣютъ-ли они чисто физическое основаніе. Потомъ можно, опираясь на извѣстную теорему изъ элементовъ исчисленія вѣроятностей, быть великодушнымъ безъ опасности. Можно ставить довольно высоко вѣроятность, что отдѣльные частные процессы проистекаютъ изъ матеріальныхъ причинъ; но вѣроятность ихъ совпаденія всетаки будетъ очень незначительной, такъ какъ она есть произведеніе отдѣльныхъ вѣроятностей. Положимъ, напр., имѣя 15 частныхъ процессовъ, что вѣроятность физической причины равна 0,9. Хотя естествоиспытатель будетъ склоненъ положить просто=1, но это происходитъ только оттого, что онъ принимаетъ во вниманіе еще не наблюденныя естественныя причины, и что онъ изъ предшествовавшаго хода изслѣдованія природы вывелъ индуктивное заключеніе, что при достаточномъ расширеніи изслѣдованія, наконецъ, все можно будетъ объяснить изъ обыкновенныхъ законовъ природы. При такомъ предположеніи уже невозможенъ фокусъ философіи безсознательнаго. Но если мы остановимся на вѣроятности 0,9, то вѣроятность для сложнаго процесса при вышеприведенномъ предположеніи составитъ пятнадцатую степень этой дроби, а

это уже весьма маленькая дробь, противъ которой теперь стоитъ ея противорѣчащая противуположность, „духовная причина“, сіяя весьма значительною вѣроятностью.

Такимъ способомъ можно доказать, что человѣкъ не можетъ выиграть въ игру въ кости десять разъ подъ рядъ безъ помощи Фортуны или какого нибудь spiritus familiaris. Только первый шагъ труденъ. Съ наивной увѣренностью давайте утверждать дизъюнкцію, что всякой удачѣ Фортуна или содѣйствуетъ, или нѣтъ. Положимъ—вѣроятность выигрыша безъ содѣйствія фортуны вь отдѣльныхъ случаяхъ равна $^1/_2$ и тотчасъ получимъ десятую степень этой дроби для вѣроятности повторенія выигрыша десять разъ. Содѣйствіе фортуны будетъ тогда близко къ достовѣрности.

Кто нѣсколько основательнѣе знакомъ съ исчисленіемъ вѣроятностей, тотъ знаетъ, что вѣроятность для каждаго опредѣленнаго ряда одинаково возможныхъ происшествій сама по себѣ одинаково велика, что слѣдовательно напр. случай, при которомъ нашъ игрокъ выигрываетъ при 1-мъ бросаніи костей, при 2. 3. и 4. проигрываетъ, при 5. и 6. опять выигрываетъ, при 7. проигрываетъ, при 8. и 9. выигрываетъ, при 10. опять проигрываетъ, также невѣроятенъ, какъ и тотъ, что онъ 10 разъ подъ рядъ выиграетъ [86]). *Сама*

---

[86]) Срав. объ этомъ изслѣдованія *Лапласа*, Phil. Versuch über Wahrscheinlichkeiten, 6. Grundsatz.—Если издатель нѣмецкаго перевода (Langsdorf, Heidelberg 1819) именно здѣсь вступаетъ въ оппозицію и (стран. 20, прим.) порицаетъ раздѣленіе возможныхъ случаевъ на *обыкновенные* и *необыкновенные*, ибо послѣдніе тождественны съ менѣе вѣроятными, то онъ не понялъ самаго нерва весьма тонкаго психологическаго замѣчанія. Дѣло въ томъ, чтобы показать, что мы, при извѣстныхъ, одинаково невѣроятныхъ (и если разсматривать ихъ совершенно отвлеченно, то и одинаково «необыкновенныхъ») случаяхъ, нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ *понимаемъ* и *признаемъ* во всей ихъ необыкновенности, таковъ напр. случай, который бываетъ 1 разъ изъ милліоновъ, тогда какъ другіе случаи для насъ психологически сливаются съ цѣлымъ рядомъ подобныхъ, а потому производятъ *впечатлѣніе* обыкновеннаго, несмотря на то, что ихъ вѣроятность такъ же ничтожна, какъ и случаевъ перваго рода. Таковъ приведенный въ текстѣ примѣръ игрока, который въ одномъ случаѣ выигрываетъ десять разъ подъ рядъ, а въ другомъ въ опредѣленной послѣдовательности попеременно то выигрываетъ, то проигрываетъ.

Лапласъ приводитъ это различие въ связь съ *заключеніемъ* изъ какого нибудь явленія о его *причинахъ*, и это, скажемъ между прочимъ, есть тотъ пунктъ исчисленія вѣроятностей, изъ котораго *Гартманъ* долженъ былъ бы исходить въ своемъ изслѣдованіи, вмѣсто того, чтобы ссылаться, въ высшей степени грубымъ и очевидно превратнымъ образомъ, на третій лапласовскій принципъ, изъ котораго здѣсь не можетъ слѣдовать ничего, кромѣ того, что сложные случаи суть дѣйствительно сложные случаи. Въ числѣ случаевъ шестаго прин-

дѣйствительность, когда она зависитъ отъ многихъ частныхъ обстоятельствъ, или когда она есть частный случай очень многихъ возможностей, представляется всегда, будучи разсматриваема a priori, весьма невѣроятной,

цина замѣчательные или необыкновенные случаи постоянно бываютъ тѣ, которые нѣкоторымъ образомъ носятъ на себѣ типъ *человѣческой цѣлесообразности*, хотя бы даже только по нѣкоторой чисто внѣшней симметріи, какъ напр., когда бы между милліономъ чиселъ появилось число 666666; здѣсь мы однимъ взглядомъ видимъ все отношеніе числителя и знаменателя дроби вѣроятности и въ тоже время намъ припоминается возможность *намѣреннаго* сопоставленія кѣмъ либо такихъ цифръ. Это послѣднее впечатлѣніе имѣетъ подавляющую силу въ особенности тогда, когда являющійся частный случай имѣетъ *особенное значеніе*; такъ, напр. если буквы *Европа* являются строго въ этомъ порядкѣ, который однако при всевозможной комбинаціи этихъ буквъ нисколько не невѣроятнѣе, чѣмъ всякое другое, безсмысленное сопоставленіе. Но здѣсь числитель дроби вѣроятности равняется 1, а знаменатель равенъ числу вообще возможныхъ комбинацій этихъ 6 буквъ и еще гораздо больше, если мы предположимъ, что онѣ на удачу взяты изъ ящика наборщика. Здѣсь опять прежде всего нужно замѣтить, что *дѣйствительность* такихъ случайностей, а потому и ихъ *общая возможность* отнюдь не опровергаются исчисленіемъ вѣроятностей. Это тотъ пунктъ, на который указывалъ уже *Дидеро* въ 21 главѣ *Pensées philosophiques*, утверждая, что возникновеніе Иліады или Генріады Вольтера посредствомъ простой случайной комбинаціи буквъ становится не только не невозможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ, какъ скоро только число опытовъ простирается до безконечности. — Но въ дѣйствительности мы *сравниваемъ* въ этихъ случаяхъ чрезмѣрно малую вѣроятность случайнаго сочетанія съ несравненно большею вѣроятностью произвольнаго подбора. Здѣсь, дѣйствительно, искушеніе сдѣлать гартмановскій выводъ о какомъ то духѣ необыкновенно сильно для всѣхъ, кто вѣритъ въ духовъ. Даже остроумный математикъ *Пуассонъ*, при разборѣ этого пункта въ § 41 своего учебника исчисленія вѣроятностей (übers. v. Schnuse, Braunschweig, 1841, S. 85 u. f.) говоритъ слѣдующее: «Если мы наблюдали событіе, которое само по себѣ имѣло весьма малую вѣроятность и при этомъ представляетъ нѣчто симметричное или замѣчательное, то мы совершенно естественно приходимъ къ мысли, что оно не есть дѣйствіе случая, или говоря вообще, дѣйствіе какой нибудь причины, которая дала бы ему эту незначительную вѣроятность, но что оно происходитъ отъ болѣе могущественной причины, напр. *отъ воли какого либо существа, имѣвшаго при этомъ какую нибудь опредѣленную цѣль*». Здѣсь дѣло разсматривается съ такою математическою общностью, что весьма естественное ошибочное заключеніе дикаго о духѣ и вѣрный выводъ научно-образованнаго одновременно обнимаются однимъ и тѣмъ же выраженіемъ. Но научно-образованный, несмотря на все обольщеніе аналогіи, не предположитъ такихъ «существъ», которыя ему не даны; а даны ему, какъ дѣйствующіе цѣлесообразно только человѣкъ и высшія животныя. За этимъ онъ можетъ конечно развивать свои размышленія о цѣлесообразной основѣ вселенной, но никакой отдѣльный случай какой бы то ни было a priori замѣчательной комбинаціи не побудитъ его къ принятію мистическихъ вмѣшательствъ «существа», которое ему не дано.

что конечно не дѣлаетъ ущерба ея дѣйствительности. Простое объясненіе дѣла состоитъ въ томъ, что все ученіе вѣроятности есть абстракція отъ дѣйствующихъ причинъ, которыхъ мы не знаемъ, тогда какъ мы знаемъ извѣстныя общія условія, которыя мы и кладемъ въ основаніе нашего исчисленія. Когда кость получила толчекъ и колеблется въ воздухѣ, тогда уже опредѣлено законами механики, которая сторона окончательно останется на верху, тогда какъ для нашего сужденія a priori вѣроятность для этой стороны, какъ и для всякой другой, равна $^1/_6$.

Если въ чашѣ заключается милліонъ шаровъ, и я опускаю руку, чтобы вытащить одинъ изъ нихъ, то вѣроятность для каждаго опредѣленнаго отдѣльнаго шара только одна милліонная доля и все же неизбѣжно вынется только одинъ, и даже опредѣленный одинъ шаръ. Дробь вѣроятности здѣсь ничего не означаетъ кромѣ степени нашего *субъективнаго незнанія* того, что случится, и совершенно тоже самое нужно сказать о примѣрахъ, которые Гартманъ беретъ изъ органической природы. Что напр. между естественными причинами зрѣнія находятся особыя нервныя нити, которыя ощущаютъ свѣтъ, выходятъ отъ мозга и распространяются въ сѣтчатой оболочкѣ, это—процессъ, условія котораго такъ сложны и намъ еще такъ неизвѣстны, что было бы смѣшно говорить здѣсь о вѣроятности=0,9 или даже=0,25. Вѣроятность, что это случайно, равняется напротивъ почти нулю, и всеже дѣло совершается *дѣйствительно* и, какъ предположитъ всякій мыслящій естествоиспытатель, и необходимо по общимъ законамъ природы. Здѣсь изъ-за „невѣроятности", которая есть только математическое выраженіе нашего субъективнаго незнанія, обращаться къ принципу, который лежитъ за предѣлами изслѣдованія природы, значитъ просто отказаться отъ науки и пожертвовать здравымъ методомъ ради призрака.

Болѣе глубокое вниканіе въ „философію безсознательнаго" не входитъ въ нашъ планъ. Путь отъ того мѣста, гдѣ мы ее оставляемъ, до ложной телеологіи посредствомъ вмѣшательства „безсознательнаго", самъ собою ясенъ, и намъ слѣдовало разсмотрѣть только это „основаніе" новаго метафизическаго знанія. Что по нашему пониманію значеніе метафизическихъ системъ зависитъ не отъ ихъ основы, вполнѣ опирающейся на самообольщеніи, мы уже достаточно показали. Если „философіи безсознательнаго" суждено когда либо пріобрѣсти столько вліянія на искусство и литературу современниковъ и такимъ образомъ стать выраженіемъ господствующаго направленія

умовъ, какъ это когда-то было съ Шеллингомъ и Гегелемъ, то, несмотря на недостаточную основу, ее слѣдовало бы признать національною философіею перваго разряда. Періодъ, который характеризовался бы ею, былъ бы періодомъ умственнаго упадка, но и упадокъ имѣетъ своихъ великихъ философовъ, какъ напр., *Платонъ* въ концѣ греческой философіи. Во всякомъ же случаѣ замѣчательно, что уже такъ скоро послѣ похода нашихъ матеріалистовъ противъ всей философіи могла найти сочувствіе система, которая становится къ положительнымъ наукамъ въ болѣе рѣзкую противоположность, чѣмъ какая либо изъ прежнихъ [87]), и которая въ этомъ отношеніи повторяетъ всѣ ошибки Шеллинга и Гегеля въ далеко болѣе грубой и осязательной формѣ.

---

[87]) Для нашего круга читателей врядъ ли нужно будетъ еще разрушать иллюзію, что «философія безсознательнаго» будто бы содержитъ «умозрительные результаты по *индуктивно-естественно-научному методу*». Врядъ ли въ новѣйшее время существуетъ другая книга, въ которой нахватанный естественно-научный матеріалъ находился бы въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ со всѣми основными чертами естественно-научнаго метода.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ

ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ; ПРОДОЛЖЕНІЕ: ЧЕЛОВѢКЪ И ДУША.

---

1. Положеніе человѣка по отношенію къ міру животныхъ.

Чрезъ всю исторію матеріализма проходитъ та опредѣленная черта, что космическіе вопросы постепенно теряютъ интересъ, тогда какъ антропологическіе влекутъ за собою все болѣе и болѣе увеличивающіеся жаркіе споры. Могло бы, правда, показаться, что это антропологическое направленіе матеріализма достигло своей вершины въ прошломъ столѣтіи; ибо именно въ областяхъ химіи, физики, геологіи, астрономіи грандіозныя открытія новаго времени вызвали цѣлый рядъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ матеріализмъ долженъ былъ занять опредѣленное положеніе. При всемъ этомъ однако же не понадобилось существенно новыхъ принциповъ или воззрѣній волнующихъ и вызывающихъ на споръ. Съ другой стороны, и антропологія сдѣлала удивительнѣйшіе успѣхи, конечно, отчасти въ такихъ областяхъ, которыя мало касаются вопроса о матеріализмѣ. Устранены призраки болѣзни, медицинское жречество нѣсколько поколеблено и посредствомъ сравнительной и эксперементирующей физіологіи получены поразительные выводы о функціяхъ важнѣйшихъ внутреннихъ органовъ. Но въ тѣхъ областяхъ, которыя находятся въ непосредственномъ отношеніи къ вопросамъ матеріализма, новѣйшія изслѣдованія доказали несостоятельность прежнихъ взглядовъ, не установивъ однако новой теоріи, на которую бы съ увѣренностью могъ опираться матеріализмъ. *Нервная система* въ своей дѣятельности не представляетъ для насъ уже такой тайны, какъ это еще было или должно было быть для матеріалистовъ прошлаго столѣтія. *Мозгъ* въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изученъ лучше, чѣмъ прежде;

онъ съ безмѣрнымъ прилежаніемъ былъ анатомически изслѣдованъ, измѣренъ, взвѣшенъ, анализированъ, разсмотрѣнъ въ микроскопъ, изученъ въ своихъ болѣзненныхъ формахъ, сравненъ съ мозгами животныхъ и подвергнутъ эксперименту на животныхъ; но о физіологической связи и дѣятельности его частей еще неудалось составить даже полной гипотезы; тѣмъ болѣе сочиняютъ басенъ, причемъ конечно матеріалисты не отстаютъ. Область, которая имъ дала наибольшую добычу, есть область *обмѣна вещества*, и вообще примѣненіе *физики* и *химіи* къ функціямъ живаго организма. Правда, что здѣсь нѣкоторые результаты мнимо точнаго изслѣдованія подлежатъ еще сильной урѣзкѣ со стороны критики; но въ цѣломъ можно считать удавшимся, стремленіе представить живаго человѣка, какъ онъ намъ данъ съ внѣшней стороны, продуктомъ господствующихъ во всей природѣ силъ, подобно всѣмъ органическимъ и неорганическимъ тѣламъ. Въ высшей степени важная область, *физіологія органовъ чувствъ*, дала напротивъ рѣшительныя основанія для устраненія матеріализма, однако пока очень мало вносилась въ споръ, ибо противники матеріализма отчасти не могутъ употреблять этотъ способъ опроверженія для своихъ цѣлей, отчасти не обладаютъ нужными знаніями. Между тѣмъ пытались также и *психологію* подвергнуть естественно-научному и даже математически-механическому способу разработки. Подъ именемъ *психо-физики* и *моральной статистики* созданы науки, которыми повидимому поддерживаются эти попытки. Такъ какъ матеріалистическій споръ въ новѣйшее время часто называютъ борьбою за душу, то мы въ теченіи этого отдѣла должны будемъ обратить вниманіе на всѣ эти области.

Прежде всего однако мы должны изслѣдовать вопросъ о *происхожденіи* и *древности человѣческаго рода* и о *положеніи человѣка по отношенію къ царству животныхъ*: вопросъ, который возбуждалъ уже оживленные толки во времена вызваннаго *Бюхнеромъ* и *Фохтомъ* матеріалистическаго спора, но который лишь потомъ, рѣдкимъ рвеніемъ изслѣдованія во всѣхъ соприкасающихся сферахъ, былъ нѣкоторымъ образомъ освобожденъ отъ произвола субъективныхъ мнѣній и смѣлыхъ гипотезъ. Этотъ вопросъ обсуждается обыкновенно въ самой тѣсной связи съ теоріею Дарвина о происхожденіи организмовъ, даже почти какъ ея самый интересный пунктъ и главный результатъ. Но ясно однако, что собственно естественно-научный интересъ теоріи происхожденія совпадаетъ съ установленіемъ общаго принципа для возникновенія организмовъ. Что и человѣкъ, будучи разсматриваемъ съ естественно-научной точки зрѣнія, входитъ въ великую цѣпь этого возникновенія — само собой разумѣется; но такъ какъ возникновеніе *человѣческой культуры* и человѣческой *духовной жизни* требуетъ особаго объясненія, то совершенно есте-

ственно, что относящіяся сюда изслѣдованія совершаются и въ особенныхъ наукахъ въ тѣснѣйшей связи съ общею областью антропологическихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, всемірная исторія еще пока не разсматривается, какъ часть естественной исторіи, хотя уже чувствуется, что принципы борьбы за существованіе и тутъ играютъ свою роль.

Дуализмъ духа и природы можно критически разрушать, или умозрительно „подчинять"; съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ можно постановить аксіомой, что окончательно и духовную жизнь нужно понимать, какъ продуктъ общихъ законовъ природы; но нельзя воспрепятствовать различенію природы и духа, пока мы имѣемъ для познанія обѣихъ областей различныя исходныя точки и для обсужденія ихъ явленій различныя мѣры. Что человѣкъ изъ нѣкотораго животнаго предсуществованія возвысился до человѣка лишь внутреннимъ развитіемъ, это *Кантъ* разсматривалъ, какъ нѣчто само собою разумѣющееся; но онъ считалъ *проявленіе мысли — я* за истинный моментъ творенія человѣка [1]). Такъ и до сихъ поръ главнымъ вопросомъ первобытной

[1]) Сравн. между прочимъ слѣд. мѣста Anthropol. § 1: «То, что человѣкъ въ своемъ представленіи можетъ имѣть *я*, возвышаетъ его безконечно надъ всѣми другими живущими на землѣ существами. Черезъ это онъ становится *лицомъ* и, благодаря единству сознанія, онъ при всѣхъ измѣненіяхъ, которыя могутъ произойти съ нимъ, есть одно и тоже лице, т. е. существо совершенно различное по степени и достоинству отъ *вещей*, каковы неразумныя животныя, съ которыми можно поступать какъ угодно». Далѣе «примѣчаніе» къ статьѣ «Предполагаемое начало человѣческаго рода» (1786) Hartenst. IV, S. 321: »Изъ этого изложенія первой исторіи человѣчества видно, что выходъ человѣка изъ рая, назначеннаго ему разумомъ какъ первое мѣстопребываніе его рода, былъ ничто иное какъ переходъ отъ грубости только животнаго существа въ человѣчество, отъ ходуль инстинкта къ руководству разума, однимъ словомъ: отъ опекунства природы въ состояніе свободы». Въ рецензіи на сочиненіе Москати (1771), Hartenst II, S. 129 ff., Кантъ соглашается съ доводами, которые приводитъ италіанскій анатомъ въ пользу первоначальнаго четвероногаго хожденія человѣка. Заключительныя слова рецензіи слѣдующія: «Изъ этого видно, что первая забота природы была, чтобы человѣкъ, какъ животное, сохранялся *для себя* и для *своего вида*, а для этого положеніе наиболѣе сообразное съ его внутреннимъ строеніемъ, положеніемъ плода и сохраненіемъ въ опасностяхъ было *четвероногое*; но что въ него вложенъ также зародышъ разума, которымъ онъ, если таковой развивается, предназначается *для общества*, и благодаря которому онъ навсегда принимаетъ самое приличное для этого положеніе, а именно *двуногое*, посредствомъ чего онъ съ одной стороны безконечно много выигрываетъ надъ животными, но долженъ мириться и съ неудобствами, которыя происходятъ отъ того, что онъ такъ гордо поднялъ свою голову надъ своими старыми товарищами». Не такъ опредѣленно относительно четвероногаго

исторіи духа и культуры остается тотъ, что выходъ человѣка изъ ряда животныхъ естественно-научно самъ собою разумѣется, тогда какъ напротивъ его духовная жизнь остается еще загадкой, хотя бы мы и допустили всѣ послѣдствія теоріи перерожденія. Для того, чтобы истинно философскія воззрѣнія сдѣлать доступными и болѣе широкому кругу читателей, требовалась въ тоже время еще объяснительная и освобождающая подготовительная работа въ областяхъ *геологіи и палеонтологіи.*

Догмы о революціяхъ земли, о послѣдовательномъ появленіи твореній, о позднемъ появленіи человѣка съ самаго начала были противопоставляемы матеріализму и еще болѣе пантеизму. Между тѣмъ какъ *Бюфонъ*, *Дела-Меттри* и позднѣе нѣмецкіе натурфилософы, съ *Гёте* во главѣ, съ живостью схватились за мысль о единствѣ творенія и пытались развивать высшія формы изъ низшихъ, *Кювье*, тончайшій знатокъ частностей, прямо противосталъ этимъ стремленіямъ къ единству. Онъ боялся пантеизма. Гёте былъ самымъ совершеннымъ представителемъ этой пантеистической философіи единства; уже прежде онъ впалъ въ разногласіе съ *Камперомъ и Блуменбахомъ* изъ за междучелюстной кости, которая, какъ говорили, различала обезьяну отъ человѣка, и до самой своей смерти онъ слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ за спорами о единствѣ всѣхъ организмовъ. Такъ онъ сообщаетъ намъ и ворчливое выраженіе Кювье: „я хорошо знаю, что для извѣстныхъ умовъ за этою теоріею аналогіи, по крайней мѣрѣ смутнымъ образомъ, скрывается другая весьма старая теорія, которая, уже будучи давно опровергнута, *снова отрыта нѣкоторыми нѣмцами, чтобы содѣйствовать пантеистической системѣ*, называемой ими натурфилософіею“ [2]).—Эта гордость положительныхъ знаній въ противоположность общимъ взглядамъ, рвеніе анализирующаго изслѣдователя въ противоположность стремящимся къ единству мыслителямъ, сдѣлали Кювье слѣпымъ относительно великаго логическаго различія между неимѣніемъ доказательства и доказательствами несуществованія факта. Не было извѣстно ископаемыхъ людей, и онъ произнесъ приговоръ, что такихъ и не можетъ быть.

хожденія гласитъ мѣсто въ антропологіи II, E. «vom Charakter der Gattung», Hartenst. VII. S. 647, въ которомъ Кантъ изслѣдуетъ «наслѣдованные отъ животнаго состоянія техническія способности» человѣка и въ заключеніе ставитъ еще вопросъ: «есть ли онъ отъ природы *общественное*, или любящее уединеніе и боящееся сосѣдства животное; послѣднее конечно самое вѣроятное».

[2]) *Гёте*, въ мелкихъ сочиненіяхъ «zur Naturwissenschaft im Allgemeinen», Principes de philosophie Zoologique, par Geoffroy de St. Hilaire, въ концѣ перваго отдѣла.

Такой приговоръ тѣмъ болѣе долженъ удивлять, что отрицательное положеніе въ естественной исторіи вообще имѣетъ только подчиненное значеніе; при весьма незначительной части поверхности земли, которая была тогда изслѣдована, было бы совершенно загадочно, какъ можно было придти къ такому общему утвержденію, если бы это не объяснялось связью съ любимой теоріей *послѣдовательнаго творчества.* Но послѣдовательное творчество было нѣкотораго рода преобразованіе буквальнаго ученія *о дняхъ творенія*, которое еще и теперь, когда оно окончательно противорѣчитъ фактамъ, находитъ много приверженцевъ. *Фохтъ* сопоставляетъ въ своей оживленной полемикѣ тогдашнюю теорію и открытія настоящаго времени такъ ярко и полно, что мы не можемъ отказать себѣ привести эту картину, несмотря на нѣкоторыя лишнія остроты:

„Еще не прошло и тридцати лѣтъ, какъ *Кювье* говорилъ: не существуетъ ископаемыхъ обезьянъ, да и существовать не можетъ; не существуетъ ископаемыхъ людей, да и существовать не можетъ — а теперь мы говоримъ объ ископаемыхъ обезьянахъ, какъ о старыхъ знакомыхъ, и вводимъ ископаемаго человѣка не только въ наносныя образованія, но и въ позднѣйшія третичныя образованія, хотя и есть упрямцы, которые утверждаютъ, что изрѣченіе Кювье есть дѣло генія и что его нельзя опровергнуть. Не прошло еще и двадцати лѣтъ, какъ я слушалъ у Агасиза: переходные слои, палеозойскія образованія—царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся, да и не могло быть, ибо это было бы противно плану творенія; вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣлъ) царство пресмыкающихся, здѣсь нѣтъ млекопитающихъ и не должно быть, по той же причинѣ; третичные слои — царство млекопитающихъ; здѣсь нѣтъ человѣка и не могло быть; — нынѣшнее твореніе — царство человѣка. Куда дѣвался нынѣ этотъ планъ творенія съ его исключительностями! Пресмыкающіяся въ девонскихъ слояхъ, пресмыкающіяся въ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ—прощай царство рыбъ! Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который нѣкоторые причисляютъ къ низшему мѣлу,—до свиданія царство пресмыкающихся! Люди въ высшихъ третичныхъ слояхъ, люди въ наносныхъ образованіяхъ — заходи опять царство млекопитающихъ!“ [3]).

Замѣчательно то, что уже на слѣдующій годъ послѣ смерти Кювье и Гёте стала извѣстна находка, которой одной достаточно было, чтобы опровергнуть теорію перваго, если бы преклоненіе передъ авторитетомъ и слѣпое предубѣжденіе не были болѣе распространены, чѣмъ простая воспріимчивость къ

[3]) *Vogt*, Vorlesungen über den Menschen, Giessen 1863, II, S. 269.

впечатлѣнію фактовъ. Это находка *д-ра Шмерлинга* въ костяныхъ пещерахъ *Энгиза и Энгихула*, близь Люттиха. Нѣсколько лѣтъ позднѣе *Буше де-Пертъ* началъ свои неутомимыя изслѣдованія человѣческихъ остатковъ въ дилювіальныхъ образованіяхъ, лишь послѣ долгихъ поисковъ вознагражденныя открытіями въ долинѣ Сомы. Лишь долгій споръ наконецъ привелъ къ признанію этихъ результатовъ и отсюда постепенно измѣнилось направленіе изслѣдованія. Новый рядъ весьма интересныхъ открытій при *Ориньякѣ*, *Лермѣ* и въ *Неандерталѣ* при Дюсселѣ совпалъ по времени съ постепенной побѣдой *Ляйелевскаго* взгляда на образованіе земной коры и съ новымъ ученіемъ Дарвина о происхожденіи видовъ. Съ измѣнившимся взглядомъ спеціалистовъ, вспомнили вновь и нѣкоторыя старыя указанія и сопоставили съ новѣйшими открытіями. Общій результатъ былъ тотъ, что дѣйствительно бываютъ человѣческіе остатки, свойство и мѣстонахожденіе которыхъ доказываетъ, что нашъ родъ существовалъ въ одно время съ прежними видами *медвѣдей*, *гіэнъ* и другихъ млекопитающихъ, которымъ даютъ названіе *пещерныхъ*, такъ какъ обыкновенно въ пещерахъ находятъ ихъ остатки.

Но какую древность слѣдуетъ приписать этимъ остаткамъ, объ этомъ сдѣланы такія разнообразныя и такъ далеко расходящіяся предположенія, что изъ нихъ нельзя извлечь ничего, кромѣ большой шаткости всѣхъ существующихъ до сихъ поръ способовъ счисленія. Десять лѣтъ тому назадъ всюду еще склонялись къ предположенію пространствъ времени, при которыхъ счетъ велся сотнями тысячъ лѣтъ; въ настоящее время противъ этого наступила сильная реакція, хотя матеріалъ для человѣка дилювіальнаго времени не только значительно увеличился, но есть и слѣды существованія нашего рода въ третичномъ періодѣ [4]).

[4]) Vierteljahrs-Revue der Fortschr. der Naturw. hg. von d. Red. der Gäa (Dr. H. *Klein*). 1, Bd., Leipzig u. Köln 1873, S. 77 u. f. «Если и найденныя *Денуайе* въ третичномъ пескѣ долины Сомы кости Elephas meridionalis съ ясными надрѣзами могутъ имѣть лишь сомнительное значеніе, ибо *Ляйель* убѣдительно доказалъ, что подобные надрѣзы бываютъ производимы и извѣстными грызунами въ отложеніяхъ тамошней страны, то все же надрѣзы, которые *Делонэ* указалъ на двухъ ребрахъ галитерія, вымершей морской коровы позднѣйшей третичной формаціи, не могутъ быть приписаны позднѣйшему дѣйствію, но явно происходятъ изъ времени, въ которое кости еще не были окаменѣлыми. *Аббатъ Буржуа* нашелъ при Pont-Leroy подъ мергельнымъ известнякомъ Боса слой кремней, которые безъ сомнѣнія были обработаны человѣческой рукой (cit.: Mort.Materiaux II, Ser. V, p. 297). Извѣстно, какъ трудно бываетъ рѣшить, имѣешь ли дѣло съ природными или искусственными продуктами. Но въ предлежащемъ случаѣ *Ларте*, *Мортилльe*, *Ворсе* и другіе опытные изслѣдователи согласны въ мнѣніи, что

Въ пещерѣ *Кро-Маньона* найдены (1868) человѣческіе остатки пяти различныхъ недѣлимыхъ, вмѣстѣ съ костями большаго медвѣдя, сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ дилювіальнаго времени. Особенности этихъ человѣческихъ скелетовъ указывали расу атлетической силы, животной дикости, но въ тоже время уже съ высоко развитымъ мозгомъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ слояхъ той же пещеры были найдены каменныя орудія и другіе слѣды человѣческой дѣятельности, которые отчасти вѣроятно принадлежали еще гораздо болѣе древнему роду. Въ *Голенфельсѣ* [6]), близъ Блаубейрена, профессоръ *Фрасъ* открылъ (1870) весьма древнее мѣстопребываніе людей, которые охотились за тремя различными видами медвѣдей, между ними за пещернымъ медвѣдемъ, и питались ими. Въ такой же пещерѣ находятся значительные остатки *сѣвернаго оленя*, изъ роговъ котораго, при помощи ножей изъ кремня, выдѣлывались орудія. И левъ, который по величинѣ вѣроятно далеко превосходилъ живущихъ теперь африканскихъ, погибалъ отъ грубыхъ орудій этихъ обитателей пещеръ. Носорогъ и слонъ были ихъ современниками.

Но именно ученый, открывшій эти памятники прошлаго, есть главный представитель краткихъ періодовъ времени. Съ большимъ остроуміемъ Фрасъ отыскиваетъ въ традиціяхъ древности и среднихъ вѣковъ всюду еще оставшіеся слѣды смутнаго воспоминанія о культурныхъ состояніяхъ времени пещеръ и отношеніяхъ къ тогдашнему міру животныхъ. Въ дѣйствительности взгляды объ особенныхъ, продолжающихся тысячелѣтія періодахъ мамонта, пещернаго медвѣдя, сѣвернаго оленя, повидимому несостоятельны. Всѣ эти животныя жили вмѣстѣ, на почвѣ средней Европы, хотя одинъ родъ исчезалъ съ арены прежде другаго. Сохраненіе или уничтоженіе ихъ костей опредѣляется почти исключительно степенью влажности ихъ мѣстонахожденія и ихъ состояніе не есть признакъ ихъ древности. Если Фрасъ при этомъ, посредствомъ своего своеобразнаго сочетанія геологической критики и миѳологическаго или этимологическаго преданія, нисходитъ до періода времени, который находится въ предѣлахъ 6,000 лѣтъ библейской исторіи творенія, то противъ этого, какъ скоро имѣются хорошія основанія, ничего нельзя сказать. Полнѣйшая независимость естествовѣдѣнія отъ всякой традиціи должна выказаться не только

кремни Тене при Pont-Leroy обработаны людьми, и что они происходятъ изъ нетронутаго принадлежащаго среднему третичному времени слоя». Сравн. тамъ же стран. 81 о замѣчательной находкѣ *Тарди*, «который при Ориллякѣ вмѣстѣ съ допотопными остатками динотеріума открылъ грубо выдѣланный каменный ножъ, должно быть сдѣланный въ міоценовое время».

[5]) Vierteljahrs-Bevue 1, S. 99 u. ff.

[6]) Vierteljahrs-Revue 1, S. 102 u. ff.

въ томъ, что въ астрономическихъ и геологическихъ теоріяхъ принимаются произвольно большія пространства времени, гдѣ они требуются, но и въ томъ, что мы не обращаемъ вниманія на тихую побѣдоносную улыбку враговъ свободной науки и удовольствуемся періодами нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, если къ этому приводятъ факты. Свободное изслѣдованіе въ дѣйствительности терпитъ черезъ это также мало ущерба, какъ мало и христіанская вѣра въ своей внутренней сторонѣ получаетъ черезъ это опору, которая была бы необходима для ея сохраненія. Но всетаки мы и здѣсь вновь должны напомнить, что методически совершенно неосновательно принимать большія цифры за нѣчто невѣроятное само по себѣ, тогда какъ наоборотъ въ сомнительныхъ случаяхъ обыкновенно большее число имѣетъ за себя бóльшую вѣроятность. *Доказательство должно быть ведено для минимума*, а отъ такого доказательства еще очень далеки тѣ соображенія, которыя Фрасъ вывелъ изъ традиціи въ языкѣ и сказаніяхъ. Рѣшительное слово въ этомъ вопросѣ по всей вѣроятности должна будетъ высказать *астрономія*. Уже теперь слѣды *ледянаго періода* приводятся въ связь съ астрономическими фактами двумя различными способами; во первыхъ съ періодическимъ измѣненіемъ наклоненія эклиптики, а во вторыхъ съ измѣненіями въ эксцентрицитетѣ земнаго пути. Но, тогда какъ послѣднее объясненіе по крайней мѣрѣ на 200,000, если не на 800,000 лѣтъ, удаляетъ ледяной періодъ отъ настоящаго времени, первое ведетъ къ періоду, продолжающемуся только 21,000 лѣтъ, въ теченіи котораго, то сѣверная, то южная половина земли имѣла бы свой ледяной періодъ [7]). Различные взгляды на то, могли-ли эти измѣненія имѣть такое глубокое вліяніе на климатическія условія земли, или нѣтъ, должны привести со временемъ къ неоспоримому рѣшенію. Если-бы результатъ получился отрицательный, то для объясненія остались-бы только измѣненія въ

[7]) Сравн. *Lubbock*, die vorgeschichtl. Zeit, erläutert durch Ueberreste des Alterthums u. die Sitten u. Gebräuche der jetzigen Wilden, übers. v. Passow, mit Vorw. von R. *Virchow*, Jena 1874. Тамъ же II, S. 110 u. ff. о теоріи *Адемара*, по которой сѣверное и южное полушаріе хотя *получаютъ* одинаковое количество теплоты отъ солнца, но неодинаково много *удерживаютъ*, по причинѣ бóльшаго числа (соединенныхъ съ лучеиспусканіемъ) ночныхъ часовъ на южномъ полушаріи. Если допустимъ эту разницу, то получается и смѣна состояній обоихъ полушарій въ извѣстный періодъ, приблизительно въ 21,000 лѣтъ.—Объ климатическихъ дѣйствіяхъ измѣненій въ *эксцентрицитетѣ земнаго пути* тамъ же S. 116 таблицу, которая простирается до 1 милліона лѣтъ и въ которой выступаютъ въ особенности два періода самаго сильнаго холода, изъ которыхъ одинъ, предпочитаемый *Ляйелемъ*, имѣлъ мѣсто приблизительно за 500,000 лѣтъ, другой напротивъ только за 200,000 лѣтъ до нашего времени.

высотѣ континентовъ и морей, въ ходѣ холодныхъ и теплыхъ морскихъ теченій и т. д., причемъ, конечно, надежда на точную хронологію этихъ измѣненій стала бы очень слабою. Но здѣсь нужно помнить, что не только обѣ астрономическія причины ледянаго періода могли существовать одна рядомъ съ другой, но что нужно принять серьезно во вниманіе ихъ совокупное дѣйствіе въ земныхъ измѣненіяхъ. Если мы, напр., допустимъ, что сѣверное полушаріе приблизительно 11,000 лѣтъ тому назадъ имѣло максимумъ холода, то въ переходномъ времени отъ этого состоянія къ настоящему, напр. въ періодѣ отъ 8 до 4 тысячь лѣтъ, считая назадъ, подъ вліяніемъ земныхъ причинъ ледяной періодъ нѣсколько разъ могъ исчезать и опять возвращаться, пока наконецъ увеличившаяся теплота не поставила болѣе твердой границы глетчерамъ.

Поэтому даже тѣ слѣды существованія человѣка, которые доходятъ до третичнаго періода, не были бы еще доказательствомъ существованія нашего рода въ продолженіе сотенъ тысячъ лѣтъ.

Но что значитъ вообще, въ смыслѣ науки, „древность человѣческаго рода“? Такъ какъ человѣкъ, подобно всѣмъ другимъ организмамъ, ведетъ свое физическое начало отъ перваго возникновенія органической жизни на землѣ, то здѣсь дѣло можетъ быть только въ вопросѣ: въ какой періодъ времени явились впервые существа, которыя по своей организаціи равняются намъ, такъ что, слѣдовательно, съ того времени не происходило болѣе никакого существеннаго развитія внѣшней формы и внутренней способности? Къ этому вопросу присоединяются тогда съ одной стороны тотчасъ вопросъ о *переходныхъ формахъ и предъидущихъ ступеняхъ человѣческаго* существа, съ другой стороны—вопросъ *о началахъ человѣческой культуры*.

Переходныхъ формъ намъ, по всей вѣроятности, не слѣдуетъ искать на почвѣ нынѣшней Европы, на которую человѣкъ вступилъ, какъ пришлецъ, повидимому уже по полученіи своей готовой организаціи. „Великій перерывъ“, говоритъ Дарвинъ, „въ органическомъ ряду ступеней между человѣкомъ и его ближайшими родичами, который не можетъ быть наполненъ никакимъ вымершимъ или живымъ видомъ, часто приводится какъ вѣское возраженіе противъ предположенія, что человѣкъ происходитъ отъ нѣкоторой низшей формы; но для тѣхъ, которые, убѣжденные общими основаніями, вѣрятъ въ общій принципъ эволюціи, это возраженіе не будетъ имѣть большаго вѣса. Подобные перерывы безпрестанно являются во всѣхъ пунктахъ ряда, нѣкоторые очень широкіе, очень рѣзко очерченные, опредѣленные, другіе въ различной степени не значительнѣе въ этихъ отношеніяхъ, такъ напр., между орангомъ и его ближайшими родичами, между тарзіусомъ и другими лемуридами, между слономъ, и еще болѣе поразительно, между утконосомъ или ехидною и дру-

гими млекопитающими. Но всѣ эти перерывы основаны лишь на числѣ родственныхъ формъ, которыя вымерли. Въ будущемъ, которое, если измѣрять столѣтіями, даже не очень отдалено, цивилизованныя расы человѣчества почти навѣрно уничтожатъ и замѣнятъ по всей землѣ дикія расы. Какъ замѣчено профессоромъ Шафгаузеномъ, въ тоже время безъ сомнѣнія будутъ истреблены и антропоморфическія обезьяны. Перерывъ будетъ тогда еще шире, ибо онъ тогда будетъ между человѣкомъ въ еще болѣе цивилизованномъ состояніи, чѣмъ кавказскій, какъ мы смѣемъ надѣяться, и какой либо стоящей такъ низко въ ряду обезьяной, какъ напр. павіаномъ, тогда какъ въ настоящее время онъ имѣетъ мѣсто между негромъ или австралійцемъ и гориллой“ [8]).

Еще болѣе разъясненій получено въ новѣйшее время относительно культурнаго состоянія первобытныхъ жителей Европы; повидимому даже найдена довольно крѣпкая нить, ведущая отъ дилювіальнаго человѣка до историческаго времени. Преимущественно *орудія*, продукты и средства его труда, свидѣтельствуютъ объ образѣ жизни человѣка въ различные періоды культурнаго прогресса. Въ пещерѣ въ *Лермъ* найдены остатки человѣка, смѣшанные съ костями и зубами пещернаго медвѣдя и пещерной гіены, подъ толстымъ слоемъ сталактита. „Кромѣ человѣческихъ остатковъ найдены и свидѣтельства его промышленности, трехугольный ножъ изъ кремня, дудчатая кость пещернаго медвѣдя, превращенная въ рѣжущій инструментъ, три челюсти пещернаго медвѣдя, въ подымающемся стволѣ которыхъ пробуравлена дыра, чтобы ихъ можно было вѣшать, и глазная вѣтка оленьихъ роговъ, которая подрѣзана и въ концѣ обострена. Но самыя странныя орудія состоятъ изъ двадцати половинокъ челюстей пещернаго медвѣдя, въ которыхъ восходящая вѣтвь отбита и тѣло нижней челюсти настолько обточено, что представляло удобную рукоятку. Сильно выдающійся клыкъ образовалъ такимъ образомъ зубецъ, который могъ служить и орудіемъ, и крюкомъ для взрыванія земли. „Если бы мы нашли только одинъ изъ этихъ странныхъ инструментовъ“, говорятъ авторы (появившагося въ Тулузѣ отчета гг. *Рамесъ*, *Гаригу и Фильголъ*) „то намъ можно бы было возразить, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ случайности; но когда нашли двадцать челюстей, которыя всѣ были обдѣланы одинаковымъ образомъ, возможно-ли тогда говорить о случайности? Впрочемъ, можно слѣдить за работой, посредствомъ которой человѣкъ далъ челюсти этотъ видъ. На каждой изъ этихъ двадцати челюстей можно считать нарѣзы и надпилки, которые произведены остріемъ худо отточеннаго кремневаго ножа“ [9]).

[8]) *Darwin*, die Abstammung des Menschen u. d. geschl. Zuchtwahl. Stuttgart. 1871, I. S. 175.

Въ большихъ массахъ найдены каменные инструменты въ долинѣ *Сомы*, и Буше де-Пертъ не мало повредилъ признанію своихъ открытій тѣмъ, что нѣкоторымъ предметамъ старался дать слишкомъ искусственное истолкованіе. Мѣловая почва тѣхъ странъ богата кремневыми желваками, которые стоитъ лишь бить другъ объ друга, пока одинъ изъ нихъ не разобьется, чтобы получить куски, которые, послѣ нѣкоторой дальнѣйшей обработки, даютъ топоры и ножи дилювіальныхъ людей. Такъ какъ уже обезьяна при случаѣ употребляетъ камень вмѣсто молотка, то могло бы казаться, что мы здѣсь застаемъ человѣка еще на ступени, граничащей очень близко съ развитіемъ животнаго. Однако различіе громадное, ибо именно *терпѣніе*, которое прилагается къ изготовленію инструмента, только немногимъ превосходящаго удобства обыкновеннаго камня или осколка камня, показываютъ такую способность отвлекаться отъ непосредственныхъ потребностей и удовольствій жизни и вполнѣ обращать вниманіе ради цѣли на средства, которую не легко найти у млекопитающихъ и даже у обезьянъ. Животныя строятъ себѣ иногда весьма искусныя жилища, но мы еще не видѣли, чтобы они для возведенія ихъ употребляли искусственныя орудія. *Политическая экономія*, какъ извѣстно, выводитъ изъ изготовленія перваго орудія сущность образованія капитала. Это начало человѣческаго развитія во всякомъ случаѣ существовало у дилювіальнаго человѣка. Нашъ нынѣшній орангъ или шимпанзе въ политико-экономическомъ отношеніи былъ бы передъ нимъ голю, чистымъ праздношатающимся. Если принять развитіе человѣческаго рода чрезъ безконечныя ступени, отъ самыхъ незначительныхъ органическихъ формъ до нынѣшняго періода, то безъ сомнѣнія не наименьшій періодъ времени протекъ отъ минуты, когда человѣкъ при сильной

[9]) Совершенно подобное же орудіе нашелъ профессоръ *Францъ* въ Голенфельзѣ. У «нижней челюсти» (медвѣдя) «были отбиты его Condylus и его Processus coronoideus, чтобы удобнѣе было брать кость въ руку и такимъ образомъ составилось *орудіе*, которое, помощію остраго клыка въ концѣ, должно было заступать мѣсто *мясницкаго топора*. Находка одной такимъ образомъ обдѣланной нижней челюсти, конечно, не имѣла бы никакого значенія; но когда было найдено большое количество совершенно одинаково отдѣланныхъ костей, убѣдились въ намѣренной обработкѣ въ эту форму». «Послѣ самаго точнаго изслѣдованія всѣхъ видимыхъ слѣдовъ ударовъ на костяхъ медвѣдей я совершенно убѣдился, что у этого племени былъ обычай отдѣлять выдѣланными медвѣжьими челюстями кости дичи изъ мяса». «Я пытался бить по свѣжимъ костямъ старою тысячелѣтнею мѣдвѣжьею челюстью и съ величайшею легкостью пробилъ напр. въ свѣжихъ, твердыхъ оленьихъ костяхъ совершенно тѣ же дыры, какія мы наблюдаемъ на костяхъ мѣдвѣдей». (Arch. f. Anthrop. V. 2, S. 184, cit. ind. Vierteljahrs—Revue I, S. 104 u. ff.).

*

организаціи распоряжался хорошо устроенными руками, до того момента, когда онъ на помощь этимъ органамъ сталъ съ трудомъ изготовлять кремневые ножи и челюсти медвѣдей.

Но рядомъ съ этими грубыми орудіями мы находимъ также и несомнѣнные слѣды *огня*. Уже въ глубокой древности, повидимому, первобытные жители Европы знали и пользовались этимъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ человѣческихъ вспомогательныхъ средствъ [10]). „Животныя", говоритъ *Фохтъ*, „радуются огню, который случайно возникъ, и грѣются около него; человѣкъ старается поддерживать его, производить его и пользоваться имъ для различныхъ цѣлей". Въ сущности, никакой рыцарь абсолютнаго различія между человѣкомъ и животнымъ не могъ бы найти лучшаго аргумента для защиты своей точки зрѣнія противъ новѣйшихъ открытій. Именно эта *мысль о будущемъ*, забота объ имѣющей наступить потребности составляютъ то, что привело человѣка, шагъ за шагомъ, къ высшей культурѣ и что мы весьма характеристически находимъ поэтому уже въ его отдаленномъ первобытномъ періодѣ. Несмотря на то, при спокойномъ обсужденіи само собой разумѣется, что мы о такомъ абсолютномъ различіи ничего не знаемъ и въ области науки не находимъ ни малѣйшаго побужденія принимать его. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго знанія о дальнѣйшей способности развитія міра животныхъ [11]), ни о ступеняхъ, черезъ

[10]) Знали ли уже *огонь* всѣ племена, о существованіи которыхъ въ весьма древнее время мы находимъ слѣды, остается конечно сомнительнымъ, такъ какъ и въ новѣйшее время найдены еще дикія племена, которыя не знали огня (срав. *Lubbock*, Vorgesch. Zeit. II, S. 256 u. f). Но въ Европѣ мы находимъ слѣды огня не только въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ и въ названныхъ «кухонными отбросками» датскихъ кучахъ раковинъ, но и въ нѣкоторыхъ пещерахъ, напр. въ пещерѣ *Ориньяка* (срав. *Lyell*, das Alter des Messchengeschl., übers. v. Büchner, Leipzig, 1864, S. 132), гдѣ рядомъ съ углями и золой найдены покраснѣвшіе отъ жара песчаники, которые вѣроятно составляли очагъ. Близъ Пасли Колландъ изслѣдовалъ весьма древній дилювіальный слой, въ которомъ рядомъ съ *углемъ* и *золой* найдено очень много костей мамонта, пещернаго медвѣдя, исполинскаго оленя и т. д. (Vierteljahrs-Revue I, S. 94; срав. тамъ же S. 99 u. f. über Kohlenfragmente in der Höhle von Cro-Magnon).

[11]) Кантъ дѣлаетъ въ *Anthropologie* II, E, der Charakter der Gattung VII, S. 652 u. ff. замѣчаніе, что ни одно животное, кромѣ теперешняго человѣка, не имѣетъ привычки, при своемъ рожденіи, вступать съ крикомъ въ жизнь. Онъ полагаетъ, что и у человѣка этотъ предательскій и призывающій враговъ крикъ первоначально не имѣлъ мѣста; онъ принадлежитъ первоначально періоду домашней жизни, при чемъ мы не знаемъ, какія содѣйствующія причины привели къ такому развитію. «Это замѣчаніе», продолжаетъ Кантъ, «ведетъ далеко; напр. къ мысли, не должна ли слѣдовать за этой вто-

которыя долженъ былъ пройти человѣкъ, пока онъ дошелъ до того, чтобы обращаться съ огнемъ, чтобы пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Съ величайшимъ остроуміемъ были комбинированы результаты нѣкоторыхъ мѣстонахожденій, чтобы заключить объ остаткахъ *пира людоѣдовъ*, или также *о похоронныхъ церемоніяхъ*. Мы опускаемъ эти интересныя попытки, чтобы еще кратко привести заключенія объ организаціи дилювіальнаго человѣка, которыя основаны на свойствѣ найденныхъ частей скелетовъ. Здѣсь къ сожалѣнію нужно сказать, что матеріалъ весьма жалокъ. Находка въ *Ориньякѣ*, вѣроятно самая интересная изъ всѣхъ, стала памятникомъ невѣжества одного медика, который велѣлъ зарыть на кладбищѣ 17 дилювіальныхъ скелетовъ различнаго возраста и пола, гдѣ потомъ, вѣроятно изъ фанатизма, не хотѣли знать мѣста погребенія. Послѣ *восьми* лѣтъ всѣ занимавшіяся этимъ лица, вмѣстѣ съ зрителями, забыли мѣсто! Можетъ быть позднѣе какъ нибудь вспомнятъ. Пока утверждаютъ только, что всѣ скелеты были очень *маленькаго роста* [12]). Скелеты изъ Неандерталя позволяютъ заключить о человѣкѣ средняго роста и чрезвычайно сильнаго мускульнаго строенія. Черепъ изъ Неандерталя самый обезьяно-подобный изъ всѣхъ, о которыхъ мы знаемъ. Изъ этого можно бы заключить о состояніи большой дикости этой дилювіальной расы. Но рядомъ съ этимъ мы имѣемъ черепъ изъ пещеры *Энгисъ* близь Люттиха, который весьма хорошей формы и не имѣетъ въ себѣ никакого признака низшей ступени развитія. Наконецъ, въ скелетахъ *Кро-Маньона* оказывается высоко развитая форма черепа, соединенная съ невыгоднымъ образованіемъ лица и съ развитіемъ челюстей, которыя указываютъ животную грубость, тогда какъ устройство скелета свидѣтельствуетъ не только о могущественномъ развитіи мускульной силы, но и обнаруживаетъ многіе обезьяньи черты [13]).

Мы здѣсь видимъ, во-первыхъ, что о единой расѣ дилювіальнаго человѣка не можетъ быть рѣчи, и во-вторыхъ, что весьма значительное развитіе мозга простирается не только до древнѣйшихъ временъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, но что оно и совмѣстимо съ состояніемъ большой грубости и дикой силы. Мы не станемъ здѣсь рѣшать вопроса, считать ли черепъ Неандерталя

рой эпохой, при большихъ переворотахъ природы, еще третья, когда *орангутангъ или шимпанзе органы, которые требуются для хожденія, для осязанія предметовъ и для рѣчи, выработалъ себѣ въ форму человѣка, внутренность котораго содержала органъ для употребленія разума и постепенно развила его посредствомъ общественной культуры*».

[12]) *Lyell*, Alter des Menschengeschl., übersetzt v. Büchner, S. 132 u. S. 142 u. f.

[13]) *Lubbock*, die vorsgeschichtl. Zeit, II, S. 47 u. ff.; Vierteljahrs-Revue, I, S. 101 u. ff.

за паталогическое уродство, или за типъ стоявшаго особенно низко племени. Мы во всякомъ случаѣ должны принять, что уже въ то первобытное время Европа была обитаема не единственнымъ, но нѣсколькими различными человѣческими племенами. Ни одно изъ этихъ племенъ не находилось, даже въ самыя раннія времена, о которыхъ мы имѣемъ слѣды, въ состояніи, которое стояло бы существенно ниже состоянія некультивированнаго дикаго нашего времени. Даже, если мы черепъ Неандерталя примемъ за типъ нѣкотораго племени, мы всетаки не имѣемъ права ставить это племя на ступень, ведущую отъ обезьяны къ человѣку. Изслѣдованіе легко впадаетъ въ опрометчивость при такихъ новыхъ и странныхъ явленіяхъ, въ особенности когда они повидимому подтверждаютъ блестящимъ образомъ господствующія идеи. Съ нетерпѣливой поспѣшностью охотно хватаются за каждую новую находку, чтобы сдѣлать изъ нея дополненіе того ряда развитія, котораго требуетъ отъ насъ законъ причинности нашего разсудка. Но именно эта поспѣшность есть остатокъ недовѣрія къ дѣлу разсудка; точно какъ будто бы его игра могла бы быть проиграна въ пользу догматизма, если сейчасъ же не будутъ доставлены положительныя доказательства согласія природы съ разумнымъ способомъ пониманія. Чѣмъ совершеннѣе мы освободимся отъ всѣхъ догматическихъ тумановъ какого бы то ни было рода, тѣмъ основательнѣе исчезнетъ это недовѣріе. Для *Эпикура* было еще самымъ важнымъ только показать, что вещи могли возникнуть какимъ либо понятнымъ способомъ. Эта принципіальная понятность всего даннаго для насъ уже стоитъ достаточно твердо, все равно, выводимъ ли мы изъ опыта, или дедуцируемъ à priori. И такъ, къ чему же поспѣшность? Тому же покрою людей, который когда то ревностнѣе всего исповѣдывалъ догму Кювье, что нѣтъ ископаемыхъ людей, кажется теперь, что нѣтъ переходныхъ степеней: вѣчное стараніе спасти отрицательными положеніями предубѣжденіе, котораго нельзя подтвердить ничѣмъ положительнымъ! Поэтому не будемъ тревожиться тѣмъ, что и дилювій не можетъ привести насъ до сихъ поръ къ состоянію человѣка, который бы существенно отличался отъ *негра Австраліи* [14]).

[14]) Можно поставить вопросъ: къ чему могъ служить при такомъ низкомъ состояніи культуры вполнѣ развитый человѣческій мозгъ, или къ чему онъ нынѣ служитъ жителю Австраліи или Огненной земли? *Уоллесъ* воспользовался этою мыслью, чтобы для развитія человѣка сдѣлать вѣроятными особенныя условія въ отличіе отъ всего животнаго царства. Онъ прямо утверждаетъ, что большой мозгъ дикаго гораздо выше фактическихъ потребностей его состоянія; вслѣдствіе чего было бы совершенно непонятно, какъ могъ образоваться такой мозгъ черезъ борьбу за существованіе и путемъ естественнаго подбора (сравн. *Wallace*, Beitr. zur Theorie des natürl. Zuchtwahl, deutsch von A. B. Meyer, Erlangen, 1870; смотри статью: die Grenzen der natürl. Zuchtwahl in ihrer Anwendung auf den Menschen, S. 380, u. ff.). Но Уоллесъ ставитъ здѣсь съ одной стороны дикаго слишкомъ низко по отношенію къ другимъ животнымъ; съ другой стороны онъ исходитъ изъ невѣрнаго взгляда на природу мозга. Большой мозгъ не служитъ, какъ полагали прежде, только высшимъ духовнымъ функціямъ, но есть координаціонный аппаратъ для разнообразнѣйшихъ движеній. Пусть только подумаютъ, какую массу координаціонныхъ центровъ и путей соединенія требуетъ уже одна *рѣчь* и ассоціація звуковъ рѣчи съ самыми различными ощущеніями. Какъ скоро этотъ запутанный аппаратъ данъ, то различіе между высшими мыслительными функціями философа или поэта и мышленіемъ дикаго можетъ основываться на самыхъ тонкихъ различіяхъ, которыхъ отчасти никогда нельзя будетъ указать въ мозгу, такъ какъ они болѣе функціональнаго, чѣмъ субстанціональнаго свойства, (срав. объ этомъ главу: «Мозгъ и душа»). Какъ бы мы могли иначе — уже не говоря о дикомъ и первобытномъ человѣкѣ — объяснить одинаковое, въ грубыхъ основныхъ чертахъ, устройство мозга бѣднаго и необразованнаго поселянина и его талантливаго и научно образованнаго сына? Вообще остается еще вопросомъ, исполняетъ ли большинство нынѣшняго человѣчества гораздо болѣе сложныя умственныя функціи, чѣмъ дикіе. Тѣ, которые ничего не изобрѣтаютъ, ничего не могутъ улучшить и, ограничиваясь своимъ ремесломъ, подражая, плывутъ по большому теченію, узнаютъ только ничтожную часть разнообразной дѣятельности нынѣшней культуры. Локомотивъ и телеграфъ, предсказываніе затмѣнія солнца въ календарѣ и существованіе большихъ библіотекъ съ сотнями тысячъ книгъ суть для нихъ данныя вещи, о которыхъ они болѣе не размышляютъ. И такъ, при строжайшемъ раздѣленіи труда, даже въ самыхъ высшихъ общественныхъ положеніяхъ, много ли выше функціи такого пассивнаго члена нынѣшняго общества, чѣмъ функціи туземцевъ Австраліи, остается еще весьма сомнительнымъ, въ особенности, когда послѣдніе еще слишкомъ низко цѣнятся не только Уоллесомъ, но и вообще въ Европѣ. «Австралійская нѣмецкая газета» въ Тамундѣ (перепечатано въ Köln. Zeit.) говоритъ по поводу обсужденія новѣйшей карты Петермана о юговостокѣ Австраліи слѣдующее: «чрезвычайно благопріятный климатъ Австраліи отнимаетъ у самаго счастливаго можетъ быть дикаго *человѣческаго племени* заботу о возведеніи укрывающихъ и охраняющихъ твердыхъ жилищъ; и географическія формы, большое разнообразіе и видоизмѣненіе мѣстностей не дозволяютъ ему основывать себѣ постоянныя жилища: природа страны принуждаетъ его къ постоянной кочевой жизни. Онъ вездѣ дома и вездѣ онъ находитъ накрытымъ свой столъ, который однако онъ долженъ снабжать съ усиленнымъ трудомъ и съ величайшей хитростью. Онъ самымъ точнымъ образомъ знаетъ, когда въ этой странѣ поспѣла та или другая ягода, плодъ или корень, когда тамъ несется утка или черепаха, когда та или другая перелетная птица появится

Гораздо лучше идетъ дѣло относительно промежуточныхъ степеней между дилювіальнымъ человѣкомъ и историческимъ временемъ. Здѣсь въ послѣдніе годы открылось поприще, ревностная разработка котораго обѣщаетъ намъ пол-

ную первобытную исторію человѣчества. Сюда относятся тѣ „*кухонные остатки*“, о которыхъ столь много говорено, т. е. древнѣйшія накопленія пустыхъ раковинъ устрицъ и ракушекъ, которыя найдены на нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ Даніи, вмѣстѣ съ несомнѣнными слѣдами человѣческой дѣятельности. Сюда относятся въ особенности *свайныя постройки* швейцарскихъ и другихъ европейскихъ озеръ, первоначально, вѣроятно, служившія убѣжищемъ и кладовыми, а впослѣдствіи вѣроятно даже складочными мѣстами для торговли прибрежныхъ жителей. Эти весьма замѣчательныя постройки были открыты въ большомъ количествѣ одна послѣ другой, послѣ того, какъ докторъ *Келлеръ* усмотрѣлъ первое такое мѣстонахожденіе зимою 1853—1854 г. въ Мейленѣ при Цюрихскомъ озерѣ и понялъ и оцѣнилъ его значеніе. Въ настоящее время предметы, которые находятъ въ особенности въ большомъ изобиліи тамъ, гдѣ постройки на сваяхъ обнаруживаютъ признаки пожаровъ, раздѣляютъ на три различные періода, изъ которыхъ послѣдній, *желѣзный*, доходитъ до настоящаго времени. Но предъидущіе періоды не суть, по миѳу древнихъ, серебряный, золотой, а приводятъ насъ къ такому времени, въ которомъ жившія тогда племена обладали только предметами изъ *бронзы*, и наконецъ къ *каменному времени*, зачатки котораго мы находимъ уже у дилювіальнаго человѣка.

Но и эти періоды имѣютъ, какъ показало постепенное изслѣдованіе, только относительное значеніе. На одномъ мѣстѣ могли жить народы въ состояніи каменнаго времени, между тѣмъ какъ въ другомъ мѣстѣ развилась уже въ то самое время высокая культура. Каменныя орудія, къ которымъ разъ привыкли и которыя при хорошемъ матеріалѣ и удавшемся выполненіи для многихъ цѣлей служили превосходно, могли держаться въ употребленіи еще долгое время, тогда какъ рядомъ съ ними пользовались уже металлами; также какъ мы еще и теперь у дикихъ племенъ находимъ въ употребленіи орудія всякаго рода изъ камня и раковинъ и часто рядомъ съ ними привозныя металическія орудія европейской работы.—Поэтому мы можемъ радоваться богатымъ

здѣсь или тамъ, когда и гдѣ эта или та гусеница, куколка и т. д приглашаетъ къ лакомой ѣдѣ, когда и гдѣ двуутробка всего жирнѣе, когда та или другая рыба здѣсь или тамъ проходитъ, гдѣ источники для питья кенгуру и эму и т. д. И именно эта навязанная ему жизнь становится ему дорогою, обращается во вторую природу и дѣлаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ болѣе интеллигентнымъ, нежели какой либо другой дикій народъ. *Дѣти этихъ дикихъ* въ школахъ при хорошемъ ученіи *почти не уступаютъ европейскимъ дѣтямъ, даже въ нѣкоторыхъ предметахъ перегоняютъ ихъ*. Совершенно невѣрно представлять себѣ черныхъ Австраліи, какъ находящихся на самой низкой ступени расъ. *Въ извѣстномъ смыслѣ нѣтъ болѣе хитраго народа, чѣмъ они*».

выводамъ, которыя даютъ намъ свайныя постройки для древнѣйшей исторіи промысловъ, образа жизни и постепенно возрастающей культуры доисторическихъ племенъ: но на то, что съ самаго начала точнѣе различало человѣка отъ животныхъ, слѣдовательно о настоящихъ началахъ человѣческаго существованія, мы здѣсь не находимъ никакого указанія.

Заслуживаетъ, однакоже, вниманія одно обстоятельство, которое повидимому находится въ существенной связи съ первыми началами специфически человѣческой жизни; это — появленіе *чувства красоты* и извѣстныхъ зачатковъ *искусства* во времена, въ которыя человѣкъ явно жилъ еще въ дикой борьбѣ съ большими хищными животными и съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, полное ужасовъ и случайностей самаго разрушающаго свойства. Въ этомъ отношеніи прежде всего надо упомянуть объ очеркахъ *образовъ животныхъ* на камняхъ и костяхъ, которые найдены сначала въ пещерахъ южной Франціи, а въ новѣйшее время близь Шафгаузена въ Таингенѣ. Къ этому нужно прибавить, что и въ самыхъ древнѣйшихъ и грубѣйшихъ остаткахъ *гончарной работы* почти всегда замѣтно желаніе пріятной формы и что элементы *орнаментики* повидимому столь же древни, какъ и вообще зачатки выдѣлки оружія и хозяйственныхъ принадлежностей [15]). Мы имѣемъ здѣсь замѣчательное подтвержденіе мысли, которую *Шиллеръ* изложилъ въ своихъ „Художникахъ“; ибо, если мы представимъ себѣ дикую страстность первобытнаго человѣка, то въ противоположность къ ней, врядъ ли имѣемъ какой либо другой источникъ воспитывающихъ и возвышающихъ идей, кромѣ *общества* и *чувства красоты*. Этимъ невольно напоминается извѣстный вопросъ, что прежде—*пѣлъ*, или *говорилъ* человѣкъ? На это палеонтологія не даетъ отвѣта, но за то выступаютъ анатомическія и физіологическія сообра-

[15]) Хорошее сопоставленіе относящихся сюда фактовъ находится у *Бера*, Der vorgeschichtliche Mensch, S. 133 u. ff.; сравн. далѣе *Naturforscher* 1874 № 17 о находкѣ *Таингена* (на линіи Schaffhausen - Constanz), которая между прочимъ на рогахъ сѣвернаго оленя представляетъ рисунокъ оленя, далеко превосходящій по тонкости и характерности формы и по подробностямъ исполненія» всѣ ставшіе до сихъ поръ извѣстными рисунки южнофранцузскихъ пещеръ. Авторъ (A. *Heim*, in d. Mittheil. der antiquar. Gesellsch. in Zürich, Bd. XVIII, S. 125) выставляетъ на видъ то, что эти рисунки животныхъ всегда находятся въ близости съ *неотшлифованными кремневыми орудіями*; онъ принимаетъ, что они значительно старше самыхъ старыхъ свайныхъ построекъ Швейцаріи, въ которыхъ не находится ничего подобнаго. Слѣдовательно, *болѣе древнее* племя, съ гораздо меньшимъ культурнымъ развитіемъ, возвысилось здѣсь до искуства, которое позднѣе опять потерялось.

женія. По остроумному замѣчанію *Егера*, тонкое управленіе дыхательными движеніями, въ особенности легкое и свободное регулированіе выдыханія есть первое условіе употребленія языка, и это условіе можетъ быть совершенно исполнено лишь при *вертикальномъ положеніи тѣла*. Тоже самое конечно нужно сказать и о пѣніи; поэтому птицы, которыя обладаютъ этой свободой груднаго ящика, суть прирожденныя пѣвцы и вмѣстѣ съ тѣмъ *сравнительно легко* выучиваются говорить. *Дарвинъ* склоняется къ тому, чтобы допустить первенство пѣнія. „Если мы станемъ разбирать половой подборъ“, говоритъ онъ, „мы увидимъ, что первобытный человѣкъ, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ очень раннихъ родоначальниковъ человѣка, вѣроятно также, какъ нынѣ дѣлаетъ одна изъ гиббоно-подобныхъ обезьянъ, преимущественно употреблялъ свой голосъ для того, чтобы производить настоящіе музыкальные кадансы, слѣдовательно для пѣнія. По очень обширной аналогіи мы можемъ заключить, что эта способность особенно пускается въ дѣло во время ухаживанія обоихъ половъ, для выраженія различныхъ душевныхъ движеній, какъ, напримѣръ, любви, ревности, торжества, также какъ средство для вызова соперниковъ. Подражаніе музыкальнымъ восклицаніямъ посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ послужило началомъ для словъ, которыя выражали различныя сложныя возбужденія“ [16]).

Что при *возникновеніи языка* играло роль и подражаніе животнымъ звукамъ, какъ это принимается Дарвиномъ, весьма вѣроятно, такъ какъ тутъ звукъ, вызванный простымъ стремленіемъ къ подраженію, весьма легко могъ получить значеніе. Воронъ, напримѣръ, который самъ безъ выучки подражаетъ лаю собаки и кудахтающимъ курамъ, навѣрное соединяетъ съ этими звуками и представленіе этихъ классовъ животныхъ, такъ какъ онъ знаетъ, кому свойственны эти звуки и кому нѣтъ. Онъ имѣетъ, слѣдовательно, тутъ уже нѣкоторую опору для *образованія понятій*, зачатки котораго животнымъ вообще отнюдь не чужды. Рефлекторные естественные звуки удивленія, испуга и т. д. и безъ того должны были быть одинаково понятны всѣмъ одинаково организованнымъ существамъ, такъ какъ они и у животныхъ составляютъ несомнѣнное средство для взаимнаго пониманія. Здѣсь мы имѣемъ субъективный, а тамъ объективный изобразительный моментъ въ развитіи языка. Соединеніе обоихъ должно было дать субъективному болѣе строгія формы, а объективному болѣе содержанія [17]).

[16]) *Darwin*, Abstamm. des Menschen, übers. von Carus, I, S. 47.

[17]) Насъ бы завело слишкомъ далеко, если бы мы болѣе вдались въ вопросъ о *происхожденіи* языка, въ послѣднее время такъ ревностно разработываемый. Замѣтимъ только, что попытка найти въ какомъ либо факторѣ языка, напр. въ образованіи имѣющихъ значеніе *корней*, «абсолютное» различіе между человѣкомъ и животнымъ, должна такъ же неудаться, какъ и всякое другое указаніе подобныхъ мнимо абсолютныхъ различій. Всѣ отдѣльные факторы человѣческаго существованія и человѣческой культуры имѣютъ общую природу; но по сколько каждая истинно характерная своеобразность имѣетъ въ себѣ нѣчто абсолютное, можно сказать, что абсолютное различіе человѣка отъ животныхъ лежитъ въ *своеобразномъ* способѣ, которымъ всѣ *относительныя* различія *совокупно дѣйствуютъ*, чтобы вызвать *особенную* форму. Одинаковая абсолютная своеобразность формы конечно въ этомъ смыслѣ свойственна и родамъ животныхъ и никакъ не содержитъ въ себѣ какой то неизмѣнности. Но у человѣка она пріобрѣтаетъ высшее значеніе,—не для естественнонаучнаго, но для *этическаго* взгляда, и здѣсь она совершенно достаточна, чтобы напр. основать различіе между духовнымъ и «животнымъ».

Если разсматривать исторію человѣческой культуры въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій, то относительно хода добытыхъ результатовъ намъ приходятъ на мысль линіи гиперболы, ординаты которой, представляющія культурное развитіе, сначала подымаются безконечно медленно на огромныхъ абсциссахъ времени, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ получается въ небольшой промежутокъ времени громадный прогрессъ. Мы приводимъ этотъ образъ, чтобы сдѣлать совершенно ясною мысль, которую находимъ очень важною. А именно, совершенно иначе идетъ дѣло въ развитіи физическихъ и даже психическихъ *свойствъ* народовъ. Здѣсь напротивъ прогрессъ дарованій недѣлимыхъ и націй повидимому бываетъ очень медленный и постепенный. Это происходитъ вѣроятно оттого, что человѣкъ при одинаковыхъ способностяхъ достигаетъ гораздо высшей цѣли, если онъ находится въ весьма благопріятной обстановкѣ, нежели если онъ выростаетъ среди грубѣйшихъ преданій. Повидимому, достаточно весьма незначительной даровитости, чтобы въ теченіи приблизительнаго двадцатипятилѣтняго дѣтства и юности освоиться съ самыми развитыми культурными отношеніями на столько, чтобы самостоятельно идти впередъ. Но если вспомнимъ, что въ давнія времена по большей части передавались лишь *факты* и частные опыты или пріемы, тогда какъ новое время передаетъ *и методы*, посредствомъ которыхъ получаются цѣлые ряды открытій и изобрѣтеній, то легко станетъ понятнымъ быстрое наростаніе нынѣшней культуры, и нѣтъ надобности видѣть въ этомъ въ настоящее время внезапный переходъ человѣчества къ высшему духовному и тѣлесному существованію. Извѣстно, что недѣлимое часто приходитъ къ самымъ значительнымъ своимъ духовнымъ твореніямъ лишь въ такомъ возрастѣ, когда силы мозга уже начинаютъ убывать, да и само по себѣ очень мыслимо, что нашъ настоящій быстрый подъемъ вовсе не

зависитъ отъ той эластической юношеской силы человѣчества, которую мы такъ охотно предполагаемъ. Мы далеки отъ того, чтобы установить въ этомъ отношеніи какой либо положительный взглядъ, для чего никто не можетъ имѣть матеріала. Но мы не можемъ покинуть тему развитія человѣческаго рода, не показавъ по крайней мѣрѣ, какъ мало имѣетъ объективныхъ основаній догма о непрерывномъ прогрессѣ человѣчества. Короткое пространство исторіи, которая конечно еще не представляетъ достаточно случаевъ, чтобы допустить даже вѣроятный опытный выводъ, неговоря уже о „законѣ", намъ уже не разъ показало, какъ внѣшнее развитіе и внутреннее разрушеніе націи шли рука объ руку и наклонность массы, такъ же какъ и „образованныхъ" заботиться только о своемъ матеріальномъ благѣ и покоряться деспотизму была въ древности, а можетъ быть и у нѣкоторыхъ образованныхъ народовъ востока, признакомъ такого внутренняго разрушенія. Этотъ вопросъ мы въ послѣднемъ отдѣлѣ будемъ еще разсматривать съ совершенно другой точки зрѣнія.

Вопросъ о древности человѣческаго рода въ сущности занимаетъ матеріализмъ только въ силу его явной рѣшительной вражды противъ неясныхъ теологическихъ представленій, лишь слабо касаясь глубочайшей основы специфическаго матеріализма; тоже самое нужно сказать и о вопросѣ о видовомъ *единствѣ человѣческаго рода*. Этотъ вопросъ есть простое видоизмѣненіе вопроса о *происхожденіи отъ одной пары*, подобно тому, какъ теорія земныхъ переворотовъ Кювье была видоизмѣненіемъ сказанія о дняхъ творенія и какъ ученіе о неизмѣнности видовъ можетъ быть сведено къ Ноеву ковчегу. Безъ постепеннаго отрѣшенія отъ этихъ традицій, свободная повидимому отъ предубѣжденій наука совсѣмъ не дошла бы до такой ревностной разработки этихъ вопросовъ; борьба большаго заблужденія съ меньшимъ и тутъ стала источникомъ иныхъ важныхъ познаній. Чтобы рѣшить нѣчто такое, о чемъ никто не имѣетъ яснаго представленія, т. е. образуетъ ли человѣчество нѣчто единное, измѣряли черепа, изучали скелеты, сравнивали пропорціи и во всякомъ случаѣ обогатили этнографію, расширили кругозоръ физіологіи и собрали и спасли отъ забвенія безчисленные факты исторіи и антропологіи. Но по отношенію къ главному факту ничего не рѣшено всѣми этими трудами, кромѣ развѣ того, что внутренній рычагъ этихъ изслѣдованій не заключается въ чисто научномъ интересѣ, но въ могущественныхъ спорныхъ вопросахъ партій. Дѣло стало еще запутаннѣе оттого, что, кромѣ мнимо религіознаго интереса, въ сѣверной Америкѣ сильно вмѣшался въ этотъ споръ еще *вопросъ о невольникахъ*. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ довольствуется самыми дешевыми и жидкими основаніями, которымъ лишь придается вѣсъ мнимымъ блескомъ учености и видимостью научной формы. Такъ, напримѣръ, сочиненіе *Нотта* и *Глидона* (Types of mankind 1854) совершенно проникнуто американскою тенденціею, чтобы по возможности представить *негровъ* низко и животно-подобно организованными существами; но такъ какъ въ обсужденіи этихъ вопросовъ до сихъ поръ господствовала противоположная тенденція, то именно эта книга много содѣйствовала болѣе строгому изученію характеристичныхъ признаковъ расъ. Превосходная во многихъ отношеніяхъ *Антропологія первобытныхъ народовъ* умершаго къ сожалѣнію слишкомъ рано для науки *Вайца*, совершенно страдаетъ напротивъ слишкомъ высокой оцѣнкой основаній, говорящихъ за „единство" человѣчества. Это заходитъ такъ далеко, что Вайцъ даже часто ссылается на совершенно ненадежнаго и ненаучнаго *Причарда*, что онъ въ вопросахъ различія вида и расы принимаетъ *Блюменбаха* (1795!) *еще и теперь за первый авторитетъ*, что онъ составленный *Вагнеромъ* списокъ ублюдковъ (къ Причарду) удостоиваетъ эпитета „старательный" и наконецъ даже приходитъ къ положенію: „какое въ сущности могли бы имѣть значеніе специфическія различія въ природѣ и какимъ нецѣлесообразнымъ должно бы явиться ихъ постоянство, если бы ихъ уничтоженіе было возможно посредствомъ непрерывающихся ублюдочныхъ рожденій?" Что при такой точкѣ зрѣнія нельзя ожидать важнаго шага въ главномъ вопросѣ, даже если рѣшеніе его само по себѣ и возможно, не требуетъ доказательства. Какъ вообще идетъ дѣло тамъ, гдѣ стараются доказывать вещи трудными окольными путями, которые ежеминутно могутъ быть опровергнуты опытомъ, можетъ показать тотъ примѣръ, что Вайцъ еще спокойно приводитъ зайцевъ и кроликовъ, какъ виды, которые противостоятъ всякой попыткѣ скрещиванія, въ то время, какъ *Ру въ Ангулемѣ* уже восемь лѣтъ превосходно торговалъ своими *трехъосминными зайцами*, этимъ изобрѣтеннымъ имъ новымъ видомъ животныхъ—или новою расою, если угодно [18]).

---

[18]) Именно этотъ случай удавшагося скрещиванія видовъ хотѣли позднѣе сдѣлать доказательствомъ неизмѣнности видовъ, утверждая, что трехъ-осьминные зайцы Ру при продолженіи подбора совершенно возвращаются къ материнскому типу кроликовъ. (Срав. Revue des deux mondes 1869, 15 Mars 2 livr. p. 413 et sv.). Этимъ прежде всего не опровергается постоянство скрещенныхъ расъ, и также мало можно утверждать, что новые «кролики» не очень существенно и прочно отличаются отъ первоначальнаго материнскаго племени, ибо иначе подборъ ихъ не имѣлъ бы цѣли. О главномъ вопросѣ, въ настоящее время, когда эти животныя на ряду съ подобными подборами составляютъ важную статью торговли, нечего и терять словъ. Но что касается наклонности промежуточной формы къ одному изъ двухъ тысячелѣтіями сохраненныхъ и укрѣпленныхъ типовъ, то она—въ наилучшемъ согласіи съ развитыми выше на стран. 254 и слѣд. воззрѣніями.

Идея *единства человѣческаго рода* не требуетъ нынѣ болѣе опоры, которую она когда то имѣла въ ученіи объ общемъ происхожденіи; хотя можно сомнѣваться, вліяло ли смягчающимъ образомъ сказаніе объ Адамѣ и Евѣ при сношеніяхъ Испанцевъ съ Индійцами, креоловъ съ ихъ невольниками неграми. Существенные пункты: распространеніе человѣческаго достоинства на людей всякой расы, допущеніе равноправности въ общемъ государственномъ союзѣ, соблюденіе международныхъ принциповъ при сосѣдственныхъ сношеніяхъ могутъ быть очень хорошо установлены и утверждаемы, безъ признанія абсолютнаго *равенства способностей* расъ. Происхожденіе же отъ одного общаго первобытнаго корня отнюдь не ручательство за равенство способностей, такъ какъ остановка въ развитіи, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, могла бы повести наконецъ къ какой угодно степени скудости силъ. Но конечно общее происхожденіе представляетъ повидимому ручательство за то, что отставшее и даже погрязшее и закоснѣвшее въ своихъ низшихъ свойствахъ племя все же можетъ дойти до высшаго развитія при нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но это всегда остается возможнымъ, по началамъ теоріи потомственнаго происхожденія, не только для отставшихъ человѣческихъ расъ, но даже для животныхъ.

„Происхожденіе отъ обезьяны", всего упорнѣе отвергаемое тѣми, кто меньше всего возвышается внутренними достоинствами духа надъ чувственною основою нашего бытія, какъ извѣстно, въ собственномъ смыслѣ слова не есть слѣдствіе ученія Дарвина. Это ученіе скорѣй приводитъ къ тому, что въ нѣкоторый періодъ первобытной исторіи человѣчества предполагается существованіе общей родоначальной формы [19]), отъ которой потомъ въ одну сторону, вверхъ, отдѣлился какъ вѣтвь человѣкъ, въ другую сторону — обезьяна, оставшаяся на степени животнаго. Поэтому всѣ прародители человѣка должны быть представляемы обезьяно-подобными, но уже одаренными задаткомъ къ высшему развитію, и такъ приблизительно и Кантъ представлялъ себѣ дѣло. Но повидимому еще благопріятнѣе для родословнаго предубѣжденія человѣка является дѣло при предположеніи *полифилетической* теоріи потомственнаго происхожденія. Здѣсь можно превосходство человѣка въ способности къ развитію вложить уже въ первыя начала органической жизни. Но совершенно само собой разумѣется, что это превосходство, которое, въ сущности есть только удобство для порядка нашихъ мыслей и чувствъ, не должно прибавлять ни малѣйшаго вѣса въ пользу полифилетической теоріи; а иначе естественнонаучныя основанія были бы искажены примѣсью субъективныхъ и этическихъ мотивовъ. И дѣйствительно, для гордости человѣка, при ближайшемъ разсматриваніи, немного выигрывается этимъ лишь внѣшнимъ удаленіемъ отъ животныхъ, да и ничего не нужно выигрывать для этой гордости, ибо она есть только безосновательное упорство противъ мысли о единствѣ всего сущаго и о равенствѣ образовательнаго принципа во всей области органической жизни, которой мы составляемъ лишь нѣкоторую часть. Если мы устранимъ это нефилософское упорство, то мы найдемъ, что происхожденіе отъ уже организованнаго животнаго, въ которомъ творчески зажигается свѣтъ мысли, яснѣе и удовлетворительнѣе, чѣмъ происхожденіе изъ неорганическаго комка земли.

Пусть мы удалимъ человѣка, по *естественно-научнымъ* основаніямъ, по возможности далеко отъ нынѣшнихъ обезьянъ, все же нельзя будетъ не вложить въ его первобытную исторію ряда свойствъ, которыя намъ теперь противнѣе всего въ обезьянѣ. *Снелль*, который въ своемъ остроумномъ сочиненіи о твореніи человѣка (Іена 1863) подошелъ очень близко къ цѣли соединенія самыхъ строгихъ требованій науки съ сохраненіемъ нашихъ нравственныхъ и религіозныхъ идей, во всякомъ случаѣ ошибается, полагая, что человѣчность въ предшествующихъ животныхъ формахъ, изъ которыхъ она произошла, должна была уже проявиться чѣмъ нибудь поразительнымъ и полнымъ значенія во взглядѣ и въ жестахъ. Мы никоимъ образомъ не должны смѣши-

[19]) «Происхожденіе отъ обезьяны» получаетъ свое отталкивающее свойство для популярнаго опроверженія дарвинизма, конечно, только вслѣдствіе сравненія съ *живущими теперь* видами обезьянъ, по которымъ единственно составляется популярное представленія о существѣ обезьяны. Поэтому здѣсь все равно, называется ли исчезнувшая родоначальная форма и въ зоологическомъ смыслѣ уже «обезьяной» или нѣтъ, такъ какъ она во всякомъ случаѣ имѣетъ весьма различныя свойства отъ нынѣшнихъ обезьянъ. *Оскаръ Шмидтъ* (Descendenzlehre und Darwinismus, S. 272 u. f.) говоритъ объ этомъ: «Развитіе человѣкоподобныхъ обезьянъ пошло въ сторону отъ ближайшихъ человѣческихъ предковъ, и человѣкъ такъ же мало можетъ превратиться въ гориллу, какъ векша въ крысу»... «Костяной черепъ тѣхъ обезьянъ дошелъ до крайности, подобно черепу домашняго рогатаго скота. Но эта крайность выступаетъ лишь постепенно въ теченіи роста, и теленокъ еще мало ей причастенъ, а имѣетъ форму черепа предковъ, подобныхъ антилопѣ»... «Тогда какъ молодой черепъ антропоморфической обезьяны неопровержимо ясно показываетъ происхожденіе отъ предковъ съ хорошо устроеннымъ, еще способнымъ развиваться черепомъ и зубами весьма близкими къ человѣческимъ, у нихъ дальнѣйшее развитіе этихъ частей, вмѣстѣ съ мозгомъ, который получилъ устойчивый малый объемъ, пошло такъ сказать по роковому пути, между тѣмъ какъ въ человѣческой отрасли подборъ дѣйствовалъ въ смыслѣ большаго сохраненія указанныхъ свойствъ черепа». Срав. также лекцію того же автора Die Anwendung der Descendenzlehre auf den Menschen, Leipzig, 1873, S. 16—18. *Häckel*, Natürl. Schöpfungsgesch., 4 Aufl., S. 577.

вать условія усовершаемости съ первымъ появленіемъ ея плодовъ. То, что намъ представляется теперь самымъ благороднымъ и самымъ высокимъ, можетъ быть развилось лишь какъ послѣдній расцвѣтъ спокойной и правильно текущей жизни, богатой образовательными впечатлѣніями всякаго рода, тогда какъ возможность такой жизни должна и можетъ быть пріобрѣтена совершенно другими свойствами.

Первый шагъ для того, чтобы стала возможною культура человѣка, былъ вѣроятно пріобрѣтеніе перевѣса надъ всѣми другими животными, и нельзя предположить, чтобы человѣкъ тутъ существенно употреблялъ другое средство, кромѣ того, которое онъ обыкновенно употребляетъ и теперь еще для господства надъ себѣ подобными. Хитрость и жестокость, дикое насиліе и вынуждающее коварство вѣроятно играли значительную роль въ этой борьбѣ; можно даже тотъ фактъ, что человѣкъ еще и нынѣ, когда онъ при нѣкоторомъ упражненіи своего разума такъ легко могъ бы вести лучшую жизнь, все вновь и вновь впадаетъ во вкусы разбойника и притѣснителя, вывести можетъ быть изъ вліянія продолжавшейся тысячи лѣтъ борьбы съ львами и медвѣдями, а въ болѣе раннія времена можетъ быть съ человѣкоподобными обезьянами. Этимъ вовсе не исключается то, что въ тоже самое время уже развивались истинныя добродѣтели вмѣстѣ съ интеллигенціей въ кругу племенной и семейной общины. Вспомнимъ только пропасть, которая даже въ образованной древности лежитъ между внутреннею жизнью отдѣльныхъ государствъ и городовъ, и между ихъ часто безгранично варварскимъ отношеніемъ къ побѣжденнымъ врагамъ.

Слѣдовательно, и по *психологическимъ* основаніямъ нельзя отвергать племенное родство человѣка съ обезьяной; развѣ въ томъ случаѣ, если мы будемъ считать оранга и шимпанзе слишкомъ кроткими и миролюбивыми, чтобы изъ существъ такого рода могли произойти тѣ обитатели пещеръ, которые побѣждали великана льва первобытнаго времени и изъ его разбитаго черепа жадно пожирали дымящійся мозгъ.

11. Мозгъ и душа.

Мы затрогиваемъ старинную любимую тему матеріализма, съ которою нынѣ, конечно, нельзя такъ легко покончить, какъ въ прошломъ столѣтіи. Первое опьяненіе отъ великихъ физическихъ и математическихъ открытій прошло; и такъ же, какъ міръ, съ разгадкой каждой тайны, представлялъ и новыя загадки и становился видимо какъ бы больше и шире, такъ же и въ органической жизни раскрывались пропасти неизслѣдованныхъ связей, о которыхъ прежде врядъ ли и думали. Вѣкъ, который серіозно могъ полагать, что механическіе фокусы *Дроза* и *Вокансона* [20]) попали на слѣдъ тайнъ жизни, врядъ ли былъ въ состояніи измѣрить трудности, которыя тѣмъ больше накоплялись для механическаго объясненія психическихъ процессовъ, чѣмъ дальше шли изслѣдованія. Тогда еще можно было предлагать подъ видомъ научной гипотезы дѣтски-наивное воззрѣніе, что въ мозгу всякое представленіе имѣетъ свое опредѣленное волокно, и что колебаніе этихъ волоконъ составляетъ сознаніе.

Противники матеріализма конечно указывали на то, что между сознаніемъ и внѣшнимъ движеніемъ лежитъ неизмѣримая пропасть; но естественное чувство не очень поражалось этою пропастью, ибо легко понимается, что она неизбѣжна. Противуположность между субъектомъ и объектомъ всегда возвращается къ намъ въ какой-либо формѣ, и въ другихъ системахъ она только легче сглаживается какою-либо фразой.

Если бы въ прошломъ столѣтіи вмѣсто этого метафизическаго возраженія произвели всѣ тѣ физическіе опыты, которые теперь къ нашимъ услугамъ то матеріализмъ поборолъ бы, можетъ быть, его собственнымъ оружіемъ. Можетъ быть и нѣтъ; ибо тѣ же факты, которые отстраняютъ тогдашнія воззрѣнія на сущность мозговой дѣятельности, противорѣчатъ можетъ быть не менѣе рѣзко всѣмъ излюбленнымъ идеямъ метафизики. Врядъ ли дѣйствительно можно сдѣлать хотя одно положеніе относительно мозга и души, которое не опровергалось бы фактами. Исключить нужно конечно отчасти неопредѣленныя общности, какъ напр., что мозгъ есть самый важный органъ для дѣятельностей души, отчасти такія положенія, которыя относятся къ связи отдѣльныхъ частей мозга съ дѣятельностью опредѣленныхъ нервовъ. Безплодность произведенныхъ до сихъ поръ изслѣдованій мозга основывается лишь отчасти на трудности предмета. Главная причина кажется есть совершенный недостатокъ сколько нибудь пригодной *гипотезы* или хотя приблизительной идеи о природѣ дѣятельности мозга. Такимъ образомъ, даже самые свѣдущіе люди, какъ бы съ отчаянія, опять и опять впадаютъ въ давно уже фактически опровергнутыя теоріи о нѣкоторой локализаціи дѣятельности мозга, смотря по различнымъ функціямъ ума и сердца. Мы не разъ высказывались противъ взгляда, будто бы простое существованіе устарѣвшихъ воззрѣній есть великій тормазъ науки, какъ это обыкновенно думаютъ; но здѣсь повидимому дѣйствительно *призракъ души*, являясь на развалинахъ схоластики, постоянно спутываетъ весь вопросъ. Мы легко можемъ показать, что этотъ призракъ, если позволимъ себѣ называть такъ устарѣвшія ученія школьной психологіи, играетъ большую роль у лю-

[20]) Смот. I. томъ, стран. 318.

дей, которые воображаютъ, что совершенно освободились отъ него, у вожаковъ матеріализма; что даже все ихъ представленіе о способѣ, какъ слѣдуетъ мыслить дѣятельности мозга, существенно находится подъ властью ходячихъ представленій, которыя прежде имѣлись о баснословныхъ *душевныхъ способностяхъ*. Мы полагаемъ, что эти представленія, лишь только явится разумная положительная идея о томъ, чего собственно слѣдуетъ ожидать отъ функцій мозга, также легко исчезнутъ, какъ они теперь настойчиво держатся.

Мы здѣсь не можемъ не упомянуть прежде всего о самой грубой формѣ такихъ теорій локализаціи, а именно о *френологіи*. Она есть не только необходимый пунктъ для нашего историческаго изложенія, но въ тоже время въ силу своей наглядности удобный предметъ для развитія тѣхъ критическихъ принциповъ, которые далѣе должны получить обширное приложеніе.

Когда *Галль* сталъ учить о составѣ мозга изъ ряда особыхъ органовъ для особыхъ духовныхъ дѣятельностей, онъ исходилъ изъ совершенно вѣрнаго взгляда, что обыкновенно принятыя, первоначальныя душевныя способности, какъ напр., вниманіе, сила сужденія, сила воли, память и т. д. суть простыя отвлеченія, что онѣ классифицируютъ различные способы дѣятельности мозга, не имѣя того элементарнаго значенія, которое имъ приписывается. Онъ принялъ на основаніи наблюденій различнѣйшаго рода рядъ первоначальныхъ органовъ мозга, которыхъ преимущественное развитіе придаетъ недѣлимому извѣстныя постоянныя свойства и совокупное дѣйствіе которыхъ должно опредѣлять весь характеръ человѣка. Способъ, которымъ Галль производилъ свои открытія и велъ свои доказательства, состоялъ въ томъ, что онъ искалъ какихъ нибудь особенно выдающихся примѣровъ, опредѣленныхъ особенностей, какія легко найти у преступниковъ, сумасшедшихъ, геніальныхъ людей или странныхъ оригиналовъ. Потомъ онъ искалъ на черепѣ соотвѣтствующаго недѣлимаго особенно выдающееся мѣсто. Если оно находилось, то органъ считался уже открытымъ, и тогда „опытъ", сравнительная анатомія, животная психологія и другіе источники должны были служить для подтвержденія. Нѣкоторые органы были установлены также по наблюденіямъ лишь въ мірѣ животныхъ и прослѣживались потомъ далѣе въ человѣкѣ. Въ пріемахъ Галля нельзя открыть ни малѣйшаго слѣда болѣе строгаго научнаго метода; обстоятельство, которое было не неблагопріятно для распространенія его ученія. Въ такого рода изслѣдованіяхъ всякій имѣетъ талантъ и умѣлость; ихъ результаты почти всегда интересны и „опытъ" подтверждаетъ постоянно ученія, которыя основаны на такихъ теоріяхъ. Это тотъ же видъ опыта, который подтверждалъ и астрологію, который и теперь еще подтверждаетъ дѣйствительность и цѣлебность большей части медицинскихъ средствъ (не только гомеопатическихъ!) и который

ежедневно даетъ столько удивительныхъ примѣровъ видимой помощи святыхъ и боговъ. Такимъ образомъ, френологія находится вовсе не въ дурномъ обществѣ; она не есть возвращеніе къ какой нибудь сказочной степени фантастичности, но лишь плодъ общей почвы призрачныхъ наукъ, которыя еще и нынѣ составляютъ главную массу того, чѣмъ обыкновенно блистаютъ юристы, медики, теологи и философы. Положеніе френологіи конечно фатальное потому, что она принадлежитъ къ области, которая весьма хорошо допускаетъ примѣненіе всей строгости точныхъ наукъ, и что несмотря на это разработывается безъ всякаго вниманія къ требованіяхъ научныхъ методовъ; но и это у нея общее по крайней мѣрѣ съ гомеопатіей.

Нынѣшніе френологи защищаютъ свои мнѣнія обыкновенно сильными нападками на тѣ возраженія, которыя слишкомъ часто дѣлаются противъ призрачной науки безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, такъ какъ никто не хочетъ заняться серьезно этимъ дѣломъ. Напротивъ какой нибудь попытки положительнаго обоснованія мы напрасно стали бы искать въ новѣйшихъ сочиненіяхъ о френологіи. Тогда какъ Галль и *Шпурцгеймъ* дѣйствовали въ такое время, когда методы для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ были еще совершенно неразвиты, нынѣшніе френологи трудятся на поприщѣ безплодной полемики, вмѣсто того, чтобы хотя сколько нибудь отдать справедливость громаднымъ успѣхамъ науки. Еще и нынѣ справедливо то, что сказалъ *Іоганесъ Миллеръ* въ своей физіологіи: „Что касается до принципа, то противъ его возможности вообще a priori ничего нельзя возразить; но опытъ показываетъ, что органологія Галля *не имѣетъ никакого опытнаго основанія* и исторія головныхъ поврежденій говоритъ даже *противъ существованія особыхъ областей мозга для различныхъ духовныхъ дѣятельностей*" [21]).

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ для поясненія. *Кастель* приводитъ въ своей френологіи [22]) по Шпурцгейму нѣсколько случаевъ потери значительныхъ частей мозговой массы, при которыхъ умственныя способности повидимому не подверглись никакому нарушенію. Онъ жалуется на то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мѣсто пораненія недостаточно обозначено. Если упомянутыя поврежденія происходили въ *задней части головы*, „то и френологъ безъ малѣйшаго затрудненія можетъ допустить, что *сила мышленія* могла остаться ненарушенною". Апологетическая точка зрѣнія уже здѣсь несомнѣнна. Можно было бы думать, что такъ какъ противоположная возможность имѣетъ одинаковыя права, то френологъ долженъ будетъ стараться найти такіе случаи;

---

21) *Müller* Handbuch der Physiol. des Menschen, I Bd. 3 Aufl. (1837) S. 855.

22) Die Phrenologie, von Dr. M. *Castel*, Stuttg. 1845, S. 27 u. f.

*

можно было бы навѣрное ожидать, что онъ въ такомъ случаѣ, который *ему самому приходится наблюдать*, постарается совершенно точно опредѣлить поврежденные мозговые органы и степень ихъ поврежденія и что онъ потомъ съ величайшею тщательностію и строгостію опредѣлитъ духовныя дѣятельности, какъ настоящую instantia praerogativa. Вмѣсто того, Кастель съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа способенъ разсказывать слово въ слово слѣдующее:

„Я самъ имѣлъ случай наблюдать подобный примѣръ. Одному американцу попало въ затылокъ нѣкоторое количество дроби, которая произвела то, что онъ потерялъ часть черепа и еще, какъ онъ самъ выразился, нѣсколько кусковъ мозгу (several spoons full of brain). Говорили, что его интелектуальныя способности отъ этого не пострадали. По его собственному заявленію, нездоровье, которое онъ чувствовалъ, происходило отъ нервъ. Его общественное положеніе принуждало его часто говорить публично; *но онъ потерялъ и отличавшую его прежде энергію и твердость*. Этотъ фактъ выставлялся какъ доказательство противъ френологовъ (такое же достойное вѣры доказательство, какъ и всѣ подобныя), тогда какъ легко видно, что онъ вполнѣ согласенъ съ принципами науки. Поврежденное мѣсто мозга не было сѣдалищемъ *интелектуальныхъ способностей*, но напротивъ сѣдалищемъ той *животной энергіи*, которая по этому единственно и пострадала отъ этого".

Этого дѣйствительно достаточно. Никакого указанія на поврежденные органы, на форму и величину раны или шрама! При большой роли, которую играетъ „двойственность" органовъ мозга въ апологіи шаткихъ теорій, должно было быть по крайней мѣрѣ указано, коснулось-ли поврежденіе въ „затылкѣ", которое отняло „часть черепа" и „several spoons full of brain", такого мѣста, что органы одной половины могли сохраниться. Если выстрѣлъ попалъ въ середину затылка на достаточномъ протяженіи, то онъ легко могъ совершенно разрушить органъ „любви къ дѣтямъ". Какъ же было дѣло? Что произошло съ „стремленіемъ къ единству" и съ „любовью къ жилищу"? Что съ „привязанностью"? Ни слова обо всемъ этомъ! И однако всѣ эти органы лежатъ въ затылкѣ и случай ихъ неполнаго разрушенія былъ бы для человѣка съ научнымъ стремленіемъ—предполагая во всякомъ случаѣ, что подобный френологъ можетъ существовать—совершенно неоцѣнимъ. „Животная энергія" пострадала. Это можно конечно отнести къ „стремленію борьбы", которое находится съ боку на затылкѣ; но нужно конечно предположить, что если бы выстрѣлъ попалъ именно въ означенный органъ, Кастель врядъ ли преминулъ бы сообщить намъ объ этомъ. Вѣдь человѣкъ потерялъ „отличавшую его прежде энергію и твердость"!

Такимъ образомъ нечего удивляться, если френологи все еще совершенно спокойно принимаютъ мозжечокъ за органъ половаго стремленія, хотя *Комбеть* въ 1821 году наблюдалъ случай сильнаго половаго стремленія при совершенно недостающемъ мозжечкѣ, хотя *Флурансъ* у пѣтуха, у котораго была вырѣзана большая часть мозжечка и жизнь котораго онъ поддерживалъ еще восемь мѣсяцевъ, наблюдалъ проявленіе половаго стремленія [23])!

Переднія лопасти большого мозга носятъ такое множество значительныхъ органовъ, что разрушенія части ихъ при значительныхъ поврежденіяхъ этой области мозга должны бы быть всегда замѣтны, тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло идетъ объ интеллигенціи, талантѣ и т. д., исчезновеніе которыхъ легче опредѣляется, чѣмъ измѣненіе какого нибудь свойства характера. Но при большомъ количествѣ поврежденій мозга въ передней части головы, которыя подлежали точному научному наблюденію, еще никогда ничего не было найдено, что можно было бы истолковать такимъ способомъ безъ самаго крайняго насилія. Конечно тутъ прибѣгаютъ къ двойственности органовъ; но какимъ образомъ можетъ случиться, что редуцированіе органа на половину не измѣняетъ существенно характера, тогда какъ достаточно незначительнаго возвышенія или углубленія въ черепѣ для объясненія самыхъ рѣзкихъ противоположностей всего духовнаго существа? Но не станемъ ослаблять критику положеніемъ, противъ котораго можетъ быть найдена по крайней мѣрѣ какая нибудь гипотеза! Бываютъ случаи, въ которыхъ совершенно ясно были поражены и разрушены обѣ переднія лопасти большого мозга въ значительномъ объемѣ и въ которыхъ все же не наблюдалось ни малѣйшаго нарушенія интеллигенціи! *Лонже* въ своей анатоміи и физіологіи нервной системы сообщаетъ два подобныхъ случая, которые были весьма хорошо наблюдаемы. Но въ сущности достаточно одного подобнаго случая, чтобы опровергнуть всю систему френологіи. [24]).

И не только систему френологіи; ибо ученіе о пребываніи интеллигенціи въ переднихъ лопастяхъ большого мозга было раздѣляемо многими анатомами, которые вовсе не стояли на такой ограниченной почвѣ; и однакоже ровно ничего не выходитъ и изъ болѣе общей локализаціи по большимъ группамъ духовныхъ свойствъ. Разсматривали цѣлые ряды произвольно выбранныхъ череповъ значительныхъ людей и по большей части, но не всегда, находили у нихъ высокій, широкій лобъ. Но при этомъ забывали, что даже если бы большой передній мозгъ обыкновенно совпадалъ съ большею интеллигенціею, для

[23]) Срав. *Longet*, Anat. u. Physiol. des Nervensystems, übers. von Dr. Hein, I. Leipzig. 1847, S. 617 u. f.; S. 620.

[24]) *Longet*, übers. v. Hein, I, S. 552 u. ff.

локализированной дѣятельности этихъ частей мозга всетаки не было бы ничего доказано. Ибо пока всѣ наблюденные до сихъ поръ факты показываютъ, что различныя части большого мозга въ сущности имѣютъ одинаковое назначеніе, легко можетъ быть, что особенно благопріятная организація цѣлаго соединена и съ особенной его формой.

Къ упрекамъ, противъ которыхъ воюетъ съ ожесточеніемъ часть нашихъ френологовъ, относится и замѣчаніе, что френологія необходимо *ведетъ къ матеріализму*. Это настолько вѣрно, насколько обыкновенно бываютъ вѣрны подобныя общія положенія; т. е. это очевидно ложно. Френологія, если бы она была обоснована научно, не только прекрасно могла бы примкнуть къ системѣ Канта, но она согласовалась бы даже съ тѣми устарѣлыми воззрѣніями, по которымъ мозгъ относится къ „душѣ" приблизительно также, какъ болѣе или менѣе совершенный инструментъ къ лицу, которое на немъ играетъ. Но замѣчательно во всякомъ случаѣ, что наши матеріалисты, и между ними люди, отъ которыхъ этого нельзя было вовсе ожидать, высказались удивительно благопріятно въ пользу френологіи. Напр. *Котта*, и особенно *Фохтъ*, который въ своихъ картинахъ изъ животной жизни написалъ характеристически опрометчивыя слова: „Френологія слѣдовательно вѣрна, до мельчайшаго ея примѣненія? Всякому измѣненію функціи должно предшествовать матеріальное измѣненіе органа, или скорѣе должно наступать одновременно съ нимъ? Не могу не сказать: поистинѣ это такъ. Это дѣйствительно такъ".

Причину этого расположенія легко видѣть. А именно, общее положеніе, что мышленіе есть дѣятельность мозга, можетъ быть сдѣлано очень *вѣроятнымъ* въ этой своей общности, не ставъ приэтомъ очень *дѣйствительнымъ*. Лишь тогда, когда удается прослѣдить спеціальнѣе эту дѣятельность, разложить ее какъ нибудь на элементы и въ этихъ элементахъ доказать согласіе физическаго и духовнаго; лишь тогда это воззрѣніе станетъ общепринятымъ и получитъ большой вѣсъ въ составѣ общаго міровоззрѣнія. Если изъ такого знанія можно вполнѣ построить характеръ человѣка, какъ астрономія предопредѣляетъ изъ своихъ законовъ движенія положеніе небесныхъ тѣлъ, то человѣческій духъ не можетъ далѣе противустоять теоріи, которая приноситъ подобные плоды. Наши матеріалисты конечно не такіе фантасты, чтобы приписать нынѣшней френологіи такіе подвиги. *Фохтъ* не разъ въ другихъ сочиненіяхъ высказался весьма недвусмысленно о ненаучномъ характерѣ этого ученія; хотя *Бюхнеръ* обсуждаетъ френологію съ очевидною благосклонностью, онъ все же допускаетъ, что ей противустоятъ самыя важныя научныя сомнѣнія. Но несчастныя „прирожденныя идеи" преслѣдуются во всѣхъ

закоулкахъ даже лишь возможной френологіи. Чтобы уничтожить какой нибудь родъ прирожденныхъ идей, который совершенно чуждъ новѣйшей философіи и существуетъ только въ популярныхъ и назидательныхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ, онъ считаетъ нужнымъ побороть и тѣ выводы, которые извлекаются въ пользу прирожденныхъ идей изъ френологіи. Въ жару борьбы онъ не замѣчаетъ, что прирожденныя идеи, *которыя съ необходимостью происходятъ изъ структуры и состава мозга*, совершенно гармонируютъ съ послѣдовательнѣйшимъ матеріализмомъ; что такое предположеніе во всякомъ случаѣ заходитъ далѣе и болѣе согласовалось бы съ его другими положеніями, чѣмъ точка зрѣнія *Локковской tabula rasa*, на которой онъ самъ стоитъ. Но такъ какъ никто изъ новѣйшихъ извѣстныхъ философовъ не принимаетъ идей, которыя развиваются безъ всякаго вліянія внѣшняго міра или готовы въ сознаніи уже въ foetus, то и никакой френологъ не долженъ бы предполагать, что звуковое чувство можетъ развиться и начать дѣйствовать безъ звуковъ, чувство цвѣтовъ безъ цвѣтовъ. Споръ идетъ только между одностороннимъ воззрѣніемъ Локка, которое господствовало въ такой непонятной степени надъ прошлымъ столѣтіемъ, что *все духовное содержаніе* получается черезъ чувства, и между другимъ взглядомъ, по которому мозгъ или душа приноситъ съ собою *извѣстныя формы*, посредствомъ которыхъ напередъ *опредѣляется преобразованіе чувственныхъ впечатлѣній* въ представленія и воззрѣнія. Можетъ быть эти формы представляли себѣ иногда въ видѣ какихъ то матрицъ, въ которыя вливается металлъ для буквъ, или въ видѣ глиняныхъ горшковъ, которые наполняются впечатлѣніями чувствъ какъ ключевой водой. Но если даже разбить эти черепки, то все же намъ останется истина, что существуютъ матеріальныя условія, которыя имѣютъ самое существенное вліяніе на образованіе всѣхъ идей. Чтобы противустать такому вліянію, въ виду лишь возможной френологіи, Бюхнеръ дѣлаетъ гипотезу, что отношеніе френологическихъ органовъ и внѣшнихъ впечатлѣній можетъ быть и обратное, именно что „въ то время, когда мозгъ растетъ и образуется, соотвѣтствующій френологическій органъ тоже сильнѣе развивается матеріально, вслѣдствіе повторяющихся и частыхъ внѣшнихъ впечатлѣній и психической дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, совершенно такимъ же образомъ, какъ мускулъ укрѣпляется отъ упражненія". „Хорошо", скажетъ френологъ, „но мускулы прирождены, вѣдь они различны отъ рожденія, и врядъ ли можно отрицать, что при одинаковыхъ обстоятельствахъ мускулистое дитя болѣе будетъ упражнять свои мускулы, чѣмъ дитя мускульно слабое. Отрицай прирожденный мозгъ и тогда лишь ты будешь отрицать прирожденныя направленія дѣятельности ума!"

Но Бюхнеръ думаетъ иначе. Онъ восклицаетъ: „Природа не знаетъ ни намѣреній, ни цѣли, ни навязанныхъ ей *извнѣ или свыше* духовныхъ или матеріальныхъ условій!" Но если только и всего, если допускаются *исходящія изъ внутри*, изъ самой природы, условія образованія нашихъ представленій, къ чему тогда весь этотъ шумъ?

Здѣсь мы опять прямо приходимъ къ центру всего нашего матеріалистическаго спора. *Къ чему весь этотъ шумъ*? Можетъ быть къ тому, чтобы противустать лицемѣрному важничанью нашей нынѣшней высшей науки. Никогда пропасть между мышленіемъ этого привилегированнаго общества и массъ не была больше, чѣмъ теперь, и никогда это привилегированное общество не заключало такъ рѣзко своего эгоистическаго сепаратнаго мира съ неразуміемъ существующаго. Лишь времена передъ погибелью древней культуры представляютъ подобное явленіе. Но они не имѣли нисколько той *демократіи матеріализма*, которая нынѣ отчасти сознательно, отчасти безсознательно возстаетъ противъ аристократической философіи. Легко съ точки зрѣнія этой философіи опровергнуть матеріализмъ теоретическій, но трудно его устранить. Въ практическихъ спорахъ матеріализмъ шутя разбиваетъ всѣ эзотерическія тонкости, разрушая грубыя экзотерическія представленія, съ которыми они заключили такой лживый союзъ. „Ничего подобнаго мы никогда не думали!" восклицаетъ наука въ ужасѣ; но она получаетъ въ отвѣтъ: „говори ясно и для всякаго, или умирай!" Такимъ образомъ, помимо логической критики матеріализма, возрастаетъ его историческое значеніе, а потому онъ и можетъ быть вполнѣ оцѣненъ только въ историческомъ разсматриваніи.

Мы хотимъ также, какъ и Бюхнеръ, принять на минуту, что существуетъ френологія, чтобы на этомъ примѣрѣ подвергнуть критикѣ всю *идею локализаціи душевныхъ функцій*, причемъ мы пока оставляемъ безъ вниманія противурѣчащіе факты патологической анатоміи. Ради удобства, мы принимаемъ ученіе такъ, какъ оно было развито *Спуригеймомъ*, *Комбомъ* и др. и какъ оно довольно распространено въ Германіи. Тогда получается приблизительно слѣдующая картина процессовъ конкретнаго мышленія.

Всякій органъ самъ по себѣ дѣятеленъ на свой ладъ и однако дѣятельность всѣхъ сливается въ одно общее дѣйствіе. Всякій органъ мыслитъ, чувствуетъ и хочетъ самъ по себѣ; мышленіе, чувствованіе и хотѣніе человѣка есть результатъ суммы этихъ дѣятельностей. Во всякомъ органѣ существуютъ разнообразныя степени духовной дѣятельности. Ощущеніе возвышается до представленія и наконецъ до воображенія, смотря по тому, слабѣе или сильнѣе возбужденіе органа; движеніе чувства можетъ превратиться въ энтузіазмъ, стремленіе въ сильное желаніе и наконецъ въ страсть. Эти дѣятельности относятся только къ предмету, который сообразенъ съ природой каждаго органа. „Каждый духовный органъ", говоритъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ нашихъ френологовъ, „говоритъ на своемъ собственномъ языкѣ, и понимаетъ только тотъ языкъ, на которомъ самъ говоритъ; совѣсть говоритъ при справедливости и несправедливости, доброжелательство въ состраданіи и сочувствіи и т. д. Посредствомъ ихъ соединенія въ одно цѣлое получаются болѣе общія явленія, напр. „разумъ", какъ дѣятельность всѣхъ тридцати шести способностей мышленія; но они также дѣйствуютъ сообща въ опредѣленныхъ частныхъ дѣятельностяхъ человѣка, отчасти антагонистически, отчасти поддерживая, модифицируя другъ друга и т. д., подобно группѣ мускуловъ при движеніи какого нибудь члена".

Съ перваго взгляда видно, что все это воззрѣніе вращается въ самыхъ призрачныхъ отвлеченностяхъ. *Галль* хотѣлъ поставить на мѣсто обыкновенныхъ духовныхъ способностей естественныя и конкретныя основанія психологіи. Это ему, повидимому, удалось сдѣлась посредствомъ предположенія его мнимыхъ органовъ; но лишь только онъ приходитъ къ *дѣятельности* этихъ органовъ, опять начинается та же игра тѣней. Самъ Галль конечно мало занимался такими соображеніями, и нынѣ еще большей части изъ его учениковъ едва-ли ясно, что нужно сдѣлать себѣ какое нибудь представленіе о способѣ дѣятельности этихъ органовъ, чтобы что нибудь было объяснено. Френологія могла бы даже быть фактически вѣрна, насколько это относится къ соотвѣтствію образованія черепа съ духовными свойствами, и всетаки мы отсюда не могли бы сдѣлать ни малѣйшаго заключенія о способѣ *мозговой дѣятельности*. Если мозгъ, а съ нимъ и черепъ, у доброжелателей возвышается на передней части головы, то изъ этого далеко не слѣдуетъ, что находящіяся въ этомъ мѣстѣ мозговыя извилины занимаются исключительно состраданіемъ, сочувствіемъ и т. д.

Что такое вообще „состраданіе?" Если я услышу, что ребенокъ жалобно кричитъ на улицѣ, то я, кромѣ звуковыхъ колебаній, замѣчаю еще рядъ ощущеній, въ особенности въ мускулахъ органовъ дыханія (вотъ почему древніе помѣщали душу въ груди). При этомъ у одного усиливается сердцебіеніе, другой испытываетъ особенное чувство въ области желудка, третій такое чувство, какъ будто и ему нужно кричать. Въ тоже время возникаетъ мысль о помощи. Слабая иннервація извѣстныхъ двигательныхъ мускуловъ даетъ себя знать тѣмъ, какъ будто я долженъ повернуться, обратиться туда, спросить, что нужно. Ассоціація мыслей представляетъ мнѣ собственныхъ дѣтей въ безпомощности; мнѣ представляется образъ родителей кричащаго ребенка, которые его утѣшили бы, да ихъ нѣтъ; я думаю о причинахъ—можетъ быть ма-

лютка заблудился, можетъ быть голоденъ и что нибудь другое. Наконецъ я, рѣшившись на что нибудь, или безъ всякаго рѣшенія, спѣшу на помощь маленькому крикуну. Я былъ *сострадателенъ*, можетъ быть напраснымъ состраданіемъ былъ смѣшонъ, но можетъ быть помогъ во время. Но во всякомъ случаѣ я былъ такъ организованъ, что вышеописанные симптомы у меня наступили легче и быстрѣе, нежели у другихъ, подобно тому, какъ отъ раздраженія, произведеннаго нюхательнымъ табакомъ, одинъ чихаетъ скорѣе, нежели другой. Моральное сужденіе называетъ первое свойство хорошимъ, послѣднее безразличнымъ, но физически тотъ и другой процессъ родственъ, подобно тому, какъ строка изъ симфоніи Бетховена и піеса церковнослужебнаго музыканта обѣ состоятъ изъ ряда тоновъ. И такъ, что-же такое состраданіе? Былъ-ли звукъ дѣтскаго крика проведенъ къ органу доброжелательства, который одинъ вѣдь разумѣлъ этотъ языкъ? Возникло-ли въ этомъ органѣ сперва ощущеніе, побужденіе, стремленіе, потомъ наконецъ воля и размышленіе? Потомъ, желаніе помощи проводилось ли уже готовое изъ этого органа въ центральный очагъ движенія, въ продолговатый мозгъ, который въ этомъ случаѣ поступаетъ въ распоряженіе органа доброжельства? При этомъ способѣ представленія затрудненіе только отодвигается. Дѣятельность *органа* представляютъ себѣ подобно дѣятельности *цѣлаго человѣка*; выходитъ *самый безсмысленный антропоморфизмъ*, приложенный къ *отдѣльнымъ частямъ человѣка*. Въ органѣ доброжелательства все должно стекаться; не только мышленіе, чувствованіе и желаніе, но и слухъ и зрѣніе. Если я откажусь отъ этого антропоморфизма, который только отодвигаетъ предметъ объясненія, то для меня не можетъ быть ничего болѣе вѣроятнаго, какъ то, что при предполагаемомъ процессѣ весь мой мозгъ занятъ, хотя въ различныхъ степеняхъ дѣятельности.

Но здѣсь френологъ нападаетъ на меня и упрекаетъ меня въ совершенномъ невѣдѣніи его науки. Вѣдь и онъ принимаетъ дѣятельность всего мозга или по крайней мѣрѣ большихъ группъ органовъ; но только доброжелательство дѣлается въ этомъ случаѣ руководителемъ. Что было предметомъ состраданія? Дитя? Слѣдовательно была дѣятельна „любовь къ дѣтямъ". Какъ помочь мальчику? Долженъ ли я показать ему путь?—Тутъ говоритъ „чувство мѣстности". Выступаетъ на сцену „надежда", „добросовѣстность". „Способность заключеній" имѣетъ тоже свою долю въ процессѣ. Но каждый изъ этихъ органовъ думаетъ, чувствуетъ, хочетъ самъ по себѣ; каждый слышитъ крикъ; каждый видитъ ребенка; каждый представляетъ себѣ въ фантазіи причины и слѣдствія, ибо каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свою фантазію. Разница только въ томъ, что доброжелательство даетъ господствующій тонъ посредствомъ мысли:

„здѣсь кто то страдаетъ, здѣсь нужно помочь!" Несомнѣнно говоритъ добросовѣстность: „помогать ближнему есть долгъ, а долгъ нужно исполнять ненарушимо". „Вѣроятно легко можно утѣшить малютку", полагаетъ надежда. Но тутъ шевелится оппозиція въ затылкѣ. „Только не срамить", восклицаетъ любовь къ одобренію, а „осторожность" обращаетъ вниманіе на то, что ея сосѣдка, любовь къ одобренію, можетъ быть права, что дѣло стоитъ обдумать. „Звуковое чувство" приводитъ нѣкоторыя эгоистическія основанія для помощи и наконецъ „стремленіе къ дѣятельности" предлагаетъ окончить дебаты и начать голосованіе. Мы имѣемъ передъ собой парламентъ маленькихъ людей, изъ которыхъ, какъ это бываетъ и въ дѣйствительныхъ парламентахъ, каждый имѣетъ лишь одну идею, которую онъ постоянно старается осуществить.

Вмѣсто *одной* души френологія даетъ намъ цѣлыхъ сорокъ, изъ которыхъ каждая такъ же загадочна сама по себѣ, какъ загадочна намъ въ цѣломъ душевная жизнь. Вмѣсто того, чтобы разлагать ее на дѣйствительные элементы, она разлагаетъ ее на *личныя существа* различнаго характера. Человѣкъ, животное, самыя сложныя машины—для насъ всего привычнѣе; мы забываемъ, что при этомъ нужно нѣчто объяснить, или думаемъ, что дѣло „ясно", если всюду опять можно себѣ представить маленькихъ людей, которые суть собственно настоящіе носители всей дѣятельности. „Г. пасторъ, вѣдь тамъ внутри лошадь", говорили мужики въ X., когда ихъ духовный пастырь пытался въ теченіи цѣлыхъ часовъ объяснить имъ сущность локомотива. Съ лошадью внутри все ясно, даже если бы была чудесная лошадь. Сама лошадь не требуетъ уже никакого объясненія.

Френологія порывается стать выше точки зрѣнія душевнаго призрака; но кончаетъ тѣмъ, что населяетъ весь черепъ призраками. Она возвращается къ наивной точкѣ зрѣнія, которая вообще успокоивается только тогда, если въ искусственной машинѣ нашего тѣла сидитъ еще машинистъ, который всѣмъ руководитъ, виртуозъ, который играетъ на этомъ инструментѣ. Человѣкъ, который всю свою жизнь удивляется паровозу и ничего въ немъ не понялъ, могъ бы можетъ быть тоже думать, что въ цилиндрѣ опять находится маленькій паровикъ, который производитъ подыманіе и опусканіе поршня.

Но стоило ли труда разбирать такъ пространно совершенно ненужную френологію, чтобы ничего не пріобрѣсти, кромѣ новаго примѣра давно извѣстнаго „непреодѣлимаго влеченія къ олицетворенію", которое создало для насъ эту толпу дѣятельныхъ духовныхъ способностей? Пусть нѣкоторые приверженцы матеріализма подошли гораздо ближе къ этому взгляду, чѣмъ бы слѣдовало, все же онъ имѣлъ мало вліянія на все развитіе новѣйшей нервной физіологіи.

Безъ сомнѣнія! Но коренное зло, почему выводы объ отношеніи мозга къ

психическимъ функціямъ до сихъ поръ не трогались съ мѣста, заключается, какъ мы думаемъ, просто въ той же причинѣ, которая привела френологію къ ея неудачѣ на этомъ пути; *въ олицетвореніи отвлеченныхъ представленій* вмѣсто *простаго уловленія дѣйствительнаго*, насколько его можно уловить. Какой путь ведетъ насъ къ мозгу? Нервы! Въ нихъ часть этихъ запутанныхъ массъ является какъ бы распутанною передъ нами. Мы можемъ экспериментировать надъ нервами, имѣя передъ собою несомнѣнно нѣчто отдѣльное. Въ нихъ мы находимъ проводники, электрическіе токи, дѣйствіе на сокращеніе мускуловъ, на отдѣленіе железъ; мы находимъ обратныя дѣйствія на центральные органы. Мы находимъ своеобразное явленіе *рефлективныхъ движеній*, которое уже не разъ, съ большими надеждами на поворотъ дѣла къ лучшему, было разсматриваемо, какъ основной элементъ всякой психической дѣятельности [25]). Какъ много при этомъ мѣшаетъ олицетвореніе, или скорѣе, какъ трудно освобождается отъ привычныхъ представленій правильная мысль вывести личное изъ безличнаго, показываетъ, какъ самый достопримѣчательный примѣръ, исторія *Пфлюгеровыхъ опытовъ* надъ психическимъ значеніемъ центровъ спиннаго мозга. Пфлюгеръ доказывалъ съ большимъ остроуміемъ и экспериментальнымъ талантомъ, что обезглавленныя лягушки и другія животныя, даже отдѣленные хвосты ящерицъ еще долгое время дѣлаютъ движенія, которымъ мы не можемъ отказать въ характерѣ цѣлесообразности. Самый интересный случай слѣдующій: обезглавленной лягушкѣ капаютъ на спину кислотою. Она стираетъ каплю той лапой, которою ей это удобнѣе сдѣлать. Тогда ей отрѣзаютъ эту голень; она пытается сдѣлать то же самое остаткомъ ноги, и такъ какъ нѣсколько попытокъ напрасны, то она наконецъ употребляетъ ногу противоположной стороны и ею исполняетъ нужное движеніе. Это не простое рефлексивное движеніе, лягушка повидимому разсуждаетъ. Она дѣлаетъ *выводъ*, что она одной ногой не можетъ болѣе достигнуть своей цѣли, а потому пытается это сдѣлать другой. Казалось доказано: существуютъ спинномозговыя души; существуютъ даже хвостовыя души. Вѣдь только душа можетъ мыслить! Если это и матеріалистическая душа, объ этомъ не спорятъ,

[25]) Срав. *Piderit*, Gehirn u. Geist. Entwurf einer physiol. Psychologie, Leipz. u. Heidelbg. 1863. Здѣсь впрочемъ мысль сведенія дѣятельности духа на дѣятельность рефлексовъ еще соединена съ неосновательнымъ различіемъ «органа представленія» и «органа воли».—*Вундтъ*, который не только задумалъ «физіологическую психологію» но и прекрасно ее выполнилъ, указываетъ на стран. 828 и слѣд. совершенно яснымъ образомъ на полную аналогію между «составными рефлексами мозга» и рефлексами спиннаго мозга.—Сравн. также *Horwicz*, Psychol. Analysen, Halle 1872, S. 202.

но вся лягушка воспроизводится въ ея спинномъ мозгу. Тамъ она мыслитъ и рѣшается такъ именно, какъ обыкновенно дѣлаютъ лягушки. Тогда научный противникъ беретъ несчастную лягушку, обезглавливаетъ ее и медленно ее варитъ. Для полной точности эксперимента слѣдуетъ, чтобы вмѣстѣ варилась лягушка, у которой еще цѣлая голова, и чтобы еще обезглавленный экземпляръ лежалъ подлѣ сосуда для точнаго сравненія. Тогда оказывается, что обезглавленная лягушка даетъ себя спокойно сварить, не борясь противъ своего несчастія подобно своему болѣе полному товарищу. Выводъ: нѣтъ никакихъ спинномозговыхъ душъ, ибо если бы такая тутъ была, то она замѣтила бы опасность увеличивающейся теплоты и подумала бы о бѣгствѣ [26]).

Оба вывода одинаково убѣдительны, но экспериментъ *Пфлюгера* важнѣе, фундаментальнѣе. Устранимъ олицетвореніе, откажемся находить всюду въ частяхъ лягушки опять мыслящихъ, чувствующихъ, дѣйствующехъ лягушекъ и постараемся вмѣсто этого объяснить процессъ изъ болѣе *простыхъ* процессовъ, т. е. изъ рефлективныхъ движеній, не изъ *цѣлаго*, не изъ необъясненной души. Тогда легко можно придти къ тому, что *въ этихъ уже столь сложныхъ слѣдствіяхъ ощущенія и движенія заключается начало для объясненія сложныхъ психическихъ дѣятельностей*. Нужно слѣдовать этому пути!

Что же насъ тутъ задерживаетъ? Недостатокъ изобрѣтательности и ловкости въ труднѣйшихъ экспериментахъ? Конечно, нѣтъ. Насъ удерживаетъ недостатокъ того воззрѣнія, что для объясненія духовной жизни требуется *сведеніе на частные процессы*, которые составляютъ *необходимую часть* этой жизни, но которые совершенно различны *отъ способа дѣйствія полнаго организма*.

Но рефлективное движеніе дѣлается безъ сознанія; слѣдовательно, и самою сложною дѣятельностью этого рода нельзя объяснить сознаніе!

Опять возраженіе грубѣйшаго предубѣжденія. *Молешоттъ* приводитъ въ доказательство того, что сознаніе заключается только въ мозгу, извѣстное наблюденіе *Жобера де-Ламбаля*, по которому дѣвушка, получившая поврежденіе въ самой верхней части спиннаго мозга, оставалась впродолженіи получаса въ полномъ сознаніи, хотя все тѣло, за исключеніемъ головы было совершенно

[26]) Срав. *Pflüger*, die sensorischen Funktionen des Rückenmarks der Wirbelthiere. Berlin 1853; и о противоэкспериментѣ: *Goltz*, die Functionen der Nervencentren des Frosches, въ Königsberger med. Jahrb. II. (1860). Подробное описаніе въ особенности послѣдняго эксперимента смотр. у *Wundt*, Vorles. über die Menschen- u. Thierseele (Leipzig, 1863) II, S. 427 u. ff. Сравн. далѣе *Wundt*, physiol. Psychologie, S. 824—827.

парализовано. Такимъ образомъ, весь спинной мозгъ можетъ быть приведенъ въ бездѣятельность, и сознаніе отъ этого не страдаетъ. Положимъ, такъ; но если изъ этого случая выводится, что обезглавленныя животныя не имѣютъ ощущенія и сознанія, то Молешотъ не замѣчаетъ, что отдѣленная отъ спиннаго мозга голова могла обнаруживать намъ свое сознаніе человѣчески понятнымъ способомъ; туловище же не могло этого сдѣлать. Сколько и какое сознаніе и ощущеніе можетъ быть или не быть въ отдѣленномъ отъ головы спинномъ мозгу, мы совершенно не можемъ знать. Только то можно сказать съ увѣренностью, что это сознаніе не въ состояніи будетъ сдѣлать что бы то ни было, что не основано на *механическихъ условіяхъ* центростремительнаго и центробѣжнаго проведенія нервовъ и на устройствѣ центра.

Вотъ почему нельзя заключать: центры спиннаго мозга *чувствуютъ* и *потому* они могутъ совершать болѣе, чѣмъ простой механизмъ. Напротивъ, что дѣло происходитъ часто механически, должно не только быть признаваемо заранѣе, но оно доказывается еще съ избыткомъ противуположнымъ экспериментомъ медленнаго нагрѣванія. Для одного класса раздраженій существуетъ въ спинномъ мозгу лягушки механизмъ, служащій для цѣлесообразныхъ рефлексовъ, для другого напротивъ не существуетъ. Недостаетъ ли въ послѣднемъ случаѣ и *ощущенія*, или только способности реагировать на ощущеніе разнообразными движеніями—этого мы не знаемъ. Но не невѣроятно, хотя мы здѣсь ни на что не можемъ опираться кромѣ аналогіи, что повсюду, гдѣ возникаетъ ощущеніе, существуетъ и аппаратъ, чтобы реагировать на ощущеніе; наоборотъ, слѣдуетъ предположить, что весь рефлекторный аппаратъ заключаетъ въ себѣ *возможность*, хотя бы самаго слабаго ощущенія, тогда какъ конечно остается весьма сомнительнымъ, входитъ ли ясно когда нибудь въ сознаніе у цѣльнаго и здороваго животнаго часть этого ощущенія подчиненныхъ центровъ [27]).

[27]) Мы поэтому отнюдь не склонны смотрѣть на самый *рефлексъ*, какъ на то, что объективно соотвѣтствуетъ субъективному *ощущенію*. Оно скорѣе должно составлять *препятствіе*, которое рефлексъ долженъ побороть въ центральномъ органѣ, такъ что нужно принять тѣмъ меньше ощущенія чѣмъ безпрепятственнѣе происходитъ рефлексъ. При задерживаніи рефлекса высшимъ центромъ нужно предполагать, что мѣсто возникающаго ощущенія переносится теперь также въ высшій центръ, и при полномъ животномъ съ развитымъ мозгомъ, можетъ быть, ясное и отдѣльное ощущеніе имѣетъ мѣсто вообще только въ мозгу, процессы же ощущенія низшихъ центровъ содѣйствуютъ только настроенію общаго чувства. Съ этимъ связанъ весьма трудный вопросъ *сознанія*, ибо очевидно нельзя указать какую нибудь опредѣленную степень физическаго состоянія возбужденія въ какой либо части центральныхъ органовъ, которая бы сама *по себѣ* и *необходимо* была связана съ сознаніемъ. Скорѣе вступленіе какого нибудь состоянія возбужденія въ сознаніе всегда повидимому зависитъ отъ нѣкотораго *отношенія* между силой всѣхъ одновременно существующихъ возбужденій областей ощущенія. Слѣдовательно совершенно тотъ же физическій процессъ съ тѣмъ же рефлекторнымъ результатомъ, можетъ происходить одинъ разъ сознательно, другой разъ безсознательно. Это нужно имѣть въ виду и для ученія о скрытыхъ» или «безсознательныхъ» представленіяхъ, относительно которыхъ и до новѣйшаго времени господствуетъ такая неясность. Тутъ дѣло идетъ конечно не о «безсознательномъ сознаніи», а просто о *безсознательной игрѣ того механизма, который при другомъ положеніи совокупнаго состоянія* связанъ съ субъективнымъ эффектомъ *опредѣленнаго представленія*. Что въ *этомъ смыслѣ* существуютъ скрытыя представленія, это азбука всякой эмпирической психологіи и при болѣе точномъ разсматриваніи ясно, что не только цѣлесообразныя, но безсознательныя *дѣйствія*, но и *процессы ассоціаціи* разнообразнѣйшаго рода происходятъ изъ этой игры того же механизма, который, при другомъ общемъ состояніи мозга, связанъ съ *представленіемъ*.

Мы видимъ, что находимся здѣсь на хорошемъ пути, чтобы *сдѣлать наконецъ матеріализмъ послѣдовательнымъ*, и дѣйствительно это будетъ необходимымъ условіемъ для успѣшнаго изслѣдованія объ отношеніи мозга

Въ силу этого несомнѣннаго вліянія совокупнаго состоянія въ органически связанномъ цѣломъ, мы и въ томъ согласны съ *Вундтомъ*, что для вопроса сознанія вовсе не все равно, находится ли центръ спинного мозга еще въ соединеніи съ мозгомъ или отъ него отдѣленъ. (Срав. Physiol. Psychol. S. 714 u. f.). И съ тѣмъ мы готовы согласиться, что въ спинномъ мозгу животнаго, которое по своей организаціи совсѣмъ не имѣетъ большого мозга, можно предположить болѣе ясное сознаніе, чѣмъ въ отдѣленномъ спинномъ мозгу животнаго съ высшей организаціей. Далѣе, несомнѣнно то, что предположеніе сознанія въ отдѣльныхъ центрахъ второго и третьяго разряда *вовсе не помогаетъ объясненію движеній*. (Wundt a. a. O. S. 829). Напротивъ мы не можемъ согласиться съ Вундтомъ, когда *недостатокъ всякаго воспоминанія* и всякаго происходящаго отсюда самобытнаго движенія (S. 825 u. f.) у обезглавленной лягушки приводятся какъ аргументъ противъ дѣйствительнаго существованія сознанія. Конечно, повидимому ко всякому сознанію, какъ это предполагаетъ и Вундтъ, принадлежитъ *синтезисъ*, но онъ не долженъ необходимо простираться на болѣе долгое пространство времени и соединять въ одно единство различныя ощущенія. Уже въ простомъ соединеніи *вновь возникшаго* состоянія съ *прежнимъ* заключается синтезисъ, который дѣлаетъ сознаніе логически понятнымъ. Ощущеніе должно относиться къ какой нибудь *перемѣнѣ;* этого достаточно.—Впрочемъ, здѣсь нужно еще разъ повторить, что никакъ не можетъ идти дѣло о томъ, чтобы изъ лишь гипотетическаго частнаго сознанія объяснить движенія; нужно наоборотъ: изъ своеобразнаго соединенія болѣе простаго и болѣе понятнаго механизма съ частнымъ сознаніемъ объяснить ,какъ несравненно болѣе сложнымъ образомъ можетъ вы-

и души; что однако не значитъ, чтобы матеріализмъ оправдывался этимъ въ метафизическомъ смыслѣ. Если мозгъ можетъ произвести всю душевную жизнь человѣка, то можно будетъ допустить и то, что спинно-мозговой центръ имѣетъ простое ощущеніе. Что касается обезглавленныхъ животныхъ, то пусть вспомнятъ, какъ обыкновенно доказывали въ противуположность *Декарту*, что животныя не суть простыя машины! Мы вѣдь не можемъ видѣть и ихъ ощущеній, какъ ощущеній: мы только заключаемъ объ нихъ изъ знаковъ боли, радости, испуга, гнѣва и т. п., которые подобны соотвѣтствующимъ жестамъ человѣка. Но у обезглавленныхъ животныхъ мы находимъ отчасти тѣже знаки. Мы должны бы заключить, что они также соединены съ ощущеніемъ. Животныя, у которыхъ вынутъ большой мозгъ, кричатъ или вздрагиваютъ, когда ихъ щиплютъ. *Флурансъ* нашелъ, что лишенные мозга пѣтухи погружены въ сонное состояніе, и заключилъ изъ этого, что они не ощущаютъ. Но тѣже животныя могли стоять и ходить. Они просыпаются, если ихъ толкаютъ, они встаютъ, если ихъ кладутъ на спину. Вотъ почему *Іоганнесъ Мюллеръ* справедливо дѣлаетъ другіе выводы: „Флурансъ изъ своихъ опытовъ надъ вырѣзаніемъ большихъ полушарій заключилъ, что только эти части суть центральные органы ощущенія, и что животное послѣ ихъ удаленія ничего не ощущаетъ. Однако это не слѣдуетъ изъ его вообще интересныхъ опытовъ, но слѣдуетъ *совершенно противное*, какъ уже *Кювье* замѣтилъ въ своемъ отчетѣ объ этихъ опытахъ. Правда, животное послѣ потери полушарій большаго мозга дѣлается безсмысленнымъ, но однако обнаруживаетъ совершенно ясные знаки ощущенія, а не одного рефлекса“ [28]).

Мюллеръ ошибается и самъ, считая повидимому ощущеніе животнаго лишеннаго своего мозга почти за такое же ощущеніе, какъ у здороваго животнаго. Причина заключается въ томъ, что Мюллеръ находится совершенно подъ властію теоріи локализаціи. Для него продолговатый мозгъ есть центръ вліянія воли, большой мозгъ есть сѣдалище представленій, а слѣдовательно и мышленія. Такъ онъ говоритъ, упоминая о нечувствительности полушарій большаго мозга: „мѣсто мозга, гдѣ ощущенія преобразуются въ представленія и *представленія сохраняются*, чтобы *явиться какъ бы тѣнью ощущенія*, само нечувствительно“. Но объ этихъ важныхъ процессахъ мы собственно

текать извѣстное цѣлое строго физіологической механики и въ тоже время быть субстратомъ разнообразной совокупности представленій. Машина должна быть объясняема изъ ея отдѣльныхъ колесъ; не слѣдуетъ отдѣльному колесу сверхъ его другихъ свойствъ приписывать еще мистическую потенцію, которую онъ имѣетъ какъ часть машины.

[28]) *Мюллеръ*, Handbuch der Physiol. I, 3 Aufl., S. 845.

ничего не знаемъ. Даже остается вопросомъ, суть ли наши такъ называемыя представленія что нибудь другое, а не одни комплексы весьма тонкихъ ощущеній. Мюллеръ влагаетъ въ продолговатый мозгъ волю и ощущеніе, приписываетъ органамъ при основаніи мозга спеціально ощущенія внѣшнихъ чувствъ и помѣщаетъ въ большомъ мозгу мышленіе. Слѣдовательно, тутъ опять абстракціямъ отводятся различныя области. Олицетвореніе абстракта здѣсь не такъ бросается въ глаза, какъ въ френологіи, но оно всетаки существуетъ. Если бы размышленіе изслѣдователя было совершенно направлено на *процессъ* мышленія, чувствованія, желанія, то ближе всего была бы мысль смотрѣть на *переходъ* возбужденія отъ одной части мозга на другую, *на послѣдовательное разряженіе энергій*, какъ на объективное въ психическомъ актѣ, и искать не *сѣдалищъ* для различныхъ силъ, а *путей* этихъ теченій, ихъ связей и соединеній.

Мюллеръ приводитъ въ пользу своего взгляда на большой мозгъ, между прочимъ, сравнительную анатомію, слѣдовательно область, которая еще и нынѣ есть самый важный, почти единственный базисъ этихъ представленій, съ тѣхъ поръ, какъ патологическая анатомія выказала такое противудѣйствіе. И дѣйствительно, нужно согласиться, что постепенное развитіе полушарій большаго мозга въ мірѣ животныхъ заставляетъ съ крайней вѣроятностью заключить, что въ этомъ значительнѣйшемъ органѣ нужно искать самаго *существеннаго основанія* духовнаго отличія человѣка. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тутъ было непремѣнно и сѣдалище высшихъ душевныхъ дѣятельностей. Логически ясно, что тутъ значительный скачокъ. Но мы хотимъ попытаться представить дѣло и наглядно. Мельница съ очень большимъ прудомъ можетъ, при ровномъ и въ цѣломъ весьма скудномъ притокѣ воды, правильнѣе проработать все лѣто, чѣмъ мельница съ весьма малымъ прудомъ или вовсе безъ пруда. Она можетъ даже въ случаѣ нужды сразу пустить въ ходъ много силы, не истощаясь вдругъ; она вообще поставлена благопріятно, работаетъ удобнѣе. Прудъ есть основаніе этой болѣе удобной работы, но работа происходитъ не въ прудѣ, а производится истеченіемъ воды пруда и дѣйствіемъ этого истеченія на нѣкоторое искусственное устройство. Такъ какъ мы здѣсь хотимъ только показать логическій пробѣлъ, а сами не хотимъ составлять гипотезы, то мы прибавимъ еще другое сравненіе. Простой книгопечатный прессъ Гуттенберга производилъ мало въ сравненіи съ нашими весьма сложными скоропечатными машинами. Преимущество послѣднихъ заключается не въ формѣ, а въ искуственномъ сочетаніи ихъ колесъ; развѣ можно предположить, поэтому, что печатаніе происходитъ въ этихъ колесахъ? Можно даже указать, какъ на примѣръ, на наши чувства. Болѣе совершенно устроенный глазъ

обусловливаетъ лучшее зрѣніе, но само зрѣніе происходитъ не въ глазѣ, а въ мозгу.—Такимъ образомъ слѣдовательно, вопросъ о сѣдалищѣ высшихъ духовныхъ отправленій остается по крайней мѣрѣ открытымъ, если только онъ не поставленъ вообще фальшиво. Но, что полушарія большаго мозга для этихъ функцій имѣютъ рѣшительное значеніе, можетъ быть допущено безъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Мюллеръ однако полагалъ, что *Флурансъ* своимъ ножомъ далъ прямое доказательство сѣдалища высшихъ духовныхъ отправленій въ большомъ мозгѣ. Извѣстно выраженіе Бюхнера, что Флурансъ вырѣзывалъ у своихъ курицъ „душу" кусками. Но если даже допустить, что трудно опредѣляемыя высшія духовныя отправленія курицы дѣйствительно исчезаютъ при этихъ живосѣченіяхъ, то даже и тогда не получается предполагаемое, такъ какъ слѣдуетъ только, что большой мозгъ есть необходимый факторъ для совершенія этихъ дѣятельностей, но никакъ не слѣдуетъ, что онъ ихъ сѣдалище. Далѣе нужно замѣтить, что въ органическомъ тѣлѣ отнятіе такого органа, какъ большой мозгъ, не можетъ быть выполнено безъ того, чтобы животное не заболѣло, и въ особенности, чтобы ближе всего лежащія части не были значительно поражены въ своихъ отправленіяхъ. Это доказываетъ, напримѣръ, опытъ *Гертвига* (сообщенный въ Физіологіи Мюллера), гдѣ голубь, у котораго была вынута верхняя часть полушарій, въ продолженіи пятнадцати дней ничего не могъ слышать, но *наконецъ вновь получилъ слухъ*, и такъ прожилъ еще $2^1/_2$ мѣсяца. Въ опытахъ Флуранса каждый разъ кромѣ слуха терялось и зрѣніе, обстоятельство, способствовавшее тому, что этотъ изслѣдователь считалъ животныхъ уже лишенными всякаго сознанія. *Лонже* напротивъ весьма замѣчательнымъ опытомъ доказалъ, что при старательномъ сохраненіи зрительныхъ бугорковъ и другихъ частей мозга, за исключеніемъ полушарій, зрѣніе голубей отчасти сохраняется. Пусть ослѣпятъ любаго остроумнаго писателя, разрушатъ ему слухъ, парализуютъ языкъ и сверхъ того произведутъ у него легкую лихорадку или постоянное опьяненіе. Пусть онъ сохранитъ большой мозгъ,—мы увѣрены однако, что онъ выкажетъ немного слѣдовъ своихъ высшихъ духовныхъ отправленій. Какъ же этого ожидать отъ изуродованной курицы?

Новѣйшія изслѣдованія мозга, о которыхъ будетъ рѣчь далѣе, совершенно другимъ образомъ сохраняютъ за большимъ мозгомъ его преобладающее значеніе. Онъ является здѣсь не „душой" или органомъ, который непонятнымъ образомъ производитъ „интеллигенцію" и „волю", но тѣмъ органомъ, который производитъ самыя сложныя соединенія ощущенія и движенія. Не „воля" какъ таковая производится въ немъ, но дѣйствіе, совершенно аналогичное съ рефлексами, составленное только сложнѣе и обусловленное болѣе разнообразными дѣйствіями другихъ частей мозга. Мозгъ не производитъ никакого абстракта психологіи, который лишь потомъ долженъ превратиться въ конкретное дѣйствіе, но существуетъ извѣстное конкретное дѣйствіе, которое какъ въ рефлексѣ, есть непосредственное слѣдствіе состоянія мозга и движущихся различными путями состояній возбужденія. Вотъ почему и у курицы не вырѣзывается душа кусками, а ножъ разрушаетъ комбинаціонный аппаратъ, состоящій лишь изъ отдѣльныхъ частей различнѣйшаго и опредѣленнѣйшаго значенія. Индивидуальный характеръ животнаго, его *животная своеобразность* сохраняется, пока не погаснетъ послѣдній лучъ жизни. Но связано ли *сознаніе* исключительно съ функціями этого аппарата, все еще остается вопросомъ. (Сравн. прим. 27).

Какъ на примѣръ односторонней и произвольной мозговой философіи, мы можемъ еще указать на взгляды *Каруса* и *Гушке*, которые въ легкихъ видоизмѣненіяхъ очень распространились, хотя они основываются совершенно на принципѣ олицетворенія традиціонныхъ абстракцій. Правда, мы такимъ образомъ возвращаемся въ область *натурфилософіи*, но не слишкомъ однакоже удаляемся отъ настоящей точки зрѣнія науки, ибо въ обсужденіи мозга и въ новѣйшее время еще не ушли далеко отъ натурфилософіи.

Гушке уже въ диссертаціи 1821 года училъ, что тремъ позвонкамъ черепа соотвѣтствуютъ и три главныя части мозга, и что поэтому можно принимать и три основныя силы духа. Странная причинная связь, но совершенно въ духѣ того времени. Продолговатому мозгу и мозжечку приписывается *желаніе*, среднему мозгу *чувство*, лобному мозгу *мышленіе*; конечно „полярность" играетъ при этомъ извѣстную роль. Мозжечокъ полярно противуположенъ большому мозгу; первый служитъ для движенія, второй для ощущенія и для мышленія; первый имѣетъ активную, второй рецептивную дѣятельность. Въ этомъ отношеніи части основанія мозга совершенно примыкаютъ къ большому мозгу; потомъ внутри этой массы возникаетъ опять полярная противуположность. Какъ случай, поясняющій возникновеніе научныхъ представленій, весьма интересно, что Гушке знаменитые *опыты Флуранса*, которые появились нѣсколько лѣтъ спустя, считалъ за экспериментальное *доказательство* своего ученія [29]).

Карусъ, установивъ позднѣе совершенно подобное же тройственное дѣленіе, не думалъ находить первоначальное сѣдалище *чувства* исключительно въ четырехолміи, тогда какъ Гушке включаетъ сюда зрительные бугорки, заднія лопасти большаго мозга и другія части. Гушке кажется, что четырехолміе

---

[29]) Срав. *Huschke*, Schädel, Hirn und Seele, Jena 1854, S. 177 u. ff.

слишкомъ незначительно для такой важной функціи, какъ жизнь чувства, въ особенности потому, что оно явно постепенно теряетъ значеніе въ исторіи развитія человѣка, также какъ и въ восходящемъ ряду животныхъ. Для Каруса это обстоятельство не можетъ быть помѣхой, такъ какъ онъ исходитъ отъ первоначальнаго *зачатка* и называетъ нелѣпостью такъ локализировать въ развитомъ человѣкѣ чувство, интеллигенцію и волю, „что они какъ будто заперты въ трехъ различныхъ отдѣленіяхъ мозга". Но совершенно другое дѣло, если мы говоримъ о *первомъ зачаткѣ* этихъ образованій, когда проводящія волокна еще совсѣмъ не развиты или развиты лишь несовершенно, когда слѣдовательно о болѣе тонкихъ оттѣнкахъ душевной жизни вообще не можетъ быть и рѣчи. Въ этомъ зачаткѣ позднѣе развивающейся духовной дѣятельности должны быть, по его мнѣнію, локализированы три ея основныя направленія. Но такъ какъ Карусъ все это локализированіе въ сущности понимаетъ только, какъ *символъ* своеобразнаго духовнаго развитія, то его точка зрѣнія не подлежитъ оспариванію, ибо теряется въ метафизической неясности.

Если мы изслѣдуемъ доказательства обоихъ, столь родственныхъ по своему воззрѣнію, физіологовъ, то мы тотчасъ встрѣтимъ то обширное употребленіе сравнительной анатоміи, въ которомъ съ самаго начала точка зрѣнія натурфилософіи сливалась такъ замѣчательно съ точкою зрѣнія положительной науки. Такъ какъ сравнительная анатомія основана на самомъ строгомъ пониманіи частностей, ибо она для пріобрѣтенія своихъ точекъ опоры, въ особенности въ анатоміи нервной системы, требуетъ самыхъ точныхъ операцій, то изслѣдователи переносятъ къ сожалѣнію слишкомъ легко чувство своей точности на тѣ заключенія, которыя они считаютъ необходимо вытекающими изъ сравненія соотвѣтствующихъ формъ. Но при всѣхъ выводахъ объ отношеніи мозговыхъ образованій къ духовнымъ дѣятельностямъ пріемъ самъ по себѣ уже не можетъ быть простымъ. Мы тутъ сравниваемъ видимые человѣческіе организмы съ животными организмами. Хорошо, это сравненіе допускаетъ точный методъ. Можно взвѣсить четырехолміе какой нибудь рыбы; можно вычислить въ какомъ отношеніи у птицъ находится мозжечокъ къ совокупной мозговой массѣ. Это отношеніе можно сравнить съ тѣмъ, которое находится у человѣка. До сихъ поръ путь гладокъ. Теперь намъ такимъ же способомъ нужно бы знать *духовныя отправленія* животныхъ, сравнивать ихъ между собой, а также и съ отправленіями человѣка; и тутъ то наступаетъ самая трудная задача. Именно, мы должны бросающіяся въ глаза сходства и различія одной области какъ-бы *примѣривать* къ сходствамъ и различіямъ другой, сравнивать степень и постоянство наблюдаемаго, найти постепенно сѣть такихъ соотвѣтствій и черезъ это вполнѣ убѣдиться въ частностяхъ. При этой операціи мы должны

избѣгать самообольщеній, въ которыя такъ легко и часто насъ вводитъ наша плодовитая фантазія.

Но вмѣсто того, чтобы перебирать всѣ затрудненія, мы лучше строго очертимъ *невозможность* пріема. Она состоитъ въ недостаткѣ *сравнительной психологіи*. Въ психологіи мы вообще не можемъ предпринимать никакихъ сѣченій, ничего не можемъ взвѣшивать, измѣрять, не можемъ дѣлать никакихъ препаратовъ. Названія: мышленіе, чувствованіе, хотѣніе суть лишь названія. Кто можетъ точно указать, что имъ соотвѣтствуетъ? Не дѣлать ли намъ опредѣленія? Шаткая стихія! Всѣ они никуда не годятся; по крайней мѣрѣ, не годятся для точныхъ сравненій. И съ чѣмъ мы свяжемъ наши наблюденія? Какой мѣрой мы мѣримъ? Въ этомъ блужданіи въ потемкахъ можетъ надѣяться на твердое познаніе только дѣтски наивное предубѣжденіе или пророческій порывъ метафизика. У разума только одинъ путь. Онъ можетъ сравнивать только положительныя, доказанныя, видѣнныя дѣйствія міра животныхъ съ органами. Онъ долженъ сводить вопросъ на вопросъ о *способахъ* и *причинахъ движенія*. Таковъ путь будущаго; ибо люди, подобные *Шейтлину*, *Брему* и другимъ друзьямъ міра животныхъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ врядъ-ли могутъ быть считаемы уже за первыхъ пролагателей пути къ тому, чѣмъ мы должны обладать, чтобы сколько нибудь вѣрно дѣлать такія сравненія.

Что же сказать, если болѣе значительный мозжечокъ птицъ и млекопитающихъ приписывается ихъ *моторному* характеру въ противуположность къ болѣе рецептивному существу человѣка? Ясно, что на этомъ пути вообще ничего нельзя знать. Одинъ анатомъ замѣчаетъ, что у *овцы* передняя пара четырехолмія велика, а задняя мала; у собаки на оборотъ. Это наводитъ его на мысль, что передняя—чувствительная, а задняя — двигательная. Можетъ ли такая идея содержать что нибудь, кромѣ развѣ указанія для дальнѣйшихъ изслѣдованій? Но эти изслѣдованія не должны состоять въ накопленіи подобныхъ наблюденій съ такимъ-же произвольнымъ толкованіемъ, а должны придти къ ограниченной области, въ которой можетъ дѣйствовать экспериментъ. *Прежде всего нужно устранить общія психологическія школьныя понятія!* Если мнѣ кто нибудь показываетъ, что легкое поврежденіе какой нибудь части мозга производитъ то, что здоровая вообще кошка перестаетъ ловить мышей, то я готовъ вѣрить, что мы находимся на вѣрномъ пути психическихъ открытій. Но я и тогда не предположу, что тутъ найденъ пунктъ, въ которомъ представленіе охоты за мышами имѣетъ свое исключительное сѣдалище. Если часы невѣрно бьютъ, потому что повреждено колесо, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что это колесо бьетъ часы.

Но прежде всего нужно ясно убѣдиться, что во всѣхъ параграфахъ старой школьной психологіи нигдѣ нѣтъ рѣчи о вещахъ, которыя вообще слѣдуетъ предполагать въ числѣ элементовъ мозговыхъ функцій. Здѣсь приблизительно тоже, какъ если бы мы различныя дѣятельности локомотива, насколько ихъ можно наблюдать внѣшнимъ образомъ, считали локализированными въ отдѣльныхъ кипятильныхъ трубахъ или въ опредѣленныхъ частяхъ машины: тутъ способность извергать дымъ, тамъ способность выпускать пары; тутъ вращательная сила, тамъ способность быстро или медленно двигаться, а въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ способность передвигать тяжести. Во всей нашей традиціонной психологіи дѣйствія человѣка, безъ всякаго вниманія къ ихъ образующимъ элементамъ, классифицированны по извѣстнымъ отношеніямъ къ жизни и ея цѣлямъ, и притомъ такъ, что уже простой психологическій анализъ часто ясно показываетъ, какъ мало образуетъ истинное единство то, что обозначается однимъ *словомъ*. Что такое напр. „мужество" моряка въ бурѣ, и съ другой стороны, при мнимыхъ явленіяхъ привидѣній? Что такое „память", что такое „способность умозаключеній", если мы обратимъ вниманіе на различныя формы и области ихъ дѣйствій? Почти всѣ эти понятія психологіи даютъ намъ слово, посредствомъ котораго весьма несовершеннымъ способомъ классифицируется часть процессовъ въ человѣческой жизни; съ этимъ соединяется метафизическій обманъ общаго субстанціальнаго основанія этихъ процессовъ, и этотъ обманъ долженъ быть разрушенъ. Какъ глубоко можетъ корениться предубѣжденіе о локализаціи духовныхъ способностей, показываетъ почти трогательный примѣръ изъ жизни и дѣятельности одного изъ первыхъ изслѣдователей всей этой области. Флурансъ, который, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, своими знаменитыми вивисекціями пріобрѣлъ европейскую извѣстность, возвратился черезъ сорокъ лѣтъ къ изслѣдованіямъ надъ мозговыми отправленіями и примѣнилъ при этомъ методъ, новизна и остроуміе котораго заслуживаютъ удивленія. Онъ клалъ животнымъ маленькіе металлическіе шарики на поверхность мозга и давалъ имъ медленно опускаться. Шарики проникали по истеченіи долгаго времени до основанія мозга, *и при этомъ не происходило никакого нарушенія отправленій*. Лишь въ томъ случаѣ, когда шарикъ находился прямо надъ жизненнымъ узломъ, слѣдовала смерть, когда онъ опускался. Флурансъ сообщаетъ эти опыты въ статьѣ объ исцѣлимости мозговыхъ ранъ (Compte rendu 62), которая, кромѣ того, констатируетъ, что есть множество случаевъ такихъ пораненій, въ которыхъ недѣлимое не испытывало никакого вреда, и что мозговыя раны исцѣляются даже съ удивительной быстротой. *И въ той же статьѣ Флурансъ признаетъ распредѣленіе духовныхъ способностей по мозговымъ органамъ за цѣль науки!*

Лишь въ новѣйшее время попали наконецъ на лучшіе пути, и какъ бы ни были еще незначительны положительные результаты, всетаки видна твердая почва и вѣрный исходный пунктъ для изслѣдованія.

Прежде всего здѣсь нужно упомянуть объ *анатомическихъ* изслѣдованіяхъ и теоріяхъ *Мейнерта* о строеніи мозга[30]). Мейнертъ первый, основательнымъ образомъ, предпринялъ попытку, откинувъ всѣ психологическіе взгляды, построить общее воззрѣніе на строеніе мозга и на порядокъ его частей и этимъ ближе опредѣлить общее теченіе всѣхъ мозговыхъ функцій, прежде всего по отношенію къ возможнымъ путямъ физіологическихъ процессовъ. Какъ твердая исходная точка въ послѣднемъ отношеніи служитъ ему извѣстная, отчасти чувствительная, отчасти двигательная, природа входящихъ въ мозгъ нервныхъ пучковъ спиннаго мозга. Онъ слѣдитъ за этими пучками на ихъ путяхъ до корковаго слоя большаго мозга, различныя области котораго получаютъ черезъ это первую твердую характеристику, а потомъ отъ корковаго слоя черезъ опредѣленныя, анатомически данныя ступени къ спинному мозгу и къ периферическимъ нервамъ.

Общая картина, которая при этомъ получается, есть вкратцѣ слѣдующая. Нервные пути *размножаются* при возвышеніи къ корковому слою большаго мозга и *упрощаются*, спускаясь внизъ. Мѣста этого размноженія суть органы *сѣрой субстанціи*, слѣдовательно, скопленія гангліевыхъ ячеекъ пронизанныя бѣлою субстанціею проводниковыхъ нитей. Въ этихъ же органахъ находится крайне разнообразное *соединеніе* проводниковыхъ путей. Сѣрая субстанція, которою безъ сомнѣнія посредствуются эти соединенія и сплетенія, раздѣляется съ точки зрѣнія этого расчлененія какъ бы на три инстанціи: верхняя образуетъ корковый слой большаго мозга, сѣрое перваго порядка; потомъ слѣдуютъ большія ядра при основаніи мозга, какъ сѣрое втораго порядка и наконецъ „центральное полостное сѣрое", какъ третья ступень. Рядомъ съ этимъ стоитъ конечно и сѣрая субстанція мозжечка, который составляетъ органъ особенно богатаго и разнообразнаго сплетенія чувствительныхъ и двигательныхъ путей. Мейнертъ, ради простоты, дѣлаетъ изъ него четвертый классъ сѣрой субстанціи, который, однако, не входитъ въ указанный рядъ инстанцій, но имѣетъ отдѣльное положеніе, всего болѣе соотвѣтствующее органамъ втораго порядка.

Проводниковыя волокна (бѣлую субстанцію) Мейнертъ раздѣляетъ *на ассоціаціонную и проекціонную системы*. Волокна первой служатъ для

---

[30]) Сравн. въ особенности: *Meynert*, vom Gehirne der Säugethiere въ *Strickers* Handbuch der Lehre von den Geweben, Leipzig 1871, S. 694 u. ff.

соединенія различныхъ частей корковаго слоя мозга, втораго же для сношенія между корковымъ слоемъ большаго мозга и внѣшнимъ міромъ, который какъ бы проектируется посредствомъ нервовъ въ полушаріи корковаго слоя. На эту мысль о проекціи внѣшняго міра въ корковомъ слоѣ мозга можно конечно смотрѣть, какъ на мѣшающій психологическій придатокъ, но она поставлена въ такой общности, что ее даже можно отдѣлить отъ кажущагося необходимымъ вывода, что сознаніе есть функція корковаго слоя большаго мозга. Въ сущности можно сказать, что внѣшній міръ проектируется въ каждомъ нервномъ центрѣ; въ грубѣйшей, простѣйшей формѣ уже въ сѣромъ веществѣ спиннаго мозга и мозговыхъ полостей, болѣе совершеннымъ образомъ въ большихъ ядрахъ и наконецъ въ самой совершенной, собственно въ настоящей человѣческой формѣ, въ корковомъ слоѣ большаго мозга. Приэтомъ нужно не упускать изъ вида извѣстнаго ряда инстанцій. Сѣрое вещество третьяго порядка посредствуетъ *рефлексы*. Рефлексы могутъ быть *задерживаемы* извѣстными мѣстами второй инстанціи; полученное впечатлѣніе не дѣйствуетъ тотчасъ наружу, но вплетается въ сложное психическое образованіе или вносится какъ бы въ общій складъ для произведенія нѣкотораго состоянія напряженія. Но органы второй инстанціи тоже, по крайней мѣрѣ частью, рефлекторнаго свойства. Здѣсь образуются болѣе сложные рефлексы, направленные на какую нибудь жизненную цѣль. Дошедшее сюда раздраженіе, смотря по своему свойству и по состоянію центра, или не разрѣшается ни въ какое движеніе, или разрѣшается въ цѣлый рядъ одновременныхъ или же слѣдующихъ другъ за другомъ движеній.

Но эти рефлексы второй инстанціи могутъ быть опять задержаны и модифицированы посредствомъ вмѣшательства третьей и высшей инстанціи, коры большаго мозга. Здѣсь, какъ говорятъ, вмѣшивается *сознательная воля*; и однако аппаратъ, послѣдовательность функцій, здѣсь того же рода, какъ и во второй инстанціи, но только несравненно болѣе разнообразны и развиты. Сознательная воля сама повидимому является физіологически только какъ *высшая инстанція рефлексовъ*, что, мимоходомъ замѣтимъ, не дѣлаетъ ущерба ни ея сознательности, ни этическому достоинству, какъ воли. Наши психическія функціи остаются тѣмъ, что они есть, хотя мы въ ихъ физіологическомъ проявленіи не имѣемъ передъ собой ничего, кромѣ высшей степени совершеннаго и по своей сложности далеко превосходящаго наши математическія способности пониманія *механизма*.

Мы нѣсколько уклонились отъ изложенія теоріи Мейнерта. Онъ строго придерживается изслѣдованія морфологическаго расчлененія мозга; но въ томъ именно и заключается самое большое преимущество совершенно строгой, ясной морфологіи, что она намъ непосредственно открываетъ и взглядъ на функціи.

Это будетъ еще очевиднѣе, когда мы прослѣдимъ нѣсколько спеціальнѣе пути нервныхъ процессовъ.

Система проекцій имѣетъ двойной путь. Одинъ ведетъ отъ коры большаго мозга черезъ подошву мозговой ножки къ спинному мозгу, другой черезъ *покрышка* (tegmentum) мозговой ножки. Въ первомъ пути вторая инстанція представлена преимущественно хвостатымъ тѣломъ и чечевичнымъ тѣломъ, на послѣднемъ пути зрительными буграми, четырехолміемъ и внутреннимъ колѣннымъ бугромъ; первый путь есть чисто моторный, послѣдній смѣшанный. Путь мозговой ножки вмѣстѣ съ заключенными въ немъ тѣлами возрастаетъ, когда подымаемся въ ряду животныхъ, равномѣрно съ развитіемъ полушарій большаго мозга. У человѣка мозговая ножка и чечевичное тѣло развиты всего сильнѣе; высота мозговой ножки равняется высотѣ покрышка, тогда какъ она, напр., у лося относится къ ней какъ 1 : 5. Изъ этого мы должны заключить, что самые необходимые для животной жизни формы движенія и впечатлѣнія ощущеній проводятся и собираются по пути покрышки. Вкрапленныя здѣсь большія „тѣла“ суть также преимущественно мѣста образованія сложныхъ рефлексовъ, которые, какъ кажется, корковымъ слоемъ мозга только задерживаются, усиливаются и вообще регулируются. По пути мозговой ножки напротивъ повидимому проводятся преимущественно такія движенія, комбинація которыхъ происходитъ въ самомъ корковомъ слоѣ мозга.

Могло бы показаться страннымъ, что высшее развитіе, именно *моторный* путь, идетъ параллельно съ увеличеніемъ полушарій и въ человѣкѣ достигаетъ своего максимума. Развѣ не превосходятъ человѣка многія животныя въ силѣ и скорости движеній? Развѣ играющій на вѣтвяхъ деревьевъ гиббонъ не посмѣвается надъ всѣми гимнастическими ловкостями, до которыхъ можетъ дойти человѣкъ? Развѣ мы, напротивъ, не превосходимъ животныхъ именно силою и разнообразіемъ нашихъ *ощущеній*? Развѣ наши научныя воспріятія не требуютъ такого упражненія чувствъ, которое неизвѣстно животнымъ? Если наконецъ все сознаніе построено изъ ощущеній, развѣ не должны мы заранѣе ожидать, что относительно высшее развитіе чувствительныхъ путей идетъ рука объ руку съ развитіемъ духовной жизни?

Въ отвѣтъ на это нужно прежде всего принять во вниманіе *языкъ* и искусную *руку* человѣка въ ихъ значеніи для духовной жизни. Для языка мы уже знаемъ даже область мозговой коры, въ которой звуки комбинируются въ осмысленныя слова, и между всѣми явленіями психическаго разстройства ни одно въ настоящее время такъ не приближено къ нашему пониманію, какъ *афазія*. Но языкъ, также какъ и ловкость руки, показываютъ намъ, что всего важнѣе вовсе не сила и скорость движеній, а *разнообразіе* и строго соотвѣтственная

цѣлесообразность. Но именно для этого требуется обширный координаціонный аппаратъ, со связями, которыя отъ каждаго пункта данной системы идутъ ко множеству пунктовъ другихъ системъ. Въ языкѣ дѣло идетъ не о томъ только, чтобы точно соразмѣрить сжиманіе губъ, производящее Б или П, или бѣгло производить одно за другимъ движенія голосовыхъ органовъ, образующія слово съ труднымъ произношеніемъ. Языкъ долженъ также нѣчто *означать*, и поэтому отъ мѣста комбинаціи слова должны идти многія соединенія къ мѣстамъ комбинацій чувственныхъ впечатлѣній. Этихъ соединеній нельзя себѣ представить иначе, какъ такъ, что всякое опредѣленное ощущеніе или опредѣленный импульсъ для мускульнаго движенія представленъ цѣлымъ рядомъ ячеекъ мозговой коры, изъ которыхъ каждая имѣетъ опять свои особенныя соединенія. Такъ же, какъ въ Кортіевомъ аппаратѣ слуховой улитки цѣлый рядъ нервовъ готовъ принимать впечатлѣнія, изъ которыхъ однако лишь нѣкоторыя немногія могутъ служить для проведенія опредѣленнаго тона, такъ точно и въ нервныхъ центрахъ, и въ особенности, въ центрахъ высшихъ инстанцій нужно представлять себѣ, что доходящее сюда раздраженіе воспринимается многими ячейками, изъ которыхъ только въ немногихъ процессъ возбужденія получаетъ непосредственное психическое значеніе; точно такъ же, какъ импульсъ движенія, назначенный для того, чтобы привести въ движеніе извѣстную группу мускуловъ, можетъ исходить изъ многихъ мозговыхъ ячеекъ, тогда какъ соединенія ихъ съ другими мозговыми областями рѣшаютъ, дастся ли дѣйствительно импульсъ или нѣтъ. Конечно, напрасно будутъ пытаться найти въ мозгу аппаратъ, который бы также просто регулировалъ этотъ выборъ дѣятельности, какъ колебанія membrana basilaris регулируютъ дѣятельность слуховыхъ нервовъ въ улиткѣ. Но какъ скоро мы предположимъ, что проведеніе или непроведеніе нервныхъ процессовъ ничѣмъ въ такой степени не опредѣляется, какъ существующимъ уже и обусловленнымъ побочными токами *состояніемъ возбужденія* въ волокнахъ и ячейкахъ, намъ не нужно будетъ искать дальнѣйшаго, какъ-бы переводочнаго механизма въ проводящихъ путяхъ. Принципъ регулированія уже данъ.

Что касается управленія *человѣческою рукою*, то мы должны для моторныхъ областей мозга, не только въ силу ея большой подвижности и годности для искусственныхъ отправленій, предположить богатое развитіе комбинаціоннаго аппарата, но мы должны также принять во вниманіе напр. письмо, которое въ свою очередь вступаетъ съ языкомъ въ самыя тѣсныя отношенія. Если мы вспомнимъ далѣе движенія піаниста, живописца, хирурга и т. д., у которыхъ повсюду дѣйствуетъ тончайшая соразмѣрность двигательныхъ импульсовъ вмѣстѣ съ самыми разнообразными комбинаціями, то для насъ тотчасъ будетъ ясна

надобность большой обширности моторнаго мозговаго аппарата для дѣйствій человѣка. Сюда относится еще подвижность чертъ лица и чрезвычайная важность движеній глазъ, которая даже играетъ весьма существенную роль въ образованіи зрительныхъ представленій, въ уловленіи тонкихъ отношеній. Упражненіе чувствъ для научныхъ воспріятій также находится въ зависимости отъ моторнаго аппарата. Зрѣніе находится въ самой тѣсной связи съ дѣятельностью глазныхъ мускуловъ, осязаніе—съ мускульнымъ чувствомъ руки. Но даже въ общемъ движеніи тѣла человѣкъ, несмотря на всѣ гимнастическія подвиги обезьянъ, далеко превосходитъ всѣхъ животныхъ разнообразіемъ и тонкостью положеній и движеній. Намъ не нужно даже указывать на движенія танцоровъ, японскихъ фокусниковъ, актеровъ въ мимическомъ представленіи; уже одна походка, вертикальное положеніе, свободное движеніе рукъ ведутъ ко множеству движеній, которыя мы непосредственно принимаемъ за выраженіе духовнаго и въ которыхъ даже самый неловкій высказываетъ свой характеръ въ строго соотвѣтственной формѣ.—Но и между *ощущеніями*—ощущенія *мускульнаго чувства* (вспомнимъ опять языкъ, черты лица, движенія глазъ) можетъ быть всего значительнѣе, все равно, имѣютъ ли они дѣйствительно свое сѣдалище прямо въ моторномъ аппаратѣ, или же обусловливаются его дѣятельностью.

Физіологія между тѣмъ не оставалась праздною и научила насъ, что процессы во всѣхъ нервахъ въ состояніи возбужденія существенно *одинаковы*[31]). Нѣтъ особеннаго отдѣльнаго нервнаго процесса ощущенія и другаго процесса движенія, но физическій процессъ во всѣхъ случаяхъ возбужденія нерва существенно тотъ же и различенъ только по силѣ и слабости, скорости и медленности и т. д. При томъ всякое въ какомъ либо мѣстѣ своего пути раздраженное волокно проводитъ какъ центробѣжно, такъ и центростремительно; только у чувствительныхъ волоконъ первый проводъ, а у двигательныхъ послѣдній остается недѣйствительнымъ. Мы здѣсь слѣдовательно имѣемъ совершенно достовѣрный случай принципа, что *по разнымъ направленіямъ* распространяющееся дѣйствіе только на *одномъ* изъ своихъ путей достигаетъ результата, и ничто не препятствуетъ намъ приложить этотъ принципъ въ обширнѣйшей мѣрѣ къ мозговымъ функціямъ [32]).

Наконецъ, и прямой *экспериментъ* сдѣлалъ свое дѣло. Опыты *Гитцига*

[31]) Сравн. *Hermann*, Grundriss der Physiol., 4 Aufl., S. 316 u. f. *Wundt*, physiol. Psych. S. 104 u. öfter.

[32]) Здѣсь помогаетъ дѣлу весьма важный принципъ, что *слабое состояніе возбужденія*, уже существующаго въ нервѣ, въ тоже время увеличиваетъ возбуждаемость нерва къ новому раздраженію. Срав. *Hermann*, Physiol., 4 Aufl., S. 323. Эта связь бросаетъ въ особенности яркій свѣтъ на ассоціацію представленій.

и *Нотнагеля* въ Германіи и *Феррієра* въ Англіи показали, что корковый слой переднихъ лопастей большаго мозга имѣетъ вліяніе на опредѣленныя движенія. Кроликъ напр., передняя нога котораго поражена вслѣдствіе разрушенія извѣстной маленькой части корковаго слоя мозга, собственно не разбитъ параличемъ; онъ даже въ состояніи производить сложныя движенія, такъ какъ они образуются въ низшихъ центрахъ, но онъ не увѣренъ, ставитъ ногу криво, безъ сопротивленія позволяетъ перемѣнить положеніе этой лапы и повидимому не имѣетъ опредѣленнаго сознанія о положеніи этого члена. Хотя животныя отъ полученнаго поврежденія мозга наконецъ погибаютъ, но все же пространства отъ 6—10 дней въ томъ случаѣ, когда животное живетъ довольно долго, достаточно, чтобы *прекратилось* произведенное разстройство движенія. Чѣмъ это объяснить? Одинъ изъ авторовъ этихъ экспериментовъ, *Нотнагель*, полагаетъ, что дѣло какъ бы въ „частичномъ парализованіи мускульнаго чувства"; но пораженъ не собственно послѣдній центръ, дѣйствительная „конечная станція", а только станція на пути къ нему, а *потому* могутъ опять открыться другія пути для той же функціи [33]). При поврежденіи сосѣдняго мѣста, „мускульное чувство" не оказывалось пораженнымъ, но наступало опредѣленное уклоненіе въ положеніи ноги: и это разстройство постепенно изчезаетъ. Здѣсь Нотнагель принимаетъ станцію для возбужденнаго *импульса воли*, но это опять не конечная станція. „Restitutio in integrum приводитъ къ заключенію, что здѣсь только прерванъ путь, что не могла быть элиминирована та мозговая часть, *гдѣ единственно* импульсъ воли переходитъ на нервныя волокна, т. е. гдѣ единственно имѣетъ мѣсто образованіе возбужденія воли. Если возможно возстановленіе, то должны викарно дѣйствовать другіе пути, или по крайней мѣрѣ способность производить импульсы воли должна принадлежать и другимъ мѣстамъ". Эксперименты съ разрушеніемъ соотвѣтственныхъ мѣстъ въ обоихъ полушаріяхъ не удались. Слѣдовательно, осталось сомнительнымъ, производится ли постоянное возстановленіе функцій дѣйствіемъ другаго полушарія, или возникновеніемъ новыхъ путей въ томъ же полушаріи. Во всякомъ случаѣ авторъ считаетъ себя вправѣ придти въ выводу: „Если бы вообще было возможно, что нѣкоторое опредѣленное мѣсто, въ которомъ должны возникать душевныя отправленія, послѣ его удаленія могло бы быть восполнено какимъ нибудь другимъ, то нужно было бы придти къ заключенію, *что строгая локализація духовныхъ отправленій въ опредѣленныхъ центрахъ корковаго слоя мозга не существуетъ*" [34]).

[33]) *Nothnagel in Virchow's* Archiv für pathol. Anat. u. Physiol. Bd. 57, S. 196 u. f.

[34]) *Nothnagel* a. a. O. S. 201. u. 205.

Займемся прежде всего на минуту первымъ положеніемъ, т. е. многократно повторяемою аксіомою: лишь посредствующее, проводящее мѣсто можетъ быть замѣнено послѣ своего разрушенія; если настоящій органъ происхожденія какого нибудь душевнаго отправленія разрушенъ, то замѣна его немыслима!

Почему же? Развѣ потому, что съ прекращеніемъ душевной способности отпадаетъ и стремленіе ея обнаруживаться, а слѣдовательно и побужденіе къ новообразованію? Это сводилось бы на дуализмъ, который несовмѣстимъ съ принципомъ сохраненія силы. Или потому, что душевная функція есть нѣчто абсолютно первоначальное, что не можетъ быть вновь воспроизведено посредствомъ органической связи съ соотвѣтствующими, можетъ быть, подчиненными отправленіями сосѣднихъ частей? Это былъ бы совершенно новый принципъ, который приписываетъ духовному достоинству процессовъ физіологическое вліяніе, которое нигдѣ не обнаруживается и которое въ дѣйствительности противорѣчитъ всѣмъ принципамъ физіологическаго изслѣдованія. Поэтому мы видимъ въ сомнѣніи автора только вліяніе старой теоріи духовныхъ способностей, которая въ продолженіи столь долгаго времени дѣлала безплодными всѣ изслѣдованія мозга. Если „мускульное чувство или импульсъ воли" гипостазируется въ смыслѣ старой психологіи, какъ нѣкоторая „*способность*", которой должна служить бо̀льшая или меньшая часть мозга, то по матеріалистическому воззрѣнію съ соотвѣтственной частью мозга разрушается и „способность души", по дуалистическому—необходимое орудіе ея, и тогда конечно нельзя видѣть, откуда долженъ явиться импульсъ для замѣны. Если напротивъ имѣть строго въ виду, что съ точки зрѣнія физіологіи и *при произведеніи сознательнаго импульса воли* дѣло можетъ идти только *объ органическомъ процессѣ, подобномъ всякому другому*, что „способность" психологіи есть *только слово*, которымъ *возможность процесса* повидимому возводится въ особенную вещь, что наконецъ разсматриваніе духовнаго достоинства функцій вовсе не касается физіологіи; тогда никакъ нельзя понять, почему бы и „конечная станція" психическаго пути или первоначальное мѣсто нѣкоторой способности, подобно всякой другой части мозга, не могла быть замѣнена въ своей дѣятельности новыми путями.

Здѣсь, на основаніи старой психологіи, могло бы возникнуть еще другое сомнѣніе, которое довольно странно, но все же заслуживаетъ упоминанія, ибо предубѣжденія этого рода нужно преслѣдовать, гдѣ бы они ни скрывались. А именно, можно было бы затрудняться тѣмъ, что импульсъ воли для движенія извѣстной части тѣла уничтожается, тогда какъ господство воли надъ другими частями продолжается. Сама воля, представляющая вѣдь нѣчто цѣлое, является чрезъ это только суммою отправленій частей! Но почему же нѣтъ?

слѣдуетъ спросить и здѣсь; ибо прежде всего мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что извѣстныя дѣйствія животнаго исчезаютъ и опять появляются, послѣ поврежденія извѣстной части мозга. Эти дѣйствія такого рода, причинная связь которыхъ запутана въ высшей степени и которыя мы приписываемъ „волѣ“. Но что же мы знаемъ объ этой волѣ? Кромѣ выдумокъ психологовъ совершенно ничего, кромѣ того, что заключается въ фактахъ, въ проявленіяхъ жизни. Если въ извѣстномъ смыслѣ справедливо говорится о единствѣ воли, то оно можетъ быть только формальное; единство характера, способа и образа. Но это *формальное единство* принадлежитъ и *суммѣ отдѣльныхъ жизненныхъ явленій*, и въ сущности *только ей*. Если мы при этомъ говоримъ о „волѣ“, то мы прибавляемъ слово, обнимающее эту группу жизненныхъ явленій. Всякая подстановка *вещи* вмѣсто слова есть превышеніе даннаго, а потому научно несостоятельна.

Послѣ этого намъ будетъ ясно, можно ли ожидать „строгой локализаціи духовныхъ отправленій въ опредѣленныхъ центрахъ корковаго слоя большаго мозга“, или нѣтъ. Нотнагель тутъ совершенно правъ: его эксперименты противорѣчатъ такой строгой локализаціи; даже тогда, если бы возстановленіе функцій могло быть объясняемо дѣйствіемъ втораго полушарія. Ибо и тогда импульсъ воли исходилъ бы послѣ этого процесса возстановленія изъ другаго пункта, чѣмъ прежде. Но импульсъ воли, или даже: импульсъ воли двигать нѣкоторый опредѣленный членъ—все же остается лишь названіемъ для суммы отправленій, которая имѣетъ нѣкоторый опредѣленный *внѣшній результатъ*. *Элементарныя функціи отдѣльныхъ ячеекъ и нитей* могутъ быть при этомъ *весьма строго локализированными*, и все же возможно, что *одинаковый результатъ* при особенныхъ обстоятельствахъ достигается и на *другомъ пути*. Но лишь только мы видимъ одинаковый результатъ, мы говоримъ по привычнымъ психологическимъ представленіямъ: „импульсъ воли возстановленъ“. Но вовсе не то возстановлено, что было уничтожено, а только одинаковый продуктъ посредствомъ совершенно другихъ факторовъ. Понимать это чрезвычайно важно, ибо очень вѣроятно, самыя разнообразныя замѣны этого рода являются лишь въ *высшихъ духовныхъ отправленіяхъ человѣка*. Кто, напримѣръ, привыкъ мыслить болѣе *понятіями*, чѣмъ *воззрѣніями*, мышленіе того вѣроятно сначала весьма затруднится припадкомъ *афазіи*, пока ему не удастся сдѣлать переходъ отъ посылки къ выводу путемъ простаго воззрѣнія и такимъ образомъ достигнуть той же цѣли, которую онъ прежде умѣлъ достигать только „нѣмою рѣчью“. Очень вѣроятно, что участіе различныхъ областей мозга въ мышленіи весьма различно и у здоровыхъ людей, тогда какъ результатъ, мысль, остается таже самая.

Тогда какъ Нотнагель заключилъ изъ своихъ опытовъ, что психическія функціи въ мозгу *не* локазированы, *Гитцигъ* наоборотъ заключаетъ, „что безъ сомнѣнія отдѣльныя *душевныя функціи*, и вѣроятно всѣ, для своего вступленія въ матерію или для своего происхожденія, имѣютъ назначенные строго опредѣленные [35]) центры въ корковомъ веществѣ большаго мозга“. Противуположность между взглядами обоихъ изслѣдователей не такъ велика, какъ это кажется, ибо Гитцигъ повидимому свободенъ отъ стараго психологическаго способа представленія и разумѣетъ „подъ душевными функціями“ не гипостазированныя слова (такъ какъ дѣло идетъ о функціяхъ самыхъ простыхъ мозговыхъ частей), а *дѣйствительно простые душевные процессы*, и простота здѣсь можетъ состоять только въ самомъ *строгомъ примыканіи къ соотвѣтствующему физическому процессу*. Воля согнуть или выпрямить этотъ членъ совершенно просто и натурально влагается въ тотъ пунктъ корковаго слоя большаго мозга, посредствомъ электрическаго возбужденія котораго и вызывается это движеніе. Приэтомъ проложившіе новый путь опыты Гитцига сдѣланы съ такою тонкостью, что ему удалось разложить *физическій* процессъ на болѣе тонкіе элементы, чѣмъ какіе существуютъ въ извѣстномъ смыслѣ для *психическаго*. Если, напримѣръ, отъ одного опредѣленнаго пункта корковаго слоя мозга приводится въ сильное движеніе одно ухо, и только оно, то справедливо спрашивается, вызывала ли когда нибудь воля такое опредѣленное частное дѣйствіе? Оно вовсе и не требуется, такъ какъ оно не служитъ ни для какой жизненной цѣли. Тонкость психическихъ функцій состоитъ опять въ другихъ пунктахъ, въ которыхъ за ними конечно никакой физіологическій экспериментъ не можетъ слѣдовать даже издали: прежде всего въ невѣроятно рѣзко опредѣленномъ напряженіи всякаго возбужденія и въ точной мѣрѣ соотвѣтственнаго движенія, потомъ въ *составленіи* различныхъ мускульныхъ дѣятельностей для цѣлесообразнаго общаго движенія. Вспомнимъ здѣсь опять о дѣйствіяхъ человѣческой руки, языка, лицевыхъ мускуловъ въ мимическомъ выраженіи, и мы легко увидимъ, гдѣ находится духовное. Мы находимъ его всюду *въ мѣрѣ*, *въ формѣ*, *въ отношеніи* совокупнаго дѣйствія физическихъ функцій, гдѣ самая незначительная черта, въ особенности въ художественной дѣятельности, получаетъ высочайшее значеніе. Но съ чисто физической стороны процесса элементы этихъ тончайшихъ соединеній различныхъ импульсовъ могутъ быть показаны *изолированными* такъ, какъ это невозможно для воли.

Не безъинтересно, что *Ферріеръ* [36]) при своихъ грубыхъ и методически

[35]) *Hitzig*, Untersuchungen über das Gehirn, Berlin, 1874, S. 31 и. S. 56.

[36]) *Ферріеръ* сообщаетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ West Riding Lunatic

неточныхъ повтореніяхъ опытовъ Гитцига гораздо чаще, чѣмъ онъ, наталкивался на возникновеніе *готовыхъ цѣлесообразныхъ движеній*, происхожденіе которыхъ онъ приписывалъ раздраженію опредѣленной части мозга. Употребляя слишкомъ сильные токи, онъ раздражалъ и сосѣднія мѣста, и такъ какъ, напримѣръ, центры для сгибанія, вытягиванія, аддукціи и ротаціи какого нибудь члена лежатъ всѣ близко другъ отъ друга, то весьма натурально, что одновременное раздраженіе нѣсколькихъ центровъ, въ ихъ совокупномъ дѣйствіи, можетъ произвести, напримѣръ. движеніе бѣга, или у кошки движеніе царапанія. Болѣе точно изолирующіе опыты Гитцига физіологически имѣютъ несравненно больше цѣны, но для психологіи имѣло бы особенный интересъ показать, какъ можно искуственно и съ точнымъ исчисленіемъ отдѣльныхъ импульсовъ дать возникнуть цѣлесообразнымъ движеніямъ. Впрочемъ неневѣроятно, что въ болѣе глубоко лежащихъ слояхъ корковаго слоя мозга находятся ячейки, посредствомъ возбужденія которыхъ можно вторично возбудить совокупно и въ заранѣе опредѣленномъ уже порядкѣ цѣлый рядъ лежащихъ на поверхности пунктовъ. Но въ чемъ бы не состоялъ координаціонный механизмъ, который каждую группу элементарныхъ дѣйствій соединяетъ въ цѣлесообразную дѣятельность, во всякомъ случаѣ мы имѣемъ основаніе—*представленію* этой цѣлесообразной дѣятельности и *волѣ*, ее вызывающей, не назначать другаго сѣдалища, кромѣ той части корковаго слоя большаго мозга, въ которой сама эта дѣятельность имѣетъ свое начало.

Это должно было бы быть иначе, если бы мы о собственной мускульной дѣятельности не имѣли непосредственнаго сознанія, которое слѣдуетъ причислить также къ ощущенію въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Нужно бы тогда предположить, что гдѣ нибудь въ чувствительномъ центрѣ образовалось представленіе извѣстнаго дѣйствія и что отсюда нѣкоторый токъ дѣйствовалъ бы на механизмъ двигательной системы; но по всей вѣроятности, оба способа „представленія“ должны быть приняты вмѣстѣ, чтобы удовлетворить требованіямъ раціональной психологіи. Представленіе какого нибудь дѣйствія, напр. бѣганія, какъ оно можетъ образоваться въ чувствительномъ центрѣ, уже по своему происхожденію изъ образовъ объектовъ никогда не можетъ быть тоже самое, какъ представленіе, которое происходитъ изъ собственной дѣятельности. Между тѣмъ и то и другое, въ извѣстномъ теченіи мысли, могутъ оказать равныя услуги. Такъ, напр., мы можемъ, слѣдя за разсказомъ, развивать въ себѣ образы спокойно и объективно; но при большей живости мы обыкновенно переносимся въ дѣйствующее лице, и тогда всякій самъ на себѣ можетъ наблюдать, что представленіе удара часто соединяется съ судорожнымъ движеніемъ въ рукѣ, представленіе скачка съ наклонностью прыгать. У человѣка присоединяется еще, какъ самый важный очагъ представленій, *языкъ*, и здѣсь почти нельзя сомнѣваться, что представленіе слова имѣетъ свое сѣдалище тамъ, гдѣ слово образуется. Наше мышленіе, какъ уже часто замѣчено, есть тихій, какъ бы внутренній разговоръ. Но кто обратитъ точное вниманіе, тотъ легко замѣтитъ, что съ этимъ „внутреннимъ“ разговоромъ очень часто, а при большой живости всегда, соединены дѣйствительные импульсы въ органахъ рѣчи.

Asylum Reports на 1873 г.; короткій рефератъ содержитъ журналъ *Academy*, Nov. 1. 1873. Сравн. впрочемъ рефератъ и критику у *Hitzig*, Unters. über d. Gehirn, S. 63—113.

Все это могло бы быть и дѣйствіемъ „*ассоціаціи*“, но сама ассоціація врядъ ли можетъ быть соглашена съ фактами физіологіи, если она не сводится съ одной стороны на существованіе разнообразнѣйшихъ токовъ, съ другой стороны на *частную тождественность областей возбужденія*.

Факты мнемоники доказываютъ, что отъ представленія „зáмокъ“ очень легокъ переходъ къ „стѣнѣ“ или „башнѣ“, но также легко къ „горѣ“, къ „рыцарству“, къ „среднимъ вѣкамъ“, къ „помѣстью“, „Рейну“ и т. д. Весьма легокъ также переходъ къ тому, что родственно только по звукамъ: такъ отъ обитаемаго „зáмка“ къ „замку въ дверяхъ“ и т. д. По теоріи ассоціаціи прошлаго столѣтія, всѣ отдѣльныя волокна, которыя воображали себѣ носителями такихъ представленій, должны лежать рядомъ, близко другъ къ другу, чтобы передавать вибрацію отъ одного къ другому. Но здѣсь мы приходимъ къ самой очевидной невозможности; въ особенности, если припомнимъ простой и легко повторяющійся фокусъ мнемониковъ: связывать самыя разнородныя представленія, которыя имъ даются, вставкой одного, а по большей мѣрѣ двухъ связывающихъ словъ. Такъ что все должно-бы находиться возлѣ всего. Но если примемъ для всякаго представленія, имѣющія нѣкоторое протяженіе *области возбужденія*, да сверхъ того надлежащія соединенія чисто объективнаго образа представленія съ связанными съ нимъ двигательными очагами возбужденія и потомъ съ центромъ соотвѣтствующаго слова, то для родственныхъ представленій легко можно будетъ предположить *частную тождественность области возбужденія*.

Во всякомъ случаѣ, чтобы предохранить себя отъ подчиненія старымъ психологическимъ представленіямъ и чтобы поддержать правильное воззрѣніе, полезно бываетъ показать, что и сложные психическіе образы могутъ быть объяснены изъ тѣхъ простыхъ началъ, которыми теперь занимается точное изслѣдованіе. Впрочемъ весьма похвальна сдержанность, съ которою Гитцигъ находитъ нужнымъ удерживаться отъ всѣхъ, далеко заходящихъ, умозрѣній о мозговыхъ и душевныхъ дѣятельностяхъ. Изслѣдователь, который разъ пошелъ

по вѣрному пути, идетъ увѣреннѣе, держась строго ограниченныхъ, но все же очень значительныхъ результатовъ своего труда, чѣмъ пускаясь въ преждевременныя теоріи, а на своихъ собратовъ по спеціальности онъ также вѣрнѣе и сильнѣе всего дѣйствуетъ примѣромъ самой работы. Гитцигъ цитируетъ одно изрѣченіе *Фехнера*, по которому твердость, плодовитость и глубина общаго взгляда вообще зависитъ не отъ общаго, но отъ *элементарнаго* [37]). Дѣло только въ томъ, чтобы вѣрно опредѣлить, что̀ здѣсь элементарно, и можно считать громаднымъ прогрессомъ для изслѣдованій мозга и психическихъ функцій, когда наконецъ станетъ общепризнаннымъ, *что элементарное въ психическихъ функціяхъ есть ничто иное, какъ физіологически элементарное*. Черезъ это и матеріализмъ въ этой области станетъ гораздо послѣдовательнѣе, а слѣдовательно и приблизится къ своему концу, ибо его послѣдовательность есть его погибель.

Мы, наконецъ, еще имѣемъ въ прекрасной книгѣ *Вундта* „Основныя черты физіологической психологіи" сочиненіе, которое эти новыя и единственно плодотворныя воззрѣнія уже положило въ основаніе широкому изложенію психологической области. Послушаемъ, какъ Вундтъ разбираетъ рѣшительный пунктъ:

„Мы можемъ себѣ представлять, что извѣстное нервное волокно или извѣстная узловая клѣточка функціонируетъ только въ формѣ ощущенія свѣта или двигательнаго импульса, но не такъ, что извѣстныя центральныя элементы служатъ фантазіи, а другія разсудку. Очевидно, противорѣчіе здѣсь заключается въ томъ, что представляешь себѣ *сложныя функціи* связанными *съ простыми образованіями*. Но мы необходимо должны предположить, что элементарныя образованія способны только къ элементарнымъ же дѣйствіямъ. Такія элементарныя дѣйствія, въ области центральныхъ функцій, суть ощущенія, побужденія къ движенію, а не фантазія, память и т. д." Все, замѣчаетъ далѣе Вундтъ, что̀ мы называемъ волею и интеллигенціей, разрѣшается, какъ скоро оно преслѣдуется до своихъ физіологическихъ элементарныхъ феноменовъ, въ одни превращенія чувствительныхъ впечатлѣній въ движенія [38]).

Но что же будетъ съ „единствомъ мысли", если уже частное представленіе есть нѣчто весьма сложное? Будетъ просто тоже, что̀ выходитъ изъ единства художественно исполненнаго зданія, когда мы разсматриваемъ его составленіе изъ отдѣльныхъ камней. Это есть *формальное* единство, которое легко

---

[37]) *Hitzig*, Untersuchungen, S. 52; срав. *Fechner*, Elemente der Psychophysik, 1, S. 7.

[38]) *Wundt*, Grundzüge d. physiol. Psychologie, Leipzig 1873, S. 226 u. 228.

совмѣстимо съ сложностью вещества, въ которомъ оно осуществляется. Но для этого вещества и для его элементовъ, ощущеній и сознанія импульсовъ движенія, требуется провести законъ *сохраненія силы* въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Это путь къ тому послѣдовательному матеріализму, который непосредственно приводитъ насъ къ „границамъ познанія природы".

Попытаемся, ради примѣра, провести послѣдовательно матеріализмъ [39]).

---

[39]) Приведенный здѣсь примѣръ можетъ быть былъ бы пропущенъ во 2. изданіи, если бы одно чрезвычайно характеристичное недоразумѣніе не показало мнѣ, что подобныя наглядныя объясненія не только нужны для многихъ читателей, но что къ нимъ, если возможно, нужно еще прибавлять комментарій и при томъ для сферъ, отъ которыхъ можно было бы ожидать лучшаго пониманія. Именно проф. Р. *Зейдель* въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Опроверженіе матеріализма и механическаго міровоззрѣнія», (Berlin, 1873) подвергъ нашъ примѣръ подробному разбору и при этомъ съ замѣчательною наивностью принимаетъ главный пунктъ, изъ за котораго собственно приводится примѣръ, за случайный и явный «недосмотръ». Онъ говоритъ (стран. 17):

«Здѣсь Ланге конечно только въ одномъ пунктѣ сдѣлалъ недосмотръ, который мы не должны вмѣнять въ вину механическому взгляду, какъ таковому. Само собой понятно, что не депеша какъ физическій объектъ, т. е. бумага, свинецъ и свѣтовыя волны, должна быть включена въ указанный рядъ причинности! Причиною вскакиванія купца явно было только *содержаніе* извѣстія, т. е. не то, чѣмъ *была* депеша, но что она *означала*. Какъ это ни понятно само собой» и т. д.

Я не могу здѣсь право не выразить желанія, чтобы наконецъ и у «философовъ» вошло въ обыкновеніе сперва хорошенько изучить предметъ, а потомъ уже говорить о немъ. Кто имѣетъ хотя поверхностное понятіе о послѣдовательности физическаго причиннаго ряда, уже неговоря о законѣ сохраненія силы, тотъ долженъ знать, что здѣсь безъ сомнѣніи, «бумага, свинецъ и свѣтовыя волны» принадлежатъ къ причинному ряду, и кто внимательно слѣдитъ за связью моего изложенія, также долженъ хорошо видѣть, что я этотъ примѣръ привелъ вообще только изъ за этой парадоксальной видимости. Я хотѣлъ принудить этимъ мыслящаго читателя представить себѣ ясно механическое міровоззрѣніе въ его полной послѣдовательности, и это принужденіе должно распространяться и на всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ хотя настолько физическихъ знаній, чтобы знать, что «содержаніе» и «значеніе» не суть силы, которыя отъ депеши переходятъ въ меня, но что они во мнѣ самомъ *возникаютъ*. Въ *меня* ничего не *входитъ*, кромѣ извѣстныхъ свѣтовыхъ волнъ, и теперь вопросъ просто въ томъ, хотимъ ли мы вывести слѣдствія механическаго міровоззрѣнія, или нѣтъ? Дѣло въ томъ, утверждается ли, или отрицается вопросъ, который *Германнъ* (Physiol., 4. Aufl. S. 459) формулировалъ съ образцовою ясностью: «не будетъ ли то же сцѣпленіе центростремительныхъ впечатлѣній имѣть въ томъ же организмѣ всегда совершенно тотъ же результатъ (тоже произвольное, повидимому, движеніе)?» Дѣло въ томъ, считаемъ ли мы вмѣстѣ съ *Гельмгольцемъ* (popul. Vortr. 2. H.

Купецъ сидитъ удобно въ креслѣ и самъ не знаетъ, должно ли величество его я заняться куреніемъ, спаньемъ, чтеніемъ газетъ или пищевареніемъ. Входитъ лакей, приноситъ депешу, а въ ней стоитъ: „Антверпенъ и т. д. Іонасъ и К° обанкрутился". „Пусть Яковъ закладываетъ!" Лакей летитъ.

S. 200) законъ сохраненія силы имѣющимъ силу и для живыхъ существъ, или нѣтъ.

Конечно, существуетъ много добродушныхъ «матеріалистовъ», которые никогда не представляютъ себѣ достаточно ясно этого вывода и которые вовсе непрочь, при примѣрѣ подобномъ нашему, прибѣгнуть тоже къ фразамъ о «содержаніи» и значеніи, но вѣдь это именно люди, ничего хорошо не изучавшіе. Но бываютъ и основательные изслѣдователи и остроумныя головы, которые пугаются этой крайности и сомнѣваются въ приложимости закона сохраненія силы къ человѣку. Популярное «опроверженіе матеріализма» могло бы смѣло опираться на этотъ примѣръ приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Если механическое міровоззрѣніе вѣрно, то здѣсь весь послѣдующій результатъ долженъ былъ произойти отъ входящихъ свѣтовыхъ волнъ въ соединеніи съ существующими уже въ мозгу запасными энергіями. Но это совершенно невѣроятно, слѣдовательно» и т. д. Въ дѣйствительности же невѣроятность совсѣмъ не такъ велика, если только припомнить начальныя основанія физіологической психологіи. Именно, мы имѣемъ передъ собой тутъ не только «свѣтовыя волны» вообще, но опредѣленныя *формы* и *сопоставленія* буквъ. Послѣдовательность этихъ впечатлѣній при чтеніи дѣйствуетъ отчасти черезъ нервы зрѣнія, но отчасти черезъ центръ движенія глазныхъ мускуловъ посредствомъ волоконъ ассоціаціонной системы прежде всего на словесный центръ. Здѣсь начинаютъ дѣйствовать слова съ большимъ «значеніемъ». Что это значитъ, говоря физіологически? Ничто иное какъ то, что возбуждается группа ячеекъ и нервовъ, имѣющая необыкновенно много сильныхъ вліяній на другія области мозговой корки. Весьма живой процессъ «ассоціаціи» представленій распространяется кругомъ и приводитъ весь мозгъ въ состояніе живаго возбужденія, между тѣмъ какъ «незначительныя» слова, т. е. слова почти безъ всякихъ старыхъ и сильно проводящихъ коммуникацій съ другими частями мозга, не могутъ этого дѣлать. Эффектъ вскакиванія и т. д. происходитъ тогда посредствомъ извѣстнаго «телеологическаго» механизма, который играетъ уже роль въ обезглавленной лягушкѣ.

Мы здѣсь, конечно, не даемъ «объясненія» физическаго процесса, но лишь указаніе возможности объясненія для такихъ читателей, которымъ пожалуй вмѣстѣ съ Зейделемъ «покажется само собой понятнымъ», что дѣло происходитъ иначе. Настоящая опора принципа сохраненія силы есть, по нашему вездѣ послѣдовательно проведенному взгляду, его *аксіоматическая* природа, какъ принципа связи міра явленій. «Опроверженіе матеріализма» нужно отчасти почерпать изъ болѣе глубокихъ познавательно-теоретическихъ источниковъ, а отчасти оно содержится, даже въ приложеніи къ нашему примѣру, уже въ замѣчаніяхъ, которыя мы выше сдѣлали объ границахъ познанія природы» *Дю Буа-Реймона*; сравн. въ особенности разсужденія на стр. 135—137.

Баринъ вскочилъ, встрепенулся; нѣсколько шаговъ по комнатѣ—внизъ въ контору, прокуристу приказано, письма продиктованы, депеши посланы, потомъ въ экипажъ. Лошади фыркаютъ; онъ въ банкѣ, на биржѣ, у дѣловыхъ пріятелей—не прошло и часу, онъ дома, бросается опять въ кресло со вздохомъ: „Слава Богу, въ самомъ скверномъ случаѣ—я въ безопасности. Теперь надо дальше обдумать!"

Прекрасный поводъ для душевной картины! Испугъ, надежда, потрясеніе, расчетъ—погибель и побѣда, совмѣщенныя въ одной минутѣ. И все это возбуждено однимъ представленіемъ! Чего не обнимаетъ человѣческое сознаніе!

Но погодите! Разсмотримте данное лице, какъ *объектъ вещественнаго міра!*

Онъ вскакиваетъ. Почему онъ вскакиваетъ? Его мускулы сократились соотвѣтствующимъ образомъ. Отчего? На нихъ подѣйствовалъ импульсъ дѣятельности нервовъ, которымъ разрѣшился скопленный запасъ энергіи. Откуда этотъ испульсъ? Изъ центра нервной системы. Какъ онъ тамъпроизошелъ? Посредствомъ—*души*". Занавѣсъ опускается; salto mortale изъ науки въ миѳологію совершился.

Но мы хотѣли послѣдовательнаго матеріализма. Душа есть мозгъ! Слѣдовательно, начнемъ съ мозга. *Если мы остановимся здѣсь, то дѣло будетъ совершенно такое же миѳическое, какъ было и прежде.* Все это ни къ чему. Мы должны, не принимая во вниманіе такъ называемаго сознанія, прослѣдить *физическій причинный рядъ* черезъ мозгъ до перваго повода всего внезапнаго движенія. Или пойдемъ по обратному пути! Что вошло въ этого человѣка? Образъ нѣсколькихъ чертъ синимъ карандашемъ по бѣлому фону. На сѣтчатую оболочку упали извѣстные лучи свѣта, которые въ своихъ колебаніяхъ сами по себѣ не развиваютъ болѣе живой силы, чѣмъ всякіе другіе лучи. Живая сила для процесса проведенія подготовлена въ нервѣ, такъ же какъ сила сокращенія мускуловъ въ мускулахъ; безконечно слабымъ импульсомъ волны свѣта она лишь разрѣшается, какъ разрѣшается сила бочки съ порохомъ тлѣющейся искоркой. Но какимъ образомъ происходитъ, что именно *эти черты въ этомъ человѣкѣ* производятъ именно *это дѣйствіе?* Всякій отвѣтъ, который ссылается на „представленія" и тому подобное, здѣсь просто нельзя считать отвѣтомъ. Я хочу видѣть *проводники, пути живой силы*, объемъ, способъ распространенія и источники *физическихъ и химическихъ процессовъ*, изъ которыхъ исходятъ нервные импульсы, извѣстнымъ способомъ приводящіе въ дѣятельность для вскакиванія сначала musculus psoas, потомъ rectus femoris, vasti и всю вспомогательную компанію. Я хочу видѣть несравненно болѣе важные нервные токи, которые

распространяются въ органахъ рѣчи, въ дыхательныхъ мускулахъ, производятъ приказаніе, слово и крикъ, которые повторяютъ десять разъ туже игру, путемъ звуковыхъ волнъ и слуховыхъ нервовъ другихъ недѣлимыхъ. Я хочу, однимъ словомъ, предоставить пока школьнымъ педантамъ такъ называемое психическое дѣйствіе и хочу объяснить физическое, которое я вижу, *физическими причинами*.

Читатель не подумаетъ, что я требую невозможнаго для того, чтобы наконецъ прибѣгнуть къ какому нибудь deux ex machina. Я исхожу изъ принципа, что человѣкъ насквозь понятенъ, и если сейчасъ нельзя понять цѣлаго, то я терпѣливъ. Такъ же, какъ палеонтологическому изслѣдователю одна челюсть изъ долины Сомы представляетъ цѣлую рассу людей первобытныхъ временъ со всѣми ихъ поколѣніями, такъ и я буду доволенъ, если мнѣ связь между первымъ впечатлѣніемъ волны свѣта и соединенными съ точнымъ фиксированіемъ буквъ импульсами движеній сдѣлали бы такъ же ясною, какъ ясно для насъ напр. отраженное движеніе въ судорогѣ бедры лягушки. Вмѣсто этого разыскиваютъ въ мозгу „мышленіе", „чувствованіе" и „хотѣніе", все равно, какъ если бы въ мускулахъ, подъ мышкою піаниста, желали открыть Dur, Moll, Allegro, Adagio и Fortissimo, каждое въ особенномъ закоулкѣ.

Конечно, и начавшееся наконецъ раціональное разработываніе физіологіи мозга еще далеко не можетъ разрѣшить этихъ вопросовъ: въ извѣстномъ смыслѣ открывается лишь безконечность задачъ, которыя здѣсь нагромождены. Старинный матеріализмъ и идеализмъ старинной метафизики разрѣшаютъ эти загадки одинаково удобно одними словами; ибо все равно, приму ли я нематеріальную душу и припишу ей просто столько „способностей", сколько мнѣ требуется для объясненія процессовъ, или же я эти самыя „способности" сдѣлаю функціей матеріи; и то, и другое—фраза, а не дѣйствительное пониманіе. Слово, которое скрываетъ процессъ, вмѣсто того, чтобы его объяснять, въ обоихъ случаяхъ становится на мѣсто физической задачи. Пусть, поэтому, сколько угодно близоруко хулятъ механическое міровоззрѣніе; высокое его преимущество въ томъ, что оно намъ разомъ открываетъ безконечность задачъ, давая намъ первый небольшой успѣхъ въ залогъ того, что мы находимся на вѣрномъ пути.

Мнѣ скажутъ: „Но вѣдь боязнь, надежда, рвеніе твоего купца суть также что-нибудь; вѣдь человѣкъ *чувствуетъ* что-нибудь. Развѣ это не имѣетъ основанія?" И дѣйствительно, мы почти забыли nervus sympathicus, вліяніе nervus vagus на движеніе сердца и все тѣ многочисленныя, простирающіяся по всему тѣлу, дѣйствія революціи, происходящей въ мозгу, когда такой маленькій толчекъ внѣшняго міра приводитъ человѣка въ оживленнѣйшее движеніе. Мы будемъ изучать *и эти токи*, и до тѣхъ поръ не успокоимся. Мы хотимъ изслѣдовать многочисленныя, то сильныя, то едва замѣтныя ощущенія, которыя одинъ испытываетъ на языкѣ, другой въ области желудка, этотъ въ икрахъ, тотъ въ спинѣ, и по возможности точно узнать, какъ они возникаютъ: только-ли въ центральныхъ частяхъ, или же посредствомъ круговорота центробѣжныхъ и центростремительныхъ проводниковъ. Что этотъ круговоротъ играетъ большую роль во всѣхъ ощущеніяхъ, ясно видно изъ безчисленнаго множества явленій.

Чолбе особенно досталось отъ его противниковъ, за то что онъ для возникновенія самосознанія требовалъ возвращающагося въ себя движенія нервной жидкости, и допускалъ это движеніе въ отдѣльныхъ узловыхъ клубкахъ. Меня всегда при этомъ удивляло, что *дѣйствительно существующій* круговоротъ нервной дѣятельности, который играетъ такую большую роль во всѣхъ ощущеніяхъ, до сихъ поръ почти совершенно былъ оставляемъ безъ вниманія. При всякомъ живомъ возбужденіи мозговой дѣятельности бѣжитъ токъ положительныхъ или отрицательныхъ дѣйствій посредствомъ растительныхъ и двигательныхъ нервовъ черезъ все тѣло, и мы ощущаемъ наше собственное душевное движеніе, только получая посредствомъ чувствительныхъ нервовъ впечатлѣніе отъ измѣненій, произведенныхъ такимъ образомъ въ нашемъ организмѣ. Связано ли субъективное состояніе, которое мы называемъ ощущеніемъ, со всѣмъ этимъ круговоротомъ, или съ состояніями напряженія, которыя возникаютъ по окончаніи круга въ центральномъ органѣ, или съ другими, одновременно возникающими движеніями и состояніями напряженія внутри центральныхъ органовъ, этого мы рѣшать не будемъ, лишь-бы намъ только могли показать эти состоянія напряженія и законы этого круговорота со всѣми его тысяче-кратно различными комбинаціями.

Возражаютъ, что мы, разсматривая одни симптомы, теряемъ изъ виду самый предметъ. Конечно, если бы намъ кто нибудь могъ показать, что по устраненіи всѣхъ тѣхъ симптомовъ, которые мы хотѣли бы разсмотрѣть, *вообще остается еще какой-то предметъ*! Пусть себѣ ясно представятъ, чего еще вообще можно искать за нервными токами и состояніями напряженія акта ощущенія! Это будетъ или *субъективное состояніе* ощущающаго, или *духовное значеніе содержанія ощущенія*. Перваго конечно никто нигдѣ не можетъ наблюдать, кромѣ самого себя, и изъ многочисленныхъ изслѣдованій *Фохтовскаго* знаменитаго сравненія съ уриною ясно обнаружилось, что нельзя принимать „мысль" за отдѣльный продуктъ на ряду съ вещественными процессами, но что именно субъективное состояніе ощущающаго недѣлимаго *въ тоже время* для внѣшняго наблюденія есть объективное, есть нѣкоторое

молекулярное движеніе. Это объективное состояніе по закону сохраненія силы должно быть внесено въ непрерывный причинный рядъ. *Пусть же намъ представятъ этотъ рядъ вполнѣ!* Это непремѣнно возможно сдѣлать, не обращая никакого вниманія на субъективное состояніе, такъ какъ это состояніе не есть *отдѣльный членъ въ цѣпи органическихъ процессовъ*, но какъ бы только разсматриваніе какого либо изъ этихъ процессовъ съ нѣкоторой другой стороны. Правда, мы здѣсь наталкиваемся на границу матеріализма, но только вслѣдствіе того, что проводимъ его съ самой строгой послѣдовательностью. Мы дѣйствительно держимся того взгляда, что въ ощущеніяхъ внѣ и возлѣ упомянутыхъ нервныхъ процессовъ *едвали вообще слѣдуетъ искать чего нибудь другаго*; только сами эти процессы имѣютъ еще совершенно другой *способъ проявленія*, а именно тотъ, который недѣлимое называетъ *ощущеніемъ*. Весьма возможно, что мы наконецъ придемъ къ тому, что точнѣе опредѣлимъ часть физическихъ процессовъ, которая по времени совпадаетъ съ *возникновеніемъ ощущенія недѣлимаго*. Это было бы крайне интересно, и ничего нельзя было бы возразить противъ того, если бы эта опредѣленная часть круговорота нервныхъ процессовъ была тогда названа просто „ощущеніемъ". Задачу же: еще точнѣе опредѣлить отношеніе субъективнаго процесса ощущенія къ объективно наблюдаемому нервному процессу, напротивъ, нужно считать невозможною.

Что касается теперь *духовнаго значенія* содержанія ощущенія, то и оно не можетъ быть вполнѣ отдѣлено отъ физическаго явленія. Образцовое произведеніе ваянія или грубая его копія даютъ конечно плевѣ сѣтчатой оболочки зрителя одинаковое количество свѣтовыхъ раздраженій, но какъ скоро глазъ слѣдитъ за линіями, возникаютъ уже другія ощущенія движенія въ глазныхъ мускулахъ. А то, что эти ощущенія дѣйствуютъ затѣмъ не по абсолютной массѣ движенія, но по *тончайшимъ численнымъ отношеніямъ между отдѣльными импульсами* движенія,—это мы найдемъ очень естественнымъ, если вспомнимъ, какую роль играютъ численныя отношенія уже въ первомъ образованіи ощущеній чувствъ. Конечно именно этотъ пунктъ окажется принадлежащимъ къ самымъ послѣднимъ и труднѣйшимъ загадкамъ природы, но мы поэтому не имѣемъ еще ни малѣйшаго повода исключать духовно значительное, художественно сложившееся ощущеніе или полную содержанія мысль изъ сферы обыкновенныхъ процессовъ ощущенія. Конечно, не слѣдуетъ только поступать подобно тому, кто вздумалъ бы искать мелодій, исполняемыхъ органомъ, въ его отдѣльныхъ трубкахъ.

Совокупное дѣйствіе очень многихъ, и въ отдѣльности чрезвычайно слабыхъ, нервныхъ импульсовъ должно намъ дать ключъ для физіологическаго

пониманія мышленія, и *форма* этого совокупнаго дѣйствія — характеристическая во всякой отдѣльной функціи. Необъясненнымъ остается вотъ что: то, какъ внѣшній процессъ природы есть, въ тоже время, *внутренній* для мыслящаго субъекта: это и есть тотъ пунктъ, который вообще выходитъ за границы познанія природы.

III. Естественнонаучная психологія.

Но, что скажетъ *психологія*, если мы внутреннюю, субъективную сторону человѣческаго существа сначала поставимъ совершенно на заднiй планъ? Вѣдь появилась въ нашемъ столѣтіи не только *естественно-научная*, но и *математическая* психологія, и вѣдь существуетъ цѣлый рядъ разумныхъ и почтенныхъ людей, которые серьезно полагаютъ, что *Гербартъ* своими дифференціальными уравненіями такъ основательно объяснилъ міръ представленій, какъ Коперникъ и Кеплеръ—міръ небесныхъ тѣлъ. Это, конечно, такое же жестокое самообольщеніе, какъ френологія; а что касается психологіи, какъ естественной науки, то этимъ прекраснымъ названіемъ до такой степени злоупотребляли, что легко можно подвергнуться опасности выбросить ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны. Но мы можемъ за начатками дѣйствительно естественно-научной и въ отдѣльныхъ частяхъ даже математической разработки психологическихъ вопросовъ сохранить ихъ полное значеніе, нимало не покидая при этомъ выше изложенной точки зрѣнія.

Прежде всего нужно упомянуть, что понятіе психологіи только для схоластика и невѣжественнаго педанта можетъ быть совершенно опредѣленнымъ и вполнѣ яснымъ понятіемъ. Правда, что весьма дѣльные и остроумные люди начинали свои мнимо естественно-научныя изслѣдованія отдѣломъ о „сущности души"; но въ этомъ нужно видѣть остатокъ вліянія пустой схоластической метафизики, если они воображали этимъ способомъ получить твердое основаніе для изслѣдованія. Нужно исключить конечно тѣ случаи, гдѣ понятіе о душѣ разсматривается только исторически или критически. Но кто еще ставитъ впереди положительныя ученія о душѣ, какъ напр. о ея простотѣ, непротяженности и тому подобное, или кто полагаетъ, что область ученія о душѣ заранѣе нужно со всѣхъ сторонъ тщательно оградить прежде, чѣмъ начинать созидать, у того и думать нечего о естественно-научной разработкѣ предмета. Что сказали бы мы о естествоиспытателѣ, который началъ бы съ уясненія себѣ сущности природы и который лишь тогда считалъ бы свои изслѣдованія цѣлесообразными, когда бы онъ напередъ точно уяснилъ себѣ, что такое природа? Еще яснѣе становится дѣло въ спеціальныхъ областяхъ. Если бы

Гильбертъ не теръ свои кусочки янтаря прежде, чѣмъ уяснить себѣ сущность электричества, то онъ, вѣроятно, никогда не сдѣлалъ бы важнаго шага для познанія этой сущности. Какой изслѣдователь могъ бы нынѣ точно опредѣлить, что такое *магнетизмъ*? Понятіе преобразуется въ рукахъ самого изслѣдователя. Изъ силы магнита притягивать желѣзо дѣлается болѣе общая сила. Земля признается за магнитъ. Открывается связь съ электричествомъ. Діамагнетизмъ раскрывается во множествѣ самыхъ удивительныхъ явленій. Куда бы дѣвались блистательныя открытія *Эрстеда*, *Фарадея*, *Плюккера*, если бы они сначала метафизически изслѣдовали понятіе магнетизма и лишь потомъ начали бы свои естественно-научныя изслѣдованія!

Замѣчательнымъ памятникомъ философскаго броженія въ Германіи нужно считать, что такой тонкій умъ, какъ *Гербартъ*, человѣкъ съ удивительной строгостью критики и съ большимъ математическимъ образованіемъ, могъ придти къ странной мысли, *найти умозрѣніемъ принципъ для статики и механики представленій*. Еще удивительнѣе то, что такой просвѣщенный, чисто философскимъ образомъ преданный практической жизни умъ могъ погрузиться въ тяжелую и неблагодарную работу—выработать цѣлую систему статики и механики духа по своему принципу, не имѣя въ опытѣ никакого ручательства за правильность дѣла. Мы здѣсь видимъ, какъ своеобразно связаны дарованія и дѣйствія человѣка. Что *Галль* своимъ громаднымъ опытомъ, своими обширными и спеціальными знаніями не былъ предохраненъ отъ изобрѣтенія френологіи,—намъ очень понятно при фантастическомъ, огненномъ характерѣ этого человѣка; но что Гербартъ могъ изобрѣсти математическую психологію, тогда какъ онъ высоко стоялъ по своимъ, которыя обыкновенно предохраняютъ отъ такихъ путей,—всегда останется въ высшей степени замѣчательнымъ доказательствомъ могущества метафизическаго водоворота, который въ то время охватывалъ въ нашемъ отечествѣ даже противящихся и бросалъ ихъ въ кометный путь безпредметныхъ открытій.

Всеже, могущественное стремленіе Гербарта заслуживаетъ лучшаго опроверженія, чѣмъ простое невниманіе. Сдѣланныя до сихъ поръ попытки критическаго устраненія математической психологіи страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что теряются въ различныхъ соображеніяхъ и отчасти совсѣмъ не указываютъ, отчасти указываютъ не довольно строго *логическую элементарную ошибку* въ выводѣ фундаментальной формулы. Мы въ отдѣльномъ сочиненіи [40]) попытались пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей философской литературѣ, ибо наше отверженіе математической психологіи не должно быть пущено входъ бездоказательно; но въ этомъ мѣстѣ тяжелый трудъ доказательства нарушилъ бы связь и помѣшалъ бы ясному изложенію критики, насколько она касается *матеріализма*. Если бы существовала математическая психологія, то мы могли бы принять ее во вниманіе уже потому, что она была бы самымъ вѣрнымъ доказательствомъ той *закономѣрности всякаго психическаго процесса*, которая справедливо утверждается матеріализмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшимъ опроверженіемъ *сведенія всего существующаго на вещество*. Мы въ то же время должны бы были значительно измѣнить наше предыдущее изложеніе отношенія между мозгомъ и душой, такъ какъ математическая психологія Гербарта трудно отдѣлима отъ его метафизики. Но, какъ мы сказали, математическая психологія для насъ не существуетъ, а только мы могли бы найти въ ней основаніе вникнуть еще разъ точнѣе въ метафизическую основу психологіи *по Канту*. Если мы далѣе вообще будемъ признавать, что мы ничего не можемъ знать о послѣднемъ основаніи всѣхъ вещей; если мы порѣшили причислить сознательное стремленіе умозрѣнія къ *художественнымъ стремленіямъ*; если мы согласимся въ томъ,— идя въ этомъ пунктѣ далѣе Канта,—что стремленіе разума къ единству всегда ведетъ къ *творчеству*, которое наукѣ пригодно только косвенно,—тогда можно безъ опасенія смѣшенія понятій выдвинуть вновь метафизику Гербарта, и въ ней мы откроемъ пунктъ, который представляетъ замѣчательную аналогію съ метафизическими основными началами естественной науки нашихъ нынѣшнихъ математическихъ физиковъ. Истинно существующее, по Гербарту, есть множество простыхъ существъ, которыя однако весьма существенно отличаются отъ монадъ Лейбница. Монады производятъ весь міръ изъ себя, какъ представленіе; „реальныя“ Гербарта напротивъ, взятыя сами по себѣ, лишены всякаго представленія, *но они дѣйствуютъ другъ на друга и они стремятся устранить отъ себя эти дѣйствія*. Душа есть такое простое существо, нѣкоторое „реальное“, кото-

40) ‹Die Grundlegung der mathemat. Psychologie. Ein Versuch zur Nachweisung des fundamentalen Fehlers bei Herbart u. Drobisch›. Duisburg 1865 (jetzt im Verl. von Bleuher-Hausheer & Comp. in Winterthur). *Корнеліусъ*, въ Zeitschrift f. ex. Phil. Bd. VI, H. 3., пытался сдѣлать опроверженіе, которое, не смотря на свой рѣшительный тонъ, мнѣ кажется не требуетъ возраженія. Спокойное сравненіе основаній за и противъ было бы достаточно, чтобы показать несостоятельность математической психологіи. *Виттштейнъ* пытался дать новыя основанія математической психологіи, которыя избѣгаютъ порицаемой мною ошибки въ основаніяхъ Гербарта, но въ то же время ведутъ и къ совершенно другимъ результатамъ, чѣмъ гербатовскіе. Но легко понять, что если только мы откажемся отъ притязанія на строго метафизическую дедукцію принципа, то методологически нѣтъ пока никакого побужденія вообще устанавливать такую теорію.

рое приходитъ въ столкновеніе съ другими существами. Ея дѣйствія самосохраненія суть представленія. Какъ безъ давленія нѣтъ противодѣйствія, такъ безъ нарушенія не было бы представленія. Но здѣсь, во всякомъ случаѣ и достоинъ вниманія для будущаго метафизическаго домашняго употребленія тотъ взглядъ, по которому сущность душевной дѣятельности состоитъ въ *нѣкоторомъ воздѣйствіи на внѣшнее дѣйствіе.* Съ этимъ необходимо нужно сравнить взглядъ новѣйшей молекулярной теоріи, по которой понятіе *силы* вовсе не придается отдѣльному атому и имѣетъ мѣсто только во *взаимномъ отношеніи* нѣсколькихъ атомовъ. Гербартъ конечно никогда не видѣлъ ясно, что если послѣдовательно развивать его взглядъ, то всѣ представленія заключаются не „въ душѣ", простомъ существѣ, *но что они суть взаимныя отношенія между отдѣльными реальными, такъ же какъ физическія силы между атомами.*

Этою послѣдовательностью своему основному воззрѣнію Гербартъ избѣгъ бы безчисленнаго множества противорѣчій, которыя истекали изъ того, что душа должна быть *простой* и неизмѣнной, безъ всякихъ внутреннихъ состояній, и однако должна носить въ себѣ представленія. Онъ получаетъ чрезъ это родъ безсмертія души, которое однакоже равняется вѣчной смерти, если не найдутся другія простыя существа, которыя вступятъ съ нею въ такое же тѣсное взаимодѣйствіе, какъ и составныя части тѣла. Это значитъ дорого заплатить за пустое понятіе.

Такъ какъ преимущественно изъ школы Гербарта произошли именно стремленія основать естественно-научную психологію, то часто не безинтересно выставить тѣ скрытыя противорѣчія, съ которыми необходимо связано признаніе абсолютно простой и все же представляющей души. Абсолютно простое не способно и ни къ какому внутреннему измѣненію, ибо измѣненіе мы можемъ представить только въ видѣ измѣняющихъ порядокъ частей. Поэтому Гербартъ также и не говоритъ, что реальныя дѣйствуютъ другъ на друга, но что они пострадали бы отъ дѣйствій другъ на друга, *если бы* не сопротивлялись имъ посредствомъ нѣкотораго акта *самосохраненія.* Какъ будто этимъ сказано что-либо другое, а не признаніе простаго взаимодѣйствія! Вайтцъ придаетъ въ своей психологіи (S. 81) большое значеніе различію между *расположеніями* къ нѣкоторому состоянію и дѣйствительными *состояніями.* Такъ идетъ дѣло въ метафизикѣ. Душа не должна имѣть состояній, отнюдь нѣтъ, иначе пропало бы ея абсолютное единство! Но расположенія—это совершенно другое дѣло; „стремленія"—почему же нѣтъ? Метафизикъ опровергаетъ съ большою растратою остроумія всѣ возможные другіе взгляды, и тамъ, гдѣ онъ развиваетъ свое собственное мнѣніе, онъ дѣлаетъ логическое кувырканье самаго обыкновеннаго сорта. Всякій другой видитъ, что расположеніе къ состоянію есть также состояніе, что самосохраненіе противъ *угрожающаго* дѣйствія немыслимо безъ *дѣйствительнаго,* какого угодно тонкаго, дѣйствія. Метафизикъ этого не видитъ. Онъ со своею діалектикою дошелъ до края обрыва, всѣ понятія сто разъ вертѣлъ, перебиралъ, отбрасывалъ, и наконецъ, *онъ непремѣнно долженъ же что-нибудь знать.* Тогда онъ закрываетъ глаза и отважно дѣлаетъ salto-mortale—съ высотъ самой строгой критики въ обыкновеннѣйшее смѣшеніе слова и понятія! Если это удалось, то онъ весело идетъ далѣе. Чѣмъ болѣе противорѣчивое принято въ первомъ основаніи, тѣмъ свободнѣе можно умозаключать, такъ точно, какъ изъ математическихъ положеній, которыя скрыто содержатъ факторомъ нуль, часто можно вывести удивительнѣйшія вещи.

Гербартъ самъ однажды сказалъ, что намъ вмѣсто исторіи психологіи, какъ она написана Ф. А. *Карусомъ,* гораздо нужнѣе была бы *критика психологіи.* Мы боимся, что если бы *теперь* была написана эта критика, отъ всей мнимой науки немного осталось бы.

Всеже естественно-научная психологія существуетъ въ своихъ первыхъ начаткахъ, и именно школа Гербарта для Германіи образуетъ важный членъ переходной эпохи, хотя здѣсь наука лишь съ трудомъ начинаетъ освобождаться отъ метафизики. *Вайтцъ,* остроумный мыслитель, по который очевидно, какъ это бываетъ съ приватъ-доцентами и экстраординарными профессорами, началъ писать слишкомъ рано и, такъ сказать, застылъ въ потокѣ развитія, настолько освободился отъ Гербарта, что отбросилъ математическую психологію и все метафизическое основаніе гербартовской психологіи преобразовалъ въ мнимую *гипотезу* о существѣ души. Но этимъ конечно мало выиграно. Имѣть ясныя гипотезы вмѣсто неясныхъ и безсмысленныхъ догмъ было бы уже большимъ прогрессомъ; но что такое для насъ гипотеза о существѣ души, или даже гипотеза только о *существованіи* души, пока мы еще такъ мало знаемъ точнаго о *частныхъ явленіяхъ,* на которыя однако прежде всего должно устремиться всякое точное изслѣдованіе? Въ немногихъ явленіяхъ, которыя до сихъ поръ были доступны болѣе точному наблюденію, не заключается ни малѣйшаго побужденія вообще принимать душу, въ какомъ бы то ни было точнѣе опредѣленномъ смыслѣ, и скрытое основаніе къ этому предположенію заключается собственно всегда только въ преданіи, или

---

[41]) *Herbart,* Psychol. als Wissenschaft, 1. S. 44 (Anfang von § 17): «Мы недавно получили исторію психологіи Каруса, безъ сомнѣнія очень дѣльное сочиненіе. Но критика психологіи въ духѣ критики ученія о нравственности Шлейермахера была бы гораздо желательнѣе».

въ тайномъ стремленіи сердца идти противъ пагубнаго матеріализма. Этимъ причиняется двойное зло. Естественнонаучная психологія портится и искажается; спасеніе же и укрѣпленіе идеальнаго, которое считаютъ угрожаемымъ матеріализмомъ, упускается, ибо воображаютъ, что невѣсть что сдѣлали, если для стараго баснословія о душѣ приводятъ мишуру новаго доказательства.

„Но развѣ психологія не есть *„ученіе о душѣ?“* Какъ же мыслить эту науку, оставляя подъ сомнѣніемъ, *имѣетъ ли она вообще объектъ*? Вотъ опять прекрасный образчикъ смѣшенія имени и вещи! Мы имѣемъ традиціонное названіе для большой, но отнюдь неточно ограниченной группы явленій. Это названіе передано намъ изъ такого времени, въ которое еще не знали нынѣшнихъ требованій строгой науки. Неужели его отвергнуть потому, что объектъ науки измѣнился? Это было бы непрактическимъ педанствомъ. Слѣдовательно, принять спокойно психологію безъ души! Вѣдь названіе еще пригодно, пока здѣсь остается еще дѣлать что-нибудь, что не дѣлается вполнѣ другою наукой [42]). Конечно не легко поставить границы по отношенію къ физіологіи. Но и это ничего не значитъ. Если тѣ же открытія сдѣланы будутъ на двухъ различныхъ путяхъ, что ихъ цѣна тѣмъ больше. Но точнѣе можно понять это обстоятельство лишь тогда, когда мы поставимъ вопросъ о *пріемахъ* психологіи, причемъ именно подлежитъ критикѣ пресловутое понятіе *самонаблюденія*.

О „наблюденіи самаго себя“ *Кантъ* говоритъ, что это есть методическое собираніе воспріятій, сдѣланныхъ въ насъ самихъ, которое даетъ матеріалъ *для дневника наблюдателя самаго себя* и „легко можетъ повести къ мечтательности и сумасшествію“. Онъ предостерегаетъ, „чтобы отнюдь не приниматься за выслѣживаніе и какъ бы методическое составленіе внутренней исторіи *непроизвольнаго* теченія своихъ мыслей и чувствъ“, и именно „потому, что это есть прямой путь къ хаосу мнимыхъ высшихъ вдохновеній и, безъ нашего содѣйствія, Богъ знаетъ откуда дѣйствующихъ на насъ силъ, къ иллюминизму и терроризму. „Ибо незамѣтно мы здѣсь дѣлаемъ мнимыя открытія того, что мы сами внесли въ себя, какъ *Буриньонъ* или *Паскаль* или даже вообще превосходная голова, *Альбрехтъ Галлеръ*, который при своемъ долговеденномъ, часто, впрочемъ, прерываемомъ дневникѣ своего душевнаго состоянія дошелъ наконецъ до того, что спрашивалъ знаменитаго теолога, своего прежняго академическаго товарища, д-ра *Лесса*: „не найдетъ ли онъ въ своемъ обильномъ сокровищѣ божественной учености утѣшенія для его

[42]) Срав. тутъ *Brentano*, Psychol. vom empir. Standpunkte, Leipzig 1874, I. S. 13.

страждущей души?“. И далѣе: „что впрочемъ знаніе человѣка посредствомъ внутренняго опыта, такъ какъ онъ поэтому судитъ по большей части и о другихъ, представляетъ большую важность, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть еще бо́льшую трудность, чѣмъ правильное сужденіе о другихъ, ибо изслѣдователь своего внутренняго міра, вмѣсто того, чтобы только наблюдать, легко многое *вноситъ* въ самосознаніе, почему полезно и даже необходимо начинать съ наблюденныхъ *явленій* въ самомъ себѣ и лишь потомъ переходить къ утвержденію извѣстныхъ положеній, которыя касаются природы человѣка, т. е. къ *внутреннему опыту*“.

Кантъ основалъ поэтому свою собственную эмпирическую психологію не на самонаблюденіи, но существенно на наблюденіи другихъ. Онъ однако въ своей Критикѣ чистаго разума указалъ „внутреннему чувству“ отдѣльную область и злоупотребленіе этимъ сборнымъ мѣстомъ метафизическаго произвола не заставило себя ждать [43]). Правда, мечтательность и сумасшествіе предостав-

[43]) Ученіе о «*внутреннемъ чувствѣ*» коренится въ разсужденіяхъ *Аристотеля* (de anima III, c. 2) о воспріятіи воспріятій. Оно развито у *Галена*, который различаетъ три внутреннія чувства: φανταστικόν, διανοητικόν и μνημονευτικόν. Ихъ задача: тотъ матеріалъ, который дается внѣшними чувствами, усвоить и познавать съ сознаніемъ («sensus communis» схоластиковъ, соотвѣтствующій φανταστικόν Галена), получать изъ него посредствомъ соединенія и раздѣленія другія познанія (cogitatio—διανοητικόν) и сохранять познанія и возвращать ихъ сознанію средствомъ воспоминанія (memoria). Этимъ тремъ внутреннимъ чувствамъ отводились въ передней - средней и задней части головы особые органы мозга. Выше стоялъ еще *разумъ*, какъ существенно имѣющій другую природу. Это ученіе оставалось господствующимъ (срав. напр. въ психологіи *Меланхтона* главу «de sensibus interioribus») до Декарта, который покинулъ основу Галена и сдѣлалъ совершенно другое различеніе, позднѣе многократно смѣшивавшееся съ традиціями о внѣшнемъ и внутреннемъ чувствѣ. А именно, по Декарту чувства даютъ только чисто тѣлесные образы вещей въ мозгу, которые воспринимаются душою. Этотъ невѣроятно наивный антропоморфизмъ, который просто напросто въ человѣка сажаетъ человѣка, соединяется съ такимъ же наивнымъ отвлеченіемъ: тѣлесные образы вещей въ мозгу—протяженны; но ихъ «воспріятіе» (perceptio) душою есть актъ «мышленія» (cogitare) въ широкомъ смыслѣ, т. е. непротяженный актъ непротяженнаго существа. Такимъ образомъ объектъ представленія, который собственно есть то, что наполняетъ наше сознаніе, произвольно и безсмысленно отрывается отъ акта представленія. Но лишь такимъ образомъ дѣлается возможнымъ абсолютно нечувственное и непространственное мышленіе, которое проходитъ черезъ всю новѣйшую философію (самую сильную оппозицію противъ этого призрака мы находимъ у *Беркелея*) и совершенно развязно говорятъ о «представленіяхъ» души, какъ будто совокупно съ ними мыслится и содержаніе, которое вѣдь есть единственно существенное; но лишь

лены были прошлому столѣтію, возбужденныя натуры котораго были болѣе расположены къ этому; но то, что могутъ сдѣлать фантастическій произволъ

только дѣло доходитъ до того, чтобы утверждать безпространственность души, представленіе опять понимается какъ простой актъ представленія, т. е. какъ нѣчто, что въ своей отдѣльности отъ представляемаго предмета есть чистое ничто. Потомъ *Лейбницъ* далъ намъ различіе чувственной «*перцепціи*» (у Декарта «perceptio» есть воспріятіе души) отъ «*апперцепціи*», которое есть сознательное пониманіе предмета душою; опять различіе сливавшееся въ традиціи съ «внутреннимъ» и «внѣшнимъ» чувствомъ, хотя Лейбницъ при этомъ вовсе не думалъ объ ученіи о внутреннемъ чувствѣ. Но и у *Вольфа*, *Билфингера* и у другихъ выдающихся послѣдователей это ученіе нигдѣ прямо не излагается; Вольфъ впрочемъ говоритъ въ «раціональной психологіи» о внутреннемъ и внѣшнемъ «acumen» чувства (§ 269) и подразумѣваетъ подъ этимъ изощреніе чувственной способности воспріятія вслѣдствіе какой нибудь внутренней или внѣшней причины: слѣдовательно опять различіе совершенно другаго рода.—*Тетенсъ*, phil. Vers. über d. menschl. Natur, 1777, 1. S. 45, жалуется на то, что Вольфъ не употребляетъ понятія внутренняго чувства. Онъ самъ, приближаясь въ этомъ сильно къ *Локковой* «reflexion», противуполагаемой «sensation», называетъ «представленіями внутренняго чувства» тѣ представленія, «которыя мы имѣемъ объ насъ самихъ, о нашихъ внутреннихъ измѣненіяхъ, нашихъ дѣятельностяхъ и способностяхъ».

Кантъ повидимому ввелъ «внутреннее чувство» на томъ же основаніи, на которомъ онъ вообще давалъ понятіямъ традиціонной психологіи и логики такое глубокое и роковое вліяніе на свою систему: а именно потому, что думалъ въ старой и въ извѣстномъ отношеніи испытанной сѣти понятій имѣть гарантію для *полноты обсуждаемыхъ явленій*. Что для него вообще главнымъ дѣломъ была не традиціонная *теорія*, а традиціонное раздѣленіе, показываетъ свобода, а отчасти и осторожность его опредѣленій, которые вездѣ какъ можно меньше держатся традиціонныхъ понятій и имѣютъ въ виду только точныя, ничего безъ нужды не предрѣшающія разграниченія предмета. По *Когену*, Kants Theorie der Erfahrung, X, S. 146 u. ff. Кантъ принимаетъ внутреннее чувство ради того, чтобы опровергнуть «матеріальный идеализмъ» именно въ той области, въ которой тотъ искалъ своей главной опоры, и чтобы у догмата о *субстанціи души* отнять его существенное основаніе. Кантъ поэтому прямо учитъ, что или совсѣмъ нельзя принимать никакого внутренняго чувства, или что субъектъ, который составляетъ его предметъ, долженъ быть, подобно предметамъ внѣшняго чувства, *явленіемъ*. Насколько Кантъ при этомъ (по Когену) уже былъ на пути совершенно здравой психологіи, которая превратила «способности» въ *процессы*, мы оставимъ въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ ближайшее дѣйствіе предположенія «внутренняго чувства» было неблагопріятное и сбивающее съ пути. Слѣдуетъ также здѣсь указать, что связанная съ ученіемъ о «внутреннемъ чувствѣ» *трансцендентальная дедукція времени* далеко не имѣетъ той очевидности, какъ дедукція пространства, что она напротивъ подлежитъ значительнымъ сомнѣніямъ.

и безпокойное стремленіе къ умозрѣнію, тщательно сдѣлано *внесеніемъ любыхъ выдумокъ* въ мнимое поприще наблюденій внутренняго чувства. Образецъ въ этомъ отношеніи представилъ намъ въ особенности *Фортлаге*, который, какъ экстраординарный профессоръ, (въ іюнѣ 1855) написалъ два толстыхъ тома, подъ заглавіемъ: „Система психологіи, какъ эмпирической науки, изъ наблюденія внутренняго чувства". Сначала онъ подготовилъ себѣ внутреннее чувство, которому приписываетъ рядъ функцій обыкновенно приписываемыхъ внѣшнему чувству; потомъ онъ отмѣриваетъ себѣ поле наблюденія и начинаетъ наблюдать. Напрасно назначили бы премію тому, кто въ обоихъ толстыхъ томахъ нашелъ бы хоть одно дѣйствительное наблюденіе. Вся книга зиждется на общихъ положеніяхъ, съ терминологіею собственнаго изобрѣтенія, причемъ нигдѣ не сообщено ни единаго опредѣленнаго явленія, о которомъ Фортлаге могъ бы указать, гдѣ и когда онъ его имѣлъ, или что нужно сдѣлать, чтобы его получить. Намъ прекрасно описывается, какъ напр. при разсматриваніи листка, лишь только его форма бросается въ глаза, эта форма становится фокусомъ вниманія, „необходимое слѣдствіе чего то, что въ сознаніи проясняется слившаяся съ формою листа по закону подобія скала формъ". Намъ говорится, что потомъ листъ „расходится въ воображаемомъ пространствѣ въ скалѣ формъ"; но когда, какъ и гдѣ это случалось и на какомъ опытѣ собственно основано это «эмпирическое» познаніе, остается также неясно, какъ родъ и способъ, которымъ наблюдатель дѣйствуетъ «внутреннимъ чувствомъ», какъ и доказательство того, что онъ употребляетъ такое чувство, а не на удачу кристаллизируетъ въ систему свои выдумки и изобрѣтенія.

По нашему мнѣнію между внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіями никоимъ образомъ нельзя провести твердой границы. Если астрономъ наблюдаетъ звѣзду, то это называется внѣшнимъ наблюденіемъ; но если онъ узнаетъ по первому взгляду, что онъ имѣетъ передъ собой Марса, то онъ, по Фортлаге, будто-бы въ то же время дѣйствуетъ внутреннимъ чувствомъ, ибо глазъ видитъ лишь свѣтлый пунктъ; астрономъ-же видитъ тотчасъ и безъ дальнѣйшаго наблюденія Марса, ибо онъ его знаетъ. Но развѣ онъ для этого употреблялъ другой духовный органъ, чѣмъ человѣкъ, который видитъ только звѣзду, или ребенокъ, который смотритъ только на свѣтлую точку и еще ничего не знаетъ о звѣздахъ? Фортлаге говоритъ: „Кто посредствомъ изученія музыки и слушанія образцовыхъ піесъ становится способенъ къ высшему музыкальному пониманію, тотъ *вооружаетъ свое внѣшнее чувство внутреннимъ*, и если онъ вслѣдъ затѣмъ тотчасъ чувствомъ различаетъ въ музыкальномъ произведеніи ошибки отъ красотъ, характеристичность отъ пошлости, прямое дви-

женіе отъ обратнаго, Dur отъ Moll, то способность различать здѣсь не менѣе обусловлена и придана внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ при чужомъ языкѣ, который мы понимаемъ лишь тогда, когда ему научились". По нашему мнѣнію, весьма интересная задача будущей психологіи или физіологіи состоитъ въ томъ, чтобы найти, на чемъ основывается то, что съ трудомъ пріобрѣтенная связь между звуковымъ ощущеніемъ и другими мозговыми дѣятельностями вослѣдствіи обнаруживается повидимому совершенно непосредственно. Такъ-какъ мы не знаемъ никакого исхода, чтобы подойти къ этому вопросу прослѣживаніемъ собственныхъ ощущеній или другими средствами, то мы хорошо сдѣлаемъ, остановившись на томъ, что вѣроятно въ обоихъ случаяхъ мы слышимъ ушами.

Чтó дѣлать съ тѣми случаями, въ которыхъ непосредственное зрѣніе всякаго здороваго глаза, безъ всякаго особеннаго развитія, обусловливаетъ уже элиминацію, дополненіе или измѣненіе механически вызваннаго образа? Видимъ ли мы стереоскопически внутреннимъ чувствомъ, или внѣшнимъ? Внутреннимъ ли чувствомъ мы дополняемъ мѣста зрительнаго поля, которыя приходятся на мѣсто вступленія зрительнаго нерва? Слышимъ аккордъ, какъ таковой, внѣшнимъ-ли чувствомъ?—Но мы можемъ идти далѣе и спросить: внѣшнее ли это наблюденіе, когда мы концы нервовъ кожи трогаемъ двумя ножками циркуля, которые ощущаются то одиночно, то вдвойнѣ? Самонаблюденіе ли это, когда мы обращаемъ свое вниманіе на больной мозоль? Къ какой области причислить, когда мы пропускаемъ гальваническій токъ черезъ голову и при этомъ воспринимаемъ субъективные цвѣта или звуки? Съ „наружнымъ" и „внутреннимъ" заранѣе ничего нельзя сдѣлать, ибо я вообще не могу *имѣть* никакихъ *представленій* внѣ себя, хотя-бы и была вѣрна теорія, по которой я воспринятые *предметы переношу* вовнѣ. Видѣть и мыслить есть нѣчто одинаково внутреннее и одинаково внѣшнее. Если я хочу еще разъ перемыслить свои мысли, то я вызываю тѣ ощущенія въ органахъ рѣчи, которыя мы выше признали какъ бы за тѣло мысли. Я ихъ ощущаю такимъ же внѣшнимъ образомъ, какъ всякое другое ощущеніе, и что касается духа, содержанія, значенія этого комплекса тончайшихъ ощущеній, то объ этомъ нужно сказать то же самое, чтò объ эстетическомъ достоинствѣ какого нибудь рисунка. Этого достоинства нельзя отдѣлить отъ линій рисунка, хотя оно есть нѣчто другое. Подобная же противуположность между формой и веществомъ ощущенія встрѣчается въ безчисленныхъ оттѣнкахъ, причемъ ни объ какомъ классѣ ощущеній мы никакъ не можемъ утверждать, что съ него начинается внутреннее и кончается внѣшнее. По простодушному опредѣленію Фортлаге, поле наблюденія физіологіи есть человѣкъ, насколько онъ воспринимается внѣшнимъ чувствомъ, поле же наблюденія психологіи—человѣкъ, насколько

онъ воспринимается внутреннимъ чувствомъ. Большею частію мы готовы относить къ психологіи, когда наблюдаются первыя слова ребенка и изъ нихъ выводятся заключенія о ходѣ его духовнаго развитія; напротивъ—къ физіологіи, когда новорожденныхъ дѣтей укалываютъ иголкой или щекотятъ, чтобы наблюдать рефлекторныя движенія въ ихъ переходѣ къ произволу. Между тѣмъ для тѣхъ и другихъ наблюденій употребляются обыкновенныя чувства и, по опредѣленію Фортлаге, кромѣ того еще и внутреннее чувство, ибо въ обоихъ случаяхъ видѣнное и слышанное требуетъ еще соотвѣтственнаго толкованія.—Вообще не трудно понять, что природа всякаго наблюденія одна и таже, и что различіе главнымъ образомъ заключается только въ томъ, таково ли свойства наблюденіе, что оно можетъ быть одновременно или позднѣе сдѣлано также другими, или же оно ускользаетъ отъ всякой такой повѣрки и подтвержденія. Внѣшнее наблюденіе никогда не повело бы къ твердой эмпирической или даже точной наукѣ, если бы невозможно было повѣрить каждое наблюденіе. *Элиминація вліянія предвзятыхъ взглядовъ и наклонностей* есть самый важный элементъ точныхъ пріемовъ и этотъ именно элементъ становится непримѣнимымъ къ тѣмъ наблюденіямъ, которыя направлены на собственныя мысли, чувства и стремленія; развѣ, впрочемъ, мы станемъ прямо фиксировать свои собственныя мысли писаніемъ или какимъ нибудь другимъ средствомъ, и потомъ изслѣдовать ходъ представленій, какъ у посторонняго. Правду сказать, такой способъ самонаблюденія очень мало любимъ именно за свою сравнительную достовѣрность, восхваляемое же самонаблюденіе повидимому любимо именно *за свои ошибки*. Ибо, даже если послѣдствіемъ его не бываетъ мечтательность и сумашествіе, какъ этого боялся Кантъ, то оно все же остается средствомъ придавать самымъ произвольнымъ образованіямъ метафизики видимость эмпирическаго вывода [44]).

---

[44]) Можно охотно допустить, что въ новѣйшее время наблюденіе процессовъ, которые называются «внутренними», сдѣлало большіе успѣхи, и что не только физіологами, но и людьми, которые заботятся о построеніи эмпирической психологіи, было сдѣлано въ этой области кой-что пригодное; напр. *Штумфомъ* въ его тонко выполненномъ изслѣдованіи о плоскостномъ представленіи чувства зрѣнія. («Ueber den psychol. Ursprung der Raumvorstellung», Leipz. 1873, I Capitel) — Гораздо меньше удались изслѣдованія во 2-й главѣ о представленіи «глубины въ чувствѣ зрѣнія». Но легко видѣть, что пріемъ здѣсь совершенно тотъ же самый, какъ при внѣшнемъ наблюденіи, и что этотъ способъ «самонаблюденія», если допустить это выраженіе, простирается настолько же далеко, какъ фантазія, функціи которой такъ тѣсно связаны съ функціями внѣшняго воспріятія.—*Брентано*, Psychol. vom empir. Standpunkte, I, Leipzig. 1874, вполнѣ согласенъ съ нашей критикой

*

Съ полною справедливостію поэтому новѣйшими психологами былъ примѣненъ и къ психологіи обыкновенный, строго методическій способъ наблюденія, который оказалъ естественнымъ наукамъ такія превосходныя услуги. Здѣсь принесъ большую пользу *Лотце* своею „медицинскою психологіею" (1852); но заглавіе его книги не помѣшало ему предпослать эмпирически-критическимъ изслѣдованіямъ 170 страницъ метафизики, которыя были причиной, что медики не извлекли изъ этой книги той пользы, какую они могли бы получить. Позднѣе, младшій *Фихте* зарекомендовалъ себя естествоиспытателямъ и врачамъ своею *антропологіею* (1856), какъ бы въ качествѣ философскаго домашняго врача и совѣтника совѣсти. Хотя его книга, благодаря логическимъ промахамъ и притязательному повторенію устарѣлыхъ заблужденій, только повредила философіи въ глазахъ натуралистовъ, но въ другихъ кружкахъ она много способствовала тому, чтобы сдѣлать осязательнѣе для общаго сознанія близкую связь психологіи и физіологіи. Въ эти времена даже случилось такое чудо, что *эпигоны гегелевской философіи* обратились отчасти къ трезвому, почти естественно-научному взгляду на психологію. *Жоржъ* написалъ пре-

«самонаблюденія» по способу Фортлаге; но онъ утверждаетъ (стран. 41), что я, по поводу путаницы въ этой области, несправедливо отрицаю внутреннее «*воспріятіе*» т. е. слѣдовательно и «внутреннее чувство» (сравн. предыдущее примѣчаніе). Никогда нельзя устремить вниманіе непосредственно на психическіе процессы, а слѣдовательно ихъ нельзя и «наблюдать», но ихъ можно «воспринимать» и это воспріятіе можно тогда подвергнуть съ помощью *памяти* болѣе точному изслѣдованію. Предметъ «внутренняго воспріятія», въ противоположность внѣшнему, есть по Брентано «психическія явленія», и они отличаются отъ физическихъ посредствомъ критеріума «интенціональной инекзистенціи», т. е. отношенія къ чему нибудь, какъ объекту, (стран. 127). Поэтому Брентано причисляетъ не только явленія, которыя намъ даютъ чувства, но и образы *фантазіи* къ *физическимъ* феноменамъ; *психическое же* представленіе есть представленіе *какъ актъ представленія* (стр. 103 и слѣд.). Чрезъ это конечно Брентано получаетъ, какъ и *Декартъ* (сравн. пред. примѣчаніе), твердое различіе физическаго и психическаго, но съ опасностью сдѣлать чистую иллюзію основаніемъ всей своей системы. Невозможность раздѣленія акта представленія отъ его содержанія мы уже показали въ примѣчаніи 43. Но что сказать о душевныхъ движеніяхъ? Гнѣвъ, напр., по Брентано, есть психическій феноменъ, ибо онъ относится къ нѣкоторому предмету. Но что можно въ гнѣвѣ воспринимать и наблюдать съ помощью памяти? Ничего кромѣ *чувственныхъ симптомовъ*, относительно которыхъ вездѣ опять воспріятіе находится въ совершенной аналогіи съ обыкновеннымъ внѣшнимъ воспріятіемъ. *Духовное* въ гнѣвѣ заключается въ *способѣ и манерѣ*, въ мѣрѣ соединенія и послѣдовательности этихъ симптомовъ, а не въ отдѣльномъ процессѣ, который можно бы особо воспринимать.

красную книжечку о пяти чувствахъ; *Шаллеръ* былъ вынужденъ въ своей борьбѣ противъ матеріализма обратить большое вниманіе на физіологію. Позднѣе оба они издали по Психологіи и оба эти сочиненія обрисовываютъ характеръ того времени. Заслуживаетъ всяческой похвалы, что они вполнѣ сознаютъ, что въ главной сути они стоятъ еще на почвѣ *умозрѣнія*, между тѣмъ какъ они *уже сходятъ* съ нея, подобно творцамъ мнимой естественно-научной психологіи. Напротивъ, всегда слѣдуетъ оспаривать, когда возникаетъ претензія, будто-бы умозрительное знаніе выше и достовѣрнѣе эмпирическаго, къ которому оно просто относится, какъ высшая ступень къ низшей. Пусть это не огорчаетъ читателей. Къ числу коренныхъ истинъ возникающаго новаго періода человѣчества принадлежатъ: не то, что умозрѣніе, какъ хотѣлъ *Контъ*, должно быть уничтожено, но что ему разъ навсегда слѣдуетъ указать его мѣсто, и слѣдуетъ знать, чтò оно можетъ сдѣлать для познанія и чего нѣтъ.

Шаллеръ выражается объ разсматриваемомъ отношеніи такимъ образомъ: „Естествовѣдѣніе можетъ похваляться точнымъ знаніемъ, если довольствуется тѣмъ, что изъ наблюденія явленій выводитъ ихъ законы и формулируетъ количественныя отношенія, которыя непосредственно содержатся въ этихъ найденныхъ законахъ. Конечно, каждому предоставляется удовольствоваться этимъ положительнымъ знаніемъ; но этимъ онъ необходимо отрекается отъ отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которыми искони занималась философія" [45]). А далѣе! Какъ различно отвѣчала философія на вопросы, которыми она искони занималась, достаточно извѣстно. Согласіе же, которое напротивъ господствуетъ въ естественныхъ наукахъ, зависитъ не отъ того, что эти науки ограничены одною областью, гдѣ все само собою разумѣется, но отъ употребленія *нѣкотораго метода*, котораго искусно развитыя и въ то же время согласныя съ природою ученія раскрылись человѣчеству лишь послѣ долгаго стремленія и примѣнимость котораго не имѣетъ границъ. *Но главная суть всѣхъ многочисленныхъ предосторожностей этого метода заключается въ томъ, что вліяніе субъективности изслѣдователя нейтрализируется.* Но именно отъ субъективной природы отдѣльнаго человѣка зависитъ каждый разъ особая форма умозрѣнія. И здѣсь мы должны предположить, что въ сходной организаціи всѣхъ людей и въ общемъ развитіи человѣчества заключается объективное основаніе частныхъ явленій, подобно тому, какъ въ строительномъ искусствѣ, въ музыкѣ у различныхъ и раздѣленныхъ одинъ отъ другого народовъ являются сходныя основныя черты. Если кто хочетъ довольствоваться тѣмъ,

[45]) *Schaller*, Psychologie, Weimar 1860, S. 17.

чтобы, покоряясь этому тайному зиждительному стремленію человѣчества, построить храмъ понятій, который хотя и не очень противорѣчитъ настоящему состоянію положительныхъ наукъ, но будетъ разрушенъ всякимъ методически добытымъ успѣхомъ знаній или будетъ срытъ до основанія и построенъ въ новомъ стилѣ всякимъ новымъ охотникомъ строить, тотъ можетъ конечно хвалиться стройнымъ законченнымъ художественнымъ произведеніемъ, но *онъ вмѣстѣ необходимо отказывается отъ того, чтобы способствовать хотя бы на одинъ шагъ истинному и пребывающему знанію на какомъ бы то ни-было поприщѣ*. Что кто хочетъ избрать должно быть предоставлено каждому. Обыкновенно каждому кажется выше всего то, что онъ самъ дѣлаетъ.

Въ какомъ объемѣ естественно-научный методъ примѣнимъ къ психологіи, должно обнаружиться по результату. Мы прежде всего замѣтимъ, что не одни только пограничныя области нервной физіологіи допускаютъ точность пріемовъ. Какъ бы неопредѣленны ни были для насъ границы психологіи, во всякомъ случаѣ, мы причислимъ къ ней не только факты жизни ощущеній, но и *изслѣдованіе человѣческой дѣятельности и рѣчи*, вообще всѣхъ проявленій жизни, насколько возможенъ изъ нихъ выводъ о природѣ и характерѣ человѣка. Самое ясное доказательство для этого есть существованіе *животной психологіи*, матеріалы къ которой однакоже нельзя собирать посредствомъ наблюденій „внутренняго чувства“. Здѣсь, гдѣ внѣшнее наблюденіе показываетъ намъ прежде всего только движенія, жесты и дѣйствія, истолкованіе которыхъ подлежитъ ошибкѣ, можно всетаки провести сравнительно очень точный пріемъ, такъ какъ животное легко можно подвергнуть эксперименту и привести въ положенія, которыя дѣлаютъ возможнымъ самое точное наблюденіе всякаго новаго возбужденія и произвольное повтореніе или устраненіе всякаго раздраженія, вызывающаго извѣстную психическую дѣятельность. Этимъ дано то основное условіе всего точнаго, по которому заблужденіе не безусловно избѣгается, но дѣйствіемъ метода можетъ быть сдѣлано безвреднымъ. Точно описанные пріемы съ точно описаннымъ животнымъ могутъ быть всегда повторены, вслѣдствіе чего истолкованіе, если оно связано съ перемѣнчивыми побочными обстоятельствами, тотчасъ исправляется и во всякомъ случаѣ основательно освобождается отъ вліянія личныхъ предубѣжденій, которыя играютъ такую большую роль при такъ называемомъ самонаблюденіи. Если мы и не имѣемъ еще системы животной психологіи, то все же имѣемъ начатки наблюденій, которыя по точности и по плодотворности далеко превосходятъ точку зрѣнія *Реймаруса и Шейтлина*. Увеличивающееся распространеніе *зоологическихъ садовъ* способствуетъ этимъ изученіямъ, и какъ бы

сильно ни различалось свободное существо животныхъ въ лѣсу и на полѣ отъ состоянія въ заключеніи, все-же, точное наблюденіе, основанное на послѣднемъ состояніи, не менѣе цѣнно, когда дѣло идетъ о полученіи общихъ положеній. Для вопросовъ матеріализма или идеализма впрочемъ можетъ быть найдется впослѣдствіи самый интересный матеріалъ тамъ, гдѣ его до сихъ поръ менѣе всего искали: въ наблюденіи *низшихъ животныхъ* по отношенію къ ихъ чувственнымъ воспріятіямъ. Уже *Молешоттъ* указалъ на то, что коловратка объ одномъ глазѣ, имѣющемъ только роговую оболочку, должна воспринимать другіе образы предметовъ, нежели наукъ, который имѣетъ также чечевицу и стекловидное тѣло. Хотя въ критикѣ этого мѣста (срав. выше стр. 105) мы не нашли яснаго представленія объ отношеніи объекта къ субъекту, но конечно это замѣчаніе имѣетъ значеніе; не невѣроятно даже, что здѣсь намъ откроются въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ замѣчательнѣйшія вещи, когда очередь точныхъ наблюденій дойдетъ до дѣятельности чувствъ существъ, которыя такъ несходно съ нами организованы. Нужно будетъ дѣйствія различныхъ вибрацій, о которыхъ учитъ физика, изслѣдовать здѣсь совершенно независимо отъ того, производятъ ли они въ нашихъ органахъ извѣстныя чувственныя воспріятія или нѣтъ. Если напр. найдутся существа, которыя обоняютъ или вкушаютъ свѣтъ (т. е. воспринимаютъ органами, которые походятъ на наши органы обонянія или вкуса), или которыя получаютъ посредствомъ темнаго для насъ источника тепла зрительные образы, то этимъ ученіе объ образованіи чувственнаго міра субъектомъ получило бы новую поддержку; если бы напротивъ оказалось, что во всемъ разнообразіи животнаго міра вѣроятно нѣтъ существенно другихъ ощущеній, кромѣ нашихъ, то это временно послужило бы въ пользу матеріализма [46]).

[46]) И въ этой области со времени появленія нашего 1-го изданія явилось нѣсколько многообѣщающихъ начатковъ разъясненія дѣла. Съ одной стороны мы имѣемъ опытъ *Бера* о свѣтовыхъ ощущеніяхъ *водяныхъ блохъ*, который повидимому доказываетъ, что у этихъ животныхъ свѣтовое ощущеніе вызывается тѣми же лучами, какъ у человѣка (сообщено Парижской Академіи 2-го Августа 1869); съ другой стороны изслѣдованія *Эймера* и *Шебла* (Arch. für mikrosk. Anat. VII, Heft. 3; ссылка въ Naturf. IV, № 26) объ органахъ осязанія въ мордѣ крота и во внутреннемъ ухѣ мышей, гдѣ находится такое громадное богатство осязательныхъ аппаратовъ, что мы должны представить себѣ и самый способъ ощущенія и его результаты специфически различными отъ того, что мы называемъ осязательнымъ ощущеніемъ. Точныхъ экспериментовъ относительно отправленій конечно еще нѣтъ, такъ же какъ наоборотъ для давно извѣстныхъ отправленій «чувства летучей мыши» (по опытамъ *Спалланцани)* мы не имѣемъ еще физіологическаго и анатомическаго объясненія. Движимые колебаніями звука волоски на свободной поверхности

Важный вкладъ въ основанія будущей психологіи далѣе заключается несомнѣнно въ *опытахъ надъ новорожденными*, систематически производимыхъ лишь въ послѣднее время. Если мы хотимъ уловить механизмъ психическихъ процессовъ, то мы прежде всего должны стараться наблюдать первѣйшіе и простѣйшіе элементы этого механизма. Удивительно, съ какою флегматичностію наши добрые философы могутъ разсуждать о возникновеніи сознанія, не чувствуя ни малѣйшей потребности пойти въ дѣтскую и хорошенько посмотрѣть, что-же тамъ дѣлается по отношенію къ этой задачѣ. Но, пока слова терпѣливо сочетаются въ нѣкоторую систему, студенты терпѣливо записываютъ эту систему, издатели терпѣливо печатаютъ ее, а публика принимаетъ содержаніе такихъ книгъ за весьма важное, философъ не находитъ повода идти далѣе. Наконецъ, является физіологъ [47]), даетъ попробовать новорожденнымъ растворъ сахара или хинина, держитъ передъ ними свѣчку, или производитъ шумъ передъ ихъ ушами, и обозначаетъ самымъ точнымъ образомъ, какія онъ наблюдалъ движенія, сокращенія мускуловъ и т. п. Онъ комбинируетъ наблюденія, которыя онъ сдѣлалъ надъ слишкомъ рано рожденными или вполнѣ выношенными дѣтьми, точно замѣчаетъ различіе и сравниваетъ съ этимъ указанія анатоміи и патологіи. Онъ пытается наконецъ привести свои наблюденія въ такой порядокъ, что идетъ отъ простыхъ движеній рефлексовъ до ясныхъ знаковъ сознанія и въ концѣ концевъ знаетъ кучу вещей, которыхъ не узнаетъ философъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ и которыя часто однако же совершенно необходимы для рѣшенія важныхъ вопросовъ. Еслибы даже болѣе ничего неслѣдовало изъ этихъ эмпирическихъ изслѣдованій, кромѣ факта, что отъ чисто рефлективнаго движенія до сознательной цѣлесообразной дѣятельности существуетъ самый незамѣтный переходъ и что начатки послѣдней восходятъ къ жизни до

тѣла *раковъ (Ганзенъ*, Studien über das Gehörorgan der Decapoden, Leipzig 1863, цитировано у *Helmholtz*, Lehre von d. Tonempfind. S. 234 u. f.), такъ же какъ и нервные волоса на верхней кожѣ молодыхъ рыбъ и голыхъ амфибій (по F. H. Schulze, въ *Mullers* Archiv 1861, p. 759), тоже должны производить ощущенія совершенно другаго качества, чѣмъ наши.—*Вундтъ*, physiol. Psychol. S. 342, Anm. I, говоритъ: «Нужно впрочемъ допустить, что могутъ существовать организмы, у которыхъ существующее у человѣка лишь какъ зачатокъ расположеніе къ непрерывности обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній достигаетъ дѣйствительнаго развитія, такъ же какъ, съ другой стороны, очень вѣроятно существуютъ организмы, которымъ недостаетъ непрерывности слуховыхъ и свѣтовыхъ ощущеній, какою обладаетъ человѣкъ, такъ что вмѣсто этого существуютъ только прерывныя разнообразія.

[47]) Срав. *Kussmaul*, Unters. über das Seelenleben des neugebornen Menschen. Leipzig и Heidelb. 1859.

рожденія, то въ смыслѣ дѣйствительной науки это было-бы уже гораздо болѣе, чѣмъ можно научиться изъ цѣлыхъ томовъ умозрительныхъ „изслѣдованій“.

Другой относящійся сюда предметъ новѣйшихъ усилій есть „*психологія народовъ*“, которая однако-же не пріобрѣла еще достаточно опредѣленной формы и метода, чтобы требовалось на ней остановиться, въ особенности потому, что вопросы матеріализма съ этою областью стоятъ въ менѣе тѣсной связи. Замѣчательно однако-же, что *лингвистика*, которую справедливо разсматриваютъ какъ одинъ изъ самыхъ существенныхъ источниковъ психологіи народовъ, очень много способствовала къ тому, что *языкъ* вошелъ въ область *естественно-научныхъ* изслѣдованій, и чрезъ то въ новомъ, весьма важномъ пунктѣ была наполнена прежняя пропасть между науками духа и науками природы. И въ этомъ отношеніи первая половина нашего столѣтія составляетъ эпоху. Знаменитое сочиненіе *В. фонъ-Гумбольта* о языкѣ кави и *Боппа* грамматика санскритскаго языка и сравнительная грамматика появились въ богатый содержаніемъ періодъ отъ 1820—1835 г. Съ тѣхъ поръ лингвистическое изслѣдованіе сдѣлало достойныя удивленія успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ, и въ особенности *Штейнталь* въ цѣломъ ряду значительныхъ сочиненій пролилъ яркій свѣтъ на психологическую сущность языка и поставилъ преграду постоянному смѣшенію логическаго мышленія съ идущимъ объ руку съ языкомъ образованіемъ представленій.

Замѣчательно безплодными для вопросовъ психологіи оставались въ продолженіи значительнаго времени научныя путешествія и сопоставленіе ихъ результатовъ въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи. Стоитъ только взять въ руки когда-то столь знаменитое сочиненіе *Причарда* о естественной исторіи человѣка, чтобы убѣдиться, какая масса недоразумѣній произошла отъ религіозныхъ предубѣжденій разсказщиковъ, отъ ихъ гордости своею расой и отъ ихъ неспособности вникнуть въ связь чуждой культурной жизни или въ образъ мышленія низшихъ культурныхъ ступеней. Въ новѣйшее время дѣло пошло лучше. Въ особенности описанія путешествій *Бастіана* богаты психологическими чертами, и его многообъемлющія сочиненія [48]) обнаруживаютъ

---

[48]) *Bastian*, der Mensch in der Geschichte, Leipzig 1863, 3 Bde.—Beitr. zur vergl. Psychol., Berlin, 1868; Ethnolog. Forschungen, Iena 1874. — Главнымъ образомъ въ сочиненіи: «Постоянное въ человѣческихъ рассахъ», Берлинъ 1868, Бастіанъ началъ рѣзкую и слишкомъ далеко заходящую оппозицію противъ *Дарвинизма*, что однако не вредитъ достоинству его основной мысли: объяснять сходства въ духовномъ состояніи народовъ и въ особенности въ ихъ миѳологическихъ преданіяхъ не столько изъ происхожденія отъ одного

преимущественный интересъ къ сравнительной психологіи, хотя путеводныя точки зрѣнія часто теряются въ накопленномъ матеріалѣ. Въ „Антропологіи первобытныхъ народовъ“ *Вайца* можно прослѣдить прогрессъ психологическаго пониманія въ каждомъ новомъ томѣ; самое лучшее представляетъ въ этомъ отношеніи послѣдній, составленный *Герландомъ*, томъ вайцевскаго сочиненія. Если прибавить сюда ясное *Лёббоковское* сопоставленіе результатовъ палеонтологіи съ состояніемъ нынѣшнихъ дикарей, а также *Тайлора* „Начатки культуры“ и „Первобытную исторію человѣчества“, то мы имѣемъ уже столь богатый матеріалъ фактовъ и комбинацій, что систематическая „психологія народовъ“ или „прагматическая антропологія“ на совершенно новомъ основаніи не можетъ болѣе представляться невозможною. Но если спросить о тѣхъ результатахъ, которые и теперь уже всего очевиднѣе выступаютъ, то нельзя отрицать, что во всѣхъ новѣйшихъ и лучшихъ наблюденіяхъ человѣкъ со всѣмъ своимъ культурнымъ состояніемъ является *природнымъ существомъ*, дѣйствія и стремленія котораго *обусловливаются его организаціею*. Тамъ, гдѣ прежде при поверхностномъ наблюденіи видѣли только „дикаго“, или невинныхъ дѣтей природы, тамъ находятъ теперь доказательства нѣкоторой исторіи древней утонченной культуры и часто уже ясные слѣды упадка и регресса. Мы видимъ, какъ общество, даже у народовъ, которые въ другомъ отношеніи состоятъ еще на точкѣ ребяческаго несовершеннолѣтія, всюду уже рано представляетъ особые и часто странные порядки, которые при самомъ пестромъ разнообразіи все-таки могутъ быть развиты изъ нѣкоторыхъ немногихъ, вездѣ повторяющихся, психологическихъ основныхъ чертъ. Деспотизмъ, господство знати, существованіе кастъ, суевѣрія, обманъ духовенства и привлекательныя церемоніи возникаютъ всюду уже рано изъ общаго корня человѣческой сущности, и въ принципахъ этихъ, далеко распространенныхъ, уродливостей обнаруживаются часто поразительнѣйшія аналогіи между племенами, которыя едва имѣютъ одежду и хижины, и другими, которыя обладаютъ дворцами, гордо возведенными городами и множествомъ орудій и предметовъ роскоши. Природное состояніе, потерю котораго оплакивали *Руссо и Шиллеръ*, нигдѣ не найдено. Конечно, все природа, но природа, которая такъ же мало соотвѣтствуетъ нашимъ идеаламъ, какъ обезьяній видъ нашихъ гипотетическихъ предковъ идеаламъ Фидіаса или Рафаэля. Кажется, какъ будто человѣкъ, по мѣрѣ того какъ онъ оставляетъ за собою границы животности и образуется и облагораживается какъ недѣлимое обществомъ, долженъ былъ, въ

общаго первобытнаго народа, сколько изъ одинаковой психологической основы, которая неизбѣжно должна была привести къ одинаковымъ и подобнымъ формамъ суевѣрія и преданій.

составѣ народно-психологической сборной сущности, еще разъ пройти черезъ всю отвратительность и уродливость существованія обезьяны, пока наконецъ глубоко, но неизмѣнно въ немъ лежащія сѣмена благородныхъ качествъ—но до этого мы еще не дошли! Даже эллинская культура покоилась на гнилой почвѣ невольничества, и благородная гуманность XVIII столѣтія была собственностью лишь узкихъ, тщательно удалявшихся отъ массы кружковъ.

Дарвинъ также принесъ огромный вкладъ для психологическаго пониманія человѣческаго племени и проложилъ новые пути, на которыхъ для цѣлыхъ областей психологіи можетъ быть пріобрѣтенъ богатый матеріалъ. Сюда относится въ особенности его книга „*О выраженіи душевныхъ движеній*“, часто не достаточно цѣнимая по причинѣ своихъ жесткостей и односторонностей. Уже Декартъ въ своемъ слишкомъ малоизучаемомъ сочиненіи о душевныхъ движеніяхъ вступилъ на путь опредѣленія и объясненія ихъ по ихъ *тѣлеснымъ симптомамъ*, хотя по его теоріи душевное движеніе какъ таковое можетъ произойти лишь такимъ образомъ, что душа „мыслитъ“ то, что она воспринимаетъ въ мозгу, какъ тѣлесный процессъ. Въ новѣйшее время въ особенности *Домриху* слѣдуетъ поставить въ заслугу подробное изложеніе тѣлесныхъ явленій, которыми сопровождаются психическія состоянія; но его работою мало воспользовались психологи [49]). Дѣло шло бы иначе, если бы сперва вообще убѣдились, въ какой сильной степени сознаніе объ нашихъ собственныхъ душевныхъ движеніяхъ обусловливается и посредствуется лишь ощущеніемъ ихъ тѣлесныхъ воздѣйствій. Но въ дѣйствительности здѣсь тоже, что съ сознаніемъ нашихъ тѣлесныхъ движеній: хотя существуетъ непосредственное знаніе о происшедшемъ импульсѣ, однако къ полной ясности относительно процесса мы приходимъ лишь вслѣдствіе обратнаго тока ощущеній, которыя возбуждены движеніемъ.

Но совершенно особое значеніе получаетъ тѣлесный симптомъ для психическаго процесса при выразительныхъ движеніяхъ. Стоитъ только обратить вниманіе на то, какъ *языкъ* въ основномъ значеніи выраженій для душевныхъ движеній всегда придерживается тѣлеснаго симптома и особенно часто именно выразительныхъ движеній, и мы легко убѣдимся, что человѣкъ оріентировался по этимъ симптомамъ и что лишь посредствомъ ихъ всѣ внутренніе процессы получили свою характеристику и разграниченіе отъ другихъ родственныхъ процессовъ. Поэтому нельзя надѣяться, что когда нибудь въ ученіи о душевныхъ движеніяхъ получатся сколько нибудь важные результаты, если мы не станемъ изучать наисерьознѣйшимъ образомъ ихъ симптомовъ.

[49]) *Domrich*, die psychischen Zustände; ihre organische Vermittelung und ihre Wirkung in Erzeugung körperlicher Krankheiten. Jena 1849.

Такимъ образомъ, мы и тутъ приходимъ къ такому пріему психологіи, который можно бы назвать *матеріалистическимъ*, если бы въ этомъ выраженіи не заключалось въ то же время отношенія къ фундаменту всего міровоззрѣнія, о чемъ здѣсь вовсе нѣтъ рѣчи. Поэтому лучше говорить о „*соматическомъ методѣ*“, который рекомендуется въ большей части областей психологіи, какъ единственный, обѣщающій успѣхъ. Этотъ методъ требуетъ, чтобы при психологическихъ изслѣдованіяхъ придерживались насколько возможно тѣлесныхъ процессовъ, которые неразрывно и закономѣрно связаны съ психическими явленіями. Но, употребляя этотъ методъ, мы вовсе не принуждены смотрѣть на тѣлесные процессы, какъ на послѣднюю основу психическихъ или даже какъ на единственно существующее,—что̀ дѣлаетъ матеріализмъ. Точно также изъ за немногихъ областей, которыя до сихъ поръ недоступны соматическому методу, не слѣдуетъ предполагать психическихъ процессовъ безъ физіологической основы. Можно, въ самомъ дѣлѣ, ученіе *о смѣнѣ представленій*, т. е. о вліяніи существующихъ или вновь въ сознаніе поступившихъ представленій на послѣдующія, развивать нетолько теоретически, но и гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, опираться на экспериментъ и наблюденіе, не заботясь далѣе о физіологической основѣ. Такъ напр. фокусъ мнемониковъ удержать въ памяти любой рядъ словъ тѣмъ, что мысленно между ними вставляются извѣстные соединительныя слова, можетъ быть принятъ весьма удобно за важный психологическій экспериментъ, значеніе котораго, какъ значеніе всякаго хорошаго эксперимента, независимо отъ толкованія, которое ему дается [50]). Эмпирическимъ путемъ можно составить полную теорію описокъ или, какъ это сдѣлалъ *Дробишъ*, свести на опредѣленныя численныя отношенія наклонность поэта къ болѣе легкимъ или труднымъ формамъ стиха [51]), не принимая приэтомъ во вниманіе мозга и нервовъ.

[50]) Въ моихъ лекціяхъ о психологіи я всегда вставлялъ нѣсколько экспериментовъ такого рода и при этомъ все болѣе убѣждался въ ихъ надежности и доказательности, такъ же какъ и въ ихъ дидактическомъ значеніи.

[51]) Срав. die Abhandlungeu in den Berichten der Königl. Sächs. Gesellsch. d. Wissensch., phil. hist. Classe, 1866, S. v. 26, Mai, S. 75 u. ff. und 1871, S. v. I, Juli, S. 1 u. ff. *Дробишъ* этими пролагающими новый путь изслѣдованіями не только далъ блестящій примѣръ примѣненія нумерической методы къ филологіи, но и представилъ психологически важное доказательство, что въ языкѣ и поэзіи обнаруживается правильность, о которой въ частности писатели не имѣютъ никакого сознанія. То, что̀ субъективно представляется тактомъ, чувствомъ, вкусомъ, является объективно образовательнымъ стремленіемъ, слѣдующимъ извѣстнымъ законамъ; чрезъ это падаетъ между прочимъ совершенно новый свѣтъ на многочисленные метрическіе «leges», которые со временъ Ритшлевыхъ изслѣдованій Плавта открыты въ латинскихъ

Здѣсь критику можетъ быть могло бы придти въ голову: здѣсь или должна быть признана независимость процесса отъ физіологическихъ явленій, или же пріемъ не строго наученъ, ибо онъ не восходитъ къ предполагаемому основанію явленій. Но эта альтернатива ложна, ибо эмпирически добытые факты и даже „эмпирическіе законы“ имѣютъ свои права совершенно независимо отъ сведенія къ причинамъ явленій. Не то можно было бы съ одинаковымъ правомъ объявить и всю нервную физіологію недостаточною, ибо она еще не сведена на *механику атомовъ*, которая въ сущности должна лежать въ основѣ всякаго объясненія явленій природы.

Въ *Англіи*, во времена *Догальда Стюарта* и *Томаса Броуна*, психологія была на хорошемъ пути стать эмпирической наукой о смѣнѣ представленій („ассоаціонная“ психологія), и въ особенности Броунъ проводитъ съ остроуміемъ принципъ ассоціаціи черезъ различнѣйшія области психической дѣятельности. Съ тѣхъ поръ психологія стала любимой дисциплиной англичанъ, и нельзя не признать, что изученіе ихъ сочиненій даетъ чиновнику, художнику, педагогу, врачу гораздо большую массу указаній для познанія людей, чѣмъ это можетъ сдѣлать наша нѣмецкая психологическая литература. Но за то гораздо слабѣе критическое установленіе принциповъ и строго научная форма этой психологіи. Въ этомъ отношеніи въ сущности не сдѣлано существеннаго прогресса со времени Броуна и Стюарта. То, что̀ особенно отличаетъ новѣйшія сочиненія *Спенсера* и въ особенности *Бена* [52]), есть обращеніе полнаго вниманія на новѣйшую анатомію и физіологію и энергическая попытка привести въ согласіе психологію ассоціацій съ нашимъ познаніемъ нервной системы и ея функцій. Какъ ни здрава тенденція этихъ стремленій, все же дѣло необходится безъ смѣлыхъ гипотезъ и обширныхъ теоретическихъ построекъ, которымъ еще недостаетъ твердой экспериментальной подкладки. Мы выше замѣтили (стр. 321), что, относительно функцій мозга, можно бы поставить задачей не точнаго изслѣдованія, а подготовительнаго объясненія—показать посредствомъ вполнѣ проведенной гипотезы, какая тутъ *могла бы быть связь* между вещами: на эту задачу Спенсеръ и Бенъ отвѣчаютъ весьма щедро, а потому ихъ сочиненія и въ этомъ пунктѣ составляютъ хорошее до-

писателяхъ. Многое, что̀, хотя съ нѣкоторымъ удивленіемъ, принималось за сознательное правило, оказывается теперь дѣйствіемъ безсознательно дѣйствующаго закона природы.

[52]) Срав. *Herbert Spencer*, Principles of psychologie, 2 ed., London, 1870 и 1872.—*Alexander Bain*, The senses and the intellect, 2 ed. London, 1864;—The emotion and the will, 2 edit., London 1865. Того же автора появилась въ «международной библіотекѣ» III Bd.: *Geist und Körper*, die Theorien über ihre gegens. Beziehungen. Leipzig, 1874.

полненіе нѣмецкой литературы, какъ бы ни подрывала строгая, но нѣсколько безплодная нѣмецкая критика основанія этихъ ученій. Различіе между англійскимъ и нѣмецкимъ пріемомъ въ психологіи можетъ быть сведено фактически къ тому, что нѣмецкіе ученые направляютъ всю силу своего ума на то, чтобы добыть вѣрные и правильные принципы, тогда какъ англичане прежде всего заботятся сдѣлать посредствомъ своихъ принциповъ все, что только возможно посредствомъ ихъ сдѣлать.—Это одинаково справедливо какъ для психологіи ассоціацій, какъ таковой, такъ и для ея физіологическаго обоснованія. Вмѣсто того, чтобы исправить теорію ассоціацій въ ея въ высшей степени недостаточныхъ основаніяхъ и строже установить методъ изслѣдованія, новѣйшіе писатели намъ даютъ только пространныя развитія и анализы, тогда какъ основанія остаются тѣже, что и у предшественниковъ. Въ новѣйшее время въ Германіи съ различныхъ сторонъ напали на часть этихъ основаній, и особенно господствующее въ Англіи выведеніе *пространственныхъ представленій* изъ принципа ассоціаціи подверглось совершенно справедливой критикѣ [53]). Но эта критика касается пункта, который хотя имѣетъ величайшую важность для теоріи познанія, имѣетъ лишь второстепенное значеніе для спеціальнаго обоснованія эмпирической психологіи. Можно отвергнуть это объясненіе пространственныхъ представленій, и при этомъ ассоціаціонная психологія однакоже въ сущности останется неприкосновенною. Но существуетъ другой пунктъ, который рѣшаетъ судьбу не только этой науки, но имѣетъ высочайшее значеніе и для основныхъ вопросовъ объ отношеніи тѣла и души. Это вопросъ, *существуетъ ли или нѣтъ вообще для смѣны представленій постоянная и имманентная причинность?*

Смыслъ этого важнаго вопроса легко понять, если только обратимся къ *Лейбницу* или *Декарту*. Подъ *имманентной* причинностію мы разумѣемъ такую, которая не требуетъ стороннихъ промежуточныхъ членовъ. Слѣдовательно, состояніе представленія даннаго момента должно совершенно объясняться изъ прежнихъ состояній представленія: у Декарта, такъ же какъ и у Лейбница, представленія души составляютъ нѣкоторый міръ самъ по себѣ, отдѣльный отъ вещественнаго міра. Даже тѣ представленія, которыя соотвѣтствуютъ новому чувственному впечатлѣнію, духъ долженъ произвести изъ себя. Но по *какому закону* измѣняются состоянія души, остается неяснымъ. Декартъ, такъ же какъ и Лейбницъ, признаетъ для вещественнаго міра строгій механизмъ. Этотъ механизмъ непримѣнимъ къ міру представленій, ибо здѣсь ничего нельзя измѣрять и взвѣшивать; но тогда какого же рода вообще *связь причинности*, которая здѣсь связываетъ смѣняющіяся состоянія? У Декарта нѣтъ отвѣта на это, а у Лейбница есть очень остроумный, но недостаточный. Онъ переноситъ причинность представленія въ отношеніе монады къ вселенной, *въ предуставленную гармонію.* Слѣдовательно, хотя монада „не имѣетъ оконъ", но то, что въ ней происходитъ, управляется не имманентнымъ принципомъ, а ея отношеніемъ къ вселенной, которое доступно только умозрѣнію, а не наблюденію. Чрезъ это становится невозможною всякая эмпирическая психологія, и о законахъ ассоціаціи, или о какихъ либо другихъ общихъ законахъ, въ сущности не можетъ быть и рѣчи.

[53]) Dr. *Johnson*, die Ableit. der Raumvorstell. bei den englischen Psychologen der Gegenwart in d. phil. Monatsch. IX. 1 Januar 1873, L. 43 u. ff.— *Stumpf.* Dr. Carl., über den psychol. Ursp. der Raumvorstellung. Leipzig, 1873.

Ассоціаціонная психологія поэтому составляетъ по сущности дѣла исключеніе и въ своихъ стараніяхъ объ установленіи закономѣрной смѣны представленій. *Воспріятія чувствъ* въ самомъ широкомъ объемѣ этого понятія приходятъ извнѣ, причемъ не спрашивается, какъ это возможно. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія души, они суть какъ бы творенія изъ ничего, постоянно появляющіеся новые факторы, которые весьма значительно измѣняютъ общее состояніе міропредставленія, но которые однако съ минуты своего вступленія подвергаются законамъ ассоціаціи. Заключающееся въ этомъ взглядѣ затрудненіе весьма легко прикрывалось въ Англіи традиціоннымъ матеріализмомъ Гертлея и Пристлея. Позднѣе, психологи, отвергшіе его послѣдствія, удержали однако удобства его способа объясненія и не думали о томъ, что новая точка зрѣнія влечетъ за собой и новыя задачи.

Стюартъ Милль въ своей логикѣ (кн. 6 глав. 4) подробно разбираетъ затронутый здѣсь вопросъ. Онъ возстаетъ противъ Конта, который съ большой опредѣленностью рѣшаетъ, что состоянія души не имѣютъ никакой имманентной закономѣрности, но что они просто вызываются состояніями тѣла. Послѣднимъ свойственна закономѣрность; гдѣ въ первыхъ обнаруживается однообразіе въ послѣдовательности явленій, тамъ оно лишь производное, а не первоначальное, и не есть предметъ возможной науки. Однимъ словомъ, психологія есть только *часть физіологіи.*

Противъ этого строго-матеріалистическаго взгляда Милль старается отстоять права психологіи. Оставляя безъ дальнѣйшихъ разсужденій всю область воспріятія чувствъ, онъ думаетъ спасти автономію знанія объ мышленіи и объ душевныхъ движеніяхъ. Воспріятія чувствъ онъ предоставляетъ физіологіи; изъ остальныхъ психическихъ процессовъ физіологія можетъ намъ объяснить очень не многое или почти ничего; психологія ассоціацій напротивъ путемъ методической эмпиріи знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ законовъ: будемъ же ея

держаться и оставимъ нерѣшеннымъ вопросъ; окажутся ли или нѣтъ впослѣдствіи явленія послѣдовательности мыслей простыми продуктами дѣятельности мозга! Такимъ образомъ, метафизическій вопросъ отодвигается, и психологія ассоціацій получаетъ по крайней мѣрѣ временныя права. Но остается нетронутымъ глубже идущій и возбуждающій критику вопросъ, не открываемъ ли мы, при болѣе строгомъ разсматриваніи, въ *самой психологіи ассоціацій* слѣдовъ того, что ея мнимые законы не имѣютъ *всеобщаго значенія*, ибо представляютъ лишь нѣкоторую часть слѣдствій болѣе глубокихъ физіологическихъ законовъ.

Гербертъ Спенсеръ признаетъ, близко къ нашей собственной точкѣ зрѣнія, *матеріализмъ явленія*, относительныя права котораго въ наукѣ о природѣ находятъ свои границы въ мысли о нѣкоторомъ непознаваемомъ абсолютномъ. Поэтому онъ спокойно могъ бы принять точку зрѣнія *Конта* для области познаваемаго; однако онъ утверждаетъ, что психологія есть наука единственная въ своемъ родѣ и совершенно независимая отъ всякой другой области [54]). Къ этому утвержденію побуждаетъ его фактъ, что только психическое намъ непосредственно дано, тогда какъ физическое только предполагается и слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть разрѣшено въ психическое. И дѣйствительно, наши представленія о матеріи и ея движеніяхъ суть также только представленія. Но цвѣтъ и звукъ, такъ, какъ они являются непосредственно нашему духу, даны намъ, подобно нашимъ душевнымъ движеніямъ, раньше, нежели теорія ихъ возникновенія изъ вибрацій и мозговыхъ процессовъ. Поэтому вѣрно то, *что область психическихъ явленій* имѣетъ ту независимость, которая приписывается Спенсеромъ *психологіи*. Но вопросъ именно въ томъ, можно ли привести область психическихъ явленій въ *причинную связь*, не сводя ихъ къ теоріямъ физическихъ наукъ.

Александръ Бенъ исповѣдуетъ „осторожный и умѣренный матеріализмъ“, сохраняющій контрастъ между духомъ и матеріей. По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Спенсера, тѣло—та самая вещь, разсматриваемая объективно, которая субъективно, въ непосредственномъ сознаніи недѣлимаго—есть душа. Посредствомъ этой мысли, которую можно свести на Спинозу и которую и Кантъ допускалъ какъ предположеніе, *Бенъ* склоняется къ принятію полнаго *параллелизма* между душевною и нервною дѣятельностью. По его мнѣнію всякое нервное раздраженіе имѣетъ „*сенсаціонный эквивалентъ*“ [55]). Если бы

[54]) *Spencer*, Princ. of psychol. 2 ed. I, S. 140, § 56: «Under its subjective aspect, Psychologie is a totally unique science, independant of and antithetically opposed to all other science whatever».

[55]) *Bain*, Geist u. Körper, S. 46: «Происходитъ совершенно опредѣленное

это было такъ, то конечно связь на психической сторонѣ должна бы быть столь же совершенна, какъ и на физической; но факты противорѣчатъ этому. Уже признаваемый Беномъ законъ *относительности*, по которому мы приходимъ къ сознательному ощущенію не столько вслѣдствіе абсолютной силы раздраженія, сколько вслѣдствіе факта *измѣненія* состоянія раздраженія [56]), несовмѣстимъ съ „сенсаціональнымъ эквивалентомъ“; ибо достаточно ясно, что въ такомъ случаѣ одно и то же нервное раздраженіе одинъ разъ можетъ дать весьма живое ощущеніе, другой разъ вовсе не дать никакого. Если бы мы подъ „сенсаціональнымъ эквивалентомъ“ хотѣли понимать нѣчто такое, что хотя принадлежитъ къ внутренней, субъективной сторонѣ процесса, но все же не есть собственно ощущеніе, то пришли бы къ *безсознательнымъ представленіямъ*, о которыхъ сейчасъ еще будемъ говорить.

Но и строгая всеобщность законовъ ассоціаціи должна намъ явиться здѣсь весьма сомнительной. Спенсеръ конечно употребляетъ тутъ, для безопасности, магическую формулу „all other things equal“. Конечно, если всѣ другія обстоятельства абсолютно равны, то представляется почти аксіомой, что тогда напр. болѣе живое впечатлѣніе остается сильнѣе въ памяти; однако такимъ образомъ и значеніе закона сведено почти на ничто. Если утверждаютъ, что, при одинаковыхъ прочихъ обстоятельствахъ, болѣе быстрый корабль долженъ скорѣе достигнуть цѣли, или болѣе сильный огонь долженъ давать больше тепла, то этимъ хотятъ сказать, что быстрота корабля, теплота огня при всѣхъ обстоятельствахъ производятъ свое постоянное дѣйствіе, но что еще и отъ другихъ обстоятельствъ зависитъ, достигается ли, или не достигается извѣстный внѣшній эффектъ, то есть приближеніе къ цѣли, нагрѣваніе комнаты. Итакъ, высказано положеніе очень общее и широкое по своему значенію. Но въ психологическомъ случаѣ дѣло стоитъ совершенно иначе. Напр., вовсе не невѣроятно, что способность воспоминанія обусловлена *абсолютною* силою нервнаго процесса или постояннымъ *органическимъ измѣненіемъ*, которое связано съ нимъ, тогда какъ, напротивъ, живость соотвѣтствующаго представленія зависитъ только отъ *относительной* силы возбужденія. Такъ, мы во снѣ имѣемъ, напр., часто представленія самой удивительной живости и ясности, которыя мы однако можемъ вспомнить лишь съ трудомъ и отнюдь не съ первоначальною живостью. Но во снѣ лишь весьма слабые нервные токи суть носители нашихъ

измѣненіе ощущенія, равномѣрное увеличеніе удовольствія или боли, смотря по тому, возвышается ли температура на 10°, 20° или 30°. Такъ для всѣхъ отношеній существуетъ сенсаціональный эквивалентъ алкоголя, запаховъ, музыки и т. д.».

[56]) Тамъ-же, S. 59 u. ff.

представленій. Если принять условіе „при прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ“ буквально, т. е. если сравнивать сонное представленіе только съ соннымъ представленіемъ, вообще только совершенно опредѣленныя состоянія возбужденія, то законъ ассоціаціонной психологіи можетъ быть вѣренъ, но онъ тогда очевидно имѣетъ весьма ограниченное значеніе. Въ случаѣ приведенныхъ выше физическихъ примѣровъ результатъ, достиженіе цѣли, нагрѣваніе комнаты, есть лишь средство, чтобы намъ объяснить себѣ постоянное значеніе быстроты, нагрѣванія. Именно это постоянное значеніе одного фактора отпадаетъ въ психологическомъ примѣрѣ. Бóльшая живость представленія не даетъ при всѣхъ обстоятельствахъ *одинаковаго вклада* въ получаемый результатъ: этотъ вкладъ въ одномъ случаѣ можетъ быть весьма великимъ, въ другомъ абсолютно нулемъ. Мы можемъ напр. имѣть во снѣ весьма живыя представленія, которыхъ мы однако не можемъ припомнить ни при какихъ обстоятельствахъ, развѣ только если бы мы могли возстановить одинаковое сонное состояніе.

Примѣръ можетъ сдѣлать еще яснѣе это отношеніе. *Политико-экономическая цѣна* происходитъ несомнѣнно изъ ряда физическихъ условій, между которыми *работа* играетъ выдающуюся роль. Однако цѣна не пропорціональна работѣ. Другія обстоятельства, какова въ особенности *потребность*, нетолько привходятъ внѣшнимъ образомъ въ опредѣленіе результата, какъ напр. вѣтеръ и погода въ скорость корабля; они скорѣе неизбѣжно нужны, чтобы цѣна вообще возникла. Точно также *общее состояніе сознанія* неизбѣжно нужно, чтобы изъ раздраженія вообще происходило ощущеніе. Поэтому именно нѣтъ закона „сохраненія цѣны“, который соотвѣтствовалъ бы физическому закону сохраненія силы. Точно также повидимому не можетъ существовать законъ „сохраненія сознанія“. Вся совокупность представленій можетъ спуститься съ величайшей живости на нуль, тогда какъ для соотвѣтствующихъ функцій мозга законъ сохраненія силы удерживаетъ свое значеніе. Если такъ, то гдѣ же возможность хоть сколько нибудь точной ассоціаціонной психологіи?

И все же Стюартъ Милль правъ въ слѣдующемъ: насколько ученіе о смѣнѣ представленій можетъ быть обосновано дѣйствительно эмпирически, оно имѣетъ право называться наукой, все равно, какова бы ни была основа представленій и ихъ зависимость отъ функцій мозга. Употребляемые до сихъ поръ методы однако очень мало предохраняютъ отъ самообмановъ. Мы имѣемъ нѣсколько весьма общихъ положеній, которые основаны на весьма неполной индукціи, и потомъ пробѣгаемъ съ ними область психическихъ явленій, чтобы видѣть, что можетъ быть сведено на эти мнимые законы ассоціація. Но если мы захотимъ, мѣсто того, чтобы анализировать общія понятія психическихъ явленій, обратиться къ жизни и постараться понять смѣну представленій въ извѣстныхъ

случаяхъ, какіе представляются, напр., психіатру, криминалисту или педагогу, то всюду не подвигаемся ни на шагъ, не наталкиваясь на *безсознательныя представленія*, которыя совершенно по законамъ ассоціаціи вмѣшиваются въ теченіе представленій, хотя они *вовсе не суть представленія*, а лишь фунціи мозга того же рода, какъ и тѣ, которыя связаны съ сознаніемъ [57]).

Рядомъ съ ученіемъ о смѣнѣ представленій, мы имѣемъ еще другую область эмпирической психологіи, которая доступна строго методическому изслѣдованію. Это — антропологическая статистика, зерно которой до сихъ поръ составляетъ *моральная статистика*. Мы здѣсь находимся совершенно на почвѣ того, что *Кантъ* назвалъ „прагматической антропологіей“, т. е. дѣло идетъ о наукѣ о человѣкѣ, какъ „свободно дѣйствующемъ существѣ“, слѣдовательно, очевидно о духовной сторонѣ человѣка, хотя статистика нисколько не заботится о различіи тѣла и души. Она помѣчаетъ человѣческія дѣйствія и человѣческія судьбы и изъ комбинаціи этихъ помѣтокъ пріобрѣтаются различные взгляды нетолько на явленія соціальной жизни, но и на мотивы, которые руководятъ единичнымъ человѣкомъ въ его дѣйствіяхъ.

Въ сущности почти вся статистика должна пойти въ дѣло для точной ан-

---

[57]) Недавно дѣлались попытки (напр. *Штумпфъ*, *Брентано*, и др.) устранить изъ психологіи «безсознательныя» или «скрытыя» представленія. Если при этомъ опираются на *Лотце*, то противъ этого ничего нельзя сказать, ибо онъ прямо принимаетъ, что представленія соединены съ функціями мозга, которыя, не возбуждая сами сознанія, однако участвуютъ въ нашемъ теченіи мыслей (Medic. Psychol. §§ 409 и 410). Что Лотце при этомъ всетаки относитъ *ассоціаціи* (§ 411) не къ физіологіи, а къ «метафизической психологіи», есть непослѣдовательность, которая при болѣе близкомъ разсматриваніи легко устраняется. Все остальное—словопреніе. Но, навѣрно, есть матеріальная ошибка у Брентано, когда онъ думаетъ все объяснить представленіями, которыя были сознательными, но потомъ забыты. Сравни въ особенности несостоятельный способъ, которымъ Брентано старается опровергнуть положенія Маудслея о безсознательной умственной работѣ. (Psychol. vom empir. Standp. S. 138 u. ff.). Именно *Гете*, словами котораго, что необыкновенный талантъ есть только незначительное уклоненіе отъ обыкновеннаго, пользуется Брентано противъ безсознательныхъ работъ генія, такъ часто и такъ ясно высказывался о безсознательныхъ процессахъ, изъ которыхъ происходитъ художественная творческая дѣятельность, что его свидѣтельству нужно придавать полный вѣсъ. Рѣдкость же геніальныхъ мыслителей ничего не значитъ, ибо геніальный способъ творчества отъ этого не дѣлается рѣдкимъ. Его мы находимъ болѣе или менѣе у каждаго художника.—Собраніе относящихся сюда изреченій писателей приводитъ I. К. Фишеръ въ das Bewusstsein, Лейпцигъ 1874, въ 6 главѣ.

*

тропологіи, и ошибаются, полагая, что возможно выводить психологическія заключенія только изъ указаній на число и видъ преступленій и процессовъ, на распространеніе самоубійствъ или незаконныхъ рожденій, или же на распространеніе обученія, произведеній литературы и т. п. При счастливой комбинаціи подлежащихъ сравненію величинъ одинаково можно выводить психологическія заключенія изъ результатовъ торговли и мореплаванія, изъ транспортной статистики желѣзныхъ дорогъ для товаровъ и пасажировъ, изъ среднихъ цифръ урожая и количества скота, изъ результатовъ дѣленія имуществъ и der Verkoppelung и изъ безчисленнаго множества другихъ указаній, совершенно такъ же, какъ и изъ предпочитаемыхъ темъ моральной статистики. Наоборотъ, вслѣдствіе того, что не обращали вниманія на разнообразіе отношеній и мотивовъ, или того, что человѣка разсматривали еще въ свѣтѣ устарѣлой психологіи, часто слишкомъ поспѣшно выводились результаты изъ такого рода цифръ моральной статистики. Богатый заслугами *Кетеле* распространилъ, въ особенности неудачнымъ выраженіемъ „наклонность къ преступленію" (penchant vers le crime), много ложныхъ представленій, хотя для него самого это выраженіе есть только довольно безразличное названіе для совершенно невиннаго математическаго понятія. Такъ же мало, какъ какая нибудь вѣроятность, полученная посредствомъ отвлеченія, можетъ быть разсматриваема, какъ объективно существующее качество отдѣльной вещи, принадлежащей тому классу, къ которому было приложено отвлеченіе, такъ же мало можно мечтать простымъ полученіемъ цифры вѣроятности открыть наклонность къ преступленію, которая имѣла бы психологическое значеніе, какъ настоящій факторъ человѣческихъ дѣйствій. Между тѣмъ склонность къ преступленію, расположеніе къ самоубійству, стремленіе къ браку и другія подобныя статистическія понятія слишкомъ часто были понимаемы буквально и изъ замѣчательной правильности ежегодно возвращающихся цифръ выводился фатализмъ, который по крайней мѣрѣ на столько же страненъ, какъ попытка Кетеле спасти *свободу воли* рядомъ съ общей закономѣрностью. Именно Кетеле придаетъ свободной волѣ, т. е. конечно свободной волѣ по французско-бельгійскому школьному преданію, въ большихъ областяхъ доказанной закономѣрности, значеніе *случайной причины*, дѣйствіе которой, входя то положительно, то отрицательно, нейтрализуется по закону большихъ цифръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что существуютъ такіе личные импульсы воли, которые дѣйствуютъ, то прибавляя, то отнимая единицу въ годовомъ бюджетѣ желаемыхъ дѣйствій, и все-таки въ концѣ средняя цифра лучше согласуется, чѣмъ какой нибудь государственный счетъ съ своимъ бюджетомъ. Но, если средняя воля, которая въ тоже время приблизительно заступаетъ мѣсто главной массы всѣхъ частныхъ им-

пульсовъ воли, опредѣлена естественно-исторически вліяніями возраста, пола, климата, пищи, способа труда и т. д., то развѣ не заключили бы во всякой другой области, что и *индивидуальное* движеніе обусловлено естественно-исторически? Развѣ не предположили бы, что оно къ среднему результату относится только такъ, какъ, напр., масса дождя 1-го мая, или какого либо другаго дня въ календарѣ, къ средней массѣ дождя года? И дѣйствительно, тогда, кромѣ схоластическаго предубѣжденія, нѣтъ ни малѣйшей причины принимать для такихъ индивидуальныхъ колебаній, рядомъ съ многочисленными случайными причинами, которыя мы можемъ прослѣдить естественно-исторически, еще особую, которая имѣла бы ту особенность, что она, дѣйствуя въ весьма узкихъ границахъ, однако внутри ихъ независима отъ общей причинной связи вещей. Это — совершенно лишнее и въ дѣйствительности напрасно мѣшающее предположеніе, къ которому не пришелъ бы ни одинъ разумный человѣкъ, а тѣмъ паче Кетеле, если бы онъ не выросъ въ традиціонныхъ предубѣжденіяхъ разукрашенной по современному схоластики.

Такъ какъ въ Германіи давно привыкли къ представленію единства духа и природы, то естественно, что наши философы не очень поражались противорѣчіемъ между результатами статистики и устарѣлаго ученія о свободѣ воли. *А. Вагнеръ*, въ своемъ прекрасномъ трудѣ о „Закономѣрности въ повидимому произвольныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ (Hamburg 1864)", считалъ нужнымъ сдѣлать нашимъ философамъ упрекъ въ томъ, что они такъ мало обратили вниманія на Кетеле и его изслѣдованія, но этотъ упрекъ не попадаетъ въ настоящую цѣль. Люди, подобные *Вайцу, Дробишу, Лоце* и множеству другихъ, у которыхъ Вагнеръ можетъ быть искалъ подобнаго вниманія, такъ далеки отъ противоположности свободы и необходимости, что имъ конечно трудно возвратиться къ точкѣ зрѣнія, для которой здѣсь предстоитъ еще серьозная задача. Мы должны указать тутъ на то, что въ отдѣлѣ о Кантѣ сказано о задачѣ свободы воли. Между свободой, какъ формой *субъективнаго сознанія*, и необходимостью, какъ *фактомъ объективнаго изслѣдованія*, такъ же мало можетъ существовать противорѣчія, какъ между цвѣтомъ и звукомъ. Тоже колебаніе струны даетъ для глаза образъ быстраго движенія, для исчисленія опредѣленное число колебаній въ секунду и для уха цѣльный тонъ. Но это единство и то множество не противорѣчатъ себѣ, и если обыкновенное сознаніе приписываетъ числу колебаній высшую степень дѣйствительности, нежели тону, это еще не много значитъ. Какъ ни интересны и важны пролагающіе новый путь изученія Кетеле, но они все же для просвѣщеннаго нѣмецкаго философа интересны не по ихъ отношеніямъ къ свободѣ воли, такъ какъ эмпирическая обусловленность и строгая причинность всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, ко-

торую Кетеле даже не осмѣливается вполнѣ утверждать, со временъ Канта уже и такъ принимались за достовѣрное и даже за извѣстное и рѣшенное дѣло. И совершенно въ порядкѣ вещей, что, въ противоположность матеріалистическому фатализму, удерживается значеніе свободы, именно въ нравственной области. Ибо здѣсь дѣло уже не въ томъ, *что сознаніе* свободы есть *дѣйствительность*, но также, что соединенный съ сознаніемъ свободы и отвѣтственности ходъ представленія имѣетъ такое же существенное *значеніе для нашихъ дѣйствій*, какъ тѣ представленія, въ которыхъ непосредственно приходитъ къ нашему сознанію искушеніе, стремленіе, естественное влеченіе къ тому или другому поступку. Если поэтому Вагнеръ предполагаетъ, что причина невниманія къ моральной статистикѣ заключается въ нелюбви къ цифрамъ и таблицамъ, то онъ положительно ошибается. Какимъ образомъ могло бы существовать такое нерасположеніе у *Дробиша*, который не уставалъ составлять таблицы для гипотетическихъ предѣльныхъ чиселъ своей математической психилогіи и который дѣйствительно нетолько знаетъ изслѣдованія Кетеле, но во всѣхъ отношеніяхъ понимаетъ ихъ и умѣетъ оцѣнить? Но какъ трудно понятенъ такой нѣмецкій философъ даже для научно подготовленныхъ читателей, если они не имѣютъ передъ глазами системъ и ихъ исторіи въ связи. Такъ, Дробишъ напр. говоритъ въ короткой, но мѣткой критикѣ моральностатистическихъ выводовъ (Zeitschr. f. ex. Phil. IV, 329): „Во всѣхъ подобныхъ фактахъ отражаются не только чистые законы природы, которымъ человѣкъ долженъ былъ бы подлежать какъ нѣкоторому року, но одновременно нравственныя состоянія общества, которыя обусловлены могущественными вліяніями семейной жизни, школы, церкви, законовъ, и потому способны къ исправленію, посредствомъ воли людей“. Безъ довольно точнаго знанія психологіи и метафизики Гербарта кто бы не нашелъ въ этомъ апологетическаго заявленія въ пользу старой свободы воли, какъ этого напр. слѣдовало бы ожидать отъ Французскаго профессора? И все же человѣческая воля и по системѣ, къ которой примкнулъ Дробишъ, есть лишь происходящая въ строжайшей причинности послѣдовательность состояній души, которая въ концѣ концевъ производится лишь ея взаимодѣйствіемъ съ другими реальными существами. Съ тѣхъ поръ и Дробишъ въ своемъ появившемся въ 1867 году сочиненіи о „Моральной статистикѣ и человѣческой свободѣ воли“ пространно и для всякаго понятно высказался объ отношеніи свободы и природной необходимости и въ то же время далъ нѣсколько весьма цѣнныхъ вкладовъ для методологіи моральной статистики.

Въ сущности уже *Бокль*, остроумныя сочиненія котораго были для Вагнера не разъ возбужденіемъ, могъ бы навести его на то, что нѣмецкая философія въ ученіи о свободѣ воли имѣетъ преимущество, которое дозволяетъ ей рассматривать эти новыя взгляды съ полнымъ спокойствіемъ духа; ибо Бокль главнымъ образомъ опирается на *Канта*, приводя его свидѣтельство въ пользу эмпирической необходимости человѣческихъ дѣйствій и устраняя трансцендентальное ученіе о свободѣ (сравн. его прим. въ концѣ I главы).—Хотя поэтому все, что могутъ создать матеріализмъ и моральная статистика, уже допущено Кантомъ и все другое заранѣе отвергнуто [58]), однако же не все равно для практическаго значенія матеріалистическаго направленія по отношенію къ идеализму, выдвинута ли или нѣтъ на первый планъ антропологическихъ изученій моральная статистика, и даже, какъ мы желаемъ, вся статистика. Ибо моральная статистика обращаетъ вниманіе на внѣшность дѣйствительно измѣримыхъ фактовъ въ жизни, тогда какъ нѣмецкая философія, несмотря на ясныя убѣжденія въ ничтожности стараго ученія о свободѣ, все еще охотно обращаетъ свой взглядъ во внутрь, на факты сознанія. Но лишь при первомъ способѣ дѣйствія наука можетъ надѣяться получить постепенно прочныя пріобрѣтенія.

Конечно, методы должны быть при этомъ несравненно тоньше и въ особенности выводы должны быть несравненно осторожнѣе, чѣмъ они дѣлались у Кетеле, и въ этомъ отношеніи моральную статистику можно разсматривать какъ одинъ изъ самыхъ тонкихъ пробныхъ камней непредубѣжденнаго мышленія. Такъ напр. все еще составляетъ аксіому, что число преступныхъ дѣйствій, которыя ежегодно случаются въ странѣ, можетъ быть разсматриваемо, какъ масштабъ нравственности. Ничего не можетъ быть превратнѣе, если при этомъ имѣется въ виду понятіе нравственности, которое сколько нибудь подымается надъ принципомъ разумнаго избѣжанія наказаній. Чтобы найти число пропорціональное нравственности, нужно бы сперва по крайней мѣрѣ раздѣлить число подлежащихъ наказанію дѣйствій на число случаевъ или искушеній къ такимъ дѣйствіямъ. Само собой разумѣется, что извѣстное число подделки векселей въ округѣ съ оживленнымъ вексельнымъ движеніемъ—не имѣетъ того значенія, какъ то же число въ одинаково большомъ округѣ, котораго вексельное движеніе на половину меньше. Но криминальная статистика даетъ только сумму абсолютнаго числа случаевъ, и гдѣ она возвышается

---

[58]) Какъ мало *этическій* матеріализмъ вправѣ дѣлать изъ моральной статистики, по причинѣ ея противорѣчія ученію о свободѣ воли, специфически матеріалистическую науку, показываетъ тотъ интересный фактъ, что мы ея лучшею обработкою обязаны *строго лютеранскому теологу*, который старается подкрѣпить свою христіанскую этику этимъ эмпирическимъ основаніемъ. Срав. *Oettingen*, Die Moralstatistik. Inductiver Nachweis der Gesetzmässigkeit sittlircher Lebensbewegung im Organismus der Menschheit. Erlangen, 1868; недавно вышла уже во 2-мъ изданіи. Конечно моральная статистика есть наука столь же мало лютеранская, какъ и матеріалистическая.

до относительныхъ чиселъ, она по высшей мѣрѣ принимаетъ за масштабъ число населенія, а не число дѣйствій или дѣлъ, изъ которыхъ посредствомъ злоупотребленія могутъ произойти преступленія. Для нѣкоторыхъ родовъ проступковъ совершенно нельзя найти подходящаго знаменателя для вывода вѣрнаго пропорціональнаго числа, а между тѣмъ существуетъ такое различіе всего моральнаго развитія между подлежащими сравненію группами населенія, при которомъ нечего и думать о томъ, чтобы поголовно сосчитанная пропорція преступленій въ обоихъ случаяхъ имѣла одно и то же этическое и психологическое значеніе. Такъ какъ на этотъ пунктъ моральные статистики еще не обратили достаточнаго вниманія, то я позволю себѣ указать здѣсь въ кратцѣ на важное явленіе *этической эволюціи*, которое я впервые объяснялъ на моихъ лекціяхъ о моральной статистикѣ въ Боннскомъ университетѣ (зима 1857—58) и съ тѣхъ поръ находилъ постоянно подтвержденнымъ, о чемъ однако я не успѣлъ ничего обнародовать. Если сравнить состояніе однообразно живущаго пастушескаго населенія, какое мы напримѣръ находимъ во многихъ департаментахъ средней Франціи, съ состояніемъ населенія, которое охвачено промышленнымъ, литературнымъ и политическимъ движеніемъ умовъ, при которомъ обыденная жизнь уже сама по себѣ возбуждаетъ обиліе представленій, вызываетъ дѣйствія и рѣшенія, возбуждаетъ сомнѣнія и подстрекаетъ къ мыслямъ, и при которомъ, сверхъ того, какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для всего общества смѣна счастія и несчастія чаще и необыкновенные кризисы встрѣчаются нерѣдко, то ясно увидимъ, что у послѣдняго населенія, какъ уже видно изъ разсматриванія лицъ, цѣлыхъ фигуръ, костюмовъ и обычаевъ, должно проявиться несравненно большее различіе между недѣлимыми и что каждое отдѣльное недѣлимое подвергается гораздо болѣе значительной смѣнѣ вліяній всякаго рода. И, такъ какъ въ этическомъ отношеніи подобная эволюція споспѣшествуетъ одинаково хорошо какъ благороднымъ, такъ и неблагороднымъ качествамъ и равно вызываетъ какъ необыкновенныя дѣйствія самопожертвованія и безкорыстной любви къ ближнему или героической борьбы за общее благо, такъ съ другой стороны порождаетъ явленія жадности, эгоизма и безграничныхъ страстей, то можно вообразить себѣ нѣкоторый *этическій центръ тяжести* поступковъ этого населенія, отъ котораго единичныя дѣйствія удаляются то въ хорошую, то въ дурную сторону, то по направленію какой либо нравственно безразличной эксцентричности. У населенія съ менѣе значительною эволюціею всѣ дѣйствія въ совокупности группируются ближе вокругъ центра тяжести, т. е. эксцентрическіе и чрезмѣрно благородные поступки сравнительно будутъ такъ же рѣдки, какъ и дурные. Но, такъ какъ законъ вообще не заботится о большинствѣ поступковъ и только по извѣстнымъ направленіямъ ставитъ границу эгоизму и страстямъ, за которою начинаются преслѣдованія и наказаніе, то совершенно естественно, *что населеніе съ болѣе высокой степенью эволюціи при равномъ этическомъ центрѣ тяжести имѣетъ бо́льшее число безнравственныхъ дѣйствій*, отчасти оттого, что на каждую личность приходится вообще больше отдѣльныхъ значительныхъ актовъ воли, а отчасти и потому, что бо́льшая эксцентричность недѣлимыхъ дальше отъ центра какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, тогда какъ выставляется на видъ лишь часть дурныхъ дѣйствій. *Здѣсь, по отношенію къ достойнымъ наказанія поступкамъ, должно происходить нѣчто подобное тому, какъ сильный ударъ волнъ и при низкомъ уровнѣ воды легче перебрасываетъ черезъ прибрежную плотину, чѣмъ болѣе слабый ударъ при болѣе высокомъ уровнѣ.*

Дальнѣйшее развитіе этого предмета здѣсь неумѣстно, и мы довольствуемся тѣмъ, что показали, какъ далеко еще теперь моральная статистика не можетъ вдаваться во внутреннюю область психологіи; но тѣмъ важнѣе внѣшнія укрѣпленія, и мы никогда не должны забывать, что если только строгая критика заботится о твердой почвѣ, то здѣсь самыя незначительныя мелочи получаютъ навсегда остающуюся важность, тогда какъ цѣлыя системы умозрѣнія, на минуту распространивъ ослѣпляющій свѣтъ, затѣмъ навсегда дѣлаются достояніемъ исторіи.

IV. Физіологія органовъ чувствъ и міръ какъ представленіе.

Мы до сихъ поръ видѣли во всѣхъ областяхъ, что *естественно-научное, физикальное* разсматриваніе явленій можетъ распространять на человѣка и его духовное существо свѣтъ истиннаго знанія, хотя пока скудными лучами. Теперь мы приходимъ къ области человѣческаго изслѣдованія, въ которой эмпирическій методъ имѣлъ всего больше блестящихъ торжествъ и въ которой онъ однако приводитъ насъ непосредственно къ границамъ нашего знанія и даетъ намъ знать о лежащихъ по ту сторону областяхъ, по крайней мѣрѣ настолько, что мы должны быть убѣждены въ ихъ существованіи. Это *физіологія органовъ чувствъ*.

Между тѣмъ какъ общая нервная физіологія шагъ за шагомъ представляла жизнь все болѣе и болѣе продуктомъ механическихъ процессовъ, болѣе точное изслѣдованіе процессовъ ощущенія въ связи съ природой и способомъ дѣйствія органовъ чувствъ привело непосредственно къ тому, что показало

намъ, какъ съ тою же механическою необходимостью, съ которою все у насъ совершается, въ насъ рождаются и представленія, которыя обязаны нашей организаціи своею своеобразною сущностью, хотя поводомъ къ нимъ служитъ внѣшній міръ. Отъ большаго или меньшаго объема выводовъ изъ этихъ наблюденій зависитъ весь вопросъ о вещи въ себѣ и мірѣ явленій. Физіологія органовъ чувствъ есть развитый или исправленный кантіанизмъ, и система Канта можетъ быть считаема какъ бы нѣкоторою программою къ новѣйшимъ открытіямъ въ этой области. Одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ изслѣдователей, *Гельмгольцъ*, руководился взглядами Канта, какъ евристическимъ принципомъ, и при этомъ слѣдовалъ съ сознаніемъ и послѣдовательностью тому же пути, по которому и другіе успѣли приблизить механизмъ дѣятельности чувствъ къ нашему пониманію.

Повидимому, раскрытіе этого механизма не неблагопріятно для теорій матеріалистовъ. Расширеніе акустики посредствомъ сведенія гласныхъ на дѣйствіе вмѣстѣ звучащихъ верхнихъ тоновъ есть въ то же время пополненіе механическаго принципа объясненія природы. *Тембръ*, какъ продуктъ *ощущенія многихъ тоновъ*, все же остается дѣйствіемъ движеній вещества. Если мы находимъ, что слышаніе опредѣленныхъ музыкальныхъ тоновъ обусловливается резонансовымъ аппаратомъ *Кортіева органа*, или что положеніе зрительныхъ образовъ въ пространствѣ обусловливается *ощущеніемъ мускуловъ* въ двигательномъ аппаратѣ глаза, то повидимому мы не покидаемъ этой почвы. Но далѣе является *стереоскопъ* и разлагаетъ намъ ощущеніе тѣлеснаго въ зрѣніи въ совокупное дѣйствіе двухъ ощущеній плоскостныхъ образовъ. Намъ представляютъ вѣроятнымъ, что даже ощущеніе тепла и давленія органомъ осязанія суть составныя ощущенія, которыя различаются только группированіемъ элементовъ ощущенія. Мы узнаемъ, что ощущеніе *красокъ*, представленія *о величинѣ и движеніи* предмета, даже видъ простыхъ прямыхъ линій не неизмѣнно обусловливаются даннымъ объектомъ, но что отношеніе ощущеній другъ къ другу опредѣляетъ качество каждаго въ частности; далѣе, что *опытъ* и *привычка* имѣютъ вліяніе не только на истолкованіе чувственныхъ ощущеній, но и даже на *непосредственное явленіе*. Факты накопляются со всѣхъ сторонъ и становится неизбѣжнымъ индукціонное заключеніе, что наши, по видимому, простѣйшія ощущенія возбуждаются не только естественнымъ процессомъ, который самъ по себѣ нѣчто совершенно другое, чѣмъ ощущеніе, но что они даже—безконечно сложные продукты; что ихъ качество отнюдь не обусловлено только внѣшнимъ раздраженіемъ и устойчивымъ устройствомъ нашего органа, а констелляціею всѣхъ совокупно дѣйствующихъ ощущеній. Мы даже видимъ, что при сосредоточенномъ вниманіи одно ощущеніе можетъ быть совершенно вытѣснено другимъ разнороднымъ [59]).

Посмотримъ, что́ еще тутъ можно сказать со стороны матеріализма!

Древній матеріализмъ съ его наивнымъ вѣрованіемъ въ міръ чувствъ уже не существуетъ, и матеріалистическое представленіе мышленія, съ которымъ носилось прошлое столѣтіе, не можетъ болѣе держаться. Если для каждаго опредѣленнаго ощущенія должно вибрировать опредѣленное волокно въ мозгу, то относительность и солидарность ощущеній и ихъ распаденіе на неизвѣстныя элементарныя дѣйствія не можетъ существовать, неговоря уже о томъ, чтобы можно было локализировать даже мысли. Но весьма легко можетъ согласоваться съ фактами такое предположеніе, что *всѣ эти дѣйствія констелляціи простыхъ ощущеній основываются на механическихъ условіяхъ, которыя мы при достаточныхъ успѣхахъ физіологіи еще могли бы открыть*. Ощущеніе и вмѣстѣ съ этимъ все духовное существованіе все еще можетъ быть измѣняющимся ежесекундно результатомъ взаимодѣйствія безконечно многихъ, безконечно разнообразно соединенныхъ элементарныхъ дѣятельностей, которыя сами по себѣ могутъ быть локализированы, въ родѣ того, какъ локализированы трубки органа, но не ихъ мелодіи.

Но мы пойдемъ строго и прямо къ выводу изъ этого матеріализма, если замѣтимъ, что тотъ же механизмъ, который такимъ образомъ производитъ всѣ наши ощущенія, во всякомъ случаѣ порождаетъ *и наше представленіе о матеріи*. И онъ здѣсь не имѣетъ никакого ручательства въ какой нибудь особенной степени объективности. Поэтому, матерія въ цѣломъ можетъ быть только продуктомъ моей организаціи—даже должна быть имъ—какъ цвѣтъ или какое нибудь видоизмѣненіе цвѣта, произведенное явленіями контраста.

Здѣсь также видно, почему почти все равно [60]), говорятъ ли о духовной

[59]) Спеціальное развитіе указанныхъ здѣсь пунктовъ должно было бы быть черезчуръ обширно, чтобы сдѣлать для читателя излишними другія вспомогательныя средства; но оно тѣмъ менѣе нужно, что мы кромѣ руководствъ физіологіи и большихъ монографій *Гельмгольца* и др. между прочимъ имѣемъ «популярныя лекціи» послѣдняго (Braunschweig 1865 и 1871); далѣе Physiol. Psychol. *Вундта*, въ которой всѣ эти вопросы обсуждаются самымъ подробнымъ образомъ. Сравн. далѣе *Fick*, die Welt als Vorstellung, akad. Vortrag; Würzburg, 1870 u. *Preyer*, Die fünf Sinne des Menschen, Leipzig, 1870.

[60]) Что это не *совершенно* все равно, какъ это стояло въ 1 изд., показало мнѣ именно то обстоятельство, что новѣйшіе кантіанцы упорно говорятъ о *духовной* организаціи, чѣмъ вызывается представленіе, какъ будто она есть нѣчто совершенно особенное. Навѣрное же нетолько правильнѣе само по себѣ, но и болѣе соотвѣтствуетъ взгляду Канта видѣть въ этой «духовной» организаціи только трансцендентную сторону являющейся физической,

или физической организаціи, почему мы такъ часто употребляли нейтральное выраженіе; ибо всякая физическая организація, даже если бы я ее могъ видѣть подъ микроскопомъ или могъ бы показать подъ ножомъ, все же только мое представленіе и не можетъ въ своемъ существѣ отличаться отъ того, чтò я въ другихъ случаяхъ называю духовнымъ.

Во времена *Канта*, познаніе зависимости нашего міра отъ нашихъ органовъ вообще носилось въ воздухѣ. Никогда не могли вполнѣ опровергнуть идеализмъ епископа *Беркелея;* но важнѣе и богаче вліяніемъ сталъ идеализмъ естествоиспытателей и математиковъ. *Даламберъ* рѣшительно сомнѣвался въ познаваемости истинныхъ объектовъ; *Лихтенбергъ*, который охотно возражалъ противъ системы Канта, потому что его природа противилась всякому даже самому сокровенному догматизму, самостоятельно и независимо отъ Канта яснѣе понялъ тотъ пунктъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, чѣмъ кто-либо изъ послѣдователей Канта. Онъ, который при всемъ своемъ философствованіи никогда не отрицалъ физики, считалъ невозможнымъ опроверженіе идеализма. Познавать внѣшніе предметы есть для него противорѣчіе; человѣку невозможно выйти изъ самаго себя. „Если мы полагаемъ, что видимъ предметы, то мы видимъ только самихъ себя. Мы ни о чемъ въ мірѣ собственно ничего не можемъ знать, кромѣ насъ самихъ и измѣненій, которыя происходятъ въ насъ". „Если что-либо дѣйствуетъ на насъ, то дѣйствіе зависитъ нетолько отъ дѣйствующей вещи, но и отъ той, на которую она дѣйствуетъ" [61]).

Безъ сомнѣнія, именно Лихтенбергъ былъ бы въ состояніи изложить намъ и посредствующіе члены между этими умозрительными мыслями и обыкновенными физическими теоріями; однако онъ для этого, какъ и для многаго другаго, не нашелъ ни времени, ни охоты. Лишь долгое время спустя послѣ *Канта*, въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ въ Германіи первый шагъ, и какъ ни рѣзко на одной сторонѣ лежитъ правда, а на другой заблужденіе, но и нынѣ еще тупая традиція въ состояніи украсить самое тривіальное заблужденіе ореоломъ эмпиризма, между тѣмъ какъ фактическое замѣчаніе, которое такъ же просто и многозначительно, какъ яйцо Колумба, отрицается какъ праздное умозрѣніе. Дѣло идетъ о теоріи *помѣщенія объектовъ во внѣ* въ связи съ знаменитою задачею *прямаго зрѣнія*.

Іоганнъ Мюллеръ первый высказалъ настоящее рѣшеніе этой задачи, хотя не съ полною послѣдовательностью, указывая на то, *что образъ собственнаго тѣла бываетъ видимъ нами совершенно въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ образы внѣшнихъ предметовъ*.

«мозговую вещь саму въ себѣ», какъ обыкновенно выражался Ибервегъ.— Сравн. впрочемъ выше примѣчаніе 25 къ 1 отдѣлу, стр. 36.

[61]) *Lichtenberg's* Vermischte Schriften, hg. v. Kries. II, S. 31 u. 44.

Если людямъ нѣкогда безмѣрно трудно было представить себѣ движущеюся эту твердую землю, на которой мы теперь стоимъ,—первообразъ спокойствія и неподвижности, то имъ еще труднѣе въ своемъ собственномъ тѣлѣ, которое для нихъ первообразъ всякой дѣйствительности, видѣть простую схему представленія, продуктъ нашего оптическаго аппарата, который такъ же строго долженъ быть различаемъ отъ предмета, который его возбуждаетъ, какъ и всякій другой образъ.

Тѣло—только оптическій образъ? — „Мы его конечно видимъ", иначе невозможно на это отвѣтить, но „мы вѣдь имѣемъ непосредственное ощущеніе нашей дѣйствительности!" „Прочь праздныя умозрѣнія! Кто можетъ отрицать, что это моя рука, которую я двигаю по моей волѣ, ощущенія которой такъ непосредственно приходятъ къ моему сознанію?"

Эти экспекторацiи естественнаго предубѣжденія можно сколько угодно развивать далѣе. Рѣшительное возраженіе недалеко. А́ именно, наши ощущенія должны во всякомъ случаѣ сперва слиться съ оптическимъ образомъ, все равно, допускаемъ ли мы, что образъ тѣла не есть само тѣло, или держимся наивнаго представленія его тождественности съ объектомъ. Оперированный слѣпорожденный долженъ сперва научиться связи своихъ ощущеній *зрѣнія* и *осязанія*. Намъ здѣсь нужна только *ассоціація идей*, и она должна дать во всякомъ случаѣ тотъ же результатъ, какъ бы мы ни думали о дѣйствительности представляемаго тѣла.

Мюллеръ самъ не дошелъ, какъ это уже указано, до полной ясности, и намъ представляется, что ему помѣшала именно натурфилософія со своей игрой понятія о субъектѣ и объектѣ, о я и внѣшнемъ мірѣ. Вмѣсто того, именно *правильное* замѣчаніе, по причинѣ его колоссальной парадоксальности приписывали вредному вліянію философіи. Нынѣ часто можно услышать сужденіе, что сочиненіе Мюллера о физіологіи чувства зрѣнія (1826) было еще не зрѣлою, омраченною натурфилософскими идеями, первоначальною работою знаменитаго физіолога. Мы поэтому хотимъ привести рѣшительное мѣсто о *прямомъ зрѣніи* по руководству физіологіи (2 т. 1840).

„По оптическимъ законамъ, образы по отношенію къ объектамъ представляются на сѣтчатой оболочкѣ въ обратномъ видѣ... Теперь возникаетъ вопросъ, видимъ ли мы образы въ дѣйствительности какъ они есть, обратно, или же видимъ ихъ прямо, какъ въ объектѣ? Такъ какъ образы и раздражаемыя частички сѣтчатой оболочки одно и то же, то выраженный физіологически вопросъ будетъ: ощущаются ли частички сѣтчатой оболочки при зрѣніи въ ихъ естественномъ отношеніи къ тѣлу?".

„Мое мнѣніе, которое я уже развилъ въ сочиненіи о физіологіи чувства

зрѣнія, состоитъ въ томъ, что если мы и видимъ превратно, мы не иначе, какъ только оптическими изслѣдованіями можемъ придти къ сознанію, что мы видимъ превратно, и что, если все видится превратно, порядокъ предметовъ никоимъ образомъ не нарушается. Тутъ то же самое, что бываетъ съ ежедневнымъ обращеніемъ предметовъ вмѣстѣ съ цѣлою землею, которое узнается только по наблюденію мѣста звѣздъ, и все же достовѣрно, что въ продолженіи 24 часовъ по отношенію къ звѣздамъ то будетъ вверху, что прежде было внизу. Поэтому при зрѣніи и нѣтъ дисгармоніи между превратнымъ зрѣніемъ и прямымъ ощущеніемъ; ибо *все, и части нашего тѣлъ, видятся превратно и все удерживаетъ свое относительное положеніе*. И образъ нашей осязающей руки обращается. Поэтому, мы называемъ предметы прямыми именно — какъ мы ихъ видимъ. Простое обращеніе сторонъ въ зеркалѣ, гдѣ правая рука занимаетъ лѣвую сторону образа, уже почти ни замѣчается, и наши чувства, если мы регулируемъ наши движенія по образу въ зеркалѣ, мало вступаютъ въ противорѣчіе съ тѣмъ, что мы видимъ. Когда, напр., мы по образу въ зеркалѣ дѣлаемъ бантъ на галстукѣ" и т. д.

Это изложеніе не оставляетъ ничего желать по ясности и строгости, и мы въ особенности указываемъ на то, что во всемъ этомъ мѣстѣ нѣтъ и признака той игры понятій, которою характеризуется натурфилософія. Если этотъ взглядъ основанъ на натурфилософіи, то вліяніе ея въ этомъ случаѣ похвально. Все-таки возможное дѣло, что занятіе абстрактною философіею въ этомъ случаѣ по крайней мѣрѣ помогло Мюллеру, освободивъ его отъ безсмысленнаго преданія. Но гдѣ же слѣдствія?

Кто разъ позналъ простую истину, что прямое зрѣніе *вовсе не есть задача*, ибо образъ нашего тѣла находится въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ всѣ другіе образы, для того не должно бы быть и рѣчи о проекціи образовъ вовнѣ. Почему же всѣмъ другимъ образамъ заключаться въ единственномъ *образѣ* тѣла, тогда какъ предметы внѣшняго міра отнюдь не заключаются въ дѣйствительномъ тѣлѣ, которое по отношенію къ нашему представленію вѣдь есть также внѣшній міръ! О представленіи образовъ на мѣстѣ *представляемой* сѣтчатой оболочки поэтому не можетъ быть и рѣчи. Это было бы самое пародоксальное предположеніе, какое только возможно. Почему бы такой сказочной процессъ, какъ такъ называемая проекція, нуженъ былъ для того, чтобы представленныя внѣшнія вещи явились внѣ также только представляемой головы? Чтобы вообще искать здѣсь принципа объясненія, нужно не имѣть яснаго понятія обо всемъ этомъ отношеніи. И Мюллеръ, который такъ опредѣленно высказалъ разгадку загадки въ своей главѣ „о прямомъ и обратномъ зрѣніи", возвращается однако въ слѣдующей главѣ, „направленіе зрѣнія", къ ученію о проекціи и полагаетъ, что представленіе зрѣнія можетъ быть „мыслимо какъ нѣкоторое перемѣщеніе всего поля зрѣнія сѣтчатой оболочки впередъ". Тутъ вновь смѣшивается представляемая сѣтчатая оболочка, отвлеченная отъ образовъ въ зеркалѣ и отъ явленія другихъ лицъ, или отъ анатомическихъ изслѣдованій, съ дѣйствительной сѣтчатой оболочкой. И никогда бы Мюллеръ не могъ вновь впасть въ эту неясность, еслибы не былъ зараженъ понятіями натурфилософіи объ объектѣ и субъектѣ. Вѣдь говоритъ же онъ въ одной изъ прежнихъ главъ, что поставленіе видимаго во внѣ есть ничто иное, „какъ отличеніе видимаго отъ субъекта, отличеніе ощущаемаго отъ ощущающаго я".

Поэтому, велика заслуга *Ибервега*, когда онъ снова выставилъ на видъ не только несправедливо пренебреженное примѣчаніе Мюллера о прямомъ зрѣніи, но и совершенно разъяснилъ отношеніе тѣлеснаго образа къ другимъ образамъ внѣшняго міра. (Henle u. Pfeuffer III. V. 268 ff). Для этой цѣли Ибервегъ употребляетъ интересное сравненіе. Пластинка камеръ-обскуры подобно статуѣ *Кондильяка* одаряется жизнью и сознаніемъ; ея образы суть ея представленія. Образъ самой себя она такъ же мало можетъ представить на своей доскѣ, какъ нашъ глазъ свой собственный образъ на сѣтчатой оболочкѣ. Но камера могла бы имѣть выдающіяся части, членообразныя приставки, которыя, отражаясь на пластинкѣ, становились бы представленіемъ. Она можетъ отражать другія, подобныя существа; можетъ сравнивать, отвлекать и такимъ образомъ наконецъ составить себѣ представленіе о самой себѣ. Это представленіе займетъ тогда какое либо мѣсто на пластинкѣ, тамъ, гдѣ выдающіеся члены обыкновенно отражаются или откуда эти члены повидимому выходятъ. Съ мастерскою ясностью Ибервегъ показалъ, что не можетъ быть и рѣчи о проекціи во внѣ именно потому, что образы внѣ образа суть совершенно тоже, какъ мы должны представлять себѣ возбуждающіе предметы существующими внѣ нашего предметнаго тѣла.

Выводъ изъ взгляда Ибервега тотъ, что все пространство, которое мы видимъ, есть только пространство нашего сознанія, причемъ пока остается нерѣшеннымъ, есть ли сама сѣтчатая оболочка сенсоріумъ этихъ образовъ зрѣнія, или нужно его искать дальше назади, въ мозгу.

Если пока примемъ, что наша чувственность не измѣняетъ въ вещахъ ничего того, что мы получаемъ изъ разсматриванія образа на сѣтчатой оболочкѣ, то отсюда получилось бы, какъ вѣроятный взглядъ на дѣйствительность вещей, странно колоссальное представленіе. Всѣ вещи, со включеніемъ и насъ самихъ, стоятъ превратно, какъ онѣ намъ являются, и весь міръ, который я вижу, заключается въ моемъ мозгу. По ту сторону его простираются въ соотвѣтствующей пропорціи дѣйствительныя вещи.

Не для того, чтобы отнять у этого взгляда оттѣнокъ странности (ибо онъ ни мало не касается логичной вѣроятности взгляда), но для того, чтобы подвинуть на шагъ дальше объясненіе вопроса, мы замѣтимъ прежде всего, что было бы слишкомъ поспѣшно принять отдаленіе самой далекой звѣзды за масштабъ для измѣренія нашего сенсоріума. Билліоны миль, которыя получаются изъ вычисленія для подобныхъ разстояній, суть продуктъ не нашей чувственности, а *нашего вычисляющаго ума* и только дѣйствіе *ассоціаціи идей* сливаетъ представленіе этихъ разстояній съ чувственнымъ образомъ звѣздъ. Подвергшемуся операціи слѣпорожденному всѣ предметы зрѣнія представляются подавляюще близкими; дитя хватаетъ мѣсяцъ, а взрослому образъ луны или солнца кажется немногимъ далѣе образа руки, которая закрываетъ мѣсяцъ монетою. Онъ только *толкуетъ* этотъ образъ иначе и это толкованіе конечно имѣетъ вліяніе на непосредственное впечатлѣніе видимаго. Вся выработка основаннаго на зрѣніи представленія пространства есть процессъ ассоціаціи, подобный слiянію ощущеній осязанія и чувствъ съ образами зрѣнія. Чтобы это представить еще яснѣе, мы къ сравненію Ибервега прибавимъ еще другое.

Въ хорошей *діорамѣ* обманъ по отношенію къ перспективѣ картины не оставляетъ ничего желать. Я вижу передъ собой Фирвальдштетское озеро и замѣчаю вдали знакомыя исполинскія главы прибрежныхъ горъ и туманныя высоты съ полнымъ ощущеніемъ дали и величавости этихъ могущественныхъ сценъ природы, хотя я знаю, что нахожусь на извѣстной улицѣ въ Кёльнѣ, № 5, гдѣ въ дѣйствительности для такихъ отдаленій нѣтъ мѣста. Но вотъ звонитъ небольшой колоколъ часовни, и я соединяю звонъ и картину въ единство того торжественно спокойнаго впечатлѣнія, которымъ я такъ часто наслаждался въ природѣ.

Предположу теперь, что сознаніе, я, или другое какое либо вымышленное существо находится внутри черепа и разсматриваетъ образъ сѣтчатой оболочки, все равно черезъ какую среду, подобно образу діорамы съ самой прекрасной перспективой; пусть онъ въ тоже время оживленъ, подобно образу въ camera obscura. Существо, которое я воображаю, очень предается своему разсматриванію; оно кромѣ этого образа вообще неспособно ни къ какому воспріятію зрѣнія; самаго себя не видитъ, а равно и среды, посредствомъ которой оно видитъ. Но это воображаемое существо способно къ другимъ впечатлѣніямъ; оно слышитъ, осязаетъ и т. д. — Что же будетъ? — Звукъ весьма легко сольется съ образомъ зрѣнія. Если въ картинѣ движется колокольчикъ въ нѣкоторой гармоніи съ соотвѣтствующимъ звукомъ, то ассоціація тотчасъ готова. О самомъ себѣ, какъ о зрителѣ и слушателѣ, наше существо конечно и такимъ образомъ ничего не можетъ узнать.

Идемъ дальше. Наше существо пусть и ощущаетъ, но и ощущеніе пусть даетъ только периферическія представленія; ничего объ его собственномъ положеніи и его ближайшей обстановкѣ въ мозговомъ черепѣ. Теперь пусть оно видитъ въ своей діорамѣ образъ, движенія котораго находятся въ полной гармоніи съ его ощущеніями, члены котораго содрогаются, когда оно ощущаетъ боль, простираются, когда оно ощущаетъ желаніе. Этотъ образъ совершенно на переднемъ планѣ сцены. Его странныя, несовершенно соединенныя части часто проходятъ черезъ все поле зрѣнія, подобно гигантскимъ тѣнямъ.

Показываются другіе образы, въ перспективѣ меньшіе, очень похожіе, но болѣе полные, въ лучшей связи, чѣмъ то большое существо на переднемъ планѣ, съ которымъ такъ нераздѣльно связаны ощущенія боли и удовольствія. Наше существо комбинируетъ, отвлекаетъ, и, такъ какъ оно о самомъ себѣ ничего не знаетъ, кромѣ своихъ ощущеній, то и его ощущенія сливаются съ большимъ, неполнымъ образомъ на переднемъ планѣ поля зрѣнія; но по сравненію съ другими, этотъ образъ въ представленіи дополняется въ задней части. Теперь мы имѣемъ я, тѣло, внѣшній міръ, перспективу, все что слѣдуетъ, разсматриваемое съ точки зрѣнія нѣкотораго рода души, которая посредствомъ ассоціаціи идей приходитъ къ понятію—я, не зная ничего о своемъ истинномъ я. Понятіе объ я покамѣсть, какъ это первоначально всегда бываетъ у человѣка, совершенно неразрывно съ понятіемъ тѣла, и это тѣло есть тѣло-діорама, тѣло образа сѣтчатой оболочки, въ сліяніи съ тѣломъ ощущеній осязанія, ощущеній боли и удовольствія.

Кто не слѣдилъ строго за нитью нашего хода мыслей, могъ бы полагать, что мы здѣсь хотимъ вдругъ признать пунктуальную душу Лотце; но пусть вникнутъ, что мы составляли только фикцію. Мы олицетворили процессъ, а этотъ процессъ есть ничто иное, какъ сліяніе воспріятій чувствъ. Посредникъ здѣсь лишній. Что цѣлая духовная жизнь, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно понимаемъ это слово, можетъ быть построена изъ ощущеній въ ихъ безконечныхъ ступеняхъ, въ ихъ разнообразіи и сложности, мы видѣли уже прежде. Здѣсь достаточно замѣтить, что, по нашему мнѣнію, не нуженъ даже одинъ общій пунктъ соединенія, чтобы слить функціи всѣхъ сенсорій— если ихъ существуютъ нѣсколько;—пусть только вообще существуетъ соединеніе.

Еслибы отдѣльные сенсоріи въ мозгу были безъ соединенія, то мы имѣли бы передъ собой не только *метафизическую* загадку, но и *механическое* пониманіе человѣка, какъ простаго природнаго существа, какъ мы это изложили въ отдѣлѣ о „мозгѣ и душѣ“, стало бы невозможностью. Но если соединеніе вообще дано, для чего не требуется какого-либо единаго центральнаго пункта, ни готовыхъ „образовъ“ въ мозгу, то остается только метафизическая

загадка, какимъ образомъ изъ множества атомныхъ движеній возникаетъ единство психическаго образованія. Мы считаемъ эту загадку, какъ уже часто говорили, неразрѣшимой, однако легко можемъ понять, что она будетъ одинаковой трудности и одинакого рода, принимаемъ ли мы или нѣтъ механическое соединеніе раздраженій въ одинъ образъ въ одномъ матеріальномъ центрѣ. Если мы назовемъ дѣйствіе перехода отъ физическаго множества къ психическому единству *синтезомъ*, то этотъ синтезъ остается одинаково необъяснимымъ, относится ли онъ къ соединенію многихъ *отдѣльныхъ* пунктовъ готоваго образа, или лишь къ *пространственно разсѣяннымъ условіямъ* образа. Картезіанское и спинозистическое разсматриваніе образовъ мозга посредствомъ души остается, если откинуть извѣстную уловку предубѣжденія, которая въ человѣка вновь сажаетъ человѣка, совершенно также необъяснимо, какъ возникновеніе психическаго образа прямо изъ его физическихъ условій.

Конечно, если человѣкъ стоитъ въ созерцаніи передъ ткацкимъ станкомъ и изъ его механизма и способа, какъ переплетаются нити, старается отгадать рисунокъ ткани, то это ему стоитъ больше труда, нежели если бы онъ сталъ разсматривать рисунокъ прямо на готовой матеріи. Но, такъ какъ созерцаніе производится тѣмъ, что поверхность вещества сперва разрѣшается *во множество* впечатлѣній на отдѣльные нервы, и такъ какъ это разрѣшеніе необходимо, чтобы сдѣлать возможнымъ въ мозгу наибольшее разнообразіе соединеній съ другими впечатлѣніями чувствъ, то не можетъ ни къ чему послужить, если-бы гдѣ либо въ мозгу изъ этихъ отдѣльныхъ впечатлѣній опять былъ произведенъ *физическій* образъ вещества. Вѣдь онъ долженъ былъ бы опять разрѣшиться, чтобы войти въ механизмъ *ассоціаціи*. Слѣдовательно, возникновеніе *психическаго* созерцательнаго *образа*, дѣлающагося сознательнымъ въ субъектѣ, можно свести также легко и еще легче на прямой синтезъ отдѣльныхъ впечатлѣній, если они и разсѣяны въ мозгу. Какъ подобный синтезъ возможенъ, остается загадкой; есть даже основаніе предполагать, что все предположеніе возникновенія единаго психическаго образа изъ множества отдѣльныхъ раздраженій есть лишь недостаточный способъ представленія, которымъ мы должны довольствоваться; однако ясно то, что такой синтезъ во всякомъ случаѣ нуженъ для установленія связи между процессами атомовъ и сознаніемъ. Но именно поэтому безсмысленно повторять еще разъ вещи въ мозгу, или, выражаясь точнѣе, для продукта синтеза, для *представленія вещи*, еще разъ вложить уменьшенный образъ въ *представляемый* мозгъ.

Ибервегъ нашелъ впрочемъ другой выходъ. Онъ былъ противникомъ

атомизма, и непрерывность матеріи казалась ему и достаточною связью единства для представленій. Ему не нуженъ былъ человѣкъ въ человѣкѣ, чтобы созерцать образы мозга. Онъ этимъ образамъ придалъ „сознательность“ и тогда представленія были готовы. Ему конечно нужно было для этого предположеніе, съ которымъ не можетъ помириться анатомія. Онъ долженъ былъ предположить гдѣ нибудь въ мозгу „не имѣющее структуры вещество“, въ которое входятъ образы представленій, и посредствомъ всесторонней проводящей способности котораго они приходятъ въ связь со всѣми другими ощущеніями. Объ этотъ постулатъ разбивается вся теорія, которая впрочемъ подлежитъ возраженію во многихъ пунктахъ. Мы поэтому не послѣдуемъ за Ибервегомъ, когда онъ, вѣрный своему принципу, принимаетъ такой міръ вещей самихъ въ себѣ, который имѣетъ три пространственныя измѣренія, который совершенно наполненъ способною къ ощущенію матеріею и вещи котораго слѣдуетъ представлять себѣ не очень различными отъ вещей нашего представленія. Но неизбѣжно согласиться съ Ибервегомъ въ томъ, какъ бы метафизики ни возставали противъ этого, что наши представленія, какъ скоро это слово мы не будемъ принимать въ смыслѣ „actus purus“, *имѣютъ протяженія*, ибо являющіяся вещи суть именно наши представленія. Что они по этому матеріальны, опять нельзя утверждать, ибо намъ непосредственно даны только явленія; матерія, представляемая ли атомистически, или же какъ нѣчто непрерывное, уже есть вымышленный вспомогательный принципъ для приведенія явленій въ полную связь причины и дѣйствія.

Если подвергнуть метафизической критикѣ міровой образъ Ибервега, то конечно изчезаетъ, какъ миражъ, его странный колосальный міръ вещей въ себѣ; ибо, если пространство есть только форма нашего созерцанія, то вещи въ себѣ суть и остаются абсолютно непознаваемыми. Но лишь только мы возвратимся къ матеріалистическому способу представленія вещей внѣ насъ, возвращается съ полнымъ правомъ и Ибервеговъ колоссальный міръ въ перевернутомъ положеніи. Но, такъ какъ ни одна черта матеріализма такъ не распространена, какъ вѣра въ матеріальныя, существующія въ себѣ вещи и привычка предполагать эти вещи, даже не вѣруя въ нихъ, то пародоксальному ученію Ибервега кромѣ его *метафизическаго значенія* принадлежитъ еще *дидактическое*. Метафизическое ограничивается системою Ибервега; дидактическое сохраняетъ силу и при всякой другой системѣ, насколько мы допускаемъ предположеніе матеріальнаго, существующаго въ себѣ міра вещей, по крайней мѣрѣ какъ *вспомогательнаго* для *связи явленій*. Здѣсь во всякомъ случаѣ ложное ученіе о проекціи подсѣкается въ самомъ корнѣ.

*

Гельмгольцъ замѣчаетъ, что споръ о причинѣ прямовидѣнія имѣетъ только тотъ психологическій интересъ, „что показываетъ, какъ трудно даже людямъ съ значительными научными способностями согласиться дѣйствительно и существенно признавать субъективный моментъ въ нашихъ чувственныхъ воспріятіяхъ и видѣть въ нихъ дѣйствія объектовъ, вмѣсто неизмѣненныхъ снимковъ (sit venia verbo) съ объектовъ, понятіе, которое совершенно противорѣчитъ самому себѣ". Мюллеро-иберверговскую теорію Гельмгольцъ отвергаетъ, не отрицая ея послѣдовательности и относительной правильности [62]). Конечно она уже не нужна, какъ скоро мы привыкнемъ разсматривать явленія, какъ простыя дѣйствія объектовъ (т. е. вещей неизвѣстныхъ самихъ въ себѣ!) на нашу чувственность; огромное большинство нашихъ нынѣшнихъ физиковъ и физіологовъ не могутъ подняться на эту точку зрѣнія, но еще глубоко коснѣютъ въ ложномъ ученіи проекціи, которое имѣетъ свой корень именно въ томъ, что собственное тѣло возвышается на степень вещи самой въ себѣ. Чтобы вырвать съ корнемъ это заблужденіе, нѣтъ ничего лучше мюллеро-иберверговской теоріи, которая конечно въ свою очередь устраняется съ высшей точки зрѣнія критическаго ученія о познаніи [63]).

[62]) *Helmholtz*, Handbuch der physiol. Optik, § 29, S. 606 u. f. und S. 594.

[63]) Указаннаго здѣсь относительнаго и дидактическаго достоинства *Мюллеро-Иберверговской теоріи* не можетъ умалить и новѣйшій видъ, который *Штумфъ* (Ueber den psychol. Urspr. der Raumvorstellung, Leipzig 1873) пытался дать ученію о проекціи. Штумфъ несправедливо выставляетъ мое согласіе съ теоріей Иберверга за безусловное (прим. къ стран. 190), тогда какъ различие точекъ зрѣнія, которое мы на этотъ разъ болѣе подробно выставили, уже достаточно указано было въ 1-мъ изд., и вытекаетъ также, какъ само собой разумѣющееся слѣдствіе, изъ моей точки зрѣнія въ теоріи познанія. Относительно Иберверга Штумпфъ начинаетъ замѣчаніемъ, что онъ не обратилъ вниманія на различие между: «*нѣчто представить себѣ какъ находящееся въ нѣкоторомъ разстояніи*» и «*имѣть свое представленіе въ этомъ разстояніи или представлять себѣ его находящимся въ этомъ разстояніи*». Такъ легко нельзя обходиться съ Ибервегомъ, міровоззрѣніе котораго, при всей странности цѣлаго, есть нѣчто весьма обдуманное во всѣхъ частяхъ. Именно вопросъ: что собственно называется—представлять себѣ нѣчто какъ находящееся въ нѣкоторомъ разстояніи?—можно принять за исходную точку его психологическихъ построеній, ибо Ибервегъ находилъ, что эти слова не имѣютъ смысла, если самое разстояніе также чувственно не созерцается. Поэтому, по его пониманію, только второе положеніе ясно и сообразно съ дѣломъ; первое основано на схоластически-картезіанскомъ миражѣ представленія, отдѣлимаго отъ его содержанія. Равно и способъ, которымъ Штумпфъ разбираетъ сравненіе Иберверга съ пластинкою camera obscura (стр. 191), основанъ на совершенномъ недоразумѣніи. *Образъ* пластинки содержитъ конечно только ея внѣшнее явленіе, безъ того, что на ней нарисовано, такъ же какъ мы видимъ только внѣшность человѣка, которому мы не можемъ заглянуть въ мозгъ. Никому не можетъ придти въ голову отожествлять вполнѣ образъ съ собственнымъ «я» пластинки, если кто серьезно старается отнестись справедливо ко взгляду Иберверга.—Остроумную, но смѣлую дедукцію Штумпфа, что представленіе зрѣнія должно имѣть первоначально три измѣренія, мы оставимъ въ сторонѣ. Но если онъ, для упрощенія задачи воспріятія глубины, избѣгаетъ понятія «*внѣ насъ*» и вмѣсто того говоритъ только о видѣніи предметовъ «въ нѣкоторомъ разстояніи», то этимъ также не рѣшается сущность вопроса о проекціи; ибо центръ этого вопроса есть разстояніе вещей отъ нашего тѣла и *представляемыхъ* вещей отъ *представляемаго* тѣла.

Не менѣе основательно, чѣмъ устраненіемъ стараго ученія проекціи, уничтожается вѣра въ матеріальныя вещи изслѣдованіемъ матеріала, изъ котораго наши чувства строятъ міръ этихъ вещей. Кто не рѣшился вмѣстѣ съ *Чолбе* вывести самые крайніе выводы изъ вѣрованія въ міръ явленій, тотъ нынѣ легко допуститъ, что *цвѣта, звуки, запахи*, и т. д. не принадлежатъ вещамъ самимъ по себѣ, но что они суть своеобразныя формы возбужденія нашей чувственности, которыя вызываются соотвѣтствующими, весьма различными по качеству, процессами во внѣшнемъ мірѣ. Указаніе безчисленныхъ фактовъ, подтверждающихъ это ученіе, завело бы насъ слишкомъ далеко; мы должны выставить здѣсь лишь немногія обстоятельства, которыя бросаютъ свѣтъ дальше, чѣмъ большинство физическихъ и физіологическихъ наблюденій.

Прежде всего мы замѣтимъ, что основный принципъ аппаратовъ чувствъ, въ особенности глаза и уха, состоитъ въ томъ, что изъ хаоса вибрацій и движеній всякаго рода, которыми наполнены окружающія насъ среды, выбираются извѣстныя формы движенія, повторяемаго въ опредѣленныхъ численныхъ отношеніяхъ, въ извѣстной мѣрѣ усиливаются и такимъ образомъ доводятся до воспріятія, тогда какъ всѣ остальныя формы движенія проходятъ не производя никакого впечатлѣнія на ощущеніе. Слѣдовательно, прежде всего нетолько нужно сказать, что цвѣтъ, звукъ и т. д. суть процессы въ субъектѣ, но и *что возбуждающія движенія во внѣшнемъ мірѣ отнюдь не играютъ той роли, какую они должны бы имѣть для насъ вслѣдствіе своего дѣйствія на чувства.*

Исчезающій для слуха высокій тонъ и уже неслышная вибрація воздуха не раздѣлены въ объектѣ такой пропастью, какая существуетъ между слышимымъ и неслышимымъ. Ультра-фіолетовые лучи имѣютъ только *для насъ* исчезающее значеніе, и всѣ тѣ многочисленные процессы въ матеріи, о которыхъ мы получаемъ только косвенное познаніе, электричество, магнетизмъ, сила тя-

жести, напряженія сродства, сцѣпленіе и т. д. производятъ свое вліяніе на состояніе матеріи такъ же, какъ и прямо воспринимаемыя колебанія. Если представить себѣ атомы, то они не только не могутъ свѣтить, звучать и т. д., но они фактически не имѣютъ даже формъ движенія, соотвѣтствующихъ цвѣтамъ и звукамъ, которые мы воспринимаемъ. Они скорѣй необходимо имѣютъ какія нибудь весьма запутанныя формы движенія, которыя происходятъ изъ безчисленныхъ другихъ. Наши аппараты чувствъ суть *аппараты отвлеченія*; они показываютъ намъ какое нибудь значительное дѣйствіе формы движенія, которая въ объектѣ самомъ въ себѣ даже вовсе не существуетъ.

Если намъ скажутъ, что отвлеченіе ведетъ и въ мышленіи къ познанію истины, то мы замѣтимъ, что это только относительно справедливо, насколько именно рѣчь идетъ о томъ познаніи, которое необходимо происходитъ изъ нашей организаціи и поэтому никогда себѣ не противорѣчитъ. Мы оборачиваемъ копье, объясняя здѣсь пока по матеріалистическому методу мнимосверхчувственное мышленіе изъ чувственнаго. Если отвлеченіе, которое производятъ наши аппараты чувствъ съ ихъ палочками, шишками, кортіевыми волокнами и т. д., есть дѣйствительно дѣятельность, которая посредствомъ устраненія большинства всѣхъ вліяній даетъ совершенно односторонній, обусловленный строеніемъ органовъ міровой образъ, *то вѣроятно то же нужно сказать объ отвлеченіи въ мышленіи.*

Новѣйшее наблюденіе открыло весьма интересныя отношенія между представленіемъ и повидимому непосредственнымъ чувственнымъ воспріятіемъ, и часто велся довольно безплодный споръ о томъ, слѣдуетъ ли наблюдаемый фактъ объяснять физіологически или психологически. Такъ было относительно явленія *стереоскопическаго зрѣнія.* Для основныхъ вопросовъ, съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло, совершенно все равно, напр., удерживаетъ ли свою роль или нѣтъ въ объясненіи этихъ явленій ученіе о тожественныхъ мѣстахъ сѣтчатой оболочки. Для изслѣдователей чисто физическаго, если и не матеріалистическаго направленія непріятно сводить фактъ непосредственной дѣятельности чувствъ на столь неопредѣленную будто-бы вещь, какъ „представленіе". Они охотно предоставляютъ такія теоріи философамъ и сами стараются отыскать тутъ механизмъ, дѣйствующій съ необходимостью. Предположимъ, что они бы его нашли, то все же этимъ не было бы доказано, что дѣло не имѣетъ никакой связи съ „представленіемъ"; скорѣе въ то же время былъ бы сдѣланъ важный шагъ къ тому, чтобы механически объяснить самое представленіе. Пока, все равно, далеко или близко это объясненіе, а также прирожденъ ли механизмъ, который требуется открыть, или онъ возникъ въ силу опыта и вмѣстѣ съ опытомъ опять измѣняется. Весьма важно напротивъ, что

такія основныя черты чувствительности, какъ тѣлесное зрѣніе, явленіе блеска, созвучіе и несозвучіе тоновъ и т. п. разложены на ихъ условія и показаны какъ результатъ различныхъ обстоятельствъ. Чрезъ это само нынѣшнее пониманіе тѣлеснаго и чувственнаго должно постепенно измѣняться. Пока, совершенно безразлично, сводятся ли явленія міра чувствъ на представленіе, или на механизмъ органовъ, если только они оказываются продуктами нашей организаціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ только это доказано не только по отношенію къ частнымъ явленіямъ, но съ достаточною общностью, получается слѣдующій рядъ выводовъ:

1) Міръ чувствъ есть продуктъ нашей организаціи.

2) Наши видимые (тѣлесные) органы суть, подобно всѣмъ другимъ частямъ міра явленій, лишь образы нѣкотораго неизвѣстнаго предмета.

3) Трансцендентное основаніе нашей организаціи остается намъ поэтому также неизвѣстнымъ, какъ и вещи, которыя дѣйствуютъ на нее. Мы всегда имѣемъ передъ собой только продуктъ обоихъ.

Мы приходимъ тотчасъ къ дальнѣйшему ряду выводовъ; но прежде мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній о связи чувственнаго впечатлѣнія и представленія. — При стереоскопическомъ зрѣніи мы оставили нерѣшеннымъ, въ чемъ собственно заключается механика относящихся сюда явленій. Но мы имѣемъ группу весьма замѣчательныхъ явленій, въ которыхъ повидимому несомнѣнно вмѣшательство умозаключенія, и притомъ ложнаго, въ непосредственное ощущеніе зрѣнія. Извѣстно, что мѣсто входа зрительнаго нерва въ глазу нечувствительно къ свѣту; оно образуетъ слѣпое пятно на сѣтчатой оболочкѣ, котораго мы впрочемъ не сознаемъ. Не только одинъ глазъ дополняетъ то, чего не достаетъ другому—не то всякій кривой долженъ былъ бы знать слѣпое мѣсто,—но сюда примѣшивается еще дополненіе совершенно другаго рода.

Однообразно окрашенная поверхность, на которой сдѣлано пятно какого либо другаго цвѣта, является непрерывно окрашенною основнымъ цвѣтомъ, когда это пятно при опредѣленномъ положеніи оси глаза попадаетъ на слѣпое мѣсто сѣтчатой оболочки. Привычка дополненія поверхности здѣсь слѣдовательно является непосредственно чувственнымъ ощущеніемъ цвѣта. Если основный цвѣтъ красный, то и на слѣпомъ мѣстѣ мы видимъ красное—въ правильномъ смыслѣ слова видѣть.—Это ощущеніе нельзя сводить на отвлеченное предположеніе, что эта точка не отличается отъ остальной поверхности, и также на легко отличаемое свойство образа фантазіи; нѣтъ, мы *видимъ* настолько ясно, насколько вообще можно видѣть мѣстомъ сѣтчатой оболочки, довольно отдаленнымъ отъ желтаго пятна, цвѣтъ, который, по самому устройству внѣшняго органа, никакъ не можетъ появиться на этомъ мѣстѣ.

Этотъ экспериментъ былъ повторяемъ въ различныхъ видахъ. На бѣлую поверхность кладутъ черную палочку, такъ чтобы середина ее падала на слѣпое пятно. Палочка видна цѣльною, все равно, цѣла ли она или же прерывается на слѣпомъ пятнѣ. Глазъ какъ бы дѣлаетъ выводъ вѣроятности, умозаключеніе изъ опыта, неполную индукцію. Мы говоримъ *глазъ дѣлаетъ этотъ выводъ*. Выраженіе намѣренно не имѣть большой опредѣленности, ибо мы имъ хотимъ кратко обозначить весь тотъ кругъ строеній и процессовъ, начиная отъ центральнаго органа до сѣтчатой оболочки, которому приписывается и дѣятельность зрѣнія. Мы методически недопускаемъ въ этомъ случаѣ раздѣлять выводъ и зрѣніе какъ два особыя дѣйствія. Это можно дѣлать только въ отвлеченіи. Если не станемъ искуственно толковать процессъ, *то въ этомъ случаѣ зрѣніе есть выводъ и выводъ совершается въ формѣ зрительнаго представленія*, какъ онъ въ другихъ случаяхъ совершается въ формѣ понятій выраженныхъ словами.

Что здѣсь зрѣніе и выводъ дѣйствительно одно, показываетъ уже простое соображеніе; въ тоже время черезъ посредство понятій мы съ полной увѣренностью выводимъ противуположное тому, что даетъ намъ непосредственное чувственное явленіе. Еслибы органу зрѣнія принадлежало только чувственное ощущеніе какъ таковое; еслибы всякій выводъ дѣлался въ особомъ органѣ мышленія, то трудно было бы объяснить это противорѣчіе между однимъ выводомъ и другимъ, неговоря уже объ особенной трудности безсознательнаго мышленія. Загадка этого послѣдняго даже приближается къ общему разрѣшенію, если мы предположимъ, что операціи, которыя тождественны съ умозаключеніемъ въ своихъ условіяхъ и въ своемъ результатѣ, могутъ сливаться воедино съ простою дѣятельностью чувствъ.

Какъ велико въ дѣйствительности единство вывода и зрѣнія въ этихъ явленіяхъ, показываетъ успѣхъ эксперимента, въ которомъ какъ бы обращается вниманіе глаза на недостаточность его посылокъ. Дѣлаютъ крестъ изъ различныхъ цвѣтовъ и то мѣсто, на которомъ полосы покрываютъ одна другую, т. е. мѣсто перекрещиванія заставляютъ падать на слѣпое пятно; какую-же полосу дополнитъ представленіе, когда обѣ онѣ имѣютъ на это одинаковое право? Обыкновенно принимаютъ, что въ этомъ случаѣ беретъ верхъ тотъ цвѣтъ, который производитъ болѣе живое психическое впечатлѣніе, что иногда бываетъ и смѣна, такъ что то одна, то другая полоса является цѣльною. Конечно, эти явленія совершаются, однако уже съ самаго начала они менѣе ясны, чѣмъ при простомъ экспериментѣ, и при частомъ повтореніи и измѣненіи опыта *зрѣніе въ этомъ мѣстѣ наконецъ совсѣмъ прекращается*. Тогда не удается болѣе видѣть полною ни ту ни другую полосу. Глазъ какъ бы приходитъ къ сознанію, что въ этомъ мѣстѣ нечего видѣть, и исправляетъ свою первоначальную ошибку.

Прибавлю здѣсь, что я, послѣ долгаго занятія этими опытами, видѣлъ вообще уменьшеніе первоначальной свѣжести дополняемыхъ цвѣтовъ и формъ; казалось—глазъ и при болѣе простыхъ экспериментахъ сталъ недовѣрчивъ. Послѣ долгаго перерыва опытовъ возвратилась первоначальная увѣренность дополненія.

Дробишъ (Zeitschr. f. ex. Phil. IV. 344. ff.) считаетъ очень важнымъ, что *Гельмгольцъ* выводитъ воспріятія чувствъ изъ психическихъ дѣятельностей. Въ этомъ будто бы заключается ни какъ не меньше какъ „отрицаніе матеріализма“. Но если Гельмгольцъ намъ показываетъ, что воспріятія совершаются такъ, какъ будто они образуются посредствомъ выводовъ, то къ этому можно примѣнить слѣдующія два положенія:

1) Мы до сихъ поръ для частностей воспріятія всегда находили физическія условія; слѣдовательно, мы должны предполагать, что и аналогія съ выводами основана на физическихъ условіяхъ.

2) Если въ чисто чувственной области, гдѣ для всѣхъ явленій принимаются органическія условія, существуютъ процессы, которые по существу сродны съ умозаключеніями, то чрезъ это становится значительно вѣроятнѣе, что и послѣднія основаны на нѣкоторомъ физическомъ механизмѣ.

Еслибы дѣло не имѣло еще совершенно другой стороны, то матеріализмъ въ относящихся сюда изслѣдованіяхъ нашелъ бы лишь новыя опоры. То время, когда возможно было представлять себѣ мысль какъ выдѣленіе особенной части мозга или какъ колебаніе опредѣленнаго волокна, конечно прошло. Нынѣ уже должны были привыкнуть къ тому, чтобы понимать различныя мысли, какъ различныя формы дѣятельности однихъ и тѣхъ-же разнообразно дѣйствующихъ органовъ. Что же можетъ быть пріятнѣе матеріализму, какъ не доказательство, что по случаю воспріятій чувствъ въ нашемъ тѣлѣ *совершенно безсознательно* происходятъ процессы, которые въ своемъ результатѣ совершенно совпадаютъ съ умозаключеніями? Развѣ этимъ самыя высшія функціи разума не подвинуты на значительный шагъ къ нѣкоторому, по крайней мѣрѣ отчасти матеріальному объясненію? Если мы приступимъ къ матеріалистамъ съ *безсознательнымъ* мышленіемъ, то они противъ этого не только имѣютъ оружіе здраваго человѣческаго разума, который находитъ противорѣчіе въ безсознательной функціи „души“, но они тотчасъ могутъ вывести слѣдующее: То, что безсознательно, должно имѣть вещественную природу, такъ какъ все предположеніе души основано только на сознаніи. Но если тѣло безъ сознанія можетъ производить логическія операціи, которыя до сихъ поръ при-

писывались только сознанію, то оно можетъ производить самое трудное изъ того, что производитъ душа. Намъ тогда ничто не мѣшаетъ приписать тѣлу и сознаніе какъ качество.

Единственный путь, который надежно выведетъ насъ изъ односторонностей матеріализма, проходитъ черезъ его слѣдствія; и такъ, положимъ, что въ тѣлѣ существуетъ физическій механизмъ, который производитъ заключенія ума и чувствъ; тогда мы стоимъ непосредственно передъ вопросами: что такое тѣло? Что такое вещество? Что такое физическое? И нынѣшняя физіологія должна, точно такъ же какъ и философія, отвѣчать на эти вопросы, что все это суть только наши представленія,—необходимыя представленія, представленія, происходящія по законамъ природы, но все же не самыя вещи.

Въ силу этого, послѣдовательно матеріалистической взглядъ тотчасъ переходитъ въ послѣдовательно идеалистическій. Въ нашемъ существѣ нельзя предположить никакого разрыва. Намъ не слѣдуетъ приписывать одни функціи нашего существа физической природѣ, а другія духовной; мы будемъ въ своемъ правѣ, если для всего, даже и для механизма мышленія, станемъ предполагать физическія условія и не успокоимся, пока ихъ не найдемъ. Но мы не менѣе правы, если мы не только на являющійся намъ внѣшній міръ, но *и на органы*, которыми мы его воспринимаемъ, смотримъ какъ на простые образы истинно существующаго. Глазъ, которымъ мы думаемъ видѣть, самъ только продуктъ нашего представленія, и если мы находимъ, что наши зрительные образы вызываются устройствомъ глаза, то мы никогда не должны забывать, что и глазъ, вмѣстѣ съ его устройствомъ, зрительный нервъ вмѣстѣ съ мозгомъ и всѣми структурами, которыя мы въ немъ, положимъ, надѣемся открыть, какъ причины мышленія, суть только представленія, которыя хотя и образуютъ нѣкоторый цѣльный и связный міръ, но міръ, указывающій на то, что за его предѣлами. Причтомъ конечно нужно еще изслѣдовать, на сколько вѣроятно, что міръ явленій такъ совершенно различается отъ міра дающихъ къ нему поводъ вещей, какъ того хотѣлъ *Кантъ*, принимая *пространство* и *время* только за простыя формы воззрѣнія, или же мы рѣшимся думать, что по крайней мѣрѣ *матерія* съ ея *движеніемъ* существуетъ объективно и есть основаніе всѣхъ другихъ явленій, какъ бы сильно эти явленія ни уклонялись отъ дѣйствительныхъ формъ вещей. Безъ объективности пространства и времени никоимъ образомъ нельзя представить себѣ что либо подобное нашей матеріи и движенію. Поэтому послѣднее убѣжище матеріализма есть утвержденіе, что пространственный и временный порядокъ принадлежитъ вещамъ въ себѣ.

Если исключить нравственное доказательство дѣйствительности міра яв-

леній, какъ мы его находимъ у Чолбе, то ни одинъ изъ нашихъ матеріалистовъ не пытался дать подобнаго доказательства; напротивъ, мы находимъ заслуживающую уваженія, но по нашему убѣжденію несостоятельную, попытку въ логикѣ *Ибервега*, §§ 38 до 44. Ибервегъ справедливо оспариваетъ тотъ способъ, которымъ Кантъ различалъ пространство и время какъ формы воспріятія отъ ихъ содержанія. Онъ исходитъ далѣе изъ положенія, что внутреннее воспріятіе можетъ обнимать свои объекты такъ, какъ они есть сами по себѣ, съ матеріальной истиной. Съ образцовою ясностью онъ различаетъ существо ощущенія отъ существа вещей, которыми оно возбуждается. Только существо психическихъ образовъ въ нашемъ собственномъ сознаніи, полагаетъ Ибервегъ, мы можемъ познать вполнѣ такъ, какъ оно есть. И, такъ какъ нашъ внутренній опытъ совершается во времени, то онъ считаетъ доказаннымъ дѣйствительность времени. Но порядокъ времени предполагаетъ законы математики, эти законы предполагаютъ пространство трехъ измѣреній, чѣмъ и заканчивается ходъ доказательства.

Помимо того, что фундаментальное положеніе, по крайней мѣрѣ относительно репродукціи, подлежитъ справедливымъ сомнѣніямъ, мнѣ кажется, что прямая ошибка заключается въ томъ, что реальность времени въ насъ переносится на реальность времени внѣ насъ; а въ насъ не только время имѣетъ реальность, но и пространство, причемъ для этого не нужно посредство математическихъ законовъ. Конечно изъ связи вещей *въ насъ* мы необходимо должны выводить соотвѣтствующую связь вещей *внѣ насъ*; но эта связь не составляетъ непремѣнно согласія. Такъже, какъ вибраціи вычисляемаго міра явленій относятся къ цвѣтамъ непосредственно видимаго, такъ же могъ бы относится совершенно непостижимый для насъ порядокъ вещей къ пространственно-временному порядку, который господствуетъ въ нашихъ восприятіяхъ [64]).

[64]) *Ибервегъ* возражалъ противъ этой критики въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей логики и въ очеркѣ исторіи философіи. Ш, § 27. Относительно *реальности времени* онъ говоритъ (сравн. къ § 44 въ 4 изд. Логики, изданной И. В. *Мейеромъ*, стр. 85, прим.), что было бы несправедливо (въ смыслѣ нашей критики) переносить время на другія существа, если бы оно было простою созерцательною формою, но что оно есть «психическая реальность», ибо мы (что доказано въ § 40) необходимо понимаемъ находящіяся въ насъ психическія образованія точно такъ, какъ они есть. Однако «пониманіе» (Auffassung) есть уже новый психическій процессъ, въ которомъ понимаемое не можетъ остаться безъ измѣненія. Представленіе же времени повидимому появляется вообще лишь въ такихъ вторичныхъ психическихъ образованіяхъ. Въ простомъ созерцаніи даже движущихся предметовъ, какъ напр., плывущихъ облаковъ, текущаго потока и т. д., я не нахожу ни малѣйшаго сознанія времени.

Солнце, луна и звѣзды вмѣстѣ съ ихъ правильными движеніями и вмѣстѣ со всей вселенной суть, по собственному геніальному замѣчанію Ибервега, не отраженные во внѣ образы, но элементы, какъ бы части нашего внутренняго міра. Если Ибервегъ говоритъ, что они суть образы въ нашемъ мозгу, то при этомъ не слѣдуетъ забывать, что нашъ мозгъ есть также лишь образъ или отвлеченіе образа, возникшее по законамъ, господствующимъ надъ нашими представленіями. Дѣло совершенно въ порядкѣ, если для упрощенія научной рефлексіи останавливаются на этомъ образѣ; но никогда не слѣдуетъ забывать, что тутъ мы имѣемъ только отношеніе между прочими представленіями и представленіемъ мозга, а никакъ не твердый пунктъ внѣ этой субъективной области. Изъ этого круга никакъ нельзя выйти иначе, какъ посредствомъ предположеній, которыя тогда должны подчиниться и обыкновеннымъ правиламъ логики вѣроятнаго.

Мы знаемъ уже, какъ велико различие между непосредственно видимымъ объектомъ и объектомъ мыслимымъ по ученію физики; мы уже въ тѣсной области, въ которой одно явленіе можетъ исправлять и дополнять другое, видимъ, какимъ огромнымъ измѣненіямъ подлежитъ объектъ, когда онъ изъ одной среды переходитъ со своими дѣйствіями въ другую; не должны ли мы отсюда вывести, что переходъ дѣйствій вещи въ себѣ въ среду нашего бытія по всей вѣроятности также связанъ съ значительными, можетъ быть еще несравненно болѣе значительными, превращеніями?

Математическіе законы тутъ ничего не могутъ измѣнить.

Но если держаться простаго факта, что мы, какъ всегда, представляемъ время, слѣдовательно представленіе времени дѣйствительно существуетъ въ насъ, то время въ этомъ отношеніи ничего не выигрываетъ передъ пространствомъ, и никакое аналогическое заключеніе невозможно о другихъ существахъ вообще, а только, какъ уже допускалъ Кантъ, о такихъ существахъ, которыя подобно намъ способны къ познанію. Доказательства Ибервега въ пользу трансцендентной реальности пространства трехъ измѣреній основано совершенно на утвержденіи, что математическое познаніе объектовъ не было бы возможно въ *той мѣрѣ*, въ которой оно существуетъ для насъ (какъ напр., въ астрономіи), если бы количество измѣреній существующаго по себѣ міра не согласовалось съ количествомъ измѣреній міра явленій. Что и безъ исполненія этого условія былъ бы возможенъ нѣкоторый математическій порядокъ явленій, Ибервегъ ни мало не отрицаетъ. Но въ какой мѣрѣ намъ понятенъ міръ? Вѣдь астрономія только спеціальный случай, мѣсто котораго, при другихъ условіяхъ, могло бы занять нѣчто другое. Впрочемъ, у насъ нѣтъ никакого абсолютнаго масштаба для того, чего вообще можно бы требовать отъ міра понятности, и уже потому точка зрѣнія Ибервега сводится на скрытое petitio principii.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, представимъ себѣ на одно мгновеніе существо, которое можетъ себѣ представлять пространство только въ двухъ измѣреніяхъ. Представимъ себѣ его совершенно по аналогіи Ибервеговской одушевленной пластинки camera-obscura. Развѣ не существовала бы и для этого существа математическая связь явленій, хотя бы оно никогда не могло понять нашей стереометріи? Относительно дѣйствительное пространство, т. е. наше пространство съ его тремя измѣреніями, можетъ быть противупоставлено его міру явленій, какъ „вещь въ себѣ". Математическая связь между дающимъ поводъ міромъ и міромъ явленій этого существа была бы нимало не нарушена, и все же изъ плоскостной проекціи въ его сознаніи нельзя было бы сдѣлать никакого вывода о природѣ дающихъ поводъ вещей.

Легко видѣть, что поэтому мыслимы и существа съ пространство-подобными воззрѣніями болѣе трехъ измѣреній, хотя мы таковыхъ никакъ не можемъ представить наглядно [65]). —Излишне перечислять далѣе такія возможности;

---

[65]). Находящіяся здѣсь положенія о мыслимости *пространственныхъ представленій* съ болѣе или менѣе чѣмъ *тремя измѣреніями* взяты безъ перемѣны изъ перваго изданія и слѣдовательно *старше*, чѣмъ извѣстныя «математическія» умозрѣнія *Гельмгольца* и *Римана*, которыя съ тѣхъ поръ надѣлали столько шуму. Слѣдовательно, здѣсь, чтобы не было смѣшенія взглядовъ, нужно прежде всего указать, что въ текстѣ говорится только о мыслимости пространственныхъ или *похожихъ на пространство* воззрѣній въ менѣе или болѣе чѣмъ трехъ измѣреніяхъ; послѣднее относится къ воззрѣніямъ въ болѣе чѣмъ трехъ измѣреніяхъ, для которыхъ мы въ томъ, что мы называемъ пространствомъ, конечно не можемъ найти никакой аналогіи. Поэтому мы могли бы отклонить отъ себя строгое порицаніе, которое *Лотце* недавно высказалъ въ своей *Логикѣ* (Leipzig 1874, стр. 217) противъ злоупотребленія понятіемъ о пространствѣ для «логической игры» съ четырьмя или пятью измѣреніями. Но Лотце пошелъ слишкомъ далеко, когда воскликнулъ: «Противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ нужно бороться; это гримасы науки, которыя совершенно безполезными парадоксами запугиваютъ обыкновенное сознаніе и обманываютъ его относительно его правъ въ ограниченіи понятій». Такое право обыкновеннаго сознанія сравнительно съ наукой не существуетъ; меньше всего для математиковъ, которые давно привыкли самыми смѣлыми обобщеніями приходить къ самымъ прекраснымъ своимъ результатамъ. Сравн. отрицательныя, несоизмѣримыя, воображаемыя и комплексныя числа, дробные, отрицательные показатели и т. д. И отрицательный приговоръ *Дюринга*, Princ. d. Mechanik, S. 488 u. f. недостаточно мотивированъ, хотя онъ опирается на остроумную попытку автора въ Natürliche Dialektik, Berlin 1865, и прежде всего въ замѣчательной диссертаціи «de tempore, spatio, causalitate atque de analysis infinitesimalis logica» Berol. 1861), удалить мистическое изъ математики болѣе строгимъ образованіемъ понятій. Мистическаго въ новѣйшей математикѣ стало такъ много, что уже недостаточно критики отдѣльныхъ понятій. Когда нибудь

скорѣе достаточно вполнѣ констатировать, что ихъ безконечно много и что распространеніе нашего воззрѣнія пространства и времени на вещь въ себѣ крайне сомнительно. Причемъ конечно нельзя уже признавать матеріализма какого бы то ни было рода; ибо если наше изслѣдованіе, основанное на чувственныхъ воззрѣніяхъ, съ непремѣнною послѣдовательностью должно привести насъ къ тому, чтобы для каждаго умственнаго движенія находить соотвѣтствующіе процессы въ веществѣ, то все же само это вещество со всѣмъ, что образуется изъ него, есть только отвлеченіе отъ нашихъ образовъ представленія. Споръ между тѣломъ и духомъ рѣшенъ въ пользу духа, и этимъ только получается истинное единство существующаго. Ибо, тогда какъ для матеріализма всегда оставалось непреодолимымъ препятствіемъ объяснить, какъ изъ вещественнаго движенія можетъ получиться сознательное ощущеніе, напротивъ вовсе не трудно представить себѣ, что все наше представленіе вещества и его движеній есть результатъ организаціи чисто духовныхъ способностей ощущенія.

Слѣдовательно, Гельмгольцъ совершенно правъ, когда онъ дѣятельность чувствъ сводитъ на нѣкоторый родъ умозаключенія.

Мы также правы, замѣтивъ, что этимъ изслѣдованіе *физическаго механизма ощущенія, какъ и мышленія,* не становится излишнимъ или невозможнымъ [66]).

въ философіи математики долженъ быть въ связи разобранъ вопросъ, какимъ образомъ возможно, что обобщающее нарушеніе всѣхъ границъ воззрѣнія и реальной возможности ведетъ именно къ простѣйшимъ формуламъ, которыя вполнѣ оправдываются въ ихъ примѣненіи къ реальному. То, что Дюрингъ Natürl. Dial. L. 162 u. 163, говоритъ о «проведеніи черезъ невозможное» едва затрогиваетъ истинную задачу. Съ другой стороны, кажется слишкомъ поспѣшно было бы, вмѣстѣ съ *Либманомъ* (сравн. въ особенности въ его соч. въ Phil. Monatsh. VII Bd. 2 Hälfte, 8. H. S. 337 u. ff. «Ueber die Phänomenalität des Raumes»), принять эти математическія умозрѣнія за положительные аргументы въ пользу феноменальности пространства, такъ какъ они пока ничто иное, какъ математическія развитія одной *мыслимости общаго пространственнаго понятія*, которое обнимаетъ собою наше эвклидовское пространство какъ частвый случай.

[66]) *Брентано*, Psychol. I S. 144, говоритъ по отношенію къ вышеприведенному положенію относительно *умозаключенія глаза* въ явленіяхъ *слѣпаго пятна*, что не совсѣмъ ясно, хочу ли я дѣйствительно признать «посредствующій процессъ», подобный сознательному заключенію. Дѣло мнѣ представляется довольно простымъ. Рѣчь идетъ о подведеніи подъ индуктивно полученную общую посылку. Сознательный пріемъ сказалъ бы такъ: каждый разъ, когда я имѣю частныя явленія X_1, X_2, X_3, должна предлежать равномѣрная поверхность. Но вотъ даны явленія X_1, X_2, X_3; слѣдовательно предлежитъ

Но наконецъ мы видимъ, что такой механизмъ, подобно всякому другому представляемому механизму, самъ въ свою очередь долженъ быть лишь возникающимъ съ неизбѣжностью образомъ неизвѣстнаго состоянія дѣла.

„Если мы ткань атомистическаго міра и не видимъ тѣлесными чувствами, то мы все же мыслимъ ее подъ типомъ созерцательнаго представленія, построиваемъ процессы созерцательнымъ способомъ; ибо, развѣ мы дѣлаемъ что нибудь другое, когда установленные съ неизбѣжностію атомы переносимъ въ пространство и время и объясняемъ себѣ дѣйствіе массъ изъ ихъ положенія равновѣсія и разнороднаго движенія?

„Какъ вообще матерія, такъ и составляющіе ее атомы суть явленіе, представленіе, и какъ неизбѣженъ вопросъ о созерцательной матеріи, такъ не менѣе неизбѣженъ вопросъ объ атомахъ: что они такое кромѣ явленія, кромѣ

равномѣрная поверхность. Соотвѣтствующій физіологическій процессъ былъ бы очень просто тотъ, что по привычкѣ (обусловленной пріобрѣтенными проводящими путями) отъ раздраженія извѣстныхъ мозговыхъ частей посредствомъ X_1, X_2, X_3, всякій разъ получается представленіе поверхности (т. е. механическія условія къ синтезису въ представленіи поверхности). Если теперь наступаютъ явленія X_1, X_2, X_3 и т. д., то слѣдуетъ, если угодно, непосредственно представленіе поверхности въ конкретномъ случаѣ. Т. е. «посредствованіе» заключается просто въ томъ, что специальный случай нижней посылки наталкивается на развитый уже механизмъ верхней посылки, въ силу чего заключительная посылка, видѣніе поверхности, вытекаетъ само собою. Другое «посредствованіе», какъ я думаю, не происходитъ и при другаго рода заключеніи; развѣ только *исканіе* средняго понятія, т. е. находящей въ этомъ случаѣ приложеніе верхней посылки, мы внесемъ въ самый пріемъ заключенія. Это исканіе средняго понятія конечно въ нашемъ случаѣ не имѣетъ мѣста. Обѣ посылки необходимо находятся тотчасъ и вмѣстѣ.

Что касается до упрека, сдѣланнаго *Гельмгольцу*, *Целлнеру* и др., что они не увѣрились, есть ли объясненіе посредствомъ безсознательныхъ выводовъ единственно возможное, и въ особенности, не нужно ли сдѣлать попытку объяснить эти явленія законами ассоціаціи, то на это нужно отвѣтить, что конечно весьма легкое и близко лежащее объясненіе посредствомъ ассоціацій вовсе не противорѣчитъ объясненію посредствомъ безсознательнаго вывода. Если напр., оставаясь при выше сдѣланномъ обозначеніи, за явленіями X_1, X_2, X_3 долженъ выступать по *законамъ ассоціаціи* образъ поверхности, то онъ уже часто долженъ былъ соединяться съ этими явленіями, а это тожественно съ существованіемъ индуктивной верхней посылки, подъ которую подводится новый спеціальный случай. Развѣ и послѣдовательные ассоціаціонные психологи не объясняютъ ассоціаціями обыкновеннаго сознательнаго вывода? Но что точное изслѣдованіе природы неохотно берется за такіе способы объясненія, весьма естественно, такъ какъ это собственно не объясненіе, а только заплаты для недостающихъ объясненій.

представленія, что они сами по себѣ — что въ нихъ отъ вѣчности достигло своего выраженія?"

Этими словами *Рокитанскій*[67]) подготовляетъ ту мысль, что именно *атомистическая теорія* поддерживаетъ *идеалистическое міровоззрѣніе*; а мы можемъ прибавить, что именно сведеніе всего психическаго на мозговой и нервный механизмъ есть самый вѣрный путь къ познанію, что здѣсь заканчивается кругъ нашего познанія, не затрогивая того, что такое духъ самъ въ себѣ. Чувства даютъ намъ, какъ говоритъ *Гельмгольцъ*, *дѣйствія* вещей, не вѣрные ихъ образы, и никакъ не самыя вещи. Но къ этимъ лишь дѣйствіямъ принадлежатъ и сами чувства вмѣстѣ съ мозгомъ и представляемыми въ немъ молекулярными движеніями. Мы слѣдовательно должны признавать существованіе трансцендентнаго міроваго порядка, основанъ ли онъ на „вещахъ самихъ въ себѣ", или же,—такъ какъ и „вещь въ себѣ" есть еще послѣднее примѣненіе нашего созерцающаго мышленія,—на чистыхъ отношеніяхъ, которыя въ различныхъ умахъ представляются какъ различные роды и степени чувственнаго, тогда какъ соразмѣрное проявленіе абсолютнаго вообще не мыслимо въ познающемъ умѣ.

[67]) Сравн. *Rokitansky*, Der selbstverständliche Werth des Wissens. Wien, 1869, S. 35.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ЭТИЧЕСКІЙ МАТЕРІАЛИЗМЪ И РЕЛИГІЯ

1. Политическая экономія и догматика эгоизма.

Здѣсь не было бы неумѣстно, подобно естественнымъ наукамъ, подвергнуть подробному разсмотрѣнію и *политическую экономію* съ близкими къ ней областями знанія; но и безъ того мы невольно должны войти въ область практическихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ составляетъ результатъ нашихъ критическихъ изслѣдованій. Мы изслѣдуемъ науку, и находимъ въ ея ученіяхъ лишь зеркало общественныхъ состояній; мы желаемъ видѣть, въ чемъ въ настоящее время заключается *этическій матеріализмъ*, и мы находимъ, что онъ развитъ въ нѣкоторую догматику, какой не знали Аристиппъ и Эпикуръ. На мѣсто *удовольствія* новое время поставило *эгоизмъ*, и, тогда какъ философскіе матеріалисты колеблются въ своей этикѣ, съ *политической экономіей* развилась особенная теорія эгоизма, которая болѣе, чѣмъ какой либо другой элементъ новаго времени, носитъ на себѣ характеръ матеріализма. Корни этого явленія захватываютъ еще время до Канта и до французской революціи. Въ Италіи, въ Нидерландахъ, во Франціи духъ изслѣдованія новаго времени уже давно подвергъ теоретическому изслѣдованію торговлю, сношенія націй, вліяніе податей и сборовъ, источники благосостоянія или обѣдненія цѣлыхъ народовъ; но лишь въ Англіи вмѣстѣ съ возрастающимъ процвѣтаніемъ промышленности, индустріи и всемірной торговли развилась *политическая экономія* въ нѣкотораго рода науку. *Адамъ Смитъ*, котораго *нравственная теорія* имѣла лишь незначительный успѣхъ, пріобрѣлъ своимъ изслѣдованіемъ *о богатствѣ націй* громкую славу. Симпатія и интересъ были для него двумя великими двигателями человѣческихъ дѣйствій. Изъ симпатіи онъ выводилъ всѣ добродѣтели недѣлимаго и всѣ преимущества общества; когда-же онъ довольно искусственнымъ образомъ вывелъ отсюда и *справедливость*, то она для него дѣлается истиннымъ основаніемъ государства и

общества. Расположеніе между членами общества, дружественное вниманіе къ обоюдному благосостоянію суть прекрасныя вещи, но если ихъ и нѣтъ, государство еще не рушится. Справедливости же не можетъ не быть; вмѣстѣ съ нею зиждется и разрушается всякое общество. Въ стремленіи къ богатству и почестямъ уже нравственная теорія допускаетъ, чтобы всякій въ частности напрягалъ свои силы до крайности, стараясь превзойти всѣхъ своихъ соискателей, лишь бы онъ не поступалъ несправедливо; въ ученіи о національномъ богатствѣ вполнѣ установляется аксіома, что всякій, гонящійся за собственной своей пользой, въ то же время споспѣшествуетъ пользѣ цѣлаго. Правительству же больше нечего дѣлать, какъ дать этой борьбѣ интересовъ какъ можно больше свободы [1]). Исходя изъ этихъ принциповъ, онъ свелъ игру интересовъ, рыноч-

[1]) Часто несправедливо разъединяютъ оба главныя сочиненія *Адама Смита*, и приэтомъ по большей части теорію нравственности признаютъ за относительно незначительное первое произведеніе, которое, рядомъ съ «богатствомъ націй», не имѣетъ значенія. Что основныя мысли обоихъ сочиненій созрѣли въ Смитѣ одновременно, ясно доказано *Боклемъ* (Hist. of civil. c. XX), и кромѣ того, самъ Смитъ объявляетъ въ придисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій теоріи нравственности, что оба сочиненія суть части одного общаго плана, такъ, однако, что «богатство націй» образуетъ только отрывокъ большаго спеціально-политическаго сочиненія, которое должно было слѣдовать за теоріей нравственности. Всеже, вмѣстѣ съ *Лексисомъ* (franz. Ausfuhrprämien. S. 5), можно сомнѣваться, примѣнялъ ли Адамъ Смитъ методъ отвлеченія сознательно такимъ образомъ, что въ одномъ сочиненіи онъ заставляетъ человѣка исходить только изъ *эгоизма*, въ другомъ только изъ *симпатіи*. *Бокль*, который старается пространно доказать это мнѣніе, находитъ въ этомъ пріемѣ преимущество передъ индуктивнымъ, исходящимъ изъ фактовъ. Посредствомъ упрощенія принциповъ становится возможнымъ приложеніе *дедуктивнаго* пріема, и ошибка односторонности, по его мнѣнію, исправляется исхожденіемъ изъ различныхъ принциповъ, такъ что дѣйствительность составилась бы изъ тѣхъ вліяній, которыя въ силу теоріи нравственности слѣдуютъ изъ симпатіи, и тѣхъ, которые въ силу «національнаго богатства» слѣдуютъ изъ эгоизма. Противъ этого взгляда Бокля Лексисъ справедливо замѣчаетъ, что человѣческіе мотивы не складываются и не вычитаются, но, уже въ силу совокупнаго дѣйствія ихъ, становятся иными, чѣмъ они сами по себѣ. Въ дѣйствительности же Смитъ и совершенно не занимался этимъ методологическимъ вопросомъ. Скорѣй даже въ теоріи нравственности вездѣ можно читать между строками, что дѣйствія человѣка въ существенномъ основаніи эгоистичны и только видоизмѣняются вліяніями симпатіи. Въ «національномъ богатствѣ» Смитъ затѣмъ трактуетъ о такой области, въ которой, по его мнѣнію, *прямыя* дѣйствія симпатіи равны нулю, и берутся въ разсчетъ только непрямыя, т. е. *охрана права государствомъ*. Сравн. напр. слѣдующее изрѣченіе въ Part. II. sect. II. chap. II теоріи нравственности: «In the race for wealth and honours, and preferments, he may run as hard

ное отношеніе *предложенія* и *спроса* на правила, которыя и до сихъ поръ еще не потеряли своего значенія. Для него конечно этотъ рынокъ интересовъ не былъ всею жизнью, но лишь важною ея стороною. Но его послѣдователи забыли обратную сторону и смѣшали правила рынка съ правилами жизни, даже съ основными законами человѣческой природы. Эта ошибка впрочемъ способствовала къ тому, чтобы дать политической экономіи оттѣнокъ строгой научности, значительно упростивъ всѣ задачи экономическаго движенія. Но это упрощеніе заключается въ томъ, что люди мыслятся *чистыми эгоистами* и такими существами, которыя свои личные интересы умѣютъ понимать въ совершенствѣ, не отвлекаясь отъ этого другими ощущеніями.

Дѣйствительно, противъ этого ничего нельзя было бы возразить, если бы эти предположенія были сдѣланы открыто и прямо съ тою цѣлью, чтобы соображеніямъ объ общественныхъ сношеніяхъ дать точную форму посредствомъ фикціи возможно простѣйшаго случая. Ибо только посредствомъ отвлеченія отъ полной многообразно-усложненной дѣйствительности и другія науки достигли характера точности. Для насъ, не умѣющихъ обозрѣвать всей безконечности дѣйствій природы, точно лишь то, что̀ мы сами дѣлаемъ точнымъ. Всѣ абсолютныя истины ложны; отношенія напротивъ могутъ быть строго дознаны. И, что̀ важнѣе всего для прогресса науки: относительная истина, положеніе, которое справедливо только на основаніи произвольнаго предположенія, и которое отъ полной дѣйствительности уклоняется въ нѣкоторомъ тщательно опредѣленномъ смыслѣ, — именно такое положеніе несравненно болѣе способно содѣйствовать нашему пониманію предмета, нежели положеніе, которое сразу стремится какъ можно ближе подойти къ сущности вещей, и при этомъ влечетъ за собою неизбѣжную и неопредѣленную по своему значенію массу заблужденій. Такъ же, какъ геометрія со своими простыми линіями, поверх-

as he can, and *strain every nerve and every muscle*, *in order to outstrip all his competitors*. But if he should justle, or throw down any of them, the indulgence of the spectators is entirely at an end». Съ этимъ весьма соединима мысль, что погонею всякаго въ частности за богатствомъ, пока только не нарушается право, общество въ то же время болѣе всего приближается къ цѣли богатства. Соціальныхъ бѣдствій, которыя происходятъ изъ этой погони за богатствомъ, Смитъ, въ полномъ ихъ развитіи, которому не мало содѣйствовала его собственная теорія, еще не зналъ, и на сколько онъ ихъ зналъ, онъ считалъ ихъ неизбѣжными. Онъ не зналъ никакой формы симпатіи, которая могла бы успѣшно противодѣйствовать этимъ бѣдствіямъ, а слѣдовательно, ему и въ этомъ отдѣлѣ его соціально-политическаго сочиненія нечего было болѣе говорить о симпатіи. Если бы мы имѣли все сочиненіе, то можетъ быть въ другихъ отдѣлахъ мы нашли бы объ этомъ что нибудь другое.

ностями и тѣлами вполнѣ намъ пригодна, хотя ея линіи и поверхности не встрѣчаются въ природѣ, хотя мѣры въ дѣйствительности почти всегда несоизмѣримы; такъ и отвлеченная политическая экономія можетъ быть намъ пригодна, хотя въ дѣйствительности нѣтъ существъ, которыя слѣдуютъ исключительно побужденію разсчитывающаго эгоизма и которыя слѣдуютъ ему съ абсолютною подвижностью, будучи свободны отъ всякихъ возможныхъ задерживающихъ побужденій и вліяній, происходящихъ отъ другихъ ихъ свойствъ. Конечно отвлеченіе въ политической экономіи эгоизма гораздо рѣзче, чѣмъ въ какой либо другой наукѣ, такъ какъ противодѣйствующія вліянія *лѣности* и *привычки*, а также *симпатіи* и общественности весьма значительны. Однако отвлеченіе можно смѣло дѣлать, пока оно сознается какъ таковое. Ибо, лишь когда будетъ найдено, какъ эти подвижные атомы общества, исповѣдывающаго эгоизмъ и принимаемаго гипотетически, должны вести себя согласно предположенію, получается отсюда не только фикція, которая сама по себѣ не содержитъ противорѣчія, но и точное познаніе *одной изъ сторонъ* человѣческаго существа и познаніе нѣкотораго элемента, который въ обществѣ и въ особенности въ торговомъ, играетъ весьма значительную роль. Мы можемъ по крайней мѣрѣ узнать, какъ дѣйствуетъ человѣкъ, *какъ скоро* условія его дѣйствія соотвѣтствуютъ этому предположенію, хотя бы этого случая *вполнѣ* никогда не существовало [2]).

Матеріализмъ въ политикоэкономической области состоитъ именно въ томъ, что это отвлеченіе смѣшивается съ дѣйствительностью, и это смѣшеніе

[2]) Большинство нашихъ нѣмецкихъ политико-экономовъ можно, какъ по тенденціи, такъ и по положенію къ научному методу, раздѣлить на два класса: на такихъ, которыя признаютъ дедукцію, не зная, что она основана на отвлеченіи, и на такихъ, которые избѣгаютъ отвлеченія и хотятъ исходить изъ дѣйствительности, но при этомъ не въ состояніи справиться съ индуктивнымъ методомъ. Блестящее исключеніе составляетъ *Лексисъ*, который во всѣхъ отношеніяхъ, отъ логическихъ началъ до числовыхъ развитій, является мастеромъ научнаго метода. Малое вниманіе, которое до сихъ было обращено на его классическое сочиненіе о французскихъ вывозныхъ преміяхъ (Bonn. 1870), есть одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ малой научной глубины нашихъ политико-экономовъ, какъ школы «свободной торговли», такъ и «соціалистовъ каѳедры». Лексисъ разсматриваетъ все дедуктивное политико-экономическое ученіе лишь какъ предварительный пріемъ оріентированія въ задачахъ, за которымъ должна слѣдовать собственная наука, существенно основанная на статистикѣ. Можетъ быть это мнѣніе заходитъ слишкомъ далеко, но во всякомъ случаѣ отношеніе дедукціи и индукціи все больше и больше станетъ такимъ въ той мѣрѣ, въ какой мы получимъ настоящія индуктивныя изслѣдованія.

произошло подъ вліяніемъ громаднаго преобладанія *матеріальныхъ интересовъ*. Изслѣдователи англійской политической экономіи по большей части исходили изъ совершенно *практической* точки зрѣнія; „практической" не въ смыслѣ древнихъ грековъ, въ которомъ это почетное названіе давалось преимущественно твердой *дѣятельности* сообразной съ нравственными и политическими мотивами. Характеръ нашихъ временъ привелъ къ тому, что стали искать всѣхъ истинныхъ цѣлей дѣятельности въ интересахъ недѣлимаго. „Практическая" точка зрѣнія политической экономіи есть точка зрѣнія человѣка, для котораго его собственные интересы стоятъ выше всего и который поэтому во всѣхъ другихъ недѣлимыхъ предполагаетъ тоже самое. Но великій интересъ этой эпохи не есть уже непосредственное наслажденіе какъ въ древности, а *составленіе капитала*.

Много порицаемая современная страсть къ наслажденію передъ сравнительнымъ взглядомъ на исторію культуры оказывается далеко не такою значительною, какъ страсть къ работѣ нашихъ промышленныхъ предпринимателей и нужда въ работѣ рабовъ нашей промышленности. Даже, очень часто, то, что представляется шумнымъ и безсмысленнымъ стремленіемъ къ суетнымъ удовольствіямъ, есть только слѣдствіе чрезмѣрной, изводящей и отупляющей работы, такъ какъ душа, вслѣдствіе постояннаго раздраженія и напряженія ради наживы, теряетъ способность къ болѣе чистому, благородному и спокойному наслажденію. Тогда и отдыхъ невольно совершается съ лихорадочною поспѣшностью промысла и удовольствіе измѣряется издержками и какъ бы по обязанности продѣлывается въ опредѣленные дни и часы. Что такое состояніе есть нездоровое и врядъ ли можетъ быть продолжительнымъ, кажется ясно; но не менѣе ясно, что въ настоящую рабочую эпоху совершаются громадные труды, которые позднѣе могутъ послужить къ тому, чтобы сдѣлать доступными въ самыхъ отдаленныхъ кругахъ плоды высшей культуры. То, что при образованномъ и одухотворенномъ наслажденіи людей, подобныхъ Эпикуру и Аристиппу, составляло тѣневую сторону, самодовлѣющее ограниченіе узкимъ кружкомъ друзей или даже собственною особою,—это нынѣ не часто появляется даже между богатыми эгоистами, и философія, которая основывалась бы на этомъ, врядъ ли могла бы получить большое значеніе. Собрать средства для наслажденія и потомъ употреблять эти средства не на наслажденія, а большею частью опять на пріобрѣтенія: вотъ господствующій характеръ нашего времени. Если бы всѣ тѣ, которые пріобрѣли болѣе чѣмъ посредственное состояніе, бросали дѣловую жизнь и посвящали свое свободное время общественнымъ дѣламъ, искусству и литературѣ, и наконецъ образованному, не требующему большихъ средствъ наслажденію жизнію, то не только

эти лица вели бы болѣе прекрасное и достойное существованіе, но существовала бы и достаточная матеріальная основа для прочной поддержки благородной культуры со всѣми ея требованіями, и этимъ дано было бы настоящему историческому періоду болѣе высокое содержаніе, чѣмъ какое имѣла классическая древность. Но вѣроятно этимъ у дѣлъ были бы отняты бо́льшіе капиталы, нежели теперь отнимаетъ безсмысленнѣйшая роскошь, и можетъ быть эта культура дѣйствительно досталась бы только незначительной части населенія. Правда, дѣло и теперь весьма печально для главной массы населенія. Если бы вся исполинская сила нашихъ машинъ и труды человѣческой руки, которые такъ безконечно усовершенствованы раздѣленіемъ работы, были употребляемы на то, чтобы всякому дать то, что требуется для содѣланія жизни сносною и доставленія уму времени и средствъ для его высшаго развитія, то можетъ быть теперь уже существовала бы возможность безъ ущерба духовной задачѣ человѣчества, распространять благодѣянія культуры на всѣ сословія; но не таково до сихъ поръ направленіе времени. Правда, что силы прибавляются къ силамъ, что постоянно изобрѣтаются новыя машины, придумываются новыя средства сообщенія; правда, что капиталисты, повелѣвающіе этими средствами, неутомимо продолжаютъ работать, вмѣсто того чтобы наслаждаться плодами своего труда въ достойномъ досугѣ; но несмотря на это постоянно увеличивающаяся дѣятельность менѣе всего направлена къ споспѣшествованію общему благу. Тамъ, гдѣ нѣтъ духовной способности къ наслажденію, тамъ являются *потребности*, которыя растутъ всегда гораздо скорѣй, чѣмъ средства къ ихъ удовлетворенію.

Любимое положеніе этическаго матеріализма нашихъ дней то, *что человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ потребностей*, при одинаково достаточныхъ средствахъ для ихъ удовлетворенія. Вся древность единогласно была противоположнаго мнѣнія. Эпикуръ, не менѣе чѣмъ Діогенъ, искалъ счастія въ свободѣ отъ потребностей, съ тою разницею, что первый имѣлъ главнымъ образомъ въ виду счастіе, второй—неимѣніе потребностей. Конечно, въ наше время, благодаря болѣе точному знанію народной жизни и въ особенности благодаря статистикѣ смертныхъ случаевъ, болѣзней и т. д., по счастію опровергнута старая сказка о довольномъ и здоровомъ бѣднякѣ и вѣчно гипохондрическомъ и слабо́мъ богачѣ. Достоинство земныхъ благъ измѣряется скалою таблицъ смертности, и мы нашли, что даже заботы коронованныхъ главъ далеко не дѣйствуютъ такъ вредно на здоровье, какъ голодъ, холодъ и дурно провѣтриваемыя жилища. Съ другой стороны, и науки достаточно подвинулись, чтобы дозволить выводъ вѣроятности, который абсолютно противорѣчитъ вышеуказанному матеріалистическому положенію. Исторія куль-

туры показываетъ намъ, что въ тѣ времена, когда княгини спали въ каменныхъ стѣнныхъ нишахъ, предпринимали далекія путешествія верхомъ и довольствовались на завтракѣ саломъ, хлѣбомъ и пивомъ, счастіе этихъ лицъ казалось современникамъ не менѣе значительнымъ, чѣмъ нынѣ, когда онѣ въ прекрасныхъ салонныхъ вагонахъ перелетаютъ по Европѣ и всюду имѣютъ въ распоряженіи продукты всѣхъ климатовъ. Аналогіи психофизики дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что ощущеніе личнаго счастія также относительно, какъ ощущенія чувствъ: воспринимается *различіе*, ощущается *приращеніе*, и оно измѣряется массою уже существующаго [3]). Дѣйствительно ни одинъ разумный человѣкъ не повѣритъ, чтобы физическое свойство богатыхъ брюссельскихъ кружевъ болѣе содѣйствовало здоровью увѣшанной ими особы, нежели какое либо другое удобное и пріятное для глаза украшеніе сравнительно незначительной цѣны. И однако, обладаніе этими кружевами можетъ сдѣлаться „потребностью", невозможность добыть ихъ себѣ можетъ вызывать живѣйшее горе; ихъ внезапная потеря можетъ сдѣлаться причиною слезъ. Ясно, что при этой потребности существенную роль играетъ *сравненіе*, борьба за первенство, и отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ этотъ родъ потребности, *потребность превосходить другихъ*, способенъ къ возрастанію до безконечности, причемъ ничего не выигрывается для благосостоянія одного изъ участвующихъ, чего бы не терялось для другаго. Изъ этого, далѣе, неопровержимо слѣдуетъ, что мыслимо такое постоянное увеличеніе имуществъ и средствъ къ произведенію имуществъ, при которомъ ничье наслажденіе существенно не увеличивается и трудящаяся масса ни на шагъ не приближается къ цѣли достиженія самаго необходимаго для достойнаго человѣка существованія. Подобное возрастаніе потребностей всѣхъ тѣхъ, которые могутъ ихъ удовлетворять, вслѣдствіе недостатка общественнаго чувства и берущей верхъ плеонексіи, принадлежитъ дѣйствительно къ характеристическимъ чертамъ нашего времени. Статистика торговли и промышленности большей части странъ показываетъ неопровержимо, что существуетъ громадное развитіе могущества и богатства, тогда какъ обстоятельства трудящихся классовъ не обнаруживаютъ рѣшительнаго прогресса, и лихорадка и жажда пріобрѣтенія въ имущихъ классахъ не умаляется нисколько. Живутъ дѣйствительно не для наслажденія, но для труда и для потребностей; но между этими потребностями, потребность плеонексіи такъ преобладаетъ, что всѣ истинные и прочные успѣхи идущіе въ пользу массы народа пренебрегаются или достигаются какъ бы мимоходомъ.

---

[3]) Бо́льшія подробности объ этомъ находятся въ главѣ «*счастіе*» моего сочиненія о рабочемъ вопросѣ. Сравн. 3. Aufl. S. 113 — 132 и относящіяся сюда примѣчанія.

Можно этотъ, самъ по себѣ нерадостный, фактъ подвести подъ нѣкоторую примиряющую точку зрѣнія, если представить себѣ, что, раньше или позже, на этомъ или другомъ пути, пробьется новое направленіе умовъ, тогда какъ силы производства богатствъ останутся одни и тѣ же. Опять можетъ получить значеніе тотъ взглядъ, который былъ основаніемъ классическаго образованія, что существуетъ извѣстная *мѣра*, которая во всемъ всего полезнѣе, и что наслажденіе зависитъ не отъ *мѣры* удовлетворенныхъ потребностей и трудности ихъ удовлетворенія, но отъ формы, въ которой они являются и удовлетворяются, такъ же какъ и красота тѣла обусловливается не громаднымъ накопленіемъ вещества, но сохраненіемъ опредѣленныхъ математическихъ линій. Такой переворотъ взглядовъ привелъ бы насъ отъ этическаго матеріализма къ формализму или идеализму; онъ не мыслимъ безъ устраненія господствующей плеонексіи и долженъ слѣдовательно произойти изъ чрезвычайнаго оживленія общественнаго чувства.

Политическая экономія до сихъ поръ мало ставила своею задачею свести *распредѣленіе имуществъ* на вѣрные принципы; она скорѣе въ этомъ отношеніи принимала за нѣчто данное происходящій изъ отношеній капитала и труда результатъ, и занималась лишь вопросомъ, какъ вообще производится наибольшая мѣра имуществъ. Такое матеріалистическое пониманіе предмета вполнѣ гармонируетъ съ признаваніемъ эгоизма и съ защитою или похвалою плеонексіи. Стараются доказать, что произведенный неутомимымъ стремленіемъ эгоизма прогрессъ всегда также улучшаетъ нѣсколько положеніе самыхъ угнетенныхъ слоевъ населенія, и забываютъ здѣсь значеніе того сравненія съ другими, которое играетъ такую большую роль у богатыхъ. Въ виду самыхъ вопіющихъ бѣдствій воображаютъ себѣ родъ предуставленной гармоніи, благодаря которой получается самый благопріятный результатъ для общества, когда всякій безцеремонно преслѣдуетъ свои собственные интересы. Если теперь это дѣлается большей частью не безъ угрызенія совѣсти апологетовъ, то это дѣлалось съ явною наивностью во времена первоначальной разработки политической экономіи. Въ прошломъ столѣтіи было въ обычаѣ выводить благо цѣлаго изъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ эгоистическихъ стремленій. Какъ сильно ни были готовы протестовать противъ преувеличеній въ пресловутой сказкѣ о пчелахъ *Мандевилля* (1723), все же, основное положеніе, что даже пороки служатъ для общаго блага, было нѣкоторымъ образомъ тайною статьею просвѣщенія, которая рѣдко упоминалась, но никогда не забывалась [4]). И ни въ какой области видимость истины не говорила такъ сильно въ пользу такого положенія, какъ именно въ области политической экономіи. Софизмы *Гельвеція* легко видны и въ мишурномъ облаченіи реторики, и всякая попытка объяснять изъ принципа любви къ самому себѣ даже добродѣтели любви къ отечеству, самопожертвованія для ближняго и храбрости, должна была рушиться потому, что въ этомъ случаѣ естественный разумъ, согласно съ научною критикою говоритъ противное. Не то въ политической экономіи. Вѣдь ея стремленіе направлено съ самаго начала къ споспѣшествованію матеріальному народному благосостоянію, и тутъ легко предположить, что прогрессъ общества есть просто сумма всѣхъ прогрессовъ недѣлимыхъ; недѣлимое-же—такъ по крайней мѣрѣ неоспоримо видно изъ купеческаго опыта всѣхъ временъ — недѣлимое можетъ достигнуть матеріальнаго благосостоянія только безцеремоннымъ преслѣдованіемъ своихъ собственныхъ интересовъ; пусть же добродѣтель практикуется въ другихъ областяхъ, на сколько это позволяютъ средства!

Если бы политическая экономія съ самаго начала была основана на эгоизмѣ съ сознательнымъ намѣреніемъ получить, посредствомъ отвлеченія отъ другихъ мотивовъ, гипотетическую и въ предѣлахъ гипотезы точную науку, какъ ступень къ болѣе полному познанію, тогда не могло бы быть рѣчи о достойномъ порицанія матеріализмѣ въ этой области. Вмѣсто того практическія правила купеческаго пріобрѣтенія въ обыденной жизни перенесены были на націи вообще. Вопросъ матеріальнаго прогресса народовъ былъ отдѣленъ отъ этическихъ вопросовъ совершенно такъ, какъ онъ былъ давно отдѣленъ въ гражданскихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Дѣло шло не о формѣ отношеній имуществъ, но о массѣ и торговой цѣнности имуществъ, и вмѣсто того, чтобы спрашивать, *какъ бы* дѣйствовалъ человѣкъ, если бы онъ былъ только эгоистомъ, спрашивали, *какъ дѣйствуетъ человѣкъ въ области, въ которой законодательствуетъ только эгоизмъ*. Первый вопросъ—есть вопросъ точнаго теоретика; послѣдній—вопросъ популярной практики, которая ни въ одной области не стремилась такъ ревностно задушить настоящую науку, какъ въ области политической экономіи.

Идея, что существуетъ особенная жизненная область для дѣйствій по руководству интересовъ и другая для исполненія добродѣтели, принадлежитъ

[4]) О баснѣ *Мандевилля* сравн. обозначенныя въ оглавленіи мѣста перваго тома, въ особенности прим. 75 къ 3 отд., стр. 322. Достойно упоминанія впрочемъ еще замѣчательно мягкое и относительно одобрительное сужденіе о Мандевиллѣ у *Адама Смита* въ теоріи нравственности Part VII. sect. II. chap. IV., гдѣ показано, что басня о пчелахъ никогда не могла бы произвести такого впечатлѣнія, если бы не содержала въ себѣ истинъ, которыя лишь исказила преувеличеніемъ. Главная ошибка Мандевилля заключается въ томъ, что онъ, *согласно съ извѣстными аскетическими народными представленіями*, всякую страсть непремѣнно принималъ за порокъ.

еще и нынѣ къ любимымъ идеямъ поверхностнаго либерализма, и въ очень распространенныхъ популярныхъ сочиненіяхъ, напр. въ *Рабочемъ катехизисѣ Шульце*, она проповѣдуется совершенно открыто [5]). Изъ нея даже сдѣлано нѣкотораго рода ученіе объ обязанностяхъ, которое гораздо чаще высказывается въ ежедневной жизни, чѣмъ въ литературѣ. Кто отказывается получить слѣдующій ему долгъ, въ крайнемъ случаѣ, со всею строгостью закона, тотъ или очень богатый человѣкъ, который можетъ себѣ это позволить, или онъ подлежитъ самому строгому порицанію. Это порицаніе обращено не только противъ его ума, его слабости характера или излишней доброты, но именно противъ его нравственности. Онъ легкомысленный, нерадивый человѣкъ, который не наблюдаетъ своихъ интересовъ, и если у него есть жена и дѣти, даже если имъ и не пришлось терпѣть нужду, безсовѣстный отецъ семейства. Точно также судятъ и о томъ, кто посвящаетъ свои силы общественному благу въ ущербъ частнаго состоянія. Кто это дѣлаетъ съ особеннымъ *успѣхомъ*, получаетъ конечно прощеніе и общую похвалу, все равно, обязанъ ли онъ своимъ успѣхомъ случаю или своей силѣ; но, покамѣстъ не произнесенъ этотъ божескій приговоръ черни и фаталистовъ, обыкновенное сужденіе считаетъ себя правымъ. Оно осуждаетъ поэта и художника, также какъ и научнаго изслѣдователя и политика, и даже религіозный агитаторъ тогда только признается, если съумѣетъ образовать общину, большое учрежденіе, директоромъ котораго и станетъ, или если онъ подымется до церковныхъ сановъ: но ни въ какомъ случаѣ, если онъ, не разсчитывая на возмездіе, жертвуетъ внѣшнимъ положеніемъ своему убѣжденію.

Само собою разумѣется, что мы здѣсь характеризуемъ только направленіе большинства массы имущихъ классовъ, которое однако тѣмъ, что оно сложилось въ догматику ежедневной жизни, производитъ свое вліяніе и на тѣхъ, кто лично не чуждъ болѣе благородныхъ стремленій. Чтобы можно было точнѣе опредѣлить достоинство этой догматики эгоизма, необходимо разсмотрѣть источникъ натуральнаго эгоизма и происхожденіе противоположно дѣйствующихъ стремленій, на основаніи основнаго воззрѣнія, пріобрѣтеннаго въ прежнихъ отдѣлахъ.

[5]) *Шульце-Деличъ*, Capitel zu einem deutschen Arbeiterkatechismus, Leipzig 1863. Сравн. тамъ же, стран. 49 и слѣд. выводъ промышленнаго прогресса изъ личнаго интереса, опредѣляемаго какъ «любовь, которую всякій питаетъ къ своему собственному я»; далѣе, стран. 91 и слѣд., опроверженіе «братства какъ принципа хозяйства». На стран. 93 сказано: «Оно (братство) начинается тамъ, гдѣ оканчивается экономія и государство; не заработокъ, не право и обязанность его царство, не насиліе его могущество, но свободная любовь». Сравн. объ этомъ мѣстѣ мое сочиненіе: *Взгляды Милля* на соціальный вопросъ (Duisburg 1866), S. 14 u. ff.

Если справедливо, что наше собственное тѣло есть только одинъ изъ нашихъ образовъ представленія, подобно всѣмъ другимъ, если поэтому наши собратья, какъ мы ихъ видимъ передъ собой, подобно всей природѣ вокругъ насъ, въ весьма опредѣленномъ смыслѣ, *суть части нашего собственнаго существа*, то откуда происходитъ эгоизмъ? Очевидно прежде всего отъ того, что представленія *боли и удовольствія* и наши стремленія и желанія по большей части сливаются съ образомъ нашего тѣла и его движеніями. Черезъ это тѣло становится центромъ міра явленій; отношеніе, которое, какъ мы смѣло можемъ предположить, основано на по-ту-сторонней природѣ вещей.

Не слѣдя дальше за этою нитью, мы должны теперь указать на то, *что отнюдь не всѣ* представленія, которыя соединены съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, относятся прямо къ нашему тѣлу. Болѣе тонкое удовольствіе чувствъ, въ особенности удовольствіе отъ прекраснаго, сливается не съ образомъ представленія тѣла, а съ образомъ представленія *объекта*. Лишь тогда, когда я закрываю глазъ, которымъ я смотрѣлъ на прекрасный ландшафтъ, я замѣчаю отношеніе этихъ предметовъ и къ моему тѣлу. То, что поэтъ говоритъ объ углубленіи въ созерцаніе, физіологически и психологически гораздо вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенное проекціонное ученіе о мнимо-научномъ разсматриваніи. Поэтому много порицаемое удовольствіе чувствъ образуетъ само по себѣ естественный противовѣсъ противъ погруженія въ себя и лишь черезъ посредство рефлексіи оно можетъ въ свою очередь дать пищу эгоизму.

Но гораздо важнѣе нравственное развитіе посредствомъ *разсматриванія человѣческаго міра* и углубленія въ его явленія и задачи. Погруженіе въ этотъ объектъ, который также посредствомъ чувствъ является намъ, какъ часть нашего собственнаго существа, есть естественный зародышъ всего того, что вѣчно и достойно сохраненія въ морали. Предчувствіе этого вѣроятно имѣлъ *Адамъ Смитъ*, когда онъ въ основаніе нравственности положилъ симпатію; но онъ слишкомъ узко понималъ дѣло. Онъ въ сущности имѣлъ въ виду только тѣ случаи, въ которыхъ мы, посредствомъ воспоминаній или образовъ боли и удовольствія, истолковываемъ жесты и движенія нашихъ собратьевъ сообразно съ тѣмъ, что мы чувствовали въ самихъ себѣ. Но въ этомъ заключается скрытое сведеніе на эгоистическіе мотивы, которые дѣйствуютъ только придаточнымъ, поддерживающимъ образомъ, тогда какъ тихое и постоянное перенесеніе нашего сознанія на объектъ этого человѣческаго міра явленій образуетъ истинный источникъ нравственнаго облагороженія и устраняетъ перевѣсъ эгоизма.

По этимъ указаніямъ всякій читатель можетъ самъ себѣ представить, какъ тотъ же прогресъ культуры, который въ зрѣлыя эпохи произ-

водитъ искусство и науку, служитъ также и для обузданія эгоизма, для развитія человѣческаго участія и для господства общихъ цѣлей. Однимъ словомъ *существуетъ естественный нравственный прогрессъ.*

Бокль въ своемъ знаменитомъ сочиненіи объ исторіи цивилизаціи въ Англіи примѣнилъ невѣрную точку зрѣнія, чтобы доказать, что фактическій прогрессъ нравовъ, подобно прогрессу культуры вообще, существенно основанъ на интеллектуальномъ развитіи. Если говорятъ, что извѣстные простые принципы нравственности не измѣнились существенно со дней составленія индійскихъ ведъ до нынѣшняго времени, то соотвѣтственно этому можно указать на простые принципы логики, которые также остались безъ измѣненія. Можно бы даже утверждать, что основныя правила *познанія* съ незапамятныхъ временъ остались тѣми же самыми, и что болѣе совершенное примѣненіе, которое новѣйшее время сдѣлало изъ этихъ правилъ, *существенно должно быть приписано моральнымъ причинамъ.* Дѣйствительно, *моральныя* качества привели древнихъ къ тому, чтобы мыслить свободно и индивидуально, но довольствоваться извѣстною мѣрою познанія и приписывать больше достоинства развитію личностей, чѣмъ одностороннему прогрессу въ знаніи. *Моральною* основною чертою среднихъ вѣковъ было создаваніе авторитетовъ, подчиненіе авторитетамъ, и ограничиваніе свободнаго изслѣдованія формальнымъ преданіемъ. Самоотверженіе и стойкость, съ которою въ началѣ новаго времени люди, подобные *Копернику*, *Гильберту* и *Гарвею*, *Кеплеру* и *Везалію* преслѣдовали свои цѣли, были нравственныя свойства. Даже можно указать аналогію между нравственными принципами *христіанства* и образомъ дѣйствій изслѣдователей; ибо ничего отъ нихъ такъ строго не требуется, какъ отверженіе своихъ фантазій и любимыхъ мыслей, отрѣченіе отъ мнѣній окружающихъ и совершенная преданность объекту. О самыхъ большихъ изслѣдователяхъ можно сказать, что они должны были умереть для самихъ себя и для міра, чтобы въ сношеніи съ откровеніями природы вести новую жизнь. Но мы здѣсь не хотимъ далѣе развивать эту мысль. Мы сопоставили съ односторонностью *Бокля* прямую ея противуположность. Въ дѣйствительности ни интеллектуальный прогрессъ не есть существенное слѣдствіе моральнаго, ни на оборотъ; но оба происходятъ отъ того же корня: отъ углубленія въ объектъ, любовнаго объятія всего міра явленій, и естественной склонности представлять себѣ его гармоническимъ.

Но, такъ какъ существуетъ нравственный прогрессъ, основанный на томъ, что гармонія нашего міроваго образа получаетъ постепенный перевѣсъ надъ дикими уклоненіями стремленій и болѣе сильныхъ ощущеній удовольствія или боли, то прогрессируютъ и *нравственные идеалы*, по которымъ человѣкъ устраиваетъ себѣ свой міръ. Ничего не можетъ быть несправедливѣе, какъ *боклевскій* выводъ прогресса цивилизаціи изъ совокупнаго дѣйствія измѣнчиваго интеллектуальнаго элемента и статіонарнаго моральнаго. Если *Кантъ* сказалъ, что мы въ моральной философіи не ушли дальше, чѣмъ древніе, то онъ почти то же сказалъ и о логикѣ, а до прогресса нравственныхъ идеаловъ, которыми живутъ цѣлые періоды времени, это замѣчаніе мало касается. Какъ безконечно различно античное понятіе о добродѣтели отъ христіанскаго! Не допускать несправедливости и терпѣть несправедливость, почитать красоту и пренебрегать красотой, служить обществу и бѣжать отъ общества, суть не только случайныя черты различнаго направленія души при одинаковыхъ нравственныхъ принципахъ, но противуположности, которыя исходятъ изъ моральнаго принципа различнаго въ глубочайшемъ основаніи. Все христіанство съ точки зрѣнія античнаго міра было рѣшительно безнравственно и еще гораздо больше представлялось бы въ этомъ свѣтѣ, если бы нравственный идеалъ древности не находился уже въ разложеніи, когда выступили новые чуждые принципы. Подобное разложеніе нравственныхъ идеаловъ и подготовленіе новой, высшей точки зрѣнія, повидимому происходитъ въ настоящее время, а чрезъ это становится труднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ значительнѣе задача указать мѣсто догматикѣ эгоизма, какъ она встрѣчается намъ въ политической экономіи и въ принципахъ гражданскихъ сношеній.

Могло бы показаться на мгновеніе, что именно эта догматика эгоизма есть *новый нравственный принципъ*, который предназначенъ занять мѣсто принциповъ христіанства. Просвѣщеніе прошлаго столѣтія, которое только заигрывало съ физическимъ матеріализмомъ, вполнѣ приняло этическій матеріализмъ. Развитіе матеріальныхъ интересовъ шло рука объ руку съ распаденіемъ прежняго церковнаго могущества. Развитіе естественныхъ наукъ дѣйствовало тутъ разрушительнымъ, тамъ зиждительнымъ образомъ; но съ возрастаніемъ матеріальныхъ интересовъ шло на равнѣ развитіе ученія политической экономіи и съ нимъ догматика эгоизма. Поэтому могло бы казаться, что одинъ и тотъ же принципъ дѣйствуетъ противъ традиціонныхъ формъ христіанства *разрушительно*, а по отношенію къ матеріальному развитію настоящаго времени *положительно*, и такимъ, одновременно разрѣшающимъ и творящимъ, ферментомъ для настоящаго времени былъ бы въ такомъ случаѣ принципъ эгоизма.

Мы уже выше видѣли, какъ въ экономической области видимость говоритъ за высшія права эгоизма, и если безъ пустой софистики невозможно основать на этомъ принципѣ добродѣтели, подобныя любви къ отечеству, самопожертвованію ближнему и т. д., то все же можетъ-быть очень воз-

можно обойтись безъ этихъ добродѣтелей. Мы на мгновеніе можемъ допустить мысль, что преслѣдованіе личныхъ интересовъ можетъ *стать въ будущемъ* единственнымъ мотивомъ человѣческихъ поступковъ, хотя *Вольтеръ* и *Гельвецій* рѣшительно были неправы, когда говорили, *что уже такъ и есть на дѣлѣ*, что нѣтъ другаго двигателя для человѣческихъ поступковъ, кромѣ себялюбія. И нельзя не признать, что, покрайней мѣрѣ a priori, не *немыслимо*, что подобный принципъ — очень различный отъ принципа Мандевилля!—произошелъ не изъ упадка, а напротивъ изъ нравственнаго и интелектуальнаго прогресса. Этотъ пунктъ требуетъ самаго точнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія и отнюдь не можетъ быть разрѣшенъ какимъ-нибудь предвзятымъ мнѣніемъ. И мы намѣрены, чтобы не было недоразумѣній, освѣтить прежде всего правильнымъ свѣтомъ самую парадоксальную сторону дѣла. Именно, что *интеллектуальный* прогрессъ можетъ содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать эгоизмъ одновременно болѣе общимъ и болѣе безвреднымъ и цѣлесообразнымъ, это еще легко можетъ быть допущено; но, какъ бы могъ *нравственный* прогрессъ, и именно нравственный прогрессъ въ опредѣленномъ смыслѣ, на который мы указывали выше противъ *Бокля*, содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать эгоизмъ общимъ принципомъ, тогда какъ вся сущность этого прогресса, вывести *я* за его предѣлы и направить на общее?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ разомъ обнаруживаетъ намъ слѣдствія наиболѣе распространенной политико-экономической теоріи.

Именно если правда, что интересы общества гарантируются лучше всего, когда меньше всего намѣренно заботятся объ обществѣ, когда недѣлимыя безъ всякой помѣхи преслѣдуютъ свои собственные интересы; тогда исключительное преслѣдованіе собственныхъ интересовъ въ практической жизни будетъ:

1) плодомъ *созрѣвшаго пониманія*,

2) *добродѣтелью* и притомъ кардинальною добродѣтелью.

Подавленіе тѣхъ стремленій, которыя насъ побуждаютъ къ самопожертвующей дѣятельности для ближняго, станетъ самой существенной частью самообладанія, и тотъ, кто впадетъ въ искушеніе, найдетъ силу къ этому самообладанію во взглядѣ на дѣятельность великаго цѣлаго, гармонія котораго вѣдь нарушается, когда мы слѣдуемъ тѣмъ движеніямъ нашего сердца, которыя нѣкогда восхвалялись какъ благородныя, безкорыстныя, великодушныя. Тѣ движенія *симпатіи*, которыя происходятъ изъ преданности объекту, будутъ въ свою очередь уничтожены преданностью души *большему объекту*, дѣятельности всего человѣческаго міра, одушевленной гармоническимъ эгоизмомъ.

При такой строгой постановкѣ вопроса ясно видно, что рѣшеніе не такъ-то легко. Кому при этомъ не придетъ на умъ, какъ часто онъ съ самообладаніемъ отказывалъ нищему, потому что зналъ, что милостыня только питаетъ нищету, какъ масло пламя? Кто не вспомнитъ всѣ тѣ несчастныя попытки осчастливленія, которыя распространяли въ мірѣ кровь и пожаръ, между тѣмъ какъ у народовъ, гдѣ каждый заботился только о себѣ, развивалось богатство и благосостояніе? Дѣйствительно, можно сейчасъ-же допустить то, что симпатія точно такъ же можетъ повести къ разнымъ неустройствамъ, какъ и эгоизмъ, и что всегда обращеніе вниманія на большее цѣлое остановило бы многія дѣйствія, которыя могли бы быть совершены изъ самопожертвованія для меньшаго цѣлаго, или для отдѣльныхъ личностей. Легко конечно можно возразить, что такое соображеніе о большемъ цѣломъ вовсе не эгоизмъ, а то, что ему противоположно; но это возраженіе также легко можетъ быть въ свою очередь опровергнуто.

Именно, если теорема о гармоніи частныхъ интересовъ вѣрна; если справедливо, что лучшій результатъ для общества получается тогда, когда всякій въ частности безъ помѣхи заботится о себѣ: то и далѣе неизбѣжно вѣрно, что выгоднѣе всего, когда всякій преслѣдуетъ свои собственные интересы, не теряя времени на напрасныя размышленія. Наивный эгоистъ находится въ состояніи невинности и безсознательно творитъ правду; симпатія есть моральное грѣхопаденіе, и кто еще долженъ сперва вспомнить о дѣятельности великаго цѣлаго, чтобы возвратиться къ той самой добродѣтели, которую выполняетъ грубый спекулянтъ въ простотѣ души, тотъ только возвращается по окольному пути, имѣющему необходимое основаніе въ человѣческой природѣ, опять къ тому, изъ чего исходило дѣтство человѣчества. На этомъ пути эгоизмъ могъ очиститься, смягчиться, просвѣтиться, онъ могъ научиться болѣе вѣрнымъ средствамъ для споспѣшествованія собственному благу, но его принципъ, его сущность тѣ же—первоначальные.

Вопросы о томъ, учитъ ли догматика эгоизма истинѣ, и на вѣрномъ ли пути политическая экономія съ своимъ одностороннимъ развитіемъ *ученія о свободѣ торговли*,—оба рѣшаются вопросомъ, есть ли идея о естественной гармоніи интересовъ химера или нѣтъ; ибо, крайніе теоретики свободной торговли ни мало не стѣснялись основывать свое ученіе на высшемъ принципѣ laissez faire. Но этотъ принципъ они поставили не какъ правило обороны противъ дурнаго управленія, а какъ необходимое слѣдствіе догмата, что сумма всѣхъ интересовъ лучше всего обезпечена, когда всякій въ частности заботится о самомъ себѣ. Какъ скоро этотъ догматъ такъ глубоко вкоренился, что перевѣшиваетъ противостоящія соображенія, то не нужно болѣе удивляться, если тутъ названіе „нація“ принимается за пустое понятіе грамматики и отвергается защита морской торговли военными караблями (Cooper,

1826), а тамъ кровавыя побѣды искателя приключеній разсматриваются только какъ весьма трудная а потому и особенно благодарная работа. (Максъ Виртъ [6]). И то и другое исходитъ изъ одного источника: изъ чисто атомистическаго пониманія общества, при которомъ всѣ, называемые обыкновенно нравственными, мотивы отпадаютъ и могутъ быть введены опять только посредствомъ нѣкоторой непослѣдовательности.

Мы уже видѣли, что атомистическое пониманіе общества имѣетъ многое за себя, какъ вспомогательное средство методы постепеннаго приближенія къ истинѣ, тогда какъ оно совершенно невѣрно какъ догматъ; здѣсь мы должны еще замѣтить, что теорія эгоизма и естественной гармоніи всѣхъ интересовъ породили въ своемъ практическомъ примѣненіи большіе культурно-историческіе успѣхи. Образованный эгоизмъ, этого нельзя отрицать, есть *регулирующій принципъ* общества, подобно и другимъ уже существовавшимъ принципамъ, и для извѣстныхъ переходныхъ временъ можетъ быть самый спасительный, причемъ однако ему нельзя приписать болѣе высокаго значенія. *Система свободной торговли* дала громадное развитіе производству культурныхъ народовъ. Спекуляція, слѣдующая прежде всего влеченію интересовъ, такъ много содѣйствовала тому, чтобы дать Европѣ пути сообщенія, установить торговлю, сдѣлать дѣла болѣе солидными и правильными, уменьшить указные проценты, увеличить и укрѣпить кредитъ, ограничить ростовщичество, сдѣлать рѣже обманъ, что никакой государь, никакой министръ, никакой философъ, никакой другъ человѣчества далеко не могъ бы посредствомъ самоотверженной дѣятельности, благонамѣреннаго просвѣщенія, мудраго законодательства, оказать такого вліянія, какое оказано постепеннымъ устраненіемъ ограниченій, которыя противустояли свободной дѣятельности недѣлимаго въ феодальныхъ учрежденіяхъ среднихъ вѣковъ. Со времени существованія налога въ пользу бѣдныхъ—введеніе котораго произошло конечно по другому принципу—гораздо больше благотворительныхъ заведеній и глубокихъ улучшеній сдѣлано было изъ желанія не возвышать этого налога, чѣмъ это когда либо могло быть сдѣлано изъ состраданія или дѣятельнаго признанія высшихъ обязанностей. Можно даже предположить, что пяти или шести

[6]) *О Куперъ* срав. *Рошеръ* Volkswirthschaft I. Anm. 2 zu § 12. Относящееся сюда мѣсто *Макса Вирта* находится въ отдѣлѣ о *поземельной рентѣ* (Nationalök. I, 2, 9): «Совершенно все равно, какого рода была эта прежняя услуга, эта работа. Земля могла быть первоначально пріобрѣтена *обмѣномъ* или *завоеваніемъ*»... «При завоеваніи занятая земля есть премія за опасность, которой предприниматель подвергалъ свой высшій капиталъ, жизнь; она есть въ то же время вознагражденіе за затраченный капиталъ, употребляемый на издержки войны».

большихъ и кровавыхъ соціальныхъ революцій, повторявшихся хотя бы на разстояніи цѣлыхъ столѣтій, въ концѣ концовъ обуздали бы страхомъ плеонексію богатыхъ и сильныхъ дѣйствительнѣе, чѣмъ это могло бы быть совершено преданностью общимъ интересамъ и принципомъ любви.

Но прежде всего нужно замѣтить, что великіе успѣхи новаго времени все же собственно обусловливаются не эгоизмомъ, какъ таковымъ, а свободою стремленій къ личной выгодѣ въ противоположность подавленію эгоизма большинства болѣе сильнымъ эгоизмомъ меньшинства. Не отеческая заботливость занимала въ прежнія времена то мѣсто, которое теперь занимаетъ свободная конкуренція, а занимала его привилегія, эксплоатированіе, противоположность господина и раба. Немногіе случаи, въ которыхъ прежній общественный порядокъ давалъ просторъ добротѣ благородныхъ правителей или уму горячихъ друзей народа, дали прекрасные результаты; слѣдуетъ лишь вспомнить о *Кольбертѣ*, съ успѣшной дѣятельностію котораго не даромъ связываетъ свое ученіе *Кэри*. Всегда нужно помнить, что мы до сихъ поръ знаемъ только противуположность между господствующими династическими интересами и освобожденными частными интересами, а не чистую противуположность между эгоистическимъ принципомъ и принципомъ общественности.

Если же мы обратимся къ лучшимъ временамъ республикъ среднихъ вѣковъ и древности, то тутъ мы хотя найдемъ чрезвычайно живую общественность, но въ такихъ тѣсныхъ кружкахъ, что сравненіе съ настоящимъ временемъ почти невозможно. И всеже, даже такое недостаточное сравненіе показываетъ, что глубокая черта неудовольствія, которою отличается настоящее время, не встрѣчается ни въ какой общинѣ, въ которой каждый отдѣльный членъ держитъ въ уздѣ свой эгоизмъ, въ виду общихъ интересовъ.

Если мы попробуемъ подвергнуть справедливость ученія о гармоніи интересовъ прямому опыту, то мы, для упрощенія вопроса, должны прежде всего предположить республику одинаково способныхъ и дѣйствующихъ при одинаковыхъ условіяхъ недѣлимыхъ, которые всѣ всею силою стараются пріобрѣтать сколько возможно больше. Само собой разумѣется, что они одною частью своей силы будутъ тѣснить другъ друга, а другою частью, напротивъ будутъ производить богатства, которыя пригодны обществу. Прекращеніе взаимнаго давленія мыслимо только двумя путями: или если всѣ пріобрѣтаютъ только для общества, или если всякое недѣлимое имѣетъ безъ всякой конкуренціи свой отдѣльный кругъ пріобрѣтенія. Какъ скоро возможно, что двое или болѣе недѣлимыхъ стремятся пріобрѣсти одинъ и тотъ же объектъ или пользоваться имъ для одной и той же цѣли, то произойдетъ стѣсненіе.

Если мы примѣнимъ эту абстракцію къ человѣческимъ отношеніямъ, то мы

прежде всего увидимъ зародышъ двухъ идей: идеи *коммунизма* и идеи *частной собственности.*

Но люди не такія простыя существа, и весьма вѣроятно, что они отнюдь не способны къ полному проведенію той или другой идеи. Въ состояніи общаго имущества чисто эгоистическое стремленіе будетъ направлено на сокрытіе части имущества, при чистой же системѣ частной собственности напротивъ на увеличиваніе собственнаго имущества посредствомъ одѣленія другихъ. Далѣе мы предположимъ, что въ нашей республикѣ есть какъ общія, такъ и находящіяся въ раздѣльномъ обладаніи имущества, и что противъ сокрытія и одѣленія существуютъ извѣстныя границы, которыя признаются всѣми; такъ однакоже, что всеже остаются еще правомѣрныя средства, которыми всякій можетъ какъ добыть себѣ преимущество въ пользованіи общимъ богатствомъ, такъ и увеличить свое частное состояніе. Самое важное изъ этихъ правомѣрныхъ средствъ должно состоять въ томъ, что тотъ, кто оказываетъ обществу бо̀льшія услуги, получаетъ и большую награду.

Теперь мы имѣемъ идею гармоніи интересовъ: а именно, безъ сомнѣнія мыслимо, что наши существа такъ созданы, что развиваютъ *максимумъ силы*, когда исключительно думаютъ о самихъ себѣ, и далѣе, что законы нашей республики такъ устроены, что никто не можетъ получить для себя большой выгоды, если онъ не исполнилъ для общества большаго труда. Можно также предположить, что выигрышъ силы вслѣдствіе освобожденія эгоизма больше, чѣмъ потеря, которая происходитъ отъ взаимнаго стѣсненія, и если бы это было такъ, то и гармонія интересовъ была бы доказана. Но отчасти трудно опредѣлить, насколько эти предположенія выполнены въ человѣческомъ обществѣ, отчасти легко замѣтить обстоятельства, которыя тотчасъ разрушаютъ весь этотъ разсчетъ. Такъ напр. средства, которыя получаются посредствомъ полезной работы, суть одновременно источникъ новыхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ тѣмъ, что обладатель заставляетъ *другихъ работать за себя.* Хотя въ этомъ тоже есть польза для общества, но все же это есть вмѣстѣ зародышъ болѣзни, которую мы ниже опишемъ. Здѣсь же мы выставимъ только ту сторону, что тотъ, кто сталъ сильнѣе другихъ, можетъ употреблять свои средства и на то, чтобы безопасно предаваться своей плеонексіи. Чѣмъ далѣе онъ подвигается, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣтаетъ силы, чтобы идти впередъ, и не только противодѣйствіе его конкурентовъ, но и противодѣйствіе *законовъ* по отношенію къ нему становится все слабѣе и слабѣе. Причина этого явленія заключается не только въ законѣ увеличиванія капитала, но и въ одномъ изъ факторовъ индивидуальнаго и общественнаго развитія, на который до сихъ поръ мало обращали вниманія. А именно, духовная сила большей части людей достаточна, чтобы разрѣшать гораздо болѣе значительныя задачи нежели тѣ, которыя выпадаютъ на ихъ долю въ настоящемъ состояніи общества. Дальнѣйшее развитіе и обоснованіе этого замѣчанія находится во второй главѣ моего сочиненія о *рабочемъ вопросѣ*. Здѣсь кратко лишь укажемъ на то, что большая часть людей, какъ только они благопріятнымъ стеченіемъ дѣлъ освобождаются отъ необходимости физическою работою добывать нужнѣйшее пропитаніе, совершенно способны эксплоатировать работу многихъ лицъ посредствомъ спекуляцій, изобрѣтеній или также просто посредствомъ солиднаго и прочнаго веденія какого либо дѣла. Ложное ученіе о гармоніи интересовъ поэтому всегда связано съ особеннымъ выставленіемъ на видъ одного положенія, которое почти повсюду распространено, какъ предубѣжденіе,—положенія, что всякій талантъ и всякая сила въ человѣческой жизни обыкновенно подымаются, хотя черезъ многочисленныя превратности, до обстоятельствъ соотвѣтствующихъ этимъ способностямъ. Это положеніе въ особенности было распространено телеологически-раціоналистической мечтательностью прошлаго столѣтія. Оно противорѣчитъ опыту такимъ вопіющимъ образомъ, что была бы почти непонятна слѣпота, съ которой оно удерживается [7]), если бы самолюбіе счастливыхъ, образованныхъ, высокопоставленныхъ не находило такого же высокаго наслажденія въ мысли объ этомъ земномъ предназначеніи, какое находитъ духовное высокомѣріе въ мысли о небесномъ предназначеніи. Въ жизни мы видимъ, что, хотя особенно быстрое и блестящее возвышеніе надъ дурными условіями обыкновенно бываетъ только тамъ, гдѣ совпадаютъ благопріятныя обстоятельства съ отличными и рѣдкими качествами, но что, въ массѣ и вообще, способности къ выполненію руководящей роли всегда оказываются тамъ, гдѣ даны матеріальныя условія такой роли. Какъ зародыши растеній носятся въ воздухѣ—и каждый по своему развивается тамъ, гдѣ находитъ условія для своего развитія, такъ точно и способности людей пользуются выгодными обстоятельствами, чтобы достигнуть еще несравненно большихъ выгодъ. Но это положеніе въ совокупности съ закономъ увеличенія капитала ниспровергаетъ всю теорію гармоніи интересовъ. Можно стократно показать, что съ успѣхомъ спекулянтовъ и крупныхъ предпринимателей улучшается постепенно и положеніе всѣхъ другихъ; но, пока остается несомнѣннымъ, что съ каждымъ шагомъ этого улучшенія *различіе* въ положеніи недѣлимыхъ и въ средствахъ для дальнѣйшаго возвышенія также растетъ. до тѣхъ поръ и каждый шагъ этого движенія будетъ приближать насъ къ точкѣ поворота, на которой богатство и могущество отдѣльныхъ лицъ уничтожаютъ всѣ границы законовъ и правовъ,

[7]) Болѣе точное указаніе находится во 2 и 3 изданіи «*рабочаго вопроса*» въ главѣ о «*счастіи*».

на которой государственная форма превращается въ призракъ и униженный пролетаріатъ служитъ игрушкой для страстей знатныхъ, пока онъ наконецъ не произведетъ соціальнаго землетрясенія и не поглотитъ искусственнаго зданія односторонняго хозяйства интересовъ. Времена предшествовавшія этому разрушенію уже такъ часто бывали въ исторіи и всегда съ тѣмъ же характеромъ, что въ ихъ свойствѣ нельзя болѣе ошибиться. Государство становится продажнымъ. „Безнадежный бѣднякъ также легко начинаетъ ненавидѣть законъ, какъ большой богачъ презирать его". (*Рошеръ*).— *Спарта* погибла, когда собственность всей земли принадлежала сотнѣ семействъ, Римъ, когда пролетаріату многихъ милліоновъ противустояло нѣсколько тысячъ имущихъ, средства которыхъ были такъ велики, что Крассъ не считалъ того богатымъ, кто не могъ на свой счетъ содержать арміи. „И въ *новѣйшей Италіи* народная свобода погибла вслѣдствіе денежной олигархіи и пролетаріата". „Знаменательно, что во *Флоренціи* самый значительный банкиръ сталъ наконецъ безграничнымъ властелиномъ и въ то же время въ *Генуѣ* банкъ святаго Георга такъ сказать поглотилъ государство". (Рошеръ) [8]).

Поэтому, пока интересы человѣка только индивидуальные, пока успѣхи общихъ интересовъ разсматриваются только какъ слѣдствіе стремленія недѣлимыхъ къ споспѣшествованію самимъ себѣ, всегда нужно будетъ бояться, что интересы тѣхъ недѣлимыхъ, которыя достигнутъ перваго мѣста, постепенно получатъ безмѣрный перевѣсъ и подавятъ все другое. Соціальное равновѣсіе такого государства постоянно какъ бы *неустойчивое*; будучи разъ нарушено, оно все болѣе и болѣе расшатывается. Наоборотъ, можно принять, что въ республикѣ, въ которой всякій въ частности преимущественно имѣлъ бы въ виду интересы общества, могло бы существовать устойчивое равновѣсіе. Если это требованіе до сихъ поръ еще никогда не было выполнено, то то же самое нужно сказать и о требованіи общаго эгоизма. И то и другое—отвлеченіе; въ дѣйствительности, эгоизмъ несравненно могущественнѣе, чѣмъ чувство общественности, если разсматривать массу частныхъ дѣйствій, которыя исходятъ преимущественно изъ того или изъ другаго принципа: *но которое изъ двухъ началъ для даннаго времени исторически значительнѣе и плодотворнѣе,— совершенно другой вопросъ*. Хотя громадное развитіе матеріальныхъ интересовъ повидимому представляетъ господствующій характеръ нашего времени; хотя теорія этого развитія рѣшительно поставила принципъ эгоизма на первый

[8]) *Roscher*, System des Volkswirthschaft. I, § 204 вмѣстѣ съ примѣчаніями.— Нынѣ въ особенности вліяніе большихъ желѣзнодорожныхъ обществъ получило силу въ Швейцаріи и еще болѣе въ Соединенныхъ Штатахъ, въ ущербъ здравому республиканскому государственному строю.

планъ общаго сознанія, но въ то же время возвысилась и потребность національнаго общенія, товарищескаго содѣйствія, сліянія раздѣленныхъ до сихъ поръ элементовъ; и какой факторъ броженія настоящаго времени преимущественно предназначенъ дать будущему свой характеръ, объ этомъ можно дѣлать только предположенія. Пока мы увѣрены въ томъ, что, еслибы за эгоизмомъ осталось первенство, въ немъ былъ бы намъ данъ не новый мірообразовательный принципъ, а лишь принципъ прогрессивнаго разложенія. Такъ какъ ученіе о гармоніи интересовъ ложно, такъ какъ принципъ эгоизма уничтожаетъ соціальное равновѣсіе и съ тѣмъ вмѣстѣ основаніе всякой нравственности, то и для политической экономіи онъ можетъ имѣть только временное значеніе, и время его можетъ быть уже прошло. Поверхностность, съ которою обыкновенно проповѣдуется ученіе о гармоніи интересовъ, можетъ прикрываться нѣкоторое время самой дисгармоніей интересовъ, тайной плеонексіей лучше поставленныхъ сословій, подобно тому, какъ пробѣлы церковной догматики прикрываются доходами пастырскихъ мѣстъ и монастырей; но навсегда такъ быть не можетъ. Какъ слѣпо по большей части собираетъ политическая экономія аргументы для хозяйства интересовъ, можно видѣть изъ одного слѣдующаго примѣра.

Разсмотримъ европейскій міровой городъ, милліоны котораго ежедневно просыпаются съ самыми разнообразными потребностями. Въ то время, какъ большая часть предается сну, уже обо всѣхъ приложены ревностныя заботы. Тутъ черезъ предмѣстье валитъ тяжелая телѣга, нагруженная овощами, тамъ ведутъ въ бойню жирный скотъ; булочникъ стоитъ передъ горящей печкой, а торговецъ молокомъ направляетъ свою телѣгу отъ одного дома къ другому. Здѣсь лошадь впрягается въ дрожки, чтобы доставлять неизвѣстныхъ лицъ изъ одного мѣста въ другое, тамъ купецъ открываетъ свою лавку, вычисляя уже оборотъ дня, хотя не имѣетъ въ виду ни единаго опредѣленнаго покупателя. Постепенно оживляются улицы и суета дня начинается. Что управляетъ этою огромною машиной? „Интересъ!" — Кто заботится о томъ, чтобы всякая потребность была удовлетворена, чтобы всѣ голодные и жаждущіе получили во время свой хлѣбъ, свое мясо, свое молоко, свои овощи, приправы, вино, пиво, и чтобы всякій во время получилъ то, что ему нужно и за что онъ можетъ заплатить? „Только сдѣлка, интересъ!" Какой бы интендантъ, какой главный управляющій магазиномъ могъ бы съ такою правильностью удовлетворять милліонныя потребности по разсчитанному плану? „Невозможная мысль!".

Такими и подобными соображеніями часто стараются доказать, какъ необходимо предоставить хозяйству интересовъ заботы о благѣ людей. При этомъ упускаются изъ вида по крайней мѣрѣ слѣдующіе пункты:

1) Все это соображеніе есть отвлеченіе, которое указываетъ только одну сторону дѣйствительности. Отнюдь не удовлетворяются всѣ законныя потребности, и если они удовлетворяются, то это въ безчисленныхъ случаяхъ дѣлается не въ силу простаго правила своекорыстія, а при помощи состраданія, дружбы, благодарности, услужливости и другихъ мотивовъ, которые противудѣйствуютъ эгоизму.

2) Весь механизмъ удовлетворенія потребностей есть результатъ безконечныхъ заботъ и жертвъ, которыя исчезаютъ при внѣшнемъ разсматриваніи, но въ которыхъ скрыта цѣлая исторія поколѣній. Весьма многія учрежденія, которыя теперь эксплоатируетъ интересъ, произошли первоначально изъ человѣколюбія, стремленія къ знанію, чувства общественности, никогда бы не явились безъ этихъ человѣческихъ свойствъ и со временемъ распались бы, если бы тѣ же свойства не съумѣли сдѣлать своевременнаго преобразованія или замѣны другими средствами.

3) Почва сложившагося исторически идетъ точно такъ же на пользу всякаго другаго принципа, какъ и эгоизма. Всякая система, будетъ ли она коммунистическою или индивидуалистическою, станетъ утопіею, если не примкнетъ къ существующему, и осуществленіе того или другаго принципа означаетъ на практикѣ только то *направленіе, въ которомъ должно происходить дальнѣйшее развитіе*. Дѣло не въ томъ, велико ли или мало вліяніе интересовъ при существующемъ удовлетвореніи потребностей, но въ томъ, цѣлесообразно ли и своевременно *увеличивать его или уменьшать*.

Въ послѣднемъ пунктѣ въ особенности обнаруживается все значеніе вопроса, можетъ ли быть эгоизмъ нравственнымъ принципомъ будущаго. Что онъ фактически теперь, какъ и прежде, будетъ играть большую роль, это достовѣрно. Но послѣ нашихъ изслѣдованій слѣдуетъ считать также достовѣрнымъ, что дальнѣйшее развитіе индивидуализма можетъ повести не къ новому разцвѣту, а лишь къ упадку нашей культуры. Насколько въ исторіи видѣнъ положительный прогрессъ, мы пока вездѣ видимъ усиленную дѣятельность противуположнаго принципа, тогда какъ берущій верхъ индивидуализмъ работаетъ только для разложенія формъ ставшихъ негодными. Поэтому и для настоящаго времени дѣйствительно теченіе прогресса будетъ совершаться въ направленіи чувства общественности. Существуетъ даже естественное, можно сказать физическое, основаніе для постепеннаго вытѣсненія эгоизма любовью къ гармоническому порядку міра явленій и прежде всего общими интересами собратій. То, что *Адамъ Смитъ* называлъ своею *симпатіей*, *Фейербахъ* своимъ ученіемъ о *любви*, *Контъ* принципомъ *труда для ближняго*, все это только частныя проявленія развивающагося вмѣстѣ съ нашею культурою перевѣса принадлежащихъ нашему существу объективныхъ представленій надъ образомъ нѣкотораго *я*, одареннаго страданіемъ и удовольствіемъ. Когда съ порядкомъ въ жизненныхъ отношеніяхъ смѣна страданія и удовольствія теряетъ рѣзкость и желанія смягчаются; когда, съ другой стороны, познаніе внѣшняго міра и пониманіе другихъ увеличивается, то долженъ наступить этотъ перевѣсъ и обнаружить свои естественныя слѣдствія. Даже писатель такъ сильно склонный къ скептицизму, какъ *Дж. Ст. Милль*, полагаетъ, близко примыкая къ Конту, это воззрѣніе въ основаніе своей этической системы и не признаетъ только въ своемъ „*утилитаріанизмѣ*" идеальнаго, образующаго формы элемента, который такъ же лежитъ въ основаніи этого стремленія къ гармоніи въ нравственномъ мірѣ, какъ въ основаніи стремленій искусства. И дѣйствительно, мы этотъ прогрессъ отъ дикости къ человѣческимъ нравамъ видѣли уже такъ часто и происходящимъ въ сущности такъ одинаково при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, что уже имѣетъ свою силу простое индуктивное заключеніе о естественной необходимости всего явленія; но когда мы въ самой нашей чувственности открыли причину этого процесса, мы не можетъ болѣе сомнѣваться въ существованіи движущаго принципа, но конечно можемъ спрашивать, будетъ ли онъ въ какое либо данное время и у какого либо даннаго народа или у группы націй *сильнѣе, чѣмъ другія также вліятельныя силы*, которыя, или сами по себѣ, или въ своемъ своеобразномъ совокупномъ дѣйствіи, могутъ дать дѣлу противуположный оборотъ.

Что прогрессъ человѣчества не есть непрерывный, учитъ насъ всякая страница исторіи; можно даже сомнѣваться въ томъ, существуетъ ли вообще въ цѣломъ такой прогрессъ, какъ мы его видимъ въ частностяхъ то развивающимся, то опять исчезающимъ. Хотя мнѣ и въ нашъ вѣкъ представляется несомнѣннымъ, что рядомъ съ колебаніемъ вверхъ и внизъ культуры, которое мы такъ ясно видимъ въ исторіи, въ то же время происходитъ непрерывный прогрессъ, дѣйствія котораго только закрываются этою игрою волнъ, но все же это познаніе не такъ достовѣрно, какъ прогрессъ въ частностяхъ и мы встрѣчаемъ сильныхъ мыслителей, знакомыхъ и съ природой и съ исторіей, каковъ напр. *Фольгеръ*, которые отрицаютъ этотъ прогрессъ. Но если предположимъ даже, что онъ былъ и совершенно несомнѣненъ въ томъ отдѣлѣ исторіи, который мы можемъ обозрѣть, то это все же могло бы быть только большой волной, подобной волнѣ прилива, которая постепенно ростетъ въ то время, какъ по ней катятся горы и долины обыкновенныхъ волнъ, но которая наконецъ достигаетъ своего высшаго пункта и постепенно падаетъ при той же игрѣ безпокойныхъ другихъ волнъ. Слѣдовательно, здѣсь ни въ какомъ случаѣ ничего нельзя рѣшить какимъ нибудь вѣрованіемъ или общепризнанной исти-

ною, и мы должны внимательнѣе разсмотрѣть причины, которыя могли бы произвести *обратный ходъ культуры* отъ чувства общенія къ эгоизму.

Мы находимъ въ самомъ дѣлѣ, что самыя важныя основанія упадка прежнихъ культуръ давно уже дознаны историками. Дѣйствующее проще всего основаніе есть то, что культура ограничивается большею частью *тѣсными сферами*, а эти сферы послѣ извѣстнаго времени теряютъ свою отдѣльность и поглощаются болѣе обширными сферами, массы которыхъ стоятъ на низшемъ уровнѣ. Здѣсь мы также всегда находимъ, что возвысившаяся часть человѣческаго общества, будетъ ли это отдѣльное государство или привилегированный классъ народа, побѣждаетъ эгоизмъ только отчасти, только внутри своего тѣснаго круга, тогда какъ извнѣ, какъ напр. между эллинами и варварами, господами и рабами, противоположность становится рѣзче. Общество, въ интересы котораго погружается частное лице, замыкается со внѣ со всѣми признаками эгоизма и такимъ образомъ способствуетъ своему паденію несовершеннымъ проведеніемъ того же принципа, которому оно обязано въ своей средѣ высшею нравственною культурою. Вторая причина уже затронута нами, а именно, что внутри совокупно прогрессирующаго общества вырабатываются *различія*, которыя постепенно увеличиваются, отчего точки прикосновенія исчезаютъ, отношеніе къ ближнему уменьшается и черезъ то теряется самый важный источникъ связывающей симпатіи. Тогда образуются изъ первоначально однородной массы привилегированные классы, но и между собою они не пріобрѣтаютъ настоящей связи, и между тѣмъ какъ скопленіе богатствъ доставляетъ невѣдомыя доселѣ наслажденія, возникаетъ новый, утонченный эгоизмъ, который хуже, чѣмъ первоначальный. Такъ было въ древнемъ Римѣ во времена латифундій, когда землепашество было вытѣснено парками богачей и половины цѣлыхъ провинцій принадлежали частнымъ лицамъ.

Такія обстоятельства первоначально никѣмъ не имѣются въ виду, даже и сильными и богатыми, пока различія умѣренны. Они возникаютъ подъ вліяніемъ защиты *правъ*, которая первоначально имѣетъ противуположную цѣль, а именно служить равенству и справедливости и, по принципу частной собственности, всякому охранять то, что ему принадлежитъ. Они возникаютъ, далѣе, при спокойномъ ходѣ *гражданскихъ* сношеній, которыя лишь съ укрощеніемъ грубаго эгоизма могутъ развернуться настоящимъ образомъ. И не возводя эгоизма въ принципъ, всеже во всѣ времена первый порядокъ въ обществѣ былъ введенъ устройствомъ *собственности* и правильнымъ ея передаваніемъ, на сколько этотъ порядокъ еще не основывался на преданіяхъ власти, на противоположности господина и раба,—что мы здѣсь оставляемъ въ сторонѣ. Но именно эти учрежденія: *собственность*, *охрана права*, *наслѣдство* и

т. д., которыя происходятъ отъ смягченія нравовъ и порождаютъ цвѣтущее состояніе народовъ, въ то же время охраняютъ возрастающее зло, *неравенство состоянія*, которое, достигнувъ извѣстной высоты, становится сильнѣе, чѣмъ всѣ противовѣсы и непремѣнно приводитъ націю къ погибели. Эта игра повторяется въ самыхъ различныхъ формахъ. Болѣе слабая морально нація падаетъ уже при незначительныхъ градусахъ болѣзни; болѣе сильная, мы могли бы сказать болѣе благопріятно устроенная нація, какъ нынѣшняя Англія, можетъ переносить несравненно высшую степень зла, не приходя въ упадокъ.

Въ совершенно грубомъ состояніи вовсе не можетъ возникнуть такое неравенство имущества, какое мы видимъ у приближающихся къ своему упадку народовъ. Тамъ, гдѣ есть раздѣлъ добычи, болѣе сильный беретъ бóльшую часть; болѣе слабый долженъ можетъ быть терпѣть самую горькую несправедливость, но его общее состояніе, даже если онъ впадаетъ въ невольничество, не легко можетъ стать столь различнымъ отъ состоянія могучаго, какъ состояніе бѣднаго отъ состоянія богатаго при прогрессивномъ развитіи промышленности.

Это неравенство, мы повторяемъ, первоначально не имѣлось въ виду; не то народы уже въ самой свѣжей юности должны бы были сознательно признавать догматику эгоизма. Но ихъ настроеніе въ эти періоды не такое.

„Privatus illis census erat brevis,
Commune magnum"

говоритъ *Горацій* по отношенію къ древнимъ римлянамъ, и рѣдко противоположность между періодами живаго общиннаго чувства и возрастающаго себялюбія была очерчена такъ рѣзко и правдиво, какъ этимъ поэтомъ. А между тѣмъ, это были тѣ древніе римляне, которые создали основу юридическихъ порядковъ до сихъ поръ употребляемыхъ Европою и удивляющихъ ее. Если, поэтому, охрана права и освященіе собственности могутъ вмѣстѣ съ пшеницей лелеять и растить и плевелы, то должны существовать обстоятельства, которыя прождаютъ это *противъ воли законодателя*, обстоятельства, которыя первоначально или не замѣчаются, или можетъ быть вообще не могутъ быть устранены. Если вспомнимъ, что устроенное закономѣрное состояніе можетъ возникнуть только въ силу пробужденія симпатическаго общиннаго чувства и въ силу уменьшенія болѣе грубыхъ эгоистическихъ стремленій, но что эгоизмъ въ такомъ обществѣ, какъ напр. общество древнихъ римлянъ, все еще играетъ весьма значительную роль и какъ бы только ставится въ границы, внутри которыхъ онъ признается: то мы придемъ къ вопросу, почему не ставятся подобнымъ же образомъ *границы противъ возрастающаго неравенства имущества*, чтобы сохранить полезное равновѣсіе между эгоиз-

момъ и общиннымъ чувствомъ. Мы тогда найдемъ, что именно въ древнемъ Римѣ благороднѣйшіе и лучшіе люди напрасно старались разрѣшить эту задачу. Совершенно естественно также, что тѣ собственники, которые не отличаются особенною остротою мысли и охотою къ пожертвованію—не будучи впрочемъ еще догматиками эгоизма—прежде всего видятъ во всѣхъ попыткахъ такого ограниченія наживы только нападеніе на собственность и что имъ колебаніе основаній общества представляется въ преувеличенномъ видѣ, ибо ихъ интересы слишкомъ тѣсно связаны съ существующимъ. Если бы римскимъ оптиматамъ во времена аграрной борьбы можно было показать въ зеркалѣ исторію слѣдующихъ столѣтій и показать причинную связь между упадкомъ государства и аккумуляціей богатства, то можетъ быть ни Тиберій, ни Кай Гракхъ не заплатили бы за свое лучшее пониманіе дѣла ни своей кровью, ни своимъ добрымъ именемъ.

Не безполезно указать на то, что было бы только petitio principii, если бы кто захотѣлъ указывать на *несправедливость* ограниченія наживы. Дѣло именно идетъ о томъ, *въ чемъ должно состоять право*. Первое право—есть право, которое признается всей природой—это право сильнаго, кулачное право. Лишь послѣ того, какъ признано высшее право, это право становится неправдою, однако лишь тогда, когда высшее право дѣйствительно оказываетъ обществу высшія услуги. Если потерянъ образующій право принципъ, то всегда опять выступаетъ право сильнаго, и въ чисто нравственномъ отношеніи одна форма его не лучше другой. Сверну ли я своему собрату шею, потому что я сильнѣе, или поставлю ему посредствомъ лучшаго знанія дѣлъ и правъ западню и сдѣлаю такъ, что онъ погибнетъ въ нищетѣ, въ то время какъ выгода его труда „законно" достанется мнѣ,—это почти все равно. Даже злоупотребленіе простаго могущества капитала съ одной стороны противъ голода съ другой есть новое кулачное право, если дѣло идетъ только о томъ, чтобы сдѣлать неимущаго все болѣе и болѣе зависимымъ. Въ законодательствѣ первоначально не предвидѣлась именно *возможность*—дѣлать изъ обладанія капиталомъ и знанія правъ употребленіе, даже превышающее кулачное право своими пагубными послѣдствіями. Эта возможность заключается отчасти въ упомянутой уже способности всѣхъ собственниковъ къ захватыванію выгодной работы, отчасти въ извѣстныхъ отношеніяхъ между закономъ населенія и образованіемъ капитала, открытыхъ политическою экономіею прошлаго столѣнія, но которыя еще и нынѣ, не смотря на большія заслуги *Ст. Милля* относительно выясненія этого пункта, не вполнѣ изслѣдованы въ ихъ сущности и образѣ дѣйствія. Въ моемъ сочиненіи: „*Взгляды Милля на соціальные вопросы* и мнимый переворотъ въ соціальной наукѣ *Кери*", я пытался способствовать нѣсколько критическому разрѣшенію этихъ вопросовъ и хочу ограничиться здѣсь результатами, насколько они могутъ служить для нашей цѣли [9]).

Въ прошломъ столѣтіи многіе знаменитые люди, въ особенности *Веніаминъ Франклинъ*, остановили свое вниманіе на замѣчаніи, что естественное размноженіе людей, какъ и животныхъ и растеній, если бы оно шло безпрепятственно, вскорѣ должно было бы переполнить землю [10]). Эта неоспоримая и очевидная, но до тѣхъ поръ не замѣченная истина должна была поразить наблюдающій умъ, когда онъ сравнивалъ быстрое размноженіе населенія въ Сѣверной Америкѣ съ состояніями европейскихъ государствъ. Оказалось, что увеличеніе населенія зависитъ не отъ плодовитости браковъ, но отъ массы средствъ пропитанія. Это простое воззрѣніе, ставшее знаменитымъ благодаря *Мальтусу*, но и имѣющее ложные придатки, которые мы здѣсь оставимъ въ сторонѣ, съ тѣхъ поръ, съ развитіемъ *статистики*, доказано несомнѣнно.

Почти одновременно возникло другое, въ своей первоначальной формѣ конечно ложное ученіе, ученіе о *поземельной рентѣ*. Принималось, что обладатель земли извлекаетъ изъ неисчерпаемыхъ силъ почвы, сверхъ процентовъ съ своего капитала и цѣны своей работы, еще особенный барышъ, который проистекаетъ изъ монополіи пользованія тѣми силами природы. Позднѣе было показано, что это лишь настолько вѣрно, насколько количество земли ограничено, или, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ (болѣзнь, переселенія, недостатокъ капитала для воздѣлыванія плодоносныхъ низменностей, недостатокъ свободы и т. д.), должно быть принимаемо за ограниченное. Тогда въ относительномъ смыслѣ является тоже отношеніе, которое должно было бы имѣть абсолютное значеніе, если бы вся годная для разработки почва земли перешла въ частную собственность. Хотя такимъ образомъ ученіе о поземельной рентѣ представляетъ лишь относительную справедливость, однако же для каждой страны наступаетъ состояніе, къ которому оно до извѣстной степени примѣнимо.

---

[9]) Здѣсь дѣло идетъ главнымъ образомъ о доказательствѣ ренты, котора вытекаетъ для обладателя объекта *изъ чужаго труда*, и самый важный частный случай которой есть поземельная рента. Полнѣе развито и точнѣе обосновано пониманіе поземельной ренты, какъ «ренты первенства», въ двухъ новѣйшихъ изданіяхъ моего сочиненія о *рабочемъ вопросѣ*, въ 6 главѣ: «Собственность, право наслѣдства и поземельная рента»; въ 3 изд. стран. 297—322, вмѣстѣ съ относящимися сюда примѣчаніями.

[10]) *Франклинъ*, Observations concerning the increase of mankind 1751. Сравн *Mohl*, Gesch. u. Liter. der Staatswissensch., III, S. 476; о другихъ предшественникахъ Мальтуса тамъ же; далѣе *Roscher*, Volkswirthsch. 1, § 242. Anm. 15 и *Marx*, Das Kapital. (1 Aufl) S. 603, Anm. 76.

Наконецъ найдено, что высота *заработанной платы*, платимой предпринимателемъ, имѣющимъ капиталъ, тѣмъ, которые безъ поземельной собственности или другихъ средствъ существуютъ только своимъ трудомъ, опредѣляется, подобно всякой другой цѣнѣ товара, предложеніемъ и спросомъ. Насколько слѣдовательно предложеніе превышаетъ спросъ, плата за трудъ должна понизиться до минимума. Совершенно естественно, что именно здѣсь теорія эгоизма приближается къ дѣйствительности въ весьма высокой степени, такъ какъ дѣло тутъ идетъ послѣдовательно лишь о небольшихъ суммахъ, и заказчикъ, который въ существующей почвѣ права видитъ свои интересы, сначала самъ имѣетъ только весьма неясное понятіе о послѣдствіяхъ этого отношенія.

Во времена большой грубости, когда населеніе постоянно терпитъ ущербъ отчасти вслѣдствіе неблагопріятности климата, при недостаткѣ запасовъ, отчасти вслѣдствіе вражды и войнъ и варварскаго обращенія съ покоренными, собираніе капиталовъ не можетъ идти безпрепятственно, и за изобиліемъ рабочихъ силъ слѣдуетъ опять ихъ недостатокъ, за недостаткомъ почвы опять возможность незначительнымъ усиліемъ пріобрѣтать обширныя территоріи. Но лишь только успокоились дикія страсти, лишь только общественное чувство и юридическій порядокъ начали свое дѣло, начинается также, подобно плевеламъ, вырастающимъ между пшеницею, дѣйствіе только что указанныхъ отношеній.

Населеніе увеличивается, недостаетъ почвы для обработыванія; поземельная рента возрастаетъ, заработная плата падаетъ: различіе между положеніемъ собственниковъ и арендаторовъ, арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ все увеличивается. Тутъ разцвѣтающая *промышленность* предлагаетъ рабочему высшій заработокъ; но вскорѣ къ ней стремится столько рукъ, что здѣсь повторяется таже игра. Единственный факторъ, который теперь задерживаетъ приращеніе населенія, есть нищета, и единственное спасеніе отъ самой крайней нищеты есть принятіе *работы за какую бы то ни было цѣну*. Къ счастливому предпринимателю стекаются несмѣтныя богатства; работникъ не получаетъ ничего, кромѣ своего скуднаго существованія. До сихъ поръ дѣло идетъ совершенно безъ догматики эгоизма.

Тогда нищета пролетаріата пугаетъ сострадательныя сердца; но обратный путь отъ этихъ обстоятельствъ къ старой простотѣ нравовъ невозможенъ. Собственники постепенно привыкли къ богатому и разнообразному наслажденію утонченными жизненными удовольствіями. Искусства и наука развились. Рабская работа пролетаріевъ даетъ многимъ способнымъ головамъ досугъ и средства для изслѣдованій, изобрѣтеній и созиданій. Повидимому, нашъ долгъ оберегать эти высшія блага человѣчества, и охотно мы утѣшаемся мыслью, что

они когда нибудь станутъ общимъ достояніемъ. Въ то же время быстрое увеличиваніе богатствъ дѣлаетъ участниками этихъ наслажденій многихъ, сердце которыхъ внутри черство. Другіе дичаютъ въ нравственномъ отношеніи, не сохраняя ни внимательности ни участія ни для чего, что находится внѣ круга ихъ удовольствій. Болѣе живыя формы симпатіи къ страданіямъ исчезаютъ уже въ силу однообразнаго благосостоянія привилегированныхъ. Они начинаютъ смотрѣть на себя какъ на особенныя существа. Ихъ слуги представляются имъ машинами, несчастные суть для нихъ неизбѣжныя фигуры декорацій, для ихъ судьбы у нихъ нѣтъ никакого пониманія. Съ уничтоженіемъ нравственныхъ узъ погасаетъ стыдъ, который прежде удерживалъ отъ слишкомъ роскошныхъ наслажденій. Духовная сила глохнетъ среди жизни удовольствій, одинъ пролетаріатъ остается грубымъ, угнетеннымъ, но свѣжимъ душою.

Въ такомъ состояніи былъ древній міръ, когда христіанство и переселеніе народовъ положили конецъ его великолѣпію. Онъ созрѣлъ для погибели.

II. Христіанство и просвѣщеніе.

Многократно уже сравнивалось состояніе настоящаго времени съ состояніемъ древняго міра передъ его разложеніемъ, и нельзя отрицать, что ясно видны значительныя аналогіи. Мы имѣемъ чрезмѣрное наращеніе богатства. Мы имѣемъ пролетаріатъ, мы имѣемъ упадокъ нравовъ и религіи; государственнымъ формамъ настоящаго времени угрожаетъ разрушеніе, и вѣра въ предстоящую общую и большую революцію далеко распространена и глубоко вкоренилась. Рядомъ съ этимъ, наше время имѣетъ и могущественныя цѣлительныя средства, и если бури переходнаго кризиса не превзойдутъ всякое понятіе, то невѣроятно, чтобы человѣчество еще разъ должно было начать вновь свою умственную работу, какъ во времена меровинговъ. Но одно изъ самыхъ цѣлительныхъ средствъ заключается безъ сомнѣнія именно въ идеяхъ *христіанства*, нравственныя дѣйствія котораго такъ же часто умаляются, какъ и преувеличиваются.

Правда, что гражданскія отношенія уже очень рано заключили съ принципами новаго завѣта свой сепаратный миръ. Съ мірской суетой дѣло шло такъ же какъ съ высшей политикой и церковнымъ управленіемъ. „Всѣ христіане“ говоритъ *Милль* въ своемъ прекрасномъ сочиненіи *о свободѣ*, „полагаютъ, что бѣдные и несчастные, всѣ, кому плохо на землѣ живется, благословенны; что верблюдъ скорѣе пройдетъ черезъ ушко иголки, чѣмъ богачъ въ царство небесное; что не слѣдуетъ судить, чтобъ не быть судимымъ; что божиться грѣхъ; что не слѣдуетъ заботиться о завтрашнемъ днѣ; что для того,

чтобы сдѣлаться совершеннымъ, нужно продать все свое имущество и отдать бѣднымъ. Они не лукавятъ, говоря, что вѣрятъ въ эти вещи. Они вѣруютъ въ это, какъ вѣруется во все, что постоянно восхваляется и остается неприкосновеннымъ. Но въ смыслѣ того живаго вѣрованія, которое опредѣляетъ способы дѣйствія, они вѣруютъ въ эти ученія лишь настолько, насколько они по нимъ поступаютъ. Масса вѣрующихъ не чувствуетъ себя проникнутой этими ученіями, и ихъ сердце не подчинено ихъ силѣ. Питается привычное почтеніе къ ихъ звуку, но не чувство, которое переходитъ отъ словъ къ обозначаемымъ предметамъ и принуждаетъ душу принимать ихъ въ себя и подводить подъ формулы".

И все же для человѣчества не могло пройти безслѣдно, что въ продолженіи многихъ столѣтій повторялись именно *эти* формулы, признавались *эти* слова, возбуждались опять и опять *эти* мысли. Во всѣ времена существовали особенно воспріимчивыя души, и врядъ ли случайность, что именно въ христіанскихъ земляхъ, наконецъ, спустя полторы тысячи лѣтъ, хотя съ начавшимся распаденіемъ церковныхъ формъ и догмъ, началась правильная *забота о бѣдныхъ*, и потомъ развилась мысль, что *нищета массъ есть стыдъ человѣчества*, и что слѣдуетъ все употребить для того, чтобы основательно ее устранить. Не слѣдуетъ давать вводить себя въ заблужденіе тѣмъ, что во времена процвѣтанія внѣшней церкви, бѣдность какъ бы искусственно поддерживалась, чтобы удовлетворять церемоніи раздачи милостыни, что народы ни подъ какимъ игомъ такъ тяжело не вздыхали, какъ подъ игомъ духовенства; не слѣдуетъ ослѣпляться замѣчаніемъ, что набожные люди иногда слишкомъ легко раздѣлываются съ моралью, что напротивъ часто свободно мыслящіе. даже враги существующей церкви, посвящали все свое мышленіе и дѣятельность угнетенному человѣчеству, тогда какъ слуги церкви сидѣли за столомъ богачей и проповѣдывали бѣднымъ покорность. Если предположить, что мораль Новаго Завѣта произвела глубокое дѣйствіе на народы христіанскаго міра, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ выводить, что это дѣйствіе сильнѣе всего должно было проявиться на лицахъ, которыя преимущественно занимались словесными звуками этого ученія. Мы видѣли съ Миллемъ, какъ незначительно обыкновенно бываетъ непосредственное дѣйствіе этихъ словъ на отдѣльныя лица; въ особенности на тѣхъ, которыя сроднились съ этими звуками съ дѣтства и привыкли связывать съ ними извѣстныя торжественныя чувства, не раздумывая никогда объ ихъ полномъ смыслѣ и не чувствуя никогда дуновенія того могущества, которое въ нихъ первоначально заключалось. Мы не будемъ дѣлать здѣсь никакого психологическаго изслѣдованія о томъ, что можетъ быть даже *вѣроятнѣе*, что традиціонныя идеи дѣйствуютъ сильно именно

тамъ, гдѣ ихъ распространеніе прерывается *сомнѣніемъ*, *частною оппозиціею*, выступленіемъ новыхъ и чуждыхъ рядовъ мыслей; лишь то слѣдуетъ констатировать, что именно потому, что эти слова всюду раздаются въ христіанскомъ мірѣ и проводятся изъ рода въ родъ, ихъ настоящій смыслъ и ихъ зажигающая сила по крайней мѣрѣ такъ же хорошо могутъ обаять умъ, несущій имъ на встрѣчу новую почву, на которой они могутъ произрастать, какъ и такой, который вполнѣ и совершенно вошелъ въ старыя ассоціаціи идей. Разсматривая дѣло вообще, будетъ поэтому весьма вѣроятно, что энергическія, даже революціонныя стремленія нашего столѣтія—преобразовать форму общества въ пользу подавленныхъ массъ—тѣсно связаны съ идеями Новаго Завѣта, хотя носители этихъ стремленій въ другихъ отношеніяхъ считаютъ долгомъ противустоять тому, что нынѣ любятъ называть христіанствомъ. Исторія даетъ намъ доказательство этой связи въ сліяніи религіозныхъ и коммунистическихъ идей у крайней лѣвой реформаціоннаго движенія въ 16-мъ столѣтіи. Къ сожалѣнію, болѣе чистыя формы этихъ стремленій еще и нынѣ не достаточно извѣстны и оцѣнены, и отдѣльные искаженные образы, которые намъ переданы въ грубыхъ краскахъ, оторваны отъ задняго плана могущественной и далеко распространенной мысли того времени. Даже высоко образованные люди католической партіи не могли тогда замкнуться отъ этихъ идей. *Томасъ Морусъ* написалъ свою *Утопію*, сочиненіе имѣющее коммунистическую тенденцію, не просто въ шутку, а съ намѣреніемъ дѣйствовать на своихъ современниковъ, хотя бы даже посредствомъ картины состояній буквально невозможныхъ. Утопія для него была средствомъ распространить мысли, которыя врядъ ли кто осмѣлился бы изложить въ другой формѣ и которыя въ дѣйствительности далеко опередили его вѣкъ. Такъ онъ защищалъ идею религіозной терпимости, которая нынѣ всѣми признана. Его другъ и товарищъ по мыслямъ, *Л. Вивесъ*, правда выступилъ въ скромно написанномъ сочиненіи противъ коммунистическихъ жестокостей крестьянскихъ войнъ; но тотъ же человѣкъ, одинъ изъ первыхъ, явно высказывалъ, что забота о бѣдныхъ не должна быть предоставлена случайности милостыни, но что между христіанами должно быть признано *обязанностью* достаточно и непрерывно заботиться о бѣдныхъ посредствомъ опредѣленныхъ *гражданскихъ* учрежденій [11]). Не долго спустя послѣ того рѣшились, прежде всего въ Англіи, учредить гражданское попеченіе о бѣдныхъ, и именно этотъ институтъ, который со времени французской революціи, подобно гражданскому браку, гражданскимъ крести-

[11]) Сравн. мою статью: «*Vives*» въ Encykl. des. ges Erzieh. u. Unterichtswesens, im 9 Bde, S. 737—814, въ особенности стран. 761 и слѣд.

камъ и тому подобнымъ учрежденіямъ, повидимому составлялъ нѣкоторую противуположность церковнымъ учрежденіямъ, произошелъ, явнымъ образомъ, изъ христіанскихъ принциповъ. Подобныя метаморфозы идеи не рѣдки въ культурной исторіи, и если мы и не будемъ, вмѣстѣ съ *Гегелемъ*, заставлять все обращаться въ противуположное, мы должны однако согласиться, что очень часто дѣйствіе великой мысли принимаетъ, вслѣдствіе измѣненной комбинаціи съ другими элементами времени, почти противуположное направленіе. Поразительно также сродство между моральными принципами *Конта* и моральными принципами христіанства; религіозный энтузіазмъ у Конта несомнѣненъ, и большая часть явленій французскаго и англійскаго коммунизма имѣютъ родственную черту. Прежде всего заслуживаетъ вниманія почтенный *Оуенъ*, который пожертвовалъ свое богатство бѣднымъ и былъ осужденъ роскошными и высокомѣрными ханжами, потому что отрицалъ у существующаго христіанства способность помогать погруженнымъ въ нищету массамъ. Но слишкомъ естественно, что во времена преобладающаго эгоизма, когда традиціонная религія помирилась съ матеріальными интересами, такія натуры, которыя охвачены дуновеніемъ первоначальной духовной жизни религіи, не сходятся съ существующими формами. Поэтому не невозможно, что въ числѣ аналогій между нашимъ временемъ и погибелью древняго міра, находится и то творящее и соединяющее стремленіе, которое тогда дало возникнуть союзу новой вѣры изъ обломковъ стараго порядка вещей. Но здѣсь мы встрѣчаемъ возраженіе, что будто бы съ религіею вообще дѣло уже кончено, съ тѣхъ поръ какъ естественныя науки разрушили догматъ, съ тѣхъ поръ какъ соціальныя науки научили устраивать жизнь народовъ удовлетворительнѣе, чѣмъ это когда бы то ни было можетъ удаться принципамъ религіи. Мы видѣли, однако, что по крайней мѣрѣ соціальныя науки пока еще вовсе не произвели такого дѣйствія. Онѣ правда достаточно показали намъ, что церковь, когда она могущественна и властолюбива, задерживаетъ народы въ политико-экономическомъ, интелектуальномъ и моральномъ отношеніяхъ; что просвѣщеніе и обученіе обыкновенно идутъ рука объ руку съ упадкомъ духовенства относительно числа и вліянія; что уменьшеніе преступленій соотвѣтствуетъ уменьшенію суевѣрія, которое неразрывно связано съ вѣрою въ букву. Мы знаемъ, что вѣра и невѣріе въ поступкахъ людей, въ массѣ и насколько это обнаруживается въ необычайныхъ дѣйствіяхъ, не дѣлаютъ какого либо замѣтнаго различія. Вѣрующій или невѣрующій поступаетъ нравственно или безнравственно, даже преступно, по причинамъ, связь которыхъ съ его принципами рѣдко проявляется, и даже тогда, повидимому, есть лишь побочное дѣйствіе ассоціаціи идей. Различенъ лишь родъ и способъ психическаго процесса: одинъ подпадаетъ искушенію сатаны или слѣдуетъ, будучи вообще въ здравомъ разумѣ, мнимому высшему внушенію; другой грѣшитъ съ холоднымъ легкомысліемъ или въ опьяненіи страсти. Весьма несправедливо устраняютъ благочестивыхъ преступниковъ просто на просто какъ лицемѣровъ; случаи, въ которыхъ религія принимается только за внѣшній покровъ, нынѣ рѣдки; очень часто напротивъ самые гнусные поступки соединены съ глубокою религіозною жизнью чувства—конечно съ такою жизнью, которая столько же страдаетъ слабостями, указанными нами выше словами Милля, какъ и жизнь незапятнанныхъ благочестивыхъ людей. Можетъ быть и вѣрно, что постоянное упражненіе въ религіозныхъ чувствахъ иногда дѣйствуетъ въ нравственномъ отношеніи ослабляющимъ образомъ; но навѣрное не всегда, и часто вѣра повидимому удивительно закаляетъ силу характера. Какъ бы мы могли себѣ иначе объяснить фигуры *Лютера*, *Кромвеля*? Научно, относительно нравственныхъ дѣйствій вѣры и невѣрія самихъ въ себѣ, собственно ничего не установлено; ибо бо́льшая нравственная грубость странъ, которыя подчинены вѣрѣ въ букву, можетъ быть непрямымъ дѣйствіемъ, ничего не доказывающимъ въ главномъ пунктѣ. Именно въ такихъ странахъ обыкновенно отрѣшеніе отъ религіи бываетъ связано съ нравственнымъ вырожденіемъ, тогда какъ въ просвѣщенныхъ странахъ скорѣй не застрахованы вѣрующіе. Статистика намъ показываетъ впрочемъ, что, при сходныхъ вообще обстоятельствахъ, въ Германіи протестантскія страны представляютъ болѣе обмана, католическія болѣе насилія; но всѣ эти факты не допускаютъ никакихъ выводовъ о внутренней сторонѣ дѣла; ибо болѣе многочисленные случаи обмана происходятъ, если строго разсмотрѣть, отъ болѣе многочисленныхъ дѣлъ; насилія также происходятъ не изъ вѣры въ непорочное зачатіе, а изъ недостатка воспитанія, которое прежде всего связано только съ внѣшнимъ давленіемъ церковнаго строя и происходящей изъ этого бѣдности. Какъ трудно вообще выводить заключенія изъ морально-статистическихъ цифръ, мы видѣли уже выше и поэтому воздерживаемся здѣсь отъ спеціальной критики нѣкоторыхъ интересныхъ пунктовъ, такъ какъ конечный результатъ, по отношенію къ ближайшему здѣсь вопросу, во всякомъ случаѣ отрицательный. Вѣрно лишь то, что ученіе духовенства о моральной испорченности всѣхъ невѣрующихъ не подтверждается опытомъ и что также мало можетъ быть доказанъ нравственный вредъ вѣры. Но, если обозрѣть исторію въ цѣломъ, то мнѣ представляется почти несомнѣннымъ, что по большей части мы должны приписывать тихому, но постоянному дѣйствію христіанскихъ идей не только нашъ моральный, но и нашъ интеллектуальный прогрессъ, но что эти идеи только тогда могутъ обнаруживать свою полную силу, когда разбиваютъ церковную и догматическую форму, въ которой они заключены, какъ сѣмя дерева въ твердой скорлупѣ.

Оборотной стороны этихъ выгодныхъ вліяній христіанства нужно искать именно въ тѣхъ ученіяхъ и учрежденіяхъ, на которыхъ было основываемо прочное и безусловное господство догмъ и церкви въ умахъ.

. . . . *)

Своеобразіе всякой религіи въ моральномъ отношеніи состоитъ не столько собственно въ ея нравственныхъ ученіяхъ, сколько въ *формѣ*, въ которой она стремится дать имъ силу и значеніе. Этика матеріализма остается равнодушною къ формѣ, въ которой осуществляются ея ученія, она держится за содержаніе, за частности, а не за тотъ способъ, какъ ея ученія слагаются въ нѣчто цѣлое, имѣющее опредѣленный этическій характеръ. Яснѣе всего это выступаетъ въ морали интересовъ, которая въ самомъ благопріятномъ случаѣ есть казуистика, научающая насъ ставить постоянный интересъ выше преходящаго и значительный выше незначительнаго. Часто повторявшаяся попытка вывести всѣ добродѣтели изъ себялюбія остается поэтому не только софистическою, но и холодною и скучною. Но и мораль, которая получается изъ принципа естественной любви къ ближнему, не только, какъ мы уже показали, весьма хорошо гармонируетъ съ физическимъ матеріализмомъ, но и сама носитъ матеріалистическій характеръ, пока недостаетъ идеала, по которому человѣкъ долженъ устраивать свои отношенія къ собратьямъ и вообще стараться возстановить гармонію въ своемъ мірѣ явленій. Пока мораль указываетъ намъ только на чувства симпатіи и совѣтуетъ намъ заботиться о собратьяхъ и трудиться для нихъ; до тѣхъ поръ она носитъ на себѣ все еще въ сущности матеріалистическую печать, сколько бы

*) Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, имѣющихъ слишкомъ рѣзкій тонъ. Авторъ видитъ въ нѣкоторыхъ догматахъ историческаго христіанства поводъ къ высокомѣрію и властолюбію духовенства, и утверждаетъ, что іерархія, воспользовавшись этимъ поводомъ, стремилась къ угнетенію и приниженію умовъ и произвела великое зло, до сихъ поръ отражающееся въ разладѣ между темною массою и небольшимъ слоемъ образованныхъ. Какъ тутъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, читатель долженъ помнить, что авторъ имѣетъ въ виду только католиковъ и протестантовъ. Вотъ отчего онъ такъ рѣзко утверждаетъ, что «властолюбіе всюду было главнымъ качествомъ духовенства, какъ особаго сословія»; онъ не сказалъ бы этого, если бы зналъ исторію русской церкви. И многія возраженія, которыя онъ, исходя изъ своихъ довольно высокихъ понятій о религіи и христіанствѣ, дѣлаетъ какъ католикамъ, такъ равно и протестантамъ, очевидно не могутъ быть сдѣланы православію.

Примѣч. переводч.

ни совѣтовала самопожертвованія вмѣсто наслажденія; лишь съ постановкою нѣкотораго принципа въ средоточіе всѣхъ стремленій наступаетъ формалистическій поворотъ. Такъ это у *Канта*, этика котораго матеріально очень близко совпадаетъ съ этикою *Конта* и *Милля*, но однако очень рѣзко отличается отъ всякаго другаго ученія объ общей пользѣ тѣмъ, что нравственный законъ съ его строгимъ и неумолимымъ указаніемъ на гармонію цѣлаго, части котораго мы составляемъ, разсматривается, какъ нѣчто данное a priori. Что касается до истинности этого ученія, то объ ней, конечно, нужно сказать тоже, что объ истинѣ ученія о категоріяхъ. Дедукція принципа несовершенна, самый принципъ можетъ быть исправленъ; но зародышъ для такого обращенія мысли къ цѣлому долженъ быть, конечно, данъ въ нашей организаціи ранѣе всякаго опыта, ибо иначе самое начало этическаго опыта было бы немыслимо. Принципъ этики существуетъ à priori, но не какъ готовая, развитая совѣсть, а какъ нѣкоторый задатокъ въ нашей первоначальной способности, природу и способъ дѣйствія котораго мы можемъ отчасти познавать, подобно природѣ нашего тѣла, только постепенно и a posteriori. Но это познаніе отнюдь не задерживается тѣмъ, что высказывается опредѣленный принципъ, содержащій только одну сторону истины. Здѣсь, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, должно быть признано то, что признается при физическомъ изслѣдованіи, т. е. что идея для прогресса такъ же важна, какъ эмпирія. Но такъ какъ дѣло не только въ томъ, чтобы *познать* самую вѣрную моральную философію, но въ томъ, чтобы *рѣшаться* на благородные и добрые поступки, то идея, которая уже въ области познанія являлась настоящею пружиною среди колесъ эмпиріи, получаетъ еще болѣе возвышенное значеніе. Но здѣсь можетъ конечно возобновиться вопросъ, не вводитъ ли насъ движущая идея часто въ заблужденіе, а въ особенности относительно религіозныхъ системъ можетъ быть заданъ вопросъ, не лучше ли предаваться просто облагороживающему дѣйствію естественной симпатіи и такимъ образомъ медленно, но вѣрно подвигаться впередъ, чѣмъ слушать пророческіе голоса, которые слишкомъ часто уже приводили къ самому ужасному фанатизму.

Религіи первоначально вовсе не имѣютъ цѣли служить нравственности. Порожденныя боязнью передъ могущественными явленіями природы, фантазіею и варварскими склонностями и представленіями, религіи у такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ суть источникъ мерзостей и нелѣпостей, которыя врядъ ли могли бы возникнуть изъ простой борьбы интересовъ, даже въ самой грубой формѣ. Сколько подобныхъ искажающихъ началъ еще держатся въ религіи даже у образованныхъ народовъ, можетъ намъ показать сужденіе Эпикура и Лукреція, такъ какъ мы, ослѣпленные возвышенными сторонами древней миѳологіи, съ трудомъ можемъ

прямо вдуматься въ сущность религіи древнихъ. Впрочемъ одна уже вѣра въ сверхчувственныя могущественныя существа должна была представить для естестеннаго развитія этическихъ идей значительную точку опоры. Противуположность между цѣлымъ, между человѣческимъ обществомъ и отдѣльнымъ лицомъ, для первобытнаго человѣка не легко понятна; но мысль о мстящемъ существѣ *внѣ* человѣчества должна была здѣсь рано *заступить мѣсто*, и дѣйствительно божество, какъ мститель человѣческихъ преступленій, встрѣчается у народовъ, представленія которыхъ еще очень грубы и обряды религіи отчасти ужасающіе. Съ прогрессомъ культуры подвигаются впередъ и представленія о богахъ, и мы видимъ, что божества, въ которыхъ первоначально олицетворена была только ужасающая или благотворная сила природы, получаютъ постепенно все болѣе опредѣленное этическое значеніе. Такимъ образомъ въ классическомъ періодѣ древней Эллады мы можемъ открыть одновременно слѣды древняго природнаго значенія боговъ рядомъ съ ихъ этическимъ значеніемъ, а рядомъ съ тѣмъ и другимъ стоятъ уродства грубаго народнаго суевѣрія, которыя въ ежедневной жизни проявлялись гораздо болѣе, чѣмъ мы могли бы предполагать, судя по прекраснымъ преданіямъ эллинской поэзіи и пластики. Такимъ образомъ религія можетъ служить одновременно этическому прогрессу и освящать ужасы, и въ то же время, сообразно съ характеромъ народа, воплощать пестрые образы міра идей въ своеобразныя формы.

Въ созданіяхъ человѣческаго представленія повторяется древняя задача объ отношеніи цѣлаго къ его частямъ. Матеріализмъ никогда не откажется отъ стремленія разлагать духовныя созданія религіи на ихъ элементы, точно такъ какъ онъ сводитъ тѣлесный міръ на атомы. Фантазія, страхъ, ошибочное заключеніе составляютъ для него религію, которая есть будто-бы продуктъ этихъ частныхъ дѣйствій, и если онъ ей приписываетъ этическое дѣйствіе, то выводитъ это дѣйствіе изъ перенесенія естественной морали на сверхъестественныя понятія. Если мы видимъ, что религія часто дѣйствуетъ на людей съ удивительнымъ могуществомъ въ хорошую или дурную сторону, что она въ средніе вѣка возбуждаетъ тысячи дѣтей къ крестовымъ походамъ и въ наше время заставляетъ мормоновъ выдерживать борьбу до изнеможенія и бѣжать въ пустыни Соленаго озера; что магометанство съ быстротою пламени сплавляетъ націи и потрясаетъ материки; что реформація основываетъ эпоху въ исторіи; то для матеріализма все это есть лишь необыкновенное сочетаніе факторовъ чувственности, страстности и заблужденія или несовершеннаго познанія; мы же, напротивъ, вспомнимъ, что, какъ во внѣшнихъ вещахъ, такъ и здѣсь, значеніе и сущность предмета заключаются не въ томъ простомъ фактѣ, что именно тѣ или другіе факторы дѣйствуютъ совокупно, но *въ формѣ*, въ которой они совокупно дѣйствуютъ, и что эта

форма—(для насъ съ практической стороны самое важное)—познаваема только въ своеобразномъ *цѣломъ*, а не въ отвлеченныхъ факторахъ. Аристотеля побудила дать преимущество *формѣ* передъ *веществомъ* и *цѣлому* передъ его *частями* — именно его глубоко практическая натура, его этическій смыслъ, и если мы въ точномъ изслѣдованіи постоянно должны идти противъ него и все вновь и вновь объяснять цѣлое изъ частей, форму—насколько можемъ—изъ веществъ, то мы все же знаемъ, со времени Канта, что вся необходимость этихъ пріемовъ есть только отраженіе организаціи нашего сотвореннаго для анализа ума, что этотъ процессъ есть processus in infinitum, который никогда не достигаетъ вполнѣ своей цѣли, хотя съ другой стороны никогда не долженъ устрашаться данной ему задачи. Мы знаемъ, что постоянно остается одинаково большое противорѣчіе между законченной и своеобразной природой цѣлаго и приблизительнымъ объясненіемъ его изъ его частей. Мы знаемъ, что въ этомъ противорѣчіи отражается природа нашей организаціи, которая намъ даетъ вещи цѣлыми, законченными, округленными—только путемъ творчества; частями же, приблизительно или относительно точно—путемъ познанія. Всѣ великія недоразумѣнія, всемірно историческія заблужденія происходятъ изъ смѣшенія этихъ способовъ представленія, когда или результаты творчества, заповѣди внутренняго голоса, откровенія религіи приходятъ, какъ абсолютныя истины, въ столкновеніе съ истинами познанія, или же имъ вообще не даютъ никакого мѣста въ сознаніи народовъ. Конечно, всѣ результаты творчества и откровенія имѣютъ для нашего сознанія характеръ абсолютнаго, непосредственнаго, такъ какъ условія, изъ которыхъ происходятъ эти образы представленія, не бываютъ сознаваемы; конечно, съ другой стороны, всѣ созданія творчества и всѣ откровенія просто ложны, какъ скоро мы станемъ ихъ измѣрять въ ихъ матеріальномъ содержаніи масштабомъ точнаго познанія; но это абсолютное имѣетъ значеніе только какъ *образъ*, какъ *символъ* потусторонняго абсолютнаго, котораго мы вовсе не можемъ познать, и эти заблужденія или намѣренныя уклоненія отъ дѣйствительности вредятъ только тогда, если имъ придаемъ значеніе матеріальныхъ познаній. Поэтому религія во времена, которыя соединяютъ извѣстную степень образованія и благочестія, всегда была неразрывна съ *искусствомъ*, и нужно считать признакомъ ея упадка и оцѣпенѣнія, если ея ученія смѣшиваются съ трезвымъ *знаніемъ*. Тамъ истинное значеніе представленій содержится въ *формѣ*, какъ бы въ стилѣ архитектуры представленій и въ впечатлѣніи этой архитектуры на сердце; здѣсь же напротивъ всѣ представленія, какъ въ частности, такъ и въ связи, должны быть матеріально вѣрны.

Но религія, говорятъ, должна непремѣнно содержать истину. Она должна

происходить, если и не изъ *человѣческаго* познанія, то все-же изъ *высшаго пониманія*, изъ нѣкотораго *знанія* сущности вещей, которое открывается людямъ божествомъ. Мы уже достаточно высказались, что никакъ не можемъ допустить ни сопоставленія, ни господства религіозныхъ познаній относительно результатовъ методической науки, и мы желали-бы надѣяться, что это положеніе, такъ же, какъ сопоставленіе религіи съ искусствомъ и метафизикой, въ недалекомъ будущемъ будетъ всѣми принято; намъ даже кажется, что это отношеніе признается или покрайней мѣрѣ предчувствуется самыми рѣшительными вѣрующими въ несравненно большей степени, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Большинство исповѣдниковъ всякихъ религій можетъ конечно еще находиться въ умственномъ настроеніи, подобномъ тому, съ которымъ дѣти слушаютъ сказки. Полное взрослое чутье дѣйствительности и безупречной достовѣрности еще не развито. Лишь съ его появленіемъ исчезаетъ вѣроятность этихъ разсказовъ, ибо прикладывается другой масштабъ достовѣрности; но настоящему человѣку чутье поэзіи не измѣняетъ на всѣхъ ступеняхъ жизни.

Древніе видѣли въ поэтѣ вдохновеннаго ясновидца, который будучи совершенно наполненъ и увлеченъ своимъ предметомъ, удаляется мысленно отъ обыкновенной дѣйствительности. То же увлеченіе идеею не должно-ли имѣть свое право и въ религіи? И если существуютъ умы, которые такъ глубоко живутъ въ этихъ возбужденіяхъ, что отъ нихъ поэтому скрывается обыкновенная дѣйствительность вещей, то какъ они живость, постоянство, силу этихъ событій своего духа могутъ обозначить иначе, чѣмъ словомъ „истина?“ Конечно этому слову тогда придается лишь переносный смыслъ, но смыслъ такого образа, который людьми цѣнится выше, чѣмъ дѣйствительность, получающая все свое значеніе только отъ свѣта, который распространяется лучами этого образа. У христіанина лишь по имени ты можешь вымести логикою изъ головы ту шелуху, которая остается у него въ памяти отъ изученія катехизиса; но у истинно вѣрующаго ты не можешь оспаривать значеніе его внутренней жизни. И если ты сто разъ докажешь ему, что все это только субъективныя ощущенія, то онъ отправитъ тебя вмѣстѣ съ субъектомъ и объектомъ къ чорту и будетъ смѣяться надъ твоими наивными попытками опрокинуть дыханіемъ смертнаго рта стѣны Сіона, высокіе куполы котораго кажутся ему сіяющими блескомъ агнца и вѣчнымъ великолѣпіемъ Бога. Масса, бѣдная логикой, какъ и вѣрою, считаетъ силу пророческаго убѣжденія за такой же хорошій критерій истины, какъ и повѣрку ариѳметитической задачи, и такъ какъ языкъ принадлежитъ народу, то мы должны допустить двойное употребленіе слова „истина“.

Но не болтайте мнѣ о „двойной бухгалтеріи“. Это понятіе, вдвойнѣ негодное, имѣетъ во первыхъ ложное названіе, выдуманное профессоромъ, который вѣроятно никогда не видалъ купеческой книги, и который во всякомъ случаѣ разумѣлъ что нибудь другое, нежели то, чтó выражаетъ tertium comparationis; но, далѣе, оно по существу совершенно принадлежитъ къ сумеречной области дѣтскихъ сказокъ, которую мы только что описывали. Оно соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія людей, которые вслѣдствіе заученной научной дѣятельности дошли только до того, чтобы въ своей спеціальности методически и совѣстливо различать истинное отъ ложнаго, но которые еще не умѣютъ переносить настоящаго критерія истины на другія области и въ нихъ, поэтому, считаютъ истиннымъ пока то, чтò наиболѣе нравится ихъ неяснымъ чувствамъ. Философъ можетъ признать второе значеніе слова истины, но никогда не забываетъ, что оно *образное*. Онъ можетъ даже предостерегать отъ слѣпой ревности противъ „истинъ“ религіи, если онъ убѣжденъ, что идеальное содержаніе ея еще имѣетъ значеніе для нашего народа и что это значеніе вслѣдствіи необдуманнаго нападенія на формы болѣе страдаетъ, чѣмъ сколько выигрывается съ другой стороны отъ просвѣщенія. Но далѣе онъ не можетъ идти и никогда онъ не потерпитъ, чтобы ученія, которыя по своей природѣ измѣнчивы, смотря по измѣняющемуся характеру временъ, вносились въ какую-то книгу, въ которой велся бы счетъ пребывающихъ сокровищъ человѣческихъ познаній. Въ реляціяхъ науки мы имѣемъ *отрывки* истины, которые постоянно умножаются, но всегда остаются дробными частями; въ идеяхъ философіи и религіи мы имѣемъ образъ истины, который намъ представляетъ ее въ цѣломъ, но всегда остается образомъ, измѣняющимся въ своемъ видѣ, смотря по точкѣ зрѣнія нашего пониманія.

Но что же слѣдуетъ сказать о *религіи разума?* Развѣ не удалось раціоналистамъ, или Канту, или свободнымъ общинамъ настоящаго времени, установить такую религію, которая въ самомъ строгомъ смыслѣ слова учитъ чистой истинѣ, которая, будучи очищена отъ всѣхъ шлаковъ суевѣрія, или какъ говоритъ Кантъ, отъ идіотизма суевѣрія и безумія мечтательности, удовлетворяетъ только этической цѣли религіи?

Отвѣтомъ на это будетъ, если мы возьмемъ истину въ обыкновенномъ, не образномъ смыслѣ слова, совершенно опредѣленное *нѣтъ*; *да и нѣтъ никакой религіи разума безъ догмъ, которыя не допускаютъ никакого доказательства*. Но, если принять съ Кантомъ разумъ за способность идей и если прямо поставить этическое ручательство на мѣсто доказательства, то все, чтó этически гарантируется, будетъ равноправно. Минимумъ Канта относительно Бога, свободы и безсмертія также не необходимъ; свободныя общины уже выбросили его за бортъ, и принципы, которыхъ они придерживаются, также не необходимы.

Въ *принципѣ* можно обойтись безъ всѣхъ этихъ ученій, такъ какъ изъ общихъ свойствъ человѣка, или на другомъ какомъ основаніи, отнюдь нельзя вывести доказательства, что общество безъ этихъ ученій неизбѣжно должно впасть въ безнравственность. Но, если дѣло идетъ объ *опредѣленномъ обществѣ*, напр. нѣмцевъ въ настоящемъ періодѣ времени, то очень вѣроятно, что наилучшее въ этическомъ смыслѣ сочетаніе представленій требуетъ гораздо болѣе идей, чѣмъ Кантъ хотѣлъ положить въ основаніе своей религіи разума. Это—говоря просто—есть *дѣло вкуса*; но конечно не субъективный вкусъ недѣлимаго существенно опредѣляетъ дѣло, а совокупное культурное состояніе народовъ, господствующій родъ ассоціаціи идей и извѣстное, обусловленное безконечно-многими фактами, основное настроеніе духа.

Раціоналисты прошлаго столѣтія раздѣляли общее стремленіе тогдашняго образованія къ *умственной аристократіи*. Если они всѣ безъ исключенія смотрѣли серіознѣе на благо народа, чѣмъ ортодоксы, то они все же исходили изъ потребностей и настроеній образованныхъ сферъ. Въ этихъ сферахъ тогда могли считать возможною вполнѣ истинную религію, ибо еще не достаточно убѣдились въ томъ, что, по устраненіи всего того, что̀ внушаетъ сомнѣніе критическому уму, *совершенно ничего болѣе не остается*. Отъ Канта можно было бы это узнать, но онъ былъ лишь очень немногими понятъ со своимъ чисто этическимъ обоснованіемъ религіи, и такимъ образомъ въ нашемъ столѣтіи возможно было возвратиться къ мысли объ очищенной отъ всякаго заблужденія религіи. Улихъ, въ проникнутой благороднѣйшимъ чувствомъ истины статьѣ (Antwort auf einen offenen Brief, 1860), весьма хорошо описываетъ, какъ переходъ отъ раціоналистической церковности къ полному разрыву съ протестантизмомъ повелъ основателей *свободныхъ общинъ* однимъ большимъ шагомъ далѣе: „Мы были такого мнѣнія: если мы въ нашей церкви устранимъ то, противъ чего разумъ и совѣсть въ насъ давно протестовали, то остальное насъ удовлетворило бы ученіемъ и формою и было бы для насъ истинною и осчастливливающею религіею. Но мы постепенно узнали, что, если разъ признается собственное мышленіе въ религіи за право и исполняется какъ обязанность, то всякія преданія, даже и то, что̀ до тѣхъ поръ не казалось спорнымъ, должно быть строго изслѣдуемо въ томъ отношеніи, основано ли оно на почвѣ вѣчной истины или нѣтъ“. Но что такое эта основа вѣчной истины, на которой должна покоиться религія свободныхъ общинъ? Это есть ничто иное, какъ сама наука, прежде всего естественныя науки. Улихъ называетъ религію „наукою наукъ“, онъ отвергаетъ всѣ положенія, основанныя только на вѣроятности или догадкѣ, какъ напр. предположеніе сознательной міровой души; онъ опредѣляетъ истину „какъ отраженіе въ человѣческой душѣ действительности, дѣйствительнаго міра, съ его вещами и силами, законами и событіями“. Что̀ находится за границами изслѣдованія, то не должно входить и въ религію. Притомъ для него религія въ этическомъ отношеніи есть „признаніе отношенія человѣчества къ нѣкоторому вѣчному порядку, или, если угодно, къ священной силѣ, которой оно должно подчиняться“. „Единое, что нужно“ есть устроеніе царства *истины, добра и прекраснаго*. Фундаментъ всего ученія слѣдовательно долженъ заключаться въ соединительной точкѣ этической и умственной части, въ принципѣ, въ силу котораго строго научное познаніе приходитъ къ нравственному дѣйствію. А этотъ принципъ есть единство *истины, добра и прекраснаго*. Съ истиною въ слѣдствіе этого принципа пріобрѣтается и болѣе полная *благородная* человѣчность и наоборотъ, а та и другая вмѣстѣ ведутъ къ высшей красотѣ, къ чистѣйшей радости и блаженству. Здѣсь мы имѣемъ въ полномъ смыслѣ слова *догматъ*, который не только не доказанъ, но, даже будучи строго разумно изслѣдованъ, *не вѣренъ*, но который, *принятый за идею*, можетъ, подобно всякой другой религіозной идеѣ, назидать человѣка и поднять его выше границъ чувственности. Истина—въ смыслѣ дѣйствительности не только не совпадаетъ съ красотой, но даже стоитъ въ положительной противуположности къ ней. Все прекрасное есть вымыселъ, даже то, которое непосредственно становится предметомъ чувствъ, ибо уже въ первоначальную чувственную дѣятельность вмѣшивается, какъ это мы показали въ предыдущемъ отдѣлѣ, нѣкоторое содѣйствіе нашего духа. Художникъ, уже въ непосредственномъ разсматриваніи, *видитъ* свой предметъ прекраснѣе, чѣмъ менѣе воспріимчивый профанъ, и реалисты въ нашей живописи отличаются отъ идеалистовъ только тѣмъ, что они больше воспринимаютъ въ свое произведеніе свойствъ дѣйствительнаго, такъ что чистая основная идея предмета у нихъ скрещивается съ идеями его состояній; но если бы они совсѣмъ перестали идеализировать, они бы не были болѣе художниками. Поэтизируетъ глазъ любви, поэтизируетъ тоска сердца, поэтизируетъ грустное воспоминаніе и радостная встрѣча, всякіе аффекты и дѣятельности чувствъ, и если бы эту поэзію возможно было совсѣмъ устранить, то возникъ бы вопросъ, есть ли еще что нибудь, что̀ дѣлало бы жизнь достойною того, чтобы жить. Такимъ образомъ все пониманіе природы Улиха—необходимая часть его религіи—больше ничего, какъ поэтическій вымыселъ. „Таково мое истинное и дѣйствительное ощущеніе“, говоритъ Улихъ, „что, когда я, созерцая, наклоняюсь къ цвѣтку, изъ него смотритъ на меня и благоухаетъ божество“. Ну да, но вѣдь это и есть истинное и дѣйствительное ощущеніе вѣрующаго, когда онъ въ молитвѣ чувствуетъ близость своего Бога и знаетъ, что онъ услышанъ. Можно у него оспаривать внѣшній источникъ ощущенія, но не самое ощущеніе. Но, если я

въ природѣ останавливаюсь на созерцаніи прекраснаго и сравнительно совершеннаго ради назиданія, то я самую природу дѣлаю себѣ своею идеею добраго и прекраснаго. Я пропускаю сухое мѣсто на чашечкѣ цвѣтка и слѣды гусеницъ на листьяхъ, и если въ моемъ саду растетъ цвѣтокъ, который непріятно пахнетъ, то я употребляю его не для того, чтобы помолиться немножко чорту, а вырываю его и бросаю на такое другое мѣсто природы, которое мнѣ еще менѣе можетъ служить для моихъ назидательныхъ созерцаній.

Отъ меня зависитъ, вижу ли я въ природѣ преимущественно несовершенное или совершенное, вношу ли я въ нее свою идею прекраснаго и потомъ тысячекратно получаю ее обратно, или же меня всюду встрѣчаютъ слѣды гніенія, уродства, истребительной борьбы уничтоженія. И, если тогда я остановлю свой взглядъ на смѣнѣ жизни и смерти, пышной полноты и жестокой погибели, то я приду къ началу культа Діониса, и, созерцая разомъ контрастъ между высшимъ идеаломъ и всѣмъ живущимъ, я приду къ потребности спасенія.

Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что назиданіе въ смыслѣ свободныхъ общинъ совершенно несостоятельно, а только, что оно не можетъ претендовать на преимущество безусловной истины сравнительно съ другими формами назиданія. Дѣло тутъ лишь въ большей или меньшей мѣрѣ истины и творчества, и то обстоятельство, что это не признается основателями свободныхъ общинъ, ставитъ ихъ пониманіе религіи въ интелектуальномъ отношеніи ниже Канта и Фихте, но придаетъ ей за то черту наивности, которая встрѣчается только у ортодоксіи.

Съ философской стороны правда замѣчали, что за основаніе для религіи будущности долженъ быть взятъ въ прогрессивномъ познаніи именно такой пунктъ, при которомъ мы дѣйствительно, какъ это дѣлаютъ свободныя общины, можемъ еще беззавѣтно вѣровать, при которомъ различіе между результатомъ критическаго мышленія и религіознаго ощущенія для насъ совершенно исчезало бы, хотя бы оно въ послѣдующее время и могло снова выступить. Что же это значитъ, какъ не опирать религіозную вѣру на вѣрѣ метафизической? Если же послѣдняя не можетъ существовать иначе, какъ посредствомъ творчества, то почему и сама религія не должна существовать въ силу творчества, не требуя предварительно метафизическаго посредства? Но, если умозрѣніе можетъ содѣйствовать къ тому, чтобы религіозныя идеи будущаго не слишкомъ опредѣлялись субъективною наклонностью нѣкоторыхъ сильныхъ характеровъ, что навѣрное случилось во время реформаціи,—если оно можетъ содѣйствовать къ тому, чтобы эти идеи были взяты прямо изъ центра нашего совокупнаго культурнаго развитія, а не только собирались бы на поверхности церковной полемики, тогда его трудъ будетъ встрѣченъ съ радостью; только наивное вѣрованіе намъ уже не годится.

Представитель прогрессивной реформатской теологіи, благодушный и краснорѣчивый пасторъ *Лангъ*, въ своемъ „Опытѣ христіанской догматики“ [12]) опровергалъ нашу точку зрѣнія утвержденіемъ, что религіи постоянно падаютъ, „если въ нихъ перестаютъ вѣрить“, тогда какъ созданія творчества удерживаютъ свое значеніе, если удовлетворяютъ насъ эстетически. Почти тоже можно сказать о метафизическомъ умозрѣніи, которое также до сихъ поръ выступало съ притязаніемъ на безусловную истину и послѣдователи котораго образовывали кружокъ вѣрующихъ. И все же, даже самыя значительныя системы врядъ ли находили когда-нибудь безусловнаго приверженца, и гдѣ это дѣйствительно случалось, какъ напр., въ школѣ Гербарта, тамъ это доказываетъ извѣстную бѣдность и сухость всей сферы мыслей. Сколько было строго вѣрующихъ кантіанцевъ? Между значительными умами, которые главнымъ образомъ доставили славу его системѣ и которые были самыми важными носителями его вліянія, врядъ-ли даже одинъ. Развѣ система *Гегеля* не дѣйствовала далеко внѣ сферы вѣрующихъ и развѣ не принесла

[12]) Срав. *Lang*, Versuch einer christlichen Dogmatik allen denkenden Christen dargeboten. 2. Aufl. Berlin. 1868, S. 3 — 6. Тамъ же сдѣланный упрекъ, что при моей точкѣ зрѣнія (стран. 5) «совершенно все равно», падаетъ ли философъ ницъ «какъ религіозный человѣкъ» передъ Маріей или передъ личнымъ Богомъ, разрѣшается указаніемъ на то, что мы въ жизни идей человѣчества принимаемъ необходимый ходъ развитія. Не какая угодно поэзія можетъ намъ служить, но только соотвѣтственная нашему времени и нашему культурному содержанію.—Что Лангъ возвращается и къ «двойной бухгалтеріи», зависитъ лишь отъ односторонности, съ которою онъ старается понять все съ точки зрѣнія познанія, несмотря на самыя прямыя заявленія. Такъ онъ могъ придти и къ положенію, «если въ мірѣ господствуетъ такой безсмысленный дуализмъ между вѣрою и знаніемъ, то нѣтъ никакого научнаго познанія міра». Почему же нѣтъ, если наука исключительно придерживается знанія? Только одинъ закоренѣлый теологъ всегда думаетъ, что члены его символа вѣры тоже принимаются въ разсчетъ. «Дуалистическій міръ не есть предметъ науки; только цѣлостный міръ можетъ быть познанъ». Но наука и не знаетъ никакого дуалистическаго міра, ибо для нея всякая жизнь въ идеѣ основывается только на психологическихъ процессахъ, которые, если и зачинаются безконечно тонко и глубоко, то въ концѣ концовъ слѣдуютъ тѣмъ же законамъ природы, какъ и всѣ другіе психическіе процессы. До сихъ поръ требованіе *монизма* совершенно справедливо. Но если хотятъ устранить даже дуализмъ мышленія и творчества, чувствованія и хотѣнія, воспріятія и дѣянія, то поступаютъ такъ же нелѣпо, какъ если бы ради единства познанія хотѣли устранить противоположность дня и ночи. Такъ продолжаетъ существовать и противоположность между идеаломъ и дѣйствительностью; но научное познаніе имѣетъ дѣло только съ послѣднею. Для нея единство возстановляется тѣмъ, что міръ идеала есть въ то же время психологическій фактъ.

своихъ лучшихъ плодовъ лишь тамъ, гдѣ примѣнялась съ полной свободой? Что же сказать наконецъ о *Платонѣ*, творческія понятія котораго и нынѣ еще, послѣ тысячелѣтій, производятъ свое могущественное вліяніе, тогда какъ, можетъ быть уже со времени его первыхъ послѣдователей, никто не вѣрилъ, что его дедукціи такъ строго вѣрны, какъ онѣ на это претендуютъ?

Теперь возмемъ религію! Развѣ въ древности стоики не трактовали цѣлыя столѣтія народную вѣру какъ творческую оболочку этическихъ идей и этимъ развѣ не распространяли болѣе религіозной жизни, чѣмъ все жречество? Юпитеръ долженъ былъ, по Лангу, уступить Іеговѣ, Олимпъ христіанскому небу, ибо чувственное богосозерцаніе политеизма не удовлетворяло болѣе прогрессивному познанію, такъ какъ въ законченномъ монотеизмѣ христіанства была признана высшая истина. Но развѣ дѣйствительно въ римское императорское время познаніе такъ же процвѣтало, какъ во времена Сократа и Протагора? Развѣ массы были когда нибудь суевѣрнѣе, знатные жаднѣе до чудесъ, философы мистичнѣе, чѣмъ во времена распространенія христіанства? И когда же въ дѣйствительности существовала та религія Юпитера и соединеннаго Олимпа, которая въ то время должна была пасть? Она пробивалась съ трудомъ, одновременно и рука объ руку съ начинающимся просвѣщеніемъ, противъ стараго раздробленія національной вѣры на тысячи и тысячи мѣстныхъ культовъ. Право творчества развивать и формовать религію конечно нельзя было проповѣдывать на улицахъ, но оно существовало, и все время процвѣтанія эллинской культуры показываетъ намъ поэтовъ и философовъ, занятыхъ развитіемъ религіозныхъ ученій и воззрѣній. Въ мѣстномъ культѣ требовалась конечно безусловная вѣра, но что такое была эта вѣра какъ не благочестивая преданность сердца священной силѣ собственнаго отечественнаго города? Чѣмъ инымъ она могла быть въ такое время, когда вѣра измѣнялась отъ города до города, отъ деревни до деревни и когда образованный человѣкъ считалъ строгой обязанностью—признавать и почитать всякую вѣру на своемъ мѣстѣ? И развѣ, во времена распространенія христіанства, дѣйствительно просвѣщенные умы, философскіе мыслители, первые примкнули къ новой вѣрѣ? Или развѣ мыслящее познаніе играетъ главную роль въ исторіи обращенія выдающихся личностей? Развѣ народныя массы дѣйствительно потеряли вѣру въ старыхъ боговъ, когда почувствовали себя принужденными къ принятію новой религіи? Исторія показываетъ намъ совершенно другой процессъ, а не процессъ прогрессивнаго просвѣщенія: всеобщее соціальное разложеніе, борьба и нужда во всѣхъ слояхъ общества, міровое горе и безпредѣльное стремленіе съ спасенію, которое не отъ міра сего—вотъ истинные источники великаго переворота. Простое просвѣщеніе отлично могло бы при-

мкнуть къ Юпитеру и Олимпу; имъ это было бы легче, чѣмъ нашимъ нынѣшнимъ реформатскимъ теологамъ съ ихъ попыткой преобразовать христіанство въ чистую религію разума.

„Почему“, спрашиваетъ Лангъ, „въ реформаціи пало католическое небо съ его святыми и уступило мѣсто гораздо болѣе безцвѣтному, гораздо болѣе непоэтическому небу?“ Отвѣтъ находится опять въ прогрессѣ познанія. Но почему, спрашиваемъ мы напротивъ, это католическое небо *не* пало у такихъ просвѣщенныхъ націй, каковы французы и италіанцы? Совершила ли Германія реформацію потому, что была впереди всѣхъ другихъ націй въ научномъ познаніи, или же она могла опередить со временемъ въ познаніи другія націи потому, что, по совсѣмъ другимъ причинамъ, свергла иго іерархіи и абсолютнаго единства вѣры? Если наконецъ спрашиваютъ, почему протестанскій міръ все болѣе и болѣе уклоняется отъ ортодоксіи и если отвѣтъ находятъ во вліяніи *октрытій науки*, то мы противъ этого должны замѣтить, что эти открытія вступаютъ въ самое жестокое столкновеніе именно съ тѣмъ, что реформатскіе теологи хотятъ еще сохранить изъ содержанія христіанства, тогда какъ они къ другимъ ученіямъ, какъ напр., къ ученію о заступительной жертвенной смерти Сына Божія, относятся гораздо индифферентнѣе. Очень узка та полоса кругомъ омываемой водою земли, на которой эта реформатская теологія старается удержаться противъ волнъ наплывающаго матеріализма, и нигдѣ не нужно столько творчества понятій, какъ именно здѣсь, если требуется еще утверждать нѣкоторые догматы. Самъ Лангъ, непосредственно послѣ своей направленной противъ насъ критики, употребляетъ для своей религіозной потребности наименованіе *Бога отцомъ*. Но его Богъ есть ничто иное, какъ „вѣчно въ себѣ законченная, изъятая отъ всякой перемѣны мірового процесса, основа всего существующаго“. Онъ не творитъ чудесъ, у него нѣтъ человѣческаго сердца, онъ не заботится въ частности о благѣ или горѣ созданій, онъ нигдѣ не вмѣшивается въ ходъ законовъ природы; его существованіе основано только на томъ, что, вопреки матеріализму, къ простому понятію совокупности всего существующаго постулируется еще особенная его основа. И вотъ изъ этой основы всего существующаго дѣлаютъ нѣкотораго „отца“. Къ чему-же? Ради того, что сердце не можетъ не представлять себѣ существа, которое насъ лично любитъ, и которое простираетъ къ намъ свою крѣпкую руку, когда мы въ бѣдѣ. Возможно ли желать еще болѣе сильнаго доказательства творящаго принципа въ религіи?

Гомеръ не всегда удерживалъ свое значеніе, но онъ снова пріобрѣлъ его,

[13]) Сравн. *Stille Stunden.* Aphorismen aus Richard Rothe's Handschriftl. Nachlass, Wittenberg, 1872: S. 273 u. ff. 319 u. ff.

когда возникло поколѣніе, которое умѣло его цѣнить, а съ нимъ ожили опять и боги Греціи. Если *Шиллеръ* сказалъ объ этомъ мірѣ боговъ: „То, чему суждено жить безсмертно въ пѣснѣ, должно погибнуть въ жизни"; то онъ хорошо зналъ, что именно *существенное*, именно *духовное зерно* греческаго ученія о богахъ, дѣйствуетъ на насъ, какъ оно дѣйствовало на Сократа и Платона.

III. Теоретическій Матеріализмъ въ его отношеніи къ этическому и къ религіи.

Матеріализмъ древности въ самой своей зрѣлой формѣ былъ непосредственно и открыто направленъ противъ религіи, совершенное уничтоженіе которой Лукрецій разсматриваетъ какъ самое важное дѣло для человѣка. Матеріализмъ новѣйшихъ столѣтій обнаруживаетъ многократно ту же тенденцію, но лишь рѣдко выступаетъ открыто, и даже тогда обыкновенно направленъ болѣе противъ христіанства, чѣмъ противъ религіи какъ таковой. Мысль *постепеннаго очищенія* народной вѣры отъ всѣхъ суевѣрныхъ элементовъ пустила такіе глубокіе корни, что большая часть борцевъ противъ суевѣрія невольно примыкаетъ къ этому направленію, даже если ихъ собственный принципъ гораздо глубже. Съ тѣхъ поръ, какъ *Вольтеръ* преслѣдовалъ церковь и церковную вѣру съ непримиримою враждою, желая въ то же время удержать вѣру въ Бога, все еще весь напоръ бури направленъ прежде всего противъ ортодоксіи, противъ буквы преданій церковнаго ученія, тогда какъ фундаментъ всякой вѣры, чувство зависимости отъ сверхъестественныхъ силъ, лишь рѣдко затрогивается, а часто совершенно прямо признается. Философскія преобразованія и перетолкованія, уловки перевода и перенесенія, которыя изъ „основанія всякаго бытія" умѣютъ дѣлать любящаго отца, играютъ большую роль въ исторіи развитія молодаго духовенства, нѣсколько меньшую въ сохраненіи извѣстной связи между народною вѣрою и образомъ мыслей образованныхъ, и почти никакой въ нападкахъ матеріалистовъ и другихъ апостоловъ невѣрія на религію. Часто поразительнымъ образомъ игнорируется тотъ способъ, которымъ научная теологія вступаетъ въ сдѣлку съ догматами, какъ бы не признается существованія болѣе свободныхъ посредствующихъ точекъ зрѣнія, болѣе духовнаго пониманія церковныхъ традицій, и христіанство безжалостно дѣлается отвѣтственнымъ за всѣ дикости слѣпой вѣры и за всѣ уродливости крайнихъ направленій; но при всемъ томъ очень часто признаютъ „христіанство очищенное отъ всякаго суевѣрія", „чистое ученіе о Богѣ", или даже „религію безъ догмъ", за неизбѣжный жизненный элементъ человѣчества.

Легко видѣть дѣйствіе этой полемики. Большинство болѣе или менѣе просвѣщенныхъ теологовъ не чувствуетъ себя вовсе затронутымъ этими нападками, а смотритъ съ пренебреженіемъ на „ненаучность такихъ противниковъ". Вѣрующіе оскорбляются насмѣшкой надъ тѣмъ, что́ для нихъ свято, и устраняются отъ всякой критики даже тамъ, гдѣ они безъ такихъ нападокъ можетъ быть сами были бы склонны критиковать. Пріобрѣтаются только колеблющіеся, давно чуждые вѣрѣ умы, на которыхъ импонируетъ увѣренность новыхъ апостоловъ; укрѣпляются и сильнѣе ожесточаются противъ вѣрующихъ всѣ тѣ, которые уже безъ того принадлежали къ партіи матеріализма и радикальнаго просвѣщенія. Результатъ таковъ: усиленіе противоположностей, разрывающихъ народную жизнь, затрудненіе мірнаго разрѣшенія задачи будущаго.

Иначе должна бы дѣйствовать полемика, которая серіозно и рѣшительно сдѣлала бы вопросомъ самое продолженіе существованія религіи. Право, наше время представляетъ еще достаточно матеріала для лукреціевскаго „Tantum religio potuit suadere malorum", и вполнѣ стоило бы труда точнѣе разсмотрѣть связь между плодами дерева и его корнемъ. Если умные и благочестивые теологи, каковъ напр. *Рихардъ Роте*, уже могли придти къ мысли, что церковь постепенно должна распуститься въ государствѣ, то свободномыслящимъ слѣдовало бы и съ своей стороны подвергнуть строгой критикѣ дуализмъ политической общественной жизни и религіознаго товарищества, вмѣсто того, чтобы слѣпо переносить старыя формы на совершенно чуждое содержаніе. Въ новѣйшее время мы имѣемъ между „свободными общинами" фракцію, которая не только отбросила всякій остатокъ старыхъ членовъ вѣры, но добивается какъ особеннаго прогресса, чтобы было отвергнуто торжественное и церемоніальное исполненіе извѣстныхъ дѣйствій, касающихся отношеній частнаго человѣка къ религіозной общинѣ. „Крестины" напр., которыя прежде по крайней мѣрѣ были соединены съ торжественнымъ напоминовеніемъ родителямъ о воспитаніи и съ порученіемъ дитяти благоволенію всей общины, были оставлены, ибо въ этомъ видѣли безполезное посредничество духовенства, а слѣдовательно и остатокъ авторитетнаго священничества. *Ронге*, *Бальцеръ* и другіе прежніе вожаки движенія, которые держатся извѣстныхъ, хотя и весьма общихъ основныхъ положеній и, соотвѣтственно тому, простыхъ формъ культа, часто трактуются людьми этого направленія какъ высокомѣрные попы и ставятся почти на одну линію съ непогрѣшимымъ папою [14]). И все же составляются еще общины, выбирается проповѣдникъ, и люди назидаются, насколько это возможно, однообразнымъ повтореніемъ отрицанія. Очень часто приэтомъ граница между общи-

[14]) Сравн. статью о «Новомъ иконоборствѣ» въ Zeitschr: *Neue religiöse Reform*. Darmstadt, 1874, № 29—31, von *Johannes Ronge*.

ной и союзомъ сглаживается; отчасти конечно по винѣ государства, которое для свободныхъ союзовъ все еще ставитъ на пути большія препятствія, допуская въ то же время образованіе религіозныхъ общинъ съ безконечно-малымъ минимумомъ религіи. Иногда проповѣдниками въ такихъ общинахъ являлись люди, которые почти не скрывали своего отвращенія отъ всякаго рода и вида религіи. Но если разсмотрѣть ихъ сочиненія, то мы найдемъ, что они преимущественно толкуютъ о величайшихъ крайностяхъ ортодоксіи и піэтизма и обнаруживаютъ свой радикализмъ только въ дерзости насмѣшки и сатиры, тогда какъ имъ никогда не придетъ на умъ подвергнуть самое право религіи принципіальной критикѣ, захватывающей и свободныя точки зрѣнія. Для идеальной стороны религіозной жизни въ этихъ кружкахъ просто нѣтъ пониманія, и отрицаніе всего, что̀ не можетъ быть ясно доказано для обыкновеннаго ума, считается не подлежащимъ никакому вопросу [15]).

То же самое одностороннее господство разсудочнаго принципа обнаруживается въ попыткѣ одного рѣшительнаго „натуралиста", образовать религіозную общину „*когитантовъ*"; но здѣсь, впрочемъ, выступаетъ новый моментъ, который кратко можно обозначить какъ рѣшительный протестъ противъ этическаго матеріализма. Община когитантовъ Д-ра *Левенталя* должна быть „соціально гуманитарнымъ союзомъ культа", обществомъ, которое съ одной стороны самое мышленіе и знаніе дѣлаетъ предметомъ культа, съ другой стороны основывается на воспитаніи человѣческаго достоинства и любви къ людямъ. [16]) Еще рѣшительнѣе настаиваетъ Д-ръ *Эдуардъ Рейхъ* на культѣ и на церемоніи; писатель, который въ цѣломъ рядѣ сочиненій ратовалъ за матеріалистическое міровоззрѣніе и который въ то же время въ особенной брошюркѣ начерталъ планъ для нѣкоторой „церкви человѣчества": Рейхъ хочетъ принять во вниманіе и потребности сердца и поэтическаго ума въ человѣкѣ, и поэтому не скупится на праздники и на праздничныя пѣсни съ хорами и торжественными шествіями. Символическія дѣйствія, праздничное украшеніе церкви, обѣты и посвященія даютъ религіи „вѣчнаго свѣта" блескъ, которому нѣтъ ничего равнаго между существующими религіями; барабаны, трубы и литавры соединяются съ игрою органа и звономъ колоколовъ, чтобы придать религіознымъ чувствамъ благочестивой массы какъ можно болѣе высокій полетъ [17]). Всего

[15]) Сравн., между прочимъ, *Dr. Friedr. Mook.* Das Leben Jesu fur das Volk bearbeitet, Zürich, Verlags-Magazin. 1873.

[16]) Сравн. первые номера издаваемаго д—ромъ *E. Левенталемъ*, 1865, журнала: Der *Cogitant*, Flugblätter für Freunde naturalistischer Weltanschauung.—Издатель, д-ръ Левенталь, есть авторъ появившагося въ нѣсколькихъ изданіяхъ сочиненія: System und Geschichte des Naturalismus, Leipzig, 1862.

[17]) *Eduard Reich*, die Kirche der Menschheit, Neuwied, 1873.

дальше провелъ идею этого культа гуманности *Контъ* и, по его системѣ, религія заняла бы гораздо больше мѣста въ жизни каждаго въ частности и цѣлыхъ націй, чѣмъ прежде. Цѣлыхъ два часа въ день посвящены только *молитвъ*, состоящей въ изліяніи чувствъ, посредствомъ которыхъ мы возбуждаемъ въ себѣ идеи почтенія, любви и привязанности, воплощенныя въ образѣ матери, супруги и дочери. Общественный культъ требуетъ восьмидесяти четырехъ праздниковъ въ году и имѣетъ въ распоряженіи девять таинствъ. Но замѣчательнѣе всего, что, рядомъ съ сотнями странностей невиннѣйшаго свойства, является рѣшительное расположеніе къ іерархическому руководству народомъ [18]). И у Рейха встрѣчается іерархически расчлененное духовенство, и религія когитантовъ имѣетъ по крайней мѣрѣ своего „культ-магистра", который облеченъ извѣстнымъ должностнымъ авторитетомъ.

Здѣсь слѣдовательно принятъ тотъ факторъ „пережитой" христіанской религіи, который безъ сомнѣнія принадлежитъ къ самымъ сомнительнымъ и опаснымъ: *организованное духовенство и авторитетъ сана.* Слѣдуетъ серьозно спросить, не рѣшили-ли бы мы дѣло совершенно иначе, если бы намъ дано было на выборъ: или удержать извѣстныя несостоятельныя ученія и мистически темныя положенія вѣры и за то имѣть возможность свергнуть іерархію, или же, при полномъ просвѣщеніи относительно ученій, снова наложить на себя цѣпь іерархіи.

Развѣ психологическіе законы, которые дѣлаютъ *всякую* іерархію, *всякое* возвышенное надъ народомъ духовенство властолюбивымъ и возбуждаютъ въ немъ ревность къ сохраненію авторитета, не имѣютъ неизмѣннаго основанія въ человѣческой природѣ, независимо отъ содержанія вѣры? Дѣйствительно, мы находимъ это неизбѣжное дѣйствіе не только въ большихъ типическихъ формахъ тибетской, христіански-средневѣковой, древне-египетской іерархіи, но, какъ показываютъ новѣйшія этнографическія изслѣдованія, и у самыхъ незначительныхъ религіозныхъ группъ отдаленнѣйшихъ народовъ, у самыхъ несчастныхъ племенъ негровъ и на самыхъ маленькихъ островахъ океана.

Если полагать, что совершенное просвѣщеніе въ теоретической области представляетъ охрану противъ этого явленія, то все же прежде нужно показать, откуда должна проистекать та сила, которая дала бы противъ *невольно* вкрадывающагося властолюбія такой сильный противовѣсъ. Выводить ее изъ однихъ теоретическихъ занятій трудно, и что̀ бы ни говорили объ очищающей силѣ истины, еще нигдѣ не оказалось, чтобы она могла справиться съ этою задачей. Реформаторы полагали также, что овладѣли полною истиною и по-

[18]) Сравн. *Mill*, Auguste Comte and positivism. London. 1865, p. 140 и ff.

кончили со всякимъ заблужденіемъ, и однако же какое властолюбіе, какая нетерпимость и расположеніе къ преслѣдованію обнаружились въ лютеранскомъ духовенствѣ, пока оно не было обуздано и поставлено въ границы перевѣсомъ современнаго государства! Если думаютъ можетъ быть, что церковное ученіе абсолютнаго просвѣщенія не можетъ болѣе представить матеріала для большихъ и ожесточенныхъ споровъ и обвиненій въ ереси, то пусть взглянутъ на скудныя естественно научныя положенія, которыя *Ронге* считалъ столь важными и непоколебимыми, что помѣстилъ ихъ въ свою книгу религіи для обученія юношества [19]). Здѣсь находится очень много утвержденій, которыя прогрессивною наукой отчасти признаны уже невѣрными, отчасти сдѣланы очень сомнительными. Такія заблужденія проникаютъ конечно постоянно въ школы, или распространяются посредствомъ популярно-научной литературы и иногда сохраняются съ изумительною живучестью. Мысли о существованіи центральнаго солнца, о замкнутой системѣ млечнаго пути, которая повторяется въ туманныхъ пятнахъ, объ обитаніи большей части міровыхъ тѣлъ „разумными существами, подобными людямъ“, о кометахъ, какъ переходной формѣ при образованіи міровыхъ тѣлъ, и многія подобныя, держатся такимъ образомъ долгое время въ умахъ, не производя большой бѣды. Но если подобныя положенія получатъ освященіе религіи и если подобная религія будетъ охраняться и поддерживаться духовенствомъ, ревнивымъ къ ея авторитету, то они должны гораздо крѣпче засѣсть въ головы, и еще вопросъ, можетъ ли при этомъ вообще долго существовать свободное изслѣдованіе природы. Какая борьба могла-бы возникать вслѣдствіе появленія великихъ новыхъ принциповъ, какъ напр. дарвинизма! И теперь дарвинизмъ породилъ борьбу, но какъ невинно она совершается въ сравненіи съ какими нибудь религіозными спорами, и во сколько разъ еще невиннѣе она происходила бы, если бы и теперь отношенія къ религіи не вносили въ нее извѣстнаго ожесточенія.

Если *государство* наконецъ рѣшится, какъ того требуетъ его естественная задача, ввести естественно-научное обученіе въ общую народную школу, то этимъ достигнется великій и благотворный прогрессъ. Пропасть между образомъ мыслей народа и образованныхъ людей уменьшится, самостоятельность всякаго гражданина въ частности, способность противустоять лжи и суевѣрію всякаго рода увеличится, и отношеніе этого ученія къ религіи постепенно должно

---

[19]) *Johannes Ronge*, Religionsbuch für den Unterricht der Jugend, 1 Th. Die Gesetze der Natur sind Gesetze Gottes und in Harmonie mit den Gesetzen der Sittlichkeit, oder die naturliche und sittliche Weltordnung Gottes als freies Vorbild unsrer Lebensordnungen. Frankfurt a. M. 1863. (Съ *черной* оберткой. Почему?)

будетъ принять тотъ видъ, который оно имѣетъ теперь у образованныхъ людей, причемъ не возбуждается никакого столкновенія взглядовъ. Чѣмъ безпристрастнѣе и положительнѣе будетъ распространяемо подобное обученіе безъ всякой полемической побочной цѣли, тѣмъ благопріятнѣе долженъ происходить процессъ уравненія между старыми и новыми воззрѣніями. Но *церковь* или религіозное общеніе какого бы то ни было рода никакъ не можетъ обходиться съ этимъ предметомъ такъ спокойно и безпристрастно. Она придастъ научнымъ положеніямъ освященіе и вѣсъ, въ которыхъ они не нуждаются, и чѣмъ глубже будетъ напечатлѣвать частности, тѣмъ больше обезобразитъ духъ цѣлаго.

Для распространенія теоретическаго пониманія и просвѣщенія отнюдь не требуется сердечнаго восхищенія. Оно даже не благопріятно, ибо въ полномъ спокойствіи тихаго и правильнаго созерцанія скорѣе и легче всего можно достигнуть вѣрнаго познанія. Также мало нуждается истина въ большомъ интернаціональномъ союзѣ; она сама составляетъ такой союзъ и распространяется помимо всякихъ соціальныхъ и географическихъ границъ.

Иное дѣло съ *нравственностью*, съ очищеніемъ желаній и съ направленіемъ стремленій къ благу цѣлаго. Но и здѣсь простое *моральное* поученіе врядъ ли можетъ породить такое настроеніе души, для котораго нужны были бы звуки трубъ и гимны. Всякая религія, какъ и всякая поэзія, связываетъ себя съ человѣческими радостями и горестями, со страхами, желаніями и надеждами, и если часто упоминается въ ущербъ религіи, что она произошла отъ страха и желанія, то противъ этого можно сказать, что религія именно поэтому и есть самая настоящая область для того, *чтобы очистить и облагородить страхъ и желаніе*. Но достаточно ли для этого естественныхъ поводовъ человѣческой жизни, рожденія и смерти, свадебъ и несчастій,—весьма сомнительно. Если объектъ душевныхъ движеній долженъ быть перенесенъ изъ близости въ даль и этимъ направитъ стремленіе отъ конечнаго къ безконечному, то тутъ миѳъ вступаетъ въ свои права. Извѣстный предметъ, съ одной стороны чисто человѣческій, съ другой стороны трогающій сердца указаніемъ на божественное и вѣчное, образуетъ основу, съ которою неразрывно связывается этическая тенденція религіи. Трагика страдающаго сына Божія поэтому была можетъ быть, начиная отъ мистерій древнихъ грековъ и до самыхъ послѣднихъ вѣтвей христіанства въ протестантизмѣ, болѣе существенной составною частью настоящей религіозной жизни, чѣмъ всѣ другія преданія и ученія. Но такого предмета нельзя нарочно сдѣлать. Онъ долженъ возникнуть самъ. Если мы въ немъ болѣе не нуждаемся, то тогда является уже вопросъ, нуждаемся ли мы вообще въ религіи.

*

Извѣстный культъ гуманности уже теперь начался, но къ счастію онъ не содержитъ никакого зародыша церковности съ замкнутыми формами и отдѣльнымъ духовнымъ сословіемъ. Празднества въ память великихъ людей, въ память основанія важныхъ питомниковъ культуры, учрежденія благотворительныхъ заведеній и союзовъ; большіе національные и интернаціональные съѣзды для разработки наукъ и искусствъ или для проведенія важныхъ принциповъ суть гораздо болѣе здравыя начала вѣка гуманности, чѣмъ произвольно составленные календари святыхъ Конта и чѣмъ празднества „согласія", „великихъ людей" и т. д., которыя *Рейхъ* хочетъ поставить на мѣсто христіанскихъ празднествъ. Но если здѣсь и можно видѣть начинающійся культъ гуманности, то все же этотъ культъ не имѣетъ въ себѣ никакой существенной черты *религіи*. Мы уже упомянули объ отсутствіи замкнутаго сословія духовныхъ; но и съ внутренней стороны духъ этихъ новыхъ учрежденій для возвышенія сердца и для союза силъ въ борьбѣ за великія цѣли человѣчества совершенно различенъ отъ всего, что́ мы привыкли называть религіей. Въ великихъ людяхъ мы восхваляемъ не демоновъ, отъ могущества которыхъ мы чувствуемъ себя въ зависимости, но прекрасные цвѣты и плоды того ствола, къ которому и мы принадлежимъ. Даже несомнѣнно существующая зависимость нашего мышленія и ощущенія отъ формъ, которыя даны великими умами прошлаго, понимается не въ смыслѣ религіознаго подчиненія, но какъ радостное признаніе жизненныхъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ, и которые постоянно продолжаютъ бить и обѣщаютъ дарить все новую, все свѣжую жизнь [20]).

Повидимому, слѣдовательно, теоретическій матеріализмъ поступаетъ не только всего послѣдовательнѣе, но достигаетъ также относительно самыхъ благопріятныхъ результатовъ для духовной будущности человѣчества, когда совершенно отвергаетъ религію и когда заботу о нравственности и гуманности

[20]) *Stuart Mill* называетъ, въ своихъ только-что появившихся статьяхъ о религіи (Three essays on religion, London, 1874), ощущенія, которыя мы питаемъ ко благу всего человѣчества, и нравственное возвышеніе посредствомъ воспоминанія о великихъ людяхъ или умершихъ друзьяхъ дѣйствительною религіею. Въ то же время онъ считаетъ сущностью религіи сильное и серіозное направленіе нашихъ чувствъ на идеальный объектъ, который мы признаемъ въ высшей степени прекраснымъ и далеко возвышающимся надъ всѣми предметами эгоистическаго желанія. Измѣряемыя этимъ масштабомъ, всѣ драмы Шиллера и двѣ трети его лирики суть религіозная поэзія. Да и вообще, поэзія, понимая въ полномъ ея достоинствѣ, становится тождественною съ религіей, хотя она подходитъ только подъ нѣкоторое общее родовое понятіе. (Тамъ же, стр. 109).

предоставляетъ отчасти государству, отчасти частнымъ стремленіямъ. Большая часть функцій, которыя теперь падаютъ на долю церкви, переходятъ тогда на *школу*; но нужно будетъ остерегаться, какъ бы не сдѣлать изъ нея замкнутый, руководящій человѣчествомъ институтъ, который принялъ-бы на себя покинутое наслѣдство церкви. Это была бы новая іерархія. Только какъ органъ государства и какъ свободное предпріятіе самосознательныхъ соціальныхъ сферъ, школа можетъ получить развитіе, которое послужитъ для споспѣшествованія истинному образованію и настоящей нравственности, не ведя за собой опасностей іерархическаго авторитета и властолюбивой корпораціонной политики.

Но спрашивается теперь, не поведутъ ли крайніе выводы теоретическаго матеріализма еще далѣе и, отбросивъ всѣ этическія цѣли государства, не будутъ ли стремиться къ соціальному атомизму, въ которомъ всякій частный атомъ общества прямо слѣдовалъ бы своимъ интересамъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, не слѣдуетъ ни руководиться простою аналогіею атомизма съ крайнимъ индивидуализмомъ, ни съ другой стороны довольствоваться указаніемъ на протестъ нашихъ матеріалистовъ противъ этого вывода. Аналогія не повела бы насъ далеко, не говоря уже о ея принципіальной несостоятельности, ибо матеріализмъ вѣдь признаетъ же вещи, которыя образуются изъ атомовъ и въ которыхъ, въ силу ихъ формы, цѣлое имѣетъ вліяніе на движеніе частей; почему же онъ не будетъ признавать и соціальныя образованія, которыя, какъ цѣлое, опредѣляютъ путь частныхъ недѣлимыхъ? Но протестъ матеріалистовъ не можетъ рѣшить этотъ вопросъ уже потому, что онъ не личный, но принципіальный. Какъ могутъ существовать матеріалисты, которые примирились съ существующими религіями или желали бы основать новую религію, тогда какъ другіе хотятъ матеріализмомъ устранить основу всякаго рода религіи, такъ же точно могло бы быть, что всѣ наши матеріалисты настоящаго времени протестовали бы противъ этическаго матеріализма, тогда какъ послѣдующая школа приняла бы его, какъ необходимый и вѣрный выводъ. Этическій матеріализмъ исторически развился въ сферахъ промышленниковъ, теоретическій между естествоиспытателями. Первый почти всегда шелъ превосходно рядомъ съ церковной ортодоксіей, второй почти всегда ратовалъ за просвѣщеніе. И все же можетъ существовать болѣе глубокая связь, по которой оба явленія происходятъ изъ существенно одинаковыхъ источниковъ, какъ послѣдстіе того-же самаго состоянія культуры. Возникая сначала отдѣльно, они лишь постепенно проявляли-бы свою внутреннюю связь и наконецъ могли бы вполнѣ соединиться.

Вполнѣ справедливъ, конечно, протестъ матеріалистовъ противъ того пониманія, которое подъ матеріализмомъ понимаетъ только „погоню за чувствен-

ными наслажденіями". Необузданность чувственныхъ желаній есть прежде всего дѣло темперамента и образованія, и принципіально несоединима ни съ какою философскою точкою зрѣнія, фактически же соединима со всякою. Даже если отдѣльное чувственное наслажденіе, какъ у *Аристиппа* или у *Ламетри*, возводится на степень принципа, *самообладаніе* остается все-таки требованіемъ философіи, хотя бы даже только для постояннаго сохраненія способности наслаждаться; и наоборотъ, при чисто аскетическихъ принципахъ философіи, довольно часто у ея послѣдователей беретъ верхъ чувственное желаніе, или съ явнымъ нарушеніемъ собственныхъ принциповъ, или посредствомъ извилистыхъ путей самообмана.

Мы видѣли въ первой главѣ этого отдѣла, что страсть къ наслажденіямъ не можетъ быть даже разсматриваема какъ выдающаяся черта нашего времени; гораздо болѣе нужно считать такою чертою безусловную заботу о собственныхъ интересахъ, въ особенности въ области пріобрѣтенія денегъ. Принципъ исключительной заботы о собственныхъ интересахъ, въ которомъ мы полагали сущность этическаго матеріализма, конечно нерѣдко находится въ связи съ теоретическимъ матеріализмомъ; такъ напр. у *Бюхнера* въ первомъ изданіи Силы и Вещества; гораздо чаще конечно у тѣхъ матеріалистовъ, которые не пишутъ никакихъ книгъ [21]).

Но вопросъ о связи не рѣшается ни историческимъ разсматриваніемъ, ни собираніемъ голосовъ настоящаго времени, а лишь изслѣдованіемъ того, можетъ ли быть естественно основанъ этическій принципъ на взглядахъ теоретическаго матеріализма, и наоборотъ, соединимъ ли теоретическій матеріализмъ съ даннымъ этическимъ принципомъ. Мы уже нашли, что изъ строго матеріалистическаго міровоззрѣнія вовсе не выводится только принципъ *эгоизма*, но и великій противовѣсъ противъ него: *симпатія*. Оба принципа могутъ быть, безъ всякаго вліянія трансцендентныхъ идей или суевѣрныхъ предположеній, выводимы просто изъ чувственной природы человѣка, и кто ихъ исповѣдуетъ, можетъ быть притомъ въ полномъ смыслѣ слова матеріалистомъ. Но Кантовскій моральный принципъ нужно бы по крайней мѣрѣ низвести съ высоты его апріорическаго значенія и обосновать чисто психологически, чтобы онъ былъ соединимъ съ матеріализмомъ. И наоборотъ, никто не можетъ остановиться на теоретическомъ матеріализмѣ, если онъ убѣжденъ въ апріорности этого нравственнаго закона. Вопросъ объ источникѣ нравственнаго закона будетъ выводить его всегда за предѣлы опыта, и невозможно, чтобы онъ принималъ образъ міра, который основанъ только на опытѣ, за совершенно полный и за абсолютно вѣрный.

[21]) *Büchner*, Kraft и Stoff, Frankfurt, 1855, S. 256 u. f.

Но и симпатія для матеріалиста не то же самое, что для идеалиста. *Бюхнеръ* замѣтилъ однажды, что состраданіе есть въ сущности только „утонченный эгоизмъ", и это дѣйствительно можно допустить, по крайней мѣрѣ съ матеріалистической точки зрѣнія на дѣло [22]). Естественно симпатія начинается въ самыхъ тѣсныхъ сферахъ общаго интереса, напр. въ семействѣ, и она соединима съ самымъ жестокимъ эгоизмомъ противъ всего, что находится внѣ этой сферы. Идеалистъ напротивъ однимъ скачкомъ попадаетъ въ общее. Связь, соединяющая его съ другомъ, есть для него только ближайшій членъ въ безконечной цѣпи, охватывающей всѣ существа; „отъ монгола", какъ говоритъ Шиллеръ, „до греческаго ясновидящаго, который примыкаетъ къ послѣднему серафиму". Естественныя ощущенія, которыя возникаютъ въ тѣсныхъ сферахъ, сводятся тотчасъ къ общей причинѣ и связываются съ одною идеею, требующею для себя безусловнаго значенія. Образъ идеальнаго совершенства возникаетъ въ душѣ, и созерцаніе этого идеала становится путеводною звѣздою во всѣхъ дѣйствіяхъ. Теоретическій матеріализмъ не можетъ подняться до этой точки зрѣнія безъ непослѣдовательности, ибо для него это исхожденіе изъ цѣлаго и изъ общаго, существующаго ранѣе всякаго опыта, принципа есть заблужденіе. Матеріалистъ не можетъ слѣдовать изрѣченію Шиллера: „отваживайся заблуждаться и мечтать", потому что строгое согласіе его міроваго образа съ результатами ума и чувственности есть для него высшій законъ.

Слѣдовательно хотя матеріализмъ и очень можетъ выводить изъ своихъ принциповъ всѣ нужныя для сохраненія общества добродѣтели, однако же и здѣсь будетъ имѣть силу психологическій законъ, что въ примѣненіи нашихъ принциповъ всегда *первыя точки исхода* получаютъ извѣстный перевѣсъ, ибо онѣ чаще всего повторяются и глубже всего отпечатлѣваются въ душѣ. Распространеніе матеріалистическаго міровоззрѣнія по этой причинѣ необходимо со временемъ будетъ способствовать этическому матеріализму, такъ же какъ и на оборотъ, почитатели эгоизма, какъ моральнаго принципа, постепенно чувствуютъ себя привлекаемыми къ матеріализму,—хотя бы даже они первоначально въ теоретической области имѣли совершенно другія воззрѣнія.

И дѣйствительно, уже теперь нельзя не признать, что міровоззрѣніе тѣхъ сферъ, которыя прежде всего гонятся за наживой и которыя исповѣдуютъ практическій эгоизмъ, все болѣе и болѣе склоняется къ матеріализму; между тѣмъ какъ теоретическіе матеріалисты преимущественно нападаютъ на тѣ черты христіанства, которыя образуютъ такую рѣзкую оппозицію противъ духа современной жизни наживы. Между нападеніями, которыя въ новѣйшее время

[22]) *Büchner*, die Stellung des Menschen in der Natur, Leipzig 1870. Anm. 104. S. CXLIII u. f.

обращены были не только противъ миѳическихъ преданій христіанства, но и противъ его морали, играетъ не послѣднюю роль то, которое называетъ христіанство религіей зависти и ненависти бѣдныхъ къ имущимъ.

Всѣ эти взаимныя отношенія и связи будутъ для насъ еще яснѣе, когда мы разсмотримъ міровоззрѣніе двухъ людей, которые отличались, какъ послѣдовательностью и ясностью мышленія, такъ и философскимъ образованіемъ, и которые лишь въ зрѣлыхъ годахъ обратились съ рѣшительностью къ матеріалистическому міровоззрѣнію. Въ этомъ найдутъ можетъ быть въ то же время хорошее дополненіе нашей исторіи матеріализма, такъ какъ по крайней мѣрѣ одна изъ двухъ системъ, о которыхъ мы будемъ говорить, въ послѣднее время возбудила большое вниманіе, тогда какъ другая лишь здѣсь будетъ выведена на свѣтъ изъ частной переписки: мы говоримъ о системахъ *Фридриха Ибервега* и *Давида Фридриха Штраусса*.

Матеріализмъ у Ибервега, также какъ и у Штраусса, есть лишь послѣдній результатъ долгаго развитія. Это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ матеріализмъ естественно представляетъ первую и самую грубую форму философіи, отъ которой легко можно перейти къ сенсуализму и къ идеализму, тогда какъ никакая другая послѣдовательная въ себѣ точка зрѣнія не можетъ быть сведена на матеріализмъ простымъ расширеніемъ круга опыта или логическою обработкою. Дѣйствительно таковъ и не былъ ходъ развитія, хотя мы видимъ, что на того и на другаго изъ этихъ писателей *дарвинизмъ* произвелъ значительное, а можетъ быть и рѣшительное вліяніе. Скорѣе Ибервегъ, такъ же какъ и Штрауссъ, при началѣ своего философствованія, находились въ силу традиціи и хода занятій, на зыбкой почвѣ; они вдумались въ міровоззрѣніе, которое и не было объективно состоятельно, и не соотвѣтствовало субъективнымъ задаткамъ и наклонностямъ. Ихъ переходъ отъ одной ступени къ другой былъ поэтому въ сущности процессомъ разложенія, который кончился успокоеніемъ на мнимо твердой почвѣ матеріализма.

Ибервегъ съ самаго начала былъ какъ бы обреченъ на матеріализмъ вслѣдствіе рѣшительнаго *нерасположенія къ Канту* [23]), которое руководило его

[23]) Сравн. мой некрологъ: *Friedrich Ueberweg*. Von F. A. Lange. Berlin 1871. (Изъ Altpreuss. Monatsschrift, hg. von Reicke und Wichert, Bd. VIII, Heft 5—6, S. 487—522, особо отпечатанный). Упомянутое тутъ письмо Ибервега «къ профессору Дильтею» (стр. 37), спеціально касающееся отношенія Ибервега къ Канту, въ дѣйствительности писано не къ Дильтею, а къ д-ру Герману Когену, автору «Теоріи опыта Канта». Это письмо было послано Когеномъ профессору Дильтею, Дильтеемъ къ издателю Ибервега, д-ру Техе, а этимъ, безъ конверта и ближайшаго обозначенія, вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ было прислано мнѣ.

съ самаго начала при развитіи его собственныхъ взглядовъ. Какъ ученикъ *Бенеке*, примкнувшаго къ англійской философіи и сдѣлавшаго психологію основной наукой, Ибервегъ уже студентомъ сталъ относительно своего учителя на натуралистическую сторону этой психологіи. Но одновременно онъ находился подъ могущественнымъ вліяніемъ аристотелика *Тренделенбурга*, и такимъ образомъ, въ сущности, элементы аристотелевской философіи удаляли его отъ матеріализма, а постепенная побѣда надъ ними обусловила переворотъ въ его образѣ мышленія. Мы можемъ различить три ступени въ этомъ движеніи: первая, на которой *телеологическій принципъ* для него имѣетъ еще свою полную силу, вторая, на которой этотъ принципъ находится въ борьбѣ съ его натурализмомъ, и наконецъ третья, на которой онъ былъ совершенно побѣжденъ.

Какъ далекъ еще Ибервегъ на первой ступени отъ матеріализма, можетъ показать слѣдующій краткій очеркъ, который д-ръ *Лассонъ*, близкій другъ и прилежный корреспондентъ нашего философа [24]), даетъ о *метафизикѣ*, какъ представлялъ себѣ ее Ибервегъ въ то время, когда писалъ свою логику (1855): Она должна была содержать раціональную онтологію, теологію и космологію. Введеніе должно было представлять феноменологію съ ссылками на логику. *Онтологія* разсматриваетъ эмпирически данныя формы, начиная съ самой отвлеченной и изслѣдуетъ ихъ реальность и значеніе. Она распадается на ученіе о бытіи вообще (времени, пространствѣ, силѣ и субстанціи, чтò аналогично воспріятію), о бытіи для себя (недѣлимомъ, видѣ, сущности и явленіи, чтò аналогично созерцанію и понятію) и о совокупномъ бытіи (реляціи, причинности, цѣли, чтò аналогично сужденію, умозаключенію и системѣ). Затѣмъ *теологія* (общая раціональная теологія) разсматриваетъ, на основаніи этихъ онтологическихъ изслѣдованій, доказательства существованія Божія и вмѣстѣ сущность Бога. *Космологія* старается понять изъ существа Бога и изъ цѣли творенія міръ и его формы. Міръ разсматривается какъ откровеніе Бога, какъ временное и пространственное представленіе вѣчнаго и нераздѣльнаго совершенства божія [25]).

По этимъ, почти напоминающимъ Гегеля, конструкціямъ, можно конечно

[24]) При этомъ случаѣ сдѣлаю еще маленькую корректуру къ моему сочиненію «Ф. Ибервегъ»: На 16 стр. долженъ былъ быть названъ вмѣсто «Гербартіанца Лазаруса» скорѣе *д-ръ Лассонъ*; Ибервегъ часто называлъ его въ своихъ письмахъ «Lazarus», такъ какъ д-ръ Лассонъ до своего перехода въ христіанство назывался Лазарусомъ.

[25]) *Lasson*, zum Andenken an Friedr. Ueberweg, отдѣльный оттискъ изъ Bergmann's Philos. Monatsheften, Bd. VII, Hft. 7. Berlin 1871; сравн. тамъ же стр. 20.

составить лишь очень несовершенное понятіе о тогдашнихъ взглядахъ Ибервега. Матеріалистическое направленіе его философіи, которое совершенно скрывается въ этомъ обзорѣ метафизики, уже тогда было одновременно весьма развито въ его планѣ *психологіи*, за которую онъ взялся бы всего охотнѣе тотчасъ послѣ логики. Я познакомился съ Ибервегомъ осенью 1855 г. и въ моихъ почти ежедневныхъ разговорахъ съ нимъ слышалъ очень много объ этой психологіи, но ничего не слышалъ о метафизикѣ. Я не могу сказать, колебался ли онъ уже тогда сколько нибудь въ своихъ метафизически-теологическихъ воззрѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ это колебаніе произошло въ слѣдующемъ году, тогда какъ онъ напротивъ неизмѣнно выдерживалъ свои психологическія основныя воззрѣнія.

Эта психологія весьма парадоксальна, но она основывается на очень содержательномъ рядѣ выводовъ, который мы здѣсь приведемъ въ возможной краткости.

Вещи являющагося намъ міра суть наши представленія. Онѣ протяженны; слѣдовательно *представленія протяженны*. Представленія находятся въ душѣ, слѣдовательно и душа протяженна; и далѣе, протяженная душа также и *матеріальна*, по понятію матеріи, какъ протяженной субстанціи. Мы не можемъ имѣть представленій внѣ души; слѣдовательно наша душа простирается такъ далеко и еще далѣе, чѣмъ совокупность всѣхъ вещей, которыя мы воспринимаемъ, включая солнце, луну и звѣзды. Далѣе, весьма вѣроятно по вѣскимъ аналогическимъ умозаключеніямъ, что эти міры родятся въ душѣ не безъ внѣшнихъ причинъ и что подающія поводъ причины (Ибервега „вещи сами по себѣ") хотя не равны явленіямъ, но все же весьма похожи на нихъ. Сравненіе съ „camera obscura" ведетъ затѣмъ къ описанному уже выше предположенію сравнительно гигантскаго и можетъ быть превратнаго оригинальнаго міра, который отражается въ согласныхъ между собою міровыхъ образахъ недѣлимыхъ. Если душа „какъ вещь сама въ себѣ" матеріальна, то слѣдуетъ предположить, что вообще вещи сами въ себѣ матеріальны. Мы, слѣдовательно, имѣемъ также матеріальное тѣло съ матеріальнымъ мозгомъ, и въ какой либо маленькой части этого мозга находится пространство, въ которомъ образуются наши представленія и которое, слѣдовательно, какъ простая, безструктурная субстанція, заключаетъ въ себѣ міръ нашихъ являющихся вещей [26]).

Мы уже упоминали, что по мнѣнію Ибервега можно строго математически доказать, что міръ вещей самихъ въ себѣ пространственъ и, подобно нашему міру явленій, долженъ имѣть три измѣненія. Остается еще изложить его взгляды на матерію и на ея отношеніе къ сознанію.

---

[26]) См. выше стр. 367 и слѣд., сравн. далѣе мое сочиненіе Friedrich Ueberweg, S. 12 u. ff.

Ибервегъ отвергалъ атомы, а принималъ непрерывное наполненіе пространства матеріею и этой матеріи приписывалъ во всѣхъ ея частяхъ способность быть во первыхъ движимою механическими силами, а кромѣ того пріобрѣтать „внутреннія состоянія", которыя вызываются механическими движеніями, но могутъ и обратно дѣйствовать на нихъ. Внутреннія состоянія нашей мозговой матеріи суть наши представленія; внутреннія же состоянія низшихъ организмовъ и неорганической матеріи онъ себѣ представлялъ въ подобномъ же отношеніи къ нашему сознанію, какъ напр. Лейбницъ „представленіе" низшихъ монадъ къ „представленію" высшихъ; только для него, подобное сновидѣнію, или еще менѣе ясное, представленіе неорганической матеріи не есть, какъ у Лейбница, несовершенное представленіе вселенной, а есть нѣчто простое и элементарное: простое ощущеніе или слабая аналогія ощущенія, изъ которой при болѣе совершенной организаціи матеріи возникаютъ и болѣе совершенныя психическія образованія.

Тутъ можно строго обозначить тотъ пунктъ, въ которомъ тогдашніе взгляды Ибервега расходятся съ матеріализмомъ. Если „внутреннія состоянія" матеріи считать абсолютно зависимыми отъ внѣшняго движенія, послѣднее же напротивъ независимымъ отъ внутреннихъ состояній, то мы имѣемъ рѣшительный матеріализмъ, который по крайней мѣрѣ стоитъ наравнѣ съ атомистическою теоріею и даже превосходитъ ее. Не нужно при этомъ отказываться отъ всякаго обратнаго дѣйствія внутреннихъ состояній на движеніе матеріи; обратное дѣйствіе должно происходить по механическимъ эквивалентамъ предъидущихъ дѣйствій; другими словами: законъ сохраненія силы долженъ быть проведенъ черезъ организмы, какъ и черезъ неорганическій міръ; движеніе всѣхъ тѣлъ при вмѣшательствѣ внутреннихъ состояній должно происходить точно такъ, какъ если бы и не было внутреннихъ состояній. Но навѣрное не таково было тогда мнѣніе Ибервега. Онъ принималъ, что *законъ сохраненія силы нарушается психическими процессами* [27]).

---

[27]) Еще въ письмѣ отъ 9 января 1863 г. Ибервегъ пытается доказать, что простой механизмъ существуетъ только тамъ, гдѣ внутреннія состоянія матеріи остаются неизмѣнными и не производятъ никакого вліянія на направленіе движенія. Но это кажется ему весьма невѣроятнымъ для психическихъ процессовъ. Онъ не хочетъ однако оспоривать «научнаго права существованія» гипотезы, которая пытается объяснить *всѣ* движенія только по закону сохраненія силы, слѣдовательно чисто механически. Будетъ даже своевременно, если эта гипотеза будетъ сдѣлана, и тотъ, кто ее разовьетъ по возможности хорошо, пріобрѣтетъ себѣ прочное мѣсто въ исторіи психологіи. *Профессоръ Дильтей* въ своемъ сочиненіи Zum Andenken an Friedr. Uberweg (въ 28 B-de der Preuss. Jahrbücher) несправедливо принимаетъ за взглядъ Ибервега

Къ такому предположенію его принудило всего болѣе то, что онъ держался аристотелевской телеологіи. Какъ только Ибервегъ отъ нея отказался, его система неизбѣжно должна была перейти въ матеріализмъ. А именно, пока въ организмахъ изъ ихъ идеи возникаютъ силы, опредѣляющія форму, эта форма не можетъ быть исключительно дѣломъ физическихъ и химическихъ силъ. Въ человѣческомъ мышленіи послѣдовательность понятій совершенно отрѣшается отъ физіологической основы. Хотя мысли въ извѣстномъ смыслѣ суть свойства мозговой матеріи, но они слѣдуютъ чисто логическимъ законамъ и могутъ дать конечный результатъ, который рѣшительно необъяснимъ изъ механическихъ условій вещественнаго движенія. И это предположеніе настолько телеологично, что у Аристотеля цѣль есть одновременно руководящая мысль, къ которой должны служебно примыкать прочіе логическіе моменты. Если человѣкъ долженъ исполнить свое предназначеніе, то мысль его разумной жизненной цѣли должна пріобрѣсти господство совершенно независимо отъ матеріи.

На телеологію опиралось также его предположеніе о *Богѣ*, сознательно *управляющемъ міромъ*; но именно здѣсь онъ сталъ колебаться прежде всего. Въ появившемся анонимно „посланіи Филалета", онъ старается прежде всего отстоять простую *возможность* существованія Бога противъ аргументовъ взятыхъ отъ формы міроваго цѣлаго; и только потомъ старается доказать *дѣйствительность* этого существованія изъ телеологіи. Указанное возраженіе для многихъ другихъ имѣло бы можетъ быть мало вѣса; но для Ибервега оно было почти подавляющимъ. Аналогія съ внутренними состояніями животнаго міра, и въ особенности человѣческаго, должна была необходимо привести его къ тому, чтобы принять и для божественнаго мышленія аналогическую концентрацію распространенныхъ въ міровомъ цѣломъ элементовъ сознанія, и для этого ему нужны были, въ сущности, совершенно какъ этого требовалъ Дю Буа-Реймонъ, міровой мозгъ и міровая нервная система. Слабыя стороны телеологическаго принципа были ему также знакомы, хотя онъ его тогда еще стойко защищалъ. Такъ онъ мнѣ писалъ въ одномъ письмѣ отъ 18 ноября 1860 г. слѣдующее: „Я очень хорошо знаю, что обыкновенно противупоставляется только лишь субъективное значеніе понятія цѣли; но и оно остается еще вопросомъ. Кто въ этомъ пунктѣ находится на сторонѣ Спинозы, тотъ долженъ показать: какъ явленія органической жизни, съ которыми

слѣдующееположеніе: «И при томъ, въ каждомъ пунктѣ тутъ тотъ же реальный процессъ, который является вдвойнѣ: какъ психическій, и какъ процессъ движенія». Ибервегъ часто отличаетъ этотъ взглядъ, какъ спинозистическій, отъ своего, по которому внутреннія состоянія хотя возбуждаются внѣшнимъ движеніемъ и имѣютъ вліяніе на его направленіе, но не тождественны съ нимъ.

мы удобнѣе всего справляемся посредствомъ этого понятія, могли бы быть мыслимы какъ нибудь безъ него. „Причинность" обыкновенно вѣдь берется объективно; но тутъ намъ конечно не хватитъ одного передвиженія атомовъ, а „имманентная цѣлесообразность", „творческое понятіе" Гегеля, занимаетъ неясную середину между атомистикой и теологіей и указываетъ дальше самого себя. Теорія Канта вообще связана съ кантіанизмомъ, который однако какъ цѣлое, какъ онъ изложенъ въ трехъ критикахъ, несостоятеленъ и у Фихте становится еще болѣе нелѣпымъ. Я почти въ тѣхъ же тискахъ, въ которыхъ находился Гербартъ: съ одной стороны предположеніе необходимо, съ другой стороны или неисполнимо (по Гербартовской метафизикѣ), или же трудно исполнимо (по точкѣ зрѣнія Фехнера и моей). Помогите мнѣ выйти изъ тисковъ, и я вамъ буду благодаренъ, но для этого не достаточно, что вы мнѣ докажете невѣроятность того, что́ я и самъ по себѣ признаю мало вѣроятнымъ, а нужно, чтобы вы мнѣ открыли другую перспективу, которая мнѣ представлялась бы хоть сколько нибудь возможной. Я никакой не знаю".

По отношенію къ существованію Бога онъ пишетъ далѣе въ томъ же письмѣ: „Не полагайте, впрочемъ, что мое единственное намѣреніе, или же мое главное намѣреніе—спасти во чтобы то ни стало личнаго Бога. Что касается до культа, то между разумными нѣтъ сомнѣнія, что онъ содержитъ много антропоморфистическаго, слѣдовательно имѣющаго только поэтическое значеніе. Но если антропоморфизмъ долженъ имѣть религіозныя права, то должно имѣть дѣйствительность нѣчто, представляемое антропоморфически, и остается вопросомъ, очень важнымъ для философовъ и для всѣхъ основанныхъ на философіи религіозныхъ общинъ, *что* же именно такъ украшается поэтическимъ представленіемъ. Единство міроваго цѣлаго?—Но въ какой формѣ оно имѣетъ объективное существованіе?—Или человѣческій умъ?—Но какое отношеніе имѣетъ общій духъ къ индивидуальному? и т. д. и т. д.—Далѣе онъ замѣчаетъ, что для него самого (въ посланіи Филалета) главное дѣло въ самомъ изслѣдованіи, а не въ результатѣ. Онъ одновременно и тѣмъ, которые хотятъ быть либеральными, но ненавидятъ „атеистовъ", хотѣлъ показать, что конечно неотразимыя соображенія приводятъ къ предположенію Бога, но что противъ него выдвигаются и громадныя затрудненія, и поэтому должно быть оставлено мѣсто для свободнаго спора.

Эту вторую ступень развитія Ибервега, ступень колебанія между матеріализмомъ и телеологіей, я положилъ въ основаніе моего изложенія его философіи, въ появившемся въ Берлинѣ 1871 г. сочиненіи. Я не считалъ себя вправѣ, по отдѣльнымъ, даже въ моей собственной корреспонденціи встрѣчающимся, слѣдамъ рѣшенія въ пользу матеріализма, объявить его послѣднимъ ре-

зультатомъ философіи Ибервега; въ особенности потому, что изображенный мною Ибервегъ во всякомъ случаѣ былъ какъ бы оффиціальное лицо, авторъ уважаемыхъ и очень распространенныхъ превосходныхъ учебныхъ книгъ, всесторонне возбуждающій, рѣзко критикующій и однако во всѣхъ отношеніяхъ терпимый мыслитель. Вскорѣ послѣ появленія моей маленькой біографіи я получилъ нѣсколько писемъ отъ д-ра *Чольбе*, извѣстнаго матеріалиста, который въ Кенигсбергѣ былъ самымъ близкимъ другомъ Ибервега и до конца его жизни ежедневно съ нимъ видѣлся и философствовалъ. Чольбе говоритъ въ этихъ письмахъ, что Ибервегъ уже ни въ чемъ не подчинялся аристотелевской телеологіи; онъ не признаетъ, чтобы Гартмановская философія безсознательнаго симпатически его затронула и утверждаетъ, что Ибервегъ былъ рѣшительнымъ *дарвинистомъ*. Потомъ, въ письмѣ отъ 17 августа 1871 г., буквально сказано: „Онъ былъ во всѣхъ направленіяхъ рѣшительнымъ атеистомъ и матеріалистомъ, хотя, какъ оффиціальный профессоръ, онъ (преимущественно) считалъ своею задачею сообщать студентамъ только познанія въ исторіи философіи и ловкость въ логикѣ. Онъ въ сущности принадлежитъ къ вашей исторіи матеріализма и есть для меня яркій примѣръ того, какъ нелѣпо мнѣніе извѣстныхъ теологовъ и философовъ, что невѣжество, глупость и пошлость суть фундаментъ матеріализма. По убѣжденіямъ Ибервега вы вполнѣ можете причислить его къ матеріалистамъ“ [28]).

Доказательствомъ этого служатъ четыре письма Ибервега къ Чольбе [29]), который въ то время находился въ Лейпцигѣ: отъ 4 января, 17 и 22 февраля и отъ 16-го марта 1869 г.—Въ письмѣ отъ 4-го января Ибервегъ пишетъ, между прочимъ: „То, что происходитъ въ нашемъ мозгу, было бы невозможно, по моему мнѣнію, если бы тотъ же процессъ, который здѣсь выступаетъ только всего сильнѣе или въ наибольшей концентраціи, не происходилъ въ подобномъ видѣ, хотя и въ меньшей степени, повсюду. Пара мышей и бочка съ мукой—вы знаете, что я вамъ часто указывалъ на это. При достаточной пищѣ размножаются животныя, и вмѣстѣ съ этимъ ощущенія и чувства; немногія ощущенія, къ которымъ была способна первая пара, не могли только распространиться, ибо тогда потомки должны бы были ощущать слабѣе; слѣдовательно въ мукѣ должны существовать ощущенія и чувства, хотя лишь слабо и блѣдно, не такъ концентрированно, какъ въ мозгу; мозгъ дѣйствуетъ, какъ дистилляціонный аппаратъ. Но если ощущенія и чувства въ животномъ мозгу возбуждаются вибраціями, то нельзя понять, какъ онъ получилъ бы это качество, если бы оно не было ему присуще съ самаго начала, т. е. въ какой-либо незначительной степени не существовало уже въ мукѣ (т. е. когда онъ еще существовалъ какъ мука, иначе говоря—въ мукѣ)“.—Далѣе сказано въ томъ же письмѣ: „Въ извѣстномъ смыслѣ вы говорите справедливо, что я совершенно отказываюсь отъ матеріи. Мой взглядъ точно также съ одной стороны „грубо матеріалистиченъ“, какъ съ другой стороны исключительно спиритуалистиченъ. Все, что мы называемъ матеріей, состоитъ изъ ощущеній и чувствъ (не только, какъ этого хотятъ беркелейянцы, изъ нашихъ) и есть въ этомъ смыслѣ нѣчто психическое, но это психическое протяженно и слѣдовательно „матеріально“, ибо матерія по своему опредѣленію есть „протяженная субстанція“.

Остальныя три письма содержатъ *космологію* Ибервега, которая отличается отъ взглядовъ Канта и Лапласа прибавкою одной своеобразной черты. А именно: Ибервегъ старается (примыкая къ одному изрѣченію Канта) доказать, что каждые два сосѣднія небесныя тѣла, или цѣлыя солнечныя системы, и даже большія космическія единицы, со временемъ необходимо должны упасть одна на другую. Послѣдствіе каждый разъ будетъ одно и то же: согрѣваніе и разсѣяніе матеріи въ пространствѣ, послѣ чего игра силъ начинаетъ новое мірообразованіе. Жизнь исчезаетъ при постепенномъ охлажденіи небесныхъ тѣлъ, но столкновеніе ихъ ранѣе или позднѣе возстановляетъ теплоту, и нѣтъ основанія, почему бы жизнь вновь, хотя мы и не знаемъ какъ, не произошла изъ тѣхъ же самыхъ основаній, изъ которыхъ она возникла у насъ. Канто-Лапласовское начальное состояніе слѣдовательно есть только относительно начальное состояніе. Оно предполагаетъ столкновеніе прежнихъ міровъ и будетъ безконечно часто повторяться, такъ какъ мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ безконечности матеріи и пространства.

Къ этой, настолько же остроумной, какъ и основательной теоріи присоединилъ потомъ Ибервегъ еще особый взглядъ, которому онъ придавалъ большой вѣсъ и который предполагаетъ признаніе дарвинизма. А именно, вслѣдствіе послѣдовательнаго столкновенія міровъ, думалъ Ибервегъ, должны образоваться все большія и большія небесныя тѣла, и когда на нихъ разовьется *жизнь*, то и *борьба* за *существованіе* должна принять все большіе и большіе размѣры и черезъ это должны происходить все болѣе и болѣе совершенныя формы.

[28]) Само собой разумѣется, что я понимаю въ этомъ отношеніи характеръ Ибербега совершенно такъ же, какъ Чольбе. Я убѣжденъ, что Ибервегъ, если бы только онъ предвидѣлъ свою смерть (онъ, по Чольбе, до послѣдней минуты надѣялся на выздоровленіе), самъ не имѣлъ бы покоя, пока его существенные взгляды въ ихъ полной связи не были бы изложены для печати.

[29]) Эти письма мнѣ были переданы Чольбе вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, для употребленія по полному моему усмотрѣнію, и поэтому и послѣ смерти Чольбе остались между моими бумагами.

Если сопоставить эти новыя черты съ вышеизложенными основными положеніями міровоззрѣнія Ибервега, то получается конечно послѣдовательная и замкнутая въ себѣ матеріалистическая система. Можно ли ее назвать въ то же время въ другомъ смыслѣ „спиритуалистической", остается подъ сомнѣніемъ; ибо истинный спиритуализмъ всегда исключаетъ строго механическую причинную связь вселенной. Да и Ибервегъ очень рѣдко оттѣняетъ эту сторону своего міровоззрѣнія, тогда какъ напротивъ въ своихъ письмахъ часто и съ удовольствіемъ называетъ себя матеріалистомъ. Мысль, что на основаніи его теоріи можно построить истинно послѣдовательный матеріализмъ, нравилась ему уже въ то время, когда онъ еще не вполнѣ рѣшился на эту перемѣну мнѣнія. Такъ въ одномъ письмѣ, обращенномъ ко мнѣ изъ Кенигсберга отъ 14 декабря 1862 г. онъ упоминаетъ о слѣдующей эпиграммѣ противъ Чольбе изъ „Вальгаллы нѣмецкихъ матеріалистовъ" (Мюнстеръ, 1861):

„Твой разумъ еще не вполнѣ достигъ цѣли, такъ какъ безконечный міръ еще не наполнилъ тебѣ черепа".

Онъ къ этому прибавляетъ слѣдующее примѣчаніе: „Если бы поэтъ зналъ мое разсужденіе „Къ теоріи направленія зрѣнія", то онъ можетъ быть имѣлъ бы поводъ къ такому двустишію противъ меня, такъ какъ я дѣйствительно вывожу именно такое слѣдствіе. Я хотѣлъ бы знать, удержалъ ли бы онъ и тогда заглавіе: „Матеріализмъ *не выполнимъ*"; я бы согласился съ нимъ, если бы онъ написалъ: (у Чольбе и другихъ) „не выполненъ".

Что мы должны приписать Ибервегу концепцію широкой и оригинальной матеріалистической системы, послѣ этого не подлежитъ сомнѣнію. Но все же можно сомнѣваться, правъ ли Чольбе, называя Ибервега просто на просто „атеистомъ и матеріалистомъ". А именно, спрашивается прежде всего, не возвысился ли бы и Иберверг при болѣе долгой жизни также и надъ этою точкою зрѣнія и не далъ ли бы онъ своей окончательной системѣ опять новаго поворота. По моему мнѣнію, онъ никакъ не закончилъ вполнѣ своего развитія, и даже въ своихъ послѣднихъ письмахъ онъ высказываетъ нѣкоторое расположеніе, при большемъ времени и спокойствіи, еще разъ пересмотрѣть цѣлыя важныя составныя части своего міровоззрѣнія. Но что касается до „атеизма", то здѣсь Чольбе, не смотря на свою интимную дружбу къ Ибервегу, врядъ ли компетентный судья. Такъ какъ самъ Чольбе при своемъ матеріализмѣ увлекался въ то же время пиэтизмомъ, то на этой почвѣ между нимъ и Ибервегомъ было мало точекъ соприкосновенія; да и въ письмахъ Ибервега къ Чольбе нѣтъ никакихъ слѣдовъ обсужденія религіознаго вопроса. Матеріализмъ Ибервега еще не вполнѣ исключаетъ предположеніе міровой души, а Ибервергъ, чтобы достичь до культа нѣкотораго Бога, ничего вѣдь и не требуетъ, кромѣ

существованія нѣкотораго существа годнаго къ тому, чтобы въ антропоморфическомъ пониманіи преобразоваться въ Бога.

Если мы поставимъ себѣ вообще вопросъ объ *этическихъ слѣдствіяхъ* міровоззрѣнія Ибервега, то прежде всего нужно указать на то, что онъ въ своихъ *политическихъ взглядахъ* былъ существенно консервативнымъ. Конечно онъ не сочувствовалъ ядовитому реставраціонному повѣтрію, которое въ Германіи такъ долго выдавало себя за „консервативное"; онъ примыкалъ къ общему теченію умѣреннаго либерализма, но при этомъ съ рѣшительною личною любовью къ монархическимъ государственнымъ учрежденіямъ и къ возможно правильному разрѣшенію всякой задачи на почвѣ юридическихъ отношеній уже существовавшихъ. Этотъ принципъ повелъ его даже къ защитѣ легитимизма, который ему какъ бы замѣнялъ логику въ политикѣ. Права идеи противъ устарѣлой традиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ права революціи онъ, какъ философъ, не хотѣлъ отвергать, но онъ желалъ видѣть его ограниченнымъ самыми рѣдкими и недвусмысленными случаями внутренней необходимости. Перемѣны, которыя принесъ съ собою 1866 годъ, не внушали ему опасеній, такъ какъ онъ вообще былъ чрезвычайно доволенъ ходомъ вещей въ Германіи съ 1858 года.

Въ *соціальномъ* вопросѣ онъ, по недостатку собственныхъ изученій, заявлялъ инстинктивную симпатію къ Шульце Деличу. Мои, составленныя въ совершенно другомъ смыслѣ, разсужденія, читалъ онъ со вниманіемъ, соглашаясь, въ особенности въ чисто теоретическихъ изслѣдованіяхъ, съ многими мыслями, но возвращался, во всѣхъ практическихъ слѣдствіяхъ, по возможности къ защитѣ существующихъ отношеній [30]).

Тѣмъ радикальнѣе былъ Ибервегъ относительно *религіознаго* преданія. Уже въ началѣ втораго періода его философскаго развитія, онъ носился съ мыслью, не есть ли его обязанность—перейти къ свободнымъ общинамъ, и его удерживала отъ этого только та мысль, что онъ не способенъ ни къ какому другому призванію, кромѣ профессуры, и что въ этой исключительности его природныхъ силъ для него заключается извѣстное право сохранять свое положеніе, насколько онъ можетъ это дѣлать безъ явной недобросовѣстности [31]). Противъ положительнаго христіанства онъ тѣмъ рѣзче высказывался въ своихъ письмахъ, чѣмъ болѣе находился подъ давленіемъ сознанія, что, хотя

[30]) Ибервегъ изложилъ свои впечатлѣнія отъ чтенія моего «Рабочаго вопроса» (конечно, перваго, еще весьма несовершеннаго изданія) въ письмѣ отъ 12 февраля 1865 г.

[31]) Письма Ибервега ко мнѣ отъ 18 ноября 1860 г. и отъ 28 декабря 1861 г.

онъ въ лекціяхъ и книгахъ и не говоритъ никакой неправды, но и не можетъ сказать полной правды. Въ одномъ особенно горячемъ письмѣ ко мнѣ, 29 декабря 1862 г., онъ говоритъ между прочимъ, что для признанія реформаціи нужна была кровавая борьба, продолжавшаяся 30 лѣтъ и болѣе; онъ не думаетъ, чтобы общины, для которыхъ матеріализмъ есть теоретическое условіе, нашли себѣ обезпеченное признаніе прежде, „чѣмъ явятся *фанатики* матеріализма, которые, подобно древнимъ пуританамъ, были-бы готовы жертвовать жизнью и съ наслажденіемъ *разстрѣливать картечью* католическихъ и протестантскихъ христіанъ вмѣстѣ со старыми раціоналистами, въ продолженіи тридцати лѣтъ, если это потребуется. Лишь *послѣ* того, какъ побѣда, правая побѣда будетъ одержана, наступитъ отрадная и прекрасная задача вновь доставить господство принципамъ кротости и гуманности. Чисто религіозною война не будетъ такъ же, какъ не были такими войны Константина и тридцатилѣтняя война; но я убѣжденъ, что въ недальнемъ будущемъ религіозный элементъ, противуположность міровоззрѣній, очень тѣсно сольется съ политическими противуположностями и войнами“ [32]).

Три года спустя, въ то время, когда уже установилось у Ибервега міровоззрѣніе третьяго періода, онъ писалъ (въ письмѣ ко мнѣ отъ 31 декабря 1865 г.) о религіозномъ вопросѣ (который ему ближе къ сердцу чѣмъ соціальный) слѣдующее: „Религію, въ *догматикѣ* которой нѣтъ ничего научно ложнаго, я считаю конечно во-первыхъ возможною, во вторыхъ потребностью. Но, любезный другъ, не считайте ради Бога этого положенія равнымъ тому, что религія должна разрѣшиться въ науку. Наука и творчество должны являться въ чистой религіи вмѣстѣ строго раздѣльными и однако тѣсно связанными. Это раздѣленіе и это совокупное дѣйствіе должны занять мѣсто первоначальнаго единства, которое дѣлается невыносимымъ и ведетъ къ ужасной дилеммѣ тупости или рабскаго лицемѣрія, по мѣрѣ того, какъ научное сознаніе эпохи возвышается надъ нимъ“... „Я не думаю, чтобы религіи свойственно было пребываніе въ состояніи дѣтства. Никакой другой „*догматики*“, никакого другаго „катехизиса“, кромѣ ученія о природѣ и исторіи въ широкомъ изложеніи, обращающемъ взглядъ на *цѣлое*, на *міровой порядокъ*, и завершающемъ этимъ школьное обученіе! Но для каѳедры это ученіе такъ же негодится, какъ для христіанскихъ каѳедръ церковная догматика *какъ таковая*; доктрина

[32]) Отъ того психологическаго объясненія этого горячаго письма, которое я изложилъ на стран. 22 сочиненія «Фридрихъ Ибервегъ», я и теперь не могу еще отказаться: но съ другой стороны я не могу теперь придавать его рѣзкому сужденію о христіанствѣ значеніе простаго минутнаго нерасположенія.

образуетъ лишь теоретическое основаніе для проповѣди—только поводъ для пѣнія и игры органа и пожалуй еще для картинъ и церемоній. Но при самомъ тщательномъ раздѣленіи должно существовать тѣсное отношеніе“. Изъ новой теоріи, какъ онъ далѣе старается показать, должно получиться и новое религіозное искусство.

Здѣсь мы имѣемъ слѣдовательно еще предположеніе культа, совершенно аналогичнаго христіанскому. Нѣсколько иначе гласитъ эта эволюціонная теорія въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1869 г. Здѣсь Ибервегъ замѣчаетъ, что три функціи: познаніе, чувство и воля опредѣленнѣе раздѣляются лишь съ прогрессомъ образованія, и тогда выступаютъ рядомъ наука, искусство и нравственность, теоретическое, эстетическое и этическое. „Первоначально существуетъ эмбріональное смѣшеніе (или, говоря по Шеллинговски, „индифференція“) ихъ, и это первобытное смѣшеніе и есть въ сущности ступень религіи“... „Разложеніе того, что въ религіи соединено, на эти три формы (не простое пониманіе религіозныхъ представленій какъ эстетическихъ образованій) было бы правильнымъ прогрессомъ, сообразно съ Гетевскимъ изрѣченіемъ: „Кто обладаетъ наукою и искусствомъ, тотъ *имѣетъ* религію. Кто ими не обладаетъ, *тотъ* пусть *имѣетъ* религію“. Здѣсь дѣйствительно можно спросить себя, не пришелъ ли Ибервегъ относительно религіи совершенно къ тому же пункту, какъ *Штрауссъ*, взгляды котораго мы сейчасъ будемъ разсматривать.

Явное затрудненіе этой теоріи эволюціи заключается впрочемъ въ томъ, что теоретическія, эстетическія и этическія начала, которыя должны развиться изъ эмбріональнаго смѣшенія религіи, въ тоже время качественно измѣняются и становятся почти противуположностью того, что содержалось въ религіозномъ зародышѣ. О теоретическомъ въ этомъ отношеніи нечего и терять словъ; но и эстетическія и этическія требованія, которыя Ибервегъ ставитъ религіи будущаго, очень далеко отступаютъ отъ христіанскихъ принциповъ. Это очень ясно выступило въ нашихъ многократныхъ разговорахъ о будущности религіи. Я часто пытался показать, что христіанство отчасти еще имѣетъ глубокіе корни въ народной жизни, отчасти въ нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ вообще незамѣнимо по психологическимъ и соціальнымъ причинамъ. Философски образованный, который дѣйствительно желалъ бы двигать народъ, долженъ былъ бы остаться съ нимъ и во внутренней связи и быть способнымъ понимать его сердцебіеніе. Но для этого нужно и религіозно-философское посредствованіе, какъ оно основано Кантомъ и Гегелемъ: искуство перевода религіозныхъ формъ на философскія идеи. Приэтомъ, въ сущности, даже душевный процессъ въ культѣ у философа долженъ былъ бы быть тотъ же, какъ у вѣрующаго. Поэтому выходъ изъ церкви для философа не только

*

не обязателенъ, но напротивъ весьма неодобрителенъ, ибо черезъ это у религіозной народной жизни отнимается элементъ по своей природѣ побуждающій къ прогрессу и масса безъ защиты предоставляется духовному господству слѣпыхъ зелотовъ.

Этотъ „изоморфизмъ" процессовъ души у философа и у наивнаго вѣрующаго Ибервегъ считалъ *оправдываемымъ* лишь въ весьма незначительной степени; безъ сомнѣнія главнымъ образомъ потому, что онъ въ принципѣ отвергалъ религіозные процессы души, которыхъ требуетъ христіанство. Что касается до эстетической стороны религіозной жизни, то мы, конечно, согласились съ нимъ, что религія будущаго существенно должна быть религіей примиренія и радости, съ рѣшительнымъ направленіемъ къ усовершенствованію здѣшней жизни, отъ которой отказывается христіанство. И вотъ Ибервегъ, вслѣдствіе этого принципа, отвергъ всю поэзію страданій и печали христіанства, вмѣстѣ съ относящимися сюда глубоко западающими мелодіями и вмѣстѣ съ возвышенной архитектурой среднихъ вѣковъ, которая была очень близка моему сердцу. Онъ упрекалъ меня, что я хочу опять готически выстроить новый храмъ человѣчества; что онъ желаетъ новаго и веселаго стиля. Я указывалъ на то, что мы не можемъ уничтожить соціальныхъ бѣдствій и горя отдѣльныхъ лицъ, что въ грѣховности всѣхъ, и самыхъ праведныхъ, заключается глубокій смыслъ, что рѣшительный вызовъ, обращенный къ силѣ воли отдѣльныхъ лицъ, заключаетъ въ себѣ глубокую неправду и несправедливость. Сообразно съ этимъ я требовалъ также, рядомъ съ свѣтлымъ новымъ зданіемъ религіи будущаго, оставить, по крайней мѣрѣ, мою готическую часовню для скорбящихъ душъ и въ національномъ культѣ извѣстные праздники, во время которыхъ и счастливый долженъ былъ учиться спускаться въ бездну бѣдствія и сходиться съ несчастнымъ и даже съ злымъ въ одной и той же потребности спасенія. Однимъ словомъ: если въ нашемъ нынѣшнемъ христіанствѣ горе и раскаяніе суть общее правило; а свѣтлый восторгъ и побѣдная радость образуютъ исключеніе, то я хотѣлъ бы перевернуть это отношеніе, но не игнорировать темную тѣнь лежащую на нашей жизни.

Я помню еще очень ясно, какъ однажды рѣчь зашла о томъ, что наши лучшія церковныя пѣсни нужно принять въ новый культъ, какъ, напримѣръ, псалмы приняты въ христіанскій культъ. Ибервегъ спрашивалъ меня, какую же пѣснь взялъ бы я изъ протестантской книги пѣсней и я съ полнымъ сознаніемъ нашего несогласія тотчасъ отвѣтилъ: „О голова въ крови и ранахъ". Ибервегъ отвернулся отъ меня и отказался говорить со мной о религіозной поэзіи церкви будущаго.

Почти также рѣзко Ибервегъ относился къ христіанской этикѣ. Онъ хотя признавалъ принципъ *любви* и согласенъ былъ допустить въ немъ пребывающее значеніе, но противъ любви какъ *милости*, по его мнѣнію, нужно тѣмъ сильнѣе возставать. Знаменательно, что именно мое сочиненіе о *рабочемъ вопросѣ* подало ему поводъ къ рѣзкой выходкѣ объ этомъ предметѣ (въ письмѣ отъ 12 февраля 1865). Не отъ развитія, а напротивъ отъ преобразованія христіанскихъ принциповъ онъ ожидаетъ значительныхъ соціальныхъ улучшеній. „Богачь и бѣдный Лазарь, подаваніе бѣднымъ, земное терпѣніе и возмездіе на томъ свѣтѣ, которое Богъ, любящій бѣдныхъ, воздаетъ счастливцамъ посредствомъ вѣчныхъ мукъ ада, вѣдь вотъ главныя мысли основателя царства Мессіи, и Закхей хорошо зналъ, что̀ угодно Христу, когда обѣщалъ ему раздать половину своего имущества. Это этическій дуализмъ въ самой ясной формѣ. Маммонъ неправеденъ, это уже въ его природѣ; не заботиться о маммонѣ, допускать надѣлять себя Богу и людямъ, вотъ что праведно, и если злые люди слишкомъ жестоки для подаяній (или если они требуютъ труда, а не нищенства), то не является мысли о положительномъ достоинствѣ труда, но нищета переносится и забывается въ упоеніи представленій о блаженствѣ царства Мессіи, или вообще будущаго міра. Ап. Павелъ былъ слишкомъ образованъ и слишкомъ привыченъ къ труду, чтобы мыслить такъ же, какъ Христосъ, о трудѣ и нищенствѣ, но у него плачевный нищенскій принципъ христіанства вошелъ внутрь и дѣйствовалъ почти пагубнѣе: благодать Божія заступила мѣсто самосознательнаго этическаго дѣйствія, принципъ откровенія— мѣсто труда изслѣдованія. Для первоначальнаго укрощенія варваровъ годилось и такое духовное упоеніе; теперь оно продолжаетъ дѣйствовать парализующимъ и подавляющимъ образомъ". Въ совершенно такомъ же смыслѣ онъ высказался въ письмѣ отъ 29 іюня 1869 года, по отношенію къ критикѣ христіанской морали въ ученіи о человѣческихъ обязанностяхъ Валлисса [33]). „То, что указывается на недостатки христіанской этики, именно на пренебреженіе работой (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) сравнительно съ превознесеніемъ моральныхъ парадныхъ фокусовъ, какова любовь къ врагамъ*)
. . . .
— возбуждаетъ мою полную симпатію".

Послѣ этого само собою разумѣется, что Ибервегъ *этику какъ науку* основывалъ чисто натуралистически и антропологически. Краткія основанія

[33]) Die Lehre von den Menschenpflichten in ihrem Verhältniss zur christlichen Sittenlehre. Aus den hinterlassenen Papieren eines Philosophen, herausg. v. R. Valliss. Winterthur, 1868.

*) Какое глубокое непониманіе христіанской любви! Ланге, очевидно, считаетъ даже лишнимъ возражать здѣсь Ибервегу; и мы не будемъ.

Прим. перев.

системы этики, которыя обнародовалъ *Руд. Рейке* изъ оставшихся послѣ Ибервега рукописей (Кенигсбергъ 1872), приближаются однако въ томъ отношеніи къ системамъ, основаннымъ на признаніи принципа нравственности даннаго a priori, что Ибервегъ полагаетъ въ основаніе своей этики различіе по достоинству между различными психическими функціями. Онъ раздѣляетъ ихъ на два главныхъ класса: въ удовольствіи и страданіи обнаруживается различіе полезнаго и вреднаго, въ чувствѣ уваженія и стыда—различіе низшихъ и высшихъ функцій. Но если существуетъ такое первоначальное чувство различія между низшими и высшими функціями, то существуетъ и естественная совѣсть, и требуется изслѣдованіе, нельзя ли указать на связь между субъективнымъ ея основаніемъ и объективнымъ принципомъ.

Между тѣмъ какъ Ибервегъ былъ оторванъ смертію отъ своихъ работъ и плановъ, *Давидъ Фридрихъ Штраусъ* имѣлъ счастіе пройти весь путь своей жизни. По его собственному показанію, онъ съ послѣднею книгою сказалъ и послѣднее слово, которое онъ имѣлъ еще сказать свѣту. Но это послѣднее слово есть исповѣдь матеріалистическаго міровоззрѣнія. Правда, Штрауссъ говоритъ, ссылаясь на Шопенгауэра и „автора Исторіи матеріализма“, что матеріализмъ и идеализмъ переходятъ одинъ въ другой и въ сущности составляютъ только общую противоположность дуализму; но немыслимо понимать это отношеніе такъ, какъ будто бы все равно, изъ какой точки зрѣнія мы исходимъ, или какъ будто возможно по желанію замѣнять матеріализмъ и идеализмъ другъ другомъ. Въ дѣйствительности, матеріализмъ только первая, ближайшая, но и низшая ступень нашего міровоззрѣнія; разъ переведенный въ идеализмъ, онъ, какъ умозрительная система, вполнѣ теряетъ свое значеніе. Идеалистъ можетъ и долженъ, даже въ изслѣдованіи природы, всюду прилагать тѣ же воззрѣнія и методы, какъ матеріалистъ; но что для матеріалиста рѣшительная истина, то для идеалиста имѣетъ значеніе лишь необходимаго результата нашей организаціи. И не достаточно еще просто допустить это. Какъ скоро при этомъ господствуетъ мысль, что этотъ результатъ нашей организаціи есть единственное, о чемъ мы должны заботиться, то точка зрѣнія въ сущности остается матеріалистическою, если только мы не хотимъ для этой позиціи, какъ извѣстно недавно занятой и Бюхнеромъ, придумать особенное названіе. Истинный идеализмъ всегда поставитъ рядомъ съ міромъ явленій и міръ идеала, и послѣднему, даже если онъ признается лишь химерою, предоставитъ всѣ тѣ права, которыя слѣдуютъ изъ его отношеній къ нашимъ духовнымъ жизненнымъ потребностямъ. Онъ поэтому всегда преимущественно будетъ указывать на тѣ пункты, въ которыхъ обнаруживается невозможность понять матеріалистически всю сущность вещей. У Штраусса

нигдѣ не указана ни положительная, ни критическая основная черта идеализма, и именно та манера, какъ онъ разбираетъ поставленныя Дю Буа-Реймономъ границы познанія природы, показываетъ ясно, что онъ рѣшительно стоитъ на матеріалистической сторонѣ [34]). Съ блестящимъ остроуміемъ Штрауссъ выставляетъ всѣ тѣ пункты, которые доказываютъ, что Дю Буа-Реймонъ не намѣренъ былъ, своими „границами“ познанія природы, сдѣлать въ то же время вопросомъ и сущность этого познанія, а именно послѣдовательное механическое міровоззрѣніе, или же дать за предѣлами этихъ границъ утвердиться устарѣвшимъ догматамъ. Но о настоящемъ центральномъ пунктѣ познавательно-теоретическаго вопроса Штрауссъ говоритъ почти безъ пониманія и какъ о чемъ-то безразличномъ. Абсолютная пропасть между движеніемъ мозговыхъ атомовъ и ощущеніемъ для Штраусса, помимо того, что онъ еще въ ней сомнѣвается, не составляетъ основанія прекратить все дѣло; по крайней мѣрѣ, насколько причинная связь между обоими явленіями вѣроятна[35]). Но это и есть точка зрѣнія матеріализма, который отодвигаетъ неразрѣшимую задачу и держится за замкнутое кольцо закона причинности, чтобы отсюда открывать свою полемику противъ религіи.

Какъ для Ибервега разрушеніе его аристотелевской телеологіи, такъ для Штраусса освобожденіе отъ оковъ Гегелевской философіи должно было неизбѣжно повести къ матеріализму; ибо никакая новѣйшая философія такъ основательно не прикрыла punctum saliens философской критики и такъ не заслонила его своими понятіями, какъ это сдѣлалъ Гегель своимъ ученіемъ о тождественности мышленія и бытія. Весь умъ правовѣрнаго гегеліанца какъ-бы постоянно пріучался проходить безъ вниманія мимо того пункта, гдѣ расходятся матеріализмъ и идеализмъ. Для Штраусса эта перемѣна, или скорѣе ея начало, наступило уже вскорѣ послѣ его первыхъ большихъ теологическихъ работъ. Но было бы трудно, и это дѣло его біографіи, которой мы здѣсь не касаемся,—изложить этотъ процессъ во всѣхъ его стадіяхъ [36]). Его матеріалистиче-

[34]) Сравн. Ein Nachwort als Vorwort zu der neuen Aufl. m. Schrift: der alte u. d. neue Glaube, von Dr. *Fr. Strauss*, Bonn 1873. S. 22 u. ff.

[35]) Тамъ же, стран. 28 и слѣд.: «Дѣйствительно-ли это слово учителя послѣднее слово въ этомъ дѣлѣ,—это въ концѣ концовъ можетъ рѣшить только время; къ счастью, я могу пока принять его, не отказываясь поэтому отъ своей мысли». Рѣчь идетъ здѣсь однако о такомъ пунктѣ, въ которомъ никакой авторитетъ учителя не имѣетъ значенія и о которомъ сужденіе всякаго человѣка, понимающаго вопросъ, имѣетъ такую же силу.

[36]) Мы пока имѣемъ нѣсколько точекъ опоры въ превосходномъ сочиненіи *Целлера*: David Strauss, in Seinem Leben und Seinen Schriften geschil-

ское завѣщаніе, сочиненіе: „Старая и новая вѣра", Лейпцигъ, 1872, является вполнѣ созрѣвшимъ въ теченіи многихъ лѣтъ плодомъ, и о какой нибудь наклонности автора пойти дальше этой точки зрѣнія—не можетъ быть и рѣчи.

Книжечка, надѣлавшая столько шуму и вооружившая такое множество противниковъ, содержитъ все, что̀ требуется для нашей цѣли. Теологическая тенденція книги повела къ тому, что въ началѣ стоятъ двѣ главы, въ которыхъ авторъ старается отвѣтить на многосодержательные вопросы: христіане ли мы еще? Имѣемъ ли мы еще религію? Лишь потомъ слѣдуетъ глава: Какъ мы понимаемъ міръ? въ которой собственно и излагается матеріалистическое исповѣданіе вѣры автора. Послѣдняя глава: какъ устраиваемъ мы свою жизнь? ведетъ насъ въ этическую область и даетъ намъ полную возможность изучать взгляды автора на государство и общество. Мы возьмемъ прежде всего двѣ послѣднія главы и потомъ лишь кинемъ взглядъ на содержаніе предъидущихъ.

Отвѣтъ на вопросъ, какъ мы понимаемъ міръ, есть образцовый отрывокъ краткаго и живаго изображенія нѣкотораго замкнутаго міровоззрѣнія. Безъ лишней полемики и не оглядываясь напрасно по сторонамъ, Штрауссъ заставляетъ свою систему мотивировать саму себя естественною послѣдовательностію изложенія. Начиная съ впечатлѣній чувствъ, онъ быстрыми, но вѣрными шагами достигаетъ нашего представленія вселенной, безконечность которой настойчиво утверждаетъ. Въ космогоніи онъ почти совершенно опирается на *Канта*, тщательно обращая вниманіе на нынѣшнее состояніе естественныхъ наукъ. Какъ Ибервегъ, онъ принимаетъ, что первоначальное состояніе разсѣянья матеріи можетъ быть разсматриваемо только какъ слѣдствіе столкновенія прежнихъ міровыхъ системъ. Но, тогда какъ Ибервегъ изъ этого процесса при помощи дарвинизма выводитъ прогрессъ міра, идущій все къ большему и большему совершенству, Штрауссъ придаетъ гораздо большее значеніе вѣчности и существенному однообразію безконечнаго цѣлаго. Во вселенной, въ ея абсолютномъ значеніи, существуютъ постоянно охлаждающіяся и отживающія міровыя системы, а также постоянно такія, которыя образуются вновь изъ разрушенія. Жизнь вѣчна. Если она исчезаетъ здѣсь, то начинается тамъ, а въ другихъ пунктахъ она цвѣтетъ еще въ полной своей силѣ. Ни начала, какъ это полагалъ Кантъ, не имѣлъ этотъ вѣчный процессъ, ни конца онъ не будетъ имѣть, и такимъ образомъ исчезаетъ всякое основаніе предполагать творца.

Въ слѣдующемъ затѣмъ остроумномъ изслѣдованіи вопроса объ обитаемости другихъ небесныхъ тѣлъ можетъ быть слѣдовало бы нѣсколько съузить

---

dert, Bonn 1874; что оно не предлагается какъ полная біографія, высказалъ самъ авторъ, на стран. IV предисловія.

границы, сообразно съ извѣстными намъ условіями природы, однако важныхъ затрудненій и здѣсь нельзя замѣтить. Строго держась господствующихъ нынѣ взглядовъ спеціалистовъ, Штрауссъ кратко излагаетъ эпохи образованія земли и останавливается пространнѣе на вопросѣ возникновенія и образованія органическихъ существъ, включая и человѣка. Здѣсь Штрауссъ слѣдуетъ всюду взглядамъ Дарвина и значительнѣйшихъ нѣмецкихъ дарвиніанцевъ, и почти повсюду, гдѣ приходится выбирать между двумя различными путями, съ вѣрнымъ тактомъ останавливается на самомъ вѣроятномъ и естественномъ. Весь отдѣлъ производитъ впечатлѣніе серіознаго и яснаго изученія этихъ вопросовъ, при чемъ читателю представляется только, въ легкой и пріятной формѣ, окончательный результатъ тщательнаго и широкаго изслѣдованія. Нигдѣ поэтому полемика его многочисленныхъ противниковъ не производитъ болѣе слабаго впечатлѣнія, какъ тамъ, гдѣ они стараются обвинить Штраусса въ разныхъ естественно-научныхъ промахахъ и въ особенности представить его дарвинизмъ какъ слѣпое преклоненіе предъ естественно-научными догмами. Теологическіе и философскіе противники набираютъ изъ спора естествоиспытателей матеріалъ самаго подозрительнаго свойства, чтобы поразить Штраусса, тогда какъ всякій болѣе точный знатокъ этой области легко приходитъ къ убѣжденію, что Штрауссъ весьма хорошо зналъ всѣ эти возраженія, но что онъ, строго держась своей цѣли и того пространства, которое могъ посвятить этимъ предметамъ, не видѣлъ надобности ихъ упоминать и опровергать.

Если поэтому Штрауссъ здѣсь въ частностяхъ почти вездѣ правъ относительно своихъ противниковъ, то онъ все же излагаетъ здѣсь лишь *правильный матеріализмъ*, и всѣ слабости и недостатки этого міровоззрѣнія принадлежатъ ему въ той же мѣрѣ, какъ и вообще современному матеріализму. Нѣсколько примѣровъ этого мы найдемъ ниже, а теперь обратимся къ его этическимъ и политическимъ взглядамъ.

Здѣсь мы видимъ совершенно другую картину. Штрауссъ держится на почвѣ научныхъ изученій и внимательнаго размышленія только до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ объ общемъ естественно-научномъ обоснованіи этики, и даже здѣсь едвали строго проведенъ какой-нибудь опредѣленный принципъ. Но лишь только дѣло касается политическихъ и соціальныхъ учрежденій, мы находимъ сильное преобладаніе субъективныхъ впечатлѣній и воззрѣній при меньшей основательности.

Совершенно послѣдовательно Штрауссъ выводитъ прежде всего первыя основныя добродѣтели изъ *общественности* и потребностей правильной общественной жизни и прибавляетъ потомъ къ этому принципъ *состраданія*. Но этимъ, повидимому, область нравственнаго представляется ему еще не вполнѣ

опредѣленною, и онъ перескакиваетъ отъ натуралистическихъ принциповъ къ *идеалистическому*: въ нравственныхъ дѣйствіяхъ человѣкъ руководится *идеею рода*. Какъ человѣкъ приходитъ къ идеѣ своего рода; какъ онъ далѣе приходитъ къ представленію о назначеніи человѣчества,—это уже не изслѣдуется: напротивъ дальнѣйшія изслѣдованія только объективно развиваютъ, что̀ такое человѣкъ и въ чемъ онъ находитъ свое назначеніе. Изъ этого выводятся потомъ обязанности.

Не стоитъ труда прослѣдить эту дедукцію въ частности; но результаты имѣютъ свой интересъ. Штрауссъ оказывается вездѣ еще консервативнѣе, чѣмъ Ибервегъ, и въ то время какъ Ибервегъ обнаруживаетъ по крайней мѣрѣ пониманіе противныхъ ему мнѣній, Штрауссъ во всей этой области также противорѣчивъ и догматиченъ, какъ и близорукъ и поверхностенъ. Нужно имѣть въ виду всю узкость нѣмецкой филистерской жизни прежнихъ дней, чтобы сколько нибудь объяснить, какъ человѣкъ съ такимъ остроуміемъ могъ коснѣть въ такихъ взглядахъ.

Рѣзче всего Штрауссъ возстаетъ противъ *соціализма*, и это у него, какъ и у Ибервега, въ тѣсной связи съ его высокой оцѣнкой современной промышленности и съ его строгимъ осужденіемъ враждебной труду тенденціи христіанства. И Штрауссъ упоминаетъ съ живымъ порицаніемъ о мукахъ ада, которымъ подвергнется богатый и о повелѣніи богатому юношѣ продать свое имущество и раздать вырученное бѣднымъ. „Настоящій культъ бѣдности и нищенства свойственъ христіанству наравнѣ съ буддизмомъ. Нищенствующіе монахи среднихъ вѣковъ, какъ еще и нынѣ нищенство въ Римѣ, суть чисто христіанскіе институты, которые въ протестантскихъ странахъ ограничиваются только происшедшимъ изъ другаго источника образованіемъ“. Штрауссъ сочувствуетъ похваламъ Бокля богатству, промышленной дѣятельности и любви къ деньгамъ и присоединяетъ сюда еще слѣдующее замѣчаніе: „конечно стремленіе къ наживѣ, какъ всякое другое, требуетъ разумнаго ограниченія, подчиненія болѣе высокимъ цѣлямъ; но въ ученіи Іисуса оно съ самаго начала не признается, его содѣйствіе образованію и гуманности непонято; христіанство обнаруживаетъ себя въ этомъ отношеніи прямо принципомъ враждебнымъ культурѣ. Свое существованіе въ нынѣшнихъ культурныхъ и промышленныхъ народахъ оно поддерживаетъ только посредствомъ поправокъ, дѣлаемыхъ въ немъ свѣтскимъ умственнымъ образованіемъ, которое съ своей стороны достаточно великодушно, или-же слабо и лицемѣрно, чтобы приписывать ихъ не себѣ, а христіанству, съ которымъ они напротивъ несогласны“ [37]).

[37]) Der alte u. d. neue Glaube, 2. Aufl. S 63 u. 64.

Почти само собой разумѣется, что Штрауссъ отвергаетъ и принципъ страданія, мечтательную аскетику, пренебреженіе къ міру и другія характеристичныя черты христіанства. Его этика, насколько мы ее можемъ понять изъ его безпрерывной полемики противъ всего христіанскаго, основана совершенно на мысли, что назначеніе человѣка—цѣлесообразно устроиться въ этомъ мірѣ посредствомъ труда и общественнаго порядка и стремиться посредствомъ искусства и науки къ облагороженію своего существа и къ болѣе тонкимъ духовнымъ наслажденіямъ. На вопросъ, христіане ли мы еще, онъ поэтому прямо отвѣчаетъ—нѣтъ; на вопросъ же, имѣемъ ли мы еще религію,—условнымъ да. А именно, дѣло въ томъ, признаемъ-ли мы за религію наше чувство зависимости по отношенію къ вселенной и ея законамъ. Мы уже не построимъ культа на этомъ чувствѣ, но оно все же имѣетъ еще *нравственное дѣйствіе* и связано съ извѣстнымъ *благоговѣніемъ*; мы чувствуемъ себя оскорбленными, если это благоговѣніе пренебрегается, какъ это напр. дѣлаетъ пессимизмъ *Шопенгауэра*. Частное лицо не можетъ стать выше вселенной; закономѣрная, полная жизни и разума, вселенная есть наша высшая идея, и всякая истинная философія поэтому необходима оптимистическая [38]).

О религіозномъ стремленіи *свободныхъ общинъ* Штрауссъ судитъ неблагопріятно. Онѣ хотя поступаютъ послѣдовательно, когда совсѣмъ отвергаютъ догматическое преданіе и становятся на почву естественной науки и исторіи, но это не есть почва для религіознаго общества. „Я присутствовалъ при многихъ богослуженіяхъ свободныхъ общинъ и нашелъ ихъ ужасно сухими и не-назидательными. Я обыкновенно жаждалъ какого-либо намека на библейскую легенду или христіанскій праздникъ, чтобы получить какую-нибудь пищу для фантазіи и сердца; но этой услады мнѣ не было дано. Нѣтъ, и на этомъ пути нельзя продолжать. Когда разрушено зданіе церкви и на голомъ, плохо выровненномъ мѣстѣ держится назидательная проповѣдь — то это выходитъ грустно и даже ужасно“. Штрауссъ даже тогда не вступилъ бы въ „церковь разума“, если бы государство захотѣло ей щедро дать всѣ права древней церкви. Онъ и его товарищи по образу мыслей могутъ обойтись безъ всякой церкви. Они назидаются, стараясь открыть свое сердце для всѣхъ высшихъ интересовъ человѣчества, прежде-же всего для жизни своей націи. Они стараются поддерживать свое національное чувство посредствомъ историческихъ изученій и въ то же время увеличивать и свои познанія природы; „и наконецъ

[38]) Der alte u. d. neue Glaube, 2 Aufl. S. 141—147. Здѣсь достоинъ замѣчанія *жестокій софизмъ*, которымъ Штраусъ, на стран. 145, старается опровергнуть пессимизмъ: если міръ дуренъ, то и мышленіе пессимиста дурно; а если оно дурно, то міръ, наоборотъ, хорошъ!

мы находимъ въ сочиненіяхъ нашихъ великихъ поэтовъ, при исполненіи твореній нашихъ великихъ музыкантовъ такое возбужденіе духа и сердца, фантазіи и юмора, которые не оставляютъ желать ничего болѣе. „Такъ мы живемъ, такъ счастливо проводимъ наши дни"».

Но мы и можемъ такъ жить. Наши средства намъ это позволяютъ; ибо эти „Мы", отъ имени которыхъ говоритъ Штрауссъ, суть по его собственному перечисленію „не только ученые или художники, но чиновники и военные, промышленники и помѣщики". Народъ затронутъ только поверхностно. И ему предлежатъ наши національные поэты, хотя онъ пока долженъ отказаться отъ концертовъ. Натанъ Лессинга и Германъ и Доротея Гете содержатъ также „спасительныя истины" и во всякомъ случаѣ понятнѣе библіи, которой не понимаютъ даже многіе богословы. О спасительныхъ истинахъ, которыя народъ въ силу традицій отъ отца къ сыну *вкладываетъ* въ библію и о пониманіи ея, которое люди *полагаютъ имѣть*, нѣтъ далѣе и рѣчи. Вѣдь это заблужденія, слѣдовательно не имѣютъ права на существованіе; если даже именно въ этихъ традиціонныхъ идеяхъ заключается высшее значеніе, которое библія можетъ имѣть для сердца бѣдныхъ и малыхъ, нуждающагося въ утѣшеніи. Если школы когда нибудь будутъ меньше заниматься еврейской исторіей, то можетъ возрасти общее пониманіе нашихъ великихъ поэтовъ. Но откуда въ нашемъ такъ прекрасно организованномъ государствѣ долженъ явиться импульсъ къ этой столь богатой послѣдствіями перемѣнѣ, — не изслѣдуется. Въ сущности это и не нужно; ибо правильный выводъ изъ всей этой точки зрѣнія въ сущности таковъ: пусть народъ остается тѣмъ, что̀ онъ есть въ силу святыхъ законовъ вселенной, лишь-бы „мы", образованные и имущіе, могли наконецъ освободиться отъ надобности казаться и называться христіанами, чѣмъ мы уже перестали быть.

Подробная критика этой точки зрѣнія [39]) послѣ всего, что̀ сказано нами, болѣе не нужна; тѣмъ болѣе, что тотчасъ слѣдующая заключительная глава еще разъ вполнѣ освѣтитъ *наше отношеніе* къ этимъ вопросамъ. Во всякомъ случаѣ не случайность, что два высоко даровитыхъ и благородныхъ человѣка и притомъ столь различныя натуры, какъ Штрауссъ и Ибервегъ, связываютъ со своимъ матеріализмомъ оправданіе современной промышленности, и что они на мѣсто религіи несчастныхъ и угнетенныхъ ставятъ религію привиллегированной аристократіи, которая отказывается отъ всякаго церковнаго общенія съ массою народа. Нашу современную культуру проникаетъ стремленіе къ матеріализму, увлекающее всякаго, не нашедшаго гдѣ-нибудь болѣе твердаго якоря. Философы и политико-экономы, государственные люди и промышленники сходятся въ похвалахъ *настоящему* и его успѣхамъ. Съ похвалой настоящему связывается культъ *дѣйствительности*. Идеальное не имѣетъ хода; то, чего нельзя легитимировать естественно-научно и исторически, осуждено на погибель, если даже съ этимъ связываются тысячи радостей и утѣшеній народа, къ которымъ не питается никакого сочувствія.

[39]) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что даже минимумъ религіи Штраусса имѣетъ еще свои недоказанныя догмы и свои положенія, по этическимъ цѣлямъ выходящія за предѣлы дѣйствительности. Недоказана и не можетъ быть доказана прежде всего безконечность міра; но оптимизмъ есть благочестивое заблужденіе, ибо онъ, какъ и его противоположность, пессимизмъ, суть только произведенія человѣческой идеологіи. Міръ дѣйствительности самъ по себѣ ни хорошъ, ни дуренъ.

Въ своемъ „послѣсловіи вмѣсто предисловія" Штрауссъ выставляетъ, что онъ въ сущности, посредствомъ своего соединенія матеріализма съ политически консервативными принципами, разошелся со всѣми партіями. Онъ забылъ при этомъ только свою собственную армію, этихъ „мы", отъ имени которыхъ онъ говоритъ. Когда я прочелъ это мѣсто въ послѣсловіи, я на минуту положилъ книгу и сталъ перелистывать одинъ случайно лежавшій на столѣ иллюстрированный листокъ. Мой первый взглядъ упалъ на каррикатуру „коммуниста", второй на изображеніе кабинета Фейербаха, съ біографической статьей о Фейербахѣ, въ которой похваламъ не было конца. Редакціи этихъ листковъ весьма хорошо знаютъ, что̀ любитъ масса публики; и повидимому ядро ихъ публики имѣетъ рѣшительное сродство съ тѣмъ обществомъ, во имя котораго Штрауссъ высказалъ свое исповѣданіе.

Но и соціалисты тоже исповѣдуютъ матеріализмъ! Это вовсе не противорѣчитъ замѣчанію, которое мы сдѣлали. Соціалисты и поклонники существующихъ соціальныхъ отношеній согласны въ томъ, что они отвергаютъ указанія религій на загробное и хотятъ основать счастіе человѣчества въ этой жизни. Къ тому же, вожаки соціалистовъ, которые въ этомъ отношеніи даютъ тонъ, почти все люди съ образованіемъ, которые, въ Германіи по крайней мѣрѣ, прошли школу Фейербаховскихъ идей. Главная масса ихъ приверженцевъ въ этомъ отношеніи почти равнодушна. Возбуждаемые мыслію о своей нуждѣ, они бросаются въ руки того, кто обѣщаетъ рѣшительное улучшеніе, или хотя-бы рѣшительную борьбу и надежду на месть; даже если-бы при этомъ онъ исповѣдывали папскую непогрѣшимость, или атеизмъ. Въ продолженіи многихъ лѣтъ соціализмъ научился ненавидѣть церковь, какъ союзницу государства; лишь только наступаетъ болѣе глубокая распря между церковью и государствомъ, то тотчасъ часть соціалистовъ—что весьма неразумно, но весьма естественно—начинаетъ любезничать съ церковью. Переворотъ есть единственная цѣль для

крайнихъ идей этого направленія, и обстоятельства таковы, что возможны только крайніе вожди, ибо только крайнія тенденціи движутъ массами. Если соціализмъ когда нибудь долженъ достигнуть этой ближайшей, чисто отрицательной цѣли и потомъ, при всеобщемъ смятеніи, пойти къ положительному осуществленію своихъ идей, то холодное господство отвлеченнаго разума врядъ ли удержитъ верхъ за собою. Если бы даже дошло до паденія нашей настоящей культуры, то врядъ ли какая-либо существующая церковь, и еще менѣе матеріализмъ, вступитъ въ наслѣдство: но изъ какого-либо угла, о которомъ никто не думаетъ, выступитъ нѣчто невѣроятно безсмысленное, какъ книга Мормона или спиритизмъ, съ которымъ тогда сольются наиболѣе жизненныя мысли времени, чтобы основать новый центръ всеобщаго образа мыслей можетъ быть опять на тысячелѣтія.

Существуетъ только одно средство, чтобы избѣжать альтернативы такого переворота, или же мрачнаго застоя; но это средство состоитъ не въ пушкахъ, которыя наведутся на соціалистовъ и демократовъ, какъ полагаетъ Штрауссъ, но единственно и исключительно въ своевременномъ низложеніи матеріализма и въ исцѣленіи разрыва въ нашей народной жизни, происходящаго отъ отдѣленія образованныхъ людей отъ народа и его духовныхъ потребностей. *Идеи* и *жертвы* могутъ еще спасти нашу культуру и превратить путь разрушительной революціи въ путь благодѣтельныхъ реформъ.

IV. Точка зрѣнія идеала.

Матеріализмъ есть первая, низшая, но сравнительно и самая твердая ступень философіи. Непосредственно примыкая къ познанію природы, онъ смыкается въ систему, упуская изъ виду его границы. Необходимость, которая господствуетъ въ области естественныхъ наукъ, даетъ системѣ, которая непосредственнѣе всего опирается на нихъ, значительную степень однородности и твердости въ ея отдѣльныхъ частяхъ. Отраженіе этой твердости и необходимости падаетъ при этомъ и на систему какъ таковую, но это отраженіе обманчиво. Именно то, что дѣлаетъ матеріализмъ системою, основная гипотеза, которая соединяетъ частныя познанія природы въ цѣлое посредствомъ общей связи, есть не только самая нетвердая часть, но даже вовсе несостоятельна передъ болѣе глубокой критикой. Но совершенно то же отношеніе повторяется въ отдѣльныхъ наукахъ, на которыя опирается матеріализмъ; слѣдовательно также и во всѣхъ отдѣльныхъ частяхъ системы. Твердость этихъ частей, если разсмотрѣть ближе, есть ничто иное, какъ твердость фактовъ науки, а она всегда всего больше для непосредственно-данной частности. Точка единенія,

которая возводитъ факты въ науку и науки въ систему, есть произведеніе свободнаго синтезиса, а слѣдовательно происходитъ изъ того же источника, какъ и творчество идеала. Но, тогда какъ творчество распоряжается совершенно свободно предметомъ, синтезисъ въ области познанія имѣетъ только свободу своего происхожденія изъ творящаго человѣческаго духа. Онъ, съ другой стороны, связанъ съ задачей—установить возможную гармонію между необходимыми, независимыми отъ нашего произвола, факторами познанія. Какъ техникъ при своемъ изобрѣтеніи связанъ его цѣлью, тогда какъ его идея возникаетъ свободно изъ его духа, такъ и всякая истинная научная индукція есть въ то же время разрѣшеніе данной задачи и произведеніе творческаго духа.

Матеріализмъ придерживается болѣе, чѣмъ какая либо другая система, *дѣйствительности*, т.е. совокупности необходимыхъ явленій, данныхъ принужденіемъ чувствъ. Но дѣйствительности, какъ себѣ ее представляетъ человѣкъ и какъ онъ себѣ ея желаетъ: абсолютно твердаго, отъ насъ независимаго и однако познаваемаго нами существованія,—такой дѣйствительности не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ синтетическій творящій факторъ нашего познанія фактически простирается и на первыя впечатлѣнія чувствъ и на начала логики [40]). Міръ есть не только *представленіе*, но и *наше* представленіе: продуктъ организаціи *рода* въ общихъ и необходимыхъ основныхъ чертахъ всякаго опыта; *недѣлимаго* въ синтезѣ свободно распоряжающемся объектомъ. Слѣдовательно можно также сказать, что „дѣйствительность" есть явленіе для рода, напротивъ обманчивая видимость—явленіе для недѣлимаго, которое тогда только становится заблужденіемъ, когда ей приписывается „дѣйствительность", т. е. существованіе для рода.

Но задача—создавать гармонію въ явленіяхъ и связывать данное многообразіе въ единство, не только дѣло синтетическихъ факторовъ *опыта*, но и дѣло *умозрѣній*. Но здѣсь насъ покидаетъ связывающая организація рода; недѣлимое творитъ по своей собственной нормѣ, и продуктъ этого творчества

---

[40]) То, что положенію A=A, строго говоря, нигдѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительность, недавно энергично указано А. *Спиромъ* и положено въ основаніе особенной философской системы. Всѣ трудности, которыя заключаются въ этомъ фактѣ, однако легче устраняются на другомъ пути. Положеніе A=A хотя есть основаніе всякаго познанія, само не есть познаніе, но нѣкоторое дѣйствіе ума, актъ первоначальнаго синтезиса, посредствомъ котораго полагается, какъ необходимое начало всякаго мышленія, нѣкоторое равенство или постоянство, которыя въ природѣ встрѣчаются только сравнительно или приблизительно, но никогда абсолютно и совершенно. Положеніе A = A показываетъ слѣдовательно на самомъ порогѣ логики относительность и идеальность всего нашего познанія.

имѣетъ для рода, въ частности для націи и для современниковъ, лишь настолько значенія, насколько недѣлимое, которое его производитъ, будучи богато и нормально одарено и типично въ своемъ способѣ мышленія, призвано своими духовными силами стать руководителемъ.

Творчество понятій въ умозрѣніи однако еще не вполнѣ свободно,—оно стремится еще, какъ и эмпирическое изслѣдованіе, къ цѣлостному изложенію даннаго въ его связи, но ему не достаетъ путеводнаго принужденія принциповъ опыта. Лишь въ творчествѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, въ поэзіи, покидается сознательно почва дѣйствительности. *Въ умозрѣніи* форма имѣетъ перевѣсъ надъ веществомъ; въ *поэзіи* она вполнѣ господствуетъ надъ нимъ. Поэтъ создаетъ въ свободной игрѣ своего духа міръ по своему вкусу, чтобы на легко подвижномъ веществѣ тѣмъ строже отчеканить форму, которая свою цѣну и свое значеніе имѣетъ въ себѣ, независимо отъ задачъ познанія.

Отъ низшихъ ступеней синтезиса, въ которыхъ недѣлимое является еще совершенно связаннымъ основными чертами рода, до творческаго господства его въ поэзіи, сущность этого акта всегда направлена на произведеніе единства, гармоніи, совершенной формы. Тотъ же принципъ, который безгранично господствуетъ въ области прекраснаго въ искусствѣ и поэзіи, является въ области дѣйствія, какъ истинно этическая норма, лежащая въ основаніи всѣхъ другихъ принциповъ нравственности, и въ области познанія, какъ образующій, опредѣляющій форму факторъ нашего міроваго образа.

Хотя слѣдовательно уже міровой образъ, который намъ даютъ чувства, сформированъ непроизвольно по живущему въ насъ идеалу, но все же весь міръ дѣйствительности представляется по отношенію къ свободнымъ твореніямъ искусства негармоничнымъ и полнымъ безобразій. Здѣсь заключается источникъ всякаго *оптимизма* и *пессимизма*. Безъ *сравненія* мы вовсе не были бы способны составить себѣ сужденіе о качествѣ міра. Но если мы разсматриваемъ съ какого либо возвышеннаго мѣста ландшафтъ, то все наше существо настроено такъ, чтобы придать ему красоту и совершенство. Мы должны сперва разрушить анализомъ могущественное единство этой картины, чтобы вспомнить, что въ этихъ мирно стоящихъ на склонѣ горы хижинахъ живутъ бѣдные, измученные люди, что за этимъ завѣшеннымъ окошечкомъ можетъ быть больной испытываетъ самыя ужасныя мученія; что подъ шумящими вершинами далекаго лѣса хищныя птицы рвутъ свою трепещущую добычу; что въ серебрянныхъ волнахъ рѣки тысяча маленькихъ существъ, только что рожденныхъ, находятъ жестокую смерть. Для нашего обозрѣвающаго взгляда эти сухія вѣтви деревьевъ, эти скудныя поля, эти сожженные солнцемъ луга составляютъ только оттѣнки въ картинѣ, которая радуетъ нашъ глазъ и утѣшаетъ наше сердце.

Такъ представляется міръ оптимистическому философу. Онъ восхваляетъ гармонію, которую самъ въ него внесъ. Пессимистъ въ сравненіи съ нимъ правъ въ тысячѣ случаевъ; и однако не могло бы существовать никакого пессимизма безъ того естественнаго идеальнаго образа міра, который мы носимъ въ себѣ. Лишь контрастъ съ этимъ образомъ дѣлаетъ дѣйствительность дурною.

Чѣмъ свободнѣе дѣйствуетъ функція синтезиса, тѣмъ эстетичнѣе становится міровой образъ, тѣмъ этичнѣе его воздѣйствіе на нашу дѣятельность въ мірѣ. Не только поэзія, но и умозрѣніе, хотя оно повидимому направлено на простое познаніе, имѣетъ уже существеннно эстетическую, а вслѣдствіе воспитывающей силы прекраснаго и этическую цѣль. Въ этомъ смыслѣ конечно можно бы сказать со *Штрауссомъ*, что всякая истинная философія необходимо оптимистическая. Но философія есть нѣчто болѣе, чѣмъ только творческое умозрѣніе. Она обнимаетъ и логику, критику, теорію познанія.

Эти функціи чувствъ и связующаго ума, которыя производятъ для насъ дѣйствительность, можно въ частности назвать низкими, сравнительно съ высокимъ полетомъ въ свободно творящемъ искусствѣ. Но *въ цѣломъ* и въ *связи* онѣ не могутъ быть поставлены ниже никакой другой дѣятельности духа. Какъ ни мало наша дѣйствительность есть дѣйствительность по желанію нашего сердца, все же она есть твердая основа нашего духовнаго существованія. Недѣлимое выростаетъ изъ почвы рода, и общее и необходимое познаніе образуетъ единственную твердую основу для возвышенія недѣлимаго къ эстетическому пониманію міра. Если пренебрегать этою основою, то и умозрѣніе не можетъ стать типичнымъ и имѣть значеніе; оно теряется въ фантастическомъ, въ субъективномъ произволѣ и играющей безсодержательности. Но, болѣе всего, по возможности неискаженное пониманіе дѣйствительности составляетъ настоящую основу обыденной жизни, необходимое условіе человѣческихъ сношеній. Родовое общее въ познаніи есть въ то же время законъ всякаго обмѣна мыслей. Но онъ еще болѣе того: онъ въ то же время единственный путь для подчиненія природы и ея силъ.

Какъ бы далеко преобразующее дѣйствіе психическаго синтезиса ни входило въ наши элементарнѣйшія представленія о *вещахъ*, *объ объектѣ*, мы все же имѣемъ убѣжденіе, что въ основѣ этихъ представленій и выростающаго изъ нихъ міра лежитъ что-то, что не происходитъ изъ насъ самихъ. Это убѣжденіе существенно основано на томъ, что мы между вещами открываемъ не только *связь*, которая могла бы быть именно планомъ, по которому мы ихъ образуемъ, но и *взаимо-дѣйствіе*, которое, независимо отъ нашего мышленія, идетъ своей дорогой, и которое насъ самихъ охватываетъ и подчиняетъ своимъ законамъ. Это чуждое, это „не-я" становится конечно „объектомъ" для нашего

мышленія опять только черезъ то, что оно въ общихъ и необходимыхъ познавательныхъ формахъ рода понимается каждымъ въ частности; но оно не состоитъ поэтому только изъ этихъ формъ познанія. Мы имѣемъ передъ собою въ законахъ природы не только законы нашего познанія, но и свидѣтельства чего-то *другаго*, нѣкотораго могущества, которое то насъ принуждаетъ, то подчиняется нашему господству. Въ сношеніи съ этимъ могуществомъ мы исключительно ограничены опытомъ и нашею дѣйствительностью, и никогда никакое умозрѣніе не находило средства вмѣшиваться въ міръ вещей магіею простой мысли.

Но *методъ*, который ведетъ какъ къ познанію природы, такъ и къ господству надъ нею, требуетъ именно постояннаго разрушенія синтетическихъ формъ, подъ которыми намъ является міръ, для устраненія всего субъективнаго. При этомъ конечно новое, лучше подходящее къ фактамъ, познаніе можетъ получить форму и существованіе опять лишь путемъ синтезиса, но изслѣдованіе необходимо приходило все къ болѣе и болѣе простымъ воззрѣніямъ, пока наконецъ не должно было остановиться на принципахъ *механическаго міровоззрѣнія*.

Всякое искаженіе дѣйствительности затрогиваетъ основанія нашего духовнаго существованія; сравнительно съ метафизическими вымыслами, которые присвоиваютъ себѣ право вникать въ сущность природы и опредѣлять изъ однихъ понятій то, что мы можемъ узнать только изъ опыта—матеріализмъ, какъ противовѣсъ, есть истинное благодѣяніе. Равно и всѣ философемы, имѣющія тенденцію давать значеніе только дѣйствительному, необходимо должны тяготѣть къ матеріализму. Но за то у матеріализма нѣтъ отношеній къ высшимъ функціямъ свободнаго человѣческаго духа. Онъ, помимо своей творческой несостоятельности, бѣденъ возбужденіями, безплоденъ для искусства и науки, равнодушенъ или склоненъ къ эгоизму въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Онъ едва можетъ замкнуть кольцо своей системы, не заимствуясь у идеализма.

Если посмотрѣть, какъ Штрауссъ уснащаетъ свою вселенную, чтобы ее почитать, то приходишь къ мысли, что онъ еще не очень удалился отъ деизма. Повидимому остается только дѣломъ вкуса, чтимъ ли мы въ мужескомъ родѣ „Бога", или въ женскомъ „природу", или въ среднемъ „мірозданіе". Чувства тѣ же и даже способъ представленія предмета этихъ чувствъ не отличается существенно. Вѣдь въ теоріи этотъ Богъ уже не личный, а въ одушевленномъ энтузіазмѣ и мірозданіе принимается за лице.

Къ этому не можетъ повести естествознаніе. Всякая естественная наука аналитична и останавливается на частностяхъ. Частное открытіе радуетъ насъ, методъ заставляетъ насъ удивляться, и отъ непрерывнаго ряда открытій нашъ взглядъ легко устремляется въ безконечную даль все болѣе и болѣе совершеннаго пониманія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы покидаемъ уже почву строгой науки.

Вселенная, когда мы понимаемъ ее только естественно-научно, можетъ насъ такъ же мало воодушевлять, какъ читаемая по складамъ Иліада. Но если мы обнимаемъ цѣлое, какъ единство, то мы въ актѣ синтезиса вносимъ въ объектъ наше собственное существо, такъ же, какъ въ созерцаніи мы устраиваемъ гармоническій ландшафтъ, сколько бы онъ въ частностяхъ ни скрывалъ дисгармоніи. Всякое совокупное пониманіе слѣдуетъ эстетическимъ принципамъ и всякій шагъ къ цѣлому есть шагъ къ идеалу.

Пессимизмъ, который также держится за цѣлое, есть продуктъ рефлексіи. Тысячи огорченій жизни, холодная жестокость природы, страданія и несовершенства всѣхъ существъ собираются въ частныхъ чертахъ, и сумма этихъ наблюденій противупоставляется идеальному образу оптимизма, какъ страшное обвиненіе на міровое цѣлое. Но замкнутаго міроваго образа не достигается этимъ путемъ. Уничтожается только міровой образъ оптимизма, и въ этомъ заключается высокая заслуга, если оптимизмъ хочетъ стать догматичнымъ и выдать себя за представителя истинной дѣйствительности. Всѣ тѣ прекрасныя мысли о частной дисгармоніи, которая разрѣшается въ гармоніи великаго цѣлаго, о томъ всеобъемлющемъ, божественномъ созерцаніи міра, въ которомъ разрѣшаются всѣ загадки и исчезаютъ всѣ затрудненія, успѣшно разрушаются пессимизмомъ; но это разрушеніе касается только догмата, не идеала. Оно не можетъ устранить фактъ, что нашъ умъ сотворенъ для того, чтобы все вновь воспроизводить въ себѣ гармоническій міровой образъ, что онъ здѣсь, какъ и вездѣ, ставитъ идеалъ рядомъ съ дѣйствительностью и выше ея и отдыхаетъ отъ борьбы и нужды жизни, возвышаясь мысленно въ міръ всѣхъ совершенствъ.

Но этому идеальному стремленію человѣческаго духа даетъ новую силу познаніе, что наша дѣйствительность *не есть абсолютная дѣйствительность*, а явленіе; для единичнаго—принудительное и исправляющее его случайныя комбинаціи; для вида—необходимый продуктъ его способностей во взаимодѣйствіи съ неизвѣстными факторами. Эти неизвѣстные факторы мы представляемъ себѣ какъ вещи, которыя существуютъ независимо отъ насъ, и которымъ слѣдовательно принадлежитъ та абсолютная дѣйствительность, которую именно мы признали невозможной. Но невозможность остается, ибо уже въ понятіи *вещи*, которая, какъ нѣкоторая единица, выдѣляется изъ безконечной связи бытія, заключается тотъ субъективный факторъ, который, какъ составная часть нашей человѣческой дѣйствительности, совершенно на своемъ мѣстѣ, но по ту сторону ея помогаетъ только наполнить, по аналогіи съ нашею дѣйствительностью, пробѣлъ для абсолютно непонятнаго, которое однако должно быть принято.

*

Кантъ отвергъ поиски метафизики за истинными основами всякаго бытія по причинѣ невозможности твердаго разрѣшенія и ограничилъ задачу этой науки открытіемъ всѣхъ a priori данныхъ элементовъ опыта. Но остается вопросомъ, не будетъ ли также неразрѣшима эта новая задача, и не менѣе остается вопросомъ, не будетъ ли человѣкъ, въ силу утверждаемаго самимъ Кантомъ естественнаго стремленія къ метафизикѣ, все вновь пытаться пробиться за границы познанія и строить на воздухѣ мерцающія системы мнимаго познанія абсолютной сущности вещей. Софизмы, посредствомъ которыхъ это становится возможнымъ, неисчерпаемы, и тогда какъ софизмы хитро обходятъ позицію критики, геніальное невѣжество съ еще большимъ успѣхомъ побѣждаетъ всѣ препятствія.

Одно вѣрно: что человѣку нужно дополненіе дѣйствительности посредствомъ имъ самимъ созданнаго идеальнаго міра, и что высшія и благороднѣйшія функціи его ума совокупно дѣйствуютъ въ этомъ творчествѣ. Но должно ли это свободное дѣло ума все вновь и вновь принимать обманчивый образъ доказательной науки? Тогда и матеріализмъ будетъ все вновь выступать и разрушать болѣе смѣлыя умозрѣнія, пытаясь удовлетворить стремленію разума къ единству посредствомъ минимума удаленія отъ дѣйствительнаго и доказуемаго.

Мы не должны, въ особенности въ Германіи, сомнѣваться въ иномъ разрѣшеніи задачи, съ тѣхъ поръ какъ въ философской поэзіи *Шиллера* мы имѣемъ передъ собою произведенія, которыя соединяютъ съ самою благородной строгостью мысли самый высокій подъемъ надъ дѣйствительностью, и которыя даютъ идеалу могущественную силу, относя его открыто и прямо въ область фантазіи. Но этимъ мы не хотимъ сказать, что всякое умозрѣніе должно принять и *форму* поэзіи. Вѣдь философская поэзія Шиллера не есть только порожденіе умозрительнаго стремленія! Она есть изліяніе истинно религіознаго возвышенія духа къ чистымъ и невозмутимымъ источникамъ всего того, что человѣкъ когда либо почиталъ какъ божественное и неземное. Пусть метафизика и далѣе продолжаетъ пытаться разрѣшать свои неразрѣшимыя задачи! Чѣмъ болѣе она остается теоретической и хочетъ соперничать въ твердости съ науками дѣйствительности, тѣмъ менѣе она въ состояніи будетъ достичь общаго значенія. Чѣмъ болѣе она напротивъ будетъ приводить въ связь *міръ бытія съ міромъ значенія* и самымъ своимъ пониманіемъ явленій стремиться къ этическому дѣйствію, тѣмъ болѣе она дастъ господства формѣ надъ веществомъ и не насилуя фактовъ, воздвигнетъ въ архитектурѣ своихъ идей храмъ почитанія вѣчному и божественному. Свободная же поэзія можетъ совершенно покинуть почву дѣйствительнаго и брать миѳъ, чтобы невыразимое облечь въ слова.

Здѣсь мы слѣдовательно стоимъ и передъ совершенно удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о болѣе близкомъ и болѣе далекомъ будущемъ *религіи*.

Существуютъ только два пути, которые здѣсь становятся серіознымъ вопросомъ, послѣ того какъ оказалось, что одно просвѣщеніе теряется въ пескахъ пошлости, никогда не освобождаясь отъ несостоятельныхъ догматовъ. Одинъ путь есть *полнѣйшее прекращеніе и уничтоженіе* всякой религіи и перенесеніе ея задачъ на государство, науку и искусство; другой *вниканіе въ зерно* религіи и побѣжденіе всякаго фанатизма и суевѣрія посредствомъ сознательнаго возвышенія надъ дѣйствительностью и рѣшительнаго отказа отъ искаженія дѣйствительнаго миѳомъ, который вѣдь не можетъ служить для цѣли познанія.

Первый изъ этихъ путей влечетъ за собою опасность духовнаго оскудѣнія; второй имѣетъ дѣло съ великимъ вопросомъ, не находится ли теперь зерно религіи въ періодѣ превращенія, которое не даетъ намъ ясно его видѣть. Но второе сомнѣніе не такъ значительно; ибо именно принципъ одухотворенія религіи долженъ облегчить и сдѣлать спокойнѣе всякій переходъ, обусловленный культурными потребностями прогрессивнаго времени.

Къ тому же является еще сомнѣніе, возможно ли вообще уничтоженіе всякой религіи, какъ бы это ни представлялось желательнымъ многимъ благонамѣреннымъ и мыслящимъ людямъ. Никакому разумному человѣку при этомъ не придетъ на мысль внезапный или даже насильственный шагъ. Скорѣй въ этомъ принципѣ увидятъ прежде всего правило для поведенія образованныхъ людей, напр. въ смыслѣ *Штрауса*, остатокъ религіи у котораго здѣсь нечего принимать во вниманіе. Потомъ постараются воспользоваться *государствомъ* и *школой*, чтобы у религіи и въ народѣ постепенно отнять почву и систематически подготовить ея исчезновеніе. Предполагая такой образъ дѣйствія, останется вопросомъ, не должна ли возникнуть вслѣдствіе этого, несмотря на все школьное просвѣщеніе, реакція въ народѣ въ пользу какого-нибудь очень фанатическаго и узкаго пониманія религіи, или не произойдутъ ли изъ оставшагося корня все новые, можетъ быть дикіе, но полные жизни отпрыски. Человѣкъ ищетъ истинно дѣйствительнаго и любитъ увеличеніе своихъ знаній, пока чувствуетъ себя свободнымъ. Но если его приковать къ тому, что достигается чувствами и разсудкомъ, то онъ возстанетъ и выразитъ свободу своей фантазіи и своего сердца можетъ быть въ болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ были тѣ, которыя удалось разрушить.

Пока искали зерна религіи въ извѣстныхъ ученіяхъ о Богѣ, человѣческой душѣ, твореніи и его порядкѣ, неизбѣжно было, что всякая критика, начинавшая отдѣлять по логическимъ принципамъ отруби отъ пшеницы, въ концѣ

концовъ должна была стать совершеннымъ отрицаніемъ. Просѣвали до тѣхъ поръ, пока ничего болѣе не оставалось.

Если напротивъ видѣть зерно религіи въ возвышеніи душъ надъ дѣйствительнымъ и въ созданіи отечества для духа, то самыя чистыя формы могутъ все еще вызывать существенно тѣ же психическіе процессы, какъ вѣра угольщика необразованной массы, и со всей философской утонченностью идей мы никогда не придемъ къ нулю. Недостижимый примѣръ этого представляетъ тотъ способъ, которымъ Шиллеръ въ своемъ „царствѣ тѣней" обобщилъ христіанское ученіе искупленія въ идею *эстетическаго искупленія*. Возвышеніе духа въ вѣрѣ становится здѣсь полетомъ въ мысленную область прекраснаго, въ которой всякій трудъ находитъ свой отдыхъ, всякая борьба и всякая нужда свой покой и свое примиреніе. Сердце же, напуганное ужаснымъ могуществомъ закона, передъ которымъ не можетъ устоять ни одинъ смертный, открывается божественной волѣ, которую оно признаетъ за истинную сущность своей собственной воли и чувствуетъ себя черезъ то примиреннымъ съ божествомъ. Если эти минуты вдохновенія и преходящи, онѣ все же дѣйствуютъ освобождающимъ и очищающимъ образомъ на душу, и вдали манитъ совершенство, котораго у насъ какъ никто не можетъ отнять, представленное подъ видомъ вознесенія Геркулеса.—Это стихотвореніе есть продуктъ такого времени и такой сферы образованія, которыя конечно не были склонны придавать слишкомъ много значенія специфически христіанскому; авторъ „боговъ Греціи" остается вѣренъ себѣ; въ извѣстномъ смыслѣ здѣсь все языческое: и все же Шиллеръ здѣсь болѣе приближается къ традиціонной вѣрѣ христіанства, чѣмъ та просвѣщенная догматика, которая произвольно удерживаетъ понятіе Бога и отбрасываетъ, какъ нераціональное, ученіе объ искупленіи.

Нужно слѣдовательно привыкнуть придавать болѣе высокое значеніе принципу творящей идеи самой въ себѣ и безъ соглашенія съ историческимъ и естественно-научнымъ познаніемъ, но и безъ искаженія такого познанія; нужно привыкнуть міръ идей разсматривать какъ образное замѣщеніе полной истины, столько же необходимое для всякаго человѣческаго преуспѣянія, какъ и познанія ума, именно сводить большее или меньшее значеніе всякой идеи къ этическимъ и эстетическимъ основамъ. Конечно многимъ старо- и нововѣрующимъ при этомъ предположеніи покажется, что у нихъ хотятъ отнять почву изъ подъ ногъ, и при этомъ требуютъ, чтобы они продолжали стоять, какъ будто ничего не случилось; но спрашивается, что̀ такое почва идей; есть ли это ихъ мѣсто въ цѣломъ мірѣ идей, опредѣляемое по ихъ этическимъ отношеніямъ, или же отношеніе представленій, въ которыхъ выражается идея, къ опытной дѣйствительности? Когда движеніе земли было доказано, всякому филистеру казалось, что онъ долженъ упасть, если не будетъ опровергнуто это опасное ученіе, въ родѣ того, какъ иной нынче боится стать пнемъ, если Фохтъ ему докажетъ, что у него нѣтъ души.—Если религія что-нибудь значитъ, и если ея пребывающее значеніе заключается въ этическомъ, а не въ логическомъ содержаніи, то это вѣроятно и прежде было такъ, какъ бы ни считалось необходимымъ вѣрованіе въ букву.

Если бы это положеніе дѣла не было ясно въ сознаніи мудрецовъ, и по крайней мѣрѣ, въ предчувствіяхъ и сознаніи народа, какъ бы иначе въ Греціи и Римѣ осмѣлились бы поэтъ и ваятель развивать жизнь миѳа, давать идеалу божества новыя формы? Даже, повидимому, столь неподвижный католицизмъ употреблялъ догматъ въ сущности только какъ могущественную опору, чтобы поддерживать связи цѣльнаго гигантскаго зданія церкви, въ то время, какъ поэтъ въ легендѣ, философъ въ глубокомысленныхъ и смѣлыхъ умозрѣніяхъ схоластики распоряжались по своему матеріаломъ религіи. Вѣроятно никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, религіозное ученіе не принималось людьми, которые могли возвыситься надъ точкою зрѣнія самаго грубаго суевѣрія, за истину въ томъ же смыслѣ, какъ чувственное познаніе, результатъ вычисленія или простаго умозаключенія; если даже можетъ быть и никогда, до новѣйшихъ временъ, не господствовала полная ясность въ пониманіи отношенія этихъ „вѣчныхъ истинъ" къ неизмѣннымъ функціямъ чувствъ и разума. У самыхъ православныхъ ревнителей можно всегда въ ихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ открыть тотъ пунктъ, гдѣ они явно переходятъ въ символъ и тѣми же словами и съ тою же силою высказываютъ пластическое выраженіе субъективнаго развитія религіозной мысли, какими они умѣютъ *изображать* такъ видимо и осязательно ученія относительно объективныя, принятыя цѣлою общиною и для частнаго лица неприкосновенныя. Если истины общаго церковнаго ученія восхваляются какъ „высшія", рядомъ съ которыми всякое другое познаніе, даже таблица умноженія, стоитъ ниже, то всегда есть, по крайней мѣрѣ, предчувствіе того, что это превознесеніе основывается не на большей *достовѣрности*, но на большей *цѣнности*, противъ которой ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ силы ни логика, ни осязающая рука или созерцающій глазъ, ибо для нея идея, какъ форма и сущность настроенія духа, можетъ быть болѣе могущественнымъ объектомъ стремленія, чѣмъ само дѣйствительное вещество. Но, даже гдѣ прямыми словами восхваляется большая достовѣрность, высшая твердость и положительность религіозныхъ истинъ, это только переносныя выраженія или образы экзальтированнаго духа, въ которыхъ высказывается болѣе сильное влеченіе сердца къ живому источнику назиданія, укрѣпленія, оживленія, истекающему изъ божественнаго міра идей, сравнительно съ трезвымъ познаніемъ, обогащаю-

щимъ нашъ разумъ мелкою монетою, для которой мы не находимъ употребленія. На высотѣ такого настроенія души Лютеръ, самъ разрушивши противорѣчіемъ своего убѣжденія зданіе цѣлаго тысячелѣтія, доходитъ до проклятія разума, противящагося тому, что онъ разъ призналъ со всѣмъ могуществомъ своего пылкаго духа за идею новаго вѣка. Вотъ откуда и значеніе, которое истинно благочестивые умы всегда приписывали *внутреннему опыту и переживанію*, какъ доказательству вѣры. Многіе изъ этихъ вѣрующихъ, которые обязаны покоемъ своей души горячей борьбѣ въ молитвѣ и имѣютъ духовное сношеніе съ Христомъ, какъ съ нѣкоторымъ лицомъ, знаютъ теоретически очень хорошо, что эти самые душевные процессы могутъ повториться и при совершенно другихъ вѣроисповѣданіяхъ, даже между приверженцами совершенно чуждыхъ религій, повториться съ тѣмъ же успѣхомъ и съ тою же силою. Противуположность другихъ ученій и двусмысленность доказательства, которое одинаково хорошо поддерживаетъ противорѣчащія представленія, обыкновенно не представляются ихъ сознанію, такъ какъ напротивъ ихъ одушевляетъ общая противоположность всякаго вѣрованія невѣрію. Развѣ не ясно, что сущность дѣла заключается въ формѣ духовнаго процесса, а не въ логически-историческомъ содержаніи частныхъ воззрѣній и ученій. Эти ученія могутъ быть связаны съ формою процесса, какъ въ вещественномъ мірѣ составъ съ кристаллическою формою, но кто намъ покажетъ эту связь и какія здѣсь будутъ явленія изоморфизма?

Это господство формы въ вѣрѣ высказывается и въ удивительной чертѣ, что вѣрующіе различныхъ, даже враждебныхъ другъ другу исповѣданій болѣе другъ съ другомъ согласуются, высказываютъ болѣе симпатіи къ своимъ самымъ ревностнымъ противникамъ, нежели къ тѣмъ, которые равнодушны къ религіознымъ спорнымъ вопросамъ. Но самое своеобразное явленіе религіознаго формализма заключается въ той *философіи религіи*, какая развилась въ Германіи, въ особенности со временъ *Канта*. Эта философія есть совершенный переводъ религіозныхъ ученій на метафизическія. Человѣкъ, который отъ вѣры угольщика по отношенію къ неисторическимъ преданіямъ и естественноисторическимъ невозможностямъ былъ такъ же далекъ, какъ это возможно было только матеріалистамъ, *Шлейермахеръ*, произвелъ, посредствомъ своего настаиванія на этическомъ и идеальномъ содержаніи религіи, настоящій наплывъ церковнаго обновленія. Энергическій *Фихте* возвѣщалъ утреннюю зарю новой міровой эпохи посредствомъ изліянія Святаго Духа на всякую плоть. Духъ, о которомъ предсказывается въ новомъ завѣтѣ, что онъ будетъ руководить послѣдователей Христа ко всякой истинѣ, есть ничто иное, какъ *духъ науки*, который проявился въ наши дни. Онъ учитъ насъ въ открытомъ

познаніи тому абсолютному единству человѣческаго бытія съ божественнымъ, которое Христомъ было впервые возвѣщено міру въ сравненіи. Откровеніе царства Божія есть сущность христіанства, и это царство есть царство свободы, которое пріобрѣтается посредствомъ погруженія собственной воли въ волю Божью—смерть и воскресеніе. Всѣ ученія о воскресеніи мертвыхъ въ физическомъ смыслѣ суть только недоразумѣніе ученія о царствіи небесномъ, которое въ сущности есть *принципъ новаго устройства міра*. Фихте былъ совершенно серіозенъ въ своемъ требованіи преобразованія человѣческаго рода посредствомъ принципа самого же человѣчества въ его идеальномъ совершенствѣ, въ противоположность погруженію отдѣльныхъ лицъ въ эгоизмъ. Такимъ образомъ самый радикальный философъ Германіи есть въ то же время человѣкъ, духъ и мысль котораго образуютъ самую глубокую противуположность политико-экономической морали интересовъ и всей догматикѣ эгоизма. Поэтому не даромъ Фихте былъ первымъ, возбудившимъ въ Германіи *соціальный вопросъ*, который никогда не существовалъ бы, если бы интересы были единственнымъ рычагомъ человѣческихъ поступковъ, если бы совершенно вѣрныя въ отвлеченіи правила политической экономіи вѣчно и неизмѣнно управляли бы, какъ единственно господствующіе законы природы, всѣмъ теченіемъ человѣческихъ трудовъ и борьбы, и никогда не обнаруживалась бы высшая идея, изъ-за которой уже цѣлыя тысячелѣтія страдали и боролись благороднѣйшіе члены человѣчества.

„Нѣтъ, не покидай насъ, святой палладіумъ человѣчества, утѣшительная мысль, что изъ каждаго нашего труда и изъ каждаго нашего страданія проистекаетъ для нашихъ братьевъ новое совершенство и новая радость, что мы для нихъ работаемъ и работаемъ не напрасно; что на томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь трудимся и гдѣ насъ попираютъ ногами,—и что хуже этого—грубо заблуждаемся и ошибаемся, когда нибудь зацвѣтетъ поколѣніе, которое всегда будетъ смѣть, что хочетъ, ибо ничего не будетъ хотѣть, кромѣ добра; а между тѣмъ мы изъ высшихъ сферъ будемъ радоваться на нашихъ потомковъ, и между ихъ добродѣтелями находить расцвѣтшимъ всякое зерно, которое мы въ нихъ положили, и признавать его за свое. Воодушевляй насъ надежда на это время, ради чувства нашего достоинства, и покажи намъ его по крайней мѣрѣ въ нашихъ задаткахъ, если даже наше настоящее состояніе ему противорѣчитъ. Пролей смѣлость и высокій энтузіазмъ на наши предпріятія, и если бы мы были ими подавлены, то пусть освѣжитъ насъ—въ то время какъ первая мысль: я исполнилъ свой долгъ, насъ будетъ поддерживать—пусть освѣжитъ насъ вторая мысль: ни одно зерно, посѣянное мною, не теряется въ нравственномъ мірѣ; въ день жатвы я увижу плоды его и совью себѣ изъ нихъ

безсмертные вѣнцы" [41]). Поэтическое вдохновеніе, въ которомъ Фихте написалъ эти слова, овладѣло имъ не по случаю глубокаго религіознаго созерцанія, но при взглядѣ на *Канта* и—*французскую революцію*. Такъ тѣсно сливались у него жизнь и ученіе, и между тѣмъ какъ слово жизни наемниками церкви обращаемо было на службу смерти, невѣдѣнія, князя сего міра, въ немъ проснулся духъ разрушителя всѣхъ узъ и громко возвѣстилъ, что разрушеніе существующаго порядка во Франціи по меньшей мѣрѣ произвело нѣчто лучшее, нежели деспотическіе законы, направленные на униженіе человѣчества.

Замѣчательно, какъ при болѣе близкомъ разсматриваніи взгляды и стремленія людей часто совсѣмъ иначе группируются, чѣмъ это обыкновенно кажется. Извѣстно тривіальное положеніе, что крайности сходятся, но это положеніе далеко не всегда справедливо. Никогда рѣшительный свободный мыслитель не будетъ въ состояніи чувствовать симпатію къ неподвижному церковному порядку и къ мертвой вѣрѣ въ букву; напротивъ будетъ симпатизировать пророческому вдохновенію благочестиваго, въ которомъ слово стало плотью, и который свидѣтельствуетъ о духѣ имъ овладѣвшемъ. Никогда просвѣщенный догматикъ эгоизма не почувствуетъ симпатіи къ тихимъ сельскимъ людямъ, которые въ бѣдной комнаткѣ на колѣняхъ ищутъ царствія не отъ міра сего; но скорѣе будетъ симпатизировать богатому пастору, который умѣетъ храбро охранять вѣру, поддерживать свое достоинство и умно хозяйничать въ своихъ имѣніяхъ, и который чокается съ нимъ шампанскимъ, когда сидитъ противъ него во время богатыхъ крестинъ или при праздничномъ освященіи новой вѣтви желѣзной дороги.

Такъ какъ именно *форма духовной жизни* опредѣляетъ внутреннѣйшую сущность человѣка, то именно отношеніе къ иномыслящимъ есть настоящій пробный камень духа: отъ истины онъ, или нѣтъ. Тотъ долженъ быть плохимъ послѣдователемъ Христа, въ настоящемъ смыслѣ благочестія, кто не можетъ себѣ представить, что Господь, когда онъ явится въ облакахъ судить живыхъ и мертвыхъ, поставитъ атеиста, подобнаго Фихте, одесную, тогда какъ ошую пойдутъ тысячи такихъ, которые говорятъ съ правовѣрными „Господи! Господи!" Тотъ долженъ быть плохой другъ истины и справедливости, кто презираетъ, какъ мечтателей, людей подобныхъ *А. Г. Франке* или смотритъ на молитву *Лютера*, какъ на суетное самообольщеніе. Въ самомъ дѣлѣ, насколько религія въ глубинѣ образуетъ противуположность этическому матеріализму, она всегда сохранитъ друзей между самыми просвѣщенными и свободными умами; и можно только спросить: не въ ней ли самой принципъ эти-

[41]) (J. G. Fichte's) Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publikums über die franz. Revolution, 1793; 1 Buch., Schluss des 1 Kapitels.

ческаго матеріализма, „обращеніе къ мірскому", какъ это называютъ теологи, пріобрѣтаетъ иногда такой перевѣсъ, что болѣе чистое сознаніе принуждено отрѣшиться отъ всѣхъ ея существующихъ формъ и искать себѣ новыхъ путей. Въ этомъ пунктѣ, въ отношеніи существующихъ религій къ совокупной культурной задачѣ вѣка, заключается настоящая тайна ихъ измѣненій и ихъ сохраненія, и всѣ нападки критическаго разума, какъ бы они ни были справедливы и неопровержимы, составляютъ не столько причину, сколько *симптомъ* ихъ упадка или великаго броженія во всей культурной жизни ихъ исповѣдниковъ. Вотъ отчего и консервативный поворотъ, который религіозная философія получила, начиная съ *Гегеля*,—впрочемъ при совершенно подобныхъ истолкованіяхъ, какъ и у Фихте,—не принесъ никакихъ прочныхъ плодовъ ни для церкви, ни для философіи. Теперь уже невозможно, чтобы знаніе разоблаченной истины предоставлялось единственно философамъ, а масса опять была бы оттѣсняема въ торжественную полутьму древняго символа. Какъ въ политикѣ ученіе о разумности дѣйствительнаго несчастнымъ образомъ послужило въ пользу абсолютизма, такъ философія, преимущественно посредствомъ Шлейермахера и Гегеля, содѣйствовала направленію, которое, лишившись наивной невинности древней мистики, старалось спасти религію посредствомъ отрицанія. Догматы религіи, въ тѣ времена, когда возникали храмы, или когда родились могущественныя мелодіи культа, были охраняемы отъ ударовъ критики, вовсе не антикритикою мудрыхъ апологетовъ, но благоговѣйнымъ страхомъ, съ которымъ человѣкъ принималъ мистеріи, и священною боязнію, съ которою вѣрующій избѣгалъ затрогивать въ глубинѣ своей души границу, отдѣляющую истину отъ вымысла. Эта священная боязнь не есть *слѣдствіе* софизмовъ, которые ведутъ къ принятію сверхчувственнаго, но скорѣе *ихъ причина*, и можетъ быть это отношеніе причины и дѣйствія простирается и до древнѣйшихъ временъ неразвитой культуры и неразвитыхъ религій. Вѣдь и Эпикуръ вмѣстѣ съ боязнью принималъ и возвышенные *призраки божественныхъ образовъ* за источники религіи!

Чѣмъ становятся „истины" религіи, когда всякое благочестіе исчезаетъ и когда является поколѣніе, которое никогда не знало глубокихъ душевныхъ потрясеній религіозной жизни, или же отвернулось отъ нихъ въ силу измѣнившихся чувствъ? Всякій глупецъ торжествуетъ надъ ея таинствами и смотритъ съ самодовольнымъ пренебреженіемъ на тѣхъ, кто можетъ еще вѣрить въ такія пустяки. Пока религія находится въ полной силѣ, не всегда прежде всего начинаютъ сомнѣваться въ самыхъ парадоксальныхъ положеніяхъ. Теологическіе критики стараются съ затратою величайшаго остроумія и обширнѣйшей учености оправдать преданія въ какомъ нибудь пунктѣ хотя весьма отдален-

номъ отъ главныхъ частей вѣрованія. Изучающіе природу пользуются случаемъ свести какую нибудь отдѣльную исторію чуда на физическій объяснимый процессъ. На такихъ пунктахъ работа продолжается дальше, и когда истощено всякое искусство въ нападеніи и защитѣ, то обыкновенно вмѣстѣ исчезаетъ и ореолъ почтенности и неприкосновенности религіознаго преданія. Тогда только приходятъ къ болѣе простымъ вопросамъ: какъ соединимо Божіе всемогущество и благость со зломъ въ мірѣ; почему не также хороши религіи другихъ народовъ; почему нѣтъ нынѣ чудесъ и даже весьма очевидныхъ; какъ Богъ можетъ прогнѣваться, почему служители Божіи такъ злы и мстительны? и т. д. . . . .

. . . .

Если рядомъ съ этимъ люди съ строгимъ разумомъ и зрѣлымъ образованіемъ еще придерживаются религіи, ибо вели съ дѣтства богатую душевную жизнь и тысячами корней фантазіи, сердца, воспоминанія священныхъ, прекрасныхъ часовъ удерживаются на старой, родной почвѣ, то мы тутъ имѣемъ передъ собою контрастъ, показывающій намъ достаточно ясно, гдѣ находятся источники, изъ которыхъ изливается потокъ религіозной жизни.

Конечно, пока религія въ замкнутыхъ церковныхъ общинахъ охраняется священнослужителями, которые противупоставляютъ себя народу, какъ привиллегированные раздаятели божественныхъ мистерій, до тѣхъ поръ точка зрѣнія идеала въ религіи никогда не можетъ чисто выступить. Кромѣ того къ идеологіи слишкомъ легко пристаетъ ядъ вѣры въ букву. Символъ становится непроизвольно и постепенно неподвижнымъ догматомъ, такъ же какъ образъ становится идоломъ, и естественное противорѣчіе между поэзіей и разумомъ легко вырождается на религіозной почвѣ въ отвращеніе ко всему точному, полезному и цѣлесообразному, въ наше время уменьшающему со всѣхъ сторонъ просторъ для свободнаго полета души. Извѣстно то зло, которое переходъ отъ молодечествующей идеологіи къ романтическимъ порываніямъ и наконецъ къ ожесточенному пессимизму причинилъ нѣкоторымъ благороднымъ умамъ. Никто не можетъ претендовать на друзей истины и прогресса, если они недовѣрчиво смотрятъ на все, что противупоставляетъ себя господствующему стремленію времени къ прозѣ, въ особенности если при этомъ есть церковный оттѣнокъ. Ибо, если, во времена войнъ за свободу, романтика повидимому исполняла свою высшую цѣль, то напротивъ очевидно, что направленіе времени къ изобрѣтеніямъ, открытіямъ, политическимъ и соціальнымъ улучшеніямъ имѣетъ разрѣшить теперь громадныя, можетъ быть рѣшающія будущность всего человѣчества, задачи, и не подлежитъ сомнѣнію, что вся трезвость строгой работы, неискаженная полная правдивость критической совѣсти потребна для того, чтобы достойно и успѣшно работать надъ этими задачами. Когда же придетъ день жатвы, то явится тутъ и молнія генія, которая творитъ цѣлое изъ атомовъ, не зная, какъ это совершается.

Но пока, старыя формы религіи еще никакъ не отжили вполнѣ, и едва ли онѣ вполнѣ лишатся своего идеальнаго содержанія какъ выжатый лимонъ, прежде чѣмъ выступятъ новыя формы этическаго идеализма. Не такъ просто и незапутанно идетъ дѣло измѣненія земныхъ мнѣній и стремленій. Культъ Аполлона и Юпитера не потерялъ еще совершенно своего значенія, когда выступило христіанство, и католицизмъ скрывалъ еще богатое сокровище духа и жизни въ своей глубинѣ, когда появился Лютеръ. Также и нынѣ новая религіозная община могла бы могуществомъ своихъ идей и чарами своихъ общинныхъ принциповъ завоевать міръ среди бурь, тогда какъ не одинъ еще стволъ стараго посѣва стоитъ въ полной жизненной силѣ и приноситъ свои плоды; простое же отрицаніе откидывается въ область пережитаго и мертваго, которая есть его удѣлъ.—Можетъ ли изъ старыхъ исповѣданій произойти такой потокъ новой жизни, или наоборотъ, можетъ ли община безъ религіи зажечь огонь такой пожирающей силы, мы не знаемъ; но одно вѣрно: если должно наступить новое, а старое пройти, то должны соединиться двѣ большія вещи: воспламеняющая міръ *этическая идея и соціальный переворотъ*, который достаточно могущественъ, чтобы поднять приниженныя массы на значительную ступень. Трезвымъ смысломъ, искусственными системами этого не сдѣлать. Побѣду надъ раздробляющимъ эгоизмомъ и надъ мертвящимъ холодомъ сердецъ одержитъ только великій идеалъ, который, какъ „странникъ изъ другаго міра", явится между изумленными народами и требованіемъ невозможнаго сорветъ дѣйствительность съ ея петель *).

Пока эта побѣда не одержана, пока никакое новое житейское общеніе не даетъ чувствовать бѣднымъ и несчастнымъ, что они люди между людьми **); не слѣдовало бы такъ спѣшить вооружаться противъ вѣры, чтобы не выбросить ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны. Распространяйте науку, возвѣщайте истину на всѣхъ площадяхъ и на всѣхъ языкахъ и пусть будетъ изъ этого что будетъ; но борьбу за освобожденіе, намѣренную и непримиримую борьбу направьте противъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ коренится угроза свободѣ, тормазъ истины и справедливости: противъ *свѣтскихъ* и *гражданскихъ учрежденій*, посредствомъ которыхъ церковныя общины пріобрѣтаютъ раз-

*) Этотъ «странникъ» уже приходилъ; требованіе «невозможнаго» заявлено и дѣйствуетъ. Зачѣмъ же ждать чего-то новаго, когда и воображеніемъ мы, очевидно, не можемъ подняться выше этого стараго? *Прим. Перев.*

**) То есть: пока не осуществлено христіанство. *Прим. Перев.*

вращающее вліяніе, и противъ угнетающей силы хитрой *іерархіи*, систематически подкапывающей свободу народовъ *). Если устранить эти учрежденія, если терроризмъ іерархіи будетъ подорванъ, то самыя крайнія мнѣнія могутъ уживаться другъ возлѣ друга, не давая повода къ фанатическимъ насиліямъ и не задерживая постояннаго прогресса пониманія. Правда, что этотъ прогрессъ разрушитъ суевѣрный страхъ, разрушеніе, которое большею частію уже исполнилось даже въ низшихъ слояхъ народа. Если религія падетъ вмѣстѣ съ суевѣрнымъ страхомъ, то пусть падаетъ; но если она не падетъ, то ея идеальное содержаніе будетъ сохранено, и пусть оно и далѣе сохранится въ этой формѣ, пока время не создастъ чего-либо новаго. Тогда нечего особенно жалѣть, если содержаніе религіи большею частью вѣрующихъ, даже частью духовенства принимается еще за буквально достовѣрное; ибо та совершенно мертвая и безсодержательная вѣра въ букву, которая всегда дѣйствуетъ пагубно, едва ли уже возможна, если устранено всякое насиліе.

Если духовное лицо, вслѣдствіе господствующихъ у него ассоціаціонныхъ идей, не *можетъ* идеальный жизненный элементъ, котораго оно представителемъ, представлять иначе, какъ мысля его одареннымъ грубою дѣйствительностью, и принимаетъ за историческое все, что должно имѣть только символическое значеніе, то, предполагая, что оно въ первомъ отношеніи исполняетъ свой долгъ, ему можно вполнѣ это дозволить. Если у іерархіи будетъ вполнѣ отнято всякое свѣтское могущество, не выключая даже базиса гражданскихъ правъ корпораціи и если образованіе государства въ государствѣ отвергнется во всякой формѣ, то сокрушится самое опасное оружіе духовнаго господства. Рядомъ съ этимъ должна была бы быть допущена не только *безусловная свобода обученія*, какъ для строгой науки, такъ и для ея популярныхъ изложеній, но и свободный просторъ для публичной критики всѣхъ обнаруживающихся золъ и злоупотребленій. Что государство имѣетъ также право и обязанность, насколько оно своими средствами и своимъ могуществомъ поддерживаетъ существующія религіозныя общины, требовать отъ своего духовенства извѣстной степени научнаго образованія, это само собой разумѣется, и должно очень остерегаться, какъ бы, отступая отъ нынѣшнихъ порядковъ и пренебрегая этими обязанностями, не потеряться въ лабиринтѣ мнимаго раздѣленія государства и церкви. Ясный и хорошій смыслъ имѣетъ только раздѣленіе государства и вѣры. Всякая церковная организація вѣрующей общины есть уже государство въ государствѣ и въ состояніи ежеминутно съ легкостью перейдти въ гражданскую область. При извѣстныхъ обстоятельствахъ такая власть можетъ быть культурно-исторически справедлива и даже предназначена для разрушенія гнилаго и пережившаго себя государства; обыкновенно же, и въ особенности въ нашемъ настоящемъ періодѣ, который все болѣе и болѣе указываетъ государству культурныя задачи, нѣкогда предоставлявшіяся церкви, политическая организація послѣдней должна стать для государства только предметомъ недовѣрія и самой серьезной заботы. Только съ уничтоженіемъ политической церкви возможна безусловная свобода вѣрованія. Но все же, пока церковь рядомъ со своими властолюбивыми стремленіями есть представительница этическаго идеализма для народа, не можетъ быть задачей государства работать надъ разрушеніемъ ея догматики. *Фихте* правда требовалъ, чтобы духовный народный учитель, которому выпадало на долю посредничество между народомъ и научно-образованными, непремѣнно въ школѣ философовъ образовалъ свою религіозную систему. *Теологію*, если она торжественно не откажется отъ своего „притязанія на тайну“, онъ хотѣлъ совершенно изгнать изъ университетовъ; если же она откажется, то практическая часть ея должна быть отдѣлена отъ научной и послѣдняя совершенно перейти въ общее научное обученіе [42]). Это внутренно хорошо обоснованное требованіе въ настоящее время еще менѣе исполнимо, чѣмъ въ то время, когда Фихте его заявилъ. Задача посредничества между народомъ и образованными людьми, даже если взяться за нее совершенно серіозно, разрѣшима только подъ соблюденіемъ ея психологическихъ условій, а это значитъ: только въ долгій періодъ времени и постепенно. Но и внесеніе въ духовенство достаточно глубокаго философскаго образованія не можетъ быть произведено посредствомъ простой организаціи обученія. Между тѣмъ не слѣдуетъ прерывать заботу объ идеальномъ въ народѣ. Конечно желательно, чтобы всякое духовное лицо было знакомо по крайней мѣрѣ съ границами значенія всего идеальнаго; но если это, по узкости ума и недостатку соотвѣтственныхъ средствъ образованія, не можетъ быть достигнуто безъ ущерба той силы, обязанность которой распространять идею: *то въ цѣломъ лучше пока пожертвовать просвѣщеніемъ, чѣмъ силой.*

Совершенно аналогическія отношенія представляются съ другой стороны въ разсужденіи матеріалистическаго натуралиста. Безъ сомнѣнія успѣхъ его благотворныхъ и полныхъ самопожертвованія изслѣдованій существенно обуслов-

*) То, что здѣсь и на стр. 476 сказано противъ іерархіи, отзывается враждою и страхомъ, почти непонятными для насъ, русскихъ; чего бы кажется бояться и для Германіи, гдѣ «суевѣрный страхъ», по словамъ автора, разрушенъ и въ низшихъ слояхъ нарада? Но автору, какъ протестанту, ненавистна іерархія по старой памяти, и принципа ея онъ никакъ понять не можетъ. *Прим. Перев.*

[42]) J. G. Fichte, Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt; geschrieben im Jahre 1807. Stuttg. u. Tüb. 1817, S. 59 u. ff.

ленъ его преданностью избранной вѣтви человѣческой дѣятельности. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *только методическій строгій эмпиризмъ* ведетъ его къ цѣли, что строгое и свободное отъ предубѣжденія разсматриваніе чувственнаго міра и *беззавѣтная послѣдовательность выводовъ* для него необходимы; наконецъ, что матеріалистическія гипотезы ему постоянно даютъ наилучшіе виды на новыя открытія. Если его умъ достаточно глубокъ и широкъ, чтобы съ такою правильною дѣятельностью соединить признаніе идеальнаго и при этомъ не дать проникнуть въ область его изслѣдованій путаницѣ, неясности или безплодной боязливости, то онъ навѣрное удовлетворяетъ высшимъ требованіямъ истинной, полной человѣчности. Но если на это надѣяться нельзя, то въ большей части случаевъ *гораздо лучше имѣть въ этой области совершенныхъ матеріалистовъ, нежели фантастовъ и слабоголовыхъ путанниковъ*. Сколько идеальнаго, сколько необходимо нужнаго—и болѣе, чѣмъ большинство людей когда-либо достигаетъ—заключается уже въ простой преданности великому принципу и значительному предмету. Тѣ матеріалисты, которые въ наукѣ дѣйствительно что-либо дѣлаютъ, будутъ имѣть по большей части мало склонности разыгрывать отрицательнаго миссіонера, и даже если они это дѣлаютъ, они менѣе мѣшаютъ человѣчеству, чѣмъ апостолы путаницы.

Но если обѣ крайности дѣйствительно, даже въ своей односторонности, имѣютъ свои права, то можно устроить сносное, хотя и не сердечное сожительство въ обществѣ, какъ скоро послѣдніе слѣды фанатизма будутъ изгнаны изъ нашего законодательства. Совершится ли это, конечно другой вопросъ. Тоже, чтб о соціальномъ переворотѣ, передъ которымъ мы стоимъ, нужно сказать и объ религіозномъ. Мирно пережить переходную эпоху желательно, но бурный переходъ вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ матеріалистическій споръ нашихъ дней является намъ какъ важный знакъ времени. Нынѣ вновь, какъ въ періодъ передъ Кантомъ и до французской революціи, въ основаніи распространенія матеріализма лежитъ общая усталость философскаго стремленія, *отступленіе идей* на задній планъ. Въ такія времена преходящій матеріалъ, въ которомъ наши предки выражали возвышенное и божественное, насколько его понимали, пожирается пламенемъ критики, подобно органическому тѣлу, которое, когда потухнетъ жизненная искра, подпадаетъ общему господству химическихъ силъ и его прежняя форма разрушается. Но, какъ въ круговоротѣ природы, изъ распаденія низшихъ веществъ возникаетъ новая жизнь, и тамъ, гдѣ старое погибаетъ, является нѣчто высшее: такъ и мы должны ожидать, что новый подъемъ идеи выведетъ человѣчество на нѣкоторую новую ступень.

Но пока, разрушающія силы исполняютъ только свою обязанность. Они повинуются неумолимому категорическому императиву мысли, совѣсти разума, которая пробуждается, какъ скоро въ творчествѣ трансцендентнаго бросается въ глаза буква, такъ какъ духъ ее покинулъ и стремится къ новымъ формамъ. Одно только можетъ привести человѣчество къ постоянному миру, именно, когда будетъ познана непреходящая природа всякаго творчества въ искусствѣ, въ религіи и философіи, и когда, на основаніи этого познанія, распря между изслѣдованіемъ и творчествомъ будетъ навсегда примирена. Тогда будетъ найдена и многообразная гармонія истиннаго, добраго и прекраснаго, вмѣсто того неподвижнаго единства, за которое теперь такъ держатся наши свободныя общины, дѣлая единственнымъ основаніемъ эмпирическую истину. Будетъ-ли будущее опять строить высокіе храмы, или же удовольствуется свѣтлыми, ясными чертогами; будетъ ли звукъ органа и звонъ колоколовъ съ новымъ могуществомъ звучать по всѣмъ странамъ, или же гимнастика и музыка въ эллинскомъ смыслѣ станетъ средоточіемъ образованности новой міровой эпохи,—во всякомъ случаѣ прошедшее не совсѣмъ погибло, и ни въ какомъ случаѣ устарѣлое не возвысится опять въ прежней формѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ идеи религіи непреходящи. Кто вздумаетъ оспаривать мессу Палестрины, или доказывать несправедливость Мадонны Рафаэля? Gloria in excelsis остается всемірно историческимъ могуществомъ и будетъ раздаваться многія столѣтія, пока только нервъ человѣка можетъ дрожать подъ впечатлѣніемъ высокаго. И эти простыя основныя мысли искупленія единичнаго человѣка посредствомъ преданности эгоизма той волѣ, которая управляетъ цѣлымъ; эти картины смерти и воскресенія, которыя выражаютъ самое трогательное и высшее, что потрясаетъ человѣческую грудь, когда уже никакая проза не въ состояніи болѣе представить полноту сердца холодными словами; наконецъ эти ученія, повелѣвающія намъ преломлять хлѣбъ съ голоднымъ и возвѣщать радостную вѣсть бѣдняку—они не исчезнутъ навсегда, чтобы дать мѣсто обществу, которое достигло своей цѣли, какъ скоро обязано своему разуму лучшею полиціею и своему остроумію удовлетвореніемъ новыхъ и новыхъ потребностей посредствомъ новыхъ и новыхъ изобрѣтеній. Уже не разъ эпоха матеріализма была только тишью передъ бурею, которая вырывалась изъ невѣдомыхъ глубинъ и должна была дать міру новый образъ. Мы оставляемъ перо критики въ такую минуту, когда *соціальный вопросъ* волнуетъ Европу: вопросъ, въ широкой области котораго всѣ революціонныя начала науки, религіи и политики нашли повидимому мѣсто борьбы для великой рѣшительной битвы. Будетъ ли эта битва безкровной битвою умовъ, или она, подобно землетрясенію, нниспровергнетъ въ прахъ руины прошедшаго міроваго періода и похоронитъ подъ развалинами цѣлые милліо-

ны: навѣрное новое время побѣдитъ не иначе, какъ подъ знаменемъ нѣкоторой великой идеи, которая отметаетъ эгоизмъ и ставитъ новою цѣлью человѣческое совершенство въ человѣческомъ общеніи на мѣсто неустанной работы, имѣющей въ виду единственно личную выгоду. Конечно предстоящая борьба была бы смягчена, если бы пониманіе природы человѣческаго развитія и историческихъ процессовъ было болѣе усвоено руководящими умами, и не слѣдуетъ отказываться отъ надежды, что въ далекомъ будущемъ будутъ совершаться величайшіе перевороты безъ позора крови и огня. Конечно было бы лучшею наградой усталыхъ умственныхъ силъ, если бы онѣ и теперь могли въ извѣстной мѣрѣ подготовлять легкій путь неотвратимому, предотвращая страшныя жертвы и сохраняя въ цѣлости сокровища культуры для новой эпохи; но надежда на это не велика, и мы не можемъ скрыть отъ себя, что слѣпая страстность партій увеличивается и что беззавѣтная борьба интересовъ все болѣе и болѣе замыкается отъ вліянія теоретическихъ изслѣдованій. Всетаки наши старанія не будутъ совершенно тщетны. Истина, слишкомъ поздняя, все же приходитъ достаточно рано, ибо человѣчество еще не умираетъ. Счастливыя натуры уловляютъ минуту; но мыслящій наблюдатель никогда не имѣетъ права молчать, оттого только, что его теперь будутъ слушать немногіе.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЧИСЛА ПОКАЗЫВАЮТЪ СТРАНИЦЫ.

Д

Е

Ж

З

И

I

К

Л

М

Н

О

П

---

75 71 98 95
100

Р. К.

Ф. Ф. Эрисманъ. Общедоступная гигіена . . . 1 75

Тоже—на веленевой бумагѣ . . . . 2 —

Общедоступный Космосъ. Роско, Изъ чего составлена земля.—Локаеръ, Почему таковъ составъ земли.—Уильямсонъ, Послѣдовательность жизни на землѣ; съ 50 рис. въ текстѣ. 1 25

И. П. Минаевъ. Очерки Цейлона и Индіи. . . 2 50

Фостеръ. Начальный Практическій Курсъ Физіологіи, пер. С. В. Пантелѣевой 1 50

Одобренъ Уч. Ком. М. Нар. Пр. «для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ».

А. Я. Гердъ. Краткій курсъ Естествовѣдѣнія; удостоенъ преміи императора Петра Великаго при четвертомъ присужденіи ея въ 1878 году, съ 173 рис. въ текстѣ. 1 60

Одобренъ какъ учебное руководство для преподаванія Естествовѣдѣнія въ гимназіяхъ.

А. Н. Бекетовъ. Питаніе человѣка въ его настоящемъ и будущемъ. . . . . — 50

Его же. Бесѣды о землѣ и тваряхъ на ней живущихъ; пересмотрѣнное изданіе и дополненное новыми политипажами; съ 18 рисунками въ текстѣ . . . . — 80

В. А. Зайцевъ. Руководство Всемірной Исторіи. Древняя Исторія Востока. Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ и снимковъ съ древнихъ алфавитовъ. . . . . 2 —

Народы Турціи. Двадцать лѣтъ среди Болгаръ, Грековъ, Албанцевъ, Турокъ и Армянъ. 2 тома, пер. съ англ. . . . . . 3 —

Роско. Химія Перев. съ англійск. М. А. Антоновича. Изъ Серіи первоначальныхъ учебниковъ. Второе изданіе. Рекомендована Учен. Ком. М. Н. Пр. «для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій» . . . . — 40

Н. Р. Тархановъ. О психомоторныхъ центрахъ и развитіи ихъ у человѣка и животныхъ. . . . . 1 —

Топинаръ. Антропологія. Пер. съ фран. подъ редакціею проф. И. И. Мечникова съ 52 рис. . . . . 4 —

Боль. Опытная механика. Пер. съ англ. подъ ред. Н. Н. Любавина. . . . . 3 —

Фриманъ. Сравнительная политика, перев. Н. М. Коркунова 2 50

Э. А. Манассеинъ. Лекціи Общей Терапіи т. I. 1 50

И. М. Сѣченовъ. О поглощеніи угольной кислоты кровью и соляными растворами. . . . . 3 —

Зеттегастъ. Скотоводство, пер. подъ ред. О. А. Гримма 2 т. . . . . 7 —